

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ВЫБРАВШИЙ СУРОВОЕ ОТЕЧЕСТВО...

* * *

Не смотри на пляску бесов скорбно
и пощады Божьей не проси.
Говорят пророки:
очень скоро
солнце засияет на Руси.

Грязь просушит в либеральных лужах,
меняет антураж в Кремле.
Так что ты особенно не слушай
всех, кто обещает крах земле.

Но не ожидай и райских кущей —
не растёт такой в России лес.
И особо присмотришь к бегущим
всюду возглавлять любой прогресс.

КЛЮЧНИКОВ Юрий Михайлович родился в 1930 году в г. Лебедине Сумской области. Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем русского языка и литературы, завучем и директором средней школы. В Новосибирске работал радиокорреспондентом, главным редактором радиокomiteта, Западно-Сибирской студии кинохроники, Сибирского отделения издательства "Наука". С середины 80-х годов начал печататься в местных и столичных журналах и издательствах. Живет в Новосибирске.

ПОМНИ

В трудах и снах, в заботах и в бою,
и братину заздравную наполнив,
не забывай голубушку свою,
единственную, сужденную
помни.

Люби её святыне образа,
дурных семян не сей в родное поле.
Гляди почаще в горние глаза
и серые, земные
тоже помни.

Глаза те затуманены слезой.
Заволокло их дымом преисподним.
Но ты печальных песен ей не пой,
о радости возлюбленной
напомни.

Она, конечно, в мире не одна,
кто перенёс чуму, чертей и бойни.
Но эту чашу выпей с ней до дна,
с твоей Россией,
век об этом помни.

* * *

Нам их кафтан и неуклюж, и тесен;
Их раздражает наш простор и вес..
Они не понимают наших песен,
А мы — их либеральный политес.

Нам скучен гвалт о пользе инвестиций,
жар биржи не живёт у нас в крови.
Душа жива погоней за жар-птицей,
тоской по правде, братству и любви.

Мы выжили в аду мечтой о рае.
Всё это тоже не понять умом,
как родина моя не умирает,
как мы до сей поры в ней не умрём.

Да, не умрём, доколе в русском поле
родная песня излучает грусть
и русская учительница в школе
нам Пушкина читает наизусть.

МЕЧТА

От Магадана и до Выборга
льют либеральные дожди.
Россия наша словно вымерла,
уснули люди и вожди.

Ни солнца в небе, ни проталины,
лишь светится телеэкрэн,

Мы судьбу беспримерную прожили,
шли по лезвию злого ножа.
Но винить нас за злое безбожие
может только ничтожный ханжа.

Пусть не пели акафистов Библии —
знали их первородную страсть.
И когда за Отечество гибли,
то затем, чтоб ему не пропасть.

Так что нам, мой товарищ, не надо
перетряхивать пепел в груди —
головешки горячие ада
остывают у нас позади.

Впереди же — рассветные зори,
звёзды в небе и в сердце звезда.
И насыпать на раны нам соли
не сумеет никто никогда.

СОЛДАТ ИМПЕРИИ

А. Проханову

Он возвратился в серую тоску
из буйных стран, от пламенных намазов
в торгово-либеральную Москву —
надевший тело

Дмитрий Карамазов.

Но это имя — только часть его,
другая часть — евангельский Алёша,
и Муромца лихое естество...
И мало ль на кого ещё похож он.

На переплёт библейский, например,
на писанные золотом страницы,
на саблю, на армейский бэтээр,
родные охраняющий границы.

Ему не в масть предел любой тропы,
не по душе дышать вчерашней пылью.
Несносны и упёртые попы,
обиженные насмерть красной былью.

На дележе щедрот он не у дел,
крест не сдаёт ни толпам, ни иудам.
Он свято верит в Божий Беспредел,
который называет русским чудом.

Всё сказанное — тоже только грань,
словесный срез, которому не больно.
Он страсти кровотокающий экран,
Он — человек. Заглавной Че — довольно.

Весь в думах, чьим узлом, каким мостом
соединить навеки и сосватать
открытый всем ветрам родной простор
и нашу еретическую святость.

ВООБРАЖАЕМАЯ РЕЧЬ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

На дворе давно уже не осень —
вьюги да метели на дворе.
Ну, а мы всё речи произносим,
как нам жить в грядущем январе.

Говорим о высших идеалах,
также про особый русский путь,
не забыв при этом одеяло
на себя потуже натянуть.

Щели на Покрове, всюду щели,
рвётся одеяло в лоскуты
от когтей бессмертного Кощея,
от безвластной нашей суеты.

Скоро нас земля совсем разденет
и обрежет лоскуты ножом.
Как же мы спасёмся в царстве денег
на его морозах
нагишом?

Неужели скроемся по норам?
Кто нам эти норы будет рыть?
Как нам обуздать звериный норов,
сохранить души живую нить?

Снова те же вечные вопросы,
грозовые дальние огни
и уже спустившиеся грозы.
А в ответ — потоки болтовни.

И не надо нам потоков крови —
сами захлебнёмся в лужах слов.
если нас Господь не остановит,
как в былом матрос Железняков.

* * *

Станиславу Куняеву

Мой ратный друг!
С тобой мы в жизни виделись
Едва ли раза три за все бои.
Твои доспехи на поверхность выбились
И засверкали раньше, чем мои.
Но бьёмся ведь не ради обозрения —
Мы поднимаем вновь и вновь клинок,
Чтоб отчий край, берёзово-сиреневый,
Под русским солнцем продолжаться мог...

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

ДЕТИ СВЯЩЕННОЙ ПОБЕДЫ

* * *

— Почто сховал печаль свою
В пустой рукав, солдат?
— Моя рука давно в раю,
А сам иду я в ад.

Когда огня железный вой
Рванулся через край,
Рука рванулась за братвой,
А угодила в рай.

Теперь сам Бог ей — политрук.
А мне-то что с того?
Как видно, не хватает рук
У воинства Его.

Слова “Век воли не видать”
Я выколол на ней.
А рядом “Не забуду мать...”,
Чтоб поняли верней.

СЕМИЧЕВ Евгений Николаевич — поэт, член Союза писателей России, секретарь Союза писателей России. Автор книг “Заповедный кордон”, “Свете Отчий”, “Соколки русской земли”, “Небесная крепь”, “Великий верх”, “Аргуван” и других. А также автор многих публикаций в центральных и региональных изданиях России. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

Архангелы на свой манер
Мой бред переведут...
Держись, собака Люцифер!
То русские идут!

* * *

В парадных военных расчётах
Великая слава течёт.
В расчёт не берут желторотых.
Их скромная слава не в счёт.

Оркестров мажорное форте —
Бесстрашным солдатам страны.
И дети победного фронта
Стоят у обочин войны.

И с ними стоит моя мама
И машет героям рукой.
Салютов небесная манна
Над Родиной плещет рекой!

За спинами граждан нарядных,
Ничуть не смущая их вид,
На ящике из-под снарядов
В слезах моя мама стоит.

Вот так всю войну простояла,
Поскольку росточком мала.
Снаряды она снаряжала
И верой в Победу жила.

Не то моей маме обидно,
Что горьким был доблестный труд,
А что из-за роста не видно,
Как строим гвардейцы идут.

Несметные выпали беды
На долю геройской страны.
А дети священной Победы
Стоят у обочин войны.

В толпе ротозеев парадных,
Ничуть не смущая их вид,
На ящике из-под снарядов
Военное детство стоит.

ЛИТЕРНЫЙ ЭШЕЛОН

Майским салютом расцвёл небосклон,
Славя весну и Победу...
Литерный в небе идёт эшелон —
Павшие воины едут.

Через разливы бурлящей весны,
Через вселенские кущи
Павшие воины едут с войны
К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

Сполохи мирной рассветной зари
К горним возносятся высям.
В небе весеннем парят сизари,
Как треугольники писем.

Гулом объята небесная даль
Отчей родимой округи.
Солнце надраено, словно медаль
“За боевые заслуги”.

Головы воинов снежно белы,
Лица светлы и бесстрашны...
Вот они — русской Победы орлы,
Соколы Родины нашей!

Им колокольный звучит перезвон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идёт эшелон —
Павшие воины едут.

К однополчанам своим боевым
Через сраженья и беды
Павшие воины в гости к живым
Едут на Праздник Победы!

* * *

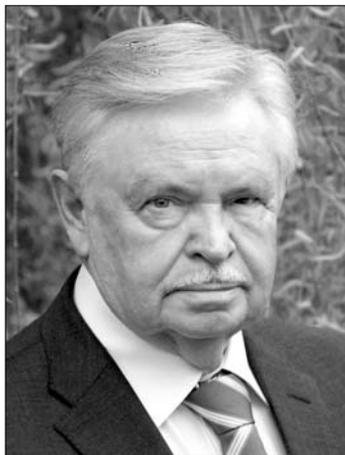
Как из дикого смертного боя
Уцелевший усталый боец,
Выходил из крутого запоя
Почерневший Серёжкин отец.

И, терпя непосильную муку,
Паренёк, не окрепший ещё,
Под шальную отцовскую руку
Подставлял неумело плечо.

Шли глухим коридором барака
На ступеньки родного крыльца...
И упрямо Серёжа не плакал,
Чтоб в беде не обидеть отца.

И Отечества светлые дали
Открывались мальцу впереди.
И — рыдали, рыдали медали
На широкой отцовской груди.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

НЕПРОЩЁННАЯ

РОМАН

Посвящаю малолетним узникам фашистских концлагерей — погибшим и живым — тем, кто, не сумев противиться силе, одолел испытания, вынес невероятное и остался Человеком.

Посвящаю памяти Алёны Сергеевны Никишиной, одной из них, судьба которой легла в основу этой истории

Автор

Часть первая

ПРЕДДВЕРИЕ

1

Господь наградил её красотой от роду, хотя ни мама, ни отец ничем среди других не выделялись, кроме, может, кроткого нрава да упорства во всякого вида труде, за что означают таких людей словом “работающий”. Но и то,

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького, многих других отечественных и зарубежных наград. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

и другое достоинство ведь незримо же, их сразу не разглядишь, а вот красота бросается в глаза, и вроде бы радость и добродетель в ней заключена, потому как рождает при виде красоты если и не восхищение, то удивление, не на зле замешанное. Хотя и зависть неподалёку бродит. Постороннему кажется, что красивому человеку всё как будто бы легче даётся: и жить, и пробиться к другим людям — с просьбой ли, за защитой ли от бедствия какого, если требуется. Так, во всяком случае, должно бы быть.

Но в этой истории всё наоборот. Красота и нежный, весенний возраст притянули к себе не счастье и радость, а испытание редкой тяготы.

Или во всем виновата война?

2

Родители нарекли её Алёнушкой. Точнее, в бумагах записали Алёной Сергеевной, но как же ещё-то ласково звать Алёну? И росла она в соответствии с именем своим — маленькая, ладненькая, лицом светлая и фигуркой хрупкая. Вырастая, становясь взрослыми, женщины, которых Господь награждал таким кроем, едва ли не до старости издали или со спины кажутся девочками: поступь у них лёгкая, годами не отяжеляемая, руки движутся без медлительности, споро, как бы торопясь, голова поворачивается быстро, точно у маленькой лесной птички.

Впрочем, до этой поры в жизни Алёнушки ещё далеко, а пока она, рождённая в деревеньке на западном краю русской земли, единственная и любимая, окружённая складным родительским бытом, тихими речами, не признававшими повышенного тона, согласием, пониманием взрослыми друг друга с полуслова, а поэтому немногословием, доросла до школы и принялась усердно учиться.

До школы от деревушки было ходу километра три, и поначалу отец отвозил туда Алёнушку на телеге, запряжённой бурым маленьким коньком с человеческим именем Ермолай, Ермоша, послушным, неторопливым, но дюжим, когда надо, запросто одолевавшим глубокие лужи, если шли гиблые осенние дожди, норотившие оторвать деревеньку от ближнего и невеликого, но всё же сельца, где и располагалась четырехклассная школа.

Находилась эта школа в бывшем барском доме, да только барским этот дом лишь звался. Хоть и жил там до революции какой-то барин, был он, видать, не так-то богат и барствен, если в этом доме нашлось для школы всего четыре комнаты, да ещё одна, самая большая, — для сельской библиотеки. А единственная комната наверху, самая барская, что ли, служила и учительской, и жильём для двух из четырёх учительниц школы. Двое-то были местные, а эти две — приезжие, и жить им, кроме как в учительской, было негде.

Про приезжих ни дома, ни в школе никто особенно не разговаривал, ничего не обсуждал, но где-то классе в третьем уже Алёнушка знала из чужих разрозненных слов, что учительницы, живущие над школой, евреечки, приехавшие с какого-то запада, и рано или поздно должны куда-нибудь уехать, а вместо них пришлют других. Пока же народ, населяющий сельцо, относился к ним с некоторым испугом или, по крайней мере, с каким-то беспокойством. Ровно человек незаметно занозился — когда и где, неизвестно, а занозу вытащить не может, глубоковато зашла, и хоть уже привык, считай, с ней обходиться, а всё же порой ноет и зудит эта заноза — лучше бы избавиться.

Малые дети не всё понимают, особенно если объяснение отсутствует, одни какие-то смутные намёки, и Алёнушка ничего не понимала, хотя глядела на двух приезжих учительниц с усиленным вниманием. Ей они нравились, особенно Софья Марковна.

Каждая из четырёх учительниц была ещё и классной руководительницей. В первом классе учила широкоскулая и седовласая Ольга Петровна, и куда она из этого своего первого не переходила. Всех подряд учила азбуке, чтению, азам арифметики, была довольно пожилой, любившей командовать, но хорошей учительницей хотя бы потому, что всякий человек помнит свою

первую учительницу, да ещё если именно она научила тебя читать, писать и считать. Пусть всего до ста... Да ещё она была заведующей этой начальной школы.

Дальше первый класс переходил кому-то из трёх учителей. Точнее, той, которая выпускала четвёртый класс.

Поначалу, когда Алёнушку только привезли туда в первый раз, выпускников этой школы, перешедших в пятый класс, возили в посёлок километров уже за двадцать от сельца: там была средняя школа, а при ней — интернат. И все уже доучивались там. Кто до седьмого класса — было ведь тогда и семилетнее образование, с которым можно было поступать в техникум, кто до десятого, после которого открывалась дорога в институт.

Но речь не об этом — далёком и невидимом из тогдашнего Алёнушкиного существования. А о том, что когда она перешла во второй класс, их наставницей стала Софья Марковна. И три года подряд, до окончания начальной школы, Алёнушка каждый учебный день видела её, слушала её и всё больше влюблялась в неё.

И было ей совсем непонятно, за что Ольга Петровна, самая уважаемая и самая пожилая из учительниц, да ещё и заведующая, не жаловала Софью Марковну. Ну, подругу её, Сару Семёновну, другую приезжую учительницу, может, и стоило недолобловать: была она какая-то резкая, говорила громко и даже о простых вещах рассуждала всегда беспокойно, крикливо, будто спорит, хотя спорить было не о чем. И Софья Марковна в такие моменты вкрадчиво прикасалась к подруге — или ладошкой, или двумя-тремя пальчиками, будто нажимала невидимую клавишу. Чаще всего после этого Сара Семёновна умолкала вообще. А тише и спокойнее у неё никак говорить не получалось.

Алёнушке это не нравилось тоже, как, наверное, и Ольге Петровне. Четвёртая учительница, Анна Ивановна, всегда примыкала к Ольге Петровне. Внешне она казалась моложе всех, хотя Ольга Петровна, часто и при детях, называла её очень-очень опытным педагогом. И выходило, что Софья Марковна и Сара Семёновна хоть и педагоги, и, может, даже опытные, но не очень-очень.

3

Софья же Марковна была поразительно доброй. Класс всегда набирался небольшой, человек пятнадцать, впрочем, по ходу ученья, число учеников слегка менялось — становилось чуть меньше или чуть больше, но ненамного. Кто-нибудь уезжал, а кто-то и приезжал, но у Софьи Марковны к каждому-каждому протягивалась своя добрая ниточка.

Кто плоховато читал, она помогала читать вслух — громко, выразительно и безошибочно. Кто был слаб в арифметике, она объясняла при всех и два, и пять, и десять раз, пока ученик не просто понимал правило, но и сам легко решал похожие задачки, будто белка щёлкает орешки. Остальным тоже выходило на пользу — ведь весь класс повторял пройденное вместе с отстающим.

В комнате, где училась Алёнушка, наверное, ещё от барина осталось пианино. И как же Софья Марковна играла на нём чудно! Сама-то учительница была недовольна, говорила, что инструмент расстроен, и Алёнушка удивлялась этим словам, ведь расстроенным может быть живой человек, но пианино? Совсем не понимая музыку, Алёнушка с восторгом слушала эти незнамо откуда являвшиеся звуки, и сердечко её трепетало от неясного волнения. Не умея не то что найти слово, но даже и чувство своё обозначить, она инстинктом своим, светлой и радостной детской чистотой своей восхищалась учительницей, умеющей сотворить чудо из музыкальных звуков.

Глаза Алёнушкины округлялись, вся она, независимо от желания, обострялась, напрягалась, но не расслаблялась, нет, — и, пожалуй, подрастала в эти благословенные мгновения.

Никто ведь не может точно объяснить, как и отчего растут люди. Нет, не в физическом, что ли, понятии. А как они растут духом своим, чем душа наполняется, да и как это происходит.

А что звуками она наполняется, так это точно. И голосами утренних птиц — Божьими звуками. И тем, что рождено самым, может, необъяснимым и непонятым — человеческим гением, когда обыкновенный же ведь когда-то, так похожий на других ребёнок, вырастая, вдруг соединяет в себе звуки, и неземная лётся музыка, будто созданная для того, чтобы завораживать и возвышать, очищая и облагораживая иные, новые души...

И ещё Софья Марковна владела одной тайной.

Время от времени, прямо во время уроков даже, но чаще — в коридорчике или на улице перед школой, она произносила нерусские слова.

Вырастая в родительском немногословном доме, Алёнушка была по этой, наверно, причине особенно чуткой к словам новым, раньше не известным. Услышав такое русское слово, неизвестное ей прежде, она повторяла его несколько раз, молча шевеля губками, словно пробуя его на вкус, потом произносила его шёпотом и уже только затем — вслух, и раз, и два, и три с тем, чтобы, наверно, навсегда включить его в оборот своей речи и мысли.

А тут было что-то совсем другое. Софья Марковна произносила нерусские слова, а то и целые фразы, и Сара Семёновна ей отвечала.

Правда, это происходило как-то кратко, мельком, проскакивало среди русских фраз, и получалось, что нерусские эти слова были совершенно обыкновенными, малозначительными, просто для какого-то удобства заменяющими слова, понятные всем. Выходило, что ничего серьёзного и не говорится.

Может, Алёнушка и не обратила бы на это отклонение особенного своего внимания — ведь не обращали же остальные ребята, пропускали мимо ушей, и всё! — да вот была у неё эта нечастая особенность: малоречие батеньки и маменьки. А недословие ищет заполнения.

И слова, произносимые Софьей Марковной не по-русски, звучали в её сознании зачем-то особенно громко. Как пронзительные удары колокольчика. Однажды, набравшись отваги, она спросила, кажется, в третьем классе, прямо во время урока:

— А что вы сказали? Софья Марковна?

— О! — воскликнула, вдруг покраснев, Софья Марковна. — Я сказала *данке шён* этому мальчику. Значит, спасибо. По-немецки.

И заполнила наступившую тишину:

— Вот если бы в нашей школе была семилетка, мы могли бы, начиная с пятого класса, учить немецкий язык. Но у нас начальная школа.

Алёнушка не знала, что надо спрашивать дальше. А Софья Марковна сказала вдруг поскуцневшим отчего-то голосом:

— Мы с Сарой Семёновной жили в Польше. И учились в немецкой школе. Но потом мы уехали к вам... И дальше нам бежать некуда.

Нет, это не Алёнушка спросила. Кто-то из мальчишек. Они всегда больше всех знают.

— А зачем бежать?

— Потому что есть люди, которые преследуют евреев, — ответила Софья Марковна. И прибавила, тяжело вздохнув, совсем по-взрослому, будто взрослым и поясняя: — А мы еврейки.

4

Пожалуй, Софья Марковна говорила слишком уж взрослые слова. Для третьеклассников-то! В Алёнушкином домике на краю деревушки, спрятанной в лесу, которая и сама-то была в трёх верстах от сельца, ни маменька, ни папенька, да и никто другой таких слов не знал и никогда не произносил.

Жизнь там протекала своим ходом, родители числились колхозниками, но поскольку деревушка, где они жили, была уж больно мала — всего-то с десятков хозяйств, и рабочей силы, как и скота у хозяев, насчитывалось очень мало, селение на отшибе считалось колхозным отделением, управлял которым самый деловой старик из здешнего крестьянства, с окладистой серой бородой, — дядя Иннокентий, спокойный, как и батюшка Сергей Кузьмич. Было под началом малой бригады ржаное поле во сколько-то там де-

сятков гектаров, и его требовалось обиходить: посеять, вырастить, убрать урожай и сдать его в казённый амбар, — это уже в сельце, где школа.

Иногда за это что-то выдавали на трудодни, чаще всего зерном же, которое шло на муку и на прокорм скоту, а жить приходилось своим приусадебным хозяйством. Поэтому нескольких коров, поросят, баранье небольшое совместное стадо да живность помельче у крестьян не отнимали. Тем и жили, добавляя сюда огородные урожаи.

Словом, деревушка по имени Барашки, носившая свое имя без всякого намёка на большие бараньи стада, была, скорее, забытыми выселками, и не ходило здесь легенд о красивом историческом прошлом. Сколько помнят старики, всегда эта деревушка была малой, всегда за каким-то лесным углом, и всегда жила бедно, несуетно, вроде как в полусне, где ни про что пустое и незнаемое не говорили. Больно далеко всё было.

Библиотека располагалась в сельце, в здании, как говорилось, школы, радио в деревне только собирались проводить, да для этого требовалось установить столбы — а сколько их надо на три-то километра? И это для двадцати, пусть — тридцати, если считать с младенцами, человек? Да что там! В Барашки и свет-то тянуть только собирались. Фермы нет, школы нет, даже фельдшерского пункта не бывало никогда, библиотека отсутствует, ну, и всё остальное может подождать.

Так что какие уж там рассуждения про неведомое! Правда, молва про двух приезжих учительниц всё же дотянулась, добрела до деревушки, и маменька, Пелагея Матвеевна, приобняв как-то свою красавицу, сказала ей негромко и ровно:

— А ты учительлок-то этих, милая, не сильно люби, которые беглые.

Алёнушка вскинула взгляд на маму, улыбнулась навстречу доброму предупреждению.

— Они ведь как, — рассуждала мама, — сегодня к нам приедут, завтра дальше уедут. Не наши они, вот как сказать-то надо. А там и наши есть! Учительницы-то! Ольгу Петровну я давно знаю, у её мамы ещё училась. Да и Анна Ивановна — нашенская, здешняя. Лучше их слушай, девочка!

Алёнушка всё улыбалась маменьке своей: вот ведь, хоть и маменька, и добрая-любимая, а не понимает простого.

— Маменька, — сказала она голоском тоненьким и чистым, как серебряная ниточка, — да как же я буду слушать Ольгу Петровну? Или Анну Ивановну? Ведь учительница-то у нас Софья Марковна! И она очень добрая!

Не послушалась Алёнушка простых маминых слов, впустила в своё сердечко добрую, ни в чём не повинную Софью Марковну, которая учила её, как и всех других, писать, считать, читать, любить сказки Пушкина, которые читала наизусть, слегка прикрыв глаза, и хором, всем (уже четвёртым!) классом — стихотворение Лермонтова “Бородино”, и в глазах её стояли слёзы, когда она восклицала: “Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спалённая пожаром, французам отдали!”

Вот этого Алёнушка не понимала. Почему от этих именно слов надо плакать? Разве мало других стихотворений, вызывающих печаль? Софья Марковна их читала во множестве, и Алёнушка плакала вслед за ней, хотя не следует учить детей плакать на уроках.

И ещё она рассказывала им про композитора Моцарта и играла на пианино, всякий раз извиняясь за то, что инструмент тут должен быть другой — клавишин, и объясняла, что это за инструмент.

В один прекрасный день, когда Алёнушка заканчивала четвёртый класс, Софья Марковна пришла на занятие с Ольгой Петровной, и обе они улыбались, дружелюбно поглядывая друг на друга, — вот чудеса-то!

Ольга Петровна объяснила, что их начальную школу преобразовывают в семилетку, её назначили директором, библиотеку из барского дома переведут в другое помещение, а из города к будущему сентябрю пришлют в помощь сразу трёх новых учителей.

Самое серьёзное затруднение, объяснила она, было в том, что с пятого класса надо учить иностранный язык. Но благодаря Софье Марковне и Саре Семёновне всё уладилось. И та, и другая знают немецкий язык и будут его

преподавать. Кто именно из них, пока ещё не решено. И вот она, новый директор, решила посоветоваться с теми, кто переходит в пятый класс.

— Кого мы пригласим на должность учителя немецкого?

Алёнушка крикнула торопясь, как будто боясь опоздать:

— Софью Марковну!

Остальные голоса вразнобой, но повторили за ней.

Ольга Петровна кивнула головой и бодро сказала:

— Так тому и быть!

5

Если бы потом, позже, Алёнушку спросили, отчего она так полюбила немецкий язык, она бы, пожалуй, не смогла этого объяснить. Да и вовсе она не его полюбила. Если бы Софья Марковна стала учить их французскому языку, она бы точно так же отнеслась и к нему. Или к английскому.

Она полюбила Софью Марковну, вот что! И вместе с ней всё, что она говорила. И как плакала она перед ними, малыми детьми, она тоже любила, и плакала вместе с ней. И этот немецкий — вот парадокс судьбы! — если и полюбила, то только лишь как часть не совсем молодой, но очень искренней учительницы, ни мгновения не скрывавшей, что она еврейка.

И только догадываться можно, почему улыбчивая Софья Марковна, раньше всего, после первых же уроков, хором разучивала с классом фразы, которые могут вдруг совсем неожиданно пригодиться — этим маленьким русским детям, точно таким же, как и все другие дети.

И она научила их, как говорить по-немецки важные для человека слова:

— *Geben Sie mir bitte etwas gegen Husten.* — Дайте мне, пожалуйста, что-нибудь от кашля.

— *Ich brauche einen Arst.* — Мне нужен врач.

— *Ich habe Fieber.* — У меня температура.

— *Mir ist schwindlig.* — У меня кружится голова.

— *Ich fühle mich unwohl.* — Я нездоров.

Конечно, у них был учебник немецкого, но Алёнушка, как и остальные, сшивала нитками листки бумаги в собственные словарики, повторяя за учительницей чужую речь.

Кроме всего прочего, Алёнушка, не очень даже это чувствуя, заполняла иной речью домашнее малословие и частенько, смеясь, вставляла в разговор с мамёнькой и папой чужое словцо, вроде *битте* — пожалуйста, *энтшульдген зи битте* — извините, скажите, пожалуйста, *ви ком э их?* — как пройти? или *ви шэт ист эс?* — который час?.

Мамёнька, бывало, переспрашивала:

— Что ты говоришь? По-каковски?

А батюшка ничего не говорил, только прижимал иногда к себе, шептал:

— Помоги тебе Господь, доченька!

Многие годы спустя, когда времени для размышлений оказалось с большим переизбытком, Алёнушке вдруг пришла в голову такая мысль — и жестокая, и, пожалуй, милостивая. Господь, подумала она, в канун каких-то непомерных перемен, всё предвидя и всё ведая, жалея, наверно, самых безгрешных, забирает их, никому ничего не объясняя, к себе. Забирает истинно по-Божески, милостиво, безыспытательно.

Как батюшку.

Перед самой войной, в январе сорок первого года, как раз в зимние школьные каникулы, над местами этими, будто о чём-то предупреждая, разразилась невиданная зимняя буря со снегопадом, тоже прежде невиданным. Снег стоял стеной, даже руки протянутой не разглядеть, и все окрестности за считанные часы завалило сугробами небывалой высоты и, главное, рыхлости, пробиться через которые не было никакой возможности. Слава Богу, что большинство домов в деревушке строились как пятистенки, когда жильё человеческое и скот живут под одной большой крышей, там же и живность помельче, вроде поросят, козочек да кур. Лишний раз та странная буря подтвердила предусмотрительность деревенских мудрецов и плотников: спас-

лись, потому что никуда выходить не требовалось. Только баньки в огороде — ну, да потому эта часть и огородом прозвана, что огорожена она со всех сторон слагами, да и до баньки шагов сорок-пятьдесят — не потеряешься.

Вот и пошёл помыться-попариться батенька в это бездельное время, когда никуда по делам не отправишься, а в окно глядеть, за которым стена снега, — прискучит любому, кто без дела не может.

Ушёл, сперва прорыв себе проход, уже не тропу, его ещё и маменька сопровождала, а не вернулся. Через час с лишком Пелагея Матвеевна заволновалась, пошла проведать — опять продвигалась она с широкой фанерной лопатой, пробивая себе путь, — и тут же прибежала назад, закричала, зазвала Алёнушку, и когда та вслед за матерью вбежала в баню — увидела отца обнажённым. Он лежал на широкой полке и даже руки скрестил на груди, омытый, чтобы никого более не беспокоить, вернее — омывшийся, и бездыханный. Маменька закрыла ему глаза.

Сквозь снег пробилась с лопатами в руках к бригадиру Иннокентию. Там же, в бане, он помог одеть папеньку в чистую одежду, которую собрала мама, и сказал, выйдя на улицу и закулив сигарку с махрой, пыхнув в небо, навстречу несущемуся оттуда, не устающему падать потоку снега:

— Вот и изработался ещё один русский мужик, царствие ему небесное.

Только так и отпели папу.

А тишь такая стояла! Если дождь голосист, и на голоса свои многообразен, то снег, падающий стеной, летящий сверху лавиной снежной, в силу неземного таинства этих снежинок, даже в невиданном их изобилии, — тих, вкрадчив, молчалив. И это молчание поглощает любые, самые горькие звуки. Даже громкий женский плач...

Так он и валил непрестанно ровно трое суток. И они не знали, как вывезти гроб с отцом в недалёкое село, — лошади, и даже самый верный конёк, друг отцов Ермоша, не могли пробиться сквозь высоченные, выше них, сугробы снега.

Иннокентий сбил домовину в никитинской ограде, собрал мужиков, и они не без труда, с которым раньше не встречались, отрыли в лесочке, неподалёку от Алёнушкиного дома, сначала площадку от снега, которую всё время заваливало, а потом ломami и топорами отрыли могилку для мало-словного соседушки.

И холмик, и временный крест тут же занесло снегом, а поминки затянулись надолго — деваться народу было некуда, и все вроде даже втайне обрадовались, что вот, гляди-ка, не было счастья, да несчастье помогло: собрал их под снежными завалами добрый работяга Сергей Кузьмич, земля ему пухом!

На четвёртый день, ровно по указу, снег перестал, и Алёнушка с мамой бросились по пояс в снегу к могилке и застыли, поражённые красотой: полянка, усыпанная снегом, на крестике высокие наметы снежные, а всё вокруг сияет, и снег голубым отдаёт. Благодать земная, или, вернее, небесная, зовёт к утешению, к пониманию, что жизнь, оконченная так благостно, — перед смертью покойный сам себя ещё и приготовил, обмыл, только вот бельё чистое сам надеть не успел, — и отход мгновенный, без мук, — это же благодать.

Так-то оно так, но стояли они рядом — нестарая вовсе маменька и девочка её Алёнушка, потерявшие благодатного своего мужа и отца, — и плакали, плакали навзрыд, не соглашаясь с красотой прибранной природой могилки и неожиданной — а когда онажданной-то бывает? — кончиной главной их опоры, силы и надежды.

6

Про войну деревня узнала от Алёнушки: с утра она отправилась в школу, не на уроки, а просто так, ведь были каникулы, да ещё воскресенье, а дома делать было нечего, перевалило девочке к той поре уже за двенадцать лет, и тянуло её или к таким же, как она, — а в сельце-то народу этаких лет немного перебивало, — или к кому постарше, кто к себе допускал.

И была это Софья Марковна.

После смерти отца маменька Пелагея Матвеевна почему-то всё жалела дочку, давала ей подольше поспать в выходные, сама задавая утренние корма скотине, сама выдаивая корову и выгоняя её к общему деревенскому стаду, так что Алёнушка отоспалась досыта, неспешно позавтракала, надела платице получше из всего-то трёх её платиц, и неспешно пошла к сельцу.

Ещё издали она почувствовала непонятное беспокойство, в котором обреталось село, резкие крики, которые вообще-то в прежние, даже праздничные дни, слышались редко.

Дверь в школу была двустворчатая, одна половинка всегда прикрытая, зацепленная на крючки у пола и у потолка. Но на этот раз она была нараспашку.

Первое, что увидела Алёнушка, войдя в школу, были два чемодана. А в классе направо слышались возбужденные голоса. Говорили учителя, громче других — Ольга Петровна.

— Война, война! — громко говорила Ольга Петровна. Перед ней стояли, понурив головы, Софья Марковна и Сара Семёновна. — Для всех война! Не только для вас! Но и для нас! А вы — сразу побежали. От кого? От учеников своих? А куда? Это-то знаете?

Софья и Сара смотрели на неё, не отвечая. И у той, и у другой в глазах стояли слёзы.

— Что же это за учителя? Всё бросили и побежали!

Только тут Ольга Петровна обратила внимание на Алёнушку — махнула рукой на неё:

— Вот видите! Она к вам! — обернулась к девочке. — Ты — к ним?

Алёна кивнула, ничего ещё не понимая.

— Ну, вот! Она к ним! К любимым своим учительницам! А их нет! Они убежали, как... как...

— Ольга Петровна! — почти заплакала Софья Марковна. — Да поймите вы! Мы же от них бежим, давно бежим! В никуда! Немцы нас уничтожают! А мы...

— Ни за что не уничтожат! — Ольга Петровна будто от имени какой-то власти говорила. Громко. Уверенно.

На учительниц это произвело такое впечатление, будто их хлыстом стегнули.

— Вы не знаете! — крикнула Сара Семёновна.

— А что, — совсем, кажется, не вовремя спросила Алёнушка, — случилось?

Ольга Петровна посмотрела на неё сурово, поджав губы. Софья Марковна — совершенно отчаянно. И воскликнула:

— Чего мы и боялись! Война началась! Немцы напали!

Ещё она прибавила, садясь на чемодан измождённо, как будто сильно устав:

— И мы не знаем, что делать.

Тут Алёнушка побежала домой. Эти три версты — то скорым шагом, то бегом — она одолела незаметно для себя, и два не очень понятных чувства, будто на каких-то неведомых весах, то и дело перевешивали в ней друг друга: тревога и неясность. Впрочем, они так похожи, что можно и спутать одно другим — невелика разница.

Тревогу и рождала-то неясность. Алёна не знала, что будет и как будет, и если две приезжие учительницы собрались куда-то дальше бежать, то что делать им с мамой? Бежать? Куда? Ровным счётом никого не было у них на белом свете — ни родных, ни близких знакомых, так что это одиночество хоть как-то — и странным образом — утешало: бежать некуда. Да и что же такое это — бежать? Почему? От кого? Кому они нужны, в чём виноваты, кому мешают?

Добежав до крайнего дома, Алёнушка постучала в окно и крикнула, что было сил:

— Война началась!

И в следующем доме стукнула по раме, опять повторила:

— Война!

На улицу выскакивали люди — всё больше пожилые да дети — молодых мужчин, да и женщин тоже в деревушке было маловато: кто учился в посёлках и больших городах, кто там же пристроился жить и работать. Выбрались из изб два-три парня всего-то, и матери их и бабки тут же заголовостили, без всяких длинных разговоров.

Алёнушка ещё удивилась про себя: чего голосить-то раньше срока? Ведь ничего ещё толком неизвестно, может, война эта тут же и остановится, пойдёт назад, зря, что ли, у нас есть Ворошилов с Будённым, да и армия вон какая!

Однако женщины голосили, пока она бежала, и их голоса как-то крепчали, покуда она двигалась по деревне, а когда вошла в последний, свой собственный, дом, над малой их деревушкой нёсся уже не плач, а какой-то скрипучий скулёж, почти предсмертный выдох.

Маменька была в избе, испуганно оборотилась к Алёнушке, и та проговорила негромко ей, как всем:

— Война!

Навсегда запомнила дочка свою маму в это мгновение. Та вскинула правую руку к сердцу, будто ударило её, села осторожно на лавку и подняла глаза кверху, к потолку, будто вглядывалась в мир, там ей открывшийся, и губами шевелила, будто что-то спрашивала или что-то говорила.

Что она спрашивала, что говорила? И ведь иконки были у них в углу, всегда лампадка светила перед ликом Христа и Богородицы, но маменька теперь не туда смотрела, а в сторону прямо противоположную — на запад, а там, как немножко знала Алёнушка, дьявол обретается. Если на востоке — Господь, то на западе — дьявол, вот что, ведь об этом же и священник говорит, когда детей крестит, маманя ей рассказывала. Храма-то в сельце, где школа, уже не было при Алёнушкиной сознательной жизни, и сама она крещения видеть не могла, а маменька подробно рассказывала, как её же, Алёнушку, и крестил последний сельский батюшка незадолго до того, как церквушку разорили.

Маменька тогда, при известии о войне, не с Богом говорила, а с дьяволом. И что-то ему шептала — отогнать, что ли, хотела... Но разве по силам это слабой деревенской женщине?

7

Каждый день бежала Алёнушка в сельцо. Школа, как и сельсовет, была радиофицирована, и посреди самого большого класса, там, где раньше библиотека располагалась, поначалу толпилось немало народу — слушали, что Москва скажет. Старики между собой говорили, высказывались, но отрывисто, несвязно, а те, кто помоложе, стали быстро исчезать: уходили в армию. Так что в пару расхлябанных грузовиков, пригнанных в течение недели, уместилось всё боеспособное население окрестных деревушек, и настало тихое ожидание.

И будто на глазах менялась Ольга Петровна.

В первый день войны она шумела на Софью и Сару, топала каблуками, произносила громкие слова, но учительницы, немного поспорив и даже поплакав, сделали по-своему. Бросили все свои пожитки в полузакрытых чемоданах прямо у входа, внизу, и исчезли, ни с кем не прощаясь.

Ольга Петровна побегала, пометала громы и молнии, а после того, как ушёл к железнодорожному переезду второй грузовик с будущими солдатами, а в нём и её муж, Николай Петрович, как-то сразу сникла. Сидела в школе с утра до ночи, а в большом классе из чёрного круглого репродуктора слышались то речи, то музыка, то ещё что-то. И сюда, к Ольге Петровне, теперь все заходили без спросу, не стучась, только тихо здороваясь да снимая шапку, если старик или мальчишка.

Из географических карт Ольга Петровна выбрала карту Европейской части СССР и постоянно переклеивала на ней красную линию фронта. За один день несколько раз — и все ходили смотреть на эту линию. Со страхом и непониманием.

Дальнейшее произошло как-то совсем уж обыкновенно.

Они сидели вокруг говорящей тарелки, на улице затарахтел мотор, но мало кто обратил на это внимание, потому что Левитан читал сводку Совинформбюро, и только когда в прихожей застучали сапоги, люди обернулись.

На пороге стоял немец с засученными рукавами, приветливо улыбался, но автомат его глядел на репродуктор. Он неторопливо оглядел общество — дети, старухи, старики, Ольга Петровна, отошедшая к карте. Вежливо и без всякой издёвки он поздоровался:

— Гутен таг!

Посмотрел на радиотарелку, стоявшую на невысоком столике у стены, поднял автомат, аккуратно прицелился и выстрелил прямо в центр.

Выстрел, точно гром, оглушил, заложило уши, чёрная тарелка поднялась в воздух и, сделав пару оборотов, рухнула на пол. Все неумело отпрянули в стороны, так и не вскочив со стульев. Ольга Петровна прижалась к доске у карты.

Немец кивнул Ольге Петровне, будто старой знакомой, сказал:

— Гутен дер лерер! Фронтен латнен!

Покивал головой. Подошёл к карте, оглянулся. На подоконнике лежала старая ученическая ручка с 86-м пером — такими перьями писала вся школа. Он кивнул сам себе, взгляделся в карту, висевшую плотно к деревянной стене дома, приставил перышко к Москве и другой ладонью крепко вдавил его в красную звездочку.

— Шнеллер, шнеллер, — сказал он, и Алёнушка-то знала, что это значит: «Скоро, скоро».

Но это было не всё. Обращаясь вежливо, повторяя своё “пожалуйста” — *битте, битте*, — он вывел людей на улицу. Алёнушка оглянулась и ахнула: на скамье возле школы — это была широкая, деревянная деревенская скамья, продолжавшая завалинку, — сидели Софья Марковна и Сара Семёновна.

Алёнушка даже вскрикнула от радости и сделала первый шаг, кинулась к ним, чтобы приблизиться, даже обнять их, но кто-то крепко схватил её за запястье. Это оказалась Ольга Петровна.

Она послушалась, остановилась, взгляделась в учительниц. Конечно, на лицах изнеможение, тревога, но и платья, и обувь были в порядке, и даже их причёски не выдавали никакой тревоги — учительницы были причёсаны как обычно.

Всё тот же немец спросил, оглядывая лица выгнанных из школы, по-немецки, конечно, но все всё поняли, не зря же с пятого класса Софья Марковна учила их немецкому.

— Ваши учителя?

Первыми закивали Софья и Сара, будто разрешали это подтвердить.

Алёнушка произнесла чуть громче:

— Зер гут дер лерер! — Очень хорошие учителя!

Немец поглядел на Алёнушку, произнес удивлённо:

— Ихь данке иннен! — Благодарю вас. — Филен данк фюр ире хильфэ. — Большое спасибо за помощь.

Алёнушка смугилась и спряталась за широкую Ольгу Петровну, а та шепнула ей:

— Молчи!

Со всех сторон сельца немцы стогнали народ. Но это не выглядело страшно. Некоторые из солдат даже шли впереди селян, улыбались, щёлкали семечки, о чём-то шутили по-немецки, и люди, взрослые и дети, не понимая ничего, не зная, страшиться или смеяться, шли к школе. Кроме тех, кто в форме, были тут и дядьки с белыми повязками на рукавах, русские, хотя не свои, прибыли, может, из райцентра. Свой только один — старый мужчина по прозвищу Кацавей. То ли фамилия такая, то ли имя, Алёнушке было неведомо. Зато она знала, что он заведовал птицефермой, из грамотных.

Кацавей был чуточку повыше других мужчин с повязками, и хотя такого знака отличия на рукаве не носил, стало сразу ясно, что он у этих-то глав-

ный. Подошёл к школе, старшему немцу поклонился, а Ольге Петровне громко, чтобы слышали другие, сказал, кивая на учительниц:

— Их на станции поймали. Чёрт бы их побрал! Даже удрать не могут! А ещё большевички, с партбилетами!

Тем временем другие солдаты, подчинённые тому, кто выстрелил в репродуктор, что-то докладывали ему, так, однако, быстро, что Алёнушка понимала лишь отдельные слова, показывали куда-то за здание, потом поманили Алёнушку. Вернее, на неё указал помощник этого старшего, позвал пойти с ним в школу. Там он повторил раза три:

— Картонен, картонен!

Алёнушка сходила в учительскую и нашла альбомчик для рисования, обложка которого была из картона, довольно плотного и светлого — желтоватого, пожалуй, цвета. Солдат попросил шпагата, но Алёнушка принесла ему скакалку, которая была, конечно, толще шпагата. Однако он обрадовался, стал резать её острым ножом, который выхватил откуда-то из-за пазухи, а ей велел взять карандаш и написать на картоне: “Юден”.

— Что? — не поняла Алёнушка.

— Юден, юден, — засмеялся немец, но она пожалала плечами, и тогда немец написал на подвернувшейся тетрадке это слово: “Юден”, — и велел, чтобы девочка написала его на картоне, да поярче, пожирнее.

Алёнушка ничего не понимала. Её просили. Немец довольно приветливо несколько раз повторил: “Битте! Битте!”. Мол, пожалуйста. Ничего не понимая, она переписала это слово: “Юден”. На двух картонках. Но руки дрожали. И сердце билось, вырывалось из груди. Когда она закончила, немец продырявил два верхних края у картонки и привязал половинки скакалки. И к той, и к другой. Позвал Алёнушку:

— Коммен битте!

Когда они вышли, главный немец и его солдаты уже передвинули народ в школьный двор. Там стоял обыкновенный турник. К нему были привязаны две петли. Народ, чувствуя неладное, заметался, зашумел. Вот тут и прогремел первый выстрел. Всё тот же главный дал короткую очередь вверх. От народа требовали покорности. Уже без всяких “битте”.

Все, что произошло дальше, заняло от силы десять минут. Алёнушку шатало, будто ветер на неё налетал. Всё до конца отстояв, она упала без сознания, прямо тут, в школьном дворе, пока Ольга Петровна, сама кое-как приди в себя, не подошла к ней и не перетащила девочку к школьному входу.

А увидела Алёнушка вот что. На Соню и на Сару накинута те самые таблички, которые она написала. На табличках по-немецки обозначилось, что они “юден”. Оказалось, это слово означает “еврей”. Всего-то навсего.

И главный немец сказал:

— Аллес юден капут. — Всем евреям конец.

И произнёс ещё одну фразу, потруднее. Алёнушка-то её поняла, но остальной народ не мог разобраться, и тогда он вежливо попросил перевести сказанное несчастную Софью Марковну. Она отвела взгляд в сторону, от этого немца, помолчала мгновение. Он вежливо повторил:

— Битте!

И она перевела то, что он объяснил народу:

— Мы освободим вас от евреев и коммунистов.

Потом тот, с которым Алёнушка делала таблички, вежливо улыбаясь, накинута Софье и Саре петли, свисавшие с турника. Перед тем учительницам связали руки и поставили на короткое брёвнышко. Оно шевелилось под ними, норовило выкатиться. Соня и Сара громко заговорили, перебивая друг друга. Жаль, что они кричали только по-немецки, наверное, стараясь объяснить этим солдатам, что ни в чём не виноваты. Они не крикнули людям — прощайте! Или что-нибудь такое. Они не просили защиты — что они могли, эти люди, в самом-то деле?

И Алёнушка тоже тогда закричала. Она кричала от беды. От своей собственной беды, только сейчас поняв, что помогла немцам. Что это ведь она, а не они, написала слово “юден” два раза, пусть и не понимая, не зная, что после этого произойдёт, и пусть даже никто, кроме того немца, не видел этого.

Она закричала, как бы продолжая крик Софьи и Сары, которые уже умолкли, качаясь на турнике.

Короткое брёвнышко из-под них выкатил всё тот же ретивый немец, их тела судорожно задргались, будто они норовили вырваться, у Софьи Марковны из открытого рта выполз язык, ноги ещё подёргались в разные стороны и подошвы туфель закачались совсем неподалёку от серой пыли — в каких-нибудь нескольких сантиметрах.

И тут Алёнушка увидела, что по одной ноге Софьи Марковны что-то течёт. И капает в эту серую пыль. А чулки, прочные женские чулки в резилочку, коричневого цвета, чернеют, намокая. По ногам учительницы Сары тоже что-то бежало, струилось, довольно сильно, сливалось на землю. И снова они яростно задргали ногами, будто скидывали с себя туфли. Одна туфля с Софьиной ноги сорвалась на самом деле и упала под ноги толпе, будто самое последнее и самое отчаянное доказательство её невиновности.

Люди, окружившие виселицу, отшатнулись, человеческий круг ослаб, а главный немец уже без перевода повторил:

— Мы освободили вас от евреев и коммунистов.

Алёнушка рухнула, точно подкошенная травинка.

8

Очнулась она от чего-то холодного, обмывающего, овевающего её лицо. Оказалось, Ольга Петровна набирает в рот воду из кружки и брызгает ей в лицо, как брызжут, например, на ткань, когда глядят её утюгом.

Алёнушка сжалась и встала на ноги. Голова кружилась, первые шаги она сделала неуверенно, но пришла в себя быстро. Увидела, что толпа разошлась, немцев нет, их машины, пыля, уже были за сельской околицей, а Софья и Сара лежат возле турника, кем-то снятые, освобождённые от петель. Три или четыре старика что-то негромко обсуждали, и девочка не сразу разобрала, что решается вопрос о том, где и как схоронить учительниц. Потом она поняла, о чём они говорят, и опять похолодела. Дядьки считали, что на изготовление гроба нужны струганные доски, а их нет, и кто-то из стариков предлагал разломать забор да и сбить гробы из этого почерневшего материала, другой же возражал, что лучше уж сшить саван из простыней да и закопать таким старинным способом.

Ольга Петровна уже несколько раз велела Алёнушке идти домой, не детское это дело — готовить покойников к загробной жизни, но Алёнушка зачем-то молча не соглашалась, упиралась и снова упала в обморок, но чуть позже...

Старики по требованию Ольги Петровны переложили покойных на простыню, которую взяли наверху, в комнате, где жили Софья и Сара, перенесли учительниц в школу и положили на два длинных стола, за которыми раньше заседали их небольшой педсовет.

Ольга Петровна велела обернуть покойниц лицом вниз, принесла ножницы и принялась, всхлипывая, разрезать их платья сзади. Она точно и не сразу заметила-то Алёнушку — та забилась в угол и почти не дышала. А когда заметила, даже выругалась по-мужски.

— Ну, всё! — проговорила глубоким каким-то не своим голосом. Будто голос её шёл прямо из живота. Каким-то нечеловеческим голосом говорила Ольга Петровна, не повышая его, словно сама себе. — Я их сейчас должна раздеть, потом обмыть. И снова одеть.

Помолчала и прибавила.

— Это пока не для тебя. Иди домой. Хоронить станем утром. В девять соберитесь, кто может.

Но утром, когда Алёнушка и другие старшекласники собрались у школы, Ольга Петровна сидела на крыльчке и качалась из стороны в сторону. Сказала всем, что Софью Марковну и Сару Семёновну похоронили вечером, на краю кладбища, защитыми в пододеяльники.

Они пошли тихой гурьбой к месту упокоения и нашли невысокий глиняный холмик, без всякого креста, с толстой, лишь оскобленной от коры пал-

кой, вдоль которой, как в тетрадке, химическим карандашом были написаны имена учительниц и вчерашняя дата: “С. М. Моргенштерн, С. С. Гольц”.

Когда они родились и где, никто толком не знал. Поэтому и писать не стали.

Так закончилось Алёнушкино детство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УЗЕЛ

1

А взрослость не заставила себя ждать. Впрочем, если подумать хорошенько, и каждому себя же и про себя повспоминать, почти всякий, пожалуй, согласится, что взрослость не по паспорту к нам является, не враз, не по звону какому колокольному.

Мысли-то взрослые свободно приходят к невзрослым людям, тут удивления нет. И судьба взрослые удары наносит по невзрослым ещё, да и вовсе малым людям, не считаясь с их годами.

Взрослость, пожалуй, это такой узел событий, завязанный, чаще всего, не тобой и не по твоей вине. Но так крепко, так тяжело завязанный, что надеяться не на кого, кроме как на себя, и ты должен, должен, должен, разрывая в кровь руки и душу, во что бы то ни стало развязать его. Чтобы жить вольно и справедливо.

Вот такое, может быть, развязывание, эта иногда бесконечная, пока ты жив, работа для освобождения своего и для достижения любви и воли, и есть взрослость, а?

2

А узел Алёнушкиной судьбы завязывался всё туже. И не сразу, нет, не сразу поняла она это — потом.

Забывая Богом, их деревушка оказалась забытой и врагами. Издалека доносились раскаты грома среди летних дней начала войны, потом они стихли, и всё как будто замерло тоже. Молодых парней, которых не так-то и много водилось в Алёнушкиной деревне, забрала война, а те, что тихо подрастали вслед за ними, тоже исчезали в неизвестном направлении, и об этом никто ничего не говорил — были, да исчезли.

Издалека доходила молва, что где-то в дальних лесах обосновался партизанский отряд, но никаких военных действий не происходило, стояла тишь, даже и до сельца немцы больше не доезжали. А в деревушке они так ни разу и не появились — это просто война ушла на восток.

Не раз, ясное дело, Алёнушка бегала в школу, виделась с Ольгой Петровной, Анне Ивановне кланялась, приходила и на могилку так и не понятых никем Софии и Сары.

Ольга Петровна пояснила Алёнушке, что свидетельство об окончании семи классов она получит, так что беспокоиться не надо ни ей, ни другим девочкам, с которыми она вместе училась, а вот мальчишкам надо куда-то уходить, если ещё не ушли, куда-то прятаться, если не спрятались.

А школа? Школа работать не будет, пока идёт война.

— Вот кончится всё, тогда откроют снова. Кто откроет? Наши? Немцы? Неизвестно.

И прибавила тогда:

— Но я на немцев работать не стану.

Впрочем, учить детей её заставили. И не немцы, а свои же. По слухам, — это Алёнушка сама не видела, — матери пришли в школу и стали просить Ольгу Петровну с Анной Ивановной, чтоб худо-бедно, но учили бы они подрастающих малышей. Пусть хотя бы начальная школа опять заработает.

— Чему учить-то? — мрачно спрашивала Ольга Петровна.

— Арифметике, чтению, письму, — мудро уговаривали женщины. — Остальное пока подождёт.

— Надо разрешение получить, — вздыхала Анна Ивановна.

И разрешение ей принесли, прямо в школу. Село, чтоб не сориться с немцами, выбрало в старосты всё того же Кацавея, он съездил в райцентр, получил печать и позволение открыть начальную школу. И староста, и Ольга Петровна были из людей немолодых, рождённых до революции. Этот старый заведующий птицефермой ещё при царе окончил церковно-приходскую школу и в активные, да ещё политические, при советской власти никогда не лез, зато теперь вдруг ожил, отдал на смерть двух евреек, вдруг оказавшихся большевиками, тем отличился и новым властям пригодился. А Ольга Петровна год проучилась в учительском институте — всё за той же, за революцией ещё, и бумагу на её имя, разрешающую открыть школу, — слава Богу, что заведующая была до войны беспартийной, — принёс всё тот же староста Кацавей с устным обещанием властей её школу через месяц проверить. Школа снова становилась четырёхлетней и требовалось повесить на стенку портрет Гитлера. Его Кацавей обещал привезти из района. Вот ужас-то!

Вот, наверное, и всё, что знала Алёнушка, с маменькой своей Пелагеей Матвеевной проживая на окраине деревеньки в трёх верстах от сельца. Сохранилась у них коровка, пара поросят, куры с цыплятами, да гусь с гусьней и целым выводком детишек своих, выращавших каждую осень. Да огород, который мог бы и немереным быть, если бы сил хватило. Но откуда много-то сил у двух женщин, из которых одна — почти ребёнок. А конёк их Ермоша, потеряв своего друга и хозяина, впал в тоску, всё время дрожал, и вскорости после смерти папёнки рухнул. Так что лошади и хлопот с ней уже не было.

Еды, кроме хлеба, всегда хватало, а хлеб пекли сами, и было в их домишке тепло, тихо, светло, только ходики постукивали. Жили без всякого электричества, без радио, запасы керосиновые батюшка, царствие ему небесное, навозил из села такие, что на лампу, в ограниченное, конечно, время, хватало до сих пор, уже спустя два года после его упокоения.

Вот к батюшке на могилку ходить каждый Божий день и в любую погоду стало для Пелагеи Матвеевны с Алёнушкой печальным и любимым праздником.

Поминать усопших и так-то в крови русского человека. Но когда есть такие обстоятельства, что могилка в ста шагах всего, да в зелёном, нарядном зелёном же мхом уложенном лесочке, а не на кладбище, где сама печаль-то будто дробится на многие и многие кресты и пирамидки, тянет туда бесконечно. словно какая, ничем лишним не омраченная благодать.

И неизвестно, как назвать это чувство... Поклонение? Скорбь? А может, приуготовление к встрече — скорой или нескорой? В мире, где всё по-другому? Где не надо ничего уже ждать — ни радости, ни печали, и всё, что есть там, за незнаемой чертой, спокойствие и благодать, чего так не хватает людям в этом мире, — таком брэнном, таком неверном?..

Вот зимняя дорожка между деревушкой и сельцом. Когда-то по ней нетнет, да и пробегала лошадка, оставив санный след. А теперь — ровное снежное полотно. И человеческий-то след редко прострочит эту белую простынь — деревенские не хотят ходить в село, опасаются встреч с любыми людьми, кроме своих, деревенских и в лицо известных. А сельским — что за дело до всеми забытой деревни?

Покой.

Покой, да временный. Ненадёжный.

До весны.

Или до войны, которая куда-то закатилась.

3

В то первое утро после казни и после кладбища, где упокоились молодые учительницы, Алёнушка прибрела к школе пораньше и, дожидаясь других, как-то случайно, что ли, совсем не думая, что делает, поднялась на второй этаж, где жили Софья и Сара.

Дверь была распахнута, а небольшая комнатка казалась перетряхнутой, будто что-то тут искали. Но если и искали, то в старом бельевом шкафу справа от входа — он был открыт, из него свисало ношеное женское бельё, да на двух кроватях возле окон были скомканы простыни и одеяла.

Шкафчик же прямо напротив входа стоял закрытым, и когда Алёнушка отворила его, то обнаружила в нём упавшую фотографию — её, видать не заметили, впопыхах собирая вещи, да ещё плоский альбомчик, почти тетрадь. На фото были Софья и Сара в кругу каких-то людей, видать, родных, весело улыбались, совсем не похожие на себя.

Алёнушка отложила фотографию в сторону. Потом раскрыла тетрадь в довольно толстом нарядном переплёте из шёлка, цвета тёмно-фиолетового, не бросающегося в глаза. Даже не тетрадь, пожалуй, а альбом.

В тетрадь были вписаны стихи. Она взгляделась в буквы. Стихи на немецком языке. На первой странице, под папиросной бумагой, виднелась каллиграфическая подпись, тоже по-немецки. Это она могла прочитать: “Дорогой Софии Моргенштерн в день её конфирмации от дирекции школы имени Канта”.

Она взяла этот альбом и заодно учебник немецкого языка для 10 класса, надо же!

Фотография, где навеки остались учительницы, — одна любимая, а другая — так себе, — учебник немецкого и альбом со стихами переехали теперь в деревенский шкафчик Алёнушки, который сделал отец своими руками и который совсем не для таких целей был, конечно, предназначен, а для посуды. Что поделаешь, посуда, — да и много ли её было-то у маменьки, — чуть подвинулась, уступив место важным вещам: ведь над всем этим возвышалось не очень ярко напечатанное, но всё же казённое, а значит, ценное свидетельство об окончании Никитиной Алёной Сергеевной семилетней школы.

Алёнушка нечасто брала в руки альбом, но с учебником не расставалась. Когда она громко повторяла слова и фразы по-немецки, маменька всегда вздрагивала и напрягалась, поэтому девочка уходила с ним во двор, а ещё лучше — в лесок, к батюшке, на зелёный нежный ковёр, сшитый кем-то, любящим красоту, из изумрудного мха.

Здесь никто не смущал её повторять слова враждебного языка. Конечно, язык тут ни при чём, ведь Софья Марковна была еврейкой, которую ни за что убили немцы. Но это она же так выразительно повторяла им немецкие слова, объясняя — а вдруг им пригодятся?

И Алёнушка разучивала их, не уставая.

— Вохин (Wohin?) — куда?; дортхин (dorthin) — туда; хирхер (hierher) — сюда; форверц (vorwärts) — вперед; рюквэрц (rückwärts) — назад.

А “назад” звучит ещё и как “цурюк” — zurück.

Цурюк — урюк — назад! Легко учиться, когда делать нечего и ничто не мешает. Ничто не отвлекает, кроме... Кроме войны!

Учить все эти слова Алёнушке странным образом помогала память о Софье Марковне. Всё кончено, её нет на свете, но почему же, почему Алёне слышится её всегда вкрадчивый голос, мягкие звуки её речи — ведь ничего другого-то она и не знала о своей учительнице, даже фамилию её прочитала уже на столбике, вбитом в её могилку. Бог ты мой! Моргенштерн! Теперь Алёнушка уже сама была в состоянии понять, что означало это слово в переводе на русский... “Утренняя звезда”. Утро ведь — морген. “Гутен морген”, — говорят, где-то встречаясь между собой, немцы. А штерн — это звезда. Но где же ещё встречаются немцы, готовые сказать “Доброе утро”? Неужели это те же самые солдаты, которые убили учительниц? И они говорят: “Доброе утро”? Кому?..

Алёнушку однажды будто ударило. Почему, подумала она, Софья Марковна, говорившая, что они еврейки, носила немецкую фамилию? Что это означает?

Она даже и не спросила, а сказала об этом маменьке, но та замотала головой от страха и незнания, соединённых вместе: уж она-то не знала и даже знать такого не хотела — подальше от греха!

А в альбоме убиенной Сони, как обнаружила сразу же Алёнушка, и была-то записана всего лишь одна фраза, всё остальное было чистым, будто кому-то предлагалось заполнить эту пустоту, написать какие-то слова, мысли. Или, может быть, стихи?

Фраза же, написанная, наверное, учительницей в её детстве, выглядела так:

“Nicht vergebens hörtest von Kindheit an russische Laute...”*

Это была сложная для Алёнушки фраза, чтобы перевести её, требовалось другое, чем у неё, умение. Три-то последних слова она понимала: в детстве, русские, звуки. Но слова, стоявшие впереди, никак не соединялись в смысл. Так ей и запомнилось: в детстве... русские... звуки...

4

Летом немцы всё-таки добрались и до деревушки. Сначала на околице застрекотали мотоциклы, вслед за ними, покачиваясь на ухабах из стороны в сторону, въехала странная, невиданная, из одних углов и состоящая железная машина. Оттуда выскочили солдаты. Следом двигались два длинных грузовика на больших колёсах.

При въезде один мотоциклист дал очередь в воздух, чтобы, наверное, народ вышел из своих домов. Или разбежался? А потом началось мамаево побоище.

Солдаты со смехом распахивали ворота и ловили всякую живность. Сначала к одному грузовику приладили доски от первого же разобранного забора, и загнали туда, со свистом и криками, трёх или четырёх коров. Уже там, в кузове, закрытом брезентом, раздавались выстрелы, всё утихло — и без слов ясно было, что делалось это для облегчения солдатского труда — загнать в кузов корову и там её пристрелить гораздо легче, чем поднимать на руках тяжёлую тушу.

Потом пошли свиньи. Их гнали пинками, велели хозяйкам помогать, подталкивать к грузовику свою собственную скотинку. Да ещё и уговаривать поросят, чтоб шли спокойнее, не визжали, не убегали в сторону. Свинячий визг, коровий рёв и бабы крики сливались в дикий вопль. Казалось, кричала вся деревня, всё её население — и человечье, и скотское.

К дому Алёнушки и мамы её немцы приблизились, сильно устав, уже без команд и смеха. Свиней выгнали скоро, увидели и корову. Алёнушка легко поняла, как один солдат спросил другого:

— Что делать с коровой?

— Давай оставим. Уже нет никаких сил. Мы ведь ещё сюда вернёмся, не так ли? За нашей жратвой.

И они захохотали.

Всё-таки была польза, что домишко стоял в конце деревни, — дальше дороги нет, сплошной лес. Ещё год они пережили — спасла их коровушка, да и со всей деревней делились — для детишек.

Вот ведь! Будто налетели коршуны, всё, что могли, забрали и улетели. Снова настала тишь. Да такая, что не поймёшь — что с ними, где они, почему жизнь остановилась, и нет о ней никаких известий? Где-то там идёт война, но о ней ничего не известно. Старики, женщины и дети — вот и вся деревня о десяток изб. Молодые исчезли. Не появляются. Убили, что ли, всех? Все на фронте? А их деревня, да и сельцо — уж такой-разэтакий тупик и угол, куда и сунуться-то некогда — ни тем, ни этим?

Алёнушка приходила в школу, виделась с Ольгой Петровной. Всегда приносила ей то молока, то сметанки, то авоську картошки. И хотя сельцо, где школа, располагало такого-то рода деревенской едой, постаревшая, осунувшаяся учительница дары принимала благосклонно, кивала и пыталась улыбнуться, да плохо у неё это получалось. Будто бы выдыхалась она от чего-то, как выдыхается человек от долгого бега, дальней ходьбы, тяжёлой ноши. Не раз и не два сказала она Алёнушке:

* “Недаром русские ты с детства помнил звуки...”

— Не переживу я этого! Да и не хочу...

— Как же! — удивлялась девочка и приводила главное доказательство: — А кто же учить-то станет?

— Нура, — отвечала Ольга Петровна, имея в виду Анну Ивановну. — Или вот ты?

— Я?

— А что? — не улыбалась, а кивала сама себе Ольга Петровна. — Грамотная, значит, сможешь. Вон Соня-то с Сарой никакими учительницами не были. Одна кончила музыкальную школу, другая — гимназию, а учили ведь... Учили?

— Учили.

— А я, дура, их поругивала! Простите, девочки!

Ничего серьёзного Алёнушка у Ольги Петровны выведать никогда не могла. Хотя и учительница, даже заведующая школой, но плохо Ольга Петровна про войну знала, а от сельского старосты узнавать не хотела. Вроде как тихо в их краю, только вот немцы скот забирают, в райцентре заработал православный храм, и народ туда ходит, партизаны есть, но где-то южнее, на много сотен вёрст. Какая-то тишина. Невоенная совсем.

— Но всё кончится плохо, — повторяла Ольга Петровна. — В какую сторону, не знаю. Мне могут сказать — зачем учила? И мне же могут сказать — зачем не учила... А портрет Гитлера я не повешу, пусть расстреливают!

5

На третий год войны Алёнушке исполнилось пятнадцать лет, а в начале осени, — был сентябрь, — снова явились немцы. Скот их не интересовал, хотя какую-никакую живность народ деревенский восстановил. Теперь, как выяснилось, их интересовали люди.

Жестами они показали, чтобы из дома вышли все: и млад, и стар, и тем, кто ещё был хоть в каких-то силах, приказали пройти и сесть в грузовик. Можно было брать мешочек, котомочку, узелок — с бельём, с мылом, зубным порошком и щёткой. Вот про всё про это объясняла уже Алёнушка. Так получилось!

А просто когда подошли к их дому, и солдат с автоматом на груди стал мучительно, в десятый раз объяснять, конечно, по-немецки, помогая себе жестами, чтоб собрались и выходили. Алёнушка не удержалась и бросила ему по-немецки же:

— Понятно.

Немец обрадовано вздёрнулся, спросил:

— Шпрехен зи дойч? — Говоришь по-немецки?

Она кивнула.

— Гут, гут, — заворковал солдат, несильно взял Алёнушку за запястье, велел, чтоб матушка собирала вещи, а сам отвёл девочку к своему, похоже, командиру.

Всё, что он сказал лейтенанту, девочка поняла, а сказал он про хорошую находку — эту девочку, которая знает немецкий и может помочь.

Лейтенант был чуточку постарше солдата, выглядел совершенно обычно, ничего злодейского Алёнушка в нём не находила — просто симпатичный парень, только в немецкой форме и говорит не по-русски. Он был в пилотке, в зелёном френче, грыз соломинку, лежал на траве и жмурился от солнца.

— Откуда ты знаешь немецкий? — спросил он доброжелательно.

— Учила в школе.

— О-о! Жаль, что я не учил в школе русский. Не потребовалась бы твоя помощь. А сейчас помоги своим соседям. Переведи людям, что надо им брать с собой. Поедете на земляные работы. Всего-то!

И Алёнушка вновь пошла по деревне рядом с первым солдатом, с тем, который обнаружил её немецкий язык, и всем повторяла одно и то же:

— Едем на земляные работы. Возьмите с собой то-то и то-то.

Все эти люди знали её. С детства самого малого — с младенчества. И была она для них маленькой Алёнушкой. Никто её особенно-то не миловал —

таковы деревенские правила. Но все её знали, а её родителей, маменьку Пелагею Матвеевну и отца Сергея Кузьмича, уважали. А потому сейчас, когда она шла рядом с немцем, глядели на неё с какой-то странной надеждой, с потаённой мыслью, что Алёнушка-то не навредит, и все её самые простейшие слова о том, что надо взять с собой, принимали охотно и чуть ли не благодарили. И только возле предпоследнего дома соседка тётка Клава на Алёнушку поглядела безблагодарно, а, напротив, жестоко, и Алёнушка поёжилась от этого взгляда. Почему? Она ведь помогала своим же деревенским людям правильно понять этих немцев, взять с собой, если уж надо ехать на земляные работы, всё, что надо, и ничего не забыть, разве такое — грех? Но Клавдия, выслушав её, сверкнула оком, отвернулась и негромким, ровным голосом, чтобы ничего не заподозрил немец, спросила:

— Что же ты, девочка?

Алёнушке не пришло в голову удивиться или ответить в своё если и не оправдание, то объяснение. Просто слёзы выступили. И она опустила голову.

6

В холодном железном кузове немецкого грузовика, подпрыгивая вместе со всеми на ухабах, подталкивая под себя жидкий узелок с бедным своим скарбом, хватаясь за маму, Алёнушка время от времени поглядывала и на Клавдию.

Та оставила в своём доме совсем старую мать, которую Пелагея Матвеевна упросила следить за их коровой, да и за всем домом. Как и все, кто ехал теперь от дома в неведомую сторону на незнакомые труды, отдали малых детей и живность хоть на кого-то, кто оставался дома.

А у Алёнушки с маменькой никого не было. Палка, приёртая к воротам, охраняла их хозяйство. Выходило, что Клавдия-то ещё имела хоть какую привилегию — живую душу в родном доме. Да двое детей ещё остались у неё — два росточка, мальчик и девочка.

Может, всё это прожевав и осмыслив, да и сравнивая детей своих с Алёнушкой, которую на работы забрали, тётя Клава, — приветливый ведь раньше-то был человек, — время от времени искательно поглядывала на неё. Хотела, что ли, заглядить как-то свою вину? Да сидела она в конце кузова, и мотало их всех хорошенько, так что было не до того. Не до чувств, не до разговоров.

Ехали они какими-то рывками. В селе к ним в кузов посадили сразу человек двадцать, стало тесно. Всё женщины да девушки — и все постарше Алёнушки. Несколько старых мужчин. Можно было бы назвать их стариками, да не совсем. Не совсем, в общем, старые старики.

Стоять в кузове не позволялось, выглядывать можно было только на редких остановках, даже для исправления надобностей и то остановились лишь один раз, прямо почему-то в поле. Может, для безопасности?

Постепенно к грузовику присоединился ещё один, и ещё. Или он присоединился к другим — поди пойми. Когда в сумерках подъехали к опушке молодого низенького леса, машин оказалось уже до двух десятков, но на том месте был уже и народ — что-то копали.

Тех немцев, что забирали их в деревне, не оказалось. К машине подошёл небритый мужчина в пиджаке, в сапогах, увожённых глиной, с белой повязкой на руке, спросил, откуда они, ничего не понял и указал в сторону подлеска. Там костры, кухня, палатки для первого ночлега. Утром выдали лопаты, и началась работа.

Их просто вывели на окраину леса, вдоль которого были вбиты кольшики, протянут шпагат. По этим линиям надо было копать, землю выбрасывать вперёд. Немолодой немец в грязных, как и у полицая, сапогах, строительный, наверное, начальник невысокого чина, объяснял, часто повторяя слово “эскарп”. Как и “шпагат”, это были явно немецкие слова. Похоже, это укрытие для орудия, догадывалась Алёнушка. А раз окоп этот длинный, на много метров, то для множества орудий. Ещё она подумала: “Ох, и стрельба будет!”. Вот и пришла война-то. Вернее, их пригнали к войне.

В лесочке ничего для жизни людей не было. Кого-то направили отрыть ямы для туалетов, строить деревянные будки. Всех мужчин, даже старших, заставили соорудить бараки — это уже подальше, за пару сотен метров, поглубже в лес. Через день-другой стали водить колоннами на ночёвку в эти бараки. А утром — к эскарпу.

Ночевали на деревянных полотах, без всяких подстилок и подушек. Мыться было негде, только умывались, прямо из вёдер, которые наставили как попало. Быстро появились вши. Женщины стали просить помывку. Хотя какую-нибудь, хоть просто у лесного озера. Говорили это полицаям, те отмахивались, но, видать, всё-таки немцам докладывали, и те велели построить на берегу озера ещё один, банный барак, где женщины и стирали, и сами мылись, и выжаривали вшей возле пары железных печек, привезённых откуда-то полицаями.

Новая жизнь людей меняла не в недели, не в месяцы, а в считанные часы. Некоторые как-то разом собрались. Стали подтянутее, даже крепче. Все тяготы, пока ещё не самые трудные, одолевали, почти их не замечая. Да и выглядели-то эти люди отлично от остальных. Вон тётя Клава-то, соседка, обидевшая Алёнушку. Как только сошли они все из кузова на твёрдую здешнюю землю, подошла к девочке и прямо при матери её, Пелагее Матвеевне, сказала:

— Прости меня, Алёнушка, я-то, дура, подумала, что ты в услужение пошла. А ты и сама тут-ка... Детей-то хоть бы в покое оставили.

Ни Алёнушка, ни маменька ничего ответить не нашлись — Клава уже отошла. Злая, собранная, сильная... Да и что ответишь-то, что тут объяснить надо?

Клавдия сильно от остальных не отличалась. Росту выше среднего, но и не высокая, была она по-мужицки широка в плечах, да и бёдра по-бабы крепки, мощная грудь, икры ног — широкие и сильные, руки ухватистые, крепкие. И глаза! Чёрные, жгучие, почти цыганские, они Клавдии никак не давали скрывать её чувства. Разве что она их прикрывала когда. А так! Смотрит — будто из двустволки целится, пока не прикроет взгляд свой веками, не отвернёт в сторону. И характер — по всем этим меркам — лобовой, прямой, неуклончивый.

Вроде ничего такого и не сделала Клавдия, слова лишнего не сказала, но как стали раскладываться бабы в бараке, все деревенские улеглись рядом с ней, да и сельские тоже. Но самое удивительное, что и другие, вовсе незнакомые, как-то всё жались ближе и ночевать хотели поблизости от Клавы, бывшей доярки.

У доярок ведь житьё особенное. Подъём на работу ранний, в пять, а то и в четыре утра, и Клавдия уже на ногах, одета и умыта, стоит у барачной двери, молча поглядывает, как бабье стадо сначала оживает, шуршит, просыпается, начинает шевелиться, помыкивать.

Никто её и не выбирал, сама стала старшей по бараку, да и полицаяи почему-то обращались к ней, но не всякие команды отдавали, нет. Всё, что касалось работы, места её и исполнения, — тут спорить никто не собирался, а вот остальное — это уже Клавдия толковала. И насчёт мытья, стирки, мыла, хоть самого захудалого, одежки, какого-нибудь тряпья, ночью укрыться — лето заканчивалось, приближалась осень, — об этом обо всём она спорила со старшим из полицаяев, так выразительно всматриваясь в его лицо, что бригада Клавина, теперь по имени “отряд”, была отличима от остальных. С ней почему-то предпочитали не связываться. И ещё: работал её отряд молча и яростно. Вслед за ней, своей командиршей...

Бог ты мой, сколько они перелопатили земли! Всякий раз, останавливаясь отдохнуть хотя бы на минуту-другую — дальше следовал окрик погонялы-полицая, — Алёнушка глядела направо и налево от себя и не уставала удивляться. Ничтожные, маленькие муравьишки, люди копались в земле, и постепенно она превращалась в широкое, углублённое с одной стороны, пространство.

Немцы, проходившие мимо и, как правило, одетые в офицерскую полевую форму, часто повторяли эти слова — линия обороны. Так что отряд

доярки Клавы изо всех сил старался откопать для вражьего войска эту их линию обороны.

Но ведь обороны же! Не наступления!

Они копали бесконечный этот окоп два с лишним месяца. Только лопатами. И ладони у всех у них, не раз лопнувшими мозолями иссечённые, покрывались уже и не кожей, а какой-то коркой, почти шкурой, и пальцы на них с трудом разводились, и сами кисти сгибались с затруднением.

Про всё остальное и объяснить сложно. Исподнее превратилось из белья в обноски. Если поначалу мыло ещё давали, то потом оно исчезло вовсе, и умелая Клава по всему лагерю распространила свой бабий опыт: сметали из костров золу, заливали водой, и щёлочью, возникавшей таким способом, стирали потом бабы свои поддёвки. Тряпья вообще решительно не хватало, но хоть Клавдия и требовала его у полицаев, те руками разводили: до жилья ехать далеко, транспорта нет, и у них самих-то ничего не было. “Жрём и то наравне с вами”, — злился старший. “Но вы-то мужики, — ожесточалась Клава. — Мы же бабы! Совесть поимейте”. Какая там совесть! “Не могу пока, уймись! При первом случае сделаю”.

То ли застали они на этом эскарпе ещё конец лета — начало осени, и поначалу было тепло, и их ещё хоть как-то, но кормили, и доставался с окрестных полей турнепс и кормовая свёкла в прибавок, то ли земля была сухой, а оттого сравнительно лёгкой, то ли силы физические ещё только начинал расходовать каждый живой организм, но первое испытание подневольным трудом Клавин отряд пережил сравнительно благополучно. Никто не умер, не заболел и, в общем, сильно не плакался, про себя-то, конечно, мучаясь, — что же дальше?

В октябре пошли затяжные дожди. Поначалу моросил мелкий бисер, на который не обращали внимания, а земля всё равно набухла, становилась тяжелей. Потом дожди усилились. Обутка, в которой прибыла основная масса женщин, была летней, сапоги взяли единицы, вроде Клавдии, и теперь она угрюмо смотрела не в лица своих отрядниц, а на их ноги. Дошло до того, что дюжина из пяти-то десятков работниц осталась вовсе босой. Среди них маменька.

7

Ах, маменька! Алёнушка всегда ощущала её присутствие перед собой. Маменька, как и папенька, была немногословной, но ласковой и безоглядно любящей, выражая эти свои чувства незаметным к дочке вниманием. Это вовсе не проявлялось в каком-то домашнем услужении — Алёнушка была с детства приучена убирать за собой, стирать и гладить, но и, понятное дело, не только за собой — за всем хозяйством. Она и маменькину одежду стирала, и выходные папенькины хромовые сапоги, пока он был жив, натирала до блеска, и корову доить умела с ранних лет, и поросётам корм задать сноровиста была.

И всё же маменька повсюду над ней была. Отовсюду за ней приглядывала. И не очень расспрашивая, чтобы не сократить дочерину свободу, желала знать и всё знала, даже если и не по Алёнушкиным словам, то по её вздохам или улыбкам, или даже по светлому дочкиному молчанию, которое любящему и бескорыстному материнскому сердцу сказать может и больше, и лучше слов.

Маменькина любовь была всегда опаслива — ведь Алёнушка росла такой светлой красавицей, — и Пелагея Матвеевна часто вздыхала — и ночью, и днём, — тревогу за это переживая. Сказать дочке, чтобы вела себя осторожнее, припрятывала как-то свою красу, берегла её единственному суженому, она считала невозможным — очень было бы это неделикатно. Не сказать — тоже неверно, и несправедливо даже — ведь девочки, да ещё красивые, должны бы знать, что их может ждать, если они окажутся неосмотрительны. И кто же это может сказать доверительнее и сердечнее, чем мама?

Но Пелагея Матвеевна, хотя и не из сильно грамотных, — а может быть, именно поэтому, — блюла деликатную осторожность, охраняя хруп-

кую свою девочку, и даже в мыслях боялась прикоснуться к тяжёлым темам. Есть такие любящие души.

Однако когда их сунули в кузов и привезли сюда, что-то в Пелагее Матвеевне оборвалось. Каким-то десятым чувством она сразу поняла, что всё кончилось. При этом она не о себе, конечно, думала, а об Алёнушке.

Самой ей не было ещё и сорока, и хотя так вышло по жизни её, что с лопатой она имела дело лишь при посадке и уборке картофеля, и уж никак не на земляных работах, таких вот, как здесь, труда такого да и мозолей она не страшилась.

Да, по деревеньке своей, к могилке мужа, который так недолго с ней побыл, к соседке Клавдии ходила она не спеша, солидно, как мать — хоть и не велика семейства, но красивой дочери. Но солидность эта была принятая, если можно так выразиться, благовоспитанная: до каких-то лет женская порода — просто девчонки, и им можно всё, до каких-то — невесты на выданье, и тут уже есть свои тайные ограничения, до каких-то — молодые жёны, и здесь приходит другое — авторитет хозяйки, чувства любящей женщины, следом же — материнство. Ну, а мать, пусть и молодая, по деревенским понятиям уже должна блюсти неписаный, но важный ход во всём: в разговоре, в отношениях с людьми, в походке.

И хотя ступала Пелагея Матвеевна от самого рождения Алёнушки солидно, как и полагалось, была она ещё сравнительно молодой. Сказать точнее — женщина в расцвете лет. И сил физических — тоже.

В иные времена такие женщины, потеряв мужа к тому же, без оглядки и замуж станут выскакивать, и детей рожать, да и не по разу, забыв, начисто из памяти стерев и свои первые радости, и любовь, и всякие иные воспоминания. Которые, в общем-то, по-божески-то, выдаются один-единственный раз и на всю оставшуюся жизнь. Как бы она ни сложилась.

Вот такой — женой, матерью, а теперь вдовой — была мать Алёнушки Пелагея Матвеевна.

Попавши вместе с дочкой на строительство бесконечного окопа, она, конечно, страдала от ужаса — и днём, и, особенно, ночью, не в силах уснуть на этих широких, деревянных, сбитых для всех полатах, не столько мучаясь от укусов вшей, сколько от горьких дум: что будет с Алёнушкой? И как же она, мать её, повинна, что не сумела ничего сделать, чтобы спасти эту, единственную у неё и покойного Сергея, ценность? Почему не отступила с войсками? Но где они были, эти войска, если она ни одного нашего солдата так и не увидела до сих пор? Ну, почему не убежала к партизанам? Но и партизан-то ведь ни один к ним в деревушку не зашёл. Да и ни одного выстрела в лесу они не услышали.

Хорошо, надо было бы в лес уйти! Ведь уходили же куда-то деревенские мальчишки. Да и Алёна рассказывала, будто учительница Ольга Петровна им в школе твердила — мальчишки пусть убираются. Подальше! Прячутся! Или ещё как!

Ну, а девчонки-то? Вот Алёнушка её, красавица писаная. Что с ней? Куда спрятать её надо было? В какой такой лесной, заколдованный схорон? Не знала этого Пелагея Матвеевна, по ночам все глаза выплакала. А ночи эти, отрядные, разве ночи? Выплакаться — и то нельзя. Алёнушка утром спросит:

— Что ты, маменька? Почему глаза красные?

А она не должна быть слабой. Её обязанность — Алёнушку здесь уберечь, если там, в деревне своей, на воле-то вольной сделать не поспела. Утром, чтоб всякие дочкины вопросы предупредить, улыбалась ей, бодрые слова говорила, и на работе, в траншее этой, всегда рядом с дочкой держалась. Та лопату земли подцепит, мать — две. Потом поняла: не то. Стала с дочкиной лопаты груз сбрасывать. Лопату её цеплять. Говорить:

— Тебе нельзя, доченька! Ты себя побереги! — И улыбалась ей изо всех сил. — Это тебе пригодится. Для продолжения!

— Для какого продолжения, маменька? — наивно спрашивала Алёнушка.

— Да для твоего продолжения, — говорила вкрадчиво мать. Негромко говорила, чтобы лишние не слышали. И перехватив недоуменный взгляд дочки, будто утверждала солидно: — Для нашего продолжения...

В дождливый день, когда ботинки Пелагеи Матвеевны рассыпались на несоединяемые части и когда к ней, мокрой и растерзанной, подошла Клавдия, а Алёнушка куда-то отодвинулась, она вскинула свои огромные, испуганные глаза на бригадиру, соседку в прошлом, и дрогнувшим голосом сказала ей:

— Клава! Сохрани Алёнушку! Как можешь, так и сохрани!

Клавдия взглядела в лицо Алёнушкиной матери, женщины давно и хорошо ей известной, увидела потерянные, широко открытые глаза, в которые сползали капли дождя, и по привычке, укрепленной здесь, в этом странном месте на краю лесной опушки, где строился громадный окоп не для людей, а для пушек, одёрнула Пелагею:

— Сама сохранишь! На то ты мать!

А отворачиваясь, делая шаг в сторону, сама моргнула, смешивая с дождем выкатившиеся слёзы.

Горькое поручение услышала она из уст чужой матери.

8

Их подняли ночью, да они уже и так не спали из-за шума моторов, который нёсся от их громадной канавы.

Промокли все и сразу, едва вышли на улицу, и отряд погнался на этот шум. В полутьме они разглядывали, как множество крытых грузовиков, часто зарываясь в землю, разворачиваются за канавой, сминая невысокие ёлочки, из крытых кузовов выскакивают солдаты, отцепляют от машин орудия и скатывали их в эскарп. Стволы как бы выглядывают из-за укрытия и нацелены вперёд, на невидимого противника.

Грузовики отъезжали, ненадолго останавливались, и в них загоняли рабочих. Среди этих загонял металась и полиция, но в большинстве тут командовали немцы. И они злобно шипели:

— Шнель — шнель...

Маменьку и Алёнушку чуть было не разделили, а Клавдия и другие деревенские пропали. Хорошо, что не так уж и надолго, хотя попереживались они вдоволь. Грузовики отъезжали один за другим, выстраиваясь позже в колонну, догоняя в пути друг друга.

С Клаввой они встретились на тёмном полустанке. Там стояли товарные вагоны, и перед ними разгружались грузовики, тотчас отъезжая. Женщинам приказывали залезать в вагоны, и Клава шепнула, что сейчас самое время бежать. Такой выход пришёл в голову не одной, видать, ей, потому что вдруг раздалась одна, вторая автоматная очередь, и кто-то страшно закричал на путях за вагонами. Потом стих.

Они влезли в вагон. Маменьку трясло, и Алёнушка тряслась тоже, они обнялись, чтобы хоть малость утешиться, но не помогало. Маменька была как раскалённая печка, и девочка сказала об этом Клаве. В руках у той был какой-то свёрток, она развернула его, и это оказалась рваная плащ-палатка, а может, просто кусок брезента — откуда только и достала. Маменьку укутали, а босые ноги её Алёнушка гладила, согревала своими ладошками, дула на них, сама трясясь от сырости и холода.

Когда рассвело, поезд остановился, скоро дверь распахнулась и два полиция с криком подняли молочную флягу, от которой шёл съестной дух. Потом кинули с десяток дюралевых мисок и столько же кружек. Какие-то женщины перекинули две наволочки, набитые тряпьем.

— Обуви нет? — крикнула Клавдия. — Дайте обуви!

Ей ничего не ответили, дверь захлопнулась, женщины придвинулись к фляге. В ней бултыхалось что-то вроде супчика — точнее, бурда, конечно. Стали разливать по тарелкам, черпая кружками эту всё-таки пахнущую едой жидкость. Ни ложек, ни хлеба — наливай и пей через край дюралевой посуды.

Маменьке вроде полегчало, и Алёнушка напоила её супом. Стояли они долго. В окна, точнее-то продолговатые щели, наверное, предназначенные для вентиляции, под самым вагонным потолком, виднелись зелёные кроны

сосен. Поезд стоял в лесу. И двигаться дальше не торопился. Может, и отстаивался в этом затишье.

Ещё засветло дверь открылась снова, и с улицы, опять женщины, подали мешок с обувью. Скорее, с остатками того, что обувью было. Клава и здесь приняла командование. Велела всем утомониться, обошла всех и каждого. Первым выдала обутки тем, кто совсем босой. Маменька оказалась среди таких, и Клава сунула ей какие-то невиданные теплые зимние ботинки со множеством петелек для шнурков. Шнурки вот только были на одном ботинке. Ни носков, конечно, ни чулок, но Алёнушка бережно натянула обувь на маменькины ноги. Изнутри было утепление, какой-то, может быть, войлок.

Маменька кивала ей, улыбалась, и Алёна заулыбалась. Ещё ничего не кончилось — наоборот, только всё начиналось, и платья их не просохли, и сверху, из окна, несло холодом, но ботинки всё-таки маменьку согревали, в животе кое-что булькало, — и то, выходило, слава Богу!

В углу кто-то заплакал, даже закричал:

— Не буду! Не надо!

Клава вернулась оттуда растерянной, в руках у нее была изношенная, среднего размера, светлая туфля, в пятнах, и она сказала Пелагее с Алёнушкой:

— Вот ведь! Высохшая кровь!

Они минуту помолчали. Маменька смотрела на свои ботинки, тёплые, зимние, один без шнурка, и губы её шевелились. А потом она стала нагибаться, чтобы ботинки эти снять. Но Алёнушка и Клава перехватили её, ничего даже не сказали, ни словечка, просто укрыли её брезентом, и дочка рядом с мамой легла, обняла её. Маменька убрала ноги в ботинках под брезент. Всем было ясно — обувь с убитых.

9

Поезд шёл и останавливался, и снова шёл, и они уже стали привыкать к этому, как вдруг что-то загудело над головой, потом стало взрывать — справа и слева, слева и справа. Видать, лётчики не могли прицелиться. А поезд, удирая, набирал скорость.

В какой-то миг вагон, в котором они были, будто пригвоздило на секунду. Всех, даже лежащих, поволокло вперёд. В конце состава раздался грохот, колёса не закричали, а взвыли железными голосами. Потом их отпустило, затем снова завывли, и поезд встал.

Сначала оглушила тишина, потом послышались немецкие команды, затем смертельный женский вопль.

— Отцепляй! — услышала Алёнушка немецкую команду, а Клавдия сказала ей:

— Давай-ка, мы тебя посадим, ведь лёгонькая! А ты погляди!

То, что она увидела, полувыглянув в продолговатое, узкое оконце под потолком, нельзя было видеть человеку. Любому, даже очень взрослому и много видевшему. А уж девочке...

Вагон, который находился от них совсем недалеко — ещё через один, — разворотило в щепки вместе с людьми. И на молодых ёлочках, росших вдоль пути, висели розовые гирлянды из человеческих внутренностей, на земле же валялись куски окровавленных тел да тряпки, бывшие платьями и бельём.

Алёнушка не сразу и поняла, что это такое перед ней, но окрестность, поначалу чутьчку затуманенная дымом, осветлялась, являя жестокую правду, и она сообразила, что за картину увидела, тоненько вскрикнула, даже коротко пискнула, как подбитый воробей. И как воробушек же скатилась вниз с Клавиных плеч. Едва её подхватили.

Когда Алёнушка пришла в себя, поезд шёл дальше, как показалось, торопливей, скорей, будто убегая от чего-то непоправимого. Она вспомнила увиденное, её заколотило, потом запоздало вытошнило. Чуть позже, когда проснулась после сна, короткого, но глубокого, как яма, в которой ничего не было, кроме черноты, увидела первым делом Клавины глаза — испытывающий, жёсткий, даже жестокий взгляд.

— Забудь! — велела Клавдия.

Алёнушка кивнула и заплакала — слёзы были уже утехой, смягчающей, отодвигающей увиденное. Она чувствовала себя изнурённой, истерзанной, и голова клонилась от какой-то бессильности, будто одолела непомерной длины путь. Клава сказала растерянно:

— Вот ведь!.. — и во всё обвинила себя. — А я-то, я!

Поезд шёл и шёл, и казалось, они никогда никуда не приедут. Потом остановился, двери широко распахнулись и уверенный русский голос крикнул:

— Вылезай!

И вот они вышли. Выбались. Вылезли, наконец.

Полураздетые, почти разутые женщины. Немногие старики в некоторых вагонах за дорогу обросли бородами и стали ещё старше — дикие существа, худые, с воспалёнными глазами и скрюченными руками. Уже не люди. Женщины были тоже страшны: не мыты, худы и всклокочены, но всё-таки женщин хоть отдалённо, но ещё напоминали.

Мужчин оказалось совсем мало, и их сразу увели, женщин же строили и перестраивали, вписывали их фамилии в книги, разбивали по новым отрядам, и Клава снова стала старшей в группе, куда она же каким-то образом затянула и Алёнушку с маменькой.

Место, куда привезли, сильно отличалось от места рытья эскарпа. Это был настоящий лагерь, обнесённый колючей проволокой, с охранными будками по углам, с крытыми бараками, оборудованными полатами. Давали тут и одежду, но от неё брала оторопь. Полосатые пижамы с номерами на груди.

Эти номера и записывали в книге вместе с фамилиями и именами, адресами, откуда прибыли. И лагерь имел номер, как воинская часть.

— Это мы в Германии, что ли? — спрашивала Клава.

Кто-то проговорил:

— Уже не Россия, ещё не Германия... Но часть СССР!

— Какая же она часть? — не сдавалась Клава.

И правда — ничего тут не напоминало их сторону. Хотя от лагеря до селения, которое виднелось вдаль, было не близко, даже отсюда дома с крутыми черепичными, а оттого нарядными крышами ни на что русское не походили.

Работа оказалась всё той же: копать землю. Копать было уже сподручнее. Были кайла — земля здесь каменистая, были тачки, которые таскали немногие старики да женщины посильнее. Были бригадиры-строители, они не отрядами руководили, — у женщин женщины же назначались, — а бетонными работами. Землю-то не просто так рыли, а в ямы ставили крепкие стены из бетона, бетон готовили неподалёку. Получались железобетонные гнёзда, врытые в землю, с полукруглыми низенькими, под землю, крышами, и с продолговатыми узкими бойницами. Доты — долговременные огневые точки. Туда потом должны были втащить пулемёты и стрелять по врагу. То есть по нашим.

Рыли землю и для артиллерии. И тоже бетонировали артиллерийские позиции, потому что пушки должны были стоять тут особенные, дальнобойные.

Все эти знания пришли к Алёнушке и ко всем остальным не сразу, очень постепенно, но пришли, оставляя, однако, равнодушными и её, и, наверное, всех, кто там был, в этом концлагере. Вообще-то в лагере для заключённых, хотя и не осуждённых и не пленных — никто этих женщин не судил и в плен не брал. А *конц-* означало *концентрационный*. Сконцентрировано, означало это, собрано, то есть здесь людей много, очень много, этакий концентрат рабочей силы. Или заключённых — разбирай, как можешь.

Выдали обувь: деревяшки с тряпичными креплениями. Их сразу прозвали “стуколками”, потому что подошва была негибкая и издавала стук при каждом шаге. Чуть позже, когда выпал снег, дали ещё и куртки, тоже полосатые, и обувь постепенно сменили на какие-то разношенные, больших размеров ботинки. Кто-то пустил слух, что их сняли с расстрелянных красноармейцев.

Утром — подъём до рассвета, весь световой день — на работе, когда стемнеет — в бараки. Мылись с трудом, холодной водой из шланга. Спали

каким-то обморочным сном. Ели что-то два раза в день, утром и вечером. Кормёжка на той артиллерийской траншее казалась отсюда объедаловкой.

Наверное, в этом и состоял чей-то извращённый замысел: взять человеческий труд, дав за него лишь столько, сколько нужно для воспроизведения энергии, нужной на этот труд. И даже немножко меньше. Ведь все, кто исполнял такую работу, после её завершения больше не требовался. Людей не собирались использовать дальше. А всё же работу требовалось исполнить в срок. Даже быстрее!

Этот срок уже погромыхивал где-то на востоке: необъяснимый весенний гром среди зимы.

10

Маменька противилась болезни изо всех сил.

Порой она совсем хорошо выглядела, улыбалась. Смеяться — этого не получалось, впрочем, и никто вокруг не смеялся, а уж маменька и подавно. Не помнила дочка её хохота ни в прошлой мирной их жизни, ни теперь, — только иногда растянет губы, да и то стеснительно как-то, себя будто бы окорачивая, сдерживая, даже улыбки-то стесняясь.

Если и улыбнётся — для Алёнушки, но тут же и угаснет, тоже из-за дочки. Она и жила-то из последних сил только для неё, запоздало поймёт потом Алёнушка.

Всегда будто бы перед кем-то отвечала за дочку свою — маленькую ростом, хрупкую, с нездешней, не земной, а сверху откуда-то посланной красотой, на которую вот теперь покушается война. А кто, как не мать, вступит за дитя своё?

Алёнушка видела, как маменька старается даже в строй встать так, чтобы заслонить собой маленькую дочку свою, если землю роет, так тоже таким образом, чтобы чужой взгляд собой перехватывать. На всех опасных линиях оказывалась она, избавляя Алёнушку от лишней опасности, даже взгляда, потому что и взгляд охранников был опасен, как выстрел. Почти как выстрел.

Но что-то горело в маменьке, какой-то болезненный огонь то притухал слегка, то вновь разгорался, и она тогда полыхала, пошатывалась, скрывая при этом даже от дочки своё состояние. Алёнушка всё видела, чувствовала, спрашивала Клавдию:

— Что делать?

— Если сказать по команде, — отвечала та, — заберут в лазарет. А от туда не возвращаются.

И они от маменьки не отходили на земляных работах, до тачки её не допускали, ясное дело, да и лопатой орудовать у неё всё хуже, всё слабей выходило.

— Если бы еда получше! — горюнилась Клава.

Еда была мечтой, сном, сказкой! Кормили их как в эшелоне — два раза в день бурда неясного происхождения и по крохотному кусочку хлеба. А что за хлеб был! Мокрый какой-то, рассыпающийся от резки, будто слепленный из чёрной глины.

Все они, до одного, страдали от голода, все были почти скелеты. Особенно жестоко выглядел их огромный женский барак по утрам, когда сотня женских полутеней становилась к длинной, над железным наклонным жёлобом, трубе, а из трубы, из дырок, в ней проделанных, текла вода, запираемая с конца трубы одним краном.

Полуодетые женщины умывались, даже подмывались тут же, не отворачиваясь и никого не стыдясь: голод и стыд — несовместимые понятия, и вид у них был непотребный, нечеловеческий, неловкий. Это была толпа полуженщин, которые ещё плещут водой, что-то говорят, даже толкают друг друга порой, чего-то меж собой не поделив.

И хотя церемония эта на всю-то сотню занимала не больше десяти-пятнадцати минут, Алёнушка всегда взгляд свой от этой сцены отворачивала. Старалась чуточку попозже присоединиться к ним, потому что пораньше-

то — кран был перекрыт. Его открывал старший. Вернее, старшая, хоть тут — не Клава.

Отвела эта Клава в сторону свой стреляющий взор, когда офицер обходил строй, выманивая кандидатуру для надзора над всеми своего же, из заключённых, старшину. Умерила свой характер боевой, который мог бы быть принят за готовность управлять баракком, уклонилась от позорной должности *капо*...

Выпал снег. Работать стало ещё труднее. К тому же их стали гонять на работы далеко от лагеря. Поначалу возили в грузовиках, и ехали они в них стоя, держась друг за дружку, а крайние цеплялись за брезент. Делалось это, чтобы набить побольше народу в каждую машину, и это были тяжкие поездки. Да ещё по рытвинам и ухабам.

Потом стали гонять пешком. Почти час в одну сторону. Целый день — копать землю, бить кайлом, вгрызаться в известняк. Потом час назад. Пешком. Под охраной.

Слава Богу, что в том бараке, где жила Алёнушка, не было зеркала. Хоть бы какого, самого малого. А то бы, посмотрев в него, она увидела не маленькую красавицу, а малого роста старуху, с чёрными разводьями под глазами, с втянутыми щеками — высохшую мумию. Даже носик, и так-то невеликий, сжался в пуговку или кнопку, а волосы от долгого, уже целые месяцы, мытья без мыла из золотистых превратились в серые, под стать серым полосам лагерной куртки, кем-то задуманных как чисто белые.

Женщины не видели себя, но не отворачивались ведь от других, и Алёнушка ощущала маменьку в самом правдивом той состоянии. И так-то скованная в движениях, сдержанная в речи, маменька теперь, болея, всё больше вроде бы замедлялась. Отставала от других, не успевала за едой, позже других поднималась с постели, трудно умывалась, медленно шла в колонне. Она теперь совсем мало говорила, только одышливо задыхалась, брела, сгибаясь, опустив плечи. Алёнушка с Клавдией всегда теперь шли сбоку от неё, справа и слева. Потом стали поддерживать её. А потом и просто вести под руки.

Дело поворачивалось совсем худо. Алёнушка и Клава отдавали ей свою еду, главным образом хлеб, но маменька отодвигала его или отщипывала несколько крох и сосала их, будто конфеты, улыбаясь в ответ опекунам своим.

— Ну, маменька! — просила её со слезами на глазах Алёнушка.

— Ну, Пелагеюшка! — уговаривала Клавдия.

Но маменька улыбалась почти блаженно, совсем серые волосы её торчали патлами, выцветшие серые глаза, лицо, старое не по возрасту, покрытое тысячами мелких морщин, обтянутые скулы... Дело шло к концу. Но когда люди ждут худшего, они всегда надеются на что-то. Хотя и надеяться уже не на что.

Но потому, видно, человек и есть человек, что он способен видеть горизонт, как известно, всегда отступающий перед ним. Всё нам кажется, что впереди что-то есть, может быть, неожиданно спасительное. Этот горизонт, отступающий по мере нашего к нему приближения, этот великий, может быть, даже божественный обман, своего рода утешение, всегда подаёт надежду. Это своего рода душевная отсрочка. Ведь нам страшно точно-то предсказать беду, подступившую к тебе или твоим близким! И, наверное, лучше уж не знать точного наступления этого мгновения!

В тот раз они шли пешком, колонна растянулась, на плечах несли лопаты и кирки, всё шло по обычаю, по жёсткому расписанию концлагеря, и люди почти привыкли к своей доле.

Колонна двигалась нескоро — отрядами по сто человек, квадрат за квадратом, женщины в полосатых куртках с номерами, под которыми такие же и с теми же номерами полосатые платья, мужчины, всё же отличимые от женщин, как правило, двигались своими отрядами чуть впереди и чуть быстрее.

Справа и слева, впрочем, совсем немногим числом — по одному, по два, часто — рядом, разговаривая между собой, чтобы было веселей, шли охранники, немцы, совершенно уверенные, что эти людские квадраты сами при-

дут, — а не придут, так приползут — к месту работ, потому что именно там их будет ждать дважды в день раздача их паршивой, но всё-таки жратвы.

Квадрат двигался за квадратом, Алёнушка и Клавдия держали маменьку под руку, и Клава неудобно несла на другом плече сразу две лопаты — свою и Пелагеину, мелкий, крушитчатый снежок царапал лица, но земля подстыла и идти было легче, конечно, чем после рыхлого снегопада.

Маменька вдруг тоненько ойкнула и стала валиться вперёд. Лопаты пришлось бросить, остановиться, положить маменьку на землю. Алёнушка подняла её голову на свои колени, звала её.

Сначала громко, удивлённо, потом испуганно, затем, всё поняв, тихо, и плакала, плакала, целуя остывающее лицо.

Колонна, в которой двигались они, ни на минуту не остановилась. Просто женщины, следовавшие за ними, их обходили, изредка восклицали, выкрикивали или выпёпывали междометия: “Ох!” или “Ах!” На большее сил не хватало.

Следующий отряд просто тихо обтёк их — три фигурки; лежащая Пелагея Матвеевна, с руками, которые сложила ей на груди всё умеющая Клава, плачущая Алёнушка на коленях, и надо всем этим Клавдия, крепкая фигура которой выглядела как столб какой, предупреждающий человеческое шествие о необходимости обойти, раздвинуться, хоть взгляд кинуть на горе, которое лежит посреди дороги.

Колонны обошли маменьку с Алёнушкой и Клавдией. Двое солдат, шедших за последним квадратом, остановились перед ними.

— Разрешите похоронить, — сказала Алёнушка по-немецки, поразив охранников.

— О! Ты говоришь по-немецки? — удивился солдат. — Тогда почему ты здесь? Могла бы поискать местечко получше.

— Это моя мать, — сказала Алёнушка, и тот, что был, видать, поопытней, ответил:

— У нас инструкция. Просто отодвиньте с дороги.

— Пожалуйста! — всхлинула Алёнушка.

Тогда солдат подошёл к остывающей маме, достал из кармана перочинный ножик, не спеша раскрыл его и срезал нашитый на куртку номер.

Он сунул этот ключок ткани в карман, и не сказал уже, а приказал:

— Убирайте с дороги!

И Алёнушка вместе с Клавой, ухватив Пелагею Матвеевну за плечи и ноги, приподняли её лёгонькое иссохшее тело и положили его на обочину.

Алёнушка плакала, Клава перекрестилась, и они пошли догонять колонну.

Первый немец так и не проронил ни слова. А второй всё повторял:

— Шнель, шнель! Надо догнать остальных!

II

Весь этот день маменькиной смерти Алёнушка терзала себя неутихающим укором, без конца спрашивая: почему не отдали в лагерный лазарет? И хотя все говорили, что из лазарета не выходят, а выносят, и не видели они с Клавой ещё ни одной женщины, вернувшейся в барак оттуда, никак не могла она простить себя, что не попробовали! Корила себя: да если уж и умереть, то хоть на какой-нибудь всё-таки койке, а не вот этак! Прямо на зимней дороге!

Она плакала, её трясло, и ей даже пришла мысль, что маменькина болезнь теперь перешла на неё. И поделом! Лучше бы они и умерли разом на той дороге, ведь их жизнь и не жизнь вовсе, а ничтожное существование. Какой смысл держаться за неё!

Не скрывая слёз, она в лихорадке говорила всё это Клаве, и та молча лицо её отирала, мельком, чтоб не привлечь внимания охранников, прижимала к себе, а потом яростно всаживала лопату в заледенелую землю, тепер уже собой, своим телом закрывая девочку от чужих взглядов.

Ночь после маминой смерти Алёнушка провела в жару, металась, а Кла-

ва укрывала её жалкими тряпицами и вспоминала просьбу покойной матери приглядеть за дочкой её. Вот и вступал в силу неисполнимый долг Клавдии.

Следующим утром колонна двигалась по вчерашней дороге.

Всю ночь валил снег, сухой, мелкий, нерусский какой-то, и дорогу перемело, не говоря уж про само поле: выровненное ветром, внешне скользкое, оно походило на огромную, без краёв, льдину.

Когда миновали место, где вчера положили маму, Алёнушка, смаргивая слёзы, глядела во все глаза, но так и не увидела даже холмика. Всё поглотил оледенелый снег.

Клава взяла её за руку. Утешила, как могла.

— Скажи, девочка, слава Богу! Спрятана маменька твоя на земле, а не в печи спалена.

Они шли и плакали, а женщины, шагавшие рядом, не плакали — то ли не было сил, то ли берегли они свою последнюю энергию, чтобы не рухнуть вот так, посреди дороги, как рухнула вчера одна из них.

Не успели они приступить к работе в тот день, как за Алёнушкой пришёл немец. Тот самый, высокий. Сказал ей спокойно и вежливо:

— Следуйте за мной.

Клава заметалась было, но Алёнушка безразлично выполнила приказ. Передала ей свою лопату, чтоб не пропала, и двинулась за охранником.

Клавдия охнула, глядя на то шествие: длинный верзилка с автоматом, а за ним, ровно вполовину меньше, крохотная фигурка не то девочки, не то старухи. Она будто охом своим какую-то команду подала, эта надёжная Клава: все на секундочку, да останавливались, переставали рыть землю, глядели на немца и Алёнушку, которые шли не быстро и не медленно, но на виду у всех.

В фанерном строении немец сказал ей, что надо подписать бумагу о смерти маменьки, и она, не очень вдаваясь, что-то подписала. Потом он зачем-то сказал, что это необязательно, ведь у каждого на груди свой номер, а в книге записей есть все нужные сведения. Но если необязательно, мучительно ещё подумала она, тогда зачем сюда завёл?

Немец внимательно на неё поглядывал. Алёнушка не обращала внимания: вся душа её ещё рыдала, всё тело тряслось от мысли, что маменьки нет. И никого теперь перед ней нет.

— Кто ты? — спросил немец неожиданно.

Алёнушка пожала плечами. А кто она, правда? Заключённая, что ли? Но кто её судил, за что? Просто схватили и привезли. И погубили маменьку. Примерно так она и ответила этому солдату, с трудом складывая немецкие слова в предложения. Хорошо, что их требовалось немного для такого объяснения.

Они сидели вдвоём в теплушке, где, наверное, грелись охранники, здесь было тепло, в углу трещала чугунная печка, а на ней пыхтел чайник. Немец, ничего не спрашивая, поднялся, налил в железную кружку горячей воды, потом полез в брючный карман и вытащил оттуда нетолстый пакет из газетной бумаги. Газета была немецкая. Он развернул её, и там оказались два бутерброда. Один — с колбасой, другой — с сыром. Он подвинул их Алёнушке, поставил перед ней кружку с кипятком. Молча на неё посмотрел. Вопросительно посмотрел.

Она испуганно отодвинулась. Немножко подумала. А потом взяла кружку и стала пить горячую воду, запивая ею забытое яство.

“Ну и что! — шептала она самой себе. — Ну и что!”

Из будки она вышла, чуть покачиваясь, почти опьянев от невиданной еды и внеурочной кружки кипятка. На пороге солдат сказал ей:

— Меня зовут Вилли. Запомни это.

Она хмыкнула: этого ещё не хватало! Когда шла обратно, опять на неё посматривали землекопы. Точнее — землекопки. И это было непривычно: в самом деле, идёт какая-то малышка в полосатой робе, а за ней следует длиннющий солдат — персональный конвоир.

Про бутерброды Алёнушка Клаве не сказала, и было ей на душе от этого неуютно. Не то, что соврала, а умолчала. И ведь не принесёшь же старшей своей подружке полбутерброда: или ешь, или откажись...

И всё же перед сном они пошептались с Клавдией. Алёнушка спросила, видела ли она раньше этого долговязого Вилли? Сама Алёнушка не видела. Точнее, не различала вообще никого из охранников. Они были вроде колючей проволоки, может быть. Чем-то неодушевлённым. А вглядываться в проволоку, пусть даже она всякого размера и разного качества, у неё не получалось.

Клава тоже не помнила этого длинного. Призналась, что тоже никого из немцев не выделяла. Немец и немец. Охранник и охранник. Враг и враг.

Дня два или три ничего не происходило. Но это — как посмотреть! Сначала Вилли подходил к площадке, где работала Алёнушка, и вроде замещал собой других охранников. Стоял и смотрел. Прохаживался. Уходил и возвращался.

Потом, когда строились в колонну, чтобы двигаться на работу, однажды утром имя Алёнушки выкрикнул дежурный офицер. Она осталась у дверей барака и мёрзла с полчаса, пока не явился Вилли, и долго не разговаривая, приказал:

— Идём.

Он не выставил вперёд свой автомат и просто шёл позади неё. Он привёл её к лазарету для заключённых. Завёл её туда и велел посидеть в пустой маленькой комнатке. Пошёл к врачу. Там они о чём-то громко поговорили.

Появилась медсестра, похоже, не русская и не немка, жестом показала, чтобы Алёнушка следовала за ней. Странно, но привела в душ. По-русски, но на ломаном языке, стала говорить, чтобы девушка разделась и как следует помылась.

— Как слетуетт! — повторила. — Пон-няла! Всюту!

Алёнушка послушно разделась и вымылась, чувствуя, что освобождается от тяжести, приходит в себя. Ещё бы — горячая вода! Мыло! Правда, чёрное, будто из дёгтя сделанное. Она мылилась и тихо попискивала. И плакала, плакала...

Вытерлась не полотенцем, а тряпичей, но больше всего поразилась в раздевалке. Вместо старой полосатой робы и ношеного полосатого платья там висели такие же полосатые, но новые и платье, и роба, а номера на груди — её. И почти новые полусапожки. И носки. И бельё.

Не веря себе, с ещё мокрыми волосами она вышла в коридор. Всё та же не совсем русская, но и не немка привела её к врачу. Довольно полный человек в белом халате поздоровался с ней по-немецки, и она ответила ему тем же.

— Гутен таг!

— О-о! — удивился он. — Говорите по-немецки?

— Очень немного, — ответила она и решила пояснить, — учила в школе.

— О-о! — снова удивился он. И чему-то улыбнулся. — Это меняет дело! И разъясняет обстановку! Пожалуйста!

И указал на кресло. Оно было слегка похоже на то, что Алёна видела всего-то раз за свою жизнь в зубном кабинете, но и, конечно же, не такое, совершенно не такое и вовсе не понятное. Она растерялась. А доктор кивнул:

— Ну, да! Снимите трусики!

Она затряслась, приготовилась плакать, но он усмехнулся и сказал:

— Вы — женщина! Это обычный осмотр!

Трясаясь, взгромоздилась в холодное железное кресло, доктор натянул перчатку, что-то слегка пошевелил там, о чём и самой-то стыдно подумать. Но всё было быстро и аккуратно, при этом толстяк воскликнул:

— Гут, гут! А вы девушка!

Она ещё тряслась, ничего не понимая, что же тут ещё-то скажешь: конечно, девушка. Но немецкий врач врачом и был, не спросил, а неожиданно всё расставил по местам:

— У вас ещё не было мужчин!

Потом взял продолговатое стёклышко, каким-то взмахом совершил непонятную манипуляцию. Всё остальное было легче. У неё взяли кровь из пальца, но особенно долго её мучила та помощница врача. Вывела Алёну в приёмную и принялась искать у неё в голове. Потом объяснила:

— Вшей нет. А книды ест-ть!

Неожиданно дала мелкий гребешок и маленький флакончик, от которого пахло керосином. Алёна понюхала, и та подтвердила:

— Та, та! Этта керасин! Смассьвайте голофу! Вечером, перет сном!

Этот нежданный медосмотр, а особенно горячий душ Алёнушку ошеломили. Она возвращалась в сопровождении длинного Вилли совсем размагниченная, расслабленная, потерявшая всякую осторожность.

Неожиданно он велел ей остановиться. Команду выполнила механически, по привычке. Вилли обогнул её, встал перед ней. Заглянул в глаза. И вдруг спросил то, о чём не спрашивают.

— У тебя и правда не было мужчин?

Вся Алёнина расслабленность исчезла, она вспыхнула про себя, возмущаясь: “Да какое дело этому фрицу до её жизни?” Она промолчала, ничего не ответила, просто покраснела: вот ведь, даже в концлагере девушки должны краснеть от диких вопросов.

— Ты меня не поняла, — стараясь говорить мягко, произнёс Вилли. И брякнул совсем непотребное: — Я хочу, чтобы ты была моей.

Алёнушка даже закачалась от такого удара. Ну, да, она — в полосатой робе, а он — с автоматом, она — русская, а он — немец, идёт война и сила у него, этого Вилли... Но чтобы так! Прямо в лоб! “Моей”! Почему? С какой стати? За что? Но она только удивилась:

— Твоей?

И столько в этом вопросе было омерзения, столько ненависти и бессилия сразу, что этот Вилли залопотал:

— Нет, нет, ты меня не так поняла!

Так или не так — Алёнушка обогнула верзилу и кинулась к пустому барраку — ведь отряд был на работе. Дверь была отворена, она пробежала к своему лежаку, кинулась на него и завывала, как маленькая, незащитная собачонка.

12

Наредевшись вдосталь за этот чистый и мерзкий день, ночью она вышестала его Клаве. Та даже вскинулась от злости. Повторила, стиснув зубы:

— “Не так поняла”? А как это нужно понимать?

Вертелась, не могла сомкнуть глаз, но никакого совета Алёнушке подать не сумела. Вдруг утихла и засопела.

Утром Алёна вместе со всеми, только в новой робе, которую все разглядывали, шла на работу, весь день вкалывала и опять под наблюдением Вилли, который, однако, не приближался. Только когда вернулись к барраку, он подошёл к Алёнушке и, особо не скрываясь, сунул ей пакетик из газеты, опять бутерброды.

Женщины, измученные работой и дорогой, молча и бесстрастно глядели на эту сцену, но такое бесстрашие и тишина многое значили.

Алёнушка подержала завернутое в бумагу и бросила Вилли в лицо. Он едва поймал своё угощение. Женщины шелохнулись, но никто не рассмеялся. Вилли сунул в карман свёрток и молча ушёл.

Клава стояла возле Алёны, обняв её за плечи, обе смотрели вслед охраннику, а кто-то громко сказал:

— Ну, и дура!

— Да ты что-о, а?! — крикнула, оборачиваясь Клава. — Подстилкой немецкой стать! За бутерброд этот! Лешачий?

Но та, что обозвала Алёнушку душой, исчезла, растворилась в полосатой толпе, и выходило, будто толпа угрюмых женщин сама выкликнула это слово да умолкла, сама же себя и устыдившись. Получалось, будто выкрик этот был глубоко спрятанной тоской, возможным выходом, который не каждой даётся. Голосом отчаяния.

Клава Богу, Клава на неё прикрикнула, на эту тоску в полосатой толпе. И это её “что-о, а?!” освободило от нечаянной смуты срамную зависть. Все задвигались, зашевелились, дверь захлопала, толпа втянулась с холода в барак.

Перед тем как уснуть, опрокинуться в чёрный омут, выплывать из которого всякий раз приходилось без надежды и без веры хоть в какую-то малость хорошего, Алёнушка шепнула Клаве:

— Ну, и что теперь будет?

Та молчала, повернувшись к Алёнушке, вглядываясь в лицо её — иссохшее, совсем не детское, с выцветшими ободками глазных радужек, с посеребрившими губами, со скулами, как у матери Пелагеи, обтянутыми иссохшей кожей.

— Сколько тебе годиков-то, девочка? — спросила она, проверяя себя, и ойкнула про себя: пока пятнадцать.

И что же ей уготовила эта лагерная жизнь? Что вообще с ней будет? Про себя-то Клава знала всё наперёд. Как и про всех, кто в этом бараке. Не сейчас, так через месяц, через два — конец прост и понятен. И ей не вернуться в свой двор, к ребятишкам, это ясно как дважды два. Потому она и не рвала, старалась не рвать в последние лохмотья остатки сердца, вспоминая про дом, ставший неправдоподобно далёким, будто всё, что было, хорошее и плохое, — это всего лишь невзаправдашний сон. И пусть он пока отойдёт в неблизкое прошлое.

А здесь и теперь она рядом с девочкой, которая ещё ничего не извела в этой жизни, чтобы вот так, завтра или через день, уйти из неё...

Может ли что быть страшнее? И какое такое есть объяснение или извинение за жизнь, отданную просто так, если всё-таки выпадает малый случай на спасение, на продолжение её без всякого предательства кого бы то ни было, без вины за грех, да и без самого-то греха?

И как поступить, когда деться некуда?

Но Бог ты мой! Что за дорога открывается перед девочкой? Позор, за которым последует какое-то и где-то наказание? Ну, а если остаётся какая-то надежда, что всё-таки она выживет? Выживут ли все они, кто здесь ходит копать землю под охраной автоматчиков?

И Клава, крестьянская женщина, мать своих детей и жена мужа, который где-то воюет или уже давно отвоевал, сама-то отяжелённая собственной своей неизвестностью, будто чем обожглась: да ведь перед Алёнушкой — весы. На одной чаше — позор, да, но жизнь, хотя и неизвестно какая и на сколько. На другой — просто смерть, без всякого выбора.

И она прошептала Алёнушке:

— Надо тебе выжить! А как выжить, подумать боюсь. Ступай, милая! Бог не выдаст, чёрт не съест!

13

Нет, не была Клавдия никакой провидицей, но пошло по её предсказанию. Да только с подломом, с новым испытанием, может, потяжелей других. Наутро после подъёма пришёл охранник, тот, первый, которого звали Ганс, и ничего не объясняя, отвёл Алёнушку в другой барак, на другом краю лагеря.

Там возле дверей стоял грузовик, в него садились такие же, как всюду, но незнакомые Алёнушке женщины. Ей велели залезать вместе со всеми. Вначале Ганс показал её здешней охране и женщине-капо, из арестанток.

Алёнушка сразу поняла, что эта женщина не оставит её в покое. Пока немцы отдавали ей свои распоряжения: Алёнин номер, фамилию, говорили ещё что-то обязательное, видно, в таких случаях, она кивала, будто понимала по-немецки, но Алёнушка чувствовала, что не понимает. Не понимает, но что-то про неё знает и имеет насчёт неё некое указание.

Грузовик поехал, и Алёнушке стало совсем тошнѣхонько: куда ни повернись, другие лица, незнакомые женщины, всё больше черноглазые. Некоторые переговаривались на других, совершенно незнакомых ей языках, две-три женщины показались ей похожими на Софью и Сару.

Боже! Как далеко отодвинулось то время! Она даже забыла про казнь учительниц, хотя тогда упала в обморок. Сколько же прошла и узнала она с тех пор! И маменьку Пелагею Матвеевну оставила вот в чистом чужом по-

ле! И голод, и каторжные работы испытала. А сейчас ещё что-то готовит ей судьба. Но за что? За какие такие и перед кем грехи, ею не совершённые?

Когда тряслась в том грузовике при первой своей поездке от другого барака, Алёнушка ещё не понимала, чем решено было её обломать! Узнала она это вечером, когда ей указали место перед самой лампочкой, освещавшей барак по ночам. Лампочка была прямо в глаза. И хотя она, в конце концов, не мешала спать в стельку изработавшемуся человеку, было неприятно от знания, что ты находишься под особым вниманием: прямо у входа, под лампой. Да и от двери дуло: зима и есть зима.

Но всё это Алёнушка свободно бы одолела. Не могла одолеть неожиданно понятого: её оторвали от Клавдии, последней близкой души. Ей давали понять, что она совершенно одна в чужой толпе выживающих теней.

И ещё она узнала, что работа, назначаемая этому бараку совсем уж вдали от лагеря, была самой тяжёлой. Среди громадных валунов они колотили кайлами землю, начинённую камнями поменьше, вроде бульжников. Строилась особенно прочная огневая точка, стены которой имели природную защиту и были практически непробиваемы. Пол внутри этой громады заливали бетоном, который приготавливался тут же: цемент высыпали из толстых мешков, заливали водой, приглаживали лопатами, подсыпали каменьев и снова заливали раствором.

Это делали два десятка мужчин, их привозили другой машиной, и барачная старшина, у которой оказалось неожиданно имя Ангелина, хриплым голосом своим, то ли хваля, то ли ругая, называла этот человеческий сбор “интернационалом”.

Нравы в “интернационале” оказались свирепыми. Работали жёстче, — наверное, объект торопились закончить. И кроме обычной солдатской охраны, здесь постоянно находились какие-то инспекторы, некоторые в офицерской форме, и другие, в штатском. Они крутились среди рабочих, давали указания, сердились, ибо их не понимают, били людей кулаками, сшибали с ног. Конечно, это касалось сначала мужчин, но не брезговали бить и женщин, особенно черноволосых, — постепенно Алёнушка узнала, что это были цыганки и еврейки. Их как-то и русские-то сторонились.

Да и вообще, бродила над этим “интернационалом” какая-то вроде как тьма. Все, ей показалось, опасались друг друга, никто не жался, как когда-то к Клаве, люди были подавлены ещё чем-то, кроме тяжкой работы. Может, уже крайним голодом?

Кормили здесь явно хуже, чем в первом Алёнушкином бараке. А работа получалась тяжелее. Она выбивалась из сил — колотила кайлом по камню, из-под него вылетали искры, но дело подвигалось худо. Ангелина, поглядывая на девочку, спросила однажды с усмешкой:

— Скоро израсходуешься?

Она задумалась. Никто не говорил такого слова, когда работали. А ведь на самом деле — всё расходуется: и руки, и ноги, и внутренности, наверное, и душа. Сила берётся от еды, а еды дают столько, сколько на работу не хватает. Выходит, если перерабатываешь, значит, тратишь остатки самой себя. Расходуешься. И если перестараться, то перерасходуешься.

Эта начальница из своих, дьявол с ангельским именем, безжалостная взрослая баба, той своей фразой лишила Алёнушку остатков надежды. Разве не знала она этого раньше? Знала, понятное дело. Но сейчас её словно приговорили. Никто и ничто не стояло теперь между ней и расправой: ни маменька, ни Клава, взрослая, утешающая душа, ни надежда на чудо...

Алёнушка заболела. Измученная, опустошённая изнутри, ощущая, кажется, жилы свои, не говоря о скелете, где все косточки — в ногах, в руках, в груди и пальчиках — слышны и стонут. И однажды она не смогла подняться утром. Её трясли, но не помогало. Подошла старшая с издевательским именем Ангелина, попробовала посадить Алёнушку на койке, та молча упала. Чувствовала только, что горячая слезинка прокатилась от края глаза к виску. Ангелина прописала ей своё лечение:

— Впору похоронщиков вызывать. Приехали, девка!

Но отнесли в лазарет на носилках. Больше Алёнушка не помнила ниче-

го. Прожила без памяти, как потом сказала ей с акцентом всё та же медсестра:

— Три сутток!

14

Зачем с ней возилась? Непонятно.

Готовилась ли она к чему-нибудь? Хорошему или плохому? О хорошем и думать не могло, потому что все знали: из лазарета выходят ногами вперёд. Но она и о плохом не думала. Плыла, будто в какой-то лодке. Вода тихо журчала, невидимая ей, лодка её сознания двигалась в неизвестном направлении, и она ничему не противилась, истратив все свои силы.

На третьи сутки ей дали выпить суп, но не ту бурду, которую разливали в бараках, а что-то поприятнее. Ещё прежде воткнули в руку иглу, и она смотрела на бутылочку, прикреплённую к железной стойке, из которой по прозрачному шлангу в неё возвращалась жизнь.

Ещё через два дня её погрузили в сани — да, да, самые настоящие деревенские розвальни, запряжённые лошадкой, и куда-то повезли. На выезде из лагеря у возчика проверили документы. Солдат подошёл к Алёнушке и отогнул широкий ворот тулупа, в который она была завернута, сверил номер, пришитый на робу со своей бумагой.

Потом она оказалась в деревянном доме. Комната, где её сразу заботливо уложили, была обита жёлтыми некрашеными досками, как у них дома, и как тогда, в детстве, Алёнушка стала разглядывать, что складывается у неё над головой из узоров, которые открывает распиленное дерево. Она видела цветы и птичьи клювы. Ещё ей привиделось чудище. Правда, оно меняло свой облик, превращаясь в следы сучьев, да и было далеко от неё — в углу, за дверью. Она спала и спала. И ела. Ей давали много жидкого. Какой-то суп. Какая-то каша. Она снова спала. И ничегошеньки ей не снилось. Однажды за дверью раздались твёрдые шаги. Кто-то шёл уверенной, надёжной походкой. Дверь растворилась и перед Алёнушкой оказался... Господи, перед ней стоял охранник Вилли!

Зачем! Почему? Она хотела вскочить, одеться, побежать, но не могла пальцем шевельнуть. “Всё! — говорила она сама себе. — Всё!” И слёзы катились из глаз её — откуда только столько взялось? Ведь когда ей было понастоящему худо, выкатывалась одна-единственная слезинка. И катилась к виску.

А Вилли сел на стул перед кроватью, силой взял её руку и вдруг негромко, срываясь на шёпот, стал говорить. Конечно, по-немецки:

— Бедная ты моя! Красавица ты моя! Как хорошо, что я тебя нашёл! В этом лагере! Возле смерти! Я спасу тебя! Ты хочешь этого? Я спасу нас!

Это было долгий, долгий и очень сентиментальный монолог, совершенно неприличный мужчине вообще и немцу-охраннику особенно, но Алёнушка, так и не выбравшись из болезненной слабости, не сумела найти сил, чтобы воспротивиться, возразить, отказаться. Даже встать и побежать она не могла. Только крикнула изо всех сил, но сил этих было так мало, что и крика-то у неё не получилось — так, сильный хрип лишь вырвался из неё и угас...

И ровным счётом ни о чём она не думала, кроме неожиданного ужаса — этого Вилли, тоскующего о какой-то любви, вражеского солдата, стерегущего её и многих других, таких же, как она. От чего же стерегущего-то? От свободы, от дома своего? От жизни, в конце концов?

Всё в ней, как перед смертью, промелькнуло за доли секунды, вся её жизнь: дом, папенька, школа, зелёный нарядный мох в лесочке возле дома, где упокоен Сергей Кузьмич, Соня и Сара, повешенные только за то, что они — еврейки, непомерной длины траншея, которую откопали селяне, и этот лагерь, из которого ходу нет. Кроме как на тот свет...

Да, всё так и происходит, когда кончается человек, — в доли секунды, в мгновения ока прокручивается перед ним вся его жизнь с трудами, грехами, радостями, любовью, — и потом уж он бросается в смерть.

Вот только у Алёнушки, в жизни её короткой, неопытной и невинной, ничего ещё не случилось по-настоящему-то. Так что её судьбушка очень быстро перед ней прокрутилась.

И она кинулась в смерть.

А оказалось — в жизнь.

15

Он быстро сказал, что любит Алёнушку, и хотя она не поверила ни одному его сентиментальному изъявлению — какая любовь? врага и заключённой? да ещё в концлагере? — противиться сил не было. Тяжёлое равнодушие навалилось на неё. Оставалось слушать.

А Вилли негромко, но твёрдо говорил о своём, и это был единственный выбор. Ему следовало объяснить себя, всё, что с ним происходит. И он это довольно внятно сделал. Время от времени, правда, останавливался, спохватываясь, что Алёнушка не понимает сложностей языка. Повторял то же самое, но попроще.

Он рассказал, что воевал на Западном фронте, и его ранили, он лежал в госпитале. Довольно тяжело ранили, хотели списать в инвалиды, и долгое время он жил у родителей, в деревне под городом Дуйсбург — там у них небольшая ферма. Ему даже хотели дать офицерское звание, но родители посоветовали: офицер всегда впереди, под огнём, особенно в пехотных войсках, и там пули их быстро находят. Впрочем, кто сказал, что солдатам легче?

Словом, он почти два года прожил дома, его вызвали на комиссию и призвали вновь — очень требовались на войне всё новые люди. В России. Тогда отец, его зовут герр Фридрих Штерн, использовал свои связи, чтобы Вилли отправили не в строевую часть, а в охранные подразделения. Учитывая ранение. И вот он оказался здесь.

Это счастье для солдата, говорил он, а для него — втройне, потому что начальник всех здешних лагерей был другом детства его отца, и он разрешает Вилли некоторые послабления. Например, — и это чудо! — он живёт не в казарме, а здесь, в домике у здешних жителей. За это он платит им — деньги присылает отец.

— Вот, — говорил Вилли, улыбаясь, — разрешите представиться, моё имя Вилли Штерн. Я солдат. И я полюбил тебя, русская девочка!

“Штерн, штерн, — вяло думала Алёнушка. — Ну, откуда ей известно это слово? Ведь оно означает... Господи, да ведь у Софьи Марковны была фамилия Моргенштерн! Утренняя звезда!”

Она слабо прошептала:

— Моргенштерн!

— Я-я! — твердил Вилли. — Да! Только Штерн! Просто Штерн! Не Морген!

Вилли, конечно, не понял, почему Алёнушка произнесла это слово, так взволновавшись. Да он и вообще не узнал историю Сони и Сары — так они до повешенных учительниц никогда и не добрались.

В первом же том монологе Вилли сказал Алёнушке, что понимает её страхи. Да, он — немец, а она — русская, и все, даже начальник лагерей, близкий друг его отца, которому всё нипочём, считает любовь Вилли не любовью, а просто увлечённостью. “Конечно, — говорит этот полковник, — я понимаю тебя как мужчину, и всех наших солдат понимаю, я, как видишь, тоже мужчина! Но всё это пройдёт, как только ты доберёшься до первой женщины! Сразу придёшь в себя! Будешь ругать себя за вздорное решение!”

А решение это он принял там, возле объектов, когда увидел Алёнушку, копающую землю. И потом, когда она просила похоронить свою мать прямо в поле. Но это не полагалось. Что делать — война.

Он, конечно, хотел помочь ей там, на дороге, но Ганс бы точно написал рапорт. И это могло закончиться шпиком. Его бы отправили на фронт. Могли бы отправить. А туда никто не хотел, особенно в последнее время.

Насчёт войны Вилли высказался сдержаннее. Он считал, что неизвестно, чем она кончится. В победу русских он не верил. Верил в немецкую победу.

— Поэтому, — делал он странный вывод, — я предлагаю нам жениться. Женитесь! Само это слово повергло её в ужас. Она ухватила одеяло, натянула его на себя. Да он просто издевается. Добивается своего и издевается.

— Ты не веришь! — сказал Вилли. И тут произнёс такое, что Алёнушка напряглась и, может, первый раз задержала на нём взгляд. — Да я и сам не верю! Немец и русская... Русская и немец... Ведь ты предашь Родину, я это знаю. А надо мной будут смеяться немцы. И от этого не спрячешься. Ни тебе не поверят, ни мне.

И она увидела, что он не улыбается уже, а глаза у него блестят от слёз.

16

Она не поняла, но почувствовала — это правда.

Разумом верить не могла. Почему вдруг немец выбирает её из толпы измождённых пленниц, говорит о какой-то любви, сам ни во что не верит, и от этого всего только что не плачет? Ведь они звери, эти немцы! Как тогда вешали учительниц на турнике возле школы! Как Софья и Сара, склонив головы, дёргали судорожно ногами, будто туфли сбрасывали. Чем лучше другие немцы, которых встречала она? Все они на одно лицо! На одно и то же — жестокое, без всякого сочувствия — лицо. И вот выискался один! К ней пристал! Почему!?

Единственное, что вдруг не поняла, а почувствовала она — совсем повзрослому. Ну, да! А если мы победим? Что-то на востоке гремит и гремит... И чем это кончится для Вилли? Его убьют? А её?..

И здесь грянуло новое испытание. Да горькое-то какое! Прожив шесть дней в доме у Вилли, она вернулась в концлагерь. Однажды вечером Вилли предупредил, что срок её “отпуска” кончился утром, что полковник не раз уже спрашивал его, получил ли он удовольствие, и Вилли соврал, что получил. Однако Вилли давно решил, что не позволит себе быть скотом по отношению к Алёне, потому что действительно любит её. И он будет ждать её согласия. Предлагает даже зарегистрировать брак, полковник на это имеет законное право. И хотя для него это будет настоящий удар, Вилли уверен, что уговорит его исполнить свою юридическую возможность.

— Ты спросишь, что будет дальше, — говорил Вилли. — Не знаю. Подумаю. Есть простой вариант.

Он подумал. И сказал ещё кое-что, её совсем не удивившее:

— Тебя просто продадут. На сельхозработы. Наверное, тебя могу купить я сам. Я же фермер! И я могу отправить тебя домой. К родителям. Но я не хочу так.

Помолчал. Долго смотрел ей в глаза, потом твёрдо произнёс:

— Я хочу на тебе жениться!

Он поцеловал её в лоб, как целуют покойницу. И больше в тот раз не прикасался к ней. Ранним утром, в зимней тьме, они опять поехали в лазарет. Оттуда он повёл её к бараку пешком.

Лагерь поднимался ото сна, внутри барака слышались голоса заключённых.

— Ты скажешь, так не бывает, — проговорил Вилли. — Я и сам это знаю. Всё могло бы быть проще и по-моему. Но я не такого хочу. Прощай, если не позовёшь меня. И тогда ты погибнешь раньше меня. До свидания, если меня позовёшь. Запомни: я не скотина. Не все немцы скоты. И я люблю тебя.

Ох, ну и расхохотался бы этот барак, эта обездоленная команда измождённых женщин разных наций, одетая в полосатые платья, если бы Алёнушка сказала им...

Им бы сказала?.. Что она чиста... Да ни за какие коврижки, как говорят русские, не поверила бы ей эта толпа. И Алёна без всяких разъяснений знала, чего ожидать, потому что всем стало странным образом известно: заключённую такую-то вывозили за лагерную проволоку.

Алёнушка переступила порог, и несмотря на то, что была пора утреннего оживления, гомон слегка притих. На неё воззрились десятки глаз. И тут же кто-то крикнул:

— А-а! Подстилка фашистская!

И ещё, ещё:

— Сучка немецкая!

И всех перекрывающий вопль:

— Не слушай их! Спасайся, как можешь!

Алёнушка рванулась назад, выскочила на улицу, но Вилли исчез, зато там стоял другой, неизвестный ей охранник, и он крикнул:

— Назад! Выходить по команде!

И она снова вступила в барак, в ад, который выговорился, выкричался и теперь молчал.

Кто-то сказал за её спиной:

— Капо! Ангелина! Переведи меня подальше от этой суки.

— Я тебе переведу, — крикнула Ангелина голосом, не содержащим угрозы.

— И меня, — твякнул ещё кто-то.

Даже в кузове грузовика, где их было, по русскому присловью, как сельдей в бочке, вокруг Алёны образовалась небольшая, но пустота. Ей не за кого было держаться. Только ладонями касалась она колеблющейся, ненадежной брезентовой крыши, только пальцами. Её швыряло, она падала.

Работа шла легче, ведь так или иначе Алёнушка передохнула, укрепилась едой. Но когда землекоп позвали на обед, вокруг неё снова образовалась пустота. Слезы падали в железную миску с жалкой бурдой, и Алёнушка не знала, что делать. Молва заключённых затвердила грех, ею не совершённый. Что же было делать теперь?

Ни слова, ни слёзы не признавались оправданием. Ты виновата, и всё! Ты виновата, потому что это, во-первых, предательство Родины! Но самое страшное, что может совершить женщина на войне, так это переспать с врагом. Так что это предательство мужа-солдата, который воюет с врагом, хотя, может, никакого мужа и никакого солдата у тебя нет. Всё равно. Наконец, ты продалась за то, чтобы вырваться отсюда, хотя — ха-ха! — вырваться тебе никуда не удалось, сука, и это твоя Божья кара! Проглоти её!

И наконец! Идёт война! И все страдают! А ты хочешь уйти от этого страдания! Так пусть тебя настигнет то, что страшнее всего, — не рана, не смерть, а человеческое презрение, которое сильнее даже смерти и смерти молвой людской переживёт.

И вот тогда рядом с девочкой кто-то опустился прямо на снег. Справа и слева. С одной стороны была цыганка, ещё молодая, но постарше, конечно, Алёны. С другой присела капо Ангелина. Они вели себя так, словно их что-то связывало, во всякой случае, цыганка начальницы не страшилась.

— Дай-ка мне ручку, — сказала она, и хотя Алёна противилась, силой притянула к себе её ладонь. И тут же громко, чтобы слышали другие, воскликнула:

— Слушай, красавица!

А дальше прокричала то и так, что Алёнушка никогда не могла забыть:

— Ждёт тебя долгая жизнь! Но трудная и несчастливая!

— Выбирай, — усмехнулась командирша Ангелина. — Жизнь так жизнь. Пусть несчастливая! А можно и без неё обойтись!

Прогнала цыганку. Спросила, к Алёнушке наклоняясь, чтоб никто не слышал:

— Вилли спрашивает, да или нет?

И Алёнушка, опустив голову и помолчав, прошептала сдавленным голосом:

— Да!

17

Наутро она снова оказалась в лазарете для заключённых, но не на больничной койке. Всё та же медсестра, говорящая с акцентом, у которой оказалось немецкое имя Дагмар, дала ей ведро, указала на тряпку и ещё — на койку в комнате для медсестер. Коек было только две, и заправлены они по-человечески, с белыми простынями и хрустящей наволочкой на подушке.

На одной поперёк лежало тёплое платье, комбинация, нижнее бельё, на полу — простые туфли без каблуков.

Стонов, криков, да и просто чьих-то голосов слышно не было, и Дагмар предупредила возможный вопрос:

— Если бы полных-х сюта клали, мы бы пез прот-тыха жил-ли! Понял-ла? Здесь действует прирот-тный от-тбор. А т-ты переот-теньс-ся.

Долго размышлять не пришлось. Приехал на мотоцикле с коляской Вилли, усадил в неё, сам ухватился за плечи водителя, и они уехали в знакомый уже Алёнушке дом, пройдя, ясное дело, проверку бумаг на выезде. Номера на её груди уже никто не спрашивал. Да и обычной одежде не удивились.

Алёнушка осталась одна. К вечеру произошло важное открытие. Ещё до возвращения Вилли в дверь постучали и вошла Дагмар. Она улыбалась и медленными, неспешными, растянутыми на согласных, словами объяснила Алёне, что это её дом, точнее, дом её родителей, а Вилли снимает здесь комнату, потому что он сын состоятельных родителей в Германии, и хотя солдатам не полагается получать очень много денег из дому, ему каким-то образом делается исключение.

— Тебе очень везёт, — сказала Дагмар. — Вилли хороший человек, понимаешь? Я наполовину эстонка, а наполовину немка, и я бы была счастливой иметь такого мужа. Поверь мне!

Она помолчала и сказала откровенно, с явной завистью:

— Почему он полюбил тебя?

Появился Вилли. Закрыл дверь, чтобы никто к ним не входил, накинул салфетку на часть большого, грубо сделанного стола, уставил её едой, о которой Алёнушка и представления не имела даже тогда, когда не было войны.

Вино со странным названием на бутылке — “Фрау милх либе” — “Молоко любимой женщины”, розовая ветчина в прозрачном, колышущемся желе, выпавшая из вскрытой железной банки, чёрные и солёные блестящие ягоды, имени которым Алёнушка не знала вовсе, сыр в вощёной бумаге из круглой красной коробочки. Даже сосиски, которые Вилли молниеносно разогрел, он достал из большой железной банки.

Принёс он ещё и свечу. Невиданно толстую, нерусскую, во всяком случае. Алёнушка таких свечей раньше не видала.

— Ну, вот, — сказал он, когда они сели за стол. — Это наша свадьба, дорогая русская девочка.

В одной руке он держал бокал с вином. Был такой бокал и у Алёны.

— Как жалко, что идёт война! И как было бы здорово, если бы был мир! Мы бы сидели с тобой в красивом ресторане над Рейном. У нас в Дуйсбурге есть очень хорошие рестораны!

Алёнушка моргнула, не понимая, как могла бы она, не будь войны, сидеть в каком-то Дуйсбурге.

— Ну, да! — опустил голову Вилли. — Если бы не война! Не концлагерь этот! Я бы тебя и не увидел! — И прибавил: — На этой земле...

Свечка потрескивала, на тарелках взлёскивала вкусная еда, и Алёнушке явилась совершенно страшная, какая-то голая в своей страхоте мысль: вот она и продаёт душу дьяволу!

Разве она любит этого Вилли? Да она же его просто не знает, да и когда, как могла узнать? Зачем? По совести-то если сказать, она просто спасается, как велела Клавдия. Бежит из ада!

Она подняла бокал, молча чокнулась с Вилли и первый раз в жизни сделала глоток вина. Голова сразу закружилась, будто ей кто-то помог. Кто-то тёплый, живущий внутри неё самой.

Они даже не поели. Стали мужем и женой.

Неужели стали?

Ничего, кроме короткой боли и отвращения, она не испытала. Отвращения к этому Вилли, к самой себе, мерзости и унижения. Он уснул, а она прошла босиком к ведру, стоящему за дверью, присела, опрастываясь, и заплакала, завывала, как воют звери. Да и не звери даже, а — так, мелкие поганые твари...

А свадебные угощения Алёнушка медленно ела одна, утром, когда деревянный дом стих. Изредка, правда, в нём что-то потрескивало, гулко ударяло. Где-то на втором этаже слышались шаги, но они были такими тихими, что можно было вообразить — это осторожно ходят мыши или же здешние привидения.

Алёнушка плакала, плакала без конца, отирала рукавом слёзы, утихала и снова плакала. Может, первый раз в жизни она плакала о себе. Ведь она даже с парнями не зналась, никто её своей, русский, не поцеловал до этого Вилли, и вот она досталась врагу, немцу.

К Вилли она мыслями не могла и не хотела приближаться. Что-то в ней как будто онемело. Казалось, что и Вилли, и всё, что случилось, происходит не с ней, не в её жизни, а с кем-то другим, и не наяву, а в каком-то полусне.

Вечером Вилли принёс сверху патефон и позвал Дагмар — её родители так и не спускались вниз, наверное, не желали мешать молодым. А Дагмар смеялась и была в нарядном, таком глупом розовом платье, и Алёнушке подарила что-то голубенькое. Но это голубенькое болталось на ней, на скелете, только начинавшем обрывать чем-то похожим на плоть, а Вилли ничего этого не видел, не хотел видеть и понимать. Он, глупо улыбаясь, смотрел Алёнушке в глаза и всё время целовал её в лоб.

И чем больше, чем вкуснее ела Алёнушка, чем больше она становилась похожей на женщину, тем с большей жадностью любил её Вилли — и при свете, и во тьме.

И хотя даже самой ей это было отвратительно признавать, она, вопреки своей воле, оживала. Будто просыпалась от долгого дурного сна. Являлась к жизни, окружённой бедой. Бедой, всласть испробованной, если может быть своя сласть у беды. А теперь вот от неё бегущей изо всех сил, во все лопатки удирающей от смерти к жизни, и глупо, конечно же, надеющейся, что такой побег возможен.

Спасаясь душой, выбегая из тьмы во тьму же, но ещё не зная об этом, Алёнушка стала просыпаться как женщина. Однажды, сама того не поняв, обняла Вилли и, кажется, вдохновила его. А на его спине, под лопаткой, она ощутила впадину, целую ямину, заросшую кожей, под которой не было рёбер, и поняла — это зажившая рана.

В тот миг она не пожалела Вилли, скорее испугалась.

Но совсем немного спустя Алёнушка неожиданно ощутила, что ждёт, когда придёт Вилли. Выходить из дома строго-настрога запрещалось, и Алёнушка истоптала всю комнатку, где жили они, иногда выбиралась в большую прихожую, целый холл с холодным, ни разу не заживавшимся камином, — впрочем, что это за печка, и как она горит, Алёнушка и понятия не имела, в их деревушке о таких чудесах даже не слыхивали. Так что она прохаживалась, и хотя ступала легко, на носочках, доски под ногами пощёлкивали, постреливали, поскрипывали, и совершенно нового свойства одиночество накатывало на неё.

В лагере, который не зря назывался концентрационным, она ни на минуту не оставалась одна. Только теперь ей стало вдруг ясно, что то лагерное многолюдье помогало ей. Все они там были вместе, все на грани жизни и смерти, но — вместе. Теперь она стала сыта, но вдруг, и разом, оказалась одна. И, может быть, это такой обмен у неё вышел: спасение поменяла на вечное одиночество? И поэтому Вилли вдруг становился надеждой. Она ждала его. Хваталась за него, как за соломинку... Не просто и не сразу поняла она тяжёлую правду: он для неё сразу — и спаситель, и губитель.

Ей уж и такое в голову приходило: убежать. Но куда? Было бы это хоть в родных краях, хоть в каких-никаких русских землях, чтобы спросить-то можно было, куда идти. Но тут, где русская речь почти чужая, на первом же перекрёстке схапуют и отправят, куда Макар телят не гонял... В другой, может, концлагерь какой. Или на месте приشلёнут, как комара. Если дома, близ деревушки, на сельском отшибе, про партизан они не слыхали, то здесь о них и вовсе никто не говорит. А и что скажешь партизану? Жила,

мол, с охранником Вилли. Он и ответит: “Пошла вон, подстилка немецкая!”

Недели через три Алёнушка почувствовала странные в себе перемены. Ей стало как-то хорошо. Что-то в ней двигалось будто бы. Наверное, мускулы, получившие хорошую еду, стали распрямляться, становиться гибче, наливались жизнью. Странное дело, но у неё и настроение стало меняться.

Всё она знала, всё понимала, всё видела, что делается в какой-то версте от её деревенского окна, вон там, за колючей проволокой, но её почему-то это перестало касаться. Жила и ждала Вилли. И улыбалась, когда он приходил. И во тьме обнимала его, с ужасом и с радостью понимая, что он теперь единственный близкий ей человек.

Вот когда она, наконец, сломалась.

19

Дальше жизнь понеслась вскачь.

Как-то вечером они снова развлекались — Вилли из вежливости танцевал с Дагмар, а сам всё время обнимал Алёнушку, обучая её танго и фокстротам, и Алёнушка вовсю уплетала еду, доставленную им на ужин, и вдруг эта немецкая эстонка нахально сказала:

— Вилли, тебе не каш-шется, что тфоя жена оч-ч-чень мнока кушшает?

Но Вилли-то понимал по-русски не больше десятка слов. Алёнушка сообразила, хотя и не сразу, с некоторым опозданием, что эти слова предназначены ей. И спросила:

— А что?

Дагмар оставила кавалера, остановила рукой Вилли, который потащил Алёну танцевать:

— Погоди!

Наклонилась к Алёнушке:

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — удивилась Алёна.

— Очень хорошо?

— Очень хорошо.

— А у теп-пя дафно, — и наклонилась к уху Алёны. Та вздрогнула, встала с места, ответила:

— Да сколько здесь живу...

— Теп-пе надо пак-касаться докторру!

И повторила то же самое Вилли. Тот ничего не понял, но озаботился.

— Мне не хочется, — сказал он, — тащить её в лазарет, за проволоку.

— Ну, так притащи доктора сюда! — ухмыльнулась Дагмар.

На другой день, по-немецки чётко, Вилли доставил к ним в комнатку доктора, который, осмотрев Алёну, установил, что она беременна. Это известие походило на ледяной обвал.

Однажды, совсем маленькой, лет пяти или шести, ещё до школы, Алёнушка вышла в начале весны на улицу возле своего дома. Пригревало солнышко, даже, пожалуй, как следует грело, и с крыши сначала падали отдельные капельки, а потом они стали бить всё чаще и чаще и потекли тонкой-тонкой струйкой.

Алёнушка бездумно любовалась этим, смотрела, как льётся вода, и вдруг что-то зашумело наверху. Всё в ней оборвалось, онемело. Ужас, сжавший всю её, объявил, что всё кончено, и холод, падающий сверху, будет всегда, и снег завалит Алёнушку с головой, насмерть.

Но снежная лавина с крыши сошла, Алёнушка открыла глаза. Вокруг всё так же сияло солнце, рядом с лицом лежал снег, и его можно было бы лизнуть, открой только рот. А страх прошёл. Она зашевелилась, задвигала руками, ногами и выбралась из сугроба, едва её не скрывавшего.

Ужас исчез, будто его не бывало, она тогда хмыкнула, не зная, то ли плакать, то ли смеяться, и вот так — полуплача и полусмеясь — выбралась из сугроба. А потом уж рассмеялась над собой, освобождённо и счастливо — ведь на неё не страх упал, а только его шутовское подобие!

Но вот то краткое время — когда на тебя летит снежный вал, заваливаясь за шиворот и ударяясь в лицо, — она запомнила как нечто неожиданное, всегда готовое свалиться сверху, вбросить в скорый ужас, после которого хочется и плакать, и смеяться разом.

Она и плакала, и смеялась, пока Вилли, вдруг посерьёзнев, растеряв солидность и уверенность, сначала шагал по их комнате, потом шагал по каминному залу, потом уходил и возвращался, пока не объявил:

— Тебя хочет увидеть мой дядя!

— Кто? — удивилась она.

— Начальник здешних лагерей. Я тебе говорил, что это друг моего отца, но он мой дядя. И они учились с моим отцом в одной школе, только дядя моложе. Я всё устрою. А ты не бойся!

— Ты повезёшь меня в лагерь? — спросила Алёнушка, и вся её душа скатилась к коленкам. Она бы и шага не сделала, приведись ей идти. Лагерный ужас ворвался в неё. Ведь могут вернуть. Теперь-то! Беременную?

— О, нет! — сказал Вилли. — Он приедет сюда.

Настала многодневная пауза. Сначала Алёнушка ждала этого начальника трепеща, едва не теряя сознание. Она не понимала, зачем это всё, нельзя ли как-нибудь без такого ужаса, но Вилли посмеивался. Хотя, заметила она, и не очень уверенно.

— Не бойся! — говорил он. — Раз уж решение принято, то остальное легче.

Что-то неверное звенело в нём, какая-то неправда. Однажды он усадил её напротив себя, попросил спокойно его выслушать. Обойтись без паники.

— Нам надо жениться. Официально. Этого я добиваюсь от полковника. Он смеётся надо мной. Говорит, что хватит! Каникулы кончились! Я объявил ему о ребёнке. Он говорит — ты сама ребёнок. И я решил, что тебе надо уехать. К моим родителям! Чтобы ты спокойно выносила ребёнка. Родила его в нормальной больнице. А я приеду к вам. Буду делать всё, чтобы этого добиться.

Вот так. Целый план. Невозможные мечтания.

Снова, как при докторовом заключении, — холодный снеговал, непонимание: смерть это или жизнь? Она уже не плакала.

— Тебе надо поучить немецкий! Я хочу, чтобы у тебя была моя фамилия! Понимаешь! Штерн! Алле Штерн! Я добиваюсь документа на это имя. Аусвайс!

Она без конца плакала, оставшись одна. Куда она поедет? Как она станет немкой — ведь Вилли этого хочет? Да и что из всего этого получится? Почему он говорит, будто её отпустили? Кто отпустил? Как? Где хоть одна бумажка, дающая ей свободу?

Всего-то и есть — беременная девчонка, и всё! А вот теперь ещё и имя надо отдать? И фамилию... И бежать?

От кого? Куда?

20

А Вилли тянул. То ли у него не получалось, то ли он чего-то опасался. Когда они оставались одни, он тоскливо рассматривал Алёнушку и каждый раз спрашивал одно и то же:

— Ты хочешь родить нашу крошку?

Она кивала. Но его это как будто не утешало. Он снова спрашивал:

— Ты хочешь родить нашего сынка? Или дочурку?

— Почему ты не веришь мне? — спрашивала она, и произносила совсем взрослые слова. — А что мне остаётся?

— Если будет девочка, — сказал он ей в тот вечер, — назови Елизаветой, в честь моей бабушки, это она меня вырастила таким дураком. А если мальчик...

Вилли довольно долго молчал, сосредоточенно о чём-то думая, потом медленно, и вроде как не для Алёны даже, проговорил:

— А если мальчик, назови его Иоганн. В честь Гёте... Ты знаешь такого поэта? — И не дождавшись её неуверенного кивка, прибавил совсем тихо, — Только Гёте может выхлопотать нам прощение у будущего...

Поняла ли она его? Вряд ли. Только подумала, что совсем не знает этого человека. И что он может оказаться совсем не похожим на всех других немцев, которых она страшится...

Однажды он сказал так, что сразу стал ей ближе, в один миг. И она опять пожалела его:

— Понимаешь, — сказал он, — я хочу, чтобы после меня кто-то остался. Сын или дочь. А то ведь — война. Раз — и всё кончено. И никого после тебя!..

Он смотрел на неё с какой-то грустной улыбкой, и эта улыбка, наверное, подтверждала, что он не верит в печальный исход. Вилли не раз объяснял Алёнушке, что война закончится так или иначе, и все, кто выживет, продолжат существовать. И солнце не зайдёт, и люди станут работать дальше, любить, рожать детей, виновных накажут, но невинных — большинство, и если ты никого не убил... Тут он умолкал, останавливался, и Алёнушка понимала так, что это относится к нему самому. И верила его словам. Хотела верить. Уговаривала себя поверить.

Она спросила его:

— Почему ты выбрал меня? Мало немок?

Вилли усмехнулся. Помолчав, сказал:

— Сделаю странное признание, хотя ты, наверное, не примешь его. В нём любое слово противоречит другому слову. Первое: я должен поторопиться. У меня нет времени. Второе. Мне стыдно, что я здесь. Лежал бы в окопах — было бы легче. Третье. Я увидел тебя возле мёртвой матери. Это плохо для солдата, но мне стало жалко тебя. И себя.

Опять невесело усмехнулся:

— Да ты ведь всё это знаешь...

Вилли тянул несколько недель, живот Алёнушки стал округляться. О чём-то он разговаривал с Дагмар, однако это происходило наверху, откуда так ни разу и не спустились её родители. Но Вилли туда поднимался, потом объяснял, что заносил продукты, и постепенно стало понятно, что дело не только в этом.

Все эти дни он что-то торопливо писал, рвал бумагу, снова писал, наконец, заклеил написанное в конверт. Получилось что-то пухлое, этакий бумажный брикет.

Дагмар передела Алёну в своё слегка подправленное пальто, принесла вполне приличную обувь, неновые, но хорошие два платья свободного покроя.

Наконец, они втроем сели за столом в их комнате. Дагмар, видно, требовалась на случай перевода технических терминов, и Вилли объяснил план дальнейших действий.

Сначала он отдал ей аусвайс, с фотографией, которую сделал в этой же комнате дней десять назад чудным фотоаппаратом, умещавшимся в его ладони. По документу её звали Алле Штерн. А в отдельном листке с немецким орлом, который держал в когтях круг со свастикой, значилось, что жена Вилли Штерна возвращается к месту его жительства в предместье города Дуйсбурга, адрес такой-то. Справка от врача подтверждала её беременность. Ещё одна справка, от лагерного лазарета, говорила о том, что Алле Штерн является младшей медсестрой и допущена комиссией к обслуживанию раненых.

Вилли сказал, что завтра уходит санитарный поезд в Берлин. Везут тяжелораненых офицеров. И лагерный доктор, известный Алёнушке, договорился, что в качестве вот такой младшей медсестры в поезд возьмут и её. Надо будет помогать. Жить, пока идёт состав, она будет в купе на четверых, с немецкими медсестрами. Поэтому не надо много говорить, чтобы в ней не узнали русскую, хотя...

— Ты же похожа на немку! — возмущенно воскликнула Дагмар. — На красивую немку! На красивую беременную немку, которая едет рожать нового солдата!

— Только не это! — воскликнул Вилли.

— Ну, ладно, — не стала спорить Дагмар, — главное, чтобы спокойно доехала! Вот я о чём!

Всё это она приносила по-немецки, без забавного акцента, который возникал у неё в русской речи, и Алёнушка, теперь Алле Штерн, частенько и с улыбкой вспоминала потом эту свою наставницу, совсем-то не намного старше по возрасту, явно завидовавшую её судьбе.

Вот бы кому надо оказаться на моём месте, думала она. И у неё бы всё получилось, у этой Дагмар. Хотя бы потому, что она была наполовину немкой и, таким образом, ехала бы на свою, пусть даже неведомую ей, родину. А Алёна ехала в чужую страну.

Перед посадкой в поезд Вилли дал ей тот самый толстый пакет.

— Это письмо родителям, — сказал он слишком бодро, — оно всё объясняет. Хотя я уже писал им. — И шепнул, прижав её к шинели. — До встречи на Рейне.

Они обнялись и при всех поцеловались. Может быть, это был первый и единственный осмысленный Алёнушкин поцелуй.

Всё её существо было в смятении. И оно, это смятение, походило на русскую зимнюю пургу, на снежную бурю, когда ветер сечёт лицо, не давая говорить, слова невозможны, и только слёзы — одни слёзы! — остаются в человеческой воле... Впрочем, и это ошибка, потому что слёзы выбивает ветер... Они поцеловались — победитель и побеждённая, спасаемая и спасающий, оба — обречённые.

Ох, сколько же она передумала всякого, пока поезд с ранеными немцами, под их крики и под их смерть — многие умирали в пути! — двигался через Кёнигсберг и Польшу в Германию.

Не раз и не два, особенно почему-то ранними утрами и по вечерам, поезд на запад, перед которым раздвигали все остальные составы, обгонял товарняк со знакомыми вытянутыми оконцами под крышей.

Она вспоминала, как Клава подсадила её, чтобы посмотреть, что стало с их поездом, который бомбили наши самолёты, и теперь вглядывалась в эти оконца, зная, что делает. Несколько раз в оконцах этих виднелась рука в полосатой куртке или часть лица: глаза, чаще всего — испуганные, и кусок полосатой шапки...

Поезда с узниками стояли, пропуская скорый литерный, и Алёнушка едва сдерживала слёзы. Мысль, которая её угнетала, была убийственно проста: узников везут в Германию силой, а она едет сама. По какой воле — это выбирать ей. По доброй? Чтобы родить дитя? По злой? Чтобы родить немца? И кто она сама?

Пробовала она думать о любви. Ну, да, Вилли был её первым и единственным, ничего другого она не знала в этом страшном мире, куда её враз, без всяких предупреждений, кинула война. И она выбиралась из смерти — благодаря случайности, благодаря вражескому солдату, который, может быть, один из миллиона этих немцев оказался добрым и любящим человеком — а ведь такого не бывает!..

Любила ли она? Она этого не знала. Да если бы и любила, разве это может быть хоть каким-нибудь оправданием? Но если даже дитя, растущее в ней, и может стать доказательством любви двух взрослых, то сколько бы ещё потребовалось бесчисленных дней и лет покоя и благоденствия, чтобы разницу между русской и немцем, между Вилли и Алёнушкой сравнить вообще? Сравнить навсегда, как вырубить чертополох, неведомо откуда колопещий людей своими колочками?

Она ловила себя на том, что это не её мысли. И удивлялась, что думает о предметах, недоступных человеку с её простенькой судьбой. Но вот — странное дело! — она думала именно так... Любовь или нелюбовь... Она, едущая спастись, и эшелоны с заключёнными. И маменька, маменька, оставшаяся в неведомом поле, на мёрзлой, чужой земле.

Но сама-то! Сама она кто?

Видать, их поезд шёл, окружённый почтением.

Остановки были краткими: для смены паровозов — всегда чёткой, без сильных толчков при сцепке, — для загрузки продовольствия и воды.

Когда миновали Польшу, раза три сгружали покойников. От маленьких, аккуратных, всегда жёлтых вокзальчиков к последнему вагону бегом подбегали со свёрнутыми носилками молодые, как правило, солдаты, через несколько минут возвращались, мелко семена, с носилками уже развёрнутыми, на которых кто-то лежал, с головой укрытый простынёй.

Раза два снимали живых, но особо тяжёлых. Поездные врачи и сёстры не могли надеяться, что таких довезут, и отдавали их в руки врачей местных госпиталей и больниц. Этих выносили из разных вагонов, а не из последнего, который был превращён в покойницкую.

Алёнушка, будто в затянувшемся сне, смотрела на эти торопливые остановки, разглядывала аккуратные мирные станции, дома, как будто все подряд новые, людей, говорящих на языке хоть ей и знакомом, но... всё-таки чужом. Когда говорят по-немецки абсолютно все, без малого исключения, наконец-то начинаешь окончательно соображать, что ты среди чужих. И что ходу назад нет никакого. И тебе остаётся только одно: приспособиться. То есть врать! Всё время, непрерывно и во всё врать!

А если тебе ещё и созданы все условия, чтобы врать, фрау Штерн?

Впрочем, врать её никто не заставлял. Три соседки оказались на редкость доброжелательными. Как только они разглядели её живот, в них, кроме обыкновенного женского сочувствия, — может, даже и зависти, ведь все они были старше Алёнушки, но никто ещё и не думал о детях, — проснулось что-то ещё, совсем непонятное.

Хельга, старшая по возрасту и субординации, пошутукавшись в коридоре с остальными, как потом сама же и призналась, сходила к начальнику эшелона и предложила, чтобы тяготы поездной службы, которая, конечно, возлагались и на фрау Штерн тоже, они разделили между собой. Потому что она едет рожать солдата рейха.

Благочестивую эту мысль подхватили и остальные сёстры, и немногие женщины-врачи. Да и мужчины разных должностей и званий согласно кивали, узнав о предложении этого сознательного купе. Хельга даже однажды произнесла фразу, в тот самый миг, когда на крохотном вокзальчике местный медсостав принимал носилки, закрытые простынёю, — что, мол, немецкие женщины нарожают новых воинов вместо ушедших навеки.

Это без всякой иронии передала Алёне другая соседка, немка эстонского происхождения, как и Дагмар, но только стопроцентная, — Эва. В первый же вечер она рассказала, как могла с родителями угодить на русский восток, куда выслали всех немцев, живших в СССР, после начала войны. Но им удалось сойти за чехов, и теперь она служила в армии, имела звание младшей медсестры, безумно гордилась этим и, как и Дагмар, мечтала убраться подальше от России, на родину предков. Родители её умерли, она теперь одна, и путь её лежит только на Запад, поэтому она придавала особое значение всем немецким установлениям.

Отношение Хельги и её предложение освободить Алле Штерн от тяжёлой работы с ранеными Эва приняла как благородный девиз, свою гражданскую обязанность, и всячески заботилась о беремнной. Но в этом таилась и опасность.

Эва знала русский, что и демонстрировала не раз, когда они сходились в купе вместе. Слава Богу, что сходились редко, — работы было невпроворот, и редко когда ночью все спали одновременно. Уж двое-то почти всегда дежурили возле раненых.

Эвы Алёнушка опасалась по простой причине — чтобы не выдать себя, чтобы она не поняла, что Алёнушка не немка, а русская. Потому Алёна говорила по-немецки короткими фразами. Отдельными словами. Соседки по купе относились к этому с пониманием. К тому же её стало тошнить — несколько раз Алёна стремительно выскакивала из купе.

И они её жалели! А она, освобождённая от ухода за ранеными, брала щётку с длинной ручкой, ведро и шла по вагонам, медленно и тщательно протирая полы. Раненые не обращали на это внимание, но персонал — кто знал о беременности младшей медсестры — ободряли её не раз добрыми словами и даже шутками. Алле Штерн отвечала тихим голосом:

— Данкешён! — Большое спасибо!

Четвёртое место в купе занимала берлинка Линда. Хохотушка, не менявшая своего весёлого настроения ни при каких обстоятельствах, она, узнав, что в Берлине фрау Штерн надо пересесть на Дуйсбург, чтобы ехать дальше на запад, воскликнула:

— А в поезде есть майор из Дуйсбурга! Может, он знает твою семью?

В Алёнушке всё оборвалось. Документы у неё в порядке, Вилли — её муж, она едет к его родителям. И хотя никто не требовал от неё скрывать своё происхождение, она прекрасно понимала, как переменится обстановка в купе, признайся только, кто она.

Но Линда была из породы упорных вертушек. Она спросила, как зовут мужа Алле, и возвратилась в купе с выпученными глазами.

— Фрау Штерн! — сказала она при Хельге. — Да ваша семья — одна из самых почтенных в Дуйсбурге! Ваш тесть имеет приставку *фон* — её же носят аристократы!

Алёнушка опустила голову, не зная, как быть. А Линда не успокаивалась:

— Майор сказал, что ваш муж Вилли Штерн должен быть не менее чем полковником!

— Что вы! — встрепелась Алле Штерн. — Он простой солдат! — И прибавила, подумав: — Он был тяжело ранен на Западном фронте!

— А теперь воюет в России! — как-то торжественно, почти траурно проговорила Хельга. — Честь и слава такому солдату! Отстань, Линда!

— Но майор хотел бы видеть жену Вилли! — не унималась доброжелательница.

— Скажи, — спасла Алёну Хельга, — что её тошнит. Что у неё интоксикация. И она лежит!

И заботливо уложила Алёну, повторяя про себя:

— Полковник, солдат!.. Какая разница? Просто немец!

“А теперь, — подумала Алёнушка, — усади-ка этих подружек вокруг себя да расскажи, что было с тобой на самом деле!”

22

Как и обещала, Линда помогла ей добраться до поезда, идущего в Дуйсбург, купила билет, устроила в купе. Линду даже освободили от выгрузки раненых, только чтобы она могла помочь фрау Штерн.

У фрау же было порядочно рейхсмарок, которыми её снабдил муженёк, и когда она вынула целый свёрток их, сложенных пополам, чтобы заплатить за билет, Линда восхищённо вздохнула. Наверное, окончательно утвердилась в мысли, что имеет дело с богатой аристократкой.

Алёна перехватила этот восторженный взгляд, обращённый к деньгам, и, не зная, правильно ли делает, протянула Линде всю пачку. Та резво отскочила.

— Что вы, фрау Штерн! Как можно, фрау Штерн!

Тогда фрау отсчитала пять или шесть самых крупных купюр, протянула Линде. Та приняла. И сделала книксен. Так же, бывало, приседала Дагмар.

Её глаза светились искренней благодарностью. А ведь Алёнушка была намного младше неё. Лет на пять, самое малое. Так они и расстались — очень доброжелательно улыбаясь друг другу.

Но всё остальное!

Ей нужно было сойти за одну остановку до Дуйсбурга, в его пригороде, а на станции, по инструкции, которую продумал Вилли, следовало выйти на привокзальную площадь, подойти к любому извозчику и сказать, чтобы отвезли до фермы Штернов. Там расплатиться.

Но когда Алёна вышла на небольшую площадь, извозчиков там не оказалось. Растерявшись, она оглядывалась по сторонам, не зная, что делать. Неожиданно увидела изогнутую трубу, что-то вроде русского рожка, и краткую подпись: “Почта”. Зашла туда. Поздоровалась. За простой перегорожкой сидел седоусый старик, в ответ приподнявший шляпу.

— Что угодно, фройлян? — спросил прокуренным голосом.

— Мне нужно на ферму Штерна, — сказала она.

— О-о! — без удивления ответил почтальон, — это не ферма, а большое имение! Почему же вас не встретил их кучер?

— Я приехала неожиданно.

Старик поднялся, и только, наверное, тут разглядел, что девушка-то в особом положении.

— О-о! — опять как-то по-старинному удивился он. — Да я вижу, вам надо помочь? — Полюбопытствовал: — А вы откуда?

— Из России, — ответила Алёна.

— Бог ты мой! — воскликнул старик и даже пошатнулся. — И кем же вы им будете?

Алёнушка смутилась и впервые внятно сказала вслух:

— Я жена Вилли Штерна.

Старик так грохнулся на стул, что она вздрогнула.

— Вилли! Мальчик Вилли! Я же его знаю с колыбели! И вы — его жена!

Он как-то сразу переменялся, этот старик. Споро поднялся, взял большую сумку, вроде почтальонской, но другого вида, не похожую на русскую — немецкую, из толстой и коричневой блестящей кожи, объявил:

— Я вас отвезу! Мне надо развозить почту. В том числе и Штернам, и я с удовольствием отвезу вас. В качестве, наверное, доброй вести!

Он открыл перед ней дверцу в почтовой перегородке, они миновали одну, другую комнатку, вышли во двор почты, где стояла уже запряжённая в тарантас лошадь.

— Я ждал поезда, с ним пришли газеты и письма. Так что всё одно к одному! — радовался старик.

Колёса повозки протарахтели сперва по мощёной мостовой, потом съехали на грунтовую дорогу. Здесь уже было по-весеннему тепло, не то что в России. И Алёна пожалела Вилли. Как он там? Наверное, тоже потеплело и даже подтаяло, но снег-то ещё крепок. Она наклонила голову и даже застонала. Боже! Она подумала про Вилли, а не про Клаву и не про женщин, которые кайлом и лопатой грызут там землю. И не про маменьку. Про Вилли! Старик-почтальон спросил её:

— Вам плохо, фрау? — Он всё понял по-своему. — Ничего, ничего, фрау! Не бойтесь! Вы ведь сюда не за подарком судьбы, правда? — Потом глянул на её фигурку опять и хлопнул себя по лбу. — Старый дурак! Именно за этим! За подарком судьбы!

23

На краю леска, вдавшись в неестественно ровное и зелёное поле, стоял огромный каменный дом с пристройками. Был он трёхэтажным, но высоким, наверное, из-за множества пристроек, не казался. По укатанной дорожке, усыпанной чем-то красным, вроде тёртого кирпичика, они подъехали к крыльцу.

С него, улыбаясь, сходил высокий и крепкий человек, весьма при этом пожилой. Его нельзя было сравнить с почтарём — сильная фигура и уверенная поступь выдавали личность значительную и решительную. Но улыбался-то он почтальону:

— Что за вести ты привёз мне сегодня, дорогой Франц? — спросил он, вглядываясь при этом в Алёнушку.

— Я привёз вам важную посылку! — воскликнул усач. — Вот она перед вами, герр Штерн!

И показал на Алёнушку обеими руками.

Ну, да, всё так и было, как она представляла: Алёна сидела перед отцом Вилли. А он перестал улыбаться, сник, смотрел куда-то мимо своей невестки. На крыльце появилась худая и такая же высокая женщина с некрасивым, вытянутым лицом.

— Вот, — сказала ей, не оборачиваясь, хозяин дома, — и приехала к нам русская гостья!

— Русская! — ошарашено просипел где-то за спиной старик почтальон.

Алёна вышла из тарангаса. Она ещё в поезде думала, что сделает в первую очередь. И сделала. Присела, сделала книксен. Но попробуйте это сделать первый раз в жизни, без всяких репетиций. Вышло не так некрасиво, как глупо. Зато её успели разглядеть.

Красивая беременная блондинка стояла перед крыльцом большого дома. И нужно было сделать шаг вперёд и вверх, чтобы подняться на первую и широкую, как площадка, ступень крыльца.

Она это сделала. И остановилась вновь.

И опять на неё смотрели все. Теперь уже не только герр Штерн и его фрау, — Алёна знала, её зовут Эмма, — но и ещё какие-то, разом выскокившие из дома, персонажи: молодые и пожилые женщины, несколько мужчин и мальчик лет тринадцати. Белобрысый, в коротких штанах на лямках, которые у нас носят малыши. Все смотрели на неё. Все её оглядывали. Даже рассматривали. А ей и умыться-то сегодня не удалось — так, побрызгала из бутылки водой в лицо, когда поезд подходил к станции.

Ни один из тех, кто вышел на крыльцо, не улыбнулся Алёнушке, только этот подросток. Все смотрели на неё напряжённо, даже испуганно. Все, казалось, чего-то ждали от неё. Однако первым заговорил герр Штерн.

— Наш сын Вилли написал нам о вас. И даже позвонил по телефону, что почти невозможно. Мы готовы принять вас. Но сейчас военное время. Поэтому вам придётся предъявить документы.

Алёнушка слушала его речь напряжённо, боясь не понять хоть малую малость из первых слов, но всё поняла, слегка вздохнула и полезла в свой саквояж, где лежали бумаги. Саквояж этот принёс Вилли и сказал, что дарит его фрау Алле доктор концлагеря, добрый, как он выразился, мальчик, который не раз осматривал её. И желает ей доброго пути.

Теперь этот путь закончился, ей пришлось поставить саквояж на землю, наклониться, потом неудобно присесть, чтобы раскрыть его и достать бумаги, включая толстое письмо сына родителям.

Беременная женщина, опустив голову, согнулась в три погибели, сверху на неё смотрели немцы, и со стороны это выглядело так, будто просительница какая-то униженно склонилась перед их судом. Ругая себя за неловкость, Алёна, наконец, разогнулась и протянула хозяину бумаги. Он внимательно изучил сначала справки, потом аусвайс, повертел перед собою письмо. Проговорил слегка растерянно:

— Фрау Алле Штерн...

При этих словах фрау Эмма покачнулась, опустила голову, к ней подбежали две девушки, взяли её под локти. А хозяин продолжал:

— Но где же ваши русские документы? Где бумага, что вы из России?

А вот к этому Алёнушка приготовилась. И этому научил её Вилли. Она опустила глаза и ответила:

— Это — всё!

Наступила растерянность, теперь уже герр Штерн, отец Вилли, не знал, что сказать. Потом нашёлся:

— Но скажите хотя бы, как вас зовут по-русски?

— Алёна, — по-русски проговорила она.

— Алюна... — повторил герр. — Алюна и Алле... Ал... Ал...

Потом он двинулся мимо Алёны к почтальону, взял у него пачечку бумаг и, возвращаясь обратно, кому-то кивнул. К Алёнушке подбежал пожилой мужчина, взял саквояж и показал рукой, — довольно доброжелательно показал, — что ей следует идти вперёд. Однако не вошёл вместе с ней в главную дверь, а круто свернул в сторону. Потом они долго следовали вдоль стены, затем сопровождающий открыл какую-то боковую дверь, и они

поднялись на второй этаж. Вошли в небольшую комнатку, почти наполовину занятую широкой железной кроватью с завитушками в изголовье, с толстой периной и высокими подушками. На подставке в углу стоял чудной белый эмалированный таз с цветочками по краям, такой же кувшин, рядом лежали сразу три полотенца: большое, поменьше и совсем маленькое. У окна — невысокий столик со скатертью, на нём — электрическая лампа с голубым абажуром.

— Сейчас, — сказал мужчина, — вам принесут горячую и холодную воду.

Алёнушка никогда не мылась из кувшинов и тазов, поэтому ей не хватило воды, тем более что принесли только почему-то только горячую и пришлось ждать, пока она остынет.

Ей бы хотелось в какую-никакую баньку, лучше всего — в ту, что построил папенька давным-давно, в их огороде: чёрную, старинную, где так вольно, ласково, а воды, если наносишь, конечно, хоть отбавляй. Но тут баню не предложили, поэтому пришлось уделить внимание — не всему телу — только самой главной его части, да подмышками ополоснуть, да по лицу пройтись. На голову воды не хватило.

Она напелескала на пол, нашла какую-то тряпку, и стала ею притирать, как вернулась девушка, приносившая воду. Была она похожа на хозяйку, такое же вытянутое лицо, и, оглядев комнату, влажный пол, сказала:

— Я Элла. Сестра Вилли.

И не дождавшись ответа, бухнула:

— А как это ты его подцепила?

— Я не подцепляла! — ответила Алёна.

— Как же он тебя выбрал? — не унималась Элла.

— У него был очень большой выбор, — попыталась уклониться Алёна.

— Где же это? — доискивалась Элла.

— В концлагере!

— В концлагере? — поразилась родственница. Только теперь Алёне пришло в голову это понимание. Ведь все эти немцы теперь её родственники!

— Значит, ты преступница, — ахнула Элла.

— Нет, — ответила Алёна.

— Партизанка?

— Нет.

— Воевала против нас?

— Нет.

— Так как ты оказалась в лагере?

— Приехали солдаты, забрали всю нашу улицу. И нас с мамой.

— А где твоя мама?

— Умерла в концлагере.

Настала тишина. Элла сидела на кровати, разглядывала Алёну, переодевшуюся в платье из саквояжа, конечно, смятое, но вполне приличное, голубое в полосочку.

— И он, — наконец проговорила она, будто только сейчас дошло это всё до Эллы, — нашёл тебя среди заключённых лагеря? И тебя спас? И...

Она кивнула на Алёнин живот, и та кивнула ей в ответ, дескать, да, правильно, это его ребёнок. Но Элла прибавила совсем другое:

— И ты стала немкой?

Алёнушка опустила голову. Настал момент, когда об этом её спрашивала немка. И тот же вопрос мог ей задать любой человек. Особенно русский, если она встретит русского. Но самое трудное — она бесконечно спрашивала об этом сама себя: “Ты на что идёшь? Кто ты теперь?”

И она могла, должна была мучить себя этим вопросом, истязать свою душу без всякого конца и края. И это было её главным делом, в конце концов! И вот — ей задаёт этот самый жёсткий вопрос не сама она, а посторонний человек. Немка. Незнакомая ей девица с неизвестными мыслями. То, что скажет она сейчас, в эту минуту, без сомнения, станет тут же известно в доме, куда она приехала рожать ребёнка. Своего ребёнка. Но и ребёнка Вилли. Она — русская, Вилли — немец, а кем будет их ребёнок? Алёнуш-

ка не знала, как это происходит по немецким правилам, но по русским национальность новорождённого в метрике записывают по матери. И этот Эллин вопрос не такой-то простой, каким кажется на первый раз. В общем, это такое домашнее предложение сменить национальность. Скажи только “да” или просто кивни — и всё!

Алёнушка всё стояла перед Эллой, смотрела на неё, сквозь неё, думая, что ответить, и это заняло уже несколько минут. Она чувствовала, что ей достаточно сказать ни к чему не обязывающее: “Не знаю”, — и Элла донесла бы эту её слабость родителям. Но даже Вилли не требовал ответа на такие вопросы.

Он просто любил её, этот Вилли, и отвергал правду, которая окружала его, — совершенно нетипичный солдат германской армии. И неизвестно, что это было: его сила или его слабость. А если слабость, то сейчас, в этот самый миг, сестра Вилли не должна обмануться. Чем бы это ни кончилось.

— Нет, — сказала Алёнушка. — Я русская.

24

Она предстала перед Штернами в большом нижнем зале, где горел камин. И хотя вдоль стен стояли книжные, как в библиотеке, шкафы, а на правой и левой стене от входа над этими шкафами висели две огромные горизонтальные и очень тёмные картины, где изображались сцены со множеством народа, Алёнушку всё-таки заворожил горящий камин.

Он был огромен, в него, не сгибаясь, вошёл бы человек, и ещё он оказался каким-то овальным, а камни нижней и верхней линии сходились на стене, образуя собой нечто вроде каменного глаза, в центре которого трепыхался огонь.

Этот глаз, едва только Алёна вошла в зал, словно бы принялся вглядываться в неё, гипнотизировать невыговоренным вопросом, обрамлённым каменным окружьем глазниц.

Конечно, она знала, что мать Вилли зовут Эмма, а отца Генрих. Они сидели в двух тёмного дерева, креслах справа от камина, и герр Штерн поднялся, когда Алёна вошла. У большого окна стояла Элла — вся семья, похоже, была в сборе.

По другую сторону камина находилась скамеечка, обитая тканью, и было бы в самую пору усадить на неё беременную Алёну, но герр Генрих стоял напротив неё и молчал. И это действовало на Алёну так, будто её вызвали на экзамен. Казалось, её не просто и не только рассматривают, оценивая, наверное, по каким-то здешним меркам, но даже мысленно раздевают.

— Всё, что произошло, — наконец сказал хозяин дома, — для нас неожиданность. И мы не одобряем действий нашего сына Вилли, — проговорил он так, будто зачитывал приговор. Важно переступив с ноги на ногу, он продолжал: — Но он наш сын, которого мы любим. А вы, как он утверждает, носите его ребёнка.

Эти слова — “как он утверждает” — герр Штерн произнёс с какой-то безразличностью. Но Алёнушка и не ждала от них ничего хорошего.

— Да и справка начальника лагерей о вашем браке весьма сомнительна, я полагаю...

Она опустила голову — всё в ней дрожало. Как-то непроизвольно она положила руку на живот, может, бессознательно успокаивала малыша, который живёт там и которого не должны касаться слова, которые говорят его будущей матери.

— Генрих! — негромко, но твёрдо проговорила фрау Эмма.

Он кашлянул и изменил тон:

— Вы привезли нам, — сказал он, — дитя Вилли. А он наш наследник. И он солдат. Он исполнил своё желание, и он на войне. Мы вынуждены принять его решение.

Только после этого он указал Алёне на скамеечку. Уселся сам в своё кресло. Дальше, будто их роли были заранее расписаны, говорила фрау Эмма.

— Вы будете жить в той комнате, где разместились сейчас. Вы освобождены от работы до тех пор, пока не родите. Рожать будете в этом доме, мы вызовем врача. Мы предоставим вам еду, которой питаемся сами. Но нам удобнее обедать в своём привычном кругу.

Она подумала и неуверенно прибавила:

— Не обижайтесь.

Тут зашевелилась Элла.

— Да, да, — сказала мать Вилли, будто что-то вспомнила, — а теперь вас проводят в настоящую баню. И нам придётся прожарить всё ваше бельё.

Вот этого слова — прожарить — по-немецки Алёна не знала. Ей показалось, что бельё хотят сжечь, она встрепенулась, но всё-таки ничего не сказала. Элла улыбнулась, догадавшись. Раздельно, как учительница, проговорила:

— Не сжечь. Но — прожарить. — Вздохнула и повернулась к матери. — А может, и сжечь? Неужели не найдём что-нибудь подходящее?

Так что не сказав ни слова в объяснение, не получив ни одного вопроса, на который можно было бы ответить, Алёна пошла мыться — уже по настоящему, с кипятком, паром и сменой всего, что на ней было.

Баня Штернов находилась в подвале, матово сияла медными баками, стальными крышками, латунными кранами. Вода лилась мощной струёй, и мыло здесь имелось в огромном количестве и разной формы — особенно её поразило жидкое.

Такое же жидкое, только чёрное, иногда перепадало и в концлагере, но его доставалось помалу и оно имело отвратный запах. А здешнее пахло хвоей, лесом. И Алёна перелетела за тысячи отсюда вёрст, в домик, где она родилась, который они с мамёнкой оставили совсем одиноким, пустым, открытым, едва прижав палкой входную дверь в ограду.

Что с ним теперь? Жив ли дом, оставленный в одиночестве, хотя хозяин его покоится неподалёку, хозяйка лежит посреди неизвестного поля, а дочь оказалась во вражеском царстве-государстве, чтобы — что? Выжить? Родить дитя? И предать, предать свою память, свой дом в лесу, где после дождя пахнет точно такой же духмяной хвоей.

25

Они были страшные чистюли, эти Штерны. Абсолютные аккуратисты и педанты. Сказанное у них не расходилось с делом. Откровенно говоря, эти правила, никем, впрочем, не писанные и даже не проговорённые, нравились Алёне. И ни к чему ей не приходилось привыкать по-новому. Всё было старым.

В концлагере просыпались по команде, умывались по команде, строились, получали пищу — всё чётко следовало одно за другим, и расслабилась Алёнушка только взапёрти у Дагмар, в той деревянной клетке, в которую можно было залететь, но вылететь из неё... В той клетке птичка Алёнушка билась, гнула крылышки свои, тосковала, кричала больным голосом, конечно, про себя, не зная, как быть. Как быть, не знала она и теперь. Но сейчас в клетке жила уже не желторотая птичка, а птица со сломанными крыльями: отсюда никуда не улетишь, не скажешь: «Хочу домой!» — не рванёшь в высоту, к свободе... От Штернов не удерёшь, но у них и не выживешь. С их неколебимыми достоинствами.

Почему на них ни чуточку не походил Вилли? Ведь его родители были холодными, почти ледяными людьми. Ни фрау, ни даже Элла не расспросили Алёну о её жизни. Похоже, немногие слова Эллы о том, что Вилли нашёл её в концлагере, предупредили их любопытство. И они с трудом скрывали свою брезгливость. Новую родственницу, — а хочешь, не хочешь, это было так, — они ни разу не пригласили за свой стол. Хотя совсем ещё недавней лагернице Алёнушке не стоило жаловаться: ей в комнату на подносе приносили всё, о чём можно было только мечтать — и масло, и сыр, и разного рода мясо, вплоть до паштетов, и вкусно приготовленный суп, не говоря уже о фруктах. Будто никакой войны нет.

Алёнушка удивлялась этому баловству в одиночестве, пока к ней во время её обеда не зашёл тот мальчишка в коротких штанишках на лямках — Готфрид, младший брат Вилли.

Никто их не предстал друг другу, да и обменялись-то они с самым младшим и самым приветливым членом штерновской семьи не больше, чем двумя-тремя фразами. И вдруг он зашёл к ней. Присел на Алёнину пушистую кровать — в комнате был всего один стул, — разглядывая, как она ест, а Алёнушка как раз намазывала на хлеб печёночный паштет. Сделав бутерброд, она протянула его мальчику.

— Нет, — ответил он, неожиданно и наивно открыв Алёне глаза на хозяйскую щедрость. — Нет, — проговорил Готфрид, — это требуется ему! — и показал пальцем на Алёнушкин живот.

Она положила кусок на тарелку, опустила голову. Вся она запылала от этой простой истины. И кто её открыл? Мальчик. Подросток, который слышал это от взрослых. А она просто глупое, ничего не понимающее создание.

Готфрид поёрзал на перине и убежал, не отказавшись всё-таки от яблока. Алёна подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Странное дело: женщины, ждущие ребёнка, часто становятся некрасивыми, покрываются пятнами, лица их обтягиваются кожей и как-то стареют. Но Алёнушка нарушила это правило. Она давно распростилась с лагерной худобой. Тело её обрело упругость — особенно грудь, словно приготовляясь вскормить новую жизнь. Она будто налилась живой силой, забыла страдание. Глаза обновились голубизной, а светлые волосы, вобрав солнце, сияющее над головой, засветились похожим на него сиянием. Как будто в старом, толстостенном доме с небольшими окнами, куда проникает не так-то много света, назло сумраку расцветал огонь небывалой яркости и красоты.

Алёна не знала дома — её не приглашали далеко в его нутро. Обычный её путь пролегал по лесенке с улицы на второй этаж — к себе. Она выходила на улицу, медленно шла вдоль стены дома, а потом по зеленеющей лужайке в светло-синем, с чужого плеча, перешитом под её нынешнюю фигуру широком платье.

Волосы её развевал ветер, да и платье развевалось, как синий парус на зелёном фоне чужого, но всё же земного пространства. Глядя на неё со стороны, можно было только удивляться, спрашивая — что это, кто это, как это? — и, не слушая ответов, любоваться чистой красотой молодости и грядущего материнства.

26

Один только раз прервалась эта изоляция.

Вечером к ней зашла Элла и предложила завтра прокатиться по имению.

— Посмотришь наше хозяйство, — сказала она, — немножко развеешься.

Наутро Алёна вышла, одевшись по-дорожному. Хотя солнце и грело, она надела поверх платья демисезонное пальто — просто на всякий случай. Элла встретила её перед домом на жеребце. Одета в брюки, похожие на солдатские галифе, в чёрном жакете и в шляпе, похожей на мужскую, она неплохо выглядела — этакий полувоин, уверенно сидящий в седле, только вместо сабли — гибкий хлыст. Рядом стояла понурая лошадка, запряжённая в двухместный возок, а вожжи держал Готфрид.

— Садись, фрау Алле! — сказал он как-то озорно. — Я буду у тебя кучером!

На крыльце, перед которым всё это происходило, никого не было, но когда отъезжали, Алёна заметила в окне второго этажа женскую фигуру, которая резко отпрянула в глубину комнаты.

Сначала они прокатились по красной парковой дорожке, потом выехали на просёлок. Впереди гарцевала Элла, и земля из-под копыт её коня летела навстречу повозке. Готфрид натягивал вожжи, притормаживая, увеличивая расстояние повозки от наездницы. Похоже, паренёк знал своё дело, и Алёна похвалила его.

— Это ещё что, — ответил мальчишка. — Я умею и верхом! Умею запрягать лошадей. И верховых, и в упряжь.

— Наверное, без этого нельзя в деревне? — спросила Алёна.

— А ты где жила? — спросил любопытный мальчик. — В большом городе?

— Нет! — рассмеялась она. — В маленькой деревушке.

— Тоже умеешь запрягать?

— У нас была корова. Я доила её.

— Нормально! — по-взрослому ответил Готфрид. И ещё удивил: — И много у тебя коров?

— Была одна, её немцы чуть не забрали, — ответила Алёна и споткнулась.

— Какие немцы? — спросил пылливо мальчишка.

Она спохватилась, да поздно. Надо было как-то ответить. Она сказала, чуть подумав:

— Военные. Ваши.

— Ваши? — удивился он. Усмехнулся: — Не твой?

— Нет, не мой, — ответила она, и продолжила: — Забрали почти всех коров, тут же их убили.

— А людей? — спросил Готфрид.

— Забирали в концлагерь.

— И там тебя подобрал Вилли? — повторил чьё-то словечко этот мальчик.

— Нашёл, — ответила Алёна, а помолчав, согласилась, — а может, и подобрал. Я погибала.

Дальше они ехали молча. Коляска плавно скатывалась в неглубокие ямины, медленно выкатывалась из них, и горизонт то сужался до ближнего леса, то вдруг отодвигался, открывая чёрный лес вдаль.

Чтобы прервать молчание, она спросила:

— А когда ты меня свозишь к Рейну? Вилли так о нём тоскует. Это большая река?

— О! — восторженно воскликнул Готфрид. — Про Рейн нельзя рассказывать. Его нужно просто увидеть. Конечно, свожу!

— Элла хочет показать тебе восточных рабочих, — неожиданно и совсем по-взрослому проговорил Готфрид. — Она хочет, чтобы ты при ней поговорила с ними по-русски.

— Зачем? — вскинулась Алёна. — И почему не предупредила?

— Хочет сделать тебе сюрприз, наверное? — пожал он плечами.

Они миновали один перелесок, другой и подъехали к зданию, похожему на свинарник. Да это и был свинарник. Изнутри барака несло хрюканье и раздавались какие-то голоса. Элла, ускакавшая далеко вперёд, теперь стояла возле барака, похлопывала хлыстом по блестящему сапогу и говорила кому-то:

— Шнель! Шнель!

Алёна хотела было ей что-то сказать, хотя бы поговорить вначале, но времени для объяснения не осталось.

Из свинарника вышли молодые женщины в одинаковых резиновых фартуках, которые делали их похожими друг на друга. На ногах у них было что-то вроде калош, надетых на носки или вовсе на босу ногу. Головы были обвязаны платками едва ли не по самые глаза. И это лишало их возраста — будто сёстры рядом стоят.

Держались они поближе друг к другу, выглядели покорно, даже смиренно, словно были обучены вести себя тихо, мирно, без признаков беспокойства.

— Этих работниц привезли с востока, — подошла Элла к Алёне, всё ещё сидевшей в коляске. — Они говорят на славянском языке, но не по-польски. Поговори с ними, развлекись...

Она повернулась к этим женщинам, держась за коляску, и продолжила:

— Посмотри на них! Типичные унтерменши!

— Что это? — спросила Алёна. Она впервые слышала такое слово.

— Недочеловеки!

Алёна сжалась. Она боялась этих женщин. Она знала, что они скажут, если узнают, кто она. А тут ещё Элла с её уверенными повадками, демонстративным превосходством, без всякой жалости.

— Разве же бывают недочеловеки? — удивилась она довольно громко, конечно же, по-немецки.

И вдруг ей ответили — не по-русски, но очень близко к нему:

— Быва-юдзь! Апче как бываюдзь!

Говорила одна из свинок, стоявшая в центре. Самая, наверное, старшая, хотя разобраться, кому сколько лет, Алёне было не под силу. Она сошла с коляски, приблизилась к свинкам. Вздорная мысль явилась к ней, пока она одолевала эти шажки, чтобы подойти к женщинам. А они — все до единой — не на лицо её уставились, а на живот.

— Это жена моего брата, — повысила голос Элла, чтобы её все услышали.

— Откуда вы, женщины? — спросила по-русски Алёнушка, едва сдерживая слёзы. Ей показалось — она снова в концлагере и подошла к своему отряду.

— З Беларусци! — ответила всё та же, видать, всё-таки старшая среди них. И без передышки и без всякого смущения спросила:

— А ты, дзеточка?

— Из России.

— Из Москвы? — восхитилось сразу несколько голосов.

— Нет, — ответила Алёна, с трудом понимая, что сказать. Бухнула невпопад: — Из концлагеря...

— Не! — замотала головой старшая, и женский строй зашептался, рассыпался, чуточку разошёлся по флангу. — Оттуда только сюда умолить можно.

— Или в печку! — прибавил кто-то.

— Во-во! А ты... Ишь, какая...

— Верьте — не верьте, — покачала головой Алёнушка и повернулась, чтобы сесть в коляску.

— Тогда, значит, подстилка немецкая, — проговорил ей вслед чей-то жёсткий голос. Она остановилась. И эти женщины за спиной, видать, испугались. Та, старшая, цыкнула:

— Дурная ты голова! Язык покоя не даёт! А если деваться некуда!

— Подеваться всегда есть куда! — заспорил жестокий голос. — Небеса велики! А совесть мала!

— Не завидуй! — крикнула старшая. — Не догонишь!

Когда ехали обратно, и Готфрид, и Элла не раз спросили, что такого говорили Алёне эти унтерменши. Элла предлагала:

— Хочешь, скажу управляющему! Их выпорют!

Алёна не плакала, нет. Наоборот, глаза будто высохли и горели от сухости. Ей следовало умыться. Вода была в доме и была в свинарнике, конечно, но здесь, на обратном пути, ни ручеек не протекал, ни родничок не бился. Ей стало жарко. Готфрид взялся поторавливать лошадку.

Алёне стало больно. По ногам что-то полилось. Она испугалась и закричала, и Элла приказала брату, чтоб он гнал как можно скорее. Она же поскачет через поле, чтобы сократить расстояние. Из города вызовут доктора.

И вот тут, пожалуй, Готфрид оказался просто мальчишкой. Он принялся хлестать свою лошадку, а та, сперва нехотя, но постепенно войдя в азарт, вдруг побежала, понеслась, и когда недалеко от имения началась гряда ложков и рыгвин, и коляска принялась то взлетать, то сваливаться вниз, Алёнушке стало совсем невмочь, и она закричала, напугав мальчишку и подхлестнув лошадь.

Ребёнка едва спасли. Акушер, приехавший довольно быстро благодаря Элле, кивал головой, восхищался младенцем и поражался: ещё чуть-чуть, какой-нибудь час, даже полчаса, и ребёнок мог бы умереть.

Младенцем оказалась девочка.

Это был март того года, когда кончилась война. И с рождением Лизаньки вся жизнь понеслась вскачь, как там, по дороге от свинарника к усадьбе, когда мальчик, правивший лошадей, не смог уже больше сдерживать её. Во-первых, у неё не было молока. Во-вторых, хозяин имения страшился прихода русских войск. Но пушки гремели где-то на западе, и он радовался этому грохоту. Впрочем, Алёна не говорила с ним об этом.

Всё её существование было посвящено Лизаньке, её купаниям, прогулкам с ней по кирпичной дорожке перед усадьбой и, главным образом, её кормлению. Почти сразу привели кормилицу. Её грудью, подумала Алёна, можно накормить целый детский вывозок, если бы такое было возможно. Но поначалу старшие делали всё, чтобы как следует содержать юную маму. Её с дочкой перевели в другую комнату, поближе к господским покоям, с высокими потолками и широкими окнами, чтобы было больше солнца и воздуха. Ей приносили много коровьего молока, воду, даже соки — всё надеялись, что молоко появится. Вот уж когда Алёнушка позавидовала кормилице Грете и посетовала на свои маленькие грудки. Молоко появилось, но его было так мало, что Лизанька без конца требовала добавки.

Гуляя с девочкой — на руках или с коляской, которую достали с какого-то чердака и протёрли до блеска, — Алёнушка часто первой встречала старого почтальона. Усач был неизменно приветлив, обращался к ней исключительно как к фрау Штерн, но не забывал, что она из России, хотя и сомневался, что она русская.

— У вас живёт много немцев, фольксдойче, — сказал он ей однажды. — Наверное, вы из них. И дай вам Бог всяческих удач.

Она отшучивалась, говорила, что просто учила немецкий язык в школе, но старик не верил, отвечал:

— Как хотите! Но то, что говорю я, — лучше. — Будто настойчиво что-то подсказывал ей.

И передавал ей почту: газеты и деловые бумаги на имя герра Штерна, которые Алёна, не вступая в контакт со Штерном, укладывала на специальный столик для почты при входе в каминный зал. Ей даже не приходилось входить в то устрашающее помещение с камином-глазом, всегда вззирающим на всякого, кто оказывался там, и с тёмными продолговатыми картинами над книжными шкапами, где нарисованы толпы о чём-то спорящих людей.

Почтальон Франц воевал на прошлой войне и читал, пользуясь своей службой, газеты, которые продолжали выходить. Получалось так, что он излагал доброжелательным слушателям свои соображения, смешанные с правдой. Это он сказал, что русские освободили Польшу и воюют в Германии. Известия старика удручали хозяев, но однажды он произнёс, ничего, видимо, уже не страшась:

— Я всегда говорил, что мы зря идём на Восток.

Топтался, похмыкивая, с кем-то споря.

— Уж если он так хотел, мы и без того заняли всю Европу. Могли бы жить себе припеваючи эту тысячу лет!

— Кто — он? — спрашивала Алёна.

— Фюрер! — удивлялся ей Франц.

Но однажды, в марте же, в самом конце месяца, Франц подогнал свою лошадку, привязал поводья к сиденью и, издав кивнув фрау Алле, пошёл мимо неё к входу в дом. В руке у него были газеты и ещё что-то. Странно вёл себя нынче почтальон.

Но Алёна гуляла с Лизанькой на руках, без коляски на этот раз, и она пошла дальше по красной полукруглой дорожке, улыбаясь солнцу. Потом услышала, что кто-то в доме протяжно закричал. Такого никогда не было в этой усадьбе, по крайней мере, пока здесь жила она, и Алёна встревожено повернула к крыльцу.

В доме слышались громкие голоса, потом хлопнула дверь, из дома вышел Франц, надевая шляпу, он был весь покрасневший и какой-то вздёрнутый.

— Что случилось, герр Франц? — тревожно спросила она.

Он будто споткнулся.

— О-о! Погиб Вилли. Ваш муж, фрау! Но их сын, понимаете! — и он ткнул большим пальцем назад.

Он больше ничего не сказал, этот странный Франц. Отвязал вожжи, взгромоздился в коляску и уехал. А Алёна всё это время прижимала к себе Лизаньку. Наверное, крепко прижимала, потому что девочка её, спокойно спавшая до тех пор, вдруг закричала и заплакала. Алёна села на ступень широкого крыльца, уткнулась лицом в нарядный свёрток — в свою дочь.

Они плакали и плакали — и мать, и дочь, — но к ним никто не подходил. Да они и не ждали никого. Лизанька по неразумению младенческому, а Алёнушка — заглянув в обрыв.

Разве не знала она о нём? Конечно, знала! Ждала приближения к нему, но всеми силами старалась отодвинуть это знание и это приближение. Так часто поступает приговорённый к смерти человек. Замученный тяжелой болезнью, например, он не верит до последнего дыхания в свой конец, полагая это недоразумением, выход из которого, конечно же, где-то есть, просто его никак не найдут, но найти можно!

Но и жизнь!.. Чем она лучше смерти в некоторых, совершенно обыкновенных с виду случаях? Вилли нет — и что делать теперь ей?

Она не знала ничего о своём грядущем. Что будет с Лизой? И что будет с ней? Это были до удивления простые и совершенно безответные вопросы: кто она? И — зачем она? Она сидела, наверное, целый час, пока Лизанька не проголодалась и не заплакала снова.

Алёна достала грудь, дала её девочке. Та недолго почмокала и заплакала снова. Мать помассировала свою маленькую грудь, попробовала сцедить молоко в сторону, но его не было. Она перевернула дочь к другой груди — молоко там было. Но его оказалось очень мало, и Лизанька снова заплакала.

28

Вот с такой стремительной скоростью, как снежная лавина с крыши в её детстве, полетели дни и события.

Нарочно не придумаешь! Но, может быть, самым непереносимым оказалось молчание. Ни в тот день, ни позже ни фрау Эмма, ни герр Генрих, ни Элла не подошли к фрау Алле Штерн и не сказали ей ни слова. Только Готфрид однажды пришёл в комнату Алёны и просто постоял у окна, время от времени вытирая кулаками слёзы.

Пришла кормилица, Лизанька успокоилась, и Алёна приняла решение выйти к старшим.

Возле камина собралась вся семья, и Алёна произнесла заранее обдуманную фразу:

— Что теперь будет?

Наверное, она выбрала неправильные слова, наверное, нужно было выразить сочувствие или просто заплакать. Но ведь Вилли был её мужем и отцом её дочери, и разве сама она не могла рассчитывать хоть на какое-то сочувствие при таком известии?

Но герр Штерн ответил ей сухо:

— Что-то будет.

С минуту она стояла в каминном зале. Вернулась в свою комнату. Совсем не аристократически вытирая слёзы рукавом, она смотрела, как Лизанька с жадностью сосёт чужую, разбухшую от молока грудь. Это было глупо, конечно, но Алёнушке показалось, что даже крохотная дочь предаёт её в эту минуту.

Опустошённая, она бродила возле дома, и никто никогда не спохватывался, где она и что с ней. Она возвращалась в дом, усердно пила коровье молоко, пила много воды, ела жидкую пищу, следовала всем правилам, которые дал ей вызванный из города знакомый доктор, принимавший роды, но ничего не помогало. Не очень-то зрелый организм, кое-как управившись с родами, не мог, похоже, придти в себя после всех потрясений. А может,

в чём-то другом ещё было дело? В неведомом и тайном противлении выпавшей судьбе?

Её по-прежнему кормили одну, по-прежнему блюдо, которое доставлялось, было достаточным и полезным, но молока не было — кормилица давала грудь Лизаньке не только днём, в положенные часы, но и по ночам. Она входила ночью с лампой, не спрашивая Алёну, брала из кровати крошку, клала её себе на колено и давала своё молоко. Лизанька упоённо чмокала. И получалось, что Алёнушка была здесь совершенно лишней. Да, весь день она люлюкалась с дочкой, носила её на руках, гуляла во дворе, но накормить — не могла!

Ни хозяин усадьбы, ни мать Вилли, ни Элла не разговаривали с Алёной. Молчание опускалось всякий раз, когда она просто приближалась к ним. Алёнушка чувствовала, что снова подступает к неведомому краю. Вернее, её подводили к обрыву вот эти люди. Но что же за краем? Она не понимала.

До имения дошли вести, что английские и американские самолёты жестоко бомбят города, а бомбы, как известно, своих жертв не выбирают. Она поняла, что боится этих налётов точно так же, как все остальные Штерны, то есть немцы. Выходило, русские с немцами заодно? И кто поймёт, что она за Лизаньку страдает!

Это были смутные дни опасности, не уходящей ни на час: сначала город сильно бомбили самолёты, но их эти бомбёжки не задели, потом начался артобстрел с западной стороны городка.

Один снаряд долетел и до усадьбы, взметнув красивую кирпичную дорожку перед домом. Всё семейство вынуждено было спуститься в подвальную баню, где сияли медные, латунные и стальные устройства. Сидели тихо. Опять молчали. И было ясно, что молчат из-за фрау Алле. Изредка капала и громко шлёпалась в таз капля из блестящего крана. На улице было тихо, снаряды больше не рвались. Алёна ждала, что здесь, а не в парадном каминном зале, с огненным оком, взирающим на всякого с беспристрастием вечности, произойдёт очередное разбирательство с ней. Но оказалось, оно уже давно совершилось. И всё решено. Хотя исполнителям ещё до конца не ясно, как его осуществить.

На том конце города, откуда шли союзники, стрельба быстро стихла, а наутро приехал неизменный почтальон Франц, который газет не привёз, — они перестали выходить, — но сообщил герру Штерну, не выходя из коляски, что город сдан американцам, и они уже расхаживают по улицам. Однако у них в имении пока никто не появлялся. Готфрид, между прочим, сказал Алёне, что свинарки сбежали с работы и свиней некому кормить: это большая беда. Алёна кивнула ему, соглашаясь.

Совсем скоро Франц сообщил, что война кончилась. Герр Штерн будто окаменел. Готфрид как-то сказал Алёне, что у отца в спальне, конечно, есть радиоприёмник, и он знает, что происходит в мире. Так что известия Франца хозяин усадьбы принимал просто как подтверждение собственных сведений. Но теперь он окаменел. Никто ничего не знал и не понимал. Особенно Алёна.

Она плохо спала, плакала по ночам, всё валялось у неё из рук. Думала о всяких разностях, пробуя разобраться в себе, в том, что произойдёт дальше, и как ей быть. Думала она и про Вилли, которого больше нет. Может быть, больше всего думала она о нём.

Теперь всё конечно, его не существует, может, как маменьку, его оставили на неизвестном поле, в лесу, засыпали в окопе? И любила ли она его? Жалко ли ей Вилли? Ведь он был первым и единственным её мужчиной, от которого она родила дочь, — выполнила его желание, однажды им выговоренное: он хотел, чтобы у него было продолжение. И вот оно есть. Она сдержала слово. И что бы там ни случилось дальше, Лизанька не только продолжение Вилли, но и её самой. В этом всё дело...

Но почему же так холодно было на сердце? Что-то будто выгорело в ней. Осталась лишь какая-то копоть. Она родила дочь, она исполнила слово, данное — кому? Любимому? Она не знала, не чувствовала этого. Но ведь и не насильнику же!

Там, в концлагере, он, немецкий солдат, враг, захватчик, мог поступить совсем по-другому — да никто и не ждал от него деликатности в аду. Но он повёл себя, как человек, и Алёнушка, совсем девчонка, оставшаяся одна на краю жизни, обернулась к нему за спасением. Но за любовь?.. Сомнительно, чтобы такое чувство и в таком месте могло бы быть надежным... Это же концлагерь...

Говоря правду, Вилли был близок ей, но не стал родным — всё противилось этому: и время, и место, и...

Не бывает любви между врагами! Вот ведь что!

29

Недели через две после капитуляции милый Франц привёз герру Штерну газету на немецком языке, выпущенную оккупационными войсками. Ещё через несколько дней хозяин на повозке, запряженной младшим сыном и с ним же в качестве кучера, уехал в город. Ещё через пару дней утром, накормив Лизаньку, кормилица взяла её в охапку и молча вышла из комнаты.

— Куда ты? — слабо спросила Алёна, не предполагая ничего дурного и думая, что та отправилась прогуляться с дочкой по каминному залу. Так уже случалось не раз.

Но она не появилась ни через четверть часа, ни через час, и Алёна решила выйти ко всевидящему оку. Там была в сборе вся семья. Кроме Готфрида и, понятное дело, кормилицы с Лизанькой. Алёна только приготовилась задать вопрос, как её опередила хозяйка.

— Мадам, — почему-то выбрала она французское обращение, — когда вы приехали сюда, с вами говорил герр Штерн. Теперь это поручено мне.

До Алёнушки не дошло, что происходит. Не сразу дошло.

— Итак, — сказала мать Вилли, — война кончена. Наш сын погиб. Вы выполнили своё обязательство — родили его дочь.

Она помолчала, то ли обдумывая, как продолжить, то ли отдыхая.

— Теперь вы свободны. Все граждане других стран, так или иначе интернированные в Германию, возвращаются домой. Но вы приехали сюда по своей воле. Вы свободны. Мы поможем вам вернуться на родину.

В этом месте Алёнушка слишком торопливо возликовала — а ведь такое приходило в голову и ей, только она не знала, что это возможно.

Но главное было ещё впереди.

— Однако, — сказала фрау Эмма, — вы не можете быть матерью Лизы. Вы не можете её кормить, мы подготовили справку от врача. Вы ещё несовершеннолетняя, не так ли? Значит, по закону над вами требуется установление попечительства. Надеюсь, вы не захотите этого? И наконец...

Она не смотрела на Алёну. Не потому, что это было ей неприятно, неудобно, нехорошо. Она, эта дама с вытянутым ликом, как и её близкие, не собиралась отвечать за то, за что отвечать не полагается. Девочка Лиза — последнее напоминание о сыне, и позаботиться о ней им велит сам Бог. А распорядиться судьбой чужой им женщины, незваной, непрошеной, подкинутой — пусть даже и сыном! — сейчас самое время. Эта властная фрау хотела сказать ещё что-то. Но ведь и так приговор уже вынесен. Наконец...

30

Алёнушка плакала — ничто не помогало. Она подняла со дна своей памяти все известные ей немецкие слова, означающие доброту, милосердие, справедливость, совесть — всё было бесполезно.

И герр Штерн, большой, представительный, солидный, даже монументальный и, конечно, сильный человек, опустился до того, что схватил Алёнушку, зайдя сзади, сжал ей горло и потащил не в её комнату, а в туалет при входе, в комнатушку без окна и зеркала, безопасное, в общем, помещение, может быть, и в других случаях используемое для подобных же целей. И закрыл на замок снаружи.

Алёна напрасно стучала кулаками в дверь, обдирая их до крови, взывала к каждому поименно: “Фрау Эмма! Герр Генрих! Фройлян Элла!”. Даже мальчика Готфрида звала, надеясь на его мальчишечье доброе сердце. Всё было напрасно.

Часа через полтора дверь открылась. За ней стояли два американца в пилотках и желтоватых куртках. Один кое-как говорил по-немецки.

— Мисс Никитина? — спросил он, и Алёна похолодела. Откуда они могли это знать?

Она вышла из позорной каморки. В зале никого не было. Дальше она увидела пустое крыльцо и джип, стоявший на красной, недавно починенной дорожке. Говоривший по-немецки американец вежливо открыл ей заднюю дверь и сам сел рядом. Другой устроился за рулём. Машина тронулась.

Когда съезжали с красного полукруга, с этой, похожей на подкову, дорожки из тёртого кирпича, на ней, с другого края, у въезда, появилась бричка почтальона Франца.

Он увидел джип, остановил повозку, встал на ней в полный рост. Потом сдёрнул шляпу и приложил её к сердцу. Крикнул сдавленно, всё поняв:

— Фрау Штерн! Фрау Штерн!

— Вот и закатилась твоя Штерн! — ответила ему вполсилы Алёна.

За эти полтора часа, пока плакала она в туалете без окон, пока кричала, умоляя семью Штерн вернуть ей дочь или вернуть её дочери, она лишилась почти всех сил, голоса и слёз. Голова была не пуста — она заполнилась тяжелой ватой. Алёна не могла ни о чём думать, ничего не могла понять. Не знала, какой у неё теперь остался смысл в жизни. Американец, сидевший рядом, будто услышал её.

— Бросьте, — сказал он, — вам ещё только шестнадцать лет. Война кончилась. И всё у вас впереди!

Он вертел в руках папочку, листая её. Предложил:

— Хотите?

Она протянула слабую руку. Сквозь слёзы стала перелистывать свою собственную жизнь.

Известный ей аусвайс на имя Алле Штерн. Справки из концлагеря, принесённые Вилли. И бумага, подписанная тремя свидетелями — Генрихом, Эммой и Эллой — и заверенная множеством печатей на немецком и английском языках — о том, что несовершеннолетняя Никитина Алёна Сергеевна была интернирована в Германию и находилась на сельхозработах в поместье Штерн под именем Алле Штерн.

В этой же бумаге, отдельной строкой, совсем не относясь к предыдущему тексту, имелась запись: “Никитина направлена в имение Штерн (Дуйсбург) из концлагеря номер такого-то. Русских документов не имела”. Алёна вернула папочку американцу и через какой-то час оказалась в фильтрационном лагере.

31

Война вновь дохнула на неё своим зловонием.

Будто из чрева, изо рта с гнилыми зубами исходил дух непереваренной пищи. А пищей этой твари — без лица, без образа, без смысла — были виновные мерзавцы и невинные их жертвы; порушенные храмы и неосвящённые могилы с тысячами людей, живём вкопанных в землю; уничтоженные высокие творения духа, вроде взорванных старинных дворцов и мостов, сожжённых картин, книг и их создателей, даже прах которых, давно ушедших, вывернут из земли на глумление, как насмешка над самой волей Божьей давно опустевшей души, посмеившей нарушить покой усопших.

Да что там! И сама земля-то, последнее прибежище и правых, и виновных, была искорёжена, расплосована, растерзана и убита бесстрастной и бессмысленной яростью железа, начинённого огнём.

Не только люди, разделившие себя на враждующие стороны, убивали друг друга, не вспоминая о жалости, хотя Бог наградил их душою, и были

они одушевлёнными тварями. Но даже силы неодушевлённые сражались друг против друга: земля и огонь, жара и холод, железо и вода.

В мирные времена уступающие друг другу, сочувствующие желаниям и даже требованиям противоположных стихий, в годы битвы они забывали о смиренных уступках, превращая взаимность в непоправимость сокрушения, в многолетние шрамы, не зарастающие десятилетиями. Как, к примеру, много лет спустя живы в русских лесах окопы, открытые для людей, готовых сопротивляться.

Алёнушке указали место в фильтрационном лагере, и это оказался точно такой же деревянный настил в бараке — как в двух лагерях, где она мыкалась прежде. Конечно, не было окриков, строя, хватало мыла, да и краны в умывальнике ходили на настоящие, человеческие. Но люди! Эти люди были из войны, из концлагерей, из поместий вроде штерновского, с работ, где трудно не надломиться, особенно немолодым.

Алёна, подавленная тем, что у неё отняли дочь, мало с кем говорила, но всё же слушала, о чём толкуют вокруг. Будто все эти люди были давным-давно знакомы, и вот встретились после долгой разлуки, чтобы рассказать, какие беды с ними сотворились. Никто не говорил про свои радости — их не было. Все говорили про горести. Радостным было освобождение, известие о том, что кто-то где-то из встречных и поперечных жив и что жив тот, кто говорит об этом, — такова была очевидная и самая главная радость бытия.

И ещё одно заметила Алёна. Люди говорили о смертях и гибели людей как-то очень уж просто. Иногда даже торопливо, будто бы стараясь поскорее забыть о них. Много говорили — даже спрашивали или вопросительно обсуждали — про дом свой, про страну, про землю, где жили. Как-то там? Что уцелело? Сколько теперь придётся туда добираться? Пугали друг друга слухами, что в России, под которой подразумевался весь Советский Союз, устроены концлагеря для тех, кто был в плену или на работах в Германии. И в то же время восхищались Россией.

Алёнушка не выходила из своего затворничества. Рассказывать про Лизаньку, да и про себя она опасалась — её сюжет не вызвал бы сочувствия у скелетов, пока что улыбававшихся ей. Почему они не удивятся, что она прилично одета и не измождена, как другие?

Но Лизанька, Лизанька!..

Алёнушка подходила к американскому начальству, просилась, чтоб её под любое обязательство отпустили к ребёнку. Всякий раз её слушали разные чины, быстро уясняли, что она русская, тут же менялись в лице и предлагали писать заявление о выезде на Запад, — но желательно по адресу, к кому-то. Алёна не слышала, не понимала этого. Она просилась выйти из лагеря, но никто не внял её мольбам.

Наконец, всех, кто был из России, погрузили в машины и отвезли на станцию. Она пыталась сбежать, но их охраняли американские солдаты. Парни улыбались, но не позволяли отступлений от правил и слабостей. Все — в теплушку. Точно такую же, какими возили пленных в Германию. Новых ещё не придумали.

В этой теплушке ей подвалило небольшое счастьеце. Как только тронулись, к ней подошла немолодая женщина и спросила ласково:

— Нэ узнаёш мяня, фраушка?

Лица Алёнушка не вспомнила, а вот голос — да, и речь белорусскую, улыбающую возле свинарника, конечно же, признала.

— Ой, — сказала она, — вы из свинарника, тётя?

— Из свинарника, дзеточка! Из проклятушшего! А ты-то! Ты!

Они обнялись, и самую чуточку Алёнушке полегчало. Неизвестно и почему.

Женщину звали Поля, Полина Степановна, и была она, как выяснилось потом, чуть помоложе Алёниной мамы Пелагеи Матвеевны. Все её подружки по свинарнику отправились домой предыдущими эшелонами. Полину Степановну задержали, раза три предлагали перебраться в Бельгию, Нидерланды, Люксембург и даже во Францию — она оказалась не просто свинаркой, а ветеринаром, специалистом именно по свиноводству, и была до войны

главным ветеринаром в государственном совхозе. Полина Степановна заметила, что Алёнушка стала сжиматься, напряглась, и успокоила:

— Да ты не бойся моего образования, я родом деревенская. Потому, может, и выдержала три года на этой ферме. Привычная, слава Богу. Ну, а ты?

И спросила, чуть помолчав:

— Ты же на сносях была.

И тогда Алёнушка всё ей выплакала, будто взорвалась. Всю свою жизнь, всю беду, ей выпавшую. И про лагерь, про мамёнку. Про Вилли, про поездку в санитарном поезде и семейство Штернов. И про Лизаньку.

Забились они в уголок теплушки под продолговатым окошком, в какое выглянула когда-то Алёна, чтобы увидеть деревья, заброшенные человеческими кишками, а потом через такие же окошки вглядывались в неё люди в полосатых робах: то глаз мелькал, напряжённый, тревожный, даже лица не видать, то просто рукав полосатой рубахи, на которой над сердцем — это-то она хорошо знала! — был нашит лагерный номер.

Полина Степановна, тётя Поля, как сразу же стала звать её Алёнушка, вздыхала, качала головой, не в силах ей поверить, и, наконец, проговорила:

— Ты же девочка ещё! Шестнадцать лет! И такое уже пережить!

И обнимала, гладила Алёнушку по голове. Про себя говорила, что ничегошеньки не знает: жив ли совхоз, живы ли отец и мать, двое деток... Её забрели на работы в Германию по наводке: кто-то сказал немцам, что она ветеринар. А такие там требовались. И за три года ни единой весточки из дома. Пробовала писать, но письмо вернулось с припиской по-немецки: “Адресат не найден”.

Алёнушкина исповедь в одном месте всё же крепко споткнулась. Когда она рассказывала про Вилли. Тётя Поля взялась руками за лоб и за виски, будто прикрыла, но не совсем, глаза двумя ладонями. А голову опустила.

Это было в том месте, когда Алёнушка сказала, что доверилась Вилли. Поверила в его слова о любви.

— Погоди, погоди, — попросила Полина Степановна, — я помолчу...

И сидела так молча, прикрывшись лопаткой из сложенных ладоней, довольно долго. Это было, когда Алёнушка всю свою историю рассказывала по второму уже разу, а ведь в таких случаях всё бывает подробнее, с разными уточнениями. Не сразу тётя Поля руки развела, вздохнула, помолчала, взяла Алёнушкину голову, к себе привлекла, поцеловала в лоб.

— Знаешь, Алёнушка, не знаю, как бы вела сама, случись такое со мной. Но мне кажется...

Она подняла лицо к окну под потолком, а когда снова на Алёнушку посмотрела, глаза её были полны слёз.

— Мне кажется... Прости только! Про немецкую любовь ещё долго не сможет слышать русский народ. А уж наш, белорусский...

Стучали под ними колёса, бегущие домой.

— Не знаю, сколько! Пятьдесят! Сто лет! Но не сможет! И — даже — если, — проговорила она, отставляя слова друг от друга, — кто-то — лично — ни в чём — не виноват! — сделала паузу и выдохнула. — Я в это не поверю!..

Две женщины лежали на верхних полатах, прибитых по всей длине вагона, возле узкого окна — вагон переоборудовали для перевозки людей, хотя предназначен он был для перевозки скота, — и головы их омывал ветер, который врвался в открытое окно под потолком. И там, за стеной, неслась и кружилась Земля.

Земля, земля! Пространство, дарованное людям!

И вот вопреки этим людям, этим ломавшим её, взрывающим, корёжившим её красоту, она, как израненная, но сильная женщина, приходила постепенно в себя, охорашивалась летней зеленью, лилиями, чудно расцветающими в черноглазых прудах, осокой, ярко окаймлявшей берега ручьёв и рек, кустарниками разных пород и достоинств.

Женщина-земля приходила в себя, и хотели или не хотели того пострадавшие в войну женщины-люди, но земля, уверенная в себе и неиссякае-

мой силе своей, и им ласково, но твёрдо повелевала следовать её мудрым установлениям: расцветать опять и опять, без конца, вопреки всему.

Ночью, будто избавившись от оков, Алёнушка заснула со странной свободой внутри себя, улыбалась чему-то во сне.

А ветер, врываясь в окно, трепал её волосы.

И волосы тёти Поли тоже трепал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

1

Крыльцо родимого дома — фильтрационный лагерь на белорусской границе — разместили в бывшем военном городке, полуразбитом снарядами и бомбами, кое-как подчищенном и тоже, увы, походившем на лагерь: колючая проволока вокруг, охрана со всех сторон и множество помещений, где шёл опрос, проверяли документы и выдавали новые. Некоторых взрослых отсекали, уводили в сторону, потом, по мере накопления, грузили в вагоны, предназначенные для заключённых, — всё те же теплушки, только с зарешеченными окнами под потолком. Женщин старались пропустить в ускоренном режиме, а несовершеннолетнюю Алёнушку, глянув, видать, на её росточек, и вовсе провели без всяких очередей. Она получила справку, по которой могла рассчитывать получить паспорт — ведь раньше-то у неё паспорта не было, — множество всяких бумаг на питание и на проезд: Родина всё-таки если и не ждала эту девочку, то для узницы концлагеря дверь не закрывала.

Полина Степановна управилась с опросами вскоре после неё. Человек бывалый, она ещё в Дуйсбурге, оказывается, написала подробно про все свои злоключения, указав советские должности, обстоятельства, при которых была увезена в Германию, место, куда возвращается. Эту бумагу со справками от западных оккупационных властей и бумагой от Штернов сдала и быстро получила разрешение ехать домой.

Они сели теперь в обычный пассажирский поезд и двинулись на восток. Перед Минском опять Алёнушку ждала печаль, к которой, впрочем, она была приготовлена. На какой-то маленькой станции, едва эшелон сбавил ход, сошла тётя Поля. Ей, говорила она, было поближе отсюда до дому, и каким ожидал её этот дом, можно только предполагать. От станции остались три печные трубы, но на дорожке возле рельсов стояла всё же молодая, совсем почти девочка, дежурная с красной повязкой на рукаве и с жёлтым свёрнутым флажком. Поезд дёрнулся, и Полина Степановна махнула рукой, крикнув:

— Держись!

Дальше Алёнушка поехала одна, и на каждой пересадке предъявляла справку, показав её, наверное, раз сто всяким военным, милиционерам, гражданским мужчинам и женщинам со строгими, не улыбочивыми, бдительными лицами.

Родной край встретил тишь. Удивительной, странной, необъяснимой. Вроде бы, ну, вот, наконец-то кончилась эта проклятая война, никто никому не опасен, выходи, народ, дальше жить. Но народу не было видно. Долго Алёнушка сообразить не могла, что его просто нет — никого не осталось.

Армия в эти первые послевоенные недели стояла там, где застал её мир, массовая демобилизация ещё не начиналась, эвакуированные — кто вернулся, а кто и не спешил, зная, что дома-то ничего не осталось. Словом, от победы до полной житейской уверенности в ней оставался пусть маленький, но ещё не сделанный шаг, и Алёнушка попала своим возвращением в такую вот пустоту.

От города до райцентра она добралась случайным переменным транспортом, а вот уж от райцентра до сельца пришлось идти своим ходом. Эти девять или десять вёрст она одолевала скорым шагом, стараясь двигаться по-

быстрее, не останавливалась даже на минуту возле порушенных мёртвых ферм, возле печей, оставшихся от когда-то живых и тёплых человеческих гнёзд, возле тракторов и машин, навечно остановившихся — вдоль дороги или прямо в пустом, заросшем дурниной поле.

Несколько раз она кланялась людям, выходящим к воротам уцелевших домов, её окликали, увидев, что идёт девочка, звали зайти, предлагали выпить, а она кланялась, благодарила, объясняла, что торопится, и тогда её спрашивали, откуда она, но всякий раз качали головой, когда Алёна называла негромкое имя своей деревушки.

И вот она вступила в селцо, где училась. Подошла к родной школе. Крепко удивилась: двухэтажное, ещё до революции сложенное зданье было в целости, и даже замок висел на дверях не заржавленный, а вполне приличный. Она присела на лавочке, чтобы отдохнуть перед последней ходкой до родной деревушки, — ещё, как известно, её предстояло пройти три километра.

За школьным углом послышался шорох, — оказалось, тихие шаги. Алёнушка встала, и — о, Боже! — на неё смотрела Ольга Петровна! Учительница!

Алёнушка даже, кажется, взвизгнула от радости, кинулась ей навстречу, обняла, но обняв, почувствовала, что тело учительницы от неё отстраняется, откидывается назад.

Она и сама откинулась, разглядывая ту, о которой почти забыла во всех своих бедах, но это же Ольга Петровна преподавала ей тот самый первый немислимый урок... Повешенные Софья и Сара — как давно это было! Их полагалось обмыть после смерти, и Ольга Петровна, часто поругивавшая приезжих, не любимых ею учительниц, с молчаливой решимостью исполнила эту последнюю обязанность. Алёнушка же была совсем сопливочкой — упала в обморок, а теперь...

Лицо Ольги Петровны почти не изменилось. Ну, да, пролегли глубокие морщины от носа ко рту, да и шея расписана ими, как шрамами. Но она всё та же, и, главное, она здесь, где видела её Алёнушка в последний раз.

И Алёна ей улыбалась, как улыбалась Полине Сергеевне, горько и радостно, сблизившись с ней, как бросилась бы к Клаве, повстречай её сейчас чудесным образом. Но она ведь осталась совсем одна и шла сейчас домой, к дорогому месту своему, и всё, что здесь, было для неё спасением, а тут ещё старая учительница!

Но Ольга Петровна отодвигалась и отодвигалась от своей бывшей ученицы, и всякие следы радости стирались с её лица.

Наконец, она глухо, с укоризной, проговорила:

— Эх, Никитина!

И отвела глаза. Снова обрушился на Алёну тот снеговал. Когда почти теряешь сознание. Когда жизнь исчезает прежде, чем ты это понимаешь. Когда холод врывается за воротник, и крикнуть невозможно — забывает снег.

Она простонала в ответ:

— Что?

— Да то! — прошелестела старуха.

Учительница словно растворилась, отступила куда-то за ограду, пропала в густых зарослях репейника.

Алёнушка, будто тяжело раненная, медленно побрела от школы в сторону своей деревушки. Дорога оказалась заросшей. Похоже, давным-давно здесь никто не проезжал. И она не упала, а легла на непроезжую дорогу, ведущую домой.

Напрасно щекотала её брови ромашка, зря мокрица подкладывалась под неё, чтобы мягче лежалось на земле, и иван-чай попусту покачивал головой: мол, здравствуй, девочка, ты ведь дома! Ничто не трогало Алёнушку. Она лежала в буйных травах своей родины, ею не только отвергнутая, не прощённая, за что — неизвестно, но даже приговорённая. За то, что спаслась, что выжила и вернулась. Оказывается, всё это не радость, не благодать, а вина неисправимая.

А молва сама по свету бродит.

И всё-таки судьба сжалилась над ней.

Когда она, пошатываясь и плохо разбирая дорогу, дошла до своей деревушки, выступила из леска, откуда видна была их улица, — словно споткнулась, поражённая.

Вся деревушка её стояла на своём месте. И лишь приблизившись, вступив на единственную улицу, Алёнушка увидела заколоченные окна, покряхившие стены.

Только Клавина изба была живой, и из неё выскочили два белобрысых подростка — мальчик да девочка, Клавины дети. Из ограды, скрипнув дверью, следом явилась вроде никак и не переменившаяся Клавина мать. Где-то на задах мыкнула корова. А старуха спросила с надеждой:

— Де Клава?

Не было, значит, Клавы. Не знала Алёна, где Клава, спасая её, если знать хотите, благословившая на спасение. Опустив голову, она развела руками. И бабка понурилась, словно ответ-то заранее знала, да всё же спросила...

Будто по ухабам, кинула её жизнь в низину, и охнуть Алёна не успела, как выметнула на гребень: радуйся. Перед ней был её дом родительский, — чудо чудесное! — цел и невредим. Только дверь в ограду приткнута не палочкой, а батоном.

— Это я запер, — сказал за спиной басовитый голос Клавиного сынка Сёмки, а Маня, дочка её, заспорила:

— Вместе мы!

Алёнушка отодвинула палку, вступила в сени, распахнула дверь в избу. Боже! Ничего здесь не переменялось! И всё стояло в том порядке, в который привели это маменькины руки. Алёнушка подошла к шкафчику с посудой и, будто загипнотизированная, медленно взяла в руки фотографию чужих людей, сделанную неведомо где, на которой можно было узнать только Софью да Сару. В какой жизни знала этих учительниц Алёна? Где осталась та жизнь? И какое значение теперь имеет всё, что было с ними?

Да и с ней тоже?..

Недели три, а то и четыре она жила полусном, полуявью, и всё в ней смешалось. Она могла полдня просидеть на пенёчке возле папенькиной могилки, как зелёным покрывалом затянутой нежным влажным мхом. Сидела, покачивалась, шевелила губами, шептала ему про неведомое поле в далёкой дали и про маменьку, там оставшуюся.

Шептала она папеньке и про свою беду, про девочку свою Лизаньку, тёплый клубочек плоти, от которого её отняли силком, и уж никогда, никогда больше не то что не увидит она свою доченьку, но даже и не услышит о ней, как, выросши, не узнает и Лизанька о своей настоящей матери. А Вилли...

Чем больше событий выпадало в предшествовавшей жизни, чем плотнее, спрессованнее двигалась та жизнь и чем меньше времени оставалось у неё тогда на размышления, тем, как оказалось, ей было легче жить. Но вот всё остановилось.

С ней произошло то, о чём она и мечтать не могла, — она вернулась домой, и время встало. Всё, с ней происшедшее и основательно сжатое раньше, стало разворачиваться, расти в объёме. Точно забытый, высохший, утративший былую плоть, завалившийся старый сухарь попал на блюде с тёплым чаем и, впитав влагу, размягчился, распух, увеличиваясь в размерах, стал вновь съедобным, вернул себе облик куска хлеба, которым он прежде был.

Она думала про Вилли, который увидел её, прибрал, поначалу против её воли, и не выкинул, не предал, а сделал своей женой по всем жёстким правилам тогдашнего и тамошнего их существования. Про Вилли, в предчувствии великого конца продлившего свою собственную жизнь и пробудившего в ней что-то, похожее на любовь... Но странное дело, именно Вилли, спас-

ший её и перевернувший всю её жизнь, поспешнее всего исчезал из сознания и из памяти её. Будто убегал куда-то, истаивал, — ведь даже и фотографии его не было у Алёнушки.

Она чувствовала, что всё-таки что-то неладное творилось с её сознанием. Вилли убегал, уходил, таял в памяти, а её вина за спасение таким, не ею придуманным способом становилась всё отчётливей. Да, выговорилась она Полине Степановне, чужой, в общем-то, женщине, и та, поверив во все грехи Алёнины, не признала их грехами-то. Потому что сама исстрадалась. А вот Ольга Петровна ей их предъявила, хотя неведомо, как она хоть что-то могла знать, — ведь никто, ни единая душа в мире, кроме той медсестры, не знала истории, случившейся с Алёной. Впрочем — откуда, как? — всё это не трогало Алёну.

В лесочке, возле папенькиной могилки, в доме родительском своём, разговаривая с Маней и Сёмкой или с бабушкой их, Клавиной мамой Евдокией Мироновой, да и во сне даже, в ней, не прерываясь ни на миг, снова и снова раскручивался клубок её собственной жизни. И грядущего оставалось всё меньше. Она похудела, выглядела старше своих лет.

Грызла её изнутри, точила, будто короед дерево, непрестанная, неотвязная, не прощаемая её виновность.

Неизвестно, за что, и неизвестно, перед кем.

4

Ясное дело, в первый же день, как вернулась, пришла она к Евдокии Мироновне, Клавиной маме. Долго, во всех подробностях, какие помнила, рассказывала ей с внучатами про Клавушку. Какой она была работающей на первых работах, когда копали эскарпы, как собирала золу из костров, чтобы одежду стирать, как была бригадиром, заботилась о женщинах и вступала в пререкания с полицией. И что потом было, в концлагере, как ходили они отрядами на работу с кайлами и лопатами, и как всё с ней же, с Клавушкой, перенесла она тело маменьки с дороги на обочину, и как Клава потом велела Алёнушке спастись, ни на что не обращая внимания. Так они расстались, с благословения Клавы, на веки вечные.

Клавина мама, совсем глубокая старуха, странное дело, вздохнула облегчённо, перекрестилась. Ни единого вопроса не задала. Как и детки Клавины. Выслушали Алёнушку молча, будто кто им прочитал письмо без обратного адреса.

А осенью Алёнушке в тот год исполнилось семнадцать лет. Надо было жить дальше. Победовав в родительском доме год-другой, она постепенно обзавелась живностью и жила огородом. В сельце появляться не любила, хотя вынужденно выбиралась за солью, сахаром да мукой. Даже хлеб пекла сама в старой и верной родительской русской печи.

Однажды за ней явились на грузовушке. Шофёр, молодой паренёк, передал просьбу Ольги Петровны сразу же приехать поговорить — на два слова. Пояснил — учительница умирает. Алёна поехала. Ольга Петровна, лежавшая на узенькой, вдовей какой-то железной койке, обессиленная, обескровленная, успела произнести шёпотом:

— Прости меня!

И ещё попросила:

— Обмой меня.

Умерла она почти сразу, точно ждала Алёнушку, и оказалось, что учительница совершенно одинока. Яму выкопал, чертыхаясь, какой-то деревенский пьянчужка за скромный гонорар в одну бутылку, припасённый на этот случай усопшей, а Алёнушка, как сумела, обмыла покойницу в её же кровати, не испытывая ни страха, ни отвращения. Сердце её ни разу не стукнуло как-нибудь по-особенному, и она подумала о себе, что вот, совсем стала не похожа на себя прежнюю.

Потом умерла Евдокия Мироновна, и её обмыла Алёнушка. Похоронили её в селе, неподалёку от учительницы Ольги Петровны и уж совсем далеко от Софы и Сары.

Много, ох, много народу перемерло за войну, и могилки двух забытых учительниц сравнялись, поросли травой, в которой, к своему удивлению, Алёна рассмотрела ярко-красные ягоды лесной земляники, которые будто звали, даже, требовали сорвать их и порадоваться их сладости. Но Алёна знала — с могил ягод не срывают, какими бы они ни были прекрасными. И не едят.

Сёму и Машу отправили в интернат, они исчезли в водовороте послевоенной жизни, и Алёнушка осталась совсем одна в своей пустой деревушке.

5

И всё же однажды случилось в её жизни нечто невероятное. К ней приехала тётя Поля, Полина Степановна! Да не одна. Были с ней Степан, сын её собственный, оставшийся живым, дочь Зиночка, тоже в полном здравии, и ещё один человек, по имени Сергей.

Этот взрослый, сединами охваченный мужчина, объяснила тётя Поля Алёнушке, с лихвой бед отведал: воевал, попал в плен, сбежал каким-то манером к своим, но был осуждён, попал в штрафбат, где проявил храбрость, получил даже орден, но теперь, после войны, мыкается, и всё потому, что дом его родителей, — а он в том же селе был, где живёт Полина Степановна, — сгорел. Сергей бы, может, и готов новый отстроить, но не с кем — никак не найдёт свою голубку.

В конце концов, Полина Степановна призналась Алёнушке в лесочке у папенькиной могилки, к которой они пришли вдвоём, что и всю эту экспедицию-то она затеяла к тому, чтобы Алёнушка и Сергей познакомились, сошлись, раны свои военные залечили, да и стали бы жить далее, как полагаются всем нестарым ещё людям.

Алёнушка смотрела на неё не мигая. Довольно холодно, неприветливо смотрела. Спросила, отворачивая взгляд:

— А как же Лизанька?

— Ну, вот! — огорчилась тетя Поля. — Ей про Фому, а она про Ерёму! Ты ведь речку повернуть не можешь против течения! Нет! Даже самый малый ручёёк! Так и жизнь, Алёнушка! Что было, то прошло, и прошедшее не воротись.

Помолчав, почти крикнула:

— Да и не надо! Ни тебе, ни мне нашего прошлого! Давай оставленное нам доживём! Как Бог подаст!

Алёна только спросила:

— Так это Он мне подаёт? Сейчас-то? Или ты, тётя Поля?

— Он! Моим желаньем тебя спасти!

Обратно к дому шли, обнявшись, и тётя Поля, Полина Степановна, дипломированный ветеринар, купала Алёнушку в словах утешительных, мирных, обнадеживающих. И всё пошло-поехало как будто потихонечку-помаленечку. Вечером накрыли они с тётей Полей стол в Алёнушкином доме — гости-то расположиться тут не пожелали, попросили согласия остановиться в опустевшем доме, где Клавушка жила со своими детками да мамой Евдокией Мироновной, — теперь уж Алёнушка притворила крепкой дубинкой дверь соседского подворья, скотинку оставшуюся к себе пристроив.

Оказалось, Сергей-то ещё и гармонист. Вечером, когда отужинали, и тётя Поля увела выросших детей своих на ночлег, а Сергей негромко, но ладно, душевно даже поиграв, завёл с Алёной разговор по существу.

— Меня, — сказал, — Полина Степановна долго склоняла поехать к вам, познакомиться, да и посвататься, что уж таить! Но я всё упирался. Не верил в её слова. А теперь увидал вас, и в душе её благодарю.

— Не торопитесь, — тихо ответила Алёнушка.

— Да мы же серьёзные люди, — ответил Сергей, взрослый, намного старше Алёны, мужчина. Побитый сединами, тоже своё испивший, не пристроенный, горький, видать, человек. Горький, а всё же наивный.

— Алёнушка, — гнул он своё, — нет у нас на ухажерство времени. Сваताюсь к вам. Выходи, — перешёл на ты, — за меня.

— Погоди, погоди, — сказала ему Алёна.

— Чего годить-то! — засмеялся он. — Все свои годы уж перегадил!

— Ну, а что ты скажешь, милый человек, — как можно ласковее проговорила Алёнушка, — если я сообщу тебе, что была женой немецкого солдата? Что с немцем жила?

Сергей всё это время тихо, чтоб разговору не менять, наигрывал на своей поношенной, выдавшей виды, гармошечке. И тут, при словах этих Алёниных, гармошечка вдруг застонала одной нотой, как будто заплакала, закулила, да и оборвалась.

Сергей сидел, голову опустив, и, не поднимая глаз, сказал растерянно:

— Полина говорила, что вы в концлагере были... В Германию вас угнали...

Потом всё-таки хватило сил у него глаза в глаза Алёне поглядеть. Сказать:

— Прости!

6

Если не поленитесь, то считайте...

В год, когда кончилась война, осенью, Алёнушке исполнилось семнадцать лет, а умерла она шестидесятилетней. Учиться дальше она не стала — десятилетка находилась далеко от дома, в райцентре, добираться туда было невозможно, переехать, чтобы снимать угол, — дорого, да ведь она и не работала — жила собственным хозяйством. Ей удалось получить паспорт — на основании справки о плене, да и то — столько она объяснений дала в разных кабинетах этого самого проклятого райцентра, что почти всякий раз домой бегом бежала, не дождавшись порой попутной машины.

Объяснять всё, что и как случилось с ней в войну, она не могла, а ещё больше — не хотела. Так её и оставили в покое: частичка, одинокая, занимается подсобным хозяйством, тем и живёт. Позже дали грошовую пенсию.

Немногие забредавшие в деревушку люди, — всё больше жители ближнего и тоже умиравшего сельца, — удивлялись опрятному виду стареющей женщины, её приветливости ко всем без разбору и ещё тому, что она вставляла в свою речь немецкие словечки: “данкешён” — спасибо, “их либе” — я люблю или ещё что-нибудь такое. Пустили слух, что это она в плену умом повредилась, — ну, можно ли улыбаться-то всякому встречному-поперечному, водички предлагать, а то и молочка.

Эх, люди! Да это же просто знак того, что светлые деревенские правила забываются, раньше-то такое внимание обычаем было: увидишь незнакомого — поклонись, первым поздоровайся, если ты мужик — картузними, если баба — предложи водички: попить не желаете ли с дорожки-то, чем вам помочь, что указать?

Алёнушка выросла, а потом и старела с улыбкой, как маменька учила. Да только никак не выходила из неё беда её, и всё, что было с ней сейчас, никак не могло заштриховать происшедшее. Жизнь со всеми её прегрешениями, бедами, тоской, но ведь и с радостями же, с солнцем, с лесом, с небом над головой, выходило, не очень-то и требовалась Алёнушке, потерявшей к ней интерес и всякий вкус.

Но однажды она всё-таки совершила подвиг — поехала к тётке Поле. Дети её выросли, и состарилась она, единственная свидетельница Алёнушкиных испытаний. Обнялись они с ней так, будто сцепились, — дети даже испугались этих объятий! — и долго, долго безнадежно плакали.

Сергей, конечно, женился, куда-то уехал, и с тёткой Полей после той поездки ни о чём не говорил, да ведь и не узнать об этом ездила Алёнушка — всё она знала из Полиных писем.

Просто чтобы повидаться с Полиной Степановной.

Скоро та умерла.

А Алёнушка всё жила и жила, не показываясь врачам, не имея дел с властью, — только на выборы ходила — да почти и не разговаривая с людьми.

Они, эти люди, совсем редко заглядывали в деревушку. Пройдут зимой лыжники по деревне, один махнёт варежкой — и всё.

А от деревушки почти ничего не осталось. Деревянная изба, как известно, требует живой души внутри-то себя. Чтобы кто-то ходил по половицам, гвозди, если надо, прибывал, пол подметал, ну и, ясное дело, дышал тут, топил печь, разговоры свои разговаривал. Покидает избу человек, забывает крест-накрест окна досками, запирает дверь, и — всё, считай, простился с родной душой. В одиночестве изба, как и старая женщина, тоскует, а потеряв надежду — и умирает. Брёвна превращаются в труху, крыша покрывается зелёным мхом, ступеньки на крыльце гнивают и обваливаются. И в один печальный час крыша рушится — когда и с грохотом, как последний вскрик, обращение к покинувшим её, а чаще всего — со слабым шуршаньем сваливается обочь, и недолго уже ждать, когда и стены через осень-другую поведёт в одну слабую и неверную сторону и, будто убитый конь, на котором бы ещё скакать и скакать, падает набок дом.

Дом, вскормивший многих людей, уже ушедших за пределы жизни или забывших родительскую и вечно верную крышу милого дома, родину свою, половицы, по которым свои первые шаги пробовали...

И вот деревушка вся развалилась. Встала на колени, поросла осокой, мхом и другими растениями, вполне красивыми, чтобы красой своей, видать, прикрыть человеческое беспомощество и хоть эдак человека извинить. Но человек — существо неизвиняемое...

Остался во всей деревушке лишь домик Алёнушки. Печка у неё топилась, дорожки зимой всегда вокруг избы были прочищены, дрова наколоты, впрочем, в последние-то годы это были распиленные, высохшие, почерневшие остатки соседних, покинутых всеми срубов.

Лишь редко-редко добиралась до неё девочка Лиза, местная почтальонша. Мать этой девочке рано перенесла инсульт, отец семью бросил, и девушке, всякий раз почему-то вызывавшей в Алёне Сергеевне мысль о её собственной дочери, приходилось работать почтальоном. А в деревню за три версты, где живёт всего одна старуха, никто больше ходить не желал. Вот она и бегала.

Постаревшая Алёнушка принимала её, как родную, долгожданную гостью, и Лиза поначалу считала это старинным русским гостеприимством. Но хозяйка со временем, с годами даже, стала спрашивать странные вещи.

Например, как ей удалось убежать от деда и бабки Штерн? Жива ли какая-то Элла? И что там с Готфридом?

Почтальонша не сразу смекнула, что Алёна Сергеевна, которой и доставлялась-то одна лишь бессловесная пенсия, — ни единого письмеца! — путает времена своей жизни, хотя радиоприёмник на батарейках у неё звучал непрерывно, и батарейки эти приносила сюда Лиза, покупая их в сельпо.

Девочка ей мягко напоминала, что дома её ждёт беспомощная мать, и надо ещё приготовить еду, после чего лицо Алёны Сергеевны разглаживалось, наверно, она возвращалась в настоящее время, кивала головой и всегда смотрела на шкафчик, в котором, Лиза знала, стояла две фотографии молодых женщин, которые учили эту старушку в допотопные времена, да красивый альбомчик с единственным стихотворением, написанным на немецком языке.

Лиза потом не раз говорила, что больше всего Алёна Сергеевна хотела бы увидеть свою дочь, тоже Лизу, Лизаньку, как она говорила, и верила, что Лизанька, конечно же, стала настоящей принцессой, не зря у её предков была аристократическая приставка “фон”.

После нескольких таких разговоров, когда почтальонша Лиза принесла очередную пенсию и выпила чаю, какого-то совершенно невероятного по вкусу лесного чая, настоящего на одних только травах, и сняла косынку, ра-

зомлев, старушка, вежливо спросив, не найдется ли у неё времени выслушать её рассказ, и поведала ей всю свою историю.

Когда она закончила, Лиза сидела, сжавшись в комочек, — она была со-страдательной девочкой, которой и самой досталась непростая жизнь. Но жизнь без войны, без концлагерей и без страха смерти...

— Как же вы выжили? — спросила она.

— Да я б и остатки жизни отдала, — ответила старушка, — только чтоб свою кровиночку увидеть, Лизаньку. Хоть краешком глаза!

Почтальонша запомнила из того рассказа чужие наименования и имена — какого-то Дуйсбурга, Пелагеи Матвеевны, Сергея Кузьмича и соседки Клавы. Ну, и, конечно, имя своей неведомой тётки.

Потом у Лизы умерла мать, после сороковин она взяла отпуск без содержания и надолго уехала к родственникам, а вернулась уже зимой. Никто, как выяснилось, за всё это время пенсию Никитиной не носил, и когда почтальонша пришла в покинутую деревню, — а было это, напомним, зимой, — дверь в остуженную избу была слегка приоткрыта. А в светёлке лежала холодная и, судя по всему, недавно умершая Алёнушка, сама себя приготовившая к смерти.

Она лежала посреди кровати в чёрном платье, и в скрещенных руках зажата была маленькая картонная иконка Богородицы, именуемая “Утоли моя печали...”

Время в России стояло ещё неверующее, атеистическое, да Алёна Сергеевна и не сказала Лизе ничего о своих предсмертных желаниях. Так что её и отпевать не стали: власть к таким делам тогда была непричастна, даже напротив — строга, церковь была только в райцентре. Но вот — странное дело! — похоронить Алёнушку позволили не на сельском кладбище, а рядом с батюшкой, в лесу.

Снова шёл снег, послали было с гробом грузовик, но он застрял в снегу и скоро вернулся. Тогда Лиза отыскивала троих пожилых односельчан. Они ещё помнили красавицу Алёнушку. Правда, помнили приблизительно, примерно, по рассказам старшей родни. И всё за ту же вечную, неизменную, всё оплачивающую русскую валюту — за бутылку на душу — они привезли на санках из села в деревушку гроб, потом отправились в лес и исполнили самое последнее в жизни каждого дело: зарыли Алёнушку в землю по соседству с ещё одной, аккуратно прибранной, хотя и старой, видать, могилкой.

Денег, которые лежали приготовленными на столике в конверте — и об этом усопшая позаботилась! — рассчитаться вполне хватило.

8

Прошли многие и разные годы...

Ярко-зелёный, акварельный мох, ещё с довоенных пор украшавший лес возле папенькиной могилки, — а теперь и могилки Алёнушки, — постепенно выполз из этого леса, затянул остатки всех деревенских строений и всякие следы человеческие собой стёр.

Будто незримый художник заштриховал нарядным цветом прошедшее время.

Вот только горе человеческое затушевать нельзя...

9

Или можно? И скорби людей из прошлого исчезнут навсегда вместе с ними?

На что же тогда надеяться нам, живущим?

ИВАН ЩЁЛОКОВ

ПРОБЬЁТСЯ СРЕДИННАЯ РУСЬ...

* * *

Я собственную мысль отрину,
Чтоб меня откровеньем не жгла:
Редкий ворон над русской равниной
Пролетит, не умаяв крыла!

Вдохновлённый внезапным открытием,
Вспомню Гоголя и устыжусь.
Но пробьётся с обочин и рытвин
Васильками срединная Русь.

Сколько помню, не часто я плакал.
Так сияйте, слезинки в глазах!
Ворон к нам торопился на падаль
И запутал крыла в васильках.

* * *

Встану ранёхонько, слышу: бомбят!
Белгород будто, воочью — Белград.
В буковке разница, в сути — одно.
Значит, уверены: разрешено

ЩЁЛОКОВ Иван Александрович родился в 1956 году в с. Красный Лог Каширского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Член Союза писателей России с 1997 года. Автор семи поэтических книг: “Под знаком Водолея”, “Чтоб не остаться в мире одному”, “Долгое эхо”, “Осенние многоточия”, “Страждущий ветер”, “Готовит любовь для полёта крыло”, “Лето на двоих”. Живёт в Воронеже.

Сечь города, как листву по садам,
Чтоб и в России аукалось нам.

Я разверну на лету самолёт.
В лоб — недалёт, за хвостом — перелёт.
В вилку захвачена важная цель:
Куст бузины, соловьиная трель...
Смерть от крылатых ракет тут и там
Эхом в России аукнулась нам!

Дон под Воронежем в марте во льдах.
Белгород рядом, всего-то в трёхстах...
Это в Белграде, вне сроков и дат,
Юный, весенний в крови листопад,
С гарью, с осколками напололам,
Болью в России аукнулся нам!

* * *

Могильная тишь околотка.
Похмельное чувство вины.
И булькает в юные глотки
Палёное зелье страны.

Немые и ржавые рельсы.
Ушли в никуда поезда.
Как эхо новейших репрессий —
Некошенная лебеда.

Об этом ли разве мечтали?
Про это ли видели сны?
И каркает ворон печали
С макушки корявой сосны.

* * *

Уходим не мы, а уходит эпоха.
Уходит тихонько, не хлопая дверью,
Как трёпаный жизнью сосед-выпивоха
Или деревушка в болотах под Тверью.

Ей наших напутствий в дорогу не надо,
Она не сторонница людных прощаний.
Уходит и всё! Как пора листопада,
Как девушка в женщину после венчанья.

Никто не помашет с порога платочком,
Никто не узнает про дату ухода.
Холодное пиво в тени по глоточку
Хлебают беспечная масса народа.

Мне тоже она не нужна. Я не верю
В таинственный смысл или в знак неотвратный
И не заявлю никому о потере:
Её не вернёт стол находок обратно.

Пока я с народом на пляже под Сочи
Согретому морю восторженно внемлю,
Эпоха с подножки вагона соскочит
И скупой дождейкой впитается в землю.

* * *

Я родился, где степи и балки,
Рукотворные всюду пруды.
Возводили их деды и бабки
Сразу после войны и беды.

А вдоль речки на семь километров
Протянулось село Красный Лог
От востока на запад, чтоб ветры
Гнали мимо холодный поток.

За домами — сады, огороды,
Луговина, лоза, камыши.
Там, сменяя друг друга, восходы
И закаты дремали в тиши,

Чтобы днём наступающим снова
Загораться или отгорать...
В этом — всей нашей жизни основа,
Её горечь, её благодать!

Я теперь по чуть-чуть забываю
Край ромашек, картошки и верб,
Будто вере отцов изменяю
И меняю фамильный свой герб.

Только память сигнальной ракетой
В тёмный час озарит без огня:
Здесь мечтал быть советским поэтом,
Жаль, что поздно родили меня.

Нет Советского больше Союза!
Рвутся в новых страданиях сердца.
Собачонкой вчерашняя муза
Сиротливо скулит у крыльца.

Высоки у безвременья ставки:
Обдерут, не оставив гроша.
И российским поэтом не стал я —
Где-то в прошлом осталась душа!

Только ветры на запад с востока,
А частенько и наоборот
Гонят время вдоль Красного Лога —
Век за веком, вперёд и вперёд!

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

И ОТЗВУК СЕРДЦА СВОЕГО

* * *

То жажда мести, то тревога
В ожесточившейся душе.
Мне говорят: “Побойся Бога!”, —
А я давно боюсь уже.

Боюсь. Но даже в страхе Божьем
Простить их сил не наберусь,
Тех самозванцев из “вельможных”,
Что оседлали нашу Русь.

Прощать невольных прегрешений
И заблуждений тьму бы рад,
Но, на мошеннике мошенник,
Они ведь знают, что творят,

И упиваются гордыней —
Грехом первейшим сатаны...
Боюсь, народ опять подымет
Дубину классовой войны.

ЩЕРБАКОВ Александр Илларионович родился в 1939 году в селе Таскино Красноярского края, в старообрядческой крестьянской семье. В разных вузах окончил факультеты истории, филологии и экономики. Окончил Красноярский пединститут и журфак Высшей партшколы в Новосибирске. Работал учителем, журналистом. Автор нескольких книг поэзии и прозы, изданных в Красноярске и Москве. Печатался во многих журналах СССР и России. В “Нашем современнике” выступал со стихами и рассказами. Член Союза писателей России, ныне возглавляет Красноярское отделение СП. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Красноярске.

ЁЛКИ-ПАЛКИ

Ёлки-палки, семь десятков
Лет я прожил на земле!
Только радость та с осадком,
Коли мир лежит во зле.

Коли тропок наших прошвы
На песках времён видны,
Но — ни жизни доброй прошлой,
Ни — родной большой страны.

Впору братьям по Союзу
Подымать единый стан
На “буржув толстопузых”
За рабочих и крестьян.

Молодёжь тревожить жалко,
Но и ей довольно спать...
Впору делать, ёлки-палки,
Революцию опять.

ПОСЛЕДНИЕ ДРУЗЬЯ

Череду своих нынешних дней
Стариковским окинувши оком,
Не скажу, что живётся трудней,
Но становится мне одиноко.

На погостах родные лежат.
Из друзей, как помыслишь, отчаясь,
Лишь остался... Ахмадинежад
Да ещё, может быть, Уго Чавес.

НА ПРОЩАНЬЕ

Когда-то жаждал с ней свидания,
И сон теряя, и покой...
Теперь — одни воспоминания
О той девице городской.

Она, окутанная тайною,
Взошла над нашенским селом,
Но вскоре облачком растаяла,
Осиротив мой небосклон.

Одно-единственное летечко
Я с нею был, она со мной...
Ромашки памятной розеточка
Истлела в книжке записной.

А я всё думами досужими,
Мол, позабыла или нет,
Томлюсь. Да только нужен ли
Теперь какой-нибудь ответ?

Пусть будут снами и поверьями
Прощанья наши на мосту,
Стиравшие между деревнею
И между городом черту.

К ИТОГАМ

Сидя на санях, помыслил я...
Владимир Мономах

Глаголу преданным без лести
И одиноким, словно перст,
Я вековал, свою безвестность
Неся безропотно, как крест.

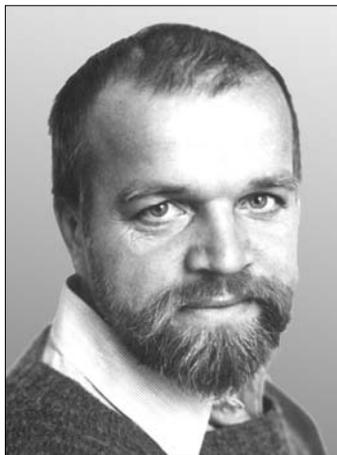
Не застрелился и не спился,
Не ударялся в куражи.
Я духом жил, над словом бился,
Грыз перья и карандаши.

Так будет и до самой, самой
До переправы в мир иной,
Когда подвоят к дому сани
Харона русского за мной.

А потому — откуда славе
Явиться? Хватит и того,
Чтоб я “чекан души” оставил
И отзвук сердца своего.

Я дорожил на свете волей
И занесу итог в грощбух:
Мне спину выгнуло глаголем,
Зато прямым остался дух.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава двадцать четвертая

БИТВА ЗА ДНЕПР

*“...где переправлялись
Карл XII с Мазепой”.*

В середине сентября Гитлер приказал своим армиям отойти за Днепр. Он дал понять своим войскам, что дальше линии Вotan-Пантер отступления не будет. Гитлер считал правый берег Днепра неприступным, говорил о некоем “чудо-оружии”, которое будет применено именно здесь, чтобы защитить Европу от большевизма. Манштейн, который гордился тем, что удалось избежать окружения своих танковых частей под Белгородом и Харьковом, подливал масла на камелёк своего фюрера, заявляя, что, мол, скорее Днепр потечёт в обратном направлении, чем его форсируют русские войска...

Но именно Манштейн, наблюдая, как стремительно наступают войска

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор многих книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

Продолжение. Начало в №№ 5–6 за 2012 год.

генерала Конева, забеспокоился первым; он вдруг понял, что войска этого напористого генерала смогут выйти к Полтаве раньше, чем туда же, к налаженным днепровским переправам, будут отведены части его 8-й армии. Пока его 8-я продолжала контратаковать по линии рек Марефа, Мжа, Ворскла. Если это произойдёт, размышлял, глядя на карту, Манштейн, этот удачливый генерал, которому, по всей вероятности, дают и дают большие резервы, прижмёт его отходящие войска к Днепру.

Днепр, Днепр... О нём думали и в советских штабах.

6 сентября Ставка определила разграничительные линии, несколько изменив направления ударов фронтов. Киев, на который всякий раз с азартом поглядывал Конев, когда рассматривал карту, оставался теперь правее. Он входил в полосу наступления Воронежского фронта. Перед ним были Полтава, Кременчуг. Для усиления ударной силы Ставка передавала Степному фронту из своего резерва 37-ю армию генерала Шарохина.

Войска Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов продолжали наступать без всякой оперативной паузы.

Перед фронтом Степного фронта отступали до двадцати немецких дивизий.

5-ю танковую армию генерала Ротмистрова, потерявшую много танков, пришлось временно вывести из боя на пополнение и доукомплектование. В корпусах и бригадах в строю тоже было мало танков. По приказу Конева командир 1-го механизированного корпуса генерал Соломатин создал небольшой танковый отряд. Он был выброшен вперёд с задачей: прорваться к Днепру и захватить переправу севернее Днепропетровска. Впоследствии это сыграло значительную, возможно, даже решающую роль в успехе днепровской операции.

Район среднего течения Днепра Конев знал лишь по книгам и рассказам. В верховьях когда-то, в середине тридцатых годов, когда командовал 37-й стрелковой дивизией Белорусского военного округа, довелось бывать на учениях. Никаких военно-топографических описаний этого района в штабе фронта он не нашёл. Позвонил старому знакомому, генерал-лейтенанту инженерных войск М. П. Воробьёву.

— Михаил Петрович, выручай.

Попросил у него всё, что есть, по Днепру в среднем течении. И, как бы между прочим, зная начитанность генерала Воробьёва и его страсть к истории, спросил:

— Михаил Петрович, помнишь, как Карл Двенадцатый с Мазепой бежали после разгрома под Полтавой?

— Как же, помню, — засмеялся Воробьёв.

— А теперь вспомни, пожалуйста, где они переправлялись через Днепр?

— У Переволочной! — тут же ответил генерал Воробьёв и уточнил: — Севернее нынешнего Днепропетровска. Что, Иван Степанович, хотите догнать беглецов?

— Хочу. Ведь это как раз в полосе наступления моего фронта.

Разговор с генералом Воробьёвым имел и чисто практические последствия: вскоре инженерные части фронта получили срочно доставленные с Дальнего Востока тяжёлые понтоны для установки железнодорожных мостов, а также другое оборудование и снаряжение.

И всё же, как известно, солдатам пришлось перебираться через Днепр на подручных средствах. Штабы, конечно же, имели в резерве некоторое количество плавсредств, лодок, катеров, плавучих паромов. Но ветераны Днепра в основном рассказывают примерно такую историю.

Командир полка собрал комбатов и приказал: ночью, по сигналу — стук сапёрной лопатки — начинаем переправу; лодок нет, тем, кто не умеет плавать, самим вязать плоты для переправы оружия и боеприпасов, разбирать в ближайших деревнях сараи и деревянные дома и переправляться на бревнах, остальным — вплавать.

Сколько народу забрал в те сентябрьские ночи Днепр, до сих пор не подсчитано. Реку форсировали все фронты, миллионы солдат. Сотни миллионов пуль, снарядов и мин летело в них с Восточного вала, с правого берега. А он

был крутой, удобный для обзора и прекрасно оборудованный обороняющейся стороной для стрельбы по видимым и невидимым целям.

Степной фронт форсировал Днепр по всему фронту протяженностью в 130 километров. 7-й гвардейской было приказано выйти к реке в районе Переволочной, Бородаевки, Старого Орлика и с ходу захватить плацдармы на правом берегу. Южнее, параллельно с нею, наступала 57-я армия с задачей сделать то же на своём участке. Но до Днепра были бои на реке Ворскле и взятие Полтавы, ликвидация плацдармов на левом берегу, в том числе крупной группировки противника в районе Кременчуга.

Наталья Ивановна Конева показала мне книгу из личной библиотеки маршала: Е. В. Тарле, “Северная война и шведское нашествие на Россию”. В ней карандашом отчёркнуто то место, где Пётр I произносит свою известную фразу: “Мой брат Карл мечтает быть Александром Македонским, но он не найдёт во мне Дария”. И далее: “В России “дариев” не было и нет — русский народ никогда за всю свою историю не вставал на колени перед иноземным завоевателем, он, как исполин, поднимался на смертный бой с врагом и побеждал его. Разумеется, нельзя сравнивать Карла XII с презренным негодяем Гитлером, который в 1941 году двинул немецкие орды на Россию. Но освобождение Украины, как и во времена нашествия Карла, является в полном смысле славным прологом гибели вторгшейся в Россию армии”.

И. С. Конев подчеркнул это место и на полях пометил: “Важно”.

Да, можно предположить, что именно Полтавой, в самом буквальном и одновременно в самом возвышенном смысле, были для Конева бесконечные бои его Степного фронта. Его войска действительно, подобно стремительной степной орде, изгоном шли по России и Украине. И мог ли остановить их Днепр, превращённый немцами в Восточный вал?

За несколько дней до того, когда первые солдаты из его войска зашли по пояс в воду и опустили в Днепр бревно с вбитыми скобами, вдоль берега в сопровождении разведчиков прошли два генерала. Они осматривали противоположный берег, который возвышался подобно утёсу, осматривали широкую, как море, гладь реки с гребешками волн, о чём-то переговаривались. Этими генералами были Конев и командующий 7-й гвардейской армией Шумилов.

— Ну, вот, Михаил Степанович, — сказал Конев, — здесь и придётся твоим гвардейцам налаживать переправу. Оборона у них тут не сплошная. Если разведка ничего не путает. — И Конев посмотрел на офицера из разведотдела.

— Так точно, товарищ генерал армии, оборона на том берегу очаговая, — тут же вытянулся перед генералами бравый майор. — Несколько наших групп сегодня ночью вернулись с той стороны. Небольшие, взводнота, гарнизоны в населённых пунктах. Ударные группы, до полка, находятся в глубине.

— Перемахнём, Иван Степанович, и эту речку, — сказал Шумилов, оторвавшись от бинокля. — Мои ребята ещё после Харькова начали собирать по плавням лодки и всякую речную посуду. Противотанковые орудия и пулемёты переправим на плотках в первом эшелоне.

— Начинайте немедленно. Пока они там не опомнились, — согласился Конев.

Немцы, конечно же, не рассчитали своих сил, кинувшись на Восток, в глубину России. К сентябрю 43-го, после кровавой бойни под Белгородом, Курском, Орлом и Брянском, их армии уже не имели той мощи и той возможности маневра, какую демонстрировали в 41-м под Смоленском и Киевом. Некоторые дивизии были сведены в дивизионные группы и фактически представляли собой усиленные пехотные полки. Внутренняя Германия уже не могла в полной мере восполнять понесённые на Русском фронте потери. А они продолжали расти каждые сутки, каждый час. И тем не менее, перед Степным и Воронежским фронтами стояли основные силы группы армий “Юг” под командованием Манштейна, которые представляли собой мощную силу. Полевые командиры Манштейна успели перегруппировать свои части, окопать на высоком берегу Днепра боевую технику и тяжёлое вооружение

и приготовились встретить атаку русских. Задачей Манштейна было не допустить Красную армию, то есть Конева, в Донбасс.

Переправа дивизий первого эшелона 7-й гвардейской армии началась 25 сентября. Той же ночью гвардейцы отбили плацдарм в районе села Домоткань между Днепропетровском и Кременчугом.

Вначале от Шумилова поступали обнадеживающие донесения: переправа идёт полным ходом, расширяем плацдарм, на правый берег переправлен 24-й гвардейский корпус... На вторые сутки ранним утром тревожное сообщение: сильные контратаки танков противника в районе действий 24-го гвардейского корпуса у Домоткани, непрерывные удары авиации, войска несут большие потери, не выдерживают натиска врага, вынужден отвести корпус с плацдарма на левый берег...

Конов тут же позвонил Шумилону: “Держись, Михаил Степанович! Выводить войска запрещаю. Сейчас же вылетаю к вам, вместе разберёмся и решим, что делать дальше”.

Легкий По-2 вскочил с полевого аэродрома и взял курс на юго-запад. Вскоре блеснул синей лентой, окутанной дымом, Днепр. Иногда снаряды падали в реку, и тогда вода и дым поднимались вверх высокими белыми столбами. Над плацдармом роем кружили самолёты. По их повадкам и по тому, откуда они заходили в атаку и куда пикировали, было понятно, что это авиация противника долбит позиции 24-го гвардейского корпуса на отбитом плацдарме.

При подлёте к площадке, приготовленной для посадки биплана командующего, с правого берега вдруг потянулись трассы эрликонов. Несколько серий снарядов, одна за другой, пронеслись мимо. Пилот мгновенно отреагировал: садиться на открытом поле нельзя, хотя площадка внизу удобная, нырнул за холм и посадил самолёт там, вне видимости с противоположного берега. “Молодец”, — про себя подумал командующий, но пилоту ничего не сказал.

И картина, которую Конов успел схватить взглядом с высоты, и обстрел немецкими зенитными установками, и бездействие артиллерии и авиации с левого берега, конечно же, не поднимали настроения. Когда он увидел командиров авиационных корпусов, то в какой-то миг пожалел, что оставил в штабе свою фронтную палку...

Начали разбираться.

В первую очередь, он приказал командиру истребительного корпуса генералу Подгорному организовать прикрытие с воздуха, перехватывать бомбардировщики противника на подлёте и не позволять им безнаказанно терзать гвардейский корпус, храбро оборонявшийся на плацдарме. Генералу Рязанову — массированными ударами штурмовиков, волна за волной, засыпать немецкие танки противотанковыми кумулятивными бомбами.

Рязанов тут же наладил связь с корпусом, передал приказ, и его штурмовики вскоре начали действовать настолько активно и точно, что немецкие танки на некоторых участках попятились с плацдарма. Десятки их горели там и там, окутывая пространство густым маслянистым дымом. Штурмовики применяли кумулятивные противотанковые бомбы, которые в борьбе с бронетехникой противника оказались весьма эффективными.

Конов приказал Шумилону, чтобы дивизионы гвардейских миномётов сделали несколько последовательных залпов по скоплению пехоты на том берегу.

Из “Записок командующего фронтом”: “Когда наша авиация стала действовать более организованно, и ударили залпы сотни орудий и “катюш”, положение войск на плацдарме улучшилось. Неприятельские танковые атаки были приостановлены. Теперь войска и переправы с воздуха были прикрыты. Наши штурмовики непрерывно бомбили вражеские войска и его танки. Наступил перелом в обстановке. Бородаевский плацдарм был удержан.

Началось наведение постоянных переправ и мостов через Днепр и расширение плацдармов на той стороне.

Левее 7-й гвардейской армии и одновременно с войсками этой армии к форсированию Днепра на участке от устья Орели до Верхнеднепровска приступили войска 57-й армии генерала Н. А. Гагена. Здесь условия форсирования были несколько труднее: шире Днепр, не было близко островов. Са-

ма подготовка к форсированию из-за опоздания переправочных средств проходила в замедленном темпе.

Правее армии М. С. Шумилова была введена в сражение 37-я армия генерала М. Н. Шарохина. Ввод 37-й армии — второго эшелона фронта — был вызван тем, что 69-я армия генерала В. Д. Крюченкина, наступавшая в центре полосы фронта, понесла большие потери ещё в боях под Белгородом и была значительно ослаблена. Она героически дралась в обороне, прошла большой путь в наступлении и сейчас нуждалась в отдыхе и пополнении. Поэтому на подходе к Днепру я решил сменить 69-ю армию, выдвинув из второго эшелона свежую 37-ю армию с тем, чтобы усилить центр фронта.

На 37-ю армию возлагались большие надежды. Она имела задачу с ходу форсировать Днепр и во взаимодействии с 7-й гвардейской армией захватить и расширить плацдарм в районе Мишурина Рога, превратив его в большой плацдарм оперативного значения. Здесь одними из первых переправились через Днепр танкисты, которыми командовал Я. П. Вергун, ныне директор Пятихатской школы. Он вышел к Днепру, пройдя самостоятельно много километров и опередив войска. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ввод свежей, хорошо укомплектованной 37-й армии имел большое оперативное значение. Я рассчитывал на успех не только при форсировании Днепра, но и при развитии наступления на правом берегу. В связи с этим все мои указания и расчёты штаба фронта исходили из жёстких сроков смены частей 69-й армии, быстрого выхода войск 37-й армии к реке и форсирования с ходу. Решение было правильное. Действия этой армии сулили большой успех всему фронту. Дело в том, что на направлении, где вводилась 37-я армия, у немцев отходили лишь остатки двух пехотных дивизий. Чтобы ускорить и облегчить ввод в бой войск 37-й армии, командарму 69-й армии было приказано до утра 27 сентября оставить все средства связи в распоряжении штаба 37-й армии, создав тем самым благоприятные условия для быстрого выполнения его боевой задачи”.

А в это время севернее, в районе Киева, немцы кромсали наши части на плацдарме в районе Великого Букрина. Этот плацдарм вошёл в историю Великой Отечественной войны как Букринский и имеет печальную славу. Захваченный войсками Воронежского фронта, он был жёстко контратакован дивизиями левого крыла 8-й немецкой армии. Манштейн сразу понял: основной удар русские наносят здесь, и перебросил сюда свои ударные резервы. Потери с обеих сторон были огромными. Наши части потеряли около 20 000 человек. Впоследствии Ставка перебросила основные силы Воронежского фронта на Лютежский плацдарм, наступление развивали отсюда. Вскоре Киев был взят.

Конеv же действовал иначе. Армии Степного фронта с ходу перемахнули Днепр сразу в десятках мест. Захватили множество плацдармов и постепенно расширяли их. Противник был сбит с толку: где русские будут наносить основной удар?

Немцы давили на все плацдармы, стараясь сбросить русских в Днепр. Активно применяли танки и артиллерию. В небе постоянно висела авиация, бомбя переправы и всячески нарушая связь переправившихся войск с левым берегом. Возможности наших войск в таких обстоятельствах оказались ограниченными. Преимущество во всех отношениях было на стороне противника. Кроме одного — порыв перескочить через Днепр и очистить от неприятеля район Донбасса был настолько мощным, что сила духа русского солдата оказалась сильнее силы железа и пороха и в этот раз.

Конеv постоянно держал ситуацию в руках. Приказал перенести командные пункты командиров дивизий ближе к сражающимся войскам, а НП перебросить на правый берег Днепра, “не дальше 1–1,5 км от войск, в места, позволявшие вести наблюдение за полем боя”, тем самым давая понять своим подчинённым, что впредь драться предстоит только за Днепром. Часто появлялся на передовых полевых наблюдательных пунктах сам.

Итак, основной удар Конеv нанёс в районе Переволочной. Как и задумывал. 37-я армия генерала Шарохина и 7-я гвардейская генерала Шуми-

лова выполнили свою задачу блестяще. Они переправились на правый берег, захватили плацдарм оперативного значения, разгромили четыре немецких дивизии, пытавшихся их контратаковать, нанесли ощутимый урон противнику в танках.

В период днепровских боёв к Коневу часто приезжал маршал Жуков. Шли консультации, изучались донесения командиров первых линий и разведки, тут же определялись тенденции. Внимательный анализ событий подсказывал дальнейшие решения, как говорят, по ходу пьесы. Азартный Жуков, блестя глазами, буквально в спину толкал вперёд Конева:

— Давай, давай! Вот она, твоя маршальская звезда! — И накрывал ладонью район Донбасса.

Конев прекрасно понимал: пока Манштейн латает дыры там и тут, пока держит часть танковых дивизий против Ватутина в районе Киева, надо непрерывно давить вперёд. Но понимал он и другое: каждый метр захваченной земли, каждая позиция, отбитая у противника, оплачивается солдатской кровью. Через много лет в разговоре с Константином Симоновым он скажет такие слова: “Уложить людей недолго, наступление их быстро съедает...”

Генерал Жадов в своих воспоминаниях о боях на Днестре и в районе Донбасса дал очень точную характеристику своему командующему: “Беседуя с командованием соединений, генерал Конев обращал их внимание, в первую очередь, на особо тщательную подготовку штурма, организацию и поддержание взаимодействия во всех звеньях... требовал от политработников активной работы по мобилизации личного состава на лучшее выполнение предстоящей боевой задачи”.

С генералом Жадовым Конева связывала давняя дружба, учёба в военной академии им. М. В. Фрунзе, совместная служба на Северном Кавказе, 41-й год, бои под Москвой. Дружбу они сохраняют на всю жизнь.

В октябре 1943 года по плану, разработанному штабом Степного фронта и согласованному с маршалом Жуковым, а затем утверждённому Ставкой, армии генерала Конева ринулись на Пятихатку и Апостолово. Главный удар наносила 5-я гвардейская армия генерала Жадова. Наступлению гвардейцев предшествовал непростой маневр: 5-я снялась с плацдарма в районе Кременчуга, переправилась на левый берег, совершила стокилометровый марш на юго-восток вдоль фронта в район Куцеваловки, снова переправилась на правый берег и сосредоточилась на плацдарме, занятом 37-й армией генерала Шарохина. Сюда же после доукомплектования бронетехникой и экипажами из района Полтава—Харьков прибыла 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова. Все передвижения войск производились скрытно. Маневр, широкий и стремительный, — вот тот стиль, который Конев начал совершенствовать здесь, в Битве за Днепр, и вскоре доведёт его до совершенства.

Противник перед ударной группировкой Степного фронта стоял битый, опытный. Манштейн понимал, что Конев будет атаковать, а потому сосредоточил против него двадцать четыре дивизии и 700 самолетов 4-го воздушного флота.

Атака началась 15 октября. Противник встретил атакующие части четырёх общевойсковых и одной танковой армии огнём и контратаками. Почти двое суток эта махина ворочалась, вклинившись в оборону 8-й немецкой армии, усиленной танками и бронетехникой 1-й танковой армии, пока, наконец, не прорвала её на всю глубину. В прорыв Конев тут же бросил танковый и механизированный корпус. Вместе с бомбардировщиками генерала Полбина и штурмовыми полками генерала Рязанова танкисты уже 19 октября захватили крупный железнодорожный узел на правобережной Украине — станцию и посёлок Пятихатка. Здесь взяли богатые трофеи, в том числе склады с продовольствием и зерном. Урожай украинских полей немцы вывезти не успели.

Манштейн бросил навстречу Коневу резерв — две пехотных и две танковых дивизии. Все они только что прибыли из Италии. Но резервы тут же были поглощены сражением и существенного влияния на его исход не оказали.

Впоследствии Манштейн сетовал: “В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого было, вероятно, наиболее энер-

гичным, перебрасывал все новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра на стыке между 1-й танковой и 8-й армиями. К концу октября он расположил здесь не менее пяти армий (в том числе одну танковую армию), в составе которых находились 61 стрелковая дивизия и 7 танковых и механизированных корпусов, насчитывавших свыше 900 танков. Перед таким превосходством сил внутренние фланги обеих армий не могли устоять и начали отход соответственно на восток и запад. Между армиями образовался широкий проход. Перед противником был открыт путь в глубину Днепровской дуги на Кривой Рог и, тем самым, на Никополь, обладание которым Гитлер с военно-экономической точки зрения считал исключительно важным”.

Кстати, Конев в своих “Записках...” заметил автору “Утерянных побед”, что он “для оправдания своего поражения преувеличил численность советских войск”, но в целом сказал правду.

20 октября все четыре фронта, действовавшие на южном фланге, были переименованы в “Украинские”. Степной тоже стал “2-м Украинским”.

В эти дни Сталин позвонил Коневу. Конев коротко доложил:

— Войска фронта находятся на подступах в Кривому Рогу.

— Как ведёт себя противник? — спросил Верховный.

— Противник, опасаясь окружения, начал эвакуацию тылов из Днепропетровска, оставил в районе города части прикрытия, а главные силы перебрасывает в район Кривого Рога против нашего фронта.

— Я понимаю, что у вас есть какое-то предложение. Что вы предлагаете, товарищ Конев?

— В этих условиях крайне необходимо начать наступление армиями правого крыла 3-го Украинского фронта для скорейшего разгрома днепропетровской группировки противника.

— Хорошо. Мы подумаем и сообщим вам о своём решении.

23 октября гвардейцы Жадова вышли к Кировограду, охватив город и район с северо-запада. В этот же день 5-я гвардейская танковая подобное положение создала в районе Кривого Рога. Правифланговые части 3-го Украинского фронта тут же воспользовались благоприятной ситуацией и вплотную подошли к Кривому Рогу.

Во время атаки Конев находился на наблюдательном пункте генерала Ротмистрова, откуда хорошо просматривалась окрестность и картина боя. Как всегда, командир штурмового корпуса генерал Рязанов со своими офицерами связи находился рядом. Рязанов корректировал действия своих штурмовых полков. Девятками “Илы” заходили на цель и “пропахивали” её бомбами, РСами и пулемётным огнём. Накрывали огневые точки и танки противника.

С НП Ротмистрова Конев поехал на командный пункт генерала Шарохина. 37-я армия стояла правее. Войдя в просторную землянку, уставленную телефонными аппаратами, с порога сказал:

— Михаил Николаевич, готовь противотанкистов, сейчас на тебя полезут.

И действительно, через некоторое время противник ввёл в дело танковый резерв, пытаясь отсечь прорвавшуюся к Кривому Рогу советскую группировку именно на участке 37-й армии.

Все, кто воевал, или, как говорят военные, работал с Коневым, отмечают его собранность, умение владеть собой в самых сложных обстоятельствах, дар видеть картину *всего* фронта и предвидеть действия противника. Вот что разглядел в нём Верховный ещё в 41-м, когда начал выдвигать и доверять. Хотя впоследствии протажил и через отстранения и недоверие. Таков был характер диктатора. Даже своих выдвиженцев и любимчиков он всегда держал в узде. Конев тоже чувствовал эти поводы. Но, раз и навсегда указав членам Военного совета фронта их место и определив их должностные обязанности, сумел построить свою работу так, что эти поводы не натирали бока...

К началу ноября противник всё ещё удерживал Кривой Рог и район Никополя.

8 ноября 1943 года Манштейн нанёс мощные контрудары по войскам 1-го Украинского фронта с целью восстановить оборону по Днепру. Своей

цели он не достиг, но 1-й Украинский фронт вынужден был перейти к обороне и на этом рубеже простоял до конца года.

Тем временем Конев получил очередную директиву Ставки, в которой говорилось: “Прочно закрепившись на ныне занимаемом рубеже, нанести удар силами 37-й, 57-й и 5-й гв. танковой армий в общем направлении Лозоватка, Широкое, обходя Кривой Рог с запада, и во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разбить криворожскую группировку противника, овладеть Кривым Рогом и выйти на рубеж Петрово, Гуровка, Широкое. Разгранлиния слева прежняя. Наступление начать не позже 12–14 ноября”.

Наступление началось 14 ноября 1943 года. Но темп наступления с самого начала был невысоким. Сопrotивление противника оказалось мощным. Потери с обеих сторон — огромными.

23 ноября Конев позвонил Верховному и доложил, что отбит большой стратегический плацдарм, что войска дерутся хорошо, дух высок, но чувствуется усталость, солдатам нужен отдых, а полкам пополнение. Лезть в глубину грудью на заранее подготовленную оборону было бессмысленно.

— Прощу разрешения прекратить наступление и перейти к обороне на занимаемых рубежах, — твёрдо сказал он.

— Хорошо, — после небольшой паузы ответил Сталин. — Ставка удовлетворена действиями войск 2-го Украинского фронта и в ближайшее время примет решение о приостановке наступления на вашем участке. Скажите, товарищ Конев, а каковы дальнейшие планы 2-го Украинского фронта?

Конев мгновенно понял, что Верховный не согласится с полной приостановкой наступательных действий. И, зная беспокойство Сталина по поводу намерений противника вновь восстановить оборону по Днепру, вынужден был доложить, что там, где дела идут успешно, фронт будет продолжать наступление с ограниченными целями: “...продолжит операцию по захвату Чигирина, Александрии, железнодорожного узла Знаменка, завершит освобождение Черкасс и отбросит противника от Днепра по всей полосе фронта”.

Конев выполнил обещанное Сталину. Все города, названные в докладе, были вскоре взяты. Он знал, что у Верховного хорошая память, а потому обещанное выполнил.

Перед тем, как послать войска в бой, из штаба фронта во все подразделения ушло обращение к бойцам и командирам за подписью командующего: “Всем командующим армиями, командирам корпусов, дивизий и полков!

В ознаменование великого праздника — Дня Конституции народов Советского Союза — приказываю напрячь свои богатырские силы... решительным ударом всей мощи огня, смелым маневром смять врага и к исходу дня освободить города Знаменка, Александрия и Новая Прага.

Вперёд, воины 2-го Украинского фронта!

Воинской доблестью за Родину прославьте себя новыми боевыми успехами!”

Всё-таки порой в нём проявлялся горячий комиссарский пыл образца 20-х годов.

Ноябрьские и декабрьские бои, какими бы тяжелейшими они ни оказались, создали условия для успешного проведения Корсунь-Шевченковской операции.

Глава двадцать пятая

КОРСУНЬ–ШЕВЧЕНКОВСКИЙ ТРИУМФ

*“Немцы настроились не сдаваться,
а Конев не отступал...”*

До сих пор считается, что Корсунь-Шевченковская стратегическая наступательная операция 1944 года — одна из блестяще организованных и мастерски проведённых операций не только в истории Второй мировой войны и XX столетия, но и во всей истории войн.

Но до успеха в треугольнике Богуслав—Шендеровка—Корсунь—Шевченковский 2-й Украинский фронт провёл ещё одну операцию — Кировоградскую.

И. С. Конев и в своих мемуарах, и в разговорах всегда очерчивал эту удачно проведённую операцию в рамках “боев и сражений по расширению плацдармов” и созданию условий “для перехода в решительное наступление на Правобережной Украине”. В ходе Кировоградской операции стремительным ударом по сходящимся направлениям 7-й гвардейской, 5-й гвардейской танковой армиями, 5-й гвардейской при поддержке 5-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов и 53-й армии были атакованы позиции 8-й полевой армии группы армий “Юг”.

Основная роль отводилась подвижным войскам 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова и 7-му мехкорпусу генерала Каткова.

К 2 января 1944 года войска, соблюдая строжайшую тайну передвижений и переговоров по средствам связи, закончили перегруппировку и, отключив радиостанции, замерли в исходных районах.

Не имея общего превосходства над противником в живой силе и вооружении, Конев, тем не менее, сумел собрать на участках прорыва все танковые и механизированные части и больше половины всей артиллерии. В полосе действий 7-й гвардейской армии плотность артиллерийского огня составляла 120 стволов на километр. 5-я гвардейская армия на своём участке имела превосходство над противником по пехоте — 5:1, по артиллерийским орудиям — 2:1, по миномётам — 5:1.

Именно в эти дни произошло событие, в масштабах фронта незначительное, но согревшее душу Конева в самых затаённых её глубинах. Из тыла с очередной партией нового вооружения прибыл новенький КВ с надписью на башне: “Подосиновский колхозник”. Танк прислали земляки Конева из Подосиновского района Кировской области. Собрали деньги и построили танк. Конева растрогало это до слёз. Он тут же отписал землякам благодарственное письмо. После войны, не забыв коллективного подвига земляков, он отдарит их: к очередной посевной пришлёт новенький грузовик, а в библиотеку — несколько посылок редких книг.

Ночью накануне наступления в полосе своей армии генерал Жадов по согласованию с Коневым провёл разведку боем силами батальон-рота. Артиллеристы в это время находились на передовых НП пехотных частей и во время атаки наносили огневые точки на карты. Утром 5 января началась артподготовка по заранее разведанным целям. Длилась она 50 минут.

Ещё во время артогня инженерные подразделения выдвинулись вперёд и приступили к разминированию и разграждению проходов для пехоты и танков. К исходу дня передовые подразделения правого крыла продвинулись вперёд до 24 километров, что означало: тактическая оборона противника на всю её глубину прорвана. На левом произошла заминка. Противник контратаковал. Бросал в бой крупные силы до 120 танков. К исходу второго дня левое крыло ударной группировки, усиленное танковыми частями, опрокинуло танковые подразделения немцев, врезалось в оборону противника глубиной до 70 километров и расширило брешь прорыва до 30 километров. Это был успех. Но Конев знал: успех нужно наращивать, потому что бой — среда живая, постоянно изменяющаяся, и процессом этих изменений необходимо владеть каждую минуту, влиять на него, если что-то пошло не так.

Манштейн приказал ввести в дело резервы. Но Конев наращивал удар, тоже последовательно вводя резервы.

В ночь на 7 января 1944 года танки 29-го корпуса генерала Кириченко вышли к юго-восточным окраинам Кировограда, замкнули кольцо вокруг города и прилегающего района. В окружении оказались до одной мотопехотной, одной пехотной и части двух танковых дивизий немцев.

Несколько суток войска 1-го и 2-го Украинского фронтов встречными ударами на Первомайск, что на Буге, пытались отрезать 8-ю полевую и 1-ю танковую армии противника. Манштейн предпринимал всё возможное, чтобы не допустить катастрофы.

Немецкий историк Пауль Карель события в районе Кировограда назвал “Зимней драмой на Среднем Днепре”: “Кировоград стал свидетелем всей

трагедии, всех страданий большого сражения. Каждый десятый из воевавших в России знает Кировоград. Это было одно из мест, где война шла особенно жесточно. Немцы настроились не сдаваться, а Конев не отступал. Большой замысел ставки заставлял его быть непреклонным. Решающие причины состояли не только из стратегических — план Конева включал завоевание жизненно важного в экономическом отношении западноукраинского города Кировоград”.

Немецкий историк далее говорит о том, что четыре дивизии, окружённые в районе Кировограда, всё же смогли прорваться из окружения.

В оперативной сводке за 11 января сообщалось: “По уточнённым данным, в районе Кировограда за время боев с 5 по 8 января включительно нашими войсками уничтожено: танков — 293, орудий разных — 296, самоходных орудий — 40, миномётов — 121, пулемётов — 445, бронемашин — 94, автомашин — 978.

Противник потерял только убитыми свыше 15 000 солдат и офицеров”.

Известно, что из окружения удалось вырваться 3-й танковой дивизии, с которой в пробитую брешь успели выскочить отдельные части других дивизий.

В замысел операции по овладению Кировоградом штаб Конева заложил идею удара по сходящимся направлениям с целью отсечения значительной группировки противника, её окружения и последующего уничтожения. Удар осуществлялся двумя общевойсковыми армиями во взаимодействии с танковыми и механизированными частями. Блестящим стремительным охватом механизированных и танковых частей город и прилегающие районы были окружены. Однако завершить дерзкий замысел до конца не удалось. Судьба словно намеренно откладывала дни триумфа войск 2-го Украинского фронта и их командующего. Удержать в кольце и полностью уничтожить кировоградскую группировку противника не удалось, “так как успех подвижных войск, вышедших на пути отхода противника, не был своевременно закреплён стрелковыми соединениями”.

Но Кировоград стал прологом, кровавой репетицией перед Корсунь-Шевченковским. Рассматривая события января-февраля шире, можно сказать, что судьба словно играла с Манштейном и его группой армий. Над ними навис рок в те дни, когда 3-я танковая дивизия, бросая технику и снаряжение, с большими потерями вырывалась из кировоградского “котла”. Уклоняться от ударов Конева ему было всё тяжелее. Все более тяжкую плату приходилось платить немцам за отход на новые рубежи обороны.

Одновременно с Кировоградской операцией войска генерала Ватутина севернее успешно провели Житомирско-Бердичевскую операцию и захватили богатые трофеи.

Однако самым большим результатом усилий группировок Конева и Ватутина стало то, что линия фронта образовала причудливую дугу, и её, эту тугую дугу, Украинские фронты к середине января 1944 года загнули так, что она поразительно стала напоминать сталинградскую...

Манштейн не смог удержать фланги, и под напором наступающих советских войск образовался глубокий выступ. Его обороняла крупная группировка, включавшая девять пехотных, одну танковую дивизию и моторизованную бригаду с многочисленными средствами усиления из состава 1-й танковой и 8-й полевой армий группы армий “Юг”. Манштейн имел твёрдый приказ Гитлера: выступ не сдавать. На острие выступа, в районе Канева, группировка удерживала оборону по Днепру.

Упорство немцев объяснялось тем, что они ещё не потеряли надежду вернуть свои позиции по линии Вотан-Пантер.

Замысел Ставки сводился к следующему: встречным ударом двух фронтов под основание выступа прорвать оборону противника и соединиться в районе городов Шпола, Звенигородка. К операции привлекались семь армий, в том числе две танковых, а также две воздушных армии и отдельные корпуса.

Конев атаковал 24 января силами 4-й гвардейской генерала Рыжова и 53-й армией генерала Галанина. Командармы сразу получили приказ на окружение: 4-я гвардейская образовывала внутренний фронт, а 53-я формировала внешний.

“Бог войны благоволил Коневу”, — впоследствии напишет бывший министр информации Третьего рейха Пауль Шмидт, больше известный как германский историк и публицист Пауль Карель.

П. Карель основательно изучил историю “Черкасской трагедии”, как немецкие историки называют Корсунь-Шевченковский котёл, и преподнёс её более или менее объективно. Несколько цитат из его книги “Выжженная земля”:

“26 января войска генерал-полковника Конева, — пишет бывший министр пропаганды Гитлера, ошибочно называя генерала армии Конева генерал-полковником, — командующего 2-м Украинским фронтом, прорвали немецкую оборону в Капитоновке. Войска 1-го Украинского фронта: три советские армии, включая 6-ю танковую армию генерала Кравченко, от Киева через Белую Церковь на юго-восток, подавили оборонительный рубеж VII корпуса на западной стороне немецкого выступа в секторе 1-й танковой армии, смяв немецкие дивизии. Во фронте образовалась широкая брешь; не встречая сопротивления, советские подразделения двинулись на юго-восток, на соединение с войсками генерала Конева, действовавшего в северо-западном направлении. Лишь сто километров разделяли эти два авангарда — совсем не расстояние для танковых соединений. Если они соединятся, ловушка захлопнет на Каневском выступе два немецких корпуса.

И они соединились. Танковые экипажи Кравченко и Ротмистрова встретились у Звенигородки 28 января. Надвигалось сражение у Черкасс. Двойным окружением русские отрезали немецкий Каневский выступ, простирающийся на восток к Днепру. В мешке оказались XXXII и XI немецкие корпуса с шестью дивизиями и отдельной бригадой. Немецкий фронт был прорван на участке в девяносто пять километров. Через эту широкую брешь советские части теперь могли устремляться к Румынии, потому что восточнее румынской границы препятствий больше не осталось. Гитлер даже после этого запретил корпусам отступать”.

“...советские части атаковали два окружённых немецких корпуса огромным количеством войск, главными силами двух фронтов. Руководил операцией генерал армии Конев, командующий 2-м Украинским фронтом, хотя трудно было ожидать, что на Днестре остались немецкие дивизии. Гораздо разумнее было бы им развернуться и попытаться соединиться с 47-м танковым корпусом. Однако Гитлер остановил логичный ход событий, издав новый приказ “держаться”. Либу и Штемерману, двум командирам окружённых корпусов, было приказано любой ценой держать всю свою линию в триста двадцать километров сильно поредевшими шестью дивизиями и, более того, прикрывать свой тыл, установив там новый рубеж. Сформируйте круговую оборону и не уступайте! Указание Гитлера в Сталинграде! Как тогда он не хотел разрешить уходить с Волги, так и теперь он неумолимо держался за последний участок Днепра. Центром окружения являлся город Корсунь-Шевченковский с его передовым аэродромом. Именно за Корсунь происходило сражение в течение первых двенадцати дней”.

“К тому времени русские уже ясно представляли себе, что происходит, и, как только немцы выходили в район западнее Комаровки, они сразу же подвергались интенсивному огню пулемётов, миномётов и артиллерии. Немецкие солдаты пытались прятаться от огня противника в ложбинах и оврагах. Части полностью смешались, каждый думал лишь о том, чтобы выйти из-под огня в безопасное место. Поскольку самый мощный огонь советские войска вели из района Журженцев и высоты 239.0, практически весь поток отступающих, за исключением отдельных незначительных групп солдат, которые направились к северной окраине Лисянки, повернул на юг, к излучине реки Гнилой Тикич. Всего из окружения вышло 30 тыс. немецких солдат и офицеров, в боях здесь было убито 82 тыс. немцев, в плен взято в котле 18,2 тыс. Наши войска потеряли свыше 24 тыс. убитыми и 56 тыс. ранеными. 17 февраля Э. Манштейн понял, что ему придётся направить выживших в Польшу для отдыха и восстановления. Командование 1-й танковой армии докладывало: “Необходимо признать, что, поскольку с 28 января войска находились в окружении, они сознательно или подсознательно видели перед

глазами судьбу осаждённых под Сталинградом”. За исключением добровольческой штурмовой бригады “Валлония”, соединения, вышедшие из Корсуньского мешка, были больше не способны к боевым действиям. Кроме этого, шесть с половиной немецких дивизий потеряли всё своё вооружение”.

Ещё более ужасной оказалась судьба группы Штеммермана и самого генерала. Над ними, как пишет П. Карель, “поднимался призрак Сталинграда”. 8 февраля окружённым был предъявлен ультиматум. Вот его текст:

“Ультиматум.

Командующему 42-м армейским корпусом.

Командующему 11-м армейским корпусом.

Командирам 112-й, 88-й, 72-й, 167-й, 168-й, 82-й, 57-й и 332-й пехотных дивизий, 213-й охранной дивизии, танковой дивизии СС “Викинг”, мотобригады “Валлония”.

Всему офицерскому составу немецких войск, окружённых в районе Корсунь-Шевченковский.

42-й и 11-й армейские корпуса немецкой армии находятся в полном окружении.

Войска Красной Армии железным кольцом окружили эту группировку. Кольцо окружения всё больше сжимается. Все ваши надежды на спасение напрасны...

Попытки помочь вам боеприпасами и горючим посредством транспортных самолётов провалились. Только за два дня, 3 и 4 февраля, наземными и воздушными силами Красной Армии сбито более 100 самолётов Ю-52.

Вы, как командиры и офицеры окружённых частей, отлично понимаете, что не имеется никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения.

Ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление бессмысленно. Оно приведёт только к огромным жертвам среди немецких солдат и офицеров.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окружённые немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, всё боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповреждённой.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет немедленно обеспечено питание.

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г<ода> по московскому времени в письменной форме через Ваших личных представителей, которым надлежит ехать легкой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблёв на Хировку.

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировки 9 февраля 1944 года в 11 часов по московскому времени.

Если Вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушный флот начнут действия по уничтожению окружённых Ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесёте Вы.

Зам. Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза
Г. Жуков

Командующий войсками Первого Украинского фронта генерал армии
Н. Ватутин

Командующий войсками Второго Украинского фронта генерал армии
И. Конев”.

Ультиматум окружённые отклонили.

“Канны на Днепре”, “Украинский Сталинград”, “Корсунь-Шевченковское побоище”... У этого сражения много немецких имен. Такие события, как правило, рождают многие эмоции и ассоциации.

Бои развернулись в исторических местах, на родине Великого Кобзаря. Кровь русских и немецких солдат лилась в Моринцах и в месте вечного покоя Тараса Шевченко Каневе. Этот край называют “Меккой украинского народа”. Удивительная и редкая по красоте местность. Холмы, от которых буквально исходит вековая музыка былин, и глубокие тенистые овраги с выходами гранитных скал. Поэтический ландшафт, напоминающий карпатские предгорья. Стремительные и чистые реки Тикич и Рось, текущие то среди равнинной местности, то среди порогов, напоминающих скалы. В урочище Горохова Диброва в 1648 году Богдан Хмельницкий, возглавляя казацко-татарское войско в битве при Корсуне, наголову разбил двадцатитысячное королевское войско коронного гетмана Потоцкого.

Конев знал, по каким дорогам ведёт свои войска. Триста лет назад надменная шляхта бежала от казацких сабель, а теперь он гнал элитные дивизии Гитлера, в том числе “Викинг”, “Лейбштандарт”, моторизованную бригаду “Валлония”. Испытанная гвардия рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, осыпанная рыцарскими и железными крестами за подвиги в России, отступала и, в конце концов, оказалась в окружении его войск.

11 февраля Манштейн предпринял отчаянный контрудар силами ударной группировки группы армий “Юг”, пытаясь разорвать внешний фронт котла и, таким образом, выволить из окружения обречённые на гибель корпуса. Последнее решающее наступление. На этот раз роль Гота должен был сыграть командующий 1-й танковой армией генерал Хубе. Восемь его дивизий, выстроившись могучей фалангой с восьмьюдесятью “тиграми” и “пантерами” на острие, двинулись на позиции советских подразделений в районе Лисянки. Штеммерману, возглавлявшему группировку в окружении, Хубе телеграфировал: “Я вас выручу. Хубе”. В первые часы боя танковый клин потеснил наши войска. Одновременно генерал Штеммерман организовал встречный удар изнутри. Собрав все силы и бросив их в бой, он прорвался к селу Шендеровка. Между Хубе и Штеммерманом оставалось всего ничего — каких-то 10–20 километров.

Как это напоминало Коневу 42-й год, когда он, командуя Калининским фронтом, пытался выволить из окружения одну из своих армий в районе Ржева!

В какой-то момент немцы, наконец, отыскали слабое место на стыке фронтов, которое прикрывала 27-я армия соседнего 1-го Украинского фронта.

В Ставке сразу заволновались. Но именно туда накануне, на свой страх и риск, Конев развернул казачий корпус и танки Ротмистрова. Просчитывая все варианты, он вдруг интуитивно понял, что вырваться немцы будут именно в этом месте.

В полдень 12 февраля по ВЧ позвонил Верховный. Конев доложил обстановку: враг окружён, все попытки вырваться отбиты, войска действуют на уничтожение окружённой группировки. Но после первых же слов, произнесённых Сталиным, сразу понял, что тот недоволен тем, что группировка вытекает из котла через брешь, появившуюся у соседа.

— Товарищ Конев, вот мы уже огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника. А в Ставке есть данные, что окружённая группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим. Что вы знаете об обстановке на фронте у соседа?

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин, — ответил Конев. — Окружённый противник не уйдёт. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котёл, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

— Вы это сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией.

— Да, по своей, товарищ Сталин.

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Через пятнадцать минут телефон снова зазвонил. Верховный сказал:

— Нельзя ли, товарищ Конев, все войска, действующие против окружённой группировки, в том числе и 1-го Украинского фронта, я имею в виду 27-ю армию, подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окружённой группировки?

Это неожиданное решение Сталина прозвучало, как гром среди ясного неба.

— Товарищ Сталин, — тут же отреагировал Конев, мгновенно просчитывая все варианты возможного развития событий со всеми их результатами, — сейчас очень трудно провести переподчинение 27-й армии 1-го Украинского фронта мне. 27-я армия действует с обратной стороны кольца окружения, с другого операционного направления. Весь тыл армии и связи её со штабом 1-го Украинского фронта идут через Белую Церковь и Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно, сложно вести связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь. Пока в коридоре идёт бой, напрямую установить связь с 27-й армией невозможно. Армия очень слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окружённого противника. Тем более, что на её правом фланге создаётся серьёзная угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лисянки.

— Ставка позаботится о связи. Все ваши приказы и распоряжения будут передаваться в штаб 27-й армии без промедления. Чтобы ничего не нарушать, снабжение будет осуществлять 1-й Украинский фронт.

— Товарищ Сталин, в такой непростой обстановке, когда многое решают даже не часы, а минуты, необходима связь накоротке и личное общение. Все мои распоряжения будут идти с запозданием.

— Хорошо, мы ещё посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом и тогда решим. — И Верховный положил трубку.

Конев в своих “Записках...” так комментировал создавшуюся ситуацию с 27-й армией: “Я настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии ещё и потому, что, когда план взаимодействия между фронтами нарушен, переподчинение войск серьёзно осложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь передача армии мне не увеличивала её силы”.

Далее Иван Степанович деликатно посетовал на то, что маршал Г. К. Жуков “не совсем точно осветил этот вопрос” в своих мемуарах. По версии Г. К. Жукова, Конев будто бы сам предложил Сталину “передать ему руководство войсками по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина”.

Ну, что тут можно сказать... Если Георгию Константиновичу хотелось изобразить Ивана Степановича таким уж тщеславным и расчётливым, не желавшим делиться славой с соседом справа, то тут явная нестыковка по времени. Прорыв на фронте 27-й армии произошёл значительно раньше телефонного разговора Сталина и Конева. Зачем Коневу добровольно брать на себя грех соседа? А вот за прорыв ответственность нес и маршал Жуков. И Сталин указал ему на его просчёт телеграммой:

“Тов. Юрьеву.

Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблёв в направлении Шандеровки произошёл потому, что:

слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении, в первую очередь, Стеблёвского выступа противника, откуда, вероятнее всего, можно было ожидать попыток его прорыва... Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить корсуньскую его группировку...

12 февраля 1944 г. *И. Сталин*

16 часов 45 минут. *Антонов*”.

Телеграмма с выговором маршалу поступила к адресату на несколько часов позже телефонного разговора Конева со Сталиным.

Мемуары — это далеко не то, что было, а, скорее, то, что их автор хотел бы знать о своём прошлом. Отчасти это касается и нашего героя.

Конов, между тем, меры принял. В коридор, пробитый противником, он ввёл снятую с внешнего обвода 5-ю гвардейскую танковую армию. Произошло это ещё до разговора с Верховным, 10 февраля.

Группе немецких танков всё же удалось, пользуясь сумятицей первых часов боя, вырваться из окружения. Вместе с ними вышли и бронетранспортеры, на которых находились старшие офицеры и полевые управления штабов. Вышли также небольшие группы и одиночки. Сплошной линии фронта не было, и те, кто владел собой, смогли выскользнуть из котла.

Германская армия повторяла печальную судьбу Красной Армии 41-го года.

Хубе был остановлен на внешнем обводе котла. Его “тигры” и “пантеры” хорошо горели от точного огня противотанковой артиллерии и массированных ударов авиации наших штурмовых полков. Теперь Штеммерману целиком была вручена судьба его солдат. Шедшие им на помощь были остановлены. Ещё недавно он с волнением читал телекс Гитлера и верил в него: “Можете положить на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона”.

Последняя попытка немцев выйти из окружения состоялась 17 февраля. В первом эшелоне шли три колонны: 5-я танковая дивизия СС “Викинг”, 72-я пехотная дивизия в центре и корпусная группа “Б” на правом фланге. В аррьергарде шли 57-я и 88-я пехотные дивизии. Танковый удар пришёлся на 5-ю гвардейскую воздушно-десантную, 180-ю и 202-ю стрелковые дивизии на внутреннем кольце и на 41-й гвардейскую стрелковую — на внешнем. Немцам пришлось переправляться через реку Гнилой Тикич. Переправ не было: артиллерия, по приказу Конева сконцентрированная на этом участке, сделала своё дело.

Но до прорыва у немцев была ночь в захваченной Шендеровке. Воспоминания жителей села, а также мемуары немецких солдат и офицеров, выживших в этой мясорубке и прошедших советский плен, рисуют картину, весьма напоминающую исход армии Наполеона из Смоленска. Оголодавшие солдаты грабили местных жителей, выводили из хлевов скот, забивали прямо на улице и здесь же, вырезая куски мяса, жарили их на штыках. Ночью на “шашлык” прилетели эскадрильи ночных бомбардировщиков У-2. Скопление войск в Шендеровке было огромным. Такие же огромные потери тут же последовали от каждой сброшенной советской бомбы.

При выходе из Шендеровки немецкие колонны сразу же попали под сокрушительный огонь нашей артиллерии.

Конов, наблюдая за движением колонн Штеммермана, принял решение вначале придержать резервы, давая противнику втянуться в горловину призрачного коридора. Потом это станет его “коньком” — добывать окружённого противника не на его позициях в обороне, а в горловине на выходе, на марше.

27-я общевойсковая армия генерала Трофименко была передана в оперативное подчинение штабу 2-го Украинского фронта.

И. С. Конов, вспоминая о том, как вводили в дело корпус генерала Селиванова, упомянул, что “донские казаки в этой сложной операции не посрамили свою былую славу “донцов-молодцов”.

В конце 80-х годов в одной из смоленских деревень я отыскал бывшего командира стрелкового взвода 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, той самой, которая не выпустила группу Штеммермана в последний момент и дралась всю ночь 17 февраля и весь день 18-го. Иван Петрович Зеленков вспоминал, как их рота вышла на холм. Они остановились и наблюдали, как внизу по полю несколько “тридцатьчетвёрок” гоняли немцев. “Догонят — да!” — рассказывал Иван Петрович. А потом, к вечеру они остановились на опушке, где несколько часов назад проскакал кавалерийский эскадрон. Конов в своих “Записках...” упоминает о том, что кавалеристы корпуса генерала Селиванова “часто пытались решить боевую задачу, не слезая с коня”. Немцы

выходили из окружения небольшими группами. На одну из таких групп набрёл взвод лейтенанта Зеленкова. “Их, видать, кавалеристы наши прихватили. Казаки. Мы их видели, когда входили в прорыв. Шли поэскадронно, красиво, на хороших лошадях. От таких не убежишь и хорошо поевши. А тут, видать, прихватили их на опушке. Человек двенадцать лежали. У кого плечо разрублено, у кого голова пополам... Страшно глянуть. Саблями рубили”.

Ставка, обрушив на Конева всю ответственность за исход Кореунь-Шевченковской операции, передала ему большие резервы, в том числе и 4-ю гвардейскую армию генерала Смирнова.

4-я гвардейская находилась в “коридоре”. Туда же вводилась переданная в состав 2-го Украинского уже упомянутая 27-я, которую спешно пополнили людьми и вооружением. Конев тут же решил лететь в “коридор” и на месте принимать необходимые решения по координации действий частей, которыми был усилен этот участок фронта. Но генерал Смирнов телеграфировал, что самолёт принять не может — подходящих площадок нет, а полевой аэродром окончательно развезло. Действительно, февраль 44-го на Украине напоминал наш среднерусский март.

Но Конев твёрдо решил лететь. Кто-то из штабных офицеров предложил воспользоваться танком. Т-34 при штабе у него был, дежурил постоянно, и на нём Конев частенько выезжал в войска. На машине было уже не пробраться — грязь, разливы, непролазные дороги, разбитые немецкими и нашими танками и грузовиками. Но на танке, хоть и надёжно, но — долго. От штаба фронта до села Толстое, где находился КП 4-й гвардейской, 70 километров пути. И он приказал Смирнову застелить соломой площадку поровней, прямо возле хат, где грунт потвёрже. Полетели. Вылетели на двух По-2. При подлёте к “коридору”, когда до Толстого оставалось несколько километров, их атаковали “мессеры”. Второй биплан задымил тонкой струйкой, потерял скорость и пошёл на снижение. Пара “мессеров” увлеклась подбитым самолётом и прекратила преследование самолёта, в котором летел командующий войсками фронта. Потом выяснилось, что второй самолёт благополучно приземлился на лугу, никто не пострадал: ни адъютант Саломахин, ни пилот. А они продолжали полёт.

При подлёте к Толстому они увидели высланный соломой прямоугольник. Пилот помотал головой, крикнул: “Слишком короткая!” Конев, видя нерешительность лётчика, крикнул в ответ: “Приказываю садиться!” Пилот оказался лётчиком опытным и храбрым. Облетел “взлётную полосу”, будто примериваясь, и тут же пошёл на посадку. Самолёт затормозил на последнем метре. Колёса съехали с соломы в грязь и утонули по ступицы. Ещё бы метр — и биплан, как говорят лётчики, сделал бы “козла” — сканотировал и перевернулся.

Со стороны дворов к самолёту неслась машина командарма.

Конев: “Моё прибытие на КП командующего 4-й гвардейской армией позволило принять ряд неотложных мер, необходимых для завершения операции.”

Все мы понимали, что немцы будут лезть из кожи вон, чтобы выручить окружённую группировку. Командующий 1-й танковой немецкой армией генерал Хубе теперь уже открытым текстом по радио передавал Штеммерману, чтобы он держался, что он лично сам руководит наступлением танковой группировки и скоро выручит его.

Я не стану скрывать своего волнения в связи с создавшейся ситуацией. Меня всё время беспокоило положение 27-й армии. Первым делом, как только я прибыл на НП генерала И. К. Смирнова, я вызвал начальника связи армии и представителя связи штаба фронта, которым приказал принять срочные меры и проложить связь напрямую по коридору прорыва на НП командующего 27-й армией генерала С. Г. Трофименко, находившегося в то время в деревне Джурженцы.

В сложившейся обстановке мною были поставлены следующие задачи армиям. 52-я армия генерала Коротеева: основная задача — не выталкивать противника, а выходить на его пути и отрезать по частям, сковывать его силы и не давать ему возможности маневрировать.

Коротеев понял задачу, но в связи с трудностями маневра, из-за грязи, он всё больше выжимал противника и отбрасывал в районы действий армий Трофименко и Смирнова.

27-я армия генерала Трофименко: стойко оборонять занимаемые позиции с хорошо организованной системой огня. Эта армия должна крепко держать запертого противника.

4-я гвардейская армия генерала Смирнова: наступать с юга на север, рассекать противника на части и пленить его. Иметь на внешнем фронте заслон от наступающей танковой группировки противника со стороны Лисянки, а также иметь маневренный резерв. Если где-либо противнику удастся нарушить кольцо окружения, немедленно ликвидировать прорыв и не выпускать врага. Коротко, если можно так выразиться, задача армии заключалась в том, чтобы вбивать клинья в боевое расположение окружённой группировки врага и брать его основные опорные пункты каждый в отдельности.

5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова: первая задача — помогать 4-й гвардейской армии дробить окружённую группировку противника на части, вторая — выполнять роль ударной маневренной группы в случае прорыва противника из кольца или с внешнего фронта окружения. Для укрепления положения 27-й армии выдвинуть в район Джурженцы 18-й гвардейский танковый корпус.

Задача 5-й гвардейской танковой армии, связанная с маневром на новое направление, была довольно трудной. Непролазная грязь сковывала движение танков. Однако этот маневр нужно было во что бы то ни стало осуществить. И он был осуществлён успешно. Выход танковой армии в предназначенные для неё районы предопределил разгром окружённых дивизий и исключал всякую возможность прорыва группировки генерала Штеммермана к войскам генерала Хубе, действующим с внешнего фронта. Последующие события подтвердили это.

5-й гвардейский кавалерийский корпус был выведен во фронтовой резерв. Он находился в центре коридора в готовности лихой атакой крушить противника в случае его прорыва из кольца.

53-я армия генерала Галанина: создать жёсткую противотанковую оборону занимаемого рубежа на внешнем фронте. Отражать атаки танковой группировки противника. В обороне проявлять стойкость и не допустить прорыва танков противника навстречу окружённой группировке.

5-я, 7-я и 57-я армии обороняли занимаемые рубежи на левом крыле фронта, им было приказано иметь резервы на случай маневра как в районах окружённой группировки, так и для перехода в наступление по общему плану фронта.

5-я воздушная армия под командованием генерала Горюнова: наносить удары по танковым частям противника, парализовать действия вражеской авиации, стремившейся оказать помощь окружённым дивизиям. Вместе с тем советские лётчики должны были надёжно прикрывать свои войска с воздуха. Следует при этом отметить, что наши авиаторы, несмотря на исключительно неблагоприятные метеорологические условия, выполнили свои задачи блестяще.

Запомнился эпизод ночной бомбардировки врага, имевший место позже, в ночь на 17 февраля. Мне доложили, что в районе Шендеровки наблюдается большое скопление машин и танков, а также движение пехоты.

Требовалось срочно сбросить на скопление гитлеровцев осветительные и зажигательные бомбы, тем самым выгнать врага в открытое поле и бить артиллерией.

Я понимал, что выполнение задачи ночью, в метель, когда ветер сбивает с ног человека, будет, конечно, сопряжено с риском. В разговоре по телефону командующий 5-й воздушной армией генерал-лейтенант Горюнов объяснил мне трудности полётов при такой погоде. Я предложил ему обратиться к лётчикам и выявить добровольцев вылететь на выполнение этого боевого задания. На этот призыв 18 экипажей самолётов 392-го авиационного полка 312-й авиационной дивизии доложили о готовности немедленно вылететь на бомбёжку.

Первым поднялся в воздух самолёт капитана В. А. Заевского и штурмана младшего лейтенанта В. П. Локотоша. Они удачно сбросили зажигательные бомбы по району скопления боевой техники и живой силы врага. Загорелись машины и повозки. Так же удачно произвели бомбометание и остальные экипажи.

Используя очаги пожаров в качестве ориентиров, по врагу ударила наша артиллерия.

Вылететь ночью, в пургу и при сильном ветре, на такой лёгкой машине, как По-2, — немалый подвиг. В. Заевскому и В. Локотошу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Итак, все армии фронта в соответствии с вышеизложенными задачами были нацелены на активные стремительные действия с целью рассечь, уничтожить или пленить врага. Кроме того, мною было приказано усилить противотанковую оборону всего коридора, создав там противотанковые районы с постановкой мин и устройством других инженерных заграждений. Противотанковые районы создавались на всех важных узлах дорог, в населённых пунктах и на высотах. Начальниками противотанковых районов были назначены командиры артиллерийских полков или командиры противотанковых артиллерийских бригад. Следует подчеркнуть, что противотанковые бригады в Великой Отечественной войне показали себя исключительно хорошо. Направляя их на танкоопасные направления, мы были всегда уверены, что эти бригады, специально предназначенные для борьбы с танками врага, имея большой боевой опыт и хорошо подобранный личный состав, способны были героически оборонять занимаемые районы и наносить противнику большой урон. Одновременно были приняты меры по усилению войск, действовавших и на внешнем фронте, на направлении Лисянки, и установлено тесное взаимодействие с войсками 1-го Украинского фронта.

К рассвету 13 февраля мне доложили, что связисты 4-й гвардейской армии и штаба фронта установили напрямую по коридору между внешним и внутренним фронтами окружения, где шли бои, надёжную связь с 27-й армией генерала Трофименко.

Я тотчас же вызвал к телефону командарма. С генералом Трофименко мы встречались, когда он воевал на Степном фронте во время Курской битвы. Я знал его с положительной стороны и учитывал его особую чувствительность к замечаниям со стороны старших начальников. Я понимал, что переподчинение в такой обстановке психологически действует на командира. Спокойно выслушав доклад Трофименко об обстановке, о состоянии и укомплектовании войск армии личным составом и техникой, я уловил в его голосе тревогу и сказал:

— Вашу армию переподчинили мне не случайно. Я знал её раньше как боевую, поэтому уверен, что при соответствующей поддержке войсками нашего фронта она справится с задачей. И я уже кое-что сделал ещё до приказа Ставки, чтобы помочь вам отбить атаки противника из Стеблёва на Шендеровку.

Затем я сказал командарму, что в районе Ново-Буды и Комаровки находятся части 29-ю танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, 5-й кавалерийский Донской корпус и что в Джурженцы выйдет 18-й танковый корпус 5-й танковой армии, а потом вся 5-я гвардейская танковая армия и два стрелковых корпуса 4-й гвардейской армии. 5-й кавалерийский корпус будет действовать в коридоре с задачей не выпустить окружённую группировку противника. Я также выразил уверенность, что 27-я армия выполнит задачи успешно, и пообещал, если потребуется, прийти на помощь.

Большую роль сыграла тогда хорошая связь с армией. Она работала безотказно, и нам не было надобности держать связь вкруговую, через 1-й Украинский фронт, как это было предусмотрено директивой Ставки. С момента подчинения армии фронту лично я был доволен её действиями.

К утру 13 февраля наше положение было довольно устойчивым и на внешнем, и на внутреннем фронтах. Войска продолжали действовать активно, сжимали и дробили окружённую группировку противника и отбивали многочисленные и ожесточённые атаки на внешнем фронте”.

Немцы метались вдоль нашей обороны, пытаясь отыскать лазейки и избежать встречи с танками и кавалерией. Некоторые, потеряв надежду выбраться, сдавались в плен. Другие, даже перед лицом явной гибели, дрались до последнего. В конце концов, вся недобитая масса солдат обеих колонн сбилась на открытом пространстве между Комаровкой и Хильками на так называемом Бойковом поле. Как вспоминали участники последних боев в *затухающем котле*, “пленных было мало”...

После войны Конев рассказывал Константину Симонову о том, какое жуткое зрелище представляла собой картина после боя на истребление немецкого *котла*. Отдельным эпизодом эта история вошла в посмертную книгу маршала “Сорок пятый”: “...какая страшная картина представилась мне зимним утром 1944 года после завершения Корсунь-Шевченковской операции. Такого большого количества трупов на сравнительно небольшом участке мне не пришлось видеть на войне ни до, ни после этого. Немцы предприняли там безнадежную попытку прорваться ночью из *котла*, и стоило это им страшных потерь. Кровавое пролитие не входило в наши планы: я отдал приказ пленить окруженную группировку. Но в связи с тем, что командовавший ею генерал Штеммерман, в свою очередь, отдал приказ пробиться во что бы то ни стало, мы вынуждены были противопоставить силе силу. Немцы шли ночью напролом в густых боевых колоннах. Мы остановили их огнём и танками, которые давили на этом страшном зимнем поле напиральную и, я бы добавил, плохо управляемую в ночных условиях толпу. И танкисты тут неповинны: танк, как известно, плохо видит ночью. Всё это происходило в крошечной темноте, в буран. Под утро буран прекратился, и я проехал через поле боя на санях, потому что ни на чем другом передвигаться было невозможно. Несмотря на нашу победу, зрелище было такое тяжёлое, что не хочется вспоминать его во всех подробностях”.

Именно там погиб командир корпуса генерал артиллерии Штеммерман. Труп Штеммермана был найден у села Журжинцы. Редкий случай, когда немцы оставили без погребения тело своего генерала. Это обстоятельство послужило поводом для появления легенды о том, что Штеммермана, не выполнившего волю Гитлера держаться, застрелили фанатичные эсэсовцы, имевшие приказ расправляться со всеми трусами и паникёрами. В Шендеревке в ночь накануне прорыва “валлонцы” и “викинги” действительно расстреляли многих истинных арийцев, потерявших волю к сопротивлению.

В 5-й танковой дивизии СС специального назначения “Викинг” служили добровольцы из “расово приемлемых народов”. В полку “Вестланд” — голландцы и фламандцы. В полку “Нордланд” — норвежцы, шведы. Батальон “Нордост” целиком состоял из финнов. Батальон “Нарва” — из эстонцев. Из “черкаского *котла*”, как немцы называли корсунь-шевченковское окружение, “викинги” выскочили чудом. К примеру, штурмовая бригада “Валлония” этой дивизии потеряла своего командира. Был тяжело ранен заместитель командира бригады. Из окружения вырвалось 632 человека. Так жёстко прижали их расово неприемлемые, что осенью 44-го дивизию пришлось пополнить украинскими добровольцами.

Когда Коневу доложили о том, что на поле боя рядом с разбитой прямой попаданием штабной машиной найдено тело генерала, что пленные опознали в нём командира корсунь-шевченковской группировки генерала Штеммермана, он приказал разрешить немцам военнопленным похоронить “своего генерала с надлежащими почестями по законам военного времени”. Приказ командующего был исполнен: тело Штеммермана похоронили в гробу, рядом, завернув в палатки, положили тело адъютанта и других офицеров и солдат, которые выполняли свой долг до конца.

Официальная статистика потерь немцев в корсунском *котле*: 55 000 солдат и офицеров убитыми и ранеными, свыше 18 000 взято в плен. При том, что в кольце первоначально находилось около 80 000 человек, несколько тысячам окружённых удалось ускользнуть, прорваться, выйти по неконтролируемой советскими войсками местности к своим. Что ж, это обычная картина окружения и разгрома. Кому-то в последний момент судьба улыбается — избежать гибели, плена, позора.

Немецкие историки, конечно же, всячески преуменьшают число потерь. Что и понятно. Тень Сталинграда ужасом висела над вермахтом и всей Германией. Как сказать немецкому народу, что потери на Украине столь высоки? Сказанное однажды потом своеобразной правдой вошло в исторические хроники и мемуарные тексты свидетелей и действующих лиц. К примеру, Манштейн в своих мемуарах утверждал, что ему удалось вызволить из корсунь-шевченковского котла 30 000 человек. Вряд ли. Уж больно круглая цифра. Махнул пером — и ладно, пусть будет тридцать тысяч... Пауль Карель махнул пером ещё выше — сорок тысяч с лишним. Пусть будет сорок... Тяжело было признать, что русские в это время воевали блестяще, превосходя их во всём.

Войсками 2-го Украинского фронта были захвачены 41 самолет, 167 танков и самоходных орудий, 618 полевых орудий разного калибра, 267 миномётов, 789 пулемётов, 10 тысяч автомашин, 7 паровозов, 415 вагонов и цистерн, 127 тягачей и другие трофеи.

Впрочем, наши потери для нас важнее. Они были такими: 24 286 человек убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести. Санитарные — в два раза больше.

Разгромом корсунь-шевченковской группировки Манштейна наши войска открывали для себя Заднепровье — широкий маневр вплоть до румынской и польской границ.

Конеv доложил Сталину о выполнении операции и трофеях.

— Поздравляю с успехом, — сказал Верховный. — У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?

Конеv сдержанно ответил:

— Благодарю, товарищ Сталин.

— Представьте отличившихся командиров к наградам. У нас также есть соображение ввести новое воинское звание маршала бронетанковых войск. Каково ваше мнение на этот счёт?

— Положительно, товарищ Сталин. Позвольте представить к этому новому званию маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова. Он отличился в этой операции.

— Я — за, — сказал Верховный. — И думаю, что мы ещё присвоим такое звание товарищу Федоренко, начальнику бронетанковых войск.

Указы в те дни писались мгновенно. Указ о присвоении ему маршальского звания Конеv услышал в тот же день в Моренцах, в штабе Ротмистрова. А произошло это так.

Конеv приехал к Ротмистрову, рассказал ему о новостях. Надо было отметить. Но решили подождать указа. Оба после многодневного напряжения чувствовали безмерную усталость и желание отдохнуть. Конеv сказал, что хотел бы прилечь, поспать часок-другой. Дело было сделано, можно и поспать. Ротмистров распорядился. Глядя, как быстро уснул командующий, прилёт и сам. Но через некоторое время их разбудил голос Левитана. Связисты включили радио на всю громкость. Как же, их командующим присваивались маршальские звания!

Ротмистров вскочил первым. Где-то раздобыл портвейн. На столе появилась закуска. Пир горой! Поздравления!

На следующий день, как вспоминал Конеv, к нему прилетел маршал Жуков. Жуков сиял. Георгий Константинович, конечно же, понимал, что присутствует на триумфе Конева. Радость его казалась искренней. Он чувствовал, что победа под Корсунем — и его победа. Правда, никакой награды за “Сталинград на Днестре” он не получил. Обойдён был наградой и генерал Ватутин. Вся эта интрига происходила, конечно же, волей самого гениального режиссёра тех времён — Сталина.

Жуков же, несмотря ни на что, привёз Конеvu незабываемый подарок, который вошёл в историю Великой Отечественной войны отдельным эпизодом, символом офицерской доблести и дружбы, — маршальские погоня. Говорят, Конеv был растроган до слёз.

К этой истории можно отнести как к легенде, коих война и поэтическая душа нашего народа сотворила превеликое множество. Кстати, такой же

легендой стало якобы спасение Конева Жуковым в октябре 41-го после гибели фронтов под Вязьмой. Но этого мы уже касались и повторяться не будем.

Возможно, великий режиссёр действительно послал Жукова к Коневу с маршалскими погонями, новую пару которых быстро вышить золотом было просто невозможно. Поезжай, мол, поздравь победителя, который с честью выправил загубленную Жуковым и Ватутиным ситуацию... Не зря ведь Жуков и Ватутин не попали в указ о награждении отличившихся в Корсунь-Шевченковской стратегической наступательной операции.

А возможно, Жуков к Коневу и вовсе не летал. Существует же версия, согласно которой Жуков *прислал* Коневу погоны оказией — пилотом самолёта связи У-2.

Конев, однако, вспоминал, что 18 февраля 1944 года Жуков действительно прилетал к нему. “Мы встретились с ним на командном пункте 27-й армии генерала С. Г. Трофименко в Джурженцах”, — писал он в своих “Записках...” В Джурженцы прибыл также командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал Ватутин. Жуков привёз директиву Ставки на предстоящую операцию.

Дочь маршала Наталия Ивановна Коневы в одном из газетных интервью поведала свою версию истории с маршалскими погонями. И она кажется более правдоподобной:

— Вышивались маршалские погоны вручную, одной тонкой золочёной нитью и довольно долго. Заранее их не делали. Сталин же хотел, чтобы Конев как можно быстрее надел эту заслуженную награду. И тогда погоны, которые хранил у себя маршал Жуков, он отправил Коневу на Украину самолётом из Москвы. Этим же самолётом прилетел и мешок сушек. Сталин позвонил отцу, чтобы поздравить с присвоением маршалского звания. И спросил, а что ему отправить в подарок? Отец попросил мешок сушек. Он мучился от своей язвы. И этому мешку сушек, кажется, был больше рад, чем маршалским погоням.

В 1946 году, когда арестовали Главкома ВВС Главного маршала авиации А. А. Новикова, в протоколах допросов среди прочего появилось и такое откровение: “После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий... 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за неё даются другим людям... Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провёл большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами”.

Показания А. А. Новиков давал следователям, умевшим получать нужные сведения. А в тот момент из подследственного вышибали компромат на маршала Жукова. Маршал Конев был фигурой посторонней. А потому то, что касалось его, Коневы, выглядит вовсе не вынужденными признаниями, а абсолютными откровениями А. А. Новикова.

Некоторые биографы “маршала Победы” пишут о том, что Жуков не считал маршалское звание Коневы вполне заслуженным.

Но всё это, конечно же, — тлен и суета. Большой историей, достойной восхищения, стали не обиды маршалов, а их совместные победы.

Конев в своих “Записках...” подытожил события февраля 44-го так: “Своеобразие Корсунь-Шевченковской операции заключается в том, что она развивалась необычайно маневренно. В ходе операции широко практиковалась перегруппировка войск, ударные группировки непрерывно усиливались за счёт войск, действовавших на менее активных участках фронта. Корпуса, дивизии 6-й, 7-й гвардейских и 57-й армий перебрасывались на более важные участки. Из других армий также было переброшено большое число танковых, артиллерийских и инженерных частей. Маневр войсками сыграл, несомненно, положительную роль в успешном проведении операции на окружение и уничтожение противника и подтвердил необходимость в условиях такой операции иметь всегда в виду маневр резервами для парирования всякого рода неожиданностей.

...Корсунь-Шевченковская операция убедительно показала, что Красная Армия полностью овладела высшей формой оперативного искусства — искусством окружать и уничтожать противника. Она свидетельствовала о том, что наступательные действия советские войск проходят на высоком уровне, а мы, советские воины, с возрастающим мастерством бьём немецко-фашистские войска”.

Глава двадцать шестая

ЧЕРЕЗ ЮЖНЫЙ БУГ И ДНЕСТР

“Эй, славяне!”

После небольшой оперативной паузы, которой войскам хватило разве что на то, чтобы заштопать дыры на шинелях, почистить сапоги да хорошенько отоспаться в тепле, армии снова пошли вперёд.

Накануне наступления Конев провёл совещание с командармами, членами Военных советов и заместителями по артиллерии и тылу. Он хорошо понимал своих ближайших подчинённых, знал, что это люди с разными характерами, но было у них нечто общее, что объединяло и почти уравнивало их, — боевой опыт. То есть то, что обеспечивало выполнение поставленных задач практически любой сложности. Конев избегал излишнего контроля. Но всё же иногда просил доложить о готовности артиллерии, о составе подразделений первого эшелона, о том, как налажена санитарная служба. Иногда прерывал командармов кратким: “Знаю”, “Мне известно”. Те, привыкнув к его манере и дорожа общим временем, принимали эти реплики как должное. Они знали, что командующему можно сказать о любых недостатках и просчётах, которые можно устранить общими усилиями. Правду командующий терпел в любом виде. Не терпел лжи, вранья, “...потому что за всякую ложь приходилось расплачиваться кровью солдат”, — спустя годы напишет он в своих “Записках...”

В этот раз он особенное беспокойство проявил по поводу готовности артиллерии. Погода стояла ненастная, самолёты дремали на своих базах и их участие в прорыве, по всей вероятности, исключалось.

На рассвете 5 марта мощной артподготовкой из нескольких тысяч орудий и миномётов началась Уманско-Ботошанская наступательная операция.

И. С. Конев назвал её “самой трудной”, так как она проводилась “в условиях полного бездорожья и весеннего разлива рек”. Когда нет дорог, а вернее, когда по разбитым дорогам нет пути, маневрировать крупными массами войск и бронетехники весьма затруднительно. Но в той войне зачастую потому и побеждали, что действовали вопреки всему, в том числе и здравому смыслу.

Военные историки часто повторяют такую байку. Когда Гитлер спросил начальника Генерального штаба сухопутных сил генерала Цейтцлера, что в ближайшее время, в обстоятельствах полной распутицы и разлива рек, могут предпринять русские, тот ответил вопросом: “Мой фюрер, представьте, что вы русский, что бы вы сделали сейчас?” Цейтцлер ожидал, что Гитлер скажет: “Пошёл бы в наступление”. Но Гитлер, всё ещё переживая поражение под Корсунем, ответил: “Ничего”.

Этот разговор произошёл после того, как полковник Генштаба, начальник разведотдела “Иностранные армии Востока” Рейнхард Гелен доложил неприятную информацию, полученную на основе разведдонесений, от пленных и в результате анализа данных агентурной разведки: “Русские готовы осуществить операцию на окружение немецкого южного фланга. С этой целью в ближайшее время 1-й Украинский фронт предпримет крупномасштабное наступление против нашего 59-го корпуса южнее Припятских болот, чтобы ударить в направлении на Польшу. Одновременно они повернут на юг к Днестру, чтобы обойти немецкий южный фланг. 2-й Украинский фронт Конева будет наступать из района Звенигородки с целью прорвать ослабленную 8-ю армию, ударить в направлении Румынии и совместно с 1-м Укра-

инским фронтом окружить силы наших танковых армий, которые ещё находятся восточнее Днестра”.

Гелен, которого после войны назовут шпионом века, на этот раз был поразительно точен в своих прогнозах и выводах.

Утром 4 марта 1944 года в наступление ринулись войска 1-го Украинского. Ими командовал маршал Жуков.

Спустя сутки, на рассвете 5-го числа, атаковал Конев.

Ставка планировала добить противника, который всё ещё удерживал некоторые районы Правобережной Украины.

Левее наступали армии и корпуса 3-го Украинского фронта генерала Малиновского.

3-й Украинский продвигался на Одессу. 2-й Украинский — на Умань и далее — к Днестру.

Как всегда бывало перед наступлением, Конев с офицерами штаба объездил, обошёл и облазил всю передовую в поисках наиболее выгодного места для предстоящего прорыва. Наконец, оно было найдено между селами Русаловка и Стебное. Определена ширина наступления — 25 километров.

Перед Коневым вновь стояли части 8-й немецкой армии, а также подразделения 6-й армии. 400 000 солдат и офицеров, около 3 500 орудий и миномётов, 450 танков и штурмовых орудий и около 500 самолётов. Разведка на этот раз определила уязвимое место в порядках войск противника — оборона неглубокая, местами около 6–8 километров. Две-три позиции траншейного типа.

2-й Украинский фронт к моменту наступления имел 480 тысяч активных штыков, 8 890 орудий и минометов, 670 танков, 551 самолёт. Слабым местом оставались малокомплектные дивизии, многие из которых после недавних боёв имели половинный состав.

Наступали двумя ударами. Главный — из района Черемисское, Ольховец на Умань и далее — к Днестру и Яссам. Вспомогательный удар — силами левого крыла на Ново-Украинку. Оперативное построение — в два эшелона.

За первые три дня наступления войска основной группировки прорвали немецкую оборону и начали развивать удар силами подвижных частей. Прорыв был сделан на глубину до 50 километров и до 80 километров были свёрнуты оголённые фланги противника.

Через три дня удар нанесла вспомогательная ударная группа левого крыла. В первый же день и здесь был достигнут успех.

Но главные события происходили под Уманью. Здесь наши танковые части столкнулись с 11-й, 13-й и 14-й танковыми дивизиями противника. В районе станции Поташ произошло встречное танковое сражение. Немцы потеряли здесь почти всю свою бронетехнику. Трофейные команды насчитали в полях, на дорогах и в балках около 500 немецких танков. Некоторые были брошены экипажами после того, как моторы выработали последние капли горючего, а в зарядных ящиках не осталось снарядов. Некоторые застряли в болотах и ручьях, на бродах и в глубоких балках. По воспоминаниям участников сражения под Уманью, некоторые танки тут же были заправлены горючим, укомплектованы экипажами и вступили в бой в составе наших танковых бригад и корпусов.

К исходу 9 марта командующий 40-й армии генерал Жмаченко шифром сообщил: вышли на рубеж Сарны, наступление продолжаю.

27-я армия генерала Трофименко, продвигаясь слева уступом, тем временем достигла рубежа Христиановки.

Как всегда, темп задавали танкисты. Это был уже не 41-й год. 6-я армия генерала Кравченко обходным маневром вырвалась вперёд и ворвалась в Христиановку.

52-я армия 9 марта вела бои за Умань.

2-я танковая армия к утру 10 марта при поддержке частей 5-й гвардейской танковой и 52-й армии полностью овладела Уманью.

Только на второй день Конев догнал свои передовые части. Его машина въехала в Умань. Он помнил этот южный городок довоенным, с прекрасным

Софиевским парком, где было много сирени. Теперь кругом дыбились шер-батые руины домов, улицы загромождали подбитые танки и самоходки, валялись трупы немецких солдат.

Из штаба 53-й армии сообщали: по фронту наступления армии наблюдаем общий отход противника. Та же картина наблюдалась и на других участках. Началось оперативное преследование отступающих немецких войск.

Впереди был Южный Буг. И Конев, не позволяя войскам никакой оперативной паузы, приказал двигаться к реке. Вперёд были выброшены подвижные отряды с целью захвата мостов, бродов и переправ.

Отход немцев местами превращался в бег. Извечный спутник такого бега — паника. Она пронизывала бегущие войска со скоростью бронебойного снаряда и уничтожала боевой дух и волю к сопротивлению. Группы “тридцатьчетвёрки” 2-й и 5-й гвардейской танковых армий настигали бегущих. Тех, кто поднимал руки, отправляли в тыл. Остальных накрывала грохочущая лавина до блеска отшлифованных траков. Следом за танками к переправам спешили отряды преследования: пехота на подводах, лёгкая артиллерия на конной тяге, сапёры, миномётчики. Вот что из себя представляли передовые отряды.

Уже к вечеру авангарды вышли к Южному Бугу, захватили переправы и с ходу переправились на южный берег, заняли крупные опорные пункты противника — районные центры Джулинка и Гайворон.

Порой на переправах вспыхивали короткие кровавые схватки. Стремительные “тридцатьчетвёрки” настигали отходящего противника прямо на понтонах и мостах. Иногда группы немецкой пехоты и танки выходили к переправам, уже занятым нашими войсками. Иногда немцы взрывали мосты в тот момент, когда на них выскакивали русские танки и отряды преследования. Инженерные части, тоже продвигавшиеся впереди, тут же приступали к разминированию местности и ремонту переправ.

Особенно отличилась во время боёв за переправы и при захвате плацдармов на южном берегу реки танкисты 2-й танковой армии генерала Богданова.

На некоторых участках захваченные плацдармы были расширены и углублены до 10—12 километров.

Конев с оперативной группой передвигался вперёд вслед за войсками. На переправе близ станции Поташ штабной кортеж попал под авианалёт.

Погода по-прежнему была нелётной, но ночные немецкие бомбардировщики летали. Один из таких ночных охотников наткнулся на их колонну. Произошло это в нескольких километрах от переправы. Немец всё рассчитал. Переправу охраняли зенитки. А тут, на дороге, безраздельно царствовал он.

Конев вспоминает, что из-за того, что впереди ехавший “виллис” и замыкавший бронетранспортёр охраны двигались плотно, газуя в вязкой дорожной грязи, звука мотора при полёте самолёта никто не услышал. Вдруг всё вокруг озарилось яркой вспышкой. Машины осыпало осколками и кусками земли. Конев находился в “эмке” в середине колонны. Одна из бомб разорвалась совсем близко. Остановились. Заглушили моторы. Конев приказал водителю выключить свет. Но во время бомбёжки “эмка” наскочила на “виллис”, фары повредило, провода замкнули, и свет не выключался. Шофёр накинуд на фары свою куртку и какое-то тряпье и возился с проводкой.

“Проходит минута, две, — вспоминал те мгновения, пережитые вместе со своими боевыми товарищами, И. С. Конев. — Мы слышим второй заход самолёта, и новая серия бомб рассыпалась возле наших машин. Наконец, свет фар погас. Все четыре машины остановились. Самолётов в ночном небе уже не было слышно. Осмотрев машины, мы увидели, что у моей “эмки” пробиты мелкими осколками оба ветровых стекла.

В крыше тоже несколько пробоин, одна значительных размеров. “На намять” в кузове машины оказалась большой осколком бомбы около 500 г, который ударился о подушку и одеяло и застрял. Подушка и одеяло спасли меня от осколка, который мог бы угодить в позвоночник. Все уцелели. Конечно, случайно. К рассвету мы приехали на новый командный пункт. Нас

встретил начальник штаба генерал-полковник М. В. Захаров и удивился, что машины изрешечены, а мы живы. Всякое бывает на войне”.

Темп наступления в эти дни составлял 15-25 километров в сутки.

17 марта авангарды вышли к Днестру.

Тем временем левая группировка сломала сопротивление на своём участке фронта и начала такое же энергичное преследование врага. На её участке действовали танковая дивизия СС “Мёртвая голова”, 10-я мотодивизия, дивизия “Великая Германия” и шесть пехотных дивизий. 5-я и 7-я гвардейские армии рассекли их оборону, расширив фронт до 120 километров и углубившись на 70 километров. Гвардейцы сообщали о 10 000 пленных, захваченных в ходе прорыва.

Пленные немцы всегда радовали Конева. В цифрах войны он понимал и то, что каждый пленный немец — это несколько сохранённых жизней своих родных славян. Уже слышался в ротных и батальонных колоннах, в батареях и экипажах этот внезапно родившийся в войсках крик: “Эй, славяне!”

Пахло весенним Днестром и победой. Но до великой Победы был ещё год и два месяца боёв. Десятки и сотни больших и малых рек. Потери, потери, потери...

Днестр, как и все реки, войска перескочили с ходу. Начали обустриваться на отбитых плацдармах. Ремонтировали взорванные, строили новые мосты и переправы.

Группа немецких армий “Юг” оказалась разрезанной на две части. Правый фланг 1-й танковой армии генерала танковых войск Ханса Хубе был раздроблен и отходил на северо-запад. Левый фланг 8-й армии генерала пехоты Отто Велера пятился к югу.

Днестр был захвачен на восьмидесятикилометровом участке. Велась переправа. Авангарды тем временем расширяли плацдармы в глубину. Действуя решительно и дерзко, на некоторых направлениях они углубились до 40 километров. На правом берегу Днестра был создан простор для дальнейшего оперативного маневра.

22 марта 1941 года Конев получил директиву Ставки: войска 3-го Украинского фронта отстают, скованы сильным сопротивлением противника в нижнем течении Южного Буга. В целях окружения вражеской группировки, действующей там, и недопущения отхода её за Днестр, войска левого крыла повернуть на юг по восточному берегу Днестра и овладеть районами Бендеры, Тирасполь. Расчёт Ставки был понятен: прижать 6-ю армию генерала артиллерии де Ангелиса к побережью и добить её изолированно между Днестровским лиманом и Чёрным морем.

Перегруппировку пришлось делать на марше.

Вечером позвонил Сталин:

— Каковы ваши дальнейшие планы, товарищ Конев? — выслушав доклад о положении фронта, спросил Верховный.

— Согласно директивам, товарищ Сталин, основной удар планируем нанести на Бельцы и Яссы, а затем две общевойсковые и две танковые армии из центра фронта резко повернём вдоль обоих берегов Днестра. Считаю, необходимо поддержать войска 3-го Украинского фронта.

— Да, Малиновский, к сожалению, значительно отстаёт. А что вы думаете относительно Одессы? Ваше положение очень выгодное. Может быть, вы сумеете, по крайней мере, с захватом станции Раздельная, часть сил повернуть прямо на юг, на Одессу?

— Товарищ Сталин, перегруппировать часть подвижных войск на левый фланг не смогу. К тому же из-за тяжёлых условий местности и непролазной грязи из строя выбыло много танков. Командующему 7-й гвардейской армией генералу Шумилову мною уже даны указания как можно быстрее форсировать Южный Буг, овладеть районом станции Раздельная и узлом железных дорог. Сделать ему это будет трудно, так как, кроме пехоты, никаких маневренных средств у него нет.

Верховный проверил возможность фронта. Конев это понял и потому настаивал на продолжении операции на Днестре и за Днестром. Именно здесь создалась благоприятная обстановка с перспективой нанесения удара по

южной группировке Манштейна, который, искусно маневрируя и нанося короткие контрудары на флангах, постоянно уклонялся от решающего сражения. Конева же понимал, что схватиться с немецкой группировкой нужно как можно раньше, скорее, сейчас, пока наступательный ресурс армий ещё позволяет навязывать противнику свою игру и драться с самыми сильными его группировками не просто на равных, а с уверенностью, имея явное превосходство.

25 марта, на двадцатые сутки наступления на уманском направлении, передовые отряды 40-й, 27-й и 52-й армий вышли к реке Прут, на государственную границу СССР, и с ходу форсировали её. За Прутом начиналась Румыния.

Здесь произошел курьёзный случай с капитаном Андреем Жариковым из 52-й армии, будущим детским писателем и литературным консультантом второй книги мемуаров Конева. Историю эту рассказывали потом до самого Берлина. Она обросла домыслами и красочными деталями, на которые не скупились устное народное творчество, и превратилась в армейский анекдот.

А случилось вот что.

52-я армия генерала Коротеева шла в первом эшелоне, в составе авангарда 2-го Украинского фронта, с ходу перемахнула Прут и вела бои на западном берегу. Артиллеристам на плацдарме нужны были огнеприпасы. Их доставляли из тыловых складов грузовики. На одном из “студебеккеров” вёз снаряды своим артиллеристам капитан Жариков. Спешил. Ночь застала в пути, при подъезде к Пруту. Похоже, заблудился. Вдруг водитель увидел впереди паром, на который грузились солдаты. Посигналил, чтобы подождали, поддал газку. Машина сильная — вездеход. Водитель тоже хороший — ловко зарулил на паром, когда солдаты по приказу капитана Жарикова положили сходни. Паром отчалил. И уже на середине реки капитан и водитель обратили внимание на то, что солдаты как-то странно себя ведут. Сгрудились, молчат. Присмотрелся: мать честная! Румыны! С винтовками, с подсумками. Около сорока человек. Делать нечего, надо и дальше держать взятый тон. Вышел из машины и спросил:

— Молдаване есть среди вас?

Нашлись и молдаване. Трое из них были из Молдавии.

— Вот что, ребята. Вы должны помочь мне сгрузить боеприпасы и пригнать паром обратно, на левый берег. Всем румынам передайте, что я отпускаю их по домам, если они не хотят попасть в плен... Оружие сложить на пароме.

Румыны в то время уже воевали вяло, многие дезертировали домой. Возможно, на одну из таких групп дезертиров и наткнулся капитан Жариков на переправе. Сам же Жариков после войны любил рассказывать эту историю, прибавляя к ней следующую подробность: обнаружив, что солдаты на пароме — румыны и что настроены они далеко не дружелюбно, прежде чем окликнуть молдаван, взял в руки две гранаты и выдернул чеки. После этого они стали более сообразительными и приказ выполнили в точности.

Выход наших войск к государственной границе был отмечен особым приказом Верховного Главнокомандующего. Москва салтовала бойцам и командирам 2-го Украинского фронта 24-мя артиллерийскими залпами из 324 орудий. Дивизии и полки, отличившиеся в боях при форсировании Днестра и при выходе на государственную границу, получили почётные наименования “Днестровских” и “Прутских”.

Любопытный факт: участок государственной границы по Пруту, очищенный от противника войсками маршала Конева, взял под охрану 24-й пограничный полк подполковника пограничных войск НКВД С. Е. Капустина. В 41-м именно здесь подразделения погранотряда С. Е. Капустина приняли первый бой.

Начался освободительный поход Красной Армии в Европу. Войска ликовали. Радовалась освобождению родной земли вся страна.

Но кровь русских солдат продолжала литься. Фашизм надо было добивать. Таковы были и условия союзников — стран антигитлеровской коалиции.

Наркомат иностранных дел СССР в эти дни опубликовал заявление, в котором говорилось: “Советское правительство доводит до сведения, что

наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника”.

В начале апреля Ставка потребовала от Конева повернуть войска на юг, на Кишинёв.

Глава двадцать седьмая

ПОБЕДИВШИЙ МАНШТЕЙНА

“...самой сложнейшей и многоходовой партией, которую играют великие игроки”.

В эти дни командующий группой армий “Юг” фельдмаршал Манштейн позвонил начальнику Генерального штаба сухопутных сил генералу Цейтцлеру и сказал, что его 1-я танковая армия (генерал Хубе) находится в критическом положении, что она зажата в ловушке между Бугом и Днестром и больше не может держать фронт с прежней надёжностью. Вскоре Манштейн вызвал к Гитлеру. Из Львова самолёт вылетел на северо-запад и вскоре приземлился на аэродроме в окрестностях заснеженных гор в Бергхофе. Гитлер принял Манштейна в своей резиденции “Орлиное гнездо”.

Доклад Манштейна был краток и довольно суров: 1-я танковая армия истощена непрерывными атаками русских, у Хубе осталось мало танков, русские атакуют непрерывно и вышли на армейские коммуникации. Необходимо в помощь 1-й танковой, которая будет наступать в западном направлении, ударить силами 4-й танковой армии генерала Рауса. Однако для обеспечения этого маневра необходимо пополнить ударную группировку хотя бы одним танковым корпусом.

Гитлер выслушал своего лучшего фельдмаршала молча. Но как только Манштейн умолк, взорвался:

— У меня нет дивизий для осуществления вашего плана! Вы предлагаете мне снять танковые дивизии из Франции и отдать вам? Накануне вторжения противника на западе? Я не могу снять оттуда ни одного батальона. Посмотрите на карту, Манштейн! В случае отвода 1-й танковой армии ломается весь наш фронт на Востоке! И мы неминуемо теряем весь юг! Вы не очень-то умело распоряжались теми пополнениями, которые вам постоянно посылались.

— Но, мой фюрер, пополнения всегда давались частями, и в самый последний момент, когда их тут же приходилось бросать в бой.

Гитлер уже кипел:

— Вы всегда хотели заниматься только боевым маневрированием. Осенью вы говорили, что Днепр будет удержан. После того, как Днепр вы не удержали, и я скрепя сердце дал согласие отступить за реку и закрепиться на ней, вы тут же стали доказывать, что надо отступать дальше. Вы сдали Киев и сдали потом всю Правобережную Украину!

— Но так и должно было случиться. По вашему указанию мы удерживали Донбасс, а позже Днепровский район, в то время как все эти силы могли бы использоваться для удержания именно “Восточного вала”.

— Воздушная разведка зафиксировала: некоторые ваши части отступали перед отдельными танками противника, бежали от них целыми полками! Манштейн, вместо того, чтобы стоять насмерть и держать фронт, вы всё время говорили о необходимости отхода на новые позиции. И в результате постоянно отступаете все дальше и дальше.

Манштейн побагровел и холодным тоном произнёс:

— Вы, мой фюрер, и только вы виноваты в том, что произошло на Восточном фронте. Восемь месяцев вы ставите нашим войскам на южном фланге одну стратегически невыполнимую задачу за другой. Чтобы справиться с ними, не предоставляете ни необходимых резервов, ни свободы действий.

Говорят, Гитлер не нашёл в себе сил дальше слушать монолог одного из лучших своих фельдмаршалов и покинул заседание со словами: “Я не могу согласиться с вами”.

Через несколько дней Манштейн был смещён. Гитлер вручил ему Мечи к рыцарскому Кресту с дубовыми листьями и объявил: “Я решил расстаться с вами... Время операций закончилось. Теперь мне нужны люди, которые могут твёрдо держаться”.

Вместе с Манштейном Гитлер сместил и командующего группой армий “А” фельдмаршала Клейста.

В это время в приёмной уже стояли их преемники: генералы Модель и Шернер. Моделю тут же было присвоено звание генерал-фельдмаршал и вручена группа армий “Юг”, которая с этого времени стала именоваться “Северная Украина”. Шернера назначили на правифланговую группу армий “Южная Украина”.

Судьба возвращала Коневу старого его знакомого по Ржеву и Вязьме.

Манштейн ушёл с поля боя навсегда. Конев больше с ним не встретится. В 1971 году в предисловии к одной из книг, адресованной, в том числе, и советскому читателю, он напишет: “Для меня очевидно, что стратегия, накопленная за время войны, — наша совместная стратегия с русскими. И это несмотря на то, что и мы, и они всегда стремились нанести друг другу как можно больший урон. Это как сложнейшая и многоходовая партия, которую играют великие игроки. Скажу больше — жаль, что эта война поставила наши государства по разные стороны баррикад...”

Манштейн прав: не удержалась бы Англия, если бы вермахт и Красная Армия каким-либо образом избежали военного столкновения и если бы у них, вопреки сложным международным интригам и манипуляциям, в начале сороковых годов образовался союз. Но это всё из области “если бы да кабы...”

В начале апреля Конев позвонил Сталину. Звонил он с командного пункта 5-й гвардейской танковой армии, находившегося уже в Румынии. Он доложил о том, что войска 2-го Украинского фронта выполнили все задачи в более короткие сроки, чем это предусматривали директивы Ставки, что прошли с боями до четырёхсот километров “по сплошному бездорожью в невероятно трудных условиях”, что “дальше активно выполнять задачи они не могут — устали, тылы растянулись; кроме того, сосед слева очень сильно отстаёт, а противник всё, что имеет перед его фронтом, перебрасывает против войск 2-го Украинского фронта”, что войскам необходима передышка.

— Что вы предлагаете? — спросил Верховный.

— Предлагаю перейти к обороне.

— Правильно, — тут же ответил Верховный, словно ждал этого предложения. — Перейдите к обороне и приводите войска в порядок. О дальнейших задачах будут даны указания особо.

Дело было сделано. Уманско-Ботошанская операция проведена успешно, в кратчайшие сроки. Правобережная Украина очищена от немцев и румын. Противник прижат к предгорьям Карпат. Группировка его рассечена на две части и лишена маневра на взаимодействии.

Можно было отдохнуть.

Но у Конева отдых оказался коротким. В начале мая 1944 года он получил новое назначение — принять командование войсками 1-го Украинского фронта. Забегая вперед, скажу, что с ними он закончит войну в Берлине и Праге.

Маршал Жуков был отозван в распоряжение Ставки. На 2-й Украинский назначен маршал Малиновский, на 3-й — маршал Толбухин.

Расставаться с боевыми товарищами, с которыми прошёл трудный и прекрасный путь побед от Белгорода до Румынии, Коневу было нелегко.

Но, как говорят солдаты: труба зовёт...

К месту нового назначения решил ехать на машине.

Стояла весна, на благодатных землях Молдавии и Украины цвели сады. Деревни пахли сиренью. Путь лежал через Бельцы, Могилев-Подольский, Каменец-Подольский, Ярмолинцы, Проскуров, Волочиск. Уже подсохло. Войска наладили дороги, разминировали обочины. Но поля в местах сражений всё ещё были заминированы, и там работали команды сапёров. Следом за сапёрами, буквально по пятам, шли жители окрестных сёл и деревень, колхозники — распахивали землю, сеяли хлеб и кукурузу. Земля возвращала себе своё исконное предназначение, превращаясь из поля боя в поле надежд на лучшую жизнь людей, которые любили эту землю и умирали за неё.

Штаб 1-го Украинского фронта расположился в селе Токи под Волочиском. В штабе Конева встретили маршал Жуков и начальник штаба генерал Соколовский. Не заладилась у Василия Даниловича командная работа. После отстранения Конева от командования войсками Западного фронта генерал Соколовский, сменивший его, провёл несколько неудачных операций на оршанском и витебском направлениях, не справился с управлением, загубил массу войск и был сменён генералом Черняховским.

Началась подготовка к новому наступлению.

Противник, как известно, ждал основной удар Красной Армии именно отсюда. И здесь, к югу от Припяти, немцы сосредоточили основные свои силы. Почти все танковые дивизии (18 из 23) находились здесь. Перед 1-м Украинским фронтом действовали десять танковых дивизий.

Конев от Жукова принял следующее хозяйство: 440 километров фронта от Луцка на севере до Коломыи на юге, 7 общевойсковых, 3 танковых армии, 2 конно-механизированных группы, 1-й Чехословацкий армейский корпус, всего 80 стрелковых и кавалерийских дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов и 4 отдельные танковые бригады. 1 200 000 человек, 13 900 орудий и миномётов, 2 200 танков и самоходных артиллерийских установок, 2 806 самолётов различных типов 2-й воздушной армии.

Группа армий “Северная Украина” включала в свой состав 1-ю и 4-ю танковые армии, 17-ю полевую армию, 1-ю венгерскую армию, 24-й танковый корпус, а также 11 пехотных, две танковых дивизии. Дивизию СС “Галичина”, в основном состоявшую из добровольцев, выходцев с Западной Украины. С воздуха войска генерала Гарпе прикрывали и поддерживали на поле боя 700 самолётов 4-го воздушного флота.

22–23 июня 1944 года по группе армий “Центр” ударили 1-й, 2-й, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты. Началась операция “Багратион”. По замыслу Ставки прорыв обороны группы армий “Центр” должен был осуществляться на шести направлениях.

И вот началось. Наступающие войска Красной Армии дробили немецкую группировку и уничтожали её по частям.

В связи с тяжёлым положением, создавшимся в центре, Гитлер срочно вызвал своего “пожарного” фельдмаршала и поставил его во главе распадающихся войск группы армий “Центр”. Так Модель оказался севернее и в момент наступления 1-го Украинского фронта не смог испытать силы удара своего старого соперника маршала Конева, чтобы понять, насколько возросло его оперативное мастерство. Моделя заменил генерал-полковник танковых войск Йозеф Гарпе. Он был на десять лет старше Конева. В 41-м, командуя 12-й танковой дивизией, участвовал в Смоленском сражении, затем в Вяземском, наступал на Калинин. Затем отражал атаки войск Конева под Ржевом. Часто замещал генерала Моделя на посту командующего 9-й полевой армией. И теперь, в разгар нового наступления Красной Армии, он возглавил группу армий “Северная Украина”. По словам Гудериана, “Гарпе был смелым офицером танкистом, спокойным, уверенным в себе, обладающим трезвым умом, холодным рассудком, решительностью и личной храбростью”. Если иметь в виду, что в своих мемуарах Гудериан в основном говорит только о себе и своих победах, то такая характеристика весит не меньше Рыцарского Креста.

Гитлер накануне летней кампании на Востоке на одном из совещаний, где собрались генералы Восточного фронта, обронил такую фразу: если этим

летом и придётся где-то отступать, то, возможно, на севере, но уж никак не на юге.

13 июля вперёд пошли войска Конева.

Львовско-Сандомирская наступательная операция проводилась силами 1-го Украинского и левого крыла 1-го Белорусского фронта.

Рокоссовский, войска которого к тому времени успели продвинуться далеко вперёд и разгромить основную группировку противника, стал маршалом. Через две недели он получит звание Героя Советского Союза. Указ о присвоении звания Героя маршалу Коневу выйдет на день раньше. К 11 июля северный сосед Конева взял в плен дотоле невиданное количество пленных — 105 000! Мир не верил. Тогда Сталин, очень трепетно относившийся к реакции Запада на свои победы, приказал провести пленных немцев по улицам Москвы. С этого момента Сталин стал называть К. К. Рокоссовского по имени и отчеству, такого обращения удостоивался лишь маршал Б. М. Шапошников.

Успехи Рокоссовского, конечно же, подстёгивали Конева.

План действий 1-го Украинского фронта в ходе Львовско-Сандомирской операции был написан от руки начальником штаба генералом Соколовским. Существовал он в единственном экземпляре. Начальник оперативного управления фронта генерал В. И. Костылев нанёс на карты схему расположения и передвижения войск. И Конев отправился в Москву. План был тут же утверждён. Ставка согласилась со всеми намерениями и доводами маршала. Его авторитет, который укреплялся новыми и новыми успехами и победами, рос стремительно.

Согласно плану новой наступательной операции на участках порыва создавались сильные ударные группировки. На одну дивизию, без учёта оперативных резервов, приходилось 1,1 километра фронта. Для поддержки пехоты непосредственно в войска первого эшелона было выделено 349 танков и самоходных артиллерийских установок. Такой плотности сил Конев мог добиться впервые. Оперативное построение — в два эшелона. Тем не менее, на некоторых участках фронта противник всё же имел превосходство, и это было для наступающих определённым риском.

Снова особая роль отводилась артиллерии. Большая её часть сосредотачивалась на участках прорыва.

Конев: “Таким образом, в количественном отношении артиллерия фронта была способна обеспечить прорыв обороны противника, а также выполнить поставленные перед ней задачи в ходе операции. Тем более, что погода благоприятствовала полному использованию всей мощи артиллерийского огня.

Важно было правильно нацелить всю эту массу артиллерии, особенно централизованно использовать её в период артиллерийской подготовки и боя в тактической глубине.

Наличие сплошных траншей и многочисленных ходов сообщения в главной полосе обороны противника, значительная насыщенность её огневыми средствами, хорошо развитая система огня требовали серьёзной огневой обработки главной полосы обороны противника. Поэтому я поставил артиллерии задачу уничтожить живую силу и технику противника во второй и третьей траншеях, разрушить опорные пункты в ближайшей глубине обороны и подавить на позициях миномёты и артиллерию противника, для чего в один из периодов артиллерийской подготовки привлечь всю массу нашей артиллерии и миномётов. При этом я потребовал, чтобы артиллеристы обратили особое внимание на подавление и разрушение системы управления войсками противника, его наблюдательных и командных пунктов, без чего нельзя было рассчитывать на успех прорыва.

На участках прорыва армий плотность орудий и миномётов составляла 236–255 единиц на 1 км фронта”.

Итак, 13 июля пошёл огневой вал. Артиллерия обеспечивала его течение, израсходовав несколько боекомплектов — около 10 000 вагонов. Вот какие времена наступили: снаряды считали вагонами!

Наступление развивалось на двух основных направлениях: северном — рава-русском, и южном — львовском.

В первый же день на северном участке войска 3-й гвардейской и 13-й армий сделали прорыв, в который вошла конно-механизированная группа и 1-я гвардейская танковая армия генерала Катукова. Танки Катукова с ходу форсировали Западный Буг и продолжили наступление уже по территории Польши. Одновременно 13-я армия генерала Пухова охватом с севера и северо-запада способствовала окружению крупной немецкой группировки под Бродами. С юга и юго-востока бродскую группировку окружали войска 60-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армии. К исходу дня 22 июля с окружёнными в треугольнике Броды—Деревляны—Белый Камень было покончено. 38 000 немцев было уничтожено, 17 000 — взято в плен. Среди пленных оказались несколько генералов из XIII-го армейского корпуса, в том числе генерал Линдеман и Недтвиг. Командир корпуса генерал Хауффе и командир 340-й пехотной дивизии генерал Бойтлер убиты.

Судьба распорядилась так, что XIII-й армейский корпус под Бродами встал на пути 13-й советской армии генерала Пухова и был разбит. А ещё одним любопытным совпадением было то, что в октябре 41-го именно этот корпус вошёл в Калугу и хозяйничал в родной деревне генерала Пухова Гришово. За блестяще проведенную операцию маршал Конев представит своего командарма к ордену Суворова I-й степени.

Пленных доставили на командный пункт 13-й армии, где в это время был Конев.

— Скажите, почему вы не отдали приказ своим войскам на отход? — спросил маршал генерала Недтвиг.

— Мы не предполагали перед собой такой сильной группировки, — ответил пленный. — Ваши танки оказались за нашей спиной в первый же день. Мы уже не могли ничего предпринять.

Там же, под Бродами, была уничтожена 14-я гренадёрская дивизия СС “Галичина”, укомплектованная украинскими добровольцами, присягнувшими Гитлеру. Вот фрагмент клятвы, которую давали добровольцы, вступая в дивизию:

“Я присягаю перед Богом этой святой клятвой, что в борьбе против большевизма буду беспрекословно подчиняться высшему руководителю немецких войск, Адольфу Гитлеру, и хочу как отважный солдат посвятить свою жизнь выполнению этой клятвы...”

Во Львове местными активистами из числа украинских националистов недавно установлен памятник солдатам этой дивизии. Памятник добротный. Но на нём не хватает одной надписи — о том, кто эту дивизию победил, когда и где. История должна быть полной.

Штаб фронта оперативно реагировал на каждое изменение в обстановке. Конев получал донесения каждые полчаса и тут же делал необходимые распоряжения. Он обладал удивительной способностью видеть всю гигантскую картину боя его армий и подвижных групп одновременно. Когда к исходу 18 июля под давлением южной группировки противник оголил фланг, Конев тут же отреагировал мгновенным приказом 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко и 4-й гвардейской танковой армии генерала Лелюшенко: “Обстановка для стремительных действий вашей армии сложилась благоприятно. В районе Львова у противника резервов нет.

Приказываю:

1. Командарму 3-й танковой не позднее утра 20.7 обходным маневром с севера и с северо-запада овладеть Львовом. Группе генерала Баранова приказываю овладеть Жолкев.

2. Командарму 4-й танковой стремительным ударом в обход Львова с юга во взаимодействии с 3-й танковой овладеть Львовом. Обеспечить операцию с юга с направлений Перемышляны, Миколаюв. 93 тбр оставить в районе Колтув до ликвидации противника.

3. Отданных распоряжений об исполнении донести”.

С этой поры 3-я и 4-я гвардейские танковые армии станут огненным стальным мечом в руке командующего. Он будет направлять свой меч в самые проблемные места сражений, рубить самые твёрдые узлы сопротивления

противника, рассекать его порядки в глубину, крошить на куски и уничтожать по частям, а главное, широко и оперативно маневрировать.

Настало время маневренной войны.

Львов немцы превратили в крепость. Сюда из района Станислава перебросили крупные резервы — три дивизии. Танковые армии охватили львовскую группировку, отрезали пути отхода.

Изучая документы периода боёв за Львов, замечаешь: Конев по-прежнему решителен и напорист, его действия непредсказуемы для противника, маневр стремителен, широк. Приказы, которые уходят к командармам, жёстки, но всегда обоснованы, а потому заставляют генералов действовать в полную мощь.

24 июля командующему 60-й армии генералу Курочкину был отдан приказ: “Тов. Курочкину. Вы стоите перед слабым и потрёпанным противником. Все пути отхода противника, кроме на Самбор, отрезаны. С запада на Львов наступает Рыбалко. Большую половину города захватил Лелюшенко. Приказываю: к исходу 24.7.44 г. овладеть Львовом. Донесите причину задержки. Предупреждаю Вас, что Вы плохо держите связь. От Вас лично нет непрерывных донесений, а обстановка этого требует”.

Сражение за Львов вступало в решающую фазу.

Конев: “24 июля развернулось концентрическое наступление на Львов. С востока и северо-востока наступали войска 60-й армии. 10-й гвардейский танковый корпус вёл бой в городе. Западнее Львова в район Яворова вышел 6-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии.

У немцев оставался лишь один путь отхода на юго-запад — на Самбор. Учитывая это, я приказал генералу В. К. Баранову:

“С целью отрезать львовскую группировку противника от переправ через р. Сан, приказываю: в ночь на 24.7 форсировать р. Сан севернее Родымно и стремительными действиями вывести главные силы группы западнее Перемышля, в район Кросно. Сильными отрядами с артиллерией и танками (из танковых полков, дивизий) захватить переправы через р. Сан у Дубецко, Дынув, Вара, Санок, где занять оборону фронтом на восток и не допустить отхода львовской группировки противника через Сан на запад.

Для обеспечения группы с запада овладеть Ясло. За р. Сан установить взаимодействие с 4-й танковой армией и 60 А.

Получение подтвердить. Исполнение донести”.

Только 26 июля танковые бригады 4-го гвардейского корпуса генерала Полубоярова, действуя вдоль шоссе Миклашув—Львов, ночью ворвались на восточную окраину города-крепости и соединились с 10-м гвардейским корпусом танковой армии Лелюшенко.

В эту ночь, когда на улицах Львова шли жесточайшие схватки за каждым дом и подвал, в штаб фронта поступило разведдонесение о том, что немцы приняли решение уходить из города на юго-запад, что город заминирован и при отходе будет взорван.

Львов — шедевр градостроительной архитектуры, созданный на пограничье западной и восточной культур. Сотни памятников и ансамблей. И всё это было приготовлено к тотальному уничтожению. Немцы педантично следовали тактике “выжженной земли”. Гитлер полностью развязал руки солдатам и офицерам Восточного фронта: “Делайте, что хотите”. Единственным условием в обмен на это было — держаться на занимаемых позициях.

Танкисты генералов Рыбалко и Лелюшенко спасли город от уничтожения. В ночь на 27 июля ночным штурмом город был взят и очищен от противника.

В порыве искренней благодарности жители Львова назвали одну из улиц города именем генерала Рыбалко и установили мемориальную доску. В 2001 году мемориальная доска была демонтирована, а улица переименована и стала носить имя Симона Петлюры. Память горожан оказалась короткой.

Армии правого крыла продвигались на Сандомир, к Висле.

Сандомирская операция проводилась в тесном взаимодействии с армией левого крыла 1-го Белорусского фронта.

29 июля, не теряя темпа наступления, главные силы фронта — 1-я и 3-я гвардейские танковые и 13-я общевойсковая, 3-я гвардейская и 5-й гвардейская армии, конно-механизированная группа генерала С. В. Соколова — вышли к Висле и начали форсирование реки.

Левое крыло тем временем продолжали наступление юго-западнее Львова, прижимали противника к Карпатам, перекрывая ему свободный выход северо-западнее Перемышля. 3-я гвардейская армия генерала Гордова во взаимодействии с конно-механизированной группой генерала Соколова с ходу захватила несколько плацдармов в районе Аннополья. Противник попытался сбить части Гордова и Соколова с плацдармов. Частично ему это удалось. Но вскоре подошли 1-я гвардейская танковая и 13-я общевойсковая армии, и ситуация на Висле сразу изменилась. Плацдарм к югу от Сандомира был значительно расширен. Инженерные части приступили к постройке мостов и возведению переправ.

Противник перебросил сюда резервы и начал контратаковать. Но на плацдарм к тому времени была переброшена артиллерия и миномёты. Каждая атака немцев заканчивалась большими потерями с их стороны. Однако, несмотря на неудачи первых атак, немцы продолжали стягивать сюда силы 17-й полевой и 4-й танковой армий.

Конеv понял, что Сандомирский плацдарм немцы решили ликвидировать во что бы то ни стало. Он стал для них примерно тем же, чем был для войск Калининского и Западного фронтов в 42-м и 43-м годах район Ржева.

Всё это время Конеv терпеливо приберегал свой резерв — 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова. Он ввёл её в бой в самый критический момент, когда противник таранными ударами крупных группировок, усиленных танками и самоходками, решительным штурмом попытался сбросить войска с плацдарма.

Командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов вспоминал: “Сандомирский плацдарм достиг тридцати километров в ширину и двадцати пяти в глубину. Но недалеко от переправ на восточном берегу Вислы всё ещё шли ожесточённые бои. Противник пытался ударом с севера и юга отрезать группу наших войск, прорвавшуюся за реку.

Большое количество вражеской пехоты и танков атаковало нас из районов Кольшубова, Грембува и Тарнобжега. Однако все эти попытки были тщетны. Ничто уже не могло больше удерживать нашего стремительного движения за Вислу. На сандомирском плацдарме закрепились стрелковые части Черокманова, Онуприенко, Пузикова, Вехина, Панкратова, Краснова, Муратова, Гладкова. Туда вышли войска Жадова, танкисты Рыбалко, Лелюшенко и Катуюкова, артиллеристы Хусиды. Плацдарм надёжно прикрывался с воздуха авиачастями генерала Красовского.

В эти дни на моём наблюдательном пункте в районе Иваниско почти все время находился И. С. Конеv. Обзор отсюда был замечательный. Простым глазом мы наблюдали за происходящими внизу тяжёлыми боями с танками противника и ставили перед войсками огневые задачи. Иван Степанович — большой знаток артиллерийского дела; он хорошо помогал нам своими указаниями”.

По приказу Конева сюда с более спокойных южных участков были срочно переброшены артиллерийские части 60-й и 38-й армий. Как впоследствии отмечал автор “Записок...”, “это повысило устойчивость обороны”.

На плацдарме часто вспыхивали встречные танковые схватки.

Однажды немцы ввели в бой батальон новых сверхтяжёлых танков T-VIB — “королевский тигр”.

Это — очень большой зверь. Вес — 68,9 тонны. Лобовая броня — 150 см. Длина с пушкой — 10 м 29 см. Высота — 3 м. Пушка — 88-мм. На 2 500 метров пробивал броню любого нашего танка, в том числе и тяжёлого ИС-2. Три пулемёта и 26-мм мортирка для борьбы с пехотой противника. Экипаж — 5 человек. Телескопический прицел. Наклонная броня. Внешне танк чем-то напоминал T-V — “пантеру”.

Бой с “королевскими тиграми” на Сандомирском плацдарме стал первым применением танков этой конструкции на Восточном фронте.

Батальон “королевских” выгрузился на одной из станций в немецком тылу и маршем выдвинулся в сторону фронта.

Тяжёлый танковый батальон имел, как правило, три роты. Роты, в свою очередь, состояли из трёх взводов по четыре машины в каждом. Рота насчитывала 14 танков, из них два — командирских.

Как утверждают некоторые исследователи, из сорока боевых машин до передовой докатились только девять. Куда подевались остальные, неизвестно. Существуют версии об их технических неисправностях, которые якобы возникали в дороге. Во что верится с трудом. За такой брак Гитлер взыскал бы с виновных по самой высшей мере.

Так что, видимо, придётся согласиться с тем, что “королевских” уничтожили наши танкисты, артиллеристы и “летающие танки” Ил-2.

Первый бой с батальоном танков “тигр-II” произошёл утром 13 августа на плацдарме в секторе ответственности 3-й гвардейской танковой армии.

Вспоминает командир 53-й гвардейской танковой бригады В. С. Архипов: “Перед нашим левым флангом (батальон Коробова) вся местность на виду. Зато на правом фланге (батальон Мазурина) есть глубокая и широкая лощина, по которой из Оглендува к Сташуву, пересекая передний край, тянется полевая дорога. За лощиной, где занимала оборону стрелковая часть, танки не пройдут — там болото. Значит, надо плотно прикрыть огнём выход из лощины. Решили поставить несколько танков в засаду. Есть неофициальный термин: “заигрывающий танк”. Его задача — заставить вражеские танки развернуться так, чтобы они подставили борта под огневой удар главных сил обороны. Эту роль мы поручили группе танков из батальона Мазурина. Возглавил группу — два средних танка и один лёгкий — заместитель комбата старший лейтенант П. Т. Ивушкин.

Туман мало-помалу рассеивался, тянулся уже ключьями. Ивушкин доложил: “Танки пошли. Не вижу, но слышу. Идут лощиной”. Да я и сам слышал этот низкий, приглушённый откосами лощины гул. Приближался он очень медленно, нервы напряглись, чувствую, как капли пота катятся по лицу. Каково же им там, впереди?! Но копы были недвижимы.

Глаза были прикованы к выходу из лощины. Чудовищных размеров танк выбирался из неё. Он полз на подъём рывками, буксуя в песке.

Радировал с левого фланга и майор Коробов: “Идут. Те самые, неопознанные”. Отвечаю: “Не спешить. Как уговорились: бить с четырёхсот метров”. Между тем из лощины выползла вторая такая же громадина, потом показались и третья. Появлялись они со значительными промежутками. То ли это дистанция у них уставная, то ли слабый грунт их задерживал, но пока вышел из лощины третий, первый уже миновал засаду Ивушкина. “Бить?” — спросил он. “Бей!” Вижу, как слегка шевельнулся бок копы, где стоит танк младшего лейтенанта Оськина. Скатился вниз снап, стал виден пушечный ствол. Он дёрнулся, потом ещё и ещё. Оськин вёл огонь. В правых бортах вражеских танков, ясно различимые в бинокль, появлялись чёрные пробоины. Вот и дымок показался, и пламя вспыхнуло. Третий танк развернулся было фронтом к Оськину, но, прокатившись на раздробленной гусенице, встал и был добит. А из лощины выбирались всё новые и новые танки, они тоже разворачивались в сторону засады, подставляя уже левые борта под пушки Погребного и самоходчиков тяжёлого полка. Передаю по радио: “307-305”. Сигнал общий. Ударило прямой наводкой сразу десятка три стволов. Да и гаубичные дивизионы накрыли лощину навесным огнём, и она на всём протяжении от Оглендува скрылась в тучах дыма и песчаной пыли.

Громадные танки горели уже и справа от неё, и слева. Над ними низко прошли штурмовики “Илы” и тоже добавили огня. Несколько вражеских машин уползло обратно в лощину, другие тоже пытались уйти, но были подбиты с тыла, вдогон. Появились “юнкеры” и “мессершмитты”, почти одновременно и наши истребители, закипел бой в воздухе. Сколько всё это длилось, сказать трудно — не до того было. Но вот гул моторов стих, как-то вдруг опустело и небо. Только дымок струился над горящими танками, да изредка ухал взрыв — рвались внутри боевых машин боеприпасы. Майор Ко-

робов доложил, что около двадцати больших танков наступало в стыке его батальона с 51-й гвардейской танковой бригадой.

Всего в этом утреннем бою мы подбили 24 танка. Александр Петрович Оськин был удостоен звания Героя Советского Союза, Абубакир Мерхайдаров — ордена Ленина, наградами были отмечены и все члены экипажа.

Часа два над полем боя стояла относительная тишина. Разведчики Васильева побывали в лощине. Доложили, что там, ближе к Оглендуву, стоят два целых и невредимых танка. Завязли в песке при развороте. Ближе к левому флангу, к коробовскому батальону, обнаружили еще один неповрежденный танк. Он как залез в заболоченный пруд, так в нём и остался...

...Атаку мы отбили с очень большими для противника потерями. Но напряжённый боевой день ещё не закончился. Когда я доложил в штаб корпуса об итогах боя, генерал Новиков сказал:

— 16-я немецкая танковая и 72-я пехотная дивизии понесли очень тяжёлые потери. Командарм требует использовать этот момент. Ваша бригада должна отбить Оглендув. Подумайте и доложите решение.

Люди, конечно, были очень утомлены почти непрерывным, с утра до вечера, боем с батальоном “королевских тигров” и 16-й танковой дивизией. Но противник был утомлён ещё больше. Да и морально надломлен неудачей и потерями. Если уж переходить в контратаку, то сразу же, сегодня, не давая ему передышки. Мы решили нанести удар на Оглендув с наступлением темноты. Около полуночи бригада без артподготовки атаковала Оглендув. Этот населённый пункт находился в нескольких стах метрах от нашей передовой, противник не успел организовать оборону. В коротком бою Оглендув был очищен, гитлеровцы бежали в панике.

Несмотря на ночную темноту, мы поняли, что в Оглендуве и западнее кто-то крепко поработал во вражеских тылах ещё до нашего появления. Этот участок был завален разбитой техникой. Автомшины, тягачи, танки и бронетранспортеры, орудия разных калибров, разбитые или сгоревшие, загромождали окрестности. Пленные показали, что вечером их разбомбила русская авиация. А на ремонтной базе среди нескольких “пантер” мы увидели “королевского тигра”. Около него мелькнула тень, я строго окликнул бегущего, и фашистский солдат, подняв руки, подошёл к нашему танку. Он оказался ремонтником и поведал нам историю, которая показалась сначала выдумкой. Пленный рассказал, что прибыл с 501-м тяжёлым танковым батальоном из города Герлиц, что с ними приехал и конструктор “королевских тигров” герр доктор Порше. Ехали под охраной эсэсовцев, никому не разрешали покидать эшелон даже на крупных станциях. Минувшим утром доктор Порше сказал перед строем батальона короткую речь о своих танках как новом и грозном оружии, против которого бессильны лучшие образцы русской артиллерии. Добавил, что фюрер надеется на 501-й танковый батальон и в личной с ним, Порше, беседе выразил уверенность, что “королевские тигры” уничтожат переправившихся через Вислу русских. Из боя не вернулся ни один танк из тридцати девяти. Только этот остался — он не ходил в атаку из-за неисправного двигателя”.

Вот такая история.

Правда, И. С. Конев в своих “Записках...”, не жалея “бусурман”, пишет, что “захваченные в бою 10 танков целыми были отправлены в Москву”.

Сейчас один из этих бронированных монстров находится в музее в Кубинке. Еще два были “отстреляны” на испытаниях тогда же, в 44-м. Инженерам и конструкторам необходимо было испытать чудо-оружие Гитлера своими боеприпасами из своих стволов. Заключение было таким: “тигр-II” является улучшенной модификацией “пантеры”.

Когда Коневу доложили об удачной засаде на батальон “королевских тигров” и о том, что этот батальон танкисты Рыбалко, а также артиллеристы и эскадрилья штурмовиков, как говорят на фронте, “пропололи дочиста”, он тут же приказал писать представления к наградам на всех отличившихся.

В конце августа, увязнув в немецкой обороне, войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне.

Официальные результаты, закреплённые итоговыми донесениями, а затем вошедшие в статистику Великой Отечественной войны, были следующими. “Львовско-Сандомирская операция имела большое военно-политическое значение, — отметил в своих “Записках...” Конев. — В ходе её были разбиты 32 вражеские дивизии и 8 дивизий полностью уничтожены. Группа армий “Северная Украина” была разгромлена наголову. Только с 14 по 31 июля противник потерял убитыми, ранеными и пленными около 200 тыс. солдат и офицеров. При этом войска фронта захватили огромные трофеи: свыше 2200 орудий разных калибров, 500 танков, 10 тыс. автомашин, 666 железнодорожных вагонов, 12 тыс. лошадей и до 150 различных складов.

Было освобождено много крупных городов, среди них: Львов, Владимир-Волынский, Рава-Русская, Станислав, Стрый, Перемышль, Жешув, Сандомир и др. Войска 1-го Украинского фронта, успешно выполнив задачу, завершили полное освобождение западных районов Украины от гитлеровских захватчиков, образовали мощный сандомирский плацдарм на западном берегу Вислы и тем самым создали благоприятные условия для проведения последующих наступательных операций в Южной Польше и Чехословакии.

Понесённые противником в этой операции тяжёлые потери вынудили его перебросить в полосу 1-го Украинского фронта из группы армий “Южная Украина” до восьми дивизий, что облегчило войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов разгром вражеских сил в районе Ясс и Кишинёва.

С точки зрения военного искусства, Львовско-Сандомирская операция характерна большим размахом, разнообразием боевых действий и широким применением самых различных форм оперативного маневра.

При окружении бродской группировки противника маневр осуществлялся танковыми войсками, артиллерией, общевойсковыми соединениями, конницей, инженерными войсками. В разгроме львовской группировки крупную роль сыграл глубокий обход Львова 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко, напористые действия 4-й танковой армии Д. Д. Лелюшенко и особенно 10-го танкового добровольческого Уральского корпуса под командованием генерала Е. Е. Белова. Глубокий выход 1-й гвардейской танковой армии на реку Сан и обход Перемышля не позволили врагу закрепиться на этом рубеже.

Исключительное значение для захвата и удержания сандомирского плацдарма имел маневр трёх танковых и 13-й армий. Особенно важен был ввод в сражение 5-й гвардейской армии А. С. Жадова, которая укрепила наше положение на сандомирском плацдарме и способствовала разгрому группировок противника, наносивших удары по флангам сандомирского плацдарма, кроме того, войска 5-й гвардейской армии способствовали расширению плацдарма.

Недостаток вторых эшелонов и резервов у наступающих войск при выходе их в глубокий оперативный тыл противника, как правило, ограничивал глубину стратегических наступательных операций. Ввод в сражение 5-й гвардейской армии в Львовско-Сандомирской операции является исключением из этого правила, поскольку она была введена в сражение, когда войска фронта достигли Вислы и продвинулись на глубину 250 км от исходного положения.

Быстрый маневр позволял войскам фронта занимать более выгодное положение по отношению к противнику, создавать необходимое превосходство над его силами и средствами, ломал все планы немецко-фашистского командования, стремящегося во что бы то ни стало удержать занимаемые рубежи”.

Мастер быстрого маневра — именно такая слава закрепилась за Коневым после удачно проведённых операций 44-го года. При этом бывший командир 53-й гвардейской танковой бригады В. С. Архипов в своей мемуарной книге “Время танковых атак” отмечает “твёрдую руку и железную целеустремленность командующего войсками 1-го Украинского фронта”. При том — и это отмечают все, кто воевал тогда в составе фронта, — что Конев призывал действовать охватом, запрещал лобовые атаки, как правило, приносившие много крови и минимальные результаты.

За проведение Львовской операции, в результате которой был нанесён большой урон немецким войскам и захвачены большие трофеи, Коневу

присвоили звание Героя Советского Союза. Это была его первая Золотая Звезда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин прислал награду прямо на фронт.

“Посылаю Вам орден Ленина, медаль “Золотая Звезда”, а также грамоту о присвоении звания Герой Советского Союза и крепко жму Вашу руку”, — говорилось в письме.

Тогда для вручения наград не дожидались торжеств и случаев. Солдатам вручали их боевые медали и ордена прямо в окопах, генералам на передовых КП.

Глава двадцать восьмая

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ТРАНСИЛЬВАНСКИЕ АЛЬПЫ

*“А что, ребятушки!
Махнём через эти горы!..”*

Лето 44-го для Красной Армии было победным — наконец-то полностью очистили от немецких, румынских, венгерских, финских и иных оккупантов все области СССР. Армии перешли границу и начали свой освободительный поход вглубь Европы.

Сандомирский плацдарм за Вислой открывал путь на Берлин.

Однако войска 1-го Украинского фронта были утомлены предыдущими боями. Дивизии нуждались в пополнении, танковые корпуса — в ремонте боевых машин, экипажи — в отдыхе.

На фронтах наступила оперативная пауза.

Солдаты отдыхали. Но в штабах кипела работа — планировались новые операции.

Маршалы и генералы видели впереди Берлин, Кенигсберг, Вену, Будапешт.

Политикам, партийному руководству СССР и, в первую очередь, Сталину в завершающем этапе Второй мировой войны линия фронта рисовала иные очертания и перспективы.

Генералы думали о том, как быстрее и малой кровью взять тот или иной рубеж, город, укрепрайон.

Политики уже просчитывали будущее: что будет здесь, на земле, освобождённой “славянами”, после того как умолкнут последние залпы.

Перед фронтом армий маршала Конева дыбились Карпаты, за ними — Словакия.

В 1939 году Словакия под давлением Гитлера провозгласила свою независимость от Праги под патронатом Третьего рейха. На следующий день в Чехию вошли немецкие войска. Когда началось вторжение в СССР, словаки приняли активное участие в “крестовом походе против большевизма” и послали на Восток Словацкий армейский корпус. Затем в район Ростова и Краснодара прибыли две элитные мобильные словацкие дивизии, которые, по отзывам немецких офицеров, “превосходно дрались бок о бок с немецкими частями”. Вооружены они были, в основном, оружием чехословацкой армии, в избытке хранившимся на складах. В 1944 году, когда Красная Армия подошла к восточным склонам Карпат, в Словакии были сформированы ещё две дивизии для отправки на Восточный фронт. Но в конце августа в Словакии вспыхнуло восстание. И немцы ввели туда свои войска. Красная Армия начала операцию по переброске в Словакию оружия, военного снаряжения и специалистов по организации партизанского движения.

К лету 1944 года в Словакии действовало большое количество партизанских отрядов, руководили ими коммунисты. Они были подчинены командованию двух крупных соединений — “Чапаев” и “Пугачёв”. Партизаны должны были выступить в нужный для Красной Армии момент, когда она подойдёт к Карпатам. Но словакам, как и полякам, помешало излишняя са-

монадеянность. Они выступили раньше времени, рассчитывая на то, что немцам не до них, а когда Красная Армия подойдёт, они уже распорядятся властью так, как посчитают нужным. С большевиками власть делить не хотели ни словаки, ни поляки, ни чехи.

Немцы, хорошо понимая опасность восстания за своей спиной, перекрыли Дуклинский перевал. Именно через этот перевал могли прийти в Словакию войска Красной Армии. Других дорог с востока не было. На западе Словакии началось разоружение повстанцев. Но на востоке партизанское движение усиливалось. Части словацкой армии начали переходить на сторону повстанцев.

Коммунисты быстро перехватили инициативу, и 1 сентября Словацкий национальный совет объявил о взятии власти в свои руки. В Совет вошёл коммунист Густав Гусак и другие его соратники. Совет объявил мобилизацию. На освобождённой территории возникла повстанческая армия.

31 августа к Коневу прилетел командир восточнословацкого корпуса полковник Вильям Тальский и сказал, что корпус готов выступить навстречу Красной Армии сразу, как только она начнёт наступление.

Штаб 1-го Украинского фронта разработал операцию с целью наступления силами 38-й общевойсковой армии генерала Москаленко, артиллерийской дивизии прорыва, двух танковых бригад, кавалерийского корпуса, 1-го Чехословацкого корпуса, двух полков и двух бригад РС М-13.

Участок Карпат в районе Дукли с древних времен назывался Трансильванскими Альпами. Это мгновенно запало в душу и Коневу, и командарму-38 генералу Москаленко. Говорят, после перехода через перевал Москаленко даже причёску изменил и начал взбивать *кок* наподобие суворовского. Впрочем, причиной тому мог быть просто-напросто невысокий рост генерала.

Конев с оперативной группой пошёл вместе со штабом Москаленко. И этот его переход в авангарде наступающих войск имел, конечно же, не столько оперативную, сколько моральную необходимость. Своё присутствие в гуще наступающих войск Конев впоследствии пояснял так: “Учитывая особенность, политическую важность и большой масштаб армейской операции, Ставка нашла необходимым поручить её проведение лично командующему фронтом. В связи с этим мне пришлось почти неотлучно находиться в войсках 38-й армии, держать связь с партизанами и штабом повстанцев, помогать решать срочные оперативные задачи, усиливая армию фронтовыми средствами”.

Поход обеспечивался ресурсами всего фронта. “Состав 38-й армии, — вспоминал Конев, — далеко превзошёл обычный состав общевойсковых армий. Таких танковых сил, которыми располагала 38-я армия в ходе операции, не имели даже некоторые фронты”.

Славянский поход начинался мощно.

Надо заметить, Сталин оказался и здесь мудрее западных правителей и, что самое главное, своего основного врага — Гитлера. Он вовремя ввёл полководческие ордена для высшего и младшего командного состава и, таким образом, поднял возникшую в народных и армейских массах волну патриотического порыва. Каждый генерал, каждый маршал, каждый командир дивизии или полка, ведя вперёд свои войска, чувствовал себя Суворовым и Кутузовым, Богданом Хмельницким и Александром Невским. К тому же, что немаловажно, за ордена тогда платили. Деньги зачислялись на личные счета военнослужащих в полевых сберкассах. Их можно было переслать домой. Ведь семьям в тылу жилось несладко. Страна туго затянула пояса и натужно тащила гигантскую повозку с лозунгом: “Всё для фронта! Всё для победы!”

Именно в этот период в войсках началось новое поветрие: бойцы и особенно командиры стали, обращаясь к своим подчинённым или друг к другу, говорить: “Эй, славяне!” И неважно было, что звучал этот возглас в среде самой пёстрой и интернациональной. На *славян* с одинаковой гордостью откликались и русские, и мордва, и украинцы, и казахи, и белорусы, и армяне, и татары, и вся разноликая Русь. Началось это *славянское* поветрие именно здесь, в войсках 1-го Украинского. Потому что первой начала свой освободительный поход по славянским странам 38-я армия.

Вспоминалось суворовское: “А что, ребятушки! Махнём через эти горы! И махнули.

Войскам Конева противостояла армейская группа “Хейнрицы” — 10 немецких и 8 венгерских дивизий, а также отдельные венгерские горно-стрелковые бригады. Всего 300 000 человек при 3 250 орудиях и миномётах, 100 танках и штурмовых орудиях и 450 самолётах.

Конев понимал, что если начать переход в одном месте, вся эта армада кинется на войска Москаленко, растянутые по горным дорогам и тропам, сметут их, и попытка перехода будет пресечена в самом начале. Поэтому штаб фронта разработал план, которым предусматривалось наступление по нескольким направлениям одновременно. Замыслом также предполагалось, что после быстрого прорыва в предгорьях Карпат с запада навстречу атакующим войскам генерала Москаленко начнут энергичное наступление 1-я и 2-я словацкие дивизии и партизанские отряды. Их задачей был захват перевалов и расчистка проходов для продвижения наших войск.

Направление главного удара проходило вдоль шоссе Дукля—Дуклинский перевал — по кратчайшему пути в Словакию.

Утром 8 сентября 1944 года после артподготовки войска двинулись вперёд. Обе полосы обороны оказались прорваны, авангарды углубились до 14 километров. Вперёд пошли танки. Авиация крушила оборону опорных пунктов в горах. В ночь на 9 сентября в бой был введён 1-й Чехословацкий армейский корпус. Командир корпуса генерал Кратохвил не справился с управлением своих войск, и, видя замешательство и угрозу контрудара, Конев отстранил его от командования и назначил на его место командира 1-й бригады, энергичного и честолюбивого бригадного генерала Свободу. Однако кадровую рокировку пришлось согласовывать лично со Сталиным. Верховный утвердил новое назначение. Чехи и словаки в этом походе показали себя мужественными и храбрыми воинами. Им было за что умирать — они освобождали свою родину.

Генерал Хейнрицы, старый знакомый Конева, неприятель ещё по боям под Ржевом и Вязьмой, непрерывно контратаковал. Но движение 38-й армии в глубину Восточных Карпат продолжалось. Трансильванские Альпы с их перевалами, казавшимися неприступными бастионами, ложились к ногам наступающих войск маршала Конева.

Немцы вынуждены были снимать части с венского и берлинского направлений, чтобы прекратить внезапный марш через Карпаты и выход русских на фланги и в тыл. Тем самым они ослабляли эти направления и создавали перспективу ударов Красной Армии именно на Берлин и Вену. Таким образом, бросок Конева через Трансильванские Альпы имел важное стратегическое значение на завершающем этапе войны.

Дивизии восточнословацкого корпуса и партизанские отряды, к сожалению, существенной помощи оказать не смогли. Партизаны дрались в глубине гор. А дивизии сложили оружие ещё 2 сентября, когда немцы усилили их блокаду. Словаки оказались ненадёжными союзниками и слабыми вояками. Но слабость этих подразделений с честью компенсировал 1-й Чехословацкий корпус генерала Свободы.

Одновременно Конев поставил задачу командиру 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генералу Баранову: прорваться вперёд, выйти на оперативный простор и соединиться с партизанами, активизировать их действия и совместными усилиями попытаться сделать то, что не выполнили дивизии восточнословацкого корпуса.

— При встрече с повстанцами и партизанами, — приказал он командиру кавкорпуса, — объявляйте себя смело красным атаманом — командующим советскими войсками на территории Словакии!

Вначале кавалеристы действовали успешно. Пересекли польско-чехословацкую границу, вступили на территорию Словакии. Но вскоре немцы определили силы, прорвавшиеся в их тыл, и отсеки кавкорпус генерала Баранова. Генерал Хейнрицы помнил подобные прорывы и под Вязьмой, и под Ржевом и знал, как их ликвидировать. Маневренность корпуса с каждым днём слабела. К 16 сентября продовольствие и боеприпасы кавалеристам до-

ставлялись только авиацией. 24 сентября корпус пробился из окружения. Задачу свою он не выполнил, но боевого духа не потерял.

О состоянии гвардейского кавкорпуса, только что вышедшего из окружения, Конев вспоминал с некоторой иронией. Проезжая по тыловым деревням, где расположились эскадроны, он наблюдал такую картину: личный состав, “радуясь выходу из тыла врага, уже распевал лихие казачьи песни...” В одной из деревень в окружении офицеров штаба гулял и генерал Баранов. “Так закончились боевые действия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в этой операции”, — подытожил Конев.

Немцы наращивали силы, непрерывно контратакуя авангарды и фланги 38-й армии.

Генерал Москаленко маневрировал ударными группировками, наносил удары то на левом фланге, то на правом. 18 сентября немецкая оборона была прорвана. 19 сентября советские танки вошли в Пулавы. Дуклинский перевал был преодолен. Конев телеграфировал в Ставку: “Операция 38-й армии принимает напряжённый характер. Перед армией действует свыше пяти пехотных дивизий, три танковые дивизии с общим количеством до 200 танков и самоходных орудий. Действия нашей авиации ограничены из-за отсутствия горючего. Отпущенный лимит 20 тыс. тонн полностью израсходован. В связи с этим прошу отпустить фронту 30 тыс. тонн дополнительно”.

Война — это моторы и горючее.

6 октября стрелковый и танковый корпуса авангарда совместно с частями Чехословацкого корпуса вышли к границе Чехословакии. Чешские офицеры на пограничном столбе прикрепили государственный герб и национальный флаг. На полотнище флага была сделана надпись на чешском и русском языках: “Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей! Да здравствует вечная дружба народов СССР и Чехословакии!” Тогда, осенью 44-го, чехословацкие офицеры сделали эту надпись от чистого сердца. В те дни слова на знамёнах писались кровью, потому что их писали солдаты. Пройдут годы, и освобождённый народ потребует убрать со своей земли памятники и могилы своих освободителей. Чувство благодарности окажется недолгим. Впрочем, новой Чехией управляли уже не солдаты, а политики.

6 октября 1944 года Конев стоял на первом плацдарме чехословацкой земли, только что отбитой у неприятеля, и смотрел на ликование солдат генерала Свободы, на то, как они становились на колени и целовали родную землю.

Спустя двое суток Конев приостановил наступление и приказал войскам занимать оборону. Перевалы Главного Карпатского хребта были захвачены. Путь в Чехословакию открыт.

Переход через Трансильванские Альпы завершился успешно. 38-я армия и части усиления захватили большие трофеи: 31 360 пленных, 912 орудий и миномётов, 40 танков и штурмовых орудий.

Бои в горах Конев будет вспоминать как наиболее тяжёлые.

Глава двадцать девятая

ПРОРЫВ НА ВИСЛЕ

“Всё кругом было буквально перепахано, особенно на направлении главного удара...”

В Ставке и в войсках только и говорили, что об ударе на Берлин. Красная Армия была сильна как никогда. Слово “Берлин” произносилось редко. Столицу фашистского Рейха называли “логовом”.

Штурмовать “логово” считалось большой честью. В Ставке решали, кому предоставить эту честь. В Москве, да и в армейских и фронтовых штабах, понимали: тот, кто возьмёт Берлин, навсегда будет помечен великой славой победителя, и его имя при жизни и в истории будут произносить вместе со словом “Победа”.

Непосредственно на берлинском направлении стояли войска 1-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского. Немного левее, но тоже перед “логовом”, на Сандомирском плацдарме, изготовились к последнему броску прavoфланговые армии 1-го Украинского фронта.

Но фронтам предстояло ещё пройти сотни километров, преодолеть укрепленные линии. И эти километры и линии находились уже на чужой земле. Немцы, прижатые к границам рейха, тоже готовились к решающим боям. Предстояла жестокая схватка.

Перед войсками Конева лежал Силезский промышленный район. Шахты, постройки промышленного типа, коммуникации, карьеры. Словом, местность абсолютно неподходящая для “маневренных действий войск при наступлении”, как впоследствии охарактеризует открывшийся перед его армиями ландшафт маршал в своих мемуарах.

В конце ноября 1944 года Конева вызвали в Ставку. В Москву он вез план предстоящей операции.

После доклада Сталин долго рассматривал карту. Домбровско-Силезский промышленный район и на карте выглядел внушительно. Сталин задал несколько вопросов. Конеv подробно отвечал. Наконец, Верховный обвёл пальцем район и сказал:

— Золото.

Для командующего войсками, которым предстояло крушить оборону противника в промышленном районе, это означало, что здесь противника придётся не просто бить всеми средствами, а, прежде всего, думать о том, как спасти предприятия и сооружения от возможных разрушений.

По плану удар предполагалось нанести севернее и южнее по сходящимся направлениям. Ставку и Верховного это устраивало. План был одобрен.

В Москве Конеv повидался с семьей. Дочь и сын стали уже совсем взрослыми. Анна Ефимовна работала в одном из госпиталей. Выполняла самую простую работу санитарки. Прежнего чувства между ними уже не было. Он обнял детей, поцеловал руки Анны Ефимовны, и та поняла, что теперь между ними легла ещё и война, в которую вместились целая жизнь. И ещё она поняла, что в жизни того, кто все эти годы преданно любил её, возможно, произошло нечто, что изменит их ближайшее будущее.

Конеv прибыл в свой штаб и тут же принялся за работу.

Основной удар решено было наносить с Сандомирского плацдарма. Общее направление — на Бреслау (Вроцлав). Стрелы ударных частей лежали через Кельце, Радомско, Крайцбург. Часть группировки нацеливалась южнее, на Краков. Цель: уничтожение сильной кельце-радомской группировки противника. Центр немецкой группировки приходился на стык 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Поэтому в ходе проведения операции требовалось чёткое взаимодействие.

Накануне начала Висло-Одерской наступательной операции оба командующие войсками фронтов главного направления, Конеv и Жуков, встречались не раз. Часто разговаривали по телефону.

Наконец, 12 января 1945 года началась Висло-Одерская стратегическая наступательная операция. Её Конеv вспоминал всю жизнь. Вот это была атака! Вот это был прорыв!

В книге “Сорок пятый” он впоследствии напишет: “К этому времени у нас насчитывалось около одного миллиона двухсот тысяч личного состава, три тысячи шестьсот шестьдесят танков и самоходок, более семнадцати тысяч орудий и миномётов, две тысячи пятьсот восемьдесят самолётов. Мощь была большая...”

Сандомирский плацдарм перед началом операции был буквально забит войсками.

Для противника не было секретом, откуда ждать очередного удара. Конеv в своих построениях учёл и это обстоятельство.

Конеv: “Мы предвидели жесточайшее сопротивление неприятеля и, чтобы сразу избежать возможности двустороннего фланкирования огнём и нашей ударной группировки, и тех соединений, которые потом будут вводиться для развития успеха, решили прорывать оборону врага на широком фронте.

Дальше предусмотрели такое построение ударной группировки, чтобы сила нашего первоначального удара была максимальной и обеспечила стремительный прорыв обороны уже в первый день. Иначе говоря, мы хотели распахнуть ворота, через которые сразу можно будет ввести танковые армии.

С их помощью тактический успех перерастёт в оперативный, который мы будем всё больше и больше развивать, выводя танковые армии на оперативный простор и развёртывая прорыв как в глубину, так и в стороны флангов”.

Противник отреагировал на приготовления войск 1-го Украинского фронта следующим образом: к Сандомирскому плацдарму срочно были подтянуты и размещены в тактической зоне обороны основные резервы, которыми он обладал на этом участке фронта: 16-я и 17-я танковые, 10-я и 20-я моторизованные дивизии. Конечно, с нашей группировкой, если учесть ещё и левое крыло соседнего 1-го Белорусского фронта, немецкую группировку сравнить было нельзя. Конев и Жуков имели под рукой такую силу, остановить которую немцы уже не могли.

Миллион двести тысяч штыков... Такими армиями завоевывались целые земли. И походы таких армий входили в историю великих битв.

При подготовке прорыва особая роль отводилась артиллерии. “Огнём вместо штыка...” — эту заповедь маршал будет нести, как заклинание, до самого победного дня. Он, прошедший через ад сорок первого и кровавое противостояние сорок второго годов, хорошо усвоил: основательно подготовленное и правильно проведённое артиллерийское наступление — это тысячи сбережённых жизней солдат и офицеров. Тысячи отцов, братьев, сыновей, которых ждут на освобожденной земле. Тысячи жизней для новой жизни.

Подготовка к операции такого масштаба — это огромная работа не только миллиона двухсот тысяч человек, непосредственно находящихся в армиях фронта, корпусах, бригадах и частях, а и напряжение всей страны, стоящей за спиной войск. И каждый день такой работы делал намеченные планы более реальными, сокращал будущие потери.

Наступление было назначено на 20 января 1945 года. Но у союзников в Арденнах случилась серьёзная неувязка. 16 декабря 1944 года немецкие войска на юго-западе Бельгии в Арденнах начали крупную наступательную операцию с целью разгрома англо-американских армий, изменения обстановки на Западном фронте и раскола союзнической коалиции. К концу декабря наступление выдохлось. Союзники перешли к активным действиям по охвату немецких дивизий, вклинившихся в их порядки и местами продвинувшихся в глубину до 90 километров. Однако сильно опасались того, что Гитлер прикажет перебросить часть сил с Восточного фронта и снова атакует их порядки. 6 января 1945 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль обратился к Сталину: “На Западе идут очень тяжёлые бои... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...”

9 января Коневу по ВЧ позвонил исполняющий обязанности начальника Генштаба А. И. Антонов и приказал начинать 12-го. Позже Конев вспоминал, что Антонов говорил от имени Сталина. Никаких изменений в ходе намеченной операции, кроме сроков, не произошло.

Конев согласился, потому что не согласиться было нельзя. Сразу собрал свой штаб. Выяснилось: программу обучения личного состава действиям в наступлении в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке, необходимо сокращать, нелётная погода начала второй декады января полностью исключает действия авиации, а это означало, что проламывать немецкую оборону предстоит одной артиллерией.

Сталин был верен союзническим обязательствам. Своим приказом наступать раньше намеченного срока он, конечно же, спас сотни и тысячи американских, британских, французских и канадских солдат. Вместо того, чтобы с востока перебрасывать на запад, немцы вынуждены были с запада снять 6-ю танковую армию СС, а затем и ещё 16 дивизий и перебросить их на Русский фронт.

Английский историк Лиддел Гарт очень точно заметил, характеризуя обстоятельства, в которые попали немцы: “Командиры, которым было поручено вести наступление, вскоре, к своему разочарованию, узнали, что они не получат части обещанных сил вследствие угрожающих ударов коммунистов на Востоке”.

Бывают на войне времена, когда всё решают генералы и их солдаты. Они вершат судьбы политики. А бывают и другие, когда политика решает, как поступить с теми или иными генералами, и даже маршалами, и их солдатами. Солдаты зачастую и вовсе не знали, не чувствовали и не понимали всех тайных движений, которыми политики управляли своей гигантской машиной. Они шли туда, куда их посылают, и умирали, если надо было умереть. Генералы и маршалы понимали. Но тоже выполняли приказы, и тоже умирали, если выпадала судьба умереть. Буквально через месяц осколок снаряда унесёт жизнь командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии И. Д. Черняховского.

В ночь на 12-е Конев выехал на передний край, в район прорыва. На плацдарме стояла тишина. Все приготовления были закончены.

Конев: “Это был небольшой фольварк, расположенный на опушке леса, в непосредственной близости к переднему краю. В одной из комнат выходило прямо на запад, откуда можно было наблюдать. Кроме того, рядом оказалась небольшая высотка, на которой мы установили систему наблюдения и управления. Туда можно было перебраться в случае обстрела. Но стояла зима, сидеть непрерывно на наблюдательном пункте в траншее не было никакой нужды, тем более что с самого фольварка открывался хороший обзор”.

Артподготовка началась ровно в 5.00. Короткая, но мощная. Батальоны поднялись и пошли вперёд. Заняли первую траншею. Из второй начался сильный огонь. Стало ясно, что немцы не ушли. И тогда по второй траншее и дальше, в глубину, начали бить основные силы артиллерии. На этот раз обработка позиций противника длилась один час сорок минут. Взятые пленные показывали, что им казалось, что советская артиллерия вела огонь целый день, что теперь уже вечер...

К началу операции фронт имел 12 440 орудий и миномётов от 76-мм и выше (без зенитной артиллерии), 516 пусковых установок стационарного типа и 526 боевых машин реактивной артиллерии “катуша”.

Артиллерия ошеломила противника. Те, кто выжил в первых линиях, по воспоминаниям Конева, “уже не могли совладать с собой”.

И всё-таки в этой огромной группировке подчинённых ему войск маршалу Коневу очень не хватало одного человека.

Генерал-полковник С. С. Варенцов, получивший тяжёлое ранение в сентябре 44-го во время проведения Карпатско-Дуклинской операции, всё ещё находился в госпитале. Как он был нужен Коневу именно теперь, когда артиллерия решала судьбу прорыва! Именно Варенцов, с его гибким и нешаблонным мышлением великолепного тактика. Должность командующего артиллерией фронта Конев приказал держать вакантной — до возвращения в строй Варенцова. Варенцов оснастил надёжной связью артиллерийские части, которые наступали вместе с пехотой в Карпатах, выделил в состав пехотных групп опытных офицеров-артиллеристов, имевших хорошие навыки корректировки огня. Всё это исключило нелепые случаи огня по своим, а также помогало пехоте и танковым частям быстро и без потерь сбивать с переловов противотанковые заслоны, действовать в обход, не опасаясь своего огня. Но вот нелепость: “виллис” Варенцова угодил под свой танк. “Тридцатьчетвёрки” выходили на рубеж атаки, локи были уже задраены, в триплексы много не увидишь. Танк смял “виллис”. Все, сидевшие в нем, успели выпрыгнуть. Варенцов не успел, и гусеница прошла буквально по нему.

Утро 12-го января, вопреки прогнозам метеорологов, выдалось ясным. Взлетела штурмовая и бомбардировочная авиация и нанесла серию точечных ударов по командным пунктам 4-й танковой армии противника.

Под огнём артиллерии и авиации оказались и оперативные резервы немцев, в том числе “Группа Неринг”, которой так опасался Конев. Корпусом командовал генерал танковых войск Неринг. В составе группы: 24-й танко-

вый корпус, остатки 32-го армейского корпуса и элитный танковый корпус “Великая Германия”.

Ещё шла артподготовка, когда разведка донесла: противник, оказавшись под огнём артиллерии и авиации, несёт большие потери и начал отвод своих войск на вторую линию обороны.

Конев: “Часа через два после окончания артиллерийской подготовки, когда пехота вместе с танками сопровождения рванулась вперёд, я объехал участок прорыва. Всё кругом было буквально перепаханно, особенно на направлении главного удара армий Жадова, Коротеева и Пухова. Всё завалено, засыпано, перевернуто. Шутка сказать, здесь на один километр фронта, не считая пушек и миномётов мелких калибров, по противнику били двести пятьдесят—двести восемьдесят, а кое-где и триста орудий. “Моща!” — как говорят солдаты”.

Армии генералов Пухова, Коротеева и Жадова в первый же день наступления продвинулись вперёд до двадцати километров и успешно свёртывали фланги, обеспечив к исходу дня коридор шириной до шестидесяти километров. И в образовавшуюся брешь тут же хлынули танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко.

В этой операции Конев предусмотрел всё. Противник располагал крупными танковыми и моторизованными резервами. Конев понимал, что в создавшихся обстоятельствах они попытаются остановить наступление. Для этого ударят по первому эшелону в момент развития наступления пехотных частей и танков сопровождения. Чтобы этого не произошло, он ввёл в дело танковые армии.

Танки Рыбалко и Лелюшенко появились на флангах и перед позициями моторизованных частей 4-й танковой армии генерала Грезера в тот момент, когда те только выходили на исходные позиции. Их судьба была уже predetermined.

Примерно так летом 41-го в приграничных сражениях гибли наши механизированные корпуса и танковые дивизии. Маятник войны качнулся в другую сторону...

Немецкий генерал и историк Второй мировой войны Курт Типпельскирх о прорыве на Висле в январе 45-го впоследствии написал: “Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану. Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск. Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, предприняв в то же время северным крылом охватывающий маневр на Кельце”.

Глава тридцатая

СПАСЁННЫЙ КРАКОВ

“Если бы не войска маршала Конева...”

Висло-Одерская операция ураганом неслась в глубину Польши.

Левое крыло 1-го Украинского фронта — 59-я и 60-я армии генералов Коровникова и Курочкина приближались к Кракову.

Краков — древний польский город. Старинные застройки, исторические памятники и памятники архитектуры. Город-шедевр. Одновременно — ключевой пункт немецкой обороны на пути к Берлину. Ключ к Силезскому промышленному району.

Армии правого крыла, действовавшие в районе Ченстохова, уже нависали над краковской группировкой противника. Левее соседи из 4-го Украинского фронта начали охват 17-й немецкой армии с юга. Однако Краков и прилегающий район немцы сдавать не собирались. Заводы Силезии, без которых трудно продолжать войну, нужны были сражающемуся вермахту, как порох. Тем более, что вторую кузницу оружия — Рур — в это время атаковали союзники.

Краковский крепостной район. Здесь войска 1-го Украинского фронта натолкнулись на жесточайшее сопротивление. Похоже, здесь немецкие войска готовы были повторить сценарий Сталинграда.

Когда в штаб фронта приводили очередного “языка”, командующий пристально всматривался в черты лица пленного, внимательно следил за его жестикуляцией и интонацией голоса. Нет, ничего не менялось, немецкий солдат был по-прежнему самоуверен и храбр, а своё плачевное положение — пленение — воспринимал как нелепую случайность, о которой искренне сожалел. Наступление в Арденнах, о котором знал каждый немецкий солдат, воспринимая его как перелом в войне, окрыляло, поднимало дух.

Конев: “Закат третьей империи ещё далеко не все немцы видели, и тяжёлая обстановка пока не вносила почти никаких поправок в характер действий гитлеровского солдата на поле боя: он продолжал драться так же, как дрался раньше, отличаясь, особенно в обороне, стойкостью, порой доходившей до фанатизма. Организация армии оставалась на высоте, дивизии были укомплектованы, вооружены и снабжены всем или почти всем, что им полагалось по штату.”

Говорить о моральной сломленности гитлеровской армии пока тоже не приходилось. Можно добавить к этому и такие немаловажные факторы: с одной стороны, геббельсовская пропаганда пугала солдат, уверяя их, что русские не оставят от Германии камня на камне и угонят в Сибирь всё немецкое население, а с другой стороны, на тех же солдат обрушились жестокие репрессии, усилившиеся к концу войны”.

Тем временем севернее войска 1-го Белорусского фронта нанесли мощные удары с Магнушевского плацдарма на Познань и одновременно с Пулавского плацдарма на Радом. 18 января 1945 года крупная группировка противника была окружена западнее Варшавы. 19-го очистили от немцев крупный промышленный центр — город Лодзь. Жуков торопил свои войска к Одру.

Конев следил за продвижением соседей и особенно за тем, как действуют армии ближайшего соседа справа.

19 января он выехал в 59-ю армию генерала Коровникова. Армия уже заняла исходные, готовилась к штурму Кракова.

С наблюдательного пункта командарма-59 хорошо были видны окраины старинного города, полосы немецких окопов, проволочных заграждений.

Коровников доложил обстановку. И Конев предложил неожиданный вариант: направить приданный армии танковый корпус генерала Полубоярова в обход Кракова с запада.

Задумались. 60-я армия в это время подступала к юго-восточным и южным окраинам города. Колечко замыкалось.

— Только наша стремительность, Иван Терентьевич, может спасти город от излишних разрушений. Сбережём и солдат.

— Солдаты дороже, — кивнул командарм Коровников.

— Идем по братской земле Польши, Иван Терентьевич. Напомни своим. Меньше разрушений. — Он наставлял своего подчинённого, который всё прекрасно понимал и без его слов. А сам думал вот о чём: ведь ещё вчера наставлял солдат, настаивая совершенно на другом: перед тем, как пустить вперёд танки и пехоту, хорошенько обработать рубеж тяжёлой артиллерией, подавить все огневые точки с дистанции пушечного огня. Убеждал: каждый удачно выпущенный снаряд по заранее разведанным целям — сбережённая человеческая жизнь.

Теперь в военное дело вмешивалась политика. Как непросто сопрягать эти две категории на поле боя...

Артиллерия в тот день всё же вела огонь, и довольно сильный. Обстрелу подверглись окраины Кракова и районы, прилегающие к окраинам, где немцы разместили свои оборонительные линии.

После артподготовки Конев и Коровников выехали в корпус Полубоярова. Позже Конев рассказывал Константину Симонову, что сразу было заметно: противник сломлен, танки Полубоярова и пехота передовых частей 59-й армии ворвалась в город и быстро продвигались вперёд.

А дальше произошло вот что. Корпус Полубоярова вышел к шоссе, которое уходило из Кракова на запад, и остановился. Теперь по этому поводу историки спорят: что это было? Неуверенность Конева в том, что окружённый краковский гарнизон они смогут быстро придушить? Или всё-таки то, о чём говорил сам маршал?

Конев: “Мы не ставили себе задачи перерезать гитлеровцам последний путь отхода. Если бы мы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчевывать их оттуда, и мы, несомненно, разрушили бы город”.

Эти слова могли бы иметь в истории оттенок некоей двусмысленности, лукавства, если бы история краковского гарнизона не имела продолжения и финала.

Известно, что основную часть колонны войск, покидавших заминированный и обречённый на гибель Краков, расстреляли на марше советские штурмовики и бомбардировщики. Часть попала под массированный артиллерийский огонь. Некоторая часть действительно выбралась из полуокружения и соединилась с группой армий “А”.

Но гораздо важнее другое. Краков, старинный Краков, город-шедевр, некогда считавшийся лучшим городом континента, был спасён от разрушения.

В Кракове и окрестностях действовали несколько партизанских отрядов, местных подпольных и советских разведывательных групп. Последние подчинялись непосредственно ГРУ и разведотделам армий 1-го Украинского фронта. Некоторые из них были переброшены в район Кракова ещё в 1944 году. Когда наши войска подошли к Кракову, через фронт было заброшено ещё несколько разведывательных и диверсионных групп. Задания они имели разные. Но, в конце концов, пришлось выполнять одно, самое важное — спасти город от тотального разрушения.

Одной из разведывательно-диверсионных групп командовал “лейтенант Алёша” — Алексей Ботян. Ещё в августе 44-го его группа была заброшена в соседнее с Краковским Радомское воеводство. Леса, болота. Край партизанский, весьма напоминающий нашу Брянщину. Здесь действовали польские отряды Армии Крайовой и Армии Людовой. Рядом с их базами дислоцировались отряды и группы, целиком состоявшие из бежавших из немецких концлагерей советских солдат и офицеров. Задачу группа Ботяна получила совершенно определённую: не допустить взрывов железнодорожных и шоссе-ных мостов. Мосты Красная Армия должна была получить целыми и невредимыми. Но произошло другое. На плечи разведчиков легла более тяжёлая миссия. А мосты, правда, лишь немногие, немцы всё же успели взорвать.

Разведчики узнали, что в один из замков, оборудованный под склад, в соседнем с Краковом городе Новы-Сонч немцы свозят большое количество взрывчатки. Запасы постоянно пополнялись. Сообщили в Москву. Оттуда поступил приказ: сосредоточить внимание на этом объекте. Помог случай: во время одной из операций, проводимой совместно с поляками, был захвачен инженер-картограф из штаба инженерных войск вермахта, при нём — папка с документами: карты и схемы оборонительных сооружений района Кракова и Новы-Сонч с указанием объектов, которые, в случае прорыва Красной Армии, подлежали уничтожению. На схемах значились почти все исторические здания Кракова и Новы-Сонч.

С этого момента группа “лейтенанта Алёши” действовала по указаниям штаба 1-го Украинского фронта. Конев имел всю информацию и руководил действиями разведчиков через разведотдел фронта.

10 января 1945 года разведчики подорвали немецкую штабную машину. В портфеле убитого офицера обнаружили приказ об уничтожении памятников архитектуры городов Кракова и Новы-Сонч в час “Х”.

Вскоре склад был взорван. Ацию провёл поляк, завербованный Ботаном. Старинный замок взлетел на воздух, но города были спасены. Были спасены Марицкий костёл, Ягеллонский университет, театр Словацкого, резиденция польских королей — знаменитый Вавель...

Другой группой руководил капитан Евгений Березняк. Выпускник Специальной школы Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, украинец по национальности, он хорошо знал польский язык. Его позывной был: “Голос”. Березняк и его товарищи, заброшенные на парашютах в район Кракова в середине августа 1944 года, имели задание штаба 1-го Украинского фронта: “Разведать краковский гарнизон противника, установить количество и нумерацию немецких войск, сосредоточенных в районе этого города; вести наблюдение за воинскими перевозками по железным и шоссевым дорогам, проходящим через Краков; установить, какую и в каком количестве боевую технику противник сосредоточивает на западном берегу Вислы. В числе главных задач группы были выявление и установление точного расположения штабов, узлов связи, аэродромов и складов противника в городе Краков и его окрестностях”.

Березняк и его группа действовали совместно с партизанами Армии Крайовой и подпольщиками-поляками. Часто бывали в отряде, созданном бывшими советскими военнопленными, бежавшими из концлагерей.

Однажды они захватили в плен немецкого офицера, который на допросе рассказал о готовящейся операции по взрыву Кракова. Город, его основные здания, должен был взлететь на воздух в тот момент, когда в него войдут части Красной Армии.

Березняк заставил пленного офицера нарисовать схему минирования города по памяти. Затем передал её в разведотдел штаба 1-го Украинского фронта.

Дальнейшая судьба Березняка и его группы сложилась более чем драматично. Достаточно сказать, что День Победы все они встретили в Подольском проверочно-фильтрационном лагере НКВД № 174. Правда, вскоре оттуда были всё же выпущены и награждены боевыми орденами СССР.

В 1994 году Краков отмечал 50-летие освобождения от немецкой оккупации. Одна из общественных организаций Польши пригласила в гости бывшего разведчика Евгения Степановича Березняка. Человек, которого с пристрастием допрашивали в краковском гестапо в 44-м, прочитал в местной газете “Голос Кракова”: “18 января 1945 года в Краков ворвались полураздетые, пьяные солдаты Конева. Начались грабежи и издевательства... В связи с 50-летием “освобождения” завтра, 18 января, левые силы собираются возле памятника благодарности Красной Армии... Тот, кто почитает оккупантов своей землей, добровольно вычеркнет себя из списков поляков...”

Вот как вспоминал то, что произошло дальше, сам Е. С. Березняк: “А на следующий день было большое собрание краковской интеллигенции в Ягеллонском университете. Мне предоставили слово, и я прочитал эти слова из газеты. Сказал, что мне известно, что в зале есть люди, готовые подписаться под этой публикацией: “Так вот я к вам, господа, обращаюсь. Ответьте, на каком основании вы меня называете оккупантом? Я летел к вам тогда, когда в нашей стране уже не было немцев. Я летел к вам, зная, что 75 процентов десантников погибает. Почему вы называете оккупантом мою радистку, которой не было 18 лет? А вы знаете, что если бы не войска маршала Конева, не было бы этого университета? Был бы уничтожен театр имени Юлиуша Словацкого, историческая память Кракова — Вавель”. Тишина стояла гробовая, а когда я закончил — взрыв аплодисментов, весь зал поднялся, овация была минут пять. Так меня встретили при Валенсе”.

20 января, когда войска ушли уже далеко вперед, Конев прибыл в Краков. Везде виднелись таблички: “Очищено от мин”, “Мин нет”, “Разминировано”. Ещё работали сапёры, стаскивая в кучи к дорогам связки противотанковых мин и ящики со взрывчаткой.

Кто-то из офицеров штаба предложил:

— Товарищ маршал, а не устроить ли нам хотя бы краткую экскурсию по Кракову? Действительно, красивый город.

— После войны, — сухо отреагировал Конев.

После войны он действительно побывал здесь. В 1955 году его пригласили на 10-летие освобождения города. Поляки тогда ещё всё помнили, в том числе и то, кто в действительности спас их город от динамита, и не лгали ни себе, ни другим. Это потом они начали менять политику и своё отношение к соседям и к своей истории.

Вот тогда, десять лет спустя, он с удовольствием и благодарностью осмотрел город. Побывал в Новой Гуте — промышленном районе, построенном уже после войны. В 45-м на месте новостроек был пустырь, полигон, предполье, через которое танки Полубоярова и пехота Коровникова ворвались в Краков.

В 1987 году граждане Кракова установили в своём городе памятник Коневу. Но в 1991 году его демонтировали. Власть в Польше поменялась, и поляки начали срочно менять свою историю. Статую вывезли в Советский Союз.

Наталья Ивановна Конева вспоминала пережитые ею неприятные мгновения, когда по телевидению увидела кадры демонтажа памятника: “Фигуру отца с верёвкой на шее стаскивали с пьедестала. Повешенный за преступления? — только такая ассоциация возникала тогда”.

В 1995 году памятник, вывезенный из Польши, стараниями кировских властей и Министерства обороны РФ установили в Кирове, на площади Конева. Во время транспортировки часть фигуры была повреждена, но на родине её полностью отреставрировали. Установили монумент на новом пьедестале.

Памятник выдворят, совесть убудет.

Голос забвения стих.

Есть чем гордиться, вятские люди:

Мы не бросаем своих.

Николай Пересторонин, г. Киров

Поляки пишут для себя странную историю. В путеводителях по Кракову, к примеру, путешественник не найдёт информации о том, что Красная Армия освобождала Краковское воеводство от немецкой оккупации, а Краков спасла от полного разрушения. Даже об Освенциме, который находится неподалёку, пишут, что “немецкая армия ушла из Освенцима...”

Представьте себе такую фразу: “Немецкая армия ушла из Восточной Пруссии...” Впрочем, по-польски, как оказывается, — можно.

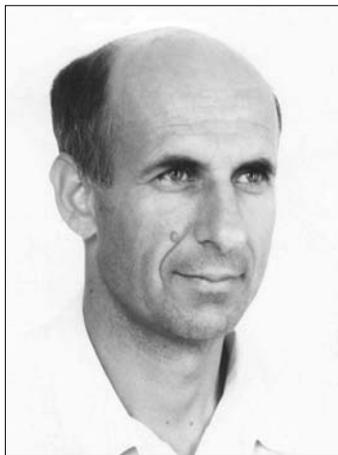
“Майор Вихрь” Юлиана Семёнова родился после того, как писатель заинтересовался темой спасения древнего Кракова от варварского разрушения. В 1963 году в “Красной звезде” появилась статья о действиях советских разведчиков в районе Кракова. В том же году правительство Польской Народной Республики наградило советского военного разведчика Евгения Березняка высшим польским орденом “Виртути Милитари” и Золотым Крестом партизанской славы. Юлиан Семёнов заинтересовался этой историей и, видимо, не совсем доверяя родным источникам, поехал в Краков, чтобы, как говорится, на месте событий разобраться в том, что же там действительно произошло, а что — легенда. Съездил и ничего толком не услышал от “участников” и “героев” спасения Кракова. А дело в том, что они, действительные участники и герои, жили тогда кто в Белоруссии, кто на Украине, кто в России. Пользуясь связями, обратился к начальнику Главного разведывательного управления генерал-полковнику П. И. Ивашутину. Генерал Ивашутин передал писателю для ознакомления папку с документами о деятельности разведгруппы “Голос” в августе 1944 — январе 1945 годов на территории Краковского воеводства и непосредственно в Кракове.

Спустя год страна читала увлекательный новый роман Юлиана Семёнова под названием “Майор Вихрь”. Потом появился художественный фильм.

Древний Краков знает, кто его спас. Кто, рискуя жизнью, добывал схемы минирования зданий, а потом, под сплошной сетью пеленгаторов, переправлял данные в разведотдел фронта. Кто рубил кабели, тянувшиеся от контейнеров с динамитом к замыкателям. Кто отдал приказ не применять тяжёлую артиллерию во время штурма города.

История пишется кровью, страшно; это потом её, без всякого страха, без совести, переписывают бледными чернилами вороватые потомки героев...

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ

ВЁРСТЫ РОДИМОЙ ЗЕМЛИ...

* * *

Край родной, я тебя не забыл:
Вновь гудят вдоль дороги столбы,

Вьюга в поле заносит мой след,
Где в сугробах стоит сельсовет.

Как мне быть, я не знаю теперь, —
Кто откроет мне в прошлое дверь,

Кто из вьюги окликнет меня —
В дом войти, посидеть у огня.

* * *

Там речка Перетна течёт,
И Поцелуев мост горчит,
И время открывает счёт
Тем дням, где музыка звучит.

ОБЪЕДКОВ Анатолий Романович родился в 1949 году на Тамбовщине. Автор семи поэтических сборников. Стихи публиковались в еженедельнике "Литературная Россия", в газете "День литературы", журналах "Север", "Невский альманах", "Наш современник", в альманахах "День поэзии", "День русской поэзии". Член Союза писателей России. С 1974 года живет в Великом Новгороде.

Ель на туманном берегу
Стоит невестой много лет.
Твою я нежность берегу,
Которой был всегда согрет.

Меня манил твой милый край
Болотным криком кулика,
Ночную мглой, когда сарай
Скрипел и плавилась тоска...

А лес угрюмо вдалеке
Молчал, величие храня.
И отражалась ты в реке,
И не скрывалась от меня.

Теперь парахинскую грусть
Несёт журчащая вода,
Её я помню наизусть...
В ней наши кружатся года.

* * *

Столько их, окон забитых,
Сколько надежд не сбылось...
Шепчутся с ветром ракиты,
Стонет тележная ось.

Скрип её стихнет под вечер,
Перепел крикнет вдали.
Скроет туманная млечность
Вёрсты родимой земли.

* * *

Степей сомкнулась линия,
Как будто вышла Скифия

К причерноморской вольнице,
Где день к закату клонится,

Где жжёт его дыхание,
И живо здесь предание

О сильном, смелом племени,
Затерянном во времени,

Засыпанном курганами
За синими туманами.

* * *

Вымирают русичи мои,
Держат нас упорно в чёрном теле.
Господи, народ благослови
Разобраться в диком беспределе.

Как случилось, что мы вновь в плену
Тёмных сил. Как в этом нам признаться?
Строя сверхдержавную страну,
Мы теперь вне всех цивилизаций...

Выдюжить, хотя бы выжить нам,
Справиться бы с тяжким лихолетьем...
Вот о чём гудит надрывно храм,
Вглядываясь в новое столетье.

* * *

Снега дороги замели,
Но разве страшно нам с тобою?
Здесь — райский уголок земли,
Хранимый дедовской избою.

Её не видно вдалеке,
Но нас теперь сближает вьюга
И шелест листьев на дубке,
И хлеба чёрного краюха.

Во мгле затерянный погост
Не веет чем-то неизбежным,
Он кажется простором снежным,
Где знаки встали в полный рост...

Мы новую факелы зажжём,
И санный путь проглянет в поле.
И будет нам светло, как днём,
И жизнь дохнёт забытой волей.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Далеко не всё можно принять в статье А. Н. Севастьянова. Он явно переоценивает деловые и нравственные качества наследственной дореволюционной элиты. И столь же очевидно недооценивает советскую, пополнявшуюся прежде всего за счёт крестьянства. Между прочим, класса столь же национально укоренённого, как и дворянство. Автор почему-то не отмечает это обстоятельство. Так же, как и то, что на высших управленцах Российской империи лежит вина за втягивание страны в две абсолютно не нужные ей войны – японскую и Первую мировую. Сравним: как искусно маневрировало советское руководство, до последнего пытавшееся предотвратить войну между СССР и Германией (на что обращает внимание Я. Алексейчик в статье, которую мы публикуем в этом же номере журнала).

Несерьёзно, особенно для такого опытного автора, как А. Н. Севастьянов, игнорировать общеизвестный факт: советский период стал эпохой высшего взлёта страны в военном, технологическом, экономическом отношении. Да, этот успех достигнут дорогой ценой, за счёт страшных жертв – далеко не всегда оправданных. Но и другие ключевые моменты строительства государства – образование Русского царства, а затем Российской империи – без многочисленных жертв не обходились! Причём и Грозный, и Пётр срезали именно традиционные элиты: удельно-княжескую, а затем боярскую. Правда, Пётр предпочитал бояр перевоспитывать. Перековывал – почти буквально. В кровавый восторг по этому поводу я не впадаю. Но это наша история. Скорбя о жертвах, понимаю необходимость перемен.

Замещение элит происходило и в последующие эпохи, хотя и не столь масштабно. Не всегда оно шло на пользу стране. Оценим пушкинский сарказм по поводу сиятельных выскочек, сполна выраженный в “Моей родословной”:

*Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин:
Так как мне быть аристократом?
Я, слава Богу, мещанин.*

Не могу принять авторские восторги по поводу селекции английской элиты. Достаточно указать на фигуру наиболее известного английского политика последних десятилетий – Маргарет Тэтчер. Дочь бакалейщика, она начинала обучение в обычной школе, правда, впоследствии не миновала Оксфорд, однако её образование химика язык не повернётся назвать элитарным.

Спорить и спорить с Александром Никитичем. . .

Но. В патриотической политологии нет исследований современной российской элиты. Замечательная статья А. С. Панарина “Народ без элиты: между отчаянием и надеждой” посвящена всё-таки народу, а не управленческому сословию. Статья А. Н. Севастьянова, пусть и спорная, представляет в этом плане несомненную ценность. Тем более, что основана на массе интереснейших статистических данных – о национальном происхождении нынешней российской элиты, её социальных и профессиональных корнях, её образовании. Да и написан материал, отмечу с удовольствием, ярко и размашисто.

Словом, рекомендую. Не как истину в последней инстанции, а как полезное чтение, побуждающее к размышлению.

Александр Казинцев

СУДЬБА ЭЛИТЫ — СУДЬБА НАЦИИ

Что такое элита? Зачем она нужна — всему обществу в целом? По каким законам она живет? Каким критериям должна соответствовать? Эти вопросы особенно актуальны для нас, русских.

Что такое элита?

Как говорил историк Борис Поршнеv: “Социальное не сводится к биологическому. Социальное не из чего вывести, кроме как из биологического”.

Элита в биологии — совокупность особей, в наивысшей степени наделенных всеми отличительными характеристиками вида, и при этом прошедших жесткий, а то и жестокий отбор внутри популяции*.

Элита в социологии — биосоциальный экстракт нации, состоящий из наиболее одаренных, образованных и состоявшихся в личном и общественном плане ее представителей, наделенных ярко выраженным и глубоко осознанным инстинктом национализма.

Оглянемся на Природу. Любая стайная общность имеет естественно пирамидальную структуру. На самом верху высокоранговые альфа-особи, “доминанты”. Их немного, иногда всего один вожак. Ниже — средне-высокоранговые бета-особи, “субдоминанты”; их больше. Еще ниже — средне-низкоранговые гамма-особи, их еще больше. А больше всех — низкоранговых дельта-самцов и самок.

То же мы видим и в человеческом сообществе. Это те же четыре касты (по законам Ману) или четыре группы общества (по Аристотелю).

По мнению селекционеров, евгенистов и этологов, биологическая элита любой популяции составляет стабильный (от 2 до 4) процент. Всегда, у всех. Не больше, не меньше. У крыс, у обезьян, у поросят, у голубей, у людей...

Никуда от этой структуры, предусмотренной Природой для Общества, не деться, ни с гуманизмом, ни без него, ни с язычеством, ни с христианством, ни при феодализме и капитализме, ни при социализме и коммунизме.

Нелепо думать, что только люди физического труда есть основа нации, лишь потому, что их абсолютное большинство. Не может популяция состоять только из гамма- и дельта-особей, без альфы и беты. Это будет дефективная, слепоглухонемая популяция, обреченная на гибель.

Не стоит восставать против естественного порядка вещей. Не предьявляйте Природе невыполнимых требований, не пытайтесь гнать Природу в дверь, ибо она влетит в окно. Без альфа-самцов популяция существовать не может: ее некому будет защищать. Да она и не останется никогда без своих альфа-самцов, ибо свято место пусто не бывает, если выбить всех наличных альфа, на их место тут же встанут вчерашние бета: четырехзвенная структура быстро восстанавливается.

Известный ученый-этолог Виктор Дольник в своих трудах подробно описывает образование иерархической пирамиды в мире животных. В частности,

* Первым термин “элита” ввел в политологию итальянский мыслитель Вильфредо Парето (1848–1923). Элита, по Парето, — это совокупность лиц, имеющих наивысшие индексы в своих профессиональных сферах деятельности. Понятно, что если мы говорим об элите безотносительно к ее национальной принадлежности (например о мировой футбольной или шахматной элите), то можно ограничиться и таким определением. Но если мы говорим об элите народа, нации, то в силу биологической природы этих феноменов нам не обойтись без биосоциального подхода.

у обезьян, чьи сообщества так напоминают нам людские коллективы. Он резюмирует:

“Группа предоставленных самим себе людей собирается в подобную иерархическую пирамиду. Это закон природы, и противостоять ему нельзя... В силу инстинктивных программ люди самособираются в иерархические пирамиды, это почти так же неизбежно, как образование кристаллов...”

Некоторые этнографы прошлого века представляли себе первобытное общество как общество равных. Но теперь мы знаем, что это не так. Оно могло быть построено и было построено по иерархическому принципу, и жизнь в нем была разной в зависимости от того, какими оказывались иерархи – мудрыми, сильными вождями, свирепыми громилами или бесноватыми колдунами”.

От Аристотеля и до наших дней люди чувствовали и понимали внутреннюю необходимость и оправданность возникновения элит. Поэт и мыслитель, друг Пушкина Петр Андреевич Вяземский писал о том же другими словами:

“В обществе нужна некоторая подчиненность чему-нибудь и кому-нибудь. Многие толкуют о равенстве, которого нет ни в природе, ни в человеческой натуре. Нет ничего скучней томительней плоских равнин: глаз непременно требует, чтобы что-нибудь, пригорок, дерево, отделялось от видимого однообразия и несколько возвышалось над ним. Равенство перед законом дело другое. Но равенство на общественных ступенях – нелепость”.

Зачем нужна элита?

В природе нет ничего бесполезного, несообразного. Если у каждой биологической популяции, включая людей, всегда возникает своя элита, значит, это зачем-нибудь нужно. Зачем?

На первый взгляд, существование элит только осложняет жизнь нижних этажей общественной пирамиды. Тот же Виктор Дольник пишет о том, как трудно ведется порой борьба за иерархический ранг, составляющая едва ли не самое главное в жизни самца:

“Борьба эта ведется сурово, с драками, а проигрыш в ней означает постоянное унижение, страх, необходимость отдавать доминантам лакомые куски. Занимающие низкий ранг павианы находятся в стрессе, чаще заболевают, меньше живут. Когда читаешь работы, описывающие все ухищрения, к которым они прибегают для того, чтобы изводить друг друга, временами тошно становится”.

Понятно, что низы общества всегда недовольны самим фактом существования верхов.

Но и верхам приходится высокой ценой оплачивать своё верховенство.

В жизни представителя элиты обязательно наступает критический момент, когда, собственно, и происходит проверка его элитарности. Своего рода звездный час, “момент истины”.

Этолог Дольник пишет об этом так:

“Геронтов-павианов ждет один из двух финалов: или их свергнут, или они погибнут в схватке с леопардом. Леопард – самый опасный хищник для всех живущих в саванне обезьян. Он охотился и на всех наших предков, охотится на людей и поныне. Павианы боятся его всю жизнь. Но может настать день, когда доминанты переломят в себе этот страх и навяжут леопарду смертный бой”.

Именно так обстоит дело и в мире людей. Безусловно, любое человеческое общество нуждается в персонале, способном этим обществом управлять, как-то регулировать его жизнь*. Но главное не в этом. Вождь ты или не

* Функциональность элит как их оправдание выдвигал еще немецкий социолог Карл Маннгейм, который в своей работе “Man and Society in an Age of Reconstruction” (1941) определял элиты как часть системы коллективной ответственности и обязательств, чье существование определяется не волей к власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в профессиональном исполнении стратегических функций. Американский социолог Сьюзанн Келлер развила эту позицию: “Понятие элиты относится прежде всего к меньшинству индивидов, предназначенному служить коллективу общественно полезным путем. Элиты – это эффективные и ответственные меньшинства» (Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. NY: Random House, 1969. P. 21). На мой взгляд, такой подход идеализирует человеческое общество и напрасно игнорирует его биологическую природу, излишне схематизирует и рационализирует общественные отношения. Но своя доля истины в нем есть.

вождь, элита или не элита – определяется в момент решающей, смертельной схватки с самым опасным врагом твоей популяции, твоего народа.

В XVI веке во Францию из Америки привезли индейцев тупинамба и показывали их публике. Философ Монтень спросил через переводчика, какими правами обладает их король. “Первым идти в бой и погибнуть”, – таким был ответ.

Этот ответ следует считать образцовым, хрестоматийным.

Очень яркий и наглядный пример подобного поведения мы получили в ходе Великой Отечественной войны. В начале: Сталин отказался покинуть Москву в момент, когда к ней подошел “немецкий леопард”. И в конце: Гитлер отказался покинуть Берлин в момент, когда к нему подошел “русский леопард”. Оба они самым убедительным способом подтвердили свой статус вождей своих народов, истинных альфа-самцов, доминантов: поставили на кон собственную жизнь в беспощадной борьбе.

Вот в чем заключается высший смысл, высшая целесообразность, высшее оправдание элит: в их способности жертвовать собой ради своего народа. Элита должна быть глубоко националистична от природы.

Это главный, все определяющий критерий, квалификационный тест на элитарность.

Способен пожертвовать собой ради своего народа – значит, элита. Не способен – значит, не элита или псевдоэлита, сколько бы ты ни набрал себе власти и имущества, как бы высоко ни вознесся и что бы о себе ни думал.

Посмотрим с этой точки зрения на историю русской элиты: что было и что стало.

I. БЫЛА ЛИ НА РУССКОМ ТЕЛЕ РУССКАЯ ГОЛОВА?

Была ли у русских настоящая элита, соответствующая вышеприведенному критерию? А если была, то что с нею случилось, куда она делась?

Ответить на этот вопрос легко. Достаточно заглянуть хотя бы в галерею Зимнего дворца, посвященную героям Отечественной войны 1812 года. Там представлен целый класс истинно элитарных персонажей: все они – выходцы из господствующего сословия русского народа, природные хозяева страны, но притом без рассуждения готовые положить свою жизнь за Отчизну и свой народ.

Вспомним, как прославлен в высшем свете был генерал Николай Раевский, о подвиге которого много говорили и писали и даже создавали картины и гравюры. Историк Чекмарев пересказывает этот популярный сюжет так:

“23 июля 1812 года, у деревни Салтановка, корпус Раевского принял тяжелейший бой с пятью дивизиями маршала Даву, французы превосходили русских и в штыках и в артиллерии, но в самый критический момент генерал Раевский повел в атаку Смоленский полк, рядом с генералом были его сыновья, 17-летний Александр и 11-летний Николай. Александр, идя в атаку рядом с отцом, поднял выпавшее из рук раненого подпрапорщика знамя и вырвался вперед. Вражеская картечь попала генералу в грудь, одежда на маленьком Николае была пробита пулями, но порыв русских войск было уже не остановить. Благодаря подвигу Раевского и его солдат, Багратион успел форсировать Днепр и уйти на соединение с армией Барклая, чем привел Бонапарта в бешенство”.

Даже если это и небылица, сочиненная в Петербурге (как считают некоторые), то в высшей степени характерная, показательная.

Вот такой была русская элита. Ни себя, ни своих детей не щадила!

И была она такой испокон веку. Если листать истории боярских и дворянских родов, мы встаем перед фактом: редко кто доживал свой век в поместье и умирал от старости. Чаще – на поле боя или от старых ран. Уж на что неоднозначная личность Малюта Скуратов, а и тот погиб от стрелы в горячем бою, возглавив штурм ливонской крепости!

“Не станет пахотника – не станет и бархатника”, – гласит русская пословица. Она верна. Но верно было и обратное. Не крестьяне, выставлявшие не более одного рекрута со ста семей, а именно русские дворяне, имевшие в каждом роду свой героический мартиролог, были настоящим “пушечным мясом” России и русского народа.

Надо отметить, что высокой жертвенностью отличалась и контрэлита – те же революционеры, начиная с декабристов, которые положили на алтарь Отечества свои жизни, свободу, положение в обществе. Не случайно среди декабристов было немало офицеров, насмерть бившихся с наполеоновским нашествием: просто один вид служения своей стране и народу сменился для них другим.

Особо следует сказать тут не только о русской военной, но и об интеллектуальной элите – ученых, писателях, композиторах, государственных деятелях, – наиболее значительная часть которой связана происхождением с социальными элитами: дворянством, священничеством, предпринимательскими слоями.

Эту свою духовную элиту Россия растила тысячу лет – ни много ни мало. Всеми своими корнями она была связана с Россией, ее историей, ее бедами и победами, поражениями и завоеваниями, радостью и болью. Никогда не отдаляли эти люди себя, свою судьбу от судьбы России и своего родного русского народа! Критикуя – порой жестоко, наотмашь – российские порядки, российскую власть, они хотели изменить свое Отечество, но не хотели ему изменять! Они любили Родину, не могли жить без нее.

Особенно ярко проявилось это качество в феномене русской эмиграции первой волны после революции 1917 года. Оторванные поневоле от своей Родины, они не пускали корни в приютивших их землях, а “жили на чемоданах”, по выражению Надежды Тэффи, жили Россией и для России, для нее творили, надеясь вернуться “к своим” если не при жизни, то хотя бы посмертно, своим творчеством.

Когда мы говорим об укорененности русской элиты в русской народной жизни, о ее неотрывности от России, следует помнить об одном важнейшем обстоятельстве, отличавшем российскую элиту от элит, скажем, западных стран.

Русское дворянство, благодаря введенной Петром Табели о рангах (1714), было не просто социальной, но биосоциальной элитой русского народа. А это колоссальная разница, отличающая русское дворянство от европейской родовой аристократии.

В течение двухсот лет оно принимало в свой состав все самое лучшее, что только мог предложить русский национальный генофонд. Из этого процесса были исключены (хотя и не вполне) только крепостные крестьяне, черносошные в нем участвовали. Все самые умные, самые инициативные, самые пробивные и целеустремленные, самые одаренные, смелые, а иногда и просто физически сильные русские люди, достигнув по службе или по учебе определенного ранга, получали вначале личное, а там и потомственное дворянство.

Их численность и удельный вес в составе сословия постоянно возростали по сравнению с представителями древних дворянских родов; уже к концу первой трети XIX века новым дворянам принадлежало более 60% помещичьих земель, а ведь приобрести землю мог далеко не бедняк. Из дворянских литераторов XVIII века (653 человека) каждый пятый был дворянином по выслуге. Российские вузы, армия, флот, бюрократическая система ежедневно поставляли этому сословию все новые кадры. В 1912 г. выходцами из дворян было уже только 36,3% офицеров, а 25,7 процента – выходцами из крестьян. В годы Первой мировой войны доля офицеров из разночинной и крестьянской среды еще более выросла. Все они могли в свой черед претендовать на дворянство.

Ни в одной европейской стране не было такого, чтобы человек, закончивший академию художеств или университет, автоматически получал дворянское звание, а в России было именно так. Элита не отгораживалась от народа, элита пополнялась выходцами из всех сословий за личные заслуги, это очень важная подробность.

Сардинский посланник в России Жозе де Местр, известный своей наблюдательностью, писал графу де Валуэу о наших порядках: “Дворянское звание лишь помогает достичь чина, но ни один человек не занимает выдающегося положения благодаря одному лишь рождению; это и отличает сию страну от всех прочих”.

Таким образом, к концу царского режима русское дворянство представляло собой в генетическом отношении сливки сливок русского народа. Его БИОсоциальную элиту, двести лет впитывавшую в себя, посредством действия Табели о рангах, лучшие народные соки. Это факт, и малейшему сомнению не подлежащий.

Как ни парадоксально, но русское дворянство было самым народным из всех дворянств мира. Эта мысль покажется поначалу странной, быть может, но было именно так. “Народное дворянство” – это не оксюморон, а живая реальность российской жизни накануне революции. Дворяне тех лет – это вовсе не сословие угнетателей: крепостного права уже не было более 50 лет, основная масса дворянства были служивые люди, в том числе офицеры, врачи и учителя. Это уже ни в коей мере не были хозяева жизни, хозяева страны. Обеднение, разорение дворянства после Великой Реформы 1861 года развивалось стремительно и неотвратимо. В 1916 году уже не дворяне, а крестьяне засевали 89,3 процента всех земель на правах собственников и арендаторов и владели 94 процентами сельскохозяйственных животных. Как общественно-экономический класс русское дворянство сошло с исторической сцены задолго до революции.

По мере приближения к роковой черте Октября процесс обрусения и генеалогического сближения с народом дворянства только усиливался. Госаппарат и армейское офицерство становились все более демократическими по способу своего комплектования, а значит, и более русскими по составу.

Однако до конца обрусеть российской военной и административной элите так и не удалось. Беда в том, что после неудачного восстания декабристов русская дворянская элита, полновластная управлявшая Россией с правления Елизаветы Петровны и даже свергавшая и казнившая царей, пытавшихся увести Россию с национального пути (Брауншвейгскую династию, Петра Третьего, Павла Первого), вся в целом попала под подозрение и была отодвинута от рычагов управления, потесненная, в основном, немцами и поляками. К примеру, немцы составляли очень важную часть императорской власти, временами – до 30 процентов должностей в высшем аппарате, особенно в МИДе, армии и полиции.

Это обстоятельство сыграло свою роль в отчуждении русского народа от российской элиты и послужило одним из катализаторов революции.

Что с русской элитой сделала революция

Если у какого-либо народа отсутствует, резко ослаблена или недостаточна сплочена собственная национальная элита, осуществляющая, в том числе, государственную власть, то ее место обязательно займут представители иностранных элитных групп. Они без труда проникают в элитные слои всех ключевых сфер общества, а затем посредством этнического протекционизма, но в ущерб коренному народу становятся господствующей прослойкой элиты. Прежде всего в финансах и экономике, СМИ, творческих профессиях, культуре и искусстве. Во всех этих сферах они играют роль своего рода администраторов, бесцеремонно навязывая всему обществу выгодные только им самим, но чуждые национальным традициям коренного народа общественно-государственный строй, мировоззренческие и культурные нормы и т. д. и т. п.

В СССР все это произошло, в первую очередь, с русским народом, чья национальная элита оказалась наиболее жестоко и последовательно истреблена или вытеснена из верхнего слоя общества – либо эмигрировала.

Это обезглавливание нации было теоретически обоснованным, подготовленным. Не кто иной как Александр Радищев в своем “Путешествии из Петербурга в Москву” писал: “О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь в отчаянье своем, разбили железом, препятствующим их вольности, главы наши, главы бесчеловечных господ своих и кровью нашей обгарили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды его исторглись бы великие мужи для заступления избитого племени. Но они были бы других о себе мыслей и лишены права... Не мечта это, но взор пронизает густую завесу времени, скрывающую от очей наших будущее. Я зрю через целое столетие”.

И вот через столетие произошло ровно то, что напроорочил Радищев. Железом были разбиты головы господ... .

Большевики (да и не только они) не видели в этом ничего страшного, антигосударственного. Ибо принято было считать, будто биологический ресурс народа бесконечен. Подумаешь, какая разница! Ну, уничтожим мы три процента населения – так называемую элиту – так на ее место встанут другие три процента. И даже не три, а тридцать три, и еще краше, умнее, значи-

тельнее и вообще лучше, поскольку все будут из народа и будут исповедовать коммунизм.

Ленин считал, что русский генофонд неисчерпаем, и Сталин считал, что генофонд неисчерпаем: “Этих уберем, на их место придут другие, незаменимых у нас нет”. И так всегда считали, глядя на них, все власть имущие в советской России. Все искренне думали, что народ все время может и будет поставлять элитарные кадры. Элитарные, прежде всего, в биологическом смысле: сильные, умные, талантливые и пр.

Вот где был корень колоссальной ошибки! Ибо биологическая элитарность – это свойство наследственное. От осинки не бывает апельсинки, недаром говорит народ. Эта поговорка прекрасно обоснована в известном научном труде Фрэнсиса Гальтона “Наследственность таланта”.

Если срезать верхний, “черноземный” слой народа, то на его место новый “чернозем” из глубины просто так сам собою не поднимется. Должны пройти поколения, прежде чем он сформируется.

Теоретическая ошибка, которую столь ярко сформулировал Радищев и которую потом вся революционная Россия считала за аксиому, привела к катастрофическим последствиям.

Что же произошло с природной русской элитой в результате Октябрьской революции, гражданской войны и советской власти?

От дворянского сословия в сегодняшней России остался примерно один процент. Но ведь не только дворяне входили в состав тысячелетней национальной элиты.

Священники, примерно 500 тысяч человек с домочадцами. Начиная с екатеринских времен церковные должности наследовались: старший сын священника имел право наследовать отцу. И все дети священника (кроме девочек, конечно) имели право поступить и окончить духовную семинарию. У священников, как правило, было много детей. Старший сын, предположим, шел по стопам отца. А куда девались остальные сыновья, окончившие семинарию? Они получали второе образование, становились учителями, врачами, переводчиками. Это сословие непрерывно поставляло почти исключительно русскую по крови (!) разночинную интеллигенцию. Вспомним, что дедом Белинского, как и Достоевского, был священник, а Чернышевский, Добролюбов, Каронин-Петропавловский, Левитин и многие другие были детьми священников. А ведь это были духовные лидеры русской интеллигенции, начиная с 40-х годов XIX века. И вот этот контингент тоже был уничтожен после 1917 года.

Не забудем причислить к русской элите и русское купечество. По статистике, по последней дореволюционной переписи, чуть ли не 70 процентов российского предпринимательского класса – евреи. Но это цифра лукавая, потому что на самом деле вообще все евреи записывались в какие-то мелкие предприниматели. Только жили они компактно, а за пределами черты оседлости еврейский капитализм был мало кому знаком. А все держалось – бизнес, предпринимательство, купеческое сословие в целом – на русских Колупаевых и Разуваевых. Возьмем верхние три тысячи самых богатых капиталистов России: примерно половина фамилий там абсолютно русские. И как всегда, чем ниже мы спускаемся с Олимпа предпринимательского, тем чаще мы встречаем русские фамилии. Русский предпринимательский класс был уничтожен под корень, большевики этим хвастались особо.

Мы не можем забыть и о том, что 2,7 процента занятого населения, по последней российской переписи, это была интеллигенция, люди умственного труда. И интеллигенция в массе своей тоже была русской: до 56 процентов студентов в технических вузах перед революцией были и вовсе дети русских крестьян и рабочих. То есть инженерный корпус был в основном русским, медицинский и педагогический корпуса были в основном русскими. Значительное количество нерусской (еврейской, в первую очередь) интеллигенции концентрировалось в журналистике и критике, определенный процент был в театральной, музыкальной сфере – богеме, одним словом. Но если мы возьмем писателей, художников, то нерусские имена среди тех, кто творил культуру Серебряного века, встречаются достаточно редко, и что-то нерусское обнаружить в их творчестве бывает достаточно сложно*. А имен первого ряда среди них и вовсе почти нет. Время Шагала и его круга, время Мандельштама и Пастернака, Багрицкого и др. придет уже после революции.

* Исключение, пожалуй, братья Бурлюки.

Примерно 86 процентов населения России составляли крестьяне, а интеллигентская прослойка была крохотной, тоненькой плёночкой на раскаленной магне народного восстания. Удержать эту магму тоненькой плёночка, конечно же, не могла, смешно было бы даже об этом мечтать.

Судьба этой плёночки была очень печальной. Примерно половина эмигрировала, оставшиеся превратились в “лишенцев”.

Уничтожена была и крестьянская элита – кулаки и значительная часть середняков. И казачество – от века авангард русского народа.

Истребление русской тысячелетней элиты и возникновение нового правящего слоя сопровождалось даже антропологическими изменениями. Если среди высших чиновных и воинских кругов, иерархов церкви до революции заметно преобладали долихоцефалы (длинноголовые), то советская власть вывела на самый верх сплошь брахицефалов (круглоголовых – Жданов, Хрущев, Маленков, Ворошилов и многие другие).

Еще заметнее были этнические перемены в составе элиты. Вакуум, образовавшийся на месте русской и немецкой политической, военной, экономической и интеллектуальной, духовной элиты, заполнился молниеносно. На долгое время у руля страны оказались евреи (в центре – и на местах), пока их не начал вытеснять Сталин и сталинцы. А в духовной и умственной жизни еврейское засилие не изжито и до сих пор.

Была ли русская советская элита?

И да, и нет.

Научная, творческая элита – безусловно была.

А биосоциальная, без которой невозможна полноценная жизнь популяции – нет. Хотя выдающиеся люди, обладавшие властью в обществе и готовые за эту власть (а часто и за это общество) идти на смерть, были в немалом количестве. Взять хотя бы весь офицерский корпус, созданный в ходе Великой Отечественной войны, от лейтенантов до маршалов. Многим из них после войны суждено было стать руководящими кадрами в самых разных отраслях. Смерть ходила рядом с ними и на фронте, и в мирной жизни, но ни военная опасность, ни даже угроза несправедливого суда и расстрела не могла остановить их путь наверх.

Была, безусловно, и естественная селекция, поднимавшая из глубин народной жизни в верхние слои людей, одаренных талантом. Если полистать справочники Константина Залеского “Империя Сталина” и “Кто был кто в истории СССР”, там приведены более тысячи биографий людей, занимавших видное положение между 1924 и 1953 годами, и не только в столицах, но и в республиках, в провинции. Подавляющее большинство этих биографий начинается одинаково: родился в таком-то селе такого-то уезда такой-то губернии*. И это лишь верхушка айсберга. Форсированное раскрестьянивание, сопровождавшее урбанизацию и индустриализацию, поставило миллионы русских людей из деревни – в город, и не только на физическую работу, но и на ответственные посты в науке, армии, народном хозяйстве, партийном и советском руководстве.

Впечатление такое, что многовековой процесс естественного отбора, шедший своим ходом тысячу лет, вдруг с бешеной скоростью охватил весь русский народ и... выжал его за ничтожные сто лет, как лимон. После чего встал вопрос, что же будет с этой новоявленной элитой? Какая судьба ее ждет? Укрепитесь, уцелеет ли она – или сойдет со сцены?

Элита эта ведь не была потомственной, однако стремилась к закреплению социальных привилегий за семейными кланами, стремилась создать то, что Сталин называл “проклятой кастой” и с чем боролся всеми силами. Но ни секретари обкомов, ни директора предприятий и колхозов-совхозов не могли оставить свой пост в наследство сыну. И даже далеко не всегда могли владеть этим постом пожизненно. Быть сегодня на самом вершине общества, а завтра превратиться в лагерную пыль или просто в тело с дыркой в черепе – такая перспектива волей-неволей формировала у основной массы советской псевдоэлиты психологию не хозяев страны, а временщиков.

* На это обратил мое внимание историк А. Б. Горянин.

Надо добавить, что далеко не во всех сферах селекция носила естественный характер, а нередко принимала характер и противоестественный, превращаясь в своего рода антиселекцию. Не кодекс чести, а кодекс бесчестия был общепотребителен для многих и многих профессий, особенно связанных с идеологией. Антиселекция порождала антиэлиту...

После смерти Сталина смертельный риск от пребывания в составе руководства страной упал до нуля, а с ним стало падать и основное качество, делающее элиту элитой – жертвенность. А вот синдром временщика, наоборот, неуклонно укреплялся, чем во многом и объясняется революция 1991–1993 гг., в которой партийно-хозяйственная элита Советского Союза оказалась кровно заинтересована. Трансформация единого социалистического СССР в россыпь отдельных капиталистических стран (из которых все, кроме России, оказались к тому же этнократиями) соответствовала устремлениям этой элиты, о “перерождении”, “обуржуазивании” которой написано немало.

Не случайно, как пишет автор книги “Анатомия российской элиты” социолог Ольга Крыштановская, изначально 61 процент новых предпринимателей, относящихся к группе бизнес-элиты, ранее работали в органах власти, причем из них были на партийной работе 13 процентов, на комсомольской – 37 процентов, работали в исполкомах Советов народных депутатов – 4,3 процента, на номенклатурных должностях в министерствах и ведомствах – 37 процентов, в других органах власти – 8,6 процента. Из высшей номенклатуры (то есть с должностей, утверждавшихся Политбюро ЦК КПСС) пришли в бизнес 5,0 процента. При этом, что естественно, работники государственных банков составили костяк новых банкиров (88,2 процента), а работники производственной сферы создавали частные производственные структуры (42,8 процента).

Надо отметить, что именно указанная конвертация власти в собственность заложила предпосылки создания в России новой генерации потомственной элиты как биосоциального слоя. Ведь даже среди тех 39 процентов предпринимателей, которые никогда не работали в органах власти, многие были выходцами из номенклатурных семей. Так, у 36,8 процента отцы являлись номенклатурными работниками, а у 18 процентов – матери.

Советская элита и национализм

Накануне революции 1917 года руководство всех социалистических партий России было по преимуществу еврейским. Особенно это касалось большевиков и эсеров. Взяв власть, возглавляемые евреями большевики систематически уничтожили элиты большинства народов, населявших Российскую империю, после чего объединить сами эти обезглавленные народы в единое государство под своей властью было лишь делом техники.

Дальнейшая судьба Советского Союза во многом зависела от процесса восстановления национальных элит. Некоторое представление об этом дает анализ руководящего партократического слоя*.

Если взять 193 опубликованные биографии членов и кандидатов в члены Политбюро (Президиума), Оргбюро и Секретариата ЦК за период 1919–1990 гг., этнический состав выглядит так: 68 процентов русских, 8 процентов украинцев, 7 процентов евреев. Но этот состав не отражает этнодинамику руководства и реальный вес этнических групп. В первую очередь, преобладание евреев в 1920-е и постепенное снижение их влияния (особенно после войны), а также параллельное возвышение русских.

В 1970–1980-е годы высшая партийная власть в СССР неуклонно “русела”, как и опорная масса партийцев в целом: составляя 51 процент населения страны, русские составляли 59 процент среди членов партии. Такой диспропорции не давал ни один другой народ Советского Союза (правда, евреи имели самый высокий показатель представительства среди членов партии: почти 15 процентов от численности своей этнической группы; но на общесоюзном фоне их вес уже не был столь велик, как изначально).

* Подробные данные о динамике этнического состава советской политической элиты см. в ст.: Тишков В. А. Национальность – коммунист? (Этнополитический анализ КПСС). – В кн.: В. Тишков. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.

Так обстояло дело в центре. Противоположная картина складывалась в республиках. Управлять значительными этническими областями, не опираясь на местную этническую же элиту, оказалось совершенно невозможно, это большевики в конце концов поняли. Именно к 1980-м годам во всех республиках, кроме РСФСР, выросли национальные элиты, заботливо выпестованные Политбюро КПСС (инструментом такого ращения были республиканские ЦК КПСС и ВЛКСМ, республиканские АН и т. д.). Этим был подписан смертный приговор Советскому Союзу.

В итоге премудрой партийной национальной политики “в союзных республиках компартии выработали свою собственную формулу, по которой складывался этнический облик руководства: первый секретарь и большинство членов Политбюро должны были представлять основную национальность республики (даже если представители этой национальности составляют меньшинство в партийной организации республики), второй секретарь (так называемая рука Москвы) – обычно русский; среди других русских членов Политбюро – это чаще всего командующий военным округом, руководитель КГБ или МВД. Остальные “номенклатурные” места в высшем партийном руководстве, как правило, предназначались коммунистам так называемой коренной нации. Это – Председатель Президиума Верховного Совета республики, Президент Академии наук республики, первые секретари столичного горкома и ряда крупных областных парторганизаций, пара “знатных людей” из рабочих и крестьян”*.

Неуклонный численный рост национальных политических элит вызвал к жизни диалектические последствия: количество переросло в качество.

Роковые изменения в этническом составе руководства КПСС, накопившись, привели к качественному скачку. В ходе XXVIII съезда партии (февраль-март 1986) был утвержден принцип федеративной квоты для первых секретарей компартий союзных республик при формировании Политбюро. Отныне избиралось всего не более трети Политбюро, а остальные автоматически входили “по должности”. В результате в Политбюро из 24 человек вошли представители аж 16 национальностей, в то время как процедуру выборов прошли только семь русских и один украинец.

По сути, произошел антирусский националистический переворот мирными средствами. Резкое, революционное изменение национального состава Политбюро ЦК КПСС имело решающее историческое значение: впервые за свою историю высший орган власти в стране приобрел многонациональный характер. Причем русские, привыкшие быть первыми среди равных, оказались на этот раз в меньшинстве.

Отныне СССР был обречен. Воссоздание национальных элит, их прорыв к реальному руководству Советским Союзом – все это привело к бурному росту этноцентристских и сепаратистских настроений в республиках. Произошла настоящая революция национализмов титульных народов, нашедшая затем свое завершение в образовании этнократических государств по всему периметру российской границы.

Тем временем естественный ход событий вел к постепенной национализации политической верхушки и в русской республике РСФСР (то есть к ее русификации), как ни противился этому предпоследний генсек Юрий Андропов, еврей, боровшийся с “русистами” в свою бытность главой КГБ.

Однако в целом русские правящие круги Советского Союза публично исповедовали интернационализм и советскую псевдо-имперскость, официальную доктрину “советский народ – новая историческая общность людей”. До статуса подлинной национальной русской элиты, до понимания проблем русского народа, до самоотверженной защиты его интересов им было бесконечно далеко. Эти люди не были русскими националистами, а значит, были всего лишь псевдоэлитой, в отличие от своих коллег в национальных республиках, конкурировать с которыми за звание элиты русские руководители априори не были способны.

Объективно, по мере формирования национальных элит, дело неминуемо шло к разлому единой страны по национальным граням на отдельные национальные государства. Два встречных процесса: русификация центральной власти и этнизация власти в республиках (при росте местного национализма) вошли между собой в непримиримое, антагонистическое противоречие. Эли-

* Там же.

там разных национальностей, как и следовало ожидать, стало тесно в едином государстве. Удержать власть и сохранить СССР в условиях активизации этнических элит русские уже не могли. Да и не очень-то хотели, судя по раз-вернувшимся в 1991 году событиям.

Обреченность союзного проекта ярче всего выявилась в ходе так называемого ГКЧП.

Бросается в глаза, что “теоретики переворота, его организаторы и непосредственные исполнители представляли не просто консервативные силы связанной с Центром и обреченной в ходе преобразований на гибель партийно-государственной номенклатуры. Идеологи, как и кадры путчистов, оказались тесно связанными с русскими как доминирующей в государстве этнической группой. На уровне манифеста интересы этих сил были сформулированы в известном “Слове к народу”, опубликованном 23 июля в газете “Советская Россия” за подписью двенадцати русских по национальности деятелей культуры и военно-промышленного комплекса. Та же идеология и частично те же люди породили и основной документ ГКЧП “Обращение к советскому народу” от 18 августа 1991 г. Состав комитета – это не просто высшие чины “советского руководства”, но и опять же лица русской национальности: из восьми членов ГКЧП только родившийся в городе Калинин Б. Пуго был ассимилированным латышом”*.

Истинная цена этой русской псевдоэлиты проявилась в полном политическом бессилии, в неспособности удержать разваливающуюся страну.

Вполне закономерно, что провал ГКЧП обернулся триумфом национальных элит, триумфом этнократии. Немедленно, уже 26 августа, на сессии Верховного Совета СССР президент Кыргызстана А. Акаев назвал текст подготовленного для подписания Союзного договора неприемлемым потому, что он стал “компромиссом между демократическим движением к свободе и независимости суверенных республик и стремлением центра сохранить свою власть”. А время для подобных компромиссов, по мнению этнократов, миновало бесповоротно: настал час их полновластия в своих улусах.

Акаев тут же подпел президент Казахстана Н. Назарбаев, заявив, что Казахстан никогда не будет “подбрюшным” (неосторожный эпитет Солженицына) ни одного региона и никогда не будет ни для кого “младшим братом”. Он назвал выработанную – по его же инициативе! – в Ново-Огареве схему “опасной”. Опасность, ясное дело, состояла только в одном: эта схема ограничивала полновластие национальных элит в пользу центра. Они же были полны решимости покончить с центральной властью раз и навсегда. И покончили.

Единственное, что их беспокоило – это вопрос о территориальной целостности и границах новообразующихся этнократий. Назарбаевым и кравчукам не хотелось расставаться с земельными приобретениями, подаренными им большевиками за счет русского народа. Между тем, этот вопрос неожиданно обострился после заявления ельцинского пресс-секретаря Павла Воцанова. Который возьми да скажи, что в связи с заявлениями ряда республик о выходе из СССР российское руководство оставляет за собой право поднять вопрос о пересмотре границ с соседними государствами.

Да, в тот момент у русских еще была возможность без больших проблем вернуть себе и Южный Урал (восемь населенных русскими областей нынешнего Казахстана), и северо-восточные области Эстонии, и восток Украины, Новороссию и Тавриду.

Но эта возможность была похоронена Ельциным, который таким образом выкупил собственное беспроblemное полновластие в рамках обкорнанной, обобранной России. На Украине и особенно в Казахстане на заявление Воцанова последовала жесткая реакция. Российским делегациям пришлось срочно вылететь в Киев и Алма-Ату. Мы не знаем, как проходили там переговоры, чем националы грозили и что обещали Ельцину. Но в результате Россия официально заявила о невозможности пересмотра границ и взаимном уважении территориальной целостности республик.

Русский поезд ушел в никуда. Двадцать пять миллионов наших соплеменников оказались отрезаны от материнской нации и родной земли, преданы ельцинским режимом на произвол (“на съедение”) этнократам Украины, Казахстана etc.

* Тишков В. А. Там же, с. 242–243.

Торжество бывших национальных элит Советского Союза оказалось совершенным и полным. Оно явилось поздним, но закономерным результатом квазиимперского советского политического проекта.

Основная причина, по которой русский народ потерпел, в виде краха Советского Союза, тяжелейшее историческое поражение, состояла в отсутствии у него подлинной национальной элиты, способной понимать, выражать и самоотверженно защищать его этнические интересы.

Такой элиты у русских нет и до сих пор.

Как делают элиту

Биологи утверждают, что для того, чтобы восстановить элиту популяции, столь основательно уничтоженную, как у русских, должно пройти не менее пяти поколений. Едва ли не первейшая причина множества наших неурядиц, в том числе отсутствия политической субъектности — в том, что ни представлять русский народ, ни защищать его права и интересы сегодня некому.

Свято место пусто не бывает. Иерархическая пирамида так или иначе восстанавливается в стабильном обществе. Подрастают новые элиты даже у потерявших их народов. Народа совсем без элиты быть не может, биологически. Но вот ее качество...

Как нам, русским, вновь обрести свою настоящую элиту?

Обратимся к опыту Англии, где процесс создания национальной элиты имеет целенаправленный характер и опирается на многовековую традицию. У англичан есть чему поучиться в этом плане.

Английская (как и американская) политическая элита веками формируется по клановому принципу. Как считает профессор из Оксфорда Вернон Бодганор, этот принцип оправдан целесообразностью:

“Это закономерный процесс и отнюдь не только британский феномен. Вспомним могущественный клан Кеннеди. Или одного из авторов американской Декларации независимости Сэмюэля Адамса. Два его двоюродных брата — президенты США. Человек, который растёт в элитной и “политически активной” семье, станет видным политиком с гораздо большей вероятностью, чем обычный смертный”.

Принцип клановости в первую очередь опирается на общий для “вышей касты” образовательный и воспитательный стандарт: “У всей элиты Соединенного Королевства одинаковая образовательная основа”, — констатирует лондонская газета “Санди таймс”.

Для примера: Оксфордский университет, причём по специальности “философия, политика и экономика”; окончили как близкое окружение предыдущего премьер-министра Гордона Брауна (братья Милбанд, Эд Боллс и ещё с десяток министров), так и нынешний премьер Дэвид Камерон, министр иностранных дел Уильям Хейг и ряд их соратников.

Такова непрерывная традиция: за два века до этого точно такое же образование получил, к примеру, Уильям Питт.

До университета все они учились в “публик скулз”, то есть в закрытых частных школах. Как говорил победитель Наполеона герцог Веллингтон: “Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона”. Эта фраза стала крылатой. Она подчеркивает роль частных школ в формировании британской элиты.

Собкор “Литературной газеты” в Лондоне Михаил Озеров раскрывает секрет: “Такая школа воспитывает джентльмена, а он ведёт за собой нацию, особенно в пору трудных испытаний”^{*}.

Не случайно в подобных школах все подчинено национальным традициям. К примеру, одна из самых знаменитых и престижных “публик скулз” — Вестминстерская школа — создана еще в IX веке! Трапеза в ней не меняется столетиями: пирог с мясом, кипяченая вода. Школьный устав регламентирует отношения с учителями и соучениками, процесс обучения и досуг, правила поведения в школе и в жизни.

Основной упор в “публик скулз” делают на гуманитарном воспитании, в младших классах углублённо изучают латинский язык, в программе по литературе — древнеримская классика. Это основа основ, общая матрица.

^{*} Здесь и далее излагаются материалы из его статьи “Правь, Британия!” за 2006 г.

Но есть, конечно, и другие, более близкие к реальной жизни направления: естественно-научное, экономическое и финансовое.

Учеников независимо от их происхождения (будь это хоть наследники престола) взращивают по всей строгости, сурово. Соблюдая прославленный в веках принцип английского воспитания: “Мы должны взять ребенка и влить сталь в его душу”. Стиль весьма далекий от русской вседозволенности, когда дети высокопоставленных особ не стесняются даже с учителями.

Научившись владеть собой, своими чувствами, выпускник английской закрытой школы уже готов для того, чтобы управлять другими, в том числе целыми народами. Не случайно Британия некогда овладела половиной мира...

Результативность такого воспитания чрезвычайно велика. Среди выпускников той же Вестминстерской школы – девять глав правительства, пятнадцать архиепископов, огромное количество министров. Практически каждый оканчивает потом Оксфорд или Кембридж – заключительные этапы отбора, после чего на всю жизнь приобщается к правящей касте и занимает высокие должности в государственных ведомствах, банках, компаниях.

Политика в Англии – поприще цензовое, ибо “паблик скулз” – привилегированные заведения. Если в обычных школах учеба бесплатная, то здесь – чрезвычайно дорогая: около 27 тысяч фунтов стерлингов (55 тысяч долларов) в год. Тем не менее попасть туда крайне трудно, и родители записывают ребенка ещё до его рождения.

Самое важное: отбор в элиту ведется поэтапно, последовательно и жестко. Когда ребенку исполняется десять лет, он проходит собеседование. Преподаватели выясняют, соответствует ли его уровень развития требованиям школы. Если да, то в 13–14 лет подросток сможет поступить в ее стены. Если нет – деньги не помогут.

Озеров пишет: “Несмотря на трудности с приемом и безумные цены, родители изо всех сил стараются устроить свое чадо в “паблик скулз”. Ведь перед ним после завершения учебы открываются двери, наглухо закрытые для его сверстников.

... Понятно, что на “фабрике джентльменов” учатся дети “самых-самых” – потомственных аристократов, крупных политиков, финансистов. Эти школы – средство воспроизводства британской элиты. Само их существование свидетельствует об иерархической структуре общества”.

Что можно заключить из сказанного?

Политическую власть в Англии крепко держат в своих руках подлинные – и притом потомственные! – хозяева страны, природные англичане, хорошо понимающие значение национальных традиций и устоев, значение классического образования и волевого воспитания. Может быть, поэтому английская элита во все времена и у всех народов пользуется репутацией одной из наиболее националистических элит, действующей всегда в интересах своей страны и английского, а не какого-нибудь еще, народа. Это национализм естественный, сопродный всему английскому политическому классу, он заражает даже немногих случайно попавших в элиту представителей других этносов.

Не случайно знаменитая фраза английского премьер-министра лорда Биконсфильда (еврея Дизраэли) “У Англии нет постоянных друзей и врагов – есть лишь постоянные интересы” сегодня многими странами воспринята как образец правильного понимания политики.

Нашу политическую элиту (высший слой бюрократии) готовят пока что по-другому. Никакой преемственности, ступенчатости в производстве управленческой элиты у нас нет. Да и классическим гуманитарным образованием у нас мало кто может похвастаться.

Но хуже всего то, что ни о какой прививке русской национальной традиции (русского национализма) для студентов, предназначенных править русской страной, нет и речи. И ни в одной академии не изучается наука этнополитика – а без этого любая элита есть и будет слепой заложницей могущественных сил.

II. КАКУЮ “ЭЛИТУ” МЫ СЕГОДНЯ ИМЕЕМ В РОССИИ?

Какой стала русская элита в результате советского 70-летия и постсоветского 20-летия? Что собой представляет по своему составу: образовательно-профессиональному, национальному? Соответствует ли критериям элитарности? Каковы ее перспективы?

Статистическому анализу у отечественных социологов подвергаются лишь две элитные группы: политическая и экономическая. Творческую так не ис-следуют, увы. Так что разговор поведем только о названных группах.

Собственно, элитой их называют автоматически, не особенно вдумываясь в смысл слов. Перед нами просто правящие круги и верхушка бизнес-сообщества России. Ничего общего с подлинной национальной русской элитой, бывшей у нас когда-то, эти сообщества пока что не имеют. Между тем, они уже оказались объектом пристального изучения в книге “Анатомия российской элиты” (2005) директора Центра изучения элит Института социологии РАН Ольги Крыштановской. На этих материалах, в основном, строится дальнейшее изложение темы.

Политический класс

Политический класс России радикально изменился с советских времен.

Произошел значительный рост его численности за счет бюрократизации. На государственной службе сегодня находится уже 1 700 000 чиновников – столько, сколько было при Брежневе во всем Советском Союзе. Более 1100 человек из этого общего числа относится к элите (в основном госчиновники первого класса категории А).

Несмотря на то, что официально люстрация не проводилась и бывших советских и партийных работников никто по данному признаку не преследовал и не “вычищал” из власти, однако представителей советской номенклатуры осталось у руля всего 18 процентов (абсолютное уменьшение этого контингента не так сильно, поскольку вырос весь класс в целом).

Обновление политического класса принципиально изменило многие его характеристики.

В советское время нами правили геронты – облеченные властью старики. Средний возраст представителя элиты был 68 лет. С приходом Путина произошло резкое омоложение, средний возраст стал 52 года. При Медведеве элита еще сильнее омолодилась.

Очень важно: на смену вчерашним крестьянам (более половины руководителей партии и правительства были выходцами из деревень и попадали на работу в Москву уже в зрелом возрасте) пришла интеллигенция мегаполисов. Два самых главных города – Москва и Петербург – поставляют большую часть элиты.

В советское время преобладающей группой в элитной среде были люди, получившие инженерно-техническое образование, технократы. Сейчас их стало резко меньше, зато появилось очень много юристов и экономистов. За всеми этими переменами просматривается не слишком радостный вывод.

Произошла смена типа мышления руководителей государства, цивилизационный надлом. Если раньше у руля стояли творцы, энтузиасты прогресса, люди широкого кругозора и высоких духовных ценностей, то теперь случилась масштабная деинтеллектуализация элиты, ибо на их место встали торгаши, финансисты и их обслуга. Причем и те, и другие, и третьи уже утратили связь и с землей, и с простым народом.

Очень важные перемены представляет также тот факт, что во властные структуры хлынул поток бывших военных*. Когда в 1991–1993 гг. под видом реформ началась ломка КГБ и армии, в штатскую жизнь выброшено примерно 300 тысяч старших офицеров и генералов. В результате в скором времени произошло более чем двукратное увеличение доли военных во всех элитных группах (по сравнению с советским периодом, с 1988-го по 2002 г. их доля возросла почти в 7 раз). А в высшем руководстве страны произошел двенадцатикратный рост числа военных! На сегодняшний день в России каждый четвертый представитель управленческой элиты – военный (за ними закрепилось понятие “силовики”). Их число продолжает возрастать, сокращая число интеллектуалов во власти, причем не только технократов.

Приход к власти Путина поставил на поток и под контроль центра подобную утилизацию корпуса отставников, сделал указанную “милитаризацию” массовой и системной. По данным Крыштановской, особенно заметным при-

* Под “военными” здесь следует понимать “людей в погонах” всех типов, офицеров – от армии и военно-морского флота до служб безопасности.

ход военных стал в регионах, где их представительство среди глав субъектов Федерации увеличилось более чем в два раза по сравнению с 1999 годом. К середине 2002 г. среди 88 глав (без учета Чечни) 9 были военными. По данным исследования “Путинская элита”, среди всех заместителей министров, назначенных с 2000 по 2003 г., военные составили 34,9 процента, а доля военных, назначенных заместителями министров в экономических ведомствах, достигла 7,1 процента. Наиболее массовый приток военных в экономические ведомства произошел из органов безопасности (ФСБ, СВР) – 45,2 процента от числа всех военных, назначенных замминистрами в невоенные ведомства; из армейских структур пришло 38,7 процента новых замминистров; из МВД – 16,1 процента.

Силовики при Путине превратились в один из трех неформальных центров выработки стратегических решений (два другие центра – это группа избранных министров и группа друзей из бывших сослуживцев). Каждую субботу в своем кремлевском кабинете президент собирает совещание силовиков, на котором обычно присутствуют глава его администрации, шеф ФСБ, глава Совбеза, министр обороны, иногда министры МВД и МИДа.

Системообразующая роль силовиков, которую они приобрели при Путине, позволила политологам заговорить о своего рода государственном перевороте, произошедшем в виде трансформации того политического класса, который достался Путину в наследство от Ельцина. Так, Андрей Илларионов, прекрасно осведомленный о внутренних обстоятельствах Кремля, сформулировал тезис об оттеснении от рычагов управления силовиками – “сислибов” (системных либералов, руливших при Ельцине). Что и вызвало попытку реванша оных в ходе выборов 2011–2012 гг. в виде массовых протестных акций.

Крыштановская, пусть и другими словами, но пишет о кулуарах путинского Кремля примерно то же самое: “Вспомним, какую новаторскую роль играли экономисты (Е. Гайдар, А. Чубайс и др.) при Ельцине, когда ход экономической реформы кардинально изменил облик страны. Путин лишь продолжает начатый его предшественником процесс “маркетизации”, не меняя его направления и сути. Все путинские экономические шаги носили не стратегический, а тактический характер. Это было поступательное движение по ранее выбранному курсу, а не структурная перестройка экономики. Поэтому можно говорить об изменении баланса сил внутри элиты, связанном с уменьшением стратегической роли экономической элиты и увеличением роли военной элиты”.

С моей точки зрения, приветствовать “движение по ранее выбранному курсу” в экономике невозможно, но Путин, опираясь на силовиков, по крайней мере, прекратил вакханалию безумных экономических экспериментов над Россией, пресек преступную “новаторскую роль” скороспелых экономистов, “сислибов”. Что позволяет оценивать массовый приход во власть “людей в погонах” с оптимизмом, хотя и сдержанным.

Приход к власти Дмитрия Медведева резко изменил баланс, едва не ввергнув страну в очередную катастрофу. Во-первых, за четыре года его президентства число силовиков в нашем истеблишменте сократилось вдвое (с 47 процентов на начало 2008 года до 22 процентов сейчас). Во-вторых, произошло резкое омоложение правящего слоя – сразу на 14 лет в среднем по стране. То и другое немедленно дестабилизировало обстановку, обострило внутриэлитные противоречия и борьбу, едва не привело к “ползучей” гражданской войне.

По мнению Крыштановской, сегодня лидируют уже не силовики, а консервативная бюрократия, которая желает сохранить свое доминирующее положение в обществе. Она и является гарантом стабильности, ибо дестабилизация угрожает ее привилегиям. Сегодня на ключевых постах государства – 75 человек, из них всего два человека, о которые можно сказать: “медведевцы”. Остальные – это люди, которых привел к власти Путин.

Бюрократическая часть элиты, как верно замечает Крыштановская, “и раньше была самым могущественным и богатым слоем нашего общества, но только сейчас у нее появилась возможность трансформироваться в наследственную аристократию. Прежняя система гарантировала все блага только при занятии государственной должности. Сейчас дело зашло довольно далеко. У нас появилось уже первое поколение новой аристократии. Без всяких кавычек”.

Эта мысль заслуживает самого пристального внимания.

Коль скоро речь пошла о восстановлении института потомственной политической элиты, есть смысл сравнить новый политический класс не только и не столько с советским, сколько с дореволюционным правящим слоем. Необходимо понять различие между нынешним чиновничеством и бывшей элитой России.

1. Одним из главных отличительных моментов является национализация правящего слоя. Этот важнейший процесс занял весь советский период нашего развития.

Если до революции русские в значительной степени были оттеснены от власти немцами, если сама по себе Октябрьская революция означала практически полную и моментальную замену лидирующей немецкой фракции элиты на еврейскую (при почти полном уничтожении собственно русской фракции), то в 1930–40-е гг. начинается активный рост русской фракции, который, как было сказано выше, продолжался до самого распада Советского Союза, послужив одним из факторов оно.

Перестройка и приход к власти Ельцина повлекли за собой быстрый рывок евреев в политике и экономике. Достаточно вспомнить, что в определенный момент семь из девяти советников Ельцина были евреями, исключительно еврейские головы определяли экономический курс России, еврей Козырев творил новую российскую дипломатию, еврей Швыдкой распоряжался российской культурой, первая десятка российских олигархов была почти исключительно представлена евреями, а реальную власть в стране осуществляла так называемая Семибанкирщина – сообщество еврейских финансистов. Разумеется, такие перемены в системе российской власти не остались без последствий, повлекли (и влекут до сих пор) за собой заметный шлейф.

Однако произошедшие при Путине социальные перемены в составе российской элиты, состоящие в ее бюрократизации и милитаризации, имели не только кадровый, но и национальный аспект, поскольку и советская номенклатура, и советское офицерство в поздней РСФСР в основном рекрутировались из русских людей. Формирование русской политической элиты продолжится (аналогичный процесс протекает и в среде бизнес-элиты, но об этом ниже).

Итак, первое отличие новой российской элиты от дореволюционной состоит в том, что она обрела шанс стать в определяющей степени русской национальной элитой. Чему также способствует массовая эмиграция евреев из России в 1990-е гг., а также широчайшая и глубочайшая компрометация еврейской фракции элиты – благодаря антирусским реформам в экономике, политике и культуре. Поддержка, оказанная народом Путину, ясно указывает на перспективный вектор перемен, в том числе в сфере выстраивания элит, их национализации.

Данное отличие я оцениваю со знаком плюс.

Однако на этом пока позитив и заканчивается.

Особо следует отметить, что национализации общероссийской элиты в смысле ее русификации соответствует процесс национализации элит в республиках, где русских, наоборот, выдавливают из власти и бизнеса представители титульных наций, повторяя путь развития позднего СССР, приведшего к развалу страны. Используя сполна данную Ельциным возможность “глотать суверенитет”, они добились высокой степени автономности республик от центра и теперь достраивают у себя настоящие этнократии. Оправдывая это, во-первых, лозунгами “возрождения этнической культуры и языка”, “возвращения к народным духовным истокам”, “национального возрождения как фактора демократизации общества” и т. д*. А во-вторых – русификацией общероссийской элиты, например так: “Выборы в Госдуму показывают, что число нерусских депутатов сокращается. Если даже все депутаты “националы” будут голосовать как один, то и в этом случае у них нет никаких шансов провести законопроекты, отвечающие интересам каких-либо из более чем ста народов России или хотя бы заблокировать решение русского механического большин-

* Галлямов Р. Р. Правящие политические элиты российских республик в современном пространстве власти (на примере Башкортостана и Татарстана) – xreferat.ru.

ства”*. Для чего нужно блокировать некое “решение русского большинства” (?), об этом умалчивается.

Лукавство подобной аргументации нетрудно увидеть, поскольку национализация элит в республиках стартовала, несомненно, с опережением. Националы проснулись прежде русских, это очевидный и непреложный факт. В результате уже в 1990-е гг. в Республике Саха (Якутия), например, якуты, составляя 34 процента населения, имели 69 процентов должностей в правительственных структурах**. В Татарстане, по разным расчетам, от 76,5 процента до 78,1 процента правящей политической элиты составляют татары, хотя в целом по республике проживает 48,3 процента титульной; 43,5 процента – русской и 8,2 процента – других национальностей***. Аналогично или даже еще более радикально обстоит дело и в других республиках.

Так что точнее всего было бы сказать, что резкий всплеск местных национализмов (наиболее ярко проявившийся в распаде СССР, а затем в Чечне) вызвал к жизни, разбудил русский национализм. Результатом чего явилась стихийная русификация федеральной политической элиты.

Разделение российской элиты на национальные фракции – негативный, но абсолютно закономерный результат противоестественного федеративного устройства России и псевдо-имперских претензий Кремля. Этот процесс прогрессирует, приводя к разбалансировке государства, уготовляя ему судьбу Советского Союза.

2. Едва ли не основная наша беда в том, что у нынешних русских чиновников, в отличие от чиновников царского времени, совсем не развито национальное самосознание.

Мы это видим, во-первых, на материалах последних антикоррупционных разоблачений. Понятно, что мы не могли бы требовать защиты русских интересов от Чубайса, Ясина, Гайдара, Мау, Юргенса, Коха. Но ведь ни Сердюков, ни Васильева, ни Игнатенко, ни многие и многие другие фигуранты не отличаются какой-то явной нерусскостью. А при этом активно действуют против русских интересов.

Во-вторых, мы сталкиваемся с нерусской и даже антирусской настроенностью русских чиновников и при голосовании в Госдуме по вопросам, касающимся национальной политики, и в деятельности структур, эту политику разрабатывающих. Взять хоть бы вполне русских по национальности, но антирусских по своим деяниям бывших министров по делам национальностей – Тишкова, Михайлова, Зорина, готовивших недавно принятую “Стратегию государственной национальной политики”. А чего стоит принятие Концепции государственной миграционной политики?! А поправки к закону “О гражданстве”?!

Так что тревоги республиканских этнократов относительно “решений русского большинства” в Госдуме нелепы до степени лукавства: эти решения по большей части носят не только не прорусский, но и прямо антирусский характер.

В-третьих, оголтело антирусскую политику агрессивно ведут сегодня представители репрессивных органов, в своем большинстве укомплектованных русскими.

И т. д.

Явная или скрытая массовая русофобия русского чиновничества – ярко проявившийся феномен, еще требующий своего осмысления. К счастью, она не тотальна. . .

* Абдрахманов Р.; Маврина Э. Республика Татарстан: модель этнологического мониторинга. М., 1999. С. 42. В том же духе предьявляют претензии и другие, например, башкиры: “В целом нерусские национальности не могут оказывать существенного влияния на процедуру принятия решений ни в Государственной Думе, ни в Совете Федерации. Если бы даже представители всех республик (всего 21 республика, включая Чечню) выступали в Совете Федерации единым фронтом, то они могли бы собирать максимум 25 процентов всех необходимых голосов”. – Илишев И. Г. Национальные меньшинства и государственное строительство в Российской Федерации // Демократия и национальные движения в современном мире. Материалы российско-американского семинара. 20–22 октября 1999 г. Уфа. 1999. С. 90–91.

** Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности России. М., 1997. С. 121.

*** Фарухшин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис, 1994, № 6; Зазнаев О. Республика Татарстан // Конституционное право: восточноевропейское обозрение, 1997, № 2.

3. Моральная ущербность современной русской политической элиты обусловлена особенностями ее формирования. Как указывает Крыштановская: “Когда старая советская номенклатура разделилась на две группы, то одна занялась крупным бизнесом серьезным, а другая осталась во власти. Возник дисбаланс. Первые стали быстро-быстро богатеть, а вторые как бы оставались такими же скромными чиновниками. Возникла и ревность, и зависть и желание догнать их – зависть миллионеров к миллиардерам. Люди, которые были во власти, никак не могли трансформировать свое влияние в финансовый капитал, и они пошли по пути коррупции, которая гигантски возросла”.

Это многое объясняет.

Наша элита пусть и образована, но не воспитана. Она не имеет сословного кодекса чести, безусловно-обязательного для всех сочленов; имеет очень приблизительное понятие о благородстве и зачастую имеет не стремит-ся. Это, конечно, тоже сливочки народа (остатние), но... “второй свежести”.

Больше того, многие из них справедливо подозревают, что билет в вагон первого класса достался им не по заслугам, и что рано или поздно их из этого вагона могут попросить. Вот и торопятся нажиться, наплевав на все и вся, пока не попросили... .

Безнадежно ли такое положение вещей?

Избавиться разом от нынешнего почти двухмиллионного чиновничьего слоя или заменить его на других людей невозможно. А вот переучить, заставить вкладываться всем своим достоянием в родную страну – можно попытаться.

Первые шаги к этому государство в лице Путина сегодня предприняло. Но предсказать, чем кончится для президента война с собственной элитой я не берусь.

Российская бизнес-элита

Считалось вполне официально, что в Советском Союзе есть только два класса: рабочие и крестьяне, между которыми нет ни отношений эксплуатации, ни антагонистических противоречий. Считалось, что частная собственность, капитализм, эксплуатация человека человеком – это все пережитки прошлого, которым нет места в нашем обществе.

Уничтожив русскую буржуазию, а затем – и самую память о ней, советская власть в дальнейшем всеми силами пыталась убедить нас в том, что капитализм и русскость есть две вещи несовместные.

А что было на самом деле?

Все, кто в сознательном возрасте застал 1970–1980-е годы, согласятся, что уже тогда в СССР существовало гигантское капиталистическое подполье, а черный рынок товаров и услуг был почти всеобъемлющим. По подсчетам американского исследователя Г. Гроссмана, в середине 1970-х гг. от 28-ми до 33 процентов своих домашних расходов советские люди производили из “левых” источников, а доктор наук В. Тремл (Университет Дьюка, США) считает, что “левый” заработок в позднем СССР имело до 12 процентов рабочей силы.

Несоциалистический сектор экономики демонстрировал живучесть чертополоха и упорно развивался, несмотря ни на что: еще в конце 1950-х гг. в стране количество зарегистрированных кустарных промыслов достигало 150 тысяч, впоследствии эта цифра росла. Но теневое производство (цеховики) процветало по большей части не в русских областях РСФСР, а в южных республиках и на Кавказе. И в 1991–1993 годах, когда свершилась буржуазно-демократическая революция и капитализм вновь обрел все права, стартовые преимущества оказались отнюдь не у русских, а у их южных сограждан, скопивших состояния на “цеховой” и сельскохозяйственной продукции и/или создавших этнические ОПГ. А также у евреев, получивших колоссальную фору за счет зарубежных родственников и друзей, обеспечивших их консультациями, деловыми связями, товарными и банковскими кредитами, готовыми бизнес-схемами (вспомним хотя бы блистательно-скандальную историю с “Бэнк оф Нью-Йорк”, связанную с парочкой Гурфинкель – Кагаловская), и т. д.

Вполне практические соображения заставляли начинающих капиталистов сплачиваться по национальному признаку, “держаться своей банжи” (Исаак Бабель) – именно это обеспечивало успех. К примеру, вот состав основного

ядра команды Романа Абрамовича: родной дядя Лейба, В. Ойф, А. Блох, Е. Швидлер, Д. Давидович, Е. Тененбаум (стоит вспомнить, что и с Березовским, выведшим его на высшую орбиту, Абрамович познакомился на яхте у М. Фридмана и П. Авена). Аналогичным образом комплектовались штабы у Гусинского, Березовского, Ходорковского и т. д.

Национал-капитализм на марше

Казалось бы, при таких неравных условиях у этнически русского бизнеса шансов просто нет, русским бизнесменам не выдержать в конкурентной борьбе. И первые десять постсоветских лет именно так и можно было подумать, глядя на вакханалию распродажи страны, вчитываясь в имена ее участников, наблюдая за Семибанкирщиной и прочими явлениями того же ряда.

И что же? То, что сегодня происходит в деловых кругах России, сравнимо с тем, что происходило в правящих кругах СССР с 1930-х годов. Ситуация эта укладывалась в формулу, сорвавшуюся с губ одного из тех, кто уходил с исторической сцены, уступая представителям неизбежно поднимавшегося национального большинства страны:

– Ванька прет!

Проанализируем, как за последнее десятилетие менялся национальный состав высшего эшелона российского предпринимательства. Благо, такую возможность дают ежегодные списки “Золотой сотни” журнала “Форбс”. Не могу поручиться за стопроцентную достоверность некоторых цифр: сбор информации личного характера в России запрещен, а национальность отдельных богачей из открытых источников выяснить не удалось. Но тенденция видна четко.

Национальность	2004 год	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год
Русские	50	51	58	57	60	58
Евреи	35	33	22	22	19	21
Этномусульмане	9	11	11	11	7	10
Иные	6	4	4	7	11	10
Неопределенные		1	2	3	3	1

Взяв “Форбс” за 2012 год, в котором опубликовано уже две “золотых сотни”, мы находим 124 русские фамилии в списке из 200 человек: чуть более 60 процентов. Это можно считать “контрольным замером”, подтверждающим рост русской национальной фракции в общем составе бизнес-элиты – с 50 до 62 процентов.

Не один я пытался разобраться в национальном составе самых богатых людей России. Очень близкие по смыслу данные, полученные при анализе еще более обширной выборки, опубликовал в 2008 году Леонид Радзиховский: “Среди 500 российских “олигархов” – 105 евреев, 20% (к ним я причисляю также и “полуевреев”); 93 представителя иных национальностей, 18%; 302 русских, свыше 60%... Для сравнения, в 2004 году картина была иная: из 154 человек 47 евреев (30%); 30 представителей других наций (20%); 77 человек русские (50%)*”.

Радзиховский делает вывод, который разделяю и я: “Плавное уменьшение доли евреев и других “нацменов” – процесс вполне объективный для российского бизнеса”. О плавном возрастании доли русских он умалчивает, но этот факт говорит за себя сам.

К вышеприведенным цифрам, красноречиво говорящим за себя, добавлю следующее соображение. Некогда Борис Березовский заметил, что рус-

* <http://www.day.az/forum/lofiversion/index.php/t12176.html>

ские бизнесмены, в отличие от евреев, “не держат удар”, не умеют подниматься после поражений для новой борьбы и побед*. Цифры показывают, что это уже давно и далеко не так. Из 23 бизнесменов, выбывших в кризисном 2009 году из “золотой сотни”, русские составляют 12, а из того же числа вошедших в нее – 11 человек (то есть практически столько же), причем, что важно, 8 из них, ранее выбившись из сотни, сумели войти в нее вторично, оправившись от неудач и восстановив свой статус. Поистине, перед нами на сей раз уже настоящие “новые русские”, взамен “старых евреев” из анекдота 1990-х годов.

Первые сотня-две наиболее богатых предпринимателей – это серьезный показатель. В руках этих людей сосредоточилось нечто большее, чем просто богатство. По подсчетам “Форбс”, за 2005 год в компаниях, принадлежащих “сотне”, работало 2,5 млн сотрудников, а на уплаченные ими налоги государство содержало десятки миллионов бюджетников.

Но вот еще один любопытный вывод, сделанный по изучению 20 тысяч держателей карты *Citigold* в России. Так называемые “состоятельные люди” составляют сегодня в нашей стране 1,2 млн человек (0,8 процента всего населения). На их долю приходится 30 процентов всех доходов, им принадлежит 40 процентов всех депозитов и 70% активов ПИФ, они контролируют 10 процентов национальной экономики (наиболее доходную часть, заметим).

1 200 000 человек – это уже не сто человек, пусть даже самых богатых. Такое количество, помноженное на роль и место в экономике, вполне укладывается в понятие “класс”. Как же выглядит национальный разрез этого контингента? Точно на этот вопрос никто не ответит, ибо подобная статистика не ведется, во всяком случае, публично; ведь в РФ сама графа “национальность” ныне упразднена. Однако в свете вышеозначенной тенденции можно строить обоснованные предположения. И тут надо взять в расчет еще одно обстоятельство.

“Золотая сотня” – это самые-самые. Здесь доля русских выросла за шесть лет примерно с 50 до 60 процентов. Но вот в 2008 году тот же “Форбс” обнародовал имена еще полусотни кандидатов в элитный список, тех, кто стоит лишь одной условной ступенькой ниже. И что же? Доля русских составила 68 процентов, заметно выше, чем среди первых ста (именно как среди первых богатей дореволюционной России: две трети). И заметно ниже процент других национальных категорий.

Русские	Евреи	Этномусульмане	Иные	Неопределенные	Всего
34	5	6	3	2	50

Осмелюсь предполагать, что эта зависимость не случайна. Чем ниже мы будем спускаться с террасы на террасу российского капиталистического Олимпа, тем выше будет процент русских среди полукрупного, среднего, полусреднего и мелкого (градации можно разнообразить) бизнеса. Ведь если упомянутые 1,2 млн “состоятельных” граждан контролируют, однако, всего 10 процентов национальной экономики, то кто же, спрашивается, контролирует оставшиеся 90%? Понятно, что немалая часть приходится пока еще на государство, но, возможно, не меньшую часть уже контролируют “малые сии” – миллионы мелких дельцов, не входящих пока в группу “состоятельных”, хотя и стремящихся в нее. Зная, что от 40 до 60 процентов российского капитала, по оценкам экспертов, обращается в тени, нельзя считать этот вариант невозможным.

Итак, как убедительно показывают вышеприведенные цифры, русские отлично приспособлены к капиталистическому предпринимательству и конкуренции, даже в стартовых условиях заведомо худших, чем у других. Составляя 80% среди населения в целом, они стремятся достичь и, надо надеяться, достигнут такой же доли среди бизнесменов, а то и перекроют ее. Дореволюционная Россия, уже в конце XIX века начавшая свое раскрестьянивание, явно шла по этому пути.

* Увы, личным примером Березовский не подтвердил свой тезис.

Социальный генезис нашей буржуазии

Что собой представляют эти люди статистически?

Из каких слоев они рекрутированы, каков их социальный генезис?

Каков их статус в нашем обществе?

1. Прежде всего, как было сказано выше, изначально 61 процентов новых предпринимателей, относящихся к группе бизнес-элиты, ранее работали в органах власти, причем даже среди тех 39 процентов предпринимателей, которые никогда не работали в органах власти, большинство были выходцами из номенклатурных семей, то есть уже налицо были зачатки преемственности нового сословия.

2. Во-вторых, как и в политическом классе, в бизнес-элите проявляются, чем дальше тем больше, пресловутые “люди в погонах”. Крыштановская пишет, что их массовым увольнением в начале 1990-х “воспользовались коммерческие структуры, ставшие основными потребителями услуг офицеров, которые занялись созданием служб безопасности, охраны, экономической разведки, информационно-аналитических управлений. Ценность этих кадров заключалась в том, что они были не просто профессионалами своего дела, но и являлись источниками связей в государственных структурах и правоохранительных ведомствах. Особенным спросом на рынке труда пользовались выходцы из КГБ, так как их интеллектуальный и профессиональный потенциал считался выше, а “специальные навыки” были особенно ценны. В 90-х гг. каждая уважающая себя частная компания имела в штате хотя бы одно подразделение, возглавляемое генералом КГБ. В крупнейших банках и нефтяных компаниях работали чекисты, ранее занимавшие самые высокие посты в КГБ СССР... Массовый переход военных в бизнес не был плановой операцией государства. Но многолетние исследования показывают, что большинство военных сохраняют свои корпоративные связи”.

3. В-третьих, происхождение бизнес-элиты позволяет лишним раз подчеркнуть, что реальным классом-гегемоном в Советском Союзе в 1970–80-е гг. стала интеллигенция мегаполисов (это обстоятельство вовремя не распознала власть, за что и поплатилась). В 1993 году в рядах бизнес-элиты 93 процента имели высшее образование. Два высших образования в 1993 г. имели 2,6 процента предпринимателей; 37,0 процента были кандидатами и докторами наук.

Эта тенденция с годами только усиливается: к 2001 г. окончили один вуз 96,9 процента бизнесменов, более одного – 13,4 процента. Чаще всего второе высшее образование является юридическим или экономическим.

В первую очередь в бизнес рванули инженерно-технические работники (49 процентов). Это неудивительно: именно перепроизводство инженеров было характерно для позднего социализма (их было в пять раз больше, чем в США!). Но дело не только в этом, а еще и в специфике труда, поскольку за восемь лет с 1993 по 2001 г. гуманитарии (филологи, историки, философы и пр.) из крупного бизнеса практически вообще исчезли, не смогли удержаться: если в 1993 г. они составляли 9,4 процента, то в 2001 г. их осталось менее одного процента.

Среди крупных предпринимателей окончившие инженерно-технические вузы по-прежнему составляют большинство (таких 53,3 процента), но выросла доля экономистов и юристов: в 2001 г. – 41,0 процента, сегодня несколько выше.

Время предъявляет все более высокие требования к интеллекту бизнесмена. Как пишет Крыштановская: “Крупный бизнес в России конца XX – начала XXI вв. зиждется на людях совсем другого типа – не просто формально образованных, но “продвинутых”: знающих иностранные языки, много путешествующих, уверенно чувствующих себя в Интернете и новых технологиях”.

До поры до времени основная бизнес-элита оставалась московской группой, поскольку сформировалась на базе столичной молодой номенклатуры. Но после августовского кризиса 1998 г. в составе группы заметно увеличилась доля регионалов, особенно петербуржцев (их доля приблизилась к 10 процентам). Крыштановская комментирует: “Тенденция провинциализации бизнес-элиты, отчетливо наблюдаемая в последние 10 лет, обусловлена изменением структуры самого крупного бизнеса, его территориальной диверсификацией.

На место разорившихся в кризисе 1998 г. московских финансистов пришли региональные промышленники”.

Таким образом, зарождение элиты будущего происходит сегодня уже повсеместно на всей территории России, но преимущественно в городах.

4. Говоря о статусе бизнес-элиты, надо прежде всего иметь в виду ее зависимость от политикласса. Как отмечает Крыштановская, “богатым в России позволяет быть власть, которая в политическом обществе использует разрешение богатеть как свой ресурс, как привилегию, которой можно награждать достойных. Тех же, кто позволил себе разбогатеть, не заручившись поддерживающей властью имущих, ждут репрессии и разорение”.

Может быть, сказано излишне категорично, но что верно, то верно: правила игры устанавливает и меняет по своему усмотрению Кремль. И сливки снимает высокопоставленное чиновничество, это уж точно. А вот влияние бизнесменов на политику достаточно призрачно. Что связано в первую очередь с тем, что политическая элита пока что контролирует ресурсы, несопоставимо более значительные, чем те, что контролируют все вместе взятые бизнесмены.

Путин и бизнес-элита

С приходом Путина в президентское кресло в жизни бизнес-элиты многое изменилось. Прежде всего, скоробогатым господам пришлось отказаться от всяких претензий на власть. Или, во всяком случае, выбирать что-то одно: власть или богатство. Поэтому 6 процентов бизнесменов стали профессиональными политиками и в настоящее время работают на постоянной основе в парламенте либо в правительстве. А целых 10 процентов бизнес-элиты образца 1993 г. предпочли покинуть Россию и обосноваться за границей. Это связано было не только с опасностью подвергнуться “раскассированию” со стороны властных структур, но и с нею тоже.

Те же, кто предпочел остаться на Родине и продолжал делать карьеру в бизнесе, приняли условия, продиктованные Кремлем. Как точно подметила Крыштановская, “люди, входящие в сотню или в две сотни “Форбса”, сегодня не входят в политическую элиту, хотя иногда их влияние чрезвычайно высоко. Таков итог правления Путина”.

Надолго ли у нас сохранится такое положение вещей, противоречащее всему мировому опыту, сказать трудно. У России свои традиции, здесь золото никогда не могло стоять выше, чем булат.

Любопытно, что ход событий, конкурентная борьба постепенно расставляет все по своим местам, устраняя перекосы не только в национальном составе бизнесменов. Так, теперь уже только 28,6 процента нынешней бизнес-элиты принадлежат к советской номенклатуре былых времен. Иными словами, только половина “советских бизнесменов” сумела сохранить свои позиции, стать профессиональными предпринимателями, а остальных безжалостно поглотил естественный отбор. Преимущества, не обеспеченные умом и талантом, оказались несовместимы с капитализмом (это внушает оптимизм).

Вместе с тем, тесная связь между политической элитой России и крупным бизнесом, конечно же, осталась. Поэтому государственные чиновники после отставки нередко становятся топ-менеджерами в крупных корпорациях и других коммерческих структурах.

Интересно и другое наблюдение. Первоначально бизнес-элита была молодой социальной группой. Возникшая в 1987 году группа “номенклатурных предпринимателей” комсомольского образца имела средний возраст 42,1 года. Однако вскоре началось ее стремительное старение: в 2001 г. ее возраст составил уже 48,6 года. А теперь она все больше наполняется людьми, которым за 50 и даже за 60 лет.

Это говорит о том, что в нее почти перестали вливаться новые силы. Гигантский и беспрецедентный передел собственности закончился. Кто не успел, тот опоздал.

Наконец, важные изменения стали происходить в сфере инвестиций. Если до 1995 г. наиболее могущественная группа бизнес-элиты, контролировавшая до 80 процентов российских финансов, почти не вкладывала деньги в реальный сектор экономики, то позже это стало привлекательным, обеспечивая не только валютные, но и политические дивиденды.

III. ТАК БУДЕТ ЛИ У РУССКИХ СВОЯ ЭЛИТА?

Политику не зря причисляют к искусствам. А в искусстве, как известно, количество не переходит в качество. Из тысячи кошек, как говорят китайцы, не сделаешь одного тигра. Множество профессиональных чиновников и бизнесменов – это еще не национальная элита. Сложится ли новая русская элита – зависит от того, начнут ли эти люди связывать свои интересы, будущность, судьбу с интересами, будущностью, судьбой России и русского народа.

Естественный отбор, с особой жесткостью действующий в тех слоях общества, где есть что делить, привел в России к одному любопытному результату: женщин в бизнес-элите просто нет. “Конечно, это не означает, – комментирует этот факт Крыштановская, – что в стране нет успешных и даже влиятельных женщин-предпринимателей. Однако женщины, оставаясь в крупном бизнесе, так и не попадают в узкий круг бизнес-элиты”.

Почти полностью аналогично положение дел и в политическом классе. В советское время существовали различные квоты представительства во власти: в частности, доля женщин в представительных органах власти должна была составлять примерно 30 процентов. Но сегодня, в условиях, опять-таки, естественного отбора, их удельный вес там снизился до 8 процентов, а в исполнительных органах власти остался на уровне 2–5 процентов.

Каковы будут последствия таких гендерных пропорций в российской элите?

В России, где генеалогические цепочки всегда выстраивались по отцовству, все это имеет особый смысл. Ибо в принципе каждый представитель элиты, будучи мужчиной, может претендовать у нас на роль основателя, корня династии, устремленной в будущее своею кроной.

Однако будут ли у нас элитные династии, в какой-то степени сопоставимые с дворянскими родами? Вот вопрос вопросов.

Ответить на него непросто, поскольку ситуация противоречива.

С одной стороны, большинство представителей бизнес-элиты поражает своим легкомыслием, психология временщиков прикипела к ним намертво. По данным опроса UBS и Campden Research, проведенного по заказу газеты “Ведомости”, российская бизнес-элита не строит долгосрочных планов и не создает династий. Если верить Ольге Крыштановской, “российский крупный бизнес не любит привлекать к себе внимание как властей, так и общественности, не стремится сделать компанию публичной, не задумывается о передаче бизнеса по наследству и готов его продать, как только предложат хорошую цену. Только треть опрошенных надеются, что дети продолжат их дело, но не настаивают на этом. Подрастающее поколение первых бизнес-наследников приобщено к западным ценностям и лучше родителей разбирается в финансах, оно может направить семейные капиталы в Европу, подальше от российской бюрократии, в зарубежную тихую гавань. Деньги они предпочитают хранить за границей и там же учить детей”.

Ни о каком, даже зачаточном, патриотизме этих людей говорить не приходится. Перед нами модель поведения, в корне отличающаяся от тех стран, где есть давно сложившиеся элиты со своими традициями.

Лишь иногда, утверждает Крыштановская, некоторые наши бизнесмены “поступают совершенно обратно. Забирают детей из этих школ, перевозят их в Россию. И начинают думать о том, как социализовать своего ребенка здесь для того, чтобы он продолжил бизнес, который начал отцом здесь. Его надо учить здесь, чтобы он умел разговаривать со здешним чиновником, со здешним бизнесменом. Я бы сказала, что наиболее умные из бизнесменов, они вот этот путь проделывают”. Но самых умных-то ведь всегда единицы.

Итак, новая бизнес-элита оказалась непатриотичной в своей массе. Не говоря уж о нерусских ее представителях, для которых интересы русских не могли ничего значить в принципе, но и “новые русские” без зазрения совести норовят распродать подороже доставшееся им почти даром богатство и затем вывозят капиталы из страны, а не вкладывают в ее развитие, а детей своих отправляют учиться за рубеж с расчетом там и пристроить на будущее.

Представить себе в массовом виде подобный алгоритм в дореволюционной России невозможно. Во многом это связано с изменением характера господствующего класса: на смену дворянству – классу землевладельцев – пришла буржуазия. Дворянская элита естественно патриотичнее буржуазной: ведь земля-ка-то она родная, русская, а деньги – штука международная, безродная.

С другой стороны, именно здесь кроется важное отличие бизнес-элиты от корпуса элиты политической, чиновничьей. Ибо те, как раз, преимущественно отправляют детей в такие вузы, которые гарантируют карьеру в России. То есть – в отечественные, ведь ни Кембридж, ни Оксфорд, ни Гарвард никакой карьеры здесь гарантировать не могут.

Таким образом, получается, что шанс на создание настоящей – династической, потомственной – элиты в нашей России имеет политический класс, но не бизнес-класс. За одним, среди бизнесменов, исключением: бывших военных. О которых Крыштановская пишет, что хотя по мере обогащения “советская мифология теряла свою былую власть над их умами”, однако на смену ей пришли убеждения не только патриотические, но и славянофильские, русско-националистические (поскольку офицерский корпус традиционно наполнял, по большей части, русские люди). А это очень важный, определяющий сдвиг. Воспитанные в традициях служения государству, люди в погоне “сохранили ностальгию по “великой державе”.

Если учесть, что среди управленческой элиты военные также заняли весьма значительный сектор, мы можем предположить, что именно в лице сословия отставников сегодня закладывается фундамент, основное ядро грядущей русской элиты. Что вообще-то соответствует тысячелетней русской традиции.

Впрочем, наша ситуация содержит в себе и другие противоречия, ставит жизненно важные вопросы.

Чем еще отличается сегодняшняя “элита” от дореволюционной?

До революции мы имели соприродную русскому народу элиту, рожденную тысячу лет из самого этого народа, связанную с исторической Россией тысячами нитей, выросшую в традициях любви и почтения к нашей стране, ее истории, к русскому народу. В составе этой элиты русское дворянство как сословие занимало центральное место, было ее стовым хребтом, воспитывалось ею и воспитывало ее.

Однако легко видеть, что в наши дни новые выдвигенцы всё никак не могут стать настоящей русской национальной элитой, ни социально, ни политически, ни нравственно. Недотягивают до этой высокой планки. Людей, подобных тем же героям Отечественной войны 1812 года или декабристам, мы в их среде не обнаруживаем.

И дело не только в недостатке национализма, о чем говорилось выше.

Дело еще и в моральных качествах, и в характере образованности, в культуре.

В России не было своего “третьего сословия”, породившего европейскую буржуазную элиту. Роль этого сословия у нас сыграла интеллигенция.

Но... В своем абсолютном большинстве это интеллигенция была в лучшем случае всего лишь второго поколения, советской выделки, не потомственно-преемственная. В ее составе налицо засилие нерусского элемента; русское элитарное национальное сознание ей никто никогда даже не пытался привить, а прививали, напротив, интернационализм, западничество (в т. ч. в виде марксизма и либерализма) и эгалитаризм.

Таким образом, те, кто сегодня с грехом пополам мог бы претендовать на роль отечественной элиты, – либо не элита, либо не русские, либо русские, но без корней.

Прежняя, дореволюционная русская элита (дворяне, церковники, предприниматели, интеллигенция, кулаки, казаки), складываясь и вызревая тысячу лет, представляла собой мощный концентрат истории и духа, была по всем физическим и умственно-нравственным корням глубоко русской, имела уровень жизни выше среднего и держала в руках бразды правления обществом. А нынешняя “элита” – беспочвенна, легковесна и не имеет прочных устоев, в том числе национальных.

При этом наиболее интеллигентная страта, которая могла бы в ускоренном порядке породить элиту, близкую по качествам к дореволюционной, – вообще не допущена к рычагам власти, во всем зависима от сильных мира сего (не обеспечена, не приподнята над всем прочим обществом материально) и вообще, по большому счету, не элита.

А между тем, судьба нации – это во многом судьба ее элиты. Известно,

что рыба гниет с головы, но ведь и жить без головы ни рыба, ни кто другой не может. Какая голова, такая и жизнь.

Что же нужно, чтобы перековать современный российский политический класс и верхушку новой буржуазии в русскую элиту пусть не английского, но хотя бы дореволюционного образца?

Во-первых, все-таки национальная элита должна быть национальной. Она должна быть плотью от плоти своего народа. Иначе это уже не его элита. Если бы современная российская элита вся была не русская по крови, это значило бы просто, что у русских нет своей элиты.

К счастью, это не так.

Лучик надежды подает вышеописанный список “Золотой сотни” России, публикуемый журналом “Форбс” из года в год. Русский хозяин еще не вошел во власть, но уже встает на ее пороге.

Аналогичный процесс происходит и в управленческой среде.

Во-вторых, национальная элита должна быть националистична. Не просто патриотична (хотя и до этого в массе еще пока далеко), а именно националистична. Она должна любить свой народ, из которого произошла, заботиться о своем народе, думать о нем. Представитель национальной элиты не может рано или поздно не осознать, что национальная солидарность представляет ни с чем не сравнимый ресурс в конкурентной борьбе. Возьмите представителя английской элиты: это английский националист. Возьмите представителя еврейской элиты: это еврейский националист. Возьмите представителя казахской элиты: это казахский националист. И т. д. Это не случайность, а закономерность. Естественный национализм – любовь к своему народу, забота о нем – это свойство настоящих элит.

При этом необходимо понимать различие между гипотетической русской элитой и реальным русским чиновничеством. У русских чиновников не развито национальное самосознание. Но ситуация не безнадежна, она поддается коррекции. Можно и нужно своевременно озаботиться русским национальным воспитанием новой элиты, привитием ей русского национализма как модной и органичной парадигмы, ее русской национальной селекцией. Необходимо поднять ее хотя бы до того уровня русского национализма, которым блистало русское дворянство XVIII–XX вв. Вот что мы должны культивировать, пропагандировать и внедрять в интеллигентское сознание нашего возрожденческого века!

В-третьих, в национальной элите должна действовать нравственная выбраковка, должны действовать суды чести, должен действовать кодекс чести, грубое нарушение которого влечет к ostracism, к изгойству.

В дореволюционной России это было. Иногда официально (скажем, кодекс офицерской, дворянской чести), иногда – нет, но во многих профессиях существовали свои кодексы. Стать не рукопожатным в дореволюционной России не хотел бы никто, этого боялись. А в сегодняшней России все со всех – как с гуся вода. Кто из нынешних чиновников покончил бы с собой из-за нравственного урона? В наши дни значение такого сословного кодекса нравственности элиты нетрудно понять и почувствовать, настолько остро ощущается его нехватка!

В-четвертых, у настоящей элиты должно быть чувство настоящего хозяина, который заботится о своем хозяйстве. Настоящий патриотизм, настоящий национализм – это патриотизм и национализм истинного хозяина страны. Если мы посмотрим на нынешнюю “элику” России, то вот как раз этого – заботы о своей стране и своем народе – мы и не увидим. Это объяснимо. Эти люди – скорохваты, говоря словами Солженицына: ненастоящие хозяева, не природные хозяева, они не выросли в итоге вековой селекции. Они не являются биосоциальной элитой.

А российскому дому нужен хозяин. А то Родина-мать у нас вроде бы есть, а вот отца явно не хватает. Вместо него есть какие-то постоянно сменяющие друг друга отчимы, у которых бегают по двору 15 детишек, не своих, не чужих, а непонятно каких. С этим пора покончить, и наши умственные усилия нужно направить на создание подлинной национальной элиты.

В-пятых. Можем ли мы, говоря о русской элите, ее воссоздании, ограничиваться лишь судьбой нашего политического класса и бизнес-элиты, забывая о духовной элите нации? Нет, конечно. Это было бы даже как-то не по-русски.

И тут уместно завершить разговор цитатой из русского философа и богослова о. Павла Флоренского:

“Творческая личность не делается, никакие старания искусственно создать её воспитанием и образованием не приводят к успеху, и мечтать о массовых выводах творцов культуры значит впасть в утопию. Задача трезвого государственного деятеля – бережно сохранять немногое, что есть на самом деле, не рассчитывая на волшебные замки в будущем. Творческая личность – явление редкое, своего рода радий человечества, и выискивать её надо по крупицам. Государственная власть должна вырабатывать аппарат для вылавливания таких крупинок из общей массы населения. . .

Искать подобную личность надо всюду, под покровом всякой деятельности. Только весьма проницательные, опытные и крупные люди могут распознать подлинно творческие потенции, и для этого распознавания должен быть организован особый государственный аппарат, работа которого с лихвой окупится результатами. . .”.

Что нас ждет?

Путин сегодня пытается воспитывать патриотизм в представителях элиты. Делает он это довольно неуклюже, в соответствии с основами марксистской политэкономии, заложенной ему в ум при обучении в советском вузе. А может, ему вспоминается евангельская максима “где будет имущество ваше, там будет и сердце ваше”? Во всяком случае, в российских верхах началась не просто кампания, а настоящая борьба, имеющая целью принудить богатых россиян к размещению своих состояний в отечественных банках и инвестициях, а не в офшорах.

Большинство наблюдателей относится к этому скептически, а напрасно, ведь Путин уже зарекомендовал себя как человек упорный, умеющий настойчиво добиваться поставленной цели. В частности, чтобы преподать суровый урок “офшористам”, Россия не только не стала всерьез защищать их интересы на Кипре, но и использовала кипрский кризис как урок и весьма злорадное назидание: мол, не надо было держать капиталы за рубежом, господа хорошие. Более того, отныне Минфин РФ будет требовать у всех стран, которым РФ предоставляет кредиты, полной финансовой прозрачности во всем, что касается российских учредителей и бенефициаров зарегистрированных на их территории компаний. И подобных системных мер намечено еще немало.

Перевоспитание элиты, несомненно, не ограничится действиями международного характера. Наблюдатели уже говорят о своего рода верхушечной гражданской войне, развязанной Путиным против собственной элиты, выросшей в том числе и за годы его правления. Если в течение первых десяти лет правления Путин по ряду причин не мог позволить себе традиционный для русских самодержцев “перебор людишек” (выражение Ивана Грозного), то теперь настало время “большой зачистки” и отделения овец от козлищ. Но ведь для подобной цели необходимо иметь своих опричников или, на худой конец, лично преданных гвардейцев, спрос на которых резко возрастает и влечет за собой тектонические подвижки внутри элит.

В частности, как подметила Крыштановская, главными отличительными особенностями Путинской элиты являются: 1) снижение доли “интеллектуалов”, имеющих ученую степень; 2) увеличение представительства бизнеса во властных структурах, связанное с объективным изменением роли новой буржуазии в обществе; 3) “провинциализация” элиты и 4) резкое увеличение числа военных во власти. Если третье и четвертое можно приветствовать, а второе принять как данность, то первое свидетельствует о том, что Путин разошелся с еврейскими умниками, составявшими бригаду “политических лоцманов” ельцинской эпохи* (что очень хорошо), но не сумел найти им замену из числа русских интеллектуалов (что очень плохо). Почему не сумел? Со стороны судить трудно. Хуже всего, если это обусловлено излишней уверенностью Путина и его ближнего круга в собственных умственных силах. Разрыв Кремля с русской интеллектуальной элитой может очень дорого обойтись стране.

* К сожалению, в области национальной политики рулят по-прежнему ельцинские лоцманы: Эмиль Паин, Валерий Тишков и др.

Необходимо отметить и другую опасность. Воспитательные усилия Путина по адресу власть и деньги имущих — это, конечно, хорошо, правильно. Но его правление отличает одна черта, которая может поставить под угрозу такие планы.

Дело в том, что огромные капиталы, сложившиеся у столичной бизнес-элиты и лично у верхушки руководства страны, толкают Россию на путь империализма, пробегая форсированными темпами национал-капиталистическую стадию. Не случайно такие агенты российской капитализации, как Анатолий Чубайс и Альфред Кох — нерусские и, по мнению многих, антирусские деятели, — заявили концепцию “либеральной империи”. То есть вместо военного завоевания бывших советских республик СССР (а там и других) предлагается выстраивание системы “господства — подчинения” между метрополией (Россией) и протекторатами, доминионами, колониями (другими странами) с помощью исключительно экономических инструментов, в частности — экспорта энергоресурсов.

Ситуация — классическая: естественная и ожидаемая (читайте Ленина “Империализм как высшая стадия капитализма”).

Порою кажется, что Путин вдохновляется именно этой идеей. И что он действительно взялся выстраивать империю, для начала под видом Евразийского союза, в интересах крупного сырьевого капитала (госкорпоративного в том числе). Увы, президент забыл о плачевном историческом опыте двух рухнувших подряд за какие-то семьдесят четыре года нечуждых нам государств: Российской империи и СССР. Он упрямо строит очередную псевдоимперию: государство не русских и не для русских, но за счет русских. Перестраивая для начала под эти цели нашу мононациональную Россию.

Но беда в том, что империализм плохо совместим с национализмом. А в условиях демографического упадка он просто губителен для государствообразующего народа. Соответственно, режим воспроизводит уже однажды показавший свою порочность алгоритм: вместо русской националистической элиты складывается имперская элита с ее опасным и бесплодным “безродным патриотизмом” и “великодержавным космополитизмом”*. Создается правящий класс безнационально-патриотического (по сути, интернационалистского) закваса, ориентированный на фантомную “российскую нацию” — аналог советского народа. Хотя никакой российской нации в природе не было, нет и быть не может.

Чем это кончится — показывает судьба Советского Союза. Но прочесть эту судьбу правильно и извлечь уроки этим людям, как видно, не дано. И не будет дано, пока в России не вызреет, наконец, новая русская национальная элита. В полном смысле этого слова.

* Идеологическим центром этой элиты выступает “Изборский клуб”.

МИХАИЛ ТИТАРЕНКО

академик РАН

КИТАЙ — НАШ СОСЕД

К итогам XVIII съезда Компартии Китая

Китай — наш большой сосед, обладающий многотысячелетней удивительной культурой, с удивительным народом, который с большим уважением относится к России. В судьбе китайского народа наша страна и наш народ сыграли большую роль. Солидарность с китайским народом, страной, добрососедство, дружба и сотрудничество имеют судьбоносное значение и для нас, и для Китая. Опыт тяжелых испытаний, который мы переживали в течение 20 лет, когда в 1960-е годы наши отношения испортились, показал, что эти годы потеряны и для России, и для Китая. Если бы этих 20 лет не было, я думаю, что развитие и нашей страны, и Китая было бы другим. Но, как говорится, сослагательного наклонения у истории не бывает.

Древний китайский мудрец и стратег Сунь-цзы, учение которого до сих пор изучают в военных академиях (и наших, и западных), говорил: “Знай себя, знай других, и ты будешь непобедим”. “Познай себя” — это общий лозунг всех мудрецов всех цивилизаций. Лозунг “Знай себя, своих противников и других партнеров” раскрывает особенности китайского менталитета, китайского подхода к действительности. В этом случае ты будешь непобедим. Это стратегема китайской политической культуры. В этом китайском принципе, сформулированном Сунь-цзы, содержится ответ на вопрос Льва Николаевича Гумилева: почему все цивилизации существуют не больше двух тысяч лет? Дальше — архив, цивилизация уходит в историю. А китайской цивилизации уже более 5 тысяч лет, и умирать она не собирается. В чём причина того, что китайская культура может так самообновляться, самовозрождаться, самоадаптироваться к изменениям обстоятельств, к новым условиям?

В холле Института Дальнего Востока в Москве на стене висят два стенда на китайском языке с заповедями Конфуция — цитатами из “Лунь Юя” — библии китайской культуры. Первая заповедь гласит: “Учиться и время от времени повторять и совершенствовать изученное — вот в чём радость!” Радость — в учёбе, совершенствовании того, что вы выучили, и в применении того, че-

ТИТАРЕНКО Михаил Леонтьевич родился в 1934 году в Брянской области. Окончил МГУ, факультет китайского языка Пекинского университета и философский факультет Фуданьского университета. Доктор философских наук, академик. Директор Института Дальнего Востока РАН.

му научились. С этими словами к нам через 2,5 тыс. лет обращается Конфуций. Это принцип китайской культуры. Развивая эту мысль, Конфуций говорил: “Из двух спутников один обязательно учитель”. Вторая заповедь: “Вот друг прибыл издалека, какая это радость!” Принцип китайской культуры – умение заводить друзей, использовать и беречь дружбу. Известный современный китайский писатель и публицист Ван Сяобо (1952–1997) в эссе “Чем отличается счастье Востока от счастья Запада” развивает идеи Конфуция применительно к сегодняшней действительности: “Главное различие в духовных основах цивилизаций Запада и Востока таково: западный человек охвачен жадной материальных благ, а человек восточный полностью поглощён проблемой межличностных связей; первый получает удовлетворение в процессе завоевания, второй испытывает счастье от любви и эмоциональной близости, возникающей между людьми”¹.

Эти заповеди и принципы важны и для нас.

Именно эти два принципа сближают культуру России и Китая, именно с их учётом строятся российско-китайские отношения и диалог наших культур.

Итак, Китай – наш сосед, с которым Россия имеет общую границу протяжённостью 4,3 тыс. км (во времена Советского Союза граница составляла 7,5 тыс. км). Это самая протяжённая в мире сухопутная граница. Мы с Китаем в XII и частично в XIII веке входили в империю Чингисхана. Киевско-Новгородская Русь была западным, а Китай – восточным улусом великой империи Чингисхана. Русь удержала завоевателей и не пустила их в Европу, чем спасла её от нашествия, пожертвовав 200 лет своей истории, как говорил Пушкин. Советниками Чингисхана, Батыя, их армий во время их походов на Киевскую и Новгородскую Русь были ханьцы, которых русские впоследствии назвали китайцами. Их так мы именуем по названию племени, которого сейчас уже не существует, – оно полностью истреблено или ассимилировано другими народами. Это племя – кидани – жило на территории нынешней китайской Внутренней Монголии и независимой Монгольской Республики. Русские казаки, продвигаясь на Восток, при встрече с этим народом спрашивали: “Вы кто?” – “Кидань”, – отвечали они. Так появился топоним и этноним “китайцы”, отсюда и слово “Китай”. Это единственное в мире название страны, которое не соответствует собственному топониму: Чжунь Го – Срединное государство.

Население Китая в настоящее время составляет примерно 1,5 млрд человек (официально 1,4 млрд). Но российские демографы считают, что численность населения Китая значительно больше. А в России проживают 140 млн человек – в 10 раз меньше. В районах России, которые граничат с Китаем, на Дальнем Востоке проживают около 6 миллионов, в Восточной Сибири – примерно 8 миллионов. Всего 14 миллионов. А в трёх приграничных провинциях Китая проживают 125 миллионов китайцев.

Китай – уникальная страна, страна трудолюбивых, людей интенсивнейшего труда. Владимир Владимирович Путин на своей пресс-конференции, а до этого – в своём послании Федеральному Собранию с гордостью сообщил, что Россия владеет 55% мировой пашни, но собирает менее 90 млн т зерновых. Китай – всего 7% мировой пашни, но кормит 22% населения планеты, собирая по два-три, а в некоторых районах – до пяти урожаев в год. Интенсивность китайского земледелия – 571 млн т зерновых (абсолютный рекорд в мире). Страна, не имеющая пастбищ, занимает первое место в мире по производству мяса (говядины, свинины, птицы), яиц, молока, производит огромное количество сельскохозяйственной продукции. В Китае, прежде всего, развито стойловое животноводство и земледелие. Это страна, про которую еще 20–30 лет назад говорили: нищая, бедная, отсталая. Некоторые до сих пор живут этими представлениями. Китай в течение 10 лет смог занять второе место в мире по совокупной мощности производства (2 года назад обогнал Японию, 3 года назад – Германию), его ВВП превышает 7,4 трлн долл. Это почти в 2,5 раза меньше, чем в Соединенных Штатах Америки, но на 500 млн больше, чем в Японии.

Китай сегодня – это всемирная фабрика. Он производит 28% мирового ширпотреба. Китайский ширпотреб можно встретить в Антарктиде, в Аркти-

¹ Китайские метаморфозы: современная китайская художественная проза и эссеистика / Сост. и отв. ред. Д. Н. Воскресенский. М., 2007. С. 472.

ке – где угодно. Китайцы посадили американцев на свою “ширпотребную иглу”. Они производят качественную и дешёвую продукцию. В Россию “челноки” ввозят дешёвую некачественную продукцию, выдавая ее за качественную, поэтому у нас сложилось впечатление, что китайская продукция – низкого качества. В Америке можно купить продукцию “Versace” и других знаменитых фирм (американских, итальянских, английских, немецких), изготовленную в Китае: “Made in China”!

Китай сегодня производит 60% цемента, более 40% стали (800 млн т) от всего мирового производства. Иосиф Виссарионович Сталин 9 февраля 1946 года, выступая перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы, изложил программу создания могучего и великого Советского Союза. Среди других показателей звучала и такая цифра: “Если мы будем производить 20 млн т стали, то нам ничего не страшно”. По тем временам это был огромный показатель. А сегодня Китай производит 800 млн т стали, примерно столько же чугуна и т. д. Можно привести много других цифр, они есть в справочниках, например, в ежегоднике Института Дальнего Востока “Китайская экономика, культура, политика”.

После “культурной революции”, которая разрушила Китай и дезорганизовала экономику, китайские руководители и народ извлекли урок из этой трагедии и с огромным напряжением сил начали развивать свою страну. Дэн Сяопин выдвинул лозунг: “Напрягать все силы, чтобы восстановить страну, и идти по пути реформ и открытости, переходить реку, нащупывая камни”. Искать брод, ощупывая камни, – значит, действовать методом проб и ошибок. Прошло уже более 30 лет (с 1978 года) со времени начала проведения политики реформ и открытости. Китай совершенно изменился. В 1957 году я в качестве студента-стажера в первый раз приехал в Китай на старый Пекинский вокзал. Сойдя с поезда, я увидел длинное, казарменного типа здание. Сегодня в Пекине построены два огромных новых вокзала. Люди тогда казались маленькими, худенькими, щупленькими, были одеты кто в синее, кто в зелёное, все – одинаково, присмотришься – сине-зелёная толпа. В 1957 году средний доход китайского крестьянина в деревне (я вместе со своими коллегами поехал в деревню и видел, как выживает китайский народ) составлял 60 долл., то есть люди жили на подножном корму. Маленький клочок земли назывался приусадебным участком, на котором крестьянин выращивал семь урожаев в год. Одна культура всходила, другую сажали рядом. Зимой, пока не наступали холода, из камыша делали щиты и сажали шпинат, стелющийся по земле, благодаря чему он выживал. В нашей коммуне нас кормили следующим образом: раз в неделю давали кусочек рыбы, раз в неделю – маленькую куриную ножку. Все ели рис, когда он закончился – кукурузу и батат (сладкий картофель). Ну, а потом – что придётся. Во время этого эксперимента от голода погибли 25 млн человек.

Я работал в Генконсульстве России в Шанхае и видел в проплывающих по реке джонках кричащих голодных детей. Это было в 1961 году. Мы боялись выходить на балкон консульства, потому что было страшно смотреть, как мать бросает зимой в реку кричащего ребенка. К сожалению, всё это было. В Шанхае на высоте человеческого роста (1,5–2 м) на платанах была содрана кора, сорваны листья. Если будете в Шанхае, то обязательно посмотрите на здание нашего Генконсульства: в центре Шанхая, на набережной реки Хуанпу (приток реки Янцзы), на углу стоит четырёхэтажное красивое здание, построенное в 1916 году, во времена Николая II.

Китай прошёл через всё это и сконцентрировал свои силы на развитии экономики. На состоявшемся с 8 по 14 ноября 2012 года XVIII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) была поставлена задача: удвоить ВВП к 2020 году. Маленькие показатели увеличить достаточно легко, а удвоить 7,5 трлн долл., то есть довести ВВП до 15 трлн – непростая задача. Поставлена совершенно уникальная задача: впервые в истории мировой экономической практики увеличить и без того колоссальный ВВП вдвое. Соответственно должен удвоиться и уровень жизни населения. Я уверен, что китайцы решат эту задачу.

Китайцы сохранили хорошее, советское отношение к труду, о котором пелось в песне: “... была бы только Родина”. При этом они развивают рыночную экономику, которая не разрушила отношения к труду, а усилила его мотивацию. Реформы проводятся с опорой на метод, выдвинутый уже после Дэн Ся-

опина Генеральным секретарем КПК Цзян Цзэминем: реформу надо осуществлять так, чтобы каждый гражданин страны почувствовал её в своём кармане, то есть каждый ощутил пользу от неё, собственную заинтересованность в ней. Это первый принцип. Второй принцип: реформу нужно осуществлять так и такими темпами, чтобы её негативные последствия могло перенести абсолютное большинство населения, чтобы люди могли это вынести без большого ущерба для себя. Китайцы этим принципам следуют до сих пор.

Еще один момент: сочетание реформы и всех преобразований с национальной культурой, национальными корнями, психологией. Китайцы, в соответствии с конфуцианскими идеями, прежде чем выработать свою тактику реформ, изучили опыт реформ всех стран: Америки, Германии, Японии, Тайваня. Очень многое, кстати, позаимствовали они у Тайваня. И косыгинские реформы изучили, и маленковские реформы 1953 года. Потом всё переработали и китаизировали, укоренили на своей почве. То, что приемлемо и работает в Китае, оставили, то, что неприемлемо, даже если это очень хорошо звучит, отбросили. Этого принципа нам не хватало в проведении наших реформ. Мы обезьянничали. Американцы давно не применяют шоковую терапию, которая подорвала экономику нашей страны. Мы до сих пор не вышли из экономического кризиса, до сих пор наше машиностроение, станкостроение, многие отрасли промышленности разрушены и пока не восстановлены. Владимир Владимирович Путин прилагает колоссальные усилия, но бизнес в выполнении его поручений рвения пока не проявляет.

А китайцы выработали такую мотивацию, которая опережала требования и желания правительства. Они создали потрясающий инвестиционный климат. На пресс-конференции Владимир Владимирович Путин сказал: «Стабильность, говорят наши так называемые реформаторы, — это застой. Но в Китае главный принцип — стабильность. Это не застой». В 2011 году прирост ВВП в Китае составил 10,5% (в разных отраслях по-разному). Это средний показатель. В 2012 году — 7,5–8%. Китайцы максимально используют свои преимущества для создания благоприятного инвестиционного климата. Надо сначала обеспечить такие условия, чтобы бизнес — малый, средний, большой — был заинтересован, укоренился, накопил первоначальный капитал и получил возможность для самоинвестиций, а только потом можно брать с него налоги. А у нас всё наоборот. Бизнес ещё ничего не сделал, а его уже, как липку, ободрали.

Когда-то рядом с Благовещенском, на другой стороне Амура, стояла захудалая деревушка, сейчас это современный город Хэйхэ с пятью пятизвездочными гостиницами и населением 450 тыс. человек. Жители Читинской и Амурской областей ездят туда за товарами, на отдых, покупают там квартиры (которые в 2,5 раза дешевле, чем в России). Вот что значит укоренить, создать климат, заинтересовать. Именно это делают наши китайские коллеги.

Успехи Китая вызывают неоднозначную реакцию в других странах, особенно у таких партнёров, как Америка, Япония. Да и в России есть немало людей, которые утверждают, что быстрое развитие Китая несёт угрозу экспансии в нашу страну. Нужно сказать, что развитие Китая идёт неравномерно. Активно развивается приморская часть: Шэньян, Дальний, Пекин, Шанхай, Циндао, Ухань, Гуаньжоу, которая далеко вырвалась вперед. Китайскими руководителями поставлена задача: сформировать к 2020 году общество среднего достатка. В этом районе — в Пекине, Шанхае, Гуаньжоу — она фактически уже выполнена. Но между приморскими и внутренними районами наблюдается очень большой разрыв, и это серьёзная проблема. Ещё одна серьёзная проблема — разрыв между городом и деревней (в 6–7 раз), между регионами (до 10–15 раз).

Дэн Сяопин выдвинул задачу обогащаться (тем, кто может), то есть поодиночке, что породило серьёзную социальную проблему — разрыв между богатыми и бедными. Причем коэффициент разрыва зашкаливает. Китайцы — народ терпеливый, но до поры до времени. Разрыв между городом и деревней обусловил другую серьёзную проблему в деревне. Бурное строительство и развитие городов породило проблему изъятия, реквизиции земли у крестьян по низкой цене. Это вызывает протесты со стороны крестьян. В результате возник целый комплекс проблем.

XVIII съезд КПК стал одним из самых заметных политических событий на мировой арене. На съезде произошёл переход руководства страной к новому

поколению китайских лидеров, которым предстоит решать политические, экономические, оборонные, дипломатические задачи самой многонаселённой страны мира в предстоящие 10 лет. Закономерным результатом стала смена главы государства и правительства КНР, которая произошла в марте 2013 года на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП).

Китай подошёл к этому событию с огромными достижениями и одновременно с серьёзными вызовами и социальными противоречиями, которые существенно повлияли на сплочённость партии. В КПК при соблюдении уставного организационного единства сложилось три течения.

Представители первого, леворадикального течения считают, что реформы и открытость привели к социальной и имущественной поляризации общества и создали угрозу капиталистического перерождения страны. Одним из видных представителей этого направления был Бо Силай. В России многие учёные также утверждают, что в Китае, по сути, “под красным знаменем, под флагом социализма с китайской спецификой строится капитализм”. Левые считают, что в Китае усиливается разрыв между городом и деревней, богатыми и бедными, то есть идёт реставрация капитализма.

Второе течение очень разномастное, условно его можно назвать либерально-западническим. Главными теоретиками этого течения выступают отдельные представители партийной и деловой элиты, в том числе и ряд профессоров Высшей партийной школы при Центральном комитете КПК. Они, в том числе бывший премьер Вэнь Цзябао, настаивают на ускорении проведения широкой политической реформы, выступают за расширение демократии, политический и идеологический плюрализм. Наиболее радикальные либералы настаивают на изменении политического и экономического строя по западному образцу, создании многопартийности. Сторонники либерализации внутри КПК выступают за последовательный переход Китая к рыночной системе экономики по американскому образцу, изъятие из Устава КПК упоминания о марксизме-ленинизме и идеях Мао Цзэдуна и реализацию лишь последних новаций – философии Дэн Сяопина, освобождённой от социалистических “украшений”.

За годы реформ более 4 млн китайских граждан обучались за границей. Они привыкли к западному образу жизни, знакомы с западной системой ценностей, которая отличается от китайской, это другой уровень культуры. Часть из них (2 млн) вернулись на Родину и считают, что пора прекратить разговоры о социализме с китайской спецификой. “Мы строим рыночную экономику. Всё происходит благодаря рынку, реформам”, – это мнение определённой прослойки, *креативного класса*.

Третье течение, главными представителями которого являются прежние лидеры КПК и страны Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, отстаивает идеи строительства китаизированного социализма с учётом этапности его развития. Ныне, по их мнению, несмотря на огромные достижения, Китай по-прежнему находится на начальной стадии строительства китаизированного социализма и общества среднего достатка. КПК должна быть сплочённой и руководствоваться пятизначной формулой идеологических основ: марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями тройного представительства (были выдвинуты Цзян Цзэминем) и научной концепцией развития (новация Ху Цзиньтао). Трёхзначная формула, включающая последние три компонента, объявлена творческим развитием марксизма-ленинизма применительно к современным условиям Китая и идеям Мао Цзэдуна. Они равнозначны.

На съезде победила эта линия, была подтверждена преемственность курса на строительство социализма с китайской спецификой и решение задачи удвоения ВВП к 2020 году, а также повышения в два раза уровня жизни населения. В этом случае средний доход будет составлять 10 тыс. долл. в год на человека.

Основные направления политического и экономического развития и международной политики

XVIII съезд КПК определил целый ряд направлений экономического, политического, военного и дипломатического характера, по которым страна будет развиваться в течение ближайших пяти, а вероятно, и десяти лет. В начале своего доклада Ху Цзиньтао сказал: “В настоящий момент ситуация в мире,

в стране и внутри партии продолжает претерпевать глубокие изменения, нам же предоставлены *небывалые шансы на развитие, но в то же время и невиданные ранее опасности и вызовы*". Помня о доверии и важном поручении народа и партии, отмечает далее докладчик, надо более вдохновенно и добросовестно работать, чтобы можно было продолжать: 1) *продвигать научное развитие*; 2) *стимулировать социальную гармонию*; 3) *улучшать жизнь народа*.

В канун проведения XVIII съезда КПК Государственное статистическое управление КНР обнародовало доклад, отражающий успехи в социально-экономическом развитии Китая за последние 10 лет (с XVI съезда КПК в 2002 году), то есть фактически за годы, предшествовавшие мировому финансовому кризису, совпавшие с его самой острой фазой и посткризисным развитием. Однако до сих пор не решены проблемы индустриализации, информатизации, урбанизации, модернизации сельского хозяйства и охраны окружающей среды. Хотя эти данные показывают, что в целом по уровню социального обеспечения, суммарной национальной мощи, международной конкурентоспособности и влиянию Китай находится в первой сотне стран. Иными словами, *Китай остаётся развивающейся страной*.

Вместе с тем, следует признать, что достижения Китая грандиозны. Несмотря на серьёзное давление, которому подверглась в этот период китайская экономика, Китаю удалось справиться с вызовами и рисками глобального кризиса. По мнению многих экспертов, из кризиса Китай не только вышел с минимальными потерями, но и в последующие годы даже увеличил свою экономическую мощь. Это позволило ему подготовиться к новым угрозам и рискам, формирующимся на международной экономической арене. В частности, в Китае сегодня стали уделять пристальное внимание таким факторам, как обострение конкуренции в сфере суммарной национальной мощи и борьба с протекционизмом.

В целом следует признать, что принятый на XVII съезде КПК руководством КНР план развития экономики, уточнённый в кризисном 2009 году, позволил стране уйти от наиболее серьёзных последствий мирового финансового кризиса, не допустить перехода финансового кризиса в экономический, расширить внутренний спрос и сохранить высокие темпы экономического развития по сравнению с другими странами мира. Результаты развития экономики КНР в течение 30 лет реформ и выработанные меры по преодолению последствий мирового финансового кризиса дают основания сделать вывод о том, что Китай пострадал от него в меньшей степени, чем другие страны мира.

На протяжении 10 лет общий объём ВВП Китая непрерывно рос. В 2011 году ВВП страны достиг 47,2 трлн юаней, или 7,3 трлн долл. (1 долл. – 6,3 юаня), что, за вычетом ценового фактора, в 2,5 раза больше показателей 2002 года.

В 2010 году Китай по совокупному объёму национальной экономики вышел на вторую строчку в мировом рейтинге, опередив Японию и уступив лишь Соединённым Штатам Америки. Доля объёма ВВП КНР в мировом масштабе увеличилась с 4,4% в 2002 году до 10% в 2011-м.

По данным китайского Госстата, в 2002–2011 годах в Китае наблюдалось стремительное увеличение среднедушевого ВВП, который в 2011 году достиг 35 083 юаней, что, с учётом ценового фактора, в 2,4 раза больше показателей 2002 года, *среднегодовой темп роста составил 10,1%*. Исходя из расчёта среднего уровня обменного курса юаня к доллару США, среднедушевой ВВП в Китае вырос с 1135 долл. в 2002 году до 5432 долл. в 2011-м. Для самой населённой страны мира это весьма существенный показатель.

За этот период в Китае было отмечено стабильное увеличение финансовых доходов. В 2011 году они достигли 10 трлн 374 млрд юаней, что в 5,5 раза больше по сравнению с показателями 2002 года. При этом среднегодовой рост составил 20,8%.

По состоянию на конец 2011 года валютные резервы Китая достигли 3 трлн 181,1 млрд долл., увеличившись в 11,1 раза по сравнению с аналогичным показателем 2002 года, их среднегодовой рост составил 30,7%. По этому показателю Китай 6 лет подряд занимает первое место в мире.

Всё это говорит о реальности выполнения за 8 лет задачи удвоения ВВП и уровня доходов населения, возможен рост и в 2,5 раза, в таком случае Китай превзойдёт США по этому показателю.

В докладе Государственного статистического управления КНР говорится, что благодаря разработке и реализации пакета политико-экономических мер, нацеленных на поддержание развития национального сельского хозяйства, заметно повысился потенциал зернового производства и совокупной производственной мощности сельского хозяйства, а также упрочилось базисное положение сельского хозяйства.

В Китае обеспечен устойчиво высокий урожай зерна и отмечено всестороннее развитие сельского, лесного, рыбного хозяйства и животноводства. В 2011 году валовой объём сбора зерновых достиг 571 млн 210 тыс. т, что на 114 млн 150 тыс. т (или 25%) больше, чем в 2002 году, а урожайность зерна с 1 му (1 га – 15 му) достигла 344 кг, увеличившись на 51 кг (или 17,4%) по сравнению с показателями 2002 года, среднедушевой сбор зерна вырос до 425 кг (рост на 19,1%).

Китайцам удалось обеспечить распространение китайской промышленности на мировой арене и стать “всемирной фабрикой”. В 2010 году удельный вес обрабатывающей промышленности Китая в мировой обрабатывающей отрасли составил 19,8%. По этому показателю Китай стал крупнейшей страной в мире, обогнав США. Из 500 видов основных промышленных товаров 220 – китайского производства, Китай занял лидирующее место по объёму выпуска автомобилей (около 20 млн).

За указанный период были отмечены расширение масштабов и повышение качества и эффективности использования зарубежных инвестиций. По объёму использования иностранного капитала Китай вышел на второе место в мире. В 2003–2011 годах общий объём реально использованных Китаем прямых зарубежных инвестиций в нефинансовом секторе достиг 716,4 млрд долл., среднегодовой рост составил 9,2%.

По оценкам Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Китай по-прежнему остаётся самой привлекательной страной для зарубежных инвесторов. В 2011 году объём притока прямых иностранных инвестиций в экономику Китая составил 124 млрд долл., что стало рекордным показателем.

Согласно отчётному докладу ЦК КПК на XVIII съезде партии, главные задачи в области социально-экономического развития: продолжение экономических реформ, ускорение перехода к новой экономической модели развития, укрепление сектора реальной экономики, построение общества средней зажиточности к 2020 году.

В политической сфере была констатирована возможность реформы политической системы КНР. Однако в дополнительных публичных разъяснениях реформирования политической структуры Китая по образцу и типу западных демократий было категорически отвергнуто. Среди других задач отметим такие, как построение экологического общества, обеспечение участия народа в демократических выборах, демократическом управлении, демократическом контроле, построение общества, управляемого по закону и нравственным нормам, что является фактическим повтором тезиса о построении правового государства в Китае, выдвинутого более 15 лет назад, а также построение мощного культурного государства.

В сфере военной политики было подчеркнуто, что оборонное строительство будет вестись “симметрично международному положению”. Как заявлено в докладе съезду партии, КНР “необходимы вооружённые силы, отвечающие статусу Китая, интересам государственной безопасности и развития, – в этом состоит стратегическая задача модернизации вооружённых сил”. “Вооружённые силы должны развиваться в ногу со временем и активно использоваться в мирное время для защиты морского, космического и сетевого пространства, выполнять разнообразные боевые задачи в условиях информатизации”.

Китай, как было заявлено на съезде, должен превратиться в мощную морскую державу. В этом контексте ранее была разработана программа по созданию авианосцев, а в конце декабря начата тестовая отработка использования авиацией пока единственного китайского авианосца “Ляонин” – построенного в Китае советского авианосца “Варяг”.

Целью усиления военного строительства является “защита суверенитета, безопасности, территориальной целостности, обеспечение условий для мирного развития”. Китайская армия будет и впредь и в сотрудничестве с другими странами участвовать в региональных и международных операциях по поддержанию мира (участие в международных миротворческих операциях, в опе-

рациях по патрулированию морских судоходных путей), играть активную роль в обеспечении международной безопасности.

Главные дипломатические усилия необходимо сосредоточить на решении тайваньской проблемы, дальнейшей реализации курса “одна страна – две системы”. При дальнейшем сближении Китая и Тайваня КПК намерена поддерживать контакты и вести диалог с любым политическим движением или политической партией Тайваня, “если она признает, что континентальный Китай и Тайвань принадлежат одному Китаю”. О прогрессе в этом направлении свидетельствует то, что Ху Цзиньтао предложил заключить соглашение о мире между берегами. Об этом же свидетельствуют обширные экономические, культурные и гуманитарные контакты. Тайваньские бизнесмены реализовали свыше 200 млрд долл. инвестиций на материке. Миллионы тайваньцев ежегодно посещают континентальный Китай, и ещё большее число жителей материка посещают Тайвань, учатся там и работают.

Другим направлением китайской внешней политики должно стать взаимодействие с Организацией Объединенных Наций по проблемам мирного развития, обеспечения безопасности, противодействия экспансионизму, проявлениям “жесткой силы”, преодоления международных противоречий по экономическим вопросам.

Китай намерен “развивать и укреплять отношения с соседними странами”, в чём можно видеть оценку взаимодействия между Китаем и Россией. Если следовать этой логике, то можно сказать, что отношения с Россией остаются для Китая важными и необходимыми. Об этом свидетельствуют и заявленные на партийном съезде приоритеты политики КНР на мировой арене.

Эти приоритеты проглядываются в следующей формуле, изложенной в отчётном докладе съезду партии: “Мы будем активно участвовать в многосторонних проектах, поддерживать ООН, страны “Двадцатки”, ШОС, БРИКС и другие организации, направлять международный порядок в сторону рациональности и справедливости”.

Вместе с тем аналитики китайской внешней политики прогнозируют, что в ближайшие годы основным дипломатическим объектом КНР станут Соединённые Штаты Америки. С этой целью в американском секторе китайской дипломатии будут предприниматься попытки *выстраивания новых отношений Китая и США* и недопущения перерастания возникающих политико-экономических, военных и региональных (прежде всего, с точки зрения столкновения китайско-американских интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе) противоречий с Вашингтоном в острое противостояние.

Следует сказать, что партийный съезд лишь начал *перегруппировку политических и кадровых сил* и сформулировал самые общие положения будущего развития страны. Эти векторы в ближайшие пять лет будут конкретизироваться, видоизменяться и трансформироваться. Но основным побудительным мотивом таких изменений остаются китайские интересы в современном глобализирующемся мире.

Один из самых неоднозначных и интересных вопросов, поднятых на съезде, – вопрос о кадровых решениях, хотя кадровые перестановки были ожидаемыми.

“Кадры решают всё!”

Кадровый состав руководящих органов ЦК КПК выглядит следующим образом.

Генеральный секретарь ЦК КПК – Си Цзиньпин.

Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК: Си Цзиньпин, Ли Кэцян, Чжан Дэцзян, Юй Чжэншэн, Лю Юньшань, Ван Цишань, Чжан Гаоли.

Военный совет ЦК КПК: председатель – Си Цзиньпин; заместители – Фань Чанлун, Сюй Цялян, а также 8 его членов.

Центральная комиссия по проверке дисциплины (ЦКПД) КПК: секретарь – Ван Цишань. Кроме того, избрано 8 заместителей секретаря, 16 членов Постоянного комитета и несколько десятков членов комиссии.

Аналитики выделяют в структуре нового руководства несколько политических “клубов”, или направлений. Прежде всего, говорят о присутствии в высших эшелонах партийной власти *тайцзыдан* (партии “наследных принцев” – родственников и детей представителей высшего китайского руководства пер-

вого старшего поколения), далее называют *туаньпай* (комсомольская группировка молодых и амбициозных политиков, продвинувшихся в партийных и административных органах за последние 15–18 лет), а также “шанхайский клан” Цзян Цзэминя и группировку бывшего генсека Ху Цзиньтао. Во многом такая классификация носит условный характер.

Многие зарубежные эксперты говорят о компромиссности пары Си Цзиньпин–Ли Кэцян (он сменил на посту премьера Госсовета Вэнь Цзябао на мартовской сессии ВСНП). Аналитики утверждают, что этот компромисс был достигнут на закрытой встрече в курортном Бэйдайхэ в августе 2012 года. Там же были приняты важнейшие кадровые решения, в том числе по введению до съезда в Военный совет ЦК КПК двух генералов, которые (вслед за неожиданной для большинства передачей полномочий главы Военного совета Си Цзиньпину) стали его заместителями.

Имеет смысл подробно представить трёх членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, занявших главные партийные посты и высшие государственные должности, – Си Цзиньпина, Ли Кэцяна, а также Ван Цишаня, избранного не только членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, но и секретарём Центральной комиссии по проверке дисциплины, которой отводится особо важная роль в борьбе против коррупции и за чистоту рядов более чем 82,5 млн членов КПК.

Си Цзиньпин (59 лет)

Генеральный секретарь ЦК КПК, председатель Военного совета ЦК КПК. Председатель КНР и Центрального военного совета КНР.

Си Цзиньпин, который лишь в марте 2007 года стал секретарём шанхайского парткома, на XVII съезде КПК уже был введён в Постоянный комитет Политбюро.

Родился 1 июня 1953 года в уезде Фупин провинции Шэньси.

Его отец Си Чжунсюнь (1913 года рождения) относился к числу “руководителей партии и государства первого поколения”, в 1959 году стал заместителем премьера Госсовета. В годы “культурной революции” подвергался репрессиям, вернулся на руководящую работу в 1979 году (стал главой провинции Гуандун), в 1982–1987 годах был членом Политбюро ЦК КПК и одним из наиболее активных сторонников политики Дэн Сяопина.

В январе 1969 года Си Цзиньпина в 16-летнем возрасте, после того как его отец был “свергнут”, отправили в производственную бригаду в деревню в северной части провинции Шэньси, где он пробыл 6 лет, стал там секретарём первичной парторганизации. После возвращения окончил инженерно-химический факультет университета Цинхуа, затем, не покидая занимаемой должности, получил степень доктора юридических наук. После окончания университета работал секретарём члена Политбюро ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета КНР, начальника секретариата Военного совета ЦК КПК Гэн Бяо.

На XV съезде Си Цзиньпин был избран кандидатом, а на XVI – членом ЦК КПК. На XVII съезде по рекомендации Цзян Цзэминя был избран членом Политбюро, членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и заместителем генерального секретаря ЦК КПК, а затем заместителем председателя КНР, то есть он был выдвинут кандидатом в преемники Ху Цзиньтао.

Супруга Си Цзиньпина Пэн Лиюань – популярная певица, в настоящее время – художественный руководитель ансамбля песни и танца Главного политического управления Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Пэн Лиюань посетила с гастролями более 50 стран мира, в том числе 6 ноября 2007 года она пела на концерте в Кремле по случаю закрытия Года Китая в России.

Си Цзиньпину принадлежит несколько довольно жёстких заявлений, касающихся внешней политики. В феврале 2009 года на встрече с китайской диаспорой в Мексике в ответ на вопрос о причинах обвинений Китая со стороны Запада Си Цзиньпин жёстко заявил: “Есть просто зажавшиеся иностранцы, которые любят тыкать в Китай пальцем. Мы не экспортируем революцию, не экспортируем голод и бедность, не вызываем у других головной боли – что им ещё надо?”

О патриотизме и чувстве достоинства Цзиньпина высказался вице-президент США Джо Байден. Ли Куан Ю, бывший премьер Сингапура, ставший гуром для Дэн Сяопина и Цзян Цзэмина, заявил, что Си Цзиньпин обладает столь твердой волей и идейной устойчивостью, что никакие личные трагедии или потрясения не могут поколебать его позицию.

Ли Кэцян (57 лет)

Член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, премьер Госсовета КНР.

Ли Кэцян родился 1 июля 1955 года в Динъюань, провинция Аньхой. В годы “культурной революции” в 1970 году также был отправлен в сельскую местность на перевоспитание, в 1978 году поступил на юридический факультет Пекинского университета, после окончания которого был оставлен в университете на должности секретаря комитета КСМК, а также заведующего секретариатом Всекитайской федерации студентов.

В период учёбы в Пекинском университете он активно участвовал в общественно-политической жизни, которая в тот период была довольно бурной. Ли Кэцян проявлял в те годы интерес к западной политологической и юридической литературе, участвовал в работе одного из так называемых “демократических салонов”, где обсуждались, в числе прочего, перспективы политической реформы в КНР. В этом “демократическом салоне” он познакомился с Ван Цзюньтао, одним из будущих лидеров весенне-летних волнений 1989 года в Пекине. Ван Цзюньтао в настоящее время находится в эмиграции. После того как Ли Кэцян был выдвинут на пост премьера, бывший диссидент дал несколько интервью, в которых характеризовал своего старого знакомого как “человека с острым и незашоренным умом”. В частности, он сказал: “Насколько мне известно, в настоящее время Ли Кэцян поддерживает достаточно хорошие отношения с несколькими своими товарищами по учёбе в Пекинском университете, большинство из которых выступают против проведения в Китае демократических политических реформ”. Он считается выдвигателем Ху Цзиньтао, поскольку работал с ним в аппарате ЦК Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК).

В 1993 году 38-летний Ли Кэцян стал первым секретарём ЦК КСМК и, таким образом, самым молодым в КНР кадровым работником уровня провинции (Министерства Центрального правительства или отдела ЦК КПК). В это время членом Постоянного комитета Политбюро, курировавшим комсомол, был Ху Цзиньтао. Начиная с 1998 года, Ли Кэцян был губернатором, затем секретарём парткома самой крупной по количеству населения провинции Китая Хэнань, в конце 2004 года был переведён на должность секретаря парткома провинции Ляонин.

Гонконгские СМИ отмечают, что “у Ли есть политические заслуги”: во время его руководства провинцией Хэнань, социально-экономическое развитие которой всегда “было головной болью руководства”, она вышла на третье место в Китае по доходам на душу населения, там было успешно пресечено распространение эпидемии СПИДа и нетипичной пневмонии.

После XVII съезда Ли Кэцян занял место в Постоянном комитете Политбюро.

Для российской стороны важно и то, что Ли Кэцян – заместитель председателя Двусторонней комиссии по энергетической политике. Очевидно, что именно он будет курировать данное направление. Он же завершал реализацию проекта туркменского газопровода.

Ван Цишань (64 года)

Член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, секретарь Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК (ЦКПД КПК), вице-премьер Госсовета.

Ван Цишань – уроженец города Циндао (провинция Шаньдун). После окончания школы в 1969 году был, как и его сверстники, направлен на трудовое воспитание в одну из сельских коммун, где и познакомился со своей будущей женой, дочерью опального бывшего вице-премьера Госсовета КНР, бывшего главы Госплана Яо Илия. Ван Цишань – один из первых нетехнократов в высшем руководстве КНР, историк по образованию.

Цишань имеет репутацию признанного специалиста в области финансов, внесшего огромный вклад в реформу сельского хозяйства и перестроившего один из крупнейших банков КНР – “Сельскохозяйственный банк” (IPO в Гонконге и Шанхае в 2010 году – 22,1 млрд долл.).

Ван Цишань считается многоопытным функционером, способным достигнуть компромиссов по самым сложным вопросам как в политике, так и в экономике. Именно он стал главным китайским переговорщиком в программе “Стратегической и экономической диалог между Китаем и США”. Тимоти Гайтнер, глава Минфина США, назвал его человеком, способным решать самые серьезные проблемы. Назначение его в сферу, далёкую от экономики, можно толковать двояко. Его выдвинули на высокий пост, во-первых, для того чтобы освободить место Ли Кэцзяну, во-вторых, для того чтобы использовать его организационный талант и волевые качества на одном из сложных и конфликтных направлений – в ЦКПД КПК.

Остальные четверо членов Постоянного комитета ЦК КПК значительно старше Си Цзиньпина и Ли Кэцзяна, и можно полагать, что на следующем, XIX съезде КПК уступят свои посты более молодым коллегам по партии.

Отдельно стоит сказать о двух сравнительно молодых членах Политбюро Сунь Чжэнцае и Ху Чуньхуа, которые могут рассматриваться как кандидаты на то, чтобы возглавить через 10 лет новое поколение высших лидеров Китая.

Сунь Чжэнцай (49 лет)

Член Политбюро ЦК КПК.

Уроженец провинции Шаньдун. Имеет кандидатскую степень в области сельского хозяйства.

Сунь Чжэнцай в 1980–1984 годах обучался на сельскохозяйственном факультете Лайянского сельскохозяйственного института. Затем, в 1984–1987 годах, в Пекине окончил аспирантуру Академии лесных и сельскохозяйственных наук по специальности “Растениеводство”. В 1987–1993 годах занимался селекцией зерна в Академии лесных и сельскохозяйственных наук в Пекине, в январе – июле 1991 года стажировался в Великобритании на опытной станции *Rothamsted*. В Пекине начал заниматься партийной работой.

С 2009 года – секретарь парткома провинции Цзилинь, глава Постоянного комитета провинциального собрания народных представителей.

Выступает за развитие сотрудничества с Россией, в частности, поддерживает поставки российского зерна с Дальнего Востока.

Владеет английским языком.

Является перспективным и относительно молодым управленцем. Весьма велика вероятность того, что на XIX съезде КПК он займёт один из руководящих постов.

Ху Чуньхуа (49 лет)

Член Политбюро ЦК КПК.

Секретарь парткома Автономного района Внутренняя Монголия. Ху Чуньхуа – уроженец провинции Хубэй.

Окончил факультет китайского языка Пекинского университета.

После окончания университета добровольно отправился в Тибетский автономный район (ТАР), активно включился в комсомольскую работу. В 1987–1992 годах – заместитель секретаря комитета Коммунистического союза молодёжи Китая (КСМК) ТАР. С 1992 по 1995 год – секретарь комитета КСМК ТАР. С 2010-го – секретарь парткома Автономного района Внутренняя Монголия, председатель Постоянного комитета Собрания народных депутатов Автономного района Внутренняя Монголия, член Постоянного комитета ЦК КПК.

Владеет тибетским языком.

Ху Чуньхуа, прозванный “маленьким Ху Цзиньтао”, – один из наиболее вероятных руководителей шестого поколения.

После окончания XVIII съезда КПК, когда был составлен список членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, эксперты, возлагавшие большие

надежды на усиление либеральных тенденций в Китае, были разочарованы.

По мнению профессора Гонконгского университета науки и технологий Дэвида Цвейга, четверых оставшихся членов Постоянного комитета — Чжан Дэцзяна, Юй Чжэншэна, Чжан Гаоли, Лю Юньшаня — следует отнести к сторонникам социализма с китайской спецификой. Это означает, что в Постоянном комитете развернутся жаркие споры по поводу *уменьшения роли государства в экономике и ликвидации льгот для госкорпораций*.

По нашим оценкам, китайское руководство составляют многоопытные профессионалы, высокообразованные деятели, имеющие богатый опыт руководства государственными, партийными, экономическими и политическими структурами. Они имеют мощную прививку в виде советского опыта развала и деструкции общественных отношений, поэтому предпочли найти компромисс в межклановых отношениях перед лицом сложнейших задач, стоящих перед страной и партией.

В настоящее время наибольший интерес вызывает начавшаяся уже подготовка новой смены политиков, которые через 5 лет выйдут на авансцену на предстоящем XIX съезде КПК.

XVIII съезд КПК и проблемы коррупции в Китае

При анализе результатов кадровых изменений, утверждённых XVIII съездом КПК, обнаруживаются несколько особенностей, которые обусловили новые назначения и будут влиять на расстановку сил в руководстве партии в ближайшие 10 лет.

Во-первых, руководить партией будут люди, политические и жизненные позиции которых формировались в Китае в периоды “культурной революции”, *отказа от идеологических шаблонов*, перехода к реформированию экономической системы и строительству “социализма с китайской спецификой”. Этот опыт *усилил политический прагматизм* представителей пятого поколения руководителей, а идеологические стимулы, революционные риторика и романтизм, характерные для руководства Цзян Цзэмина, а затем и Ху Цзиньтао, оказались подменены патриотическим и националистическим, китаецентристским мировоззрением.

Это, в частности, позволило некоторым американским и европейским экспертам охарактеризовать Генерального секретаря ЦК КПК и будущего председателя КНР Си Цзиньпина как китайского государственника, патриота, разбирающегося, однако, в западной культуре и кинематографе и хорошо понимающего политику США и Западной Европы.

Во-вторых, впервые за многие годы широкое внимание китайской общественности, а затем и мирового экспертного сообщества было привлечено к тому факту, что основной костяк партийного руководства составили люди, принадлежащие к специфической китайской элите: социальной группе “принцев” — детей и родственников китайских революционеров-партийцев и государственных деятелей старшего поколения.

Определение этой группы людей как “наследных принцев” сегодня прочно вошло в политический лексикон, используемый при анализе китайского политического истеблишмента. И хотя “принцы” присутствовали и в партийном и государственном руководстве третьего и четвертого поколений, однако этот факт никогда не сопровождался столь ярко выраженной критикой со стороны либеральной части китайского социума. Это создаёт для новых лидеров новые риски и дополнительные опасности в будущем. Прежде всего, потому, что возникло достаточно обширное социальное пространство для острой критики китайских руководителей новой волны со стороны китайской общественности, у которой за годы реформ ослабла вера в социалистические идеологические постулаты.

И, в-третьих, подготовка к XVIII съезду КПК впервые потребовала от его организаторов и “принцев” активного использования фактора *антикоррупционной борьбы для достижения политических целей*. Иными словами, в условиях противостояния различных политических сил внутри КПК *антикоррупционный фактор заменил идеологические или политические мотивы*, в соответствии с которыми ранее устранялись противники в условиях перераспределения власти.

Это крайне важно и для понимания состояния современного китайского общества в целом, поскольку коррупция, взяточничество и злоупотребления должностным положением в настоящее время превратились в один из главных факторов, стимулирующих недоверие населения страны к власти и подрывающих политическую и социальную стабильность в обществе.

Выступая на итоговой пресс-конференции после завершения съезда, новый Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин назвал *коррупцию внутри партии* одной из самых насущных проблем, которые необходимо решать новому руководству в первую очередь.

Ранее секретарь Центральной комиссии по проверке дисциплины Хэ Гоцян, выступивший на съезде с докладом, подчеркнул: «Борьба с коррупцией и обеспечение политической интеграции являются чрезвычайно важной обязанностью партии, гарантией приверженности и развития социализма с китайской спецификой».

Подготовка к съезду сопровождалась громким скандалом, связанным с устранением с политической арены Бо Силая – члена Политбюро 18-го созыва, первого секретаря Комитета КПК Чунцина (третьего по значению города центрального подчинения). Бо Силай – сын одного из видных китайских революционеров и государственных деятелей КНР первых 20 лет Бо Ибо, а следовательно, принадлежит к категории «принцев». Его жена была приговорена к смертной казни с отсрочкой наказания на 2 года за убийство английского бизнесмена, а сам он был обвинён в злоупотреблениях служебным положением, коррупции и «неподобающих связях с женщинами».

В марте 2012 года он был снят со всех партийных постов, а осенью Постоянный комитет ВСНП лишил его депутатского статуса. Против него было возбуждено уголовное дело. Однако ни одного политического обвинения или обвинения в антипартийной деятельности, как это бывало ранее по отношению к политическим противникам, против него выдвинуто не было.

В «деле Бо Силая», долгое время считавшегося непримиримым борцом с коррупцией и «организованной преступностью мафиозного типа» на региональном уровне, последняя точка пока не поставлена. «Дело Бо Силая» развивалось на фоне острых политических дискуссий в партийной среде и китайском обществе в целом. Дискуссии в китайских социальных сетях, пользователями которых являются более 350 млн граждан КНР, очень быстро приобрели неустраивающую высшее руководство страны и организаторов съезда направленность. Итогом этих дискуссий стало закрытие более 40 сайтов, запрещение нескольких сотен популярных блогов, отключение почти на неделю популярных информационных служб социальной сети «Вэйбо».

Мнения по «делу Бо Силая» разделились и внутри партийной элиты. Накануне съезда в Чайнанете на сайте ветеранов КПК было опубликовано открытое письмо Постоянному комитету ВСНП, которое подписали более 300 партийных работников среднего звена. В этом письме они подвергли критике процедуру лишения Бо Силая статуса депутата ВСНП, которое, по их мнению, было сделано поспешно и вопреки закону, поскольку Постоянный комитет ВСНП не имеет на это права. Подписавшие это открытое письмо призвали объективно разобраться в «деле Бо Силая», косвенным образом выразив несогласие с теми мерами, которые были предприняты в отношении бывшего члена Политбюро. Подписавшие это письмо дали понять, что считают дело скорее политическим, чем коррупционным.

«Дело Бо Силая» высветило уровень и масштабы коррупции, злоупотреблений служебным положением, в том числе в высших эшелонах власти.

Это подтверждается и заявлениями Ху Цзиньтао, которые он сделал на съезде КПК. Выступая с отчётным докладом, председатель КНР подчеркнул: «Если нам не удастся справиться с этой проблемой, это создаст смертельную опасность для партии и даже может вызвать крах партии и развал государства».

Столь жёсткие формулировки по поводу коррупции и злоупотреблений властью были неизбежны.

За год, предшествовавший XVIII съезду КПК, был расследован и ряд других резонансных коррупционных дел, в которых оказались замешаны партийные и государственные чиновники. В 2011 году *был арестован министр железнодорожного транспорта Лю Чжицзюнь*. Он был снят со всех постов, исключён из партии. Был взят под стражу и заместитель главного инженера, директор департамента перевозок Министерства железнодорожного транспорта

Чжан Шугуан, который аккумулировал на своих зарубежных счетах 2,8 млрд долл. Коррупционное дело было возбуждено и в отношении бывшего мэра города Шэньчжэнь Сюй Цзунхэн, а также ряда других чиновников рангом ниже.

Накануне партийного съезда, в октябре 2012 года, Центральная комиссия по проверке дисциплины ЦК КПК распространила открытое информационное письмо, согласно которому за последние 5 лет, с ноября 2007 по июнь 2012 года, более 668 тыс. членов Компартии и государственных служащих были наказаны за нарушения служебной этики и вовлеченность в коррупционные дела.

За этот же период было расследовано 643 тыс. дел, оказавшихся в сфере полномочий ЦКПД. Дела на 24 584 бывших членов партии и чиновников различного уровня были признаны уголовными и переданы в судебно-правовые органы для вынесения соответствующих решений.

О масштабах коррупции свидетельствуют и результаты проверок, проведенных ЦКПД в рамках специальной кампании в период, предшествующий XVIII съезду КПК, и направленных на выявление злоупотреблений и нарушений в строительной области. Было изучено 98,6 тыс. строительных проектов и выявлено 2150 проектов, которые реализовывались с нарушениями в части незаконной передачи земли во владение общей стоимостью в 15,8 млрд юаней (2,5 млрд долл.). Нарушители были подвергнуты штрафам. Были отменены административные решения по передаче земель в рамках 47 проектов, а в отношении лиц, их утвердивших, возбуждены уголовные дела.

Доклад Центральной комиссии по проверке дисциплины, с которым на съезде выступил секретарь ЦКПД Хэ Гоцян, не мог не учесть событий, связанных с именами Бо Силая и др. Однако Хэ Гоцян ограничился только констатацией того, что «партийные работники и особенно высокопоставленные руководители высшего уровня должны лучше воспитывать и сдерживать своих родственников, а также сотрудников и персонал, с которыми они вместе работают, и не допускать привилегий». Он также пообещал, что Центральная комиссия по проверке дисциплины «будет решительно реализовывать и улучшать систему по декларированию личных доходов официальных лиц», а также повысит требования к правительственным чиновникам, чьи жены или дети проживают за границей.

Принятая по докладу ЦКПД резолюция съезда содержит самые общие положения о борьбе с коррупцией и «разложением в партийном аппарате». Резолюция также призывает к серьезному решению «тех выпуклых и острых проблем, на которые жалуются народные массы».

Основания для такого развития событий существуют и касаются социального и экономического положения части высшей китайской политической элиты.

По данным аналитического центра «Хужунь», созданного люксембургским экспертом в Китае и издающего ежегодный доклад о богатых людях в КНР, к настоящему времени 70 высокопоставленных членов Всекитайского собрания народных представителей – высшего законодательного и государственного органа страны – обладают суммарным состоянием почти в 89,8 млрд долл., что, по мнению специалистов, более чем в 10 раз превышает суммарное состояние 660 самых богатых американских федеральных чиновников.

Серьезным раздражающим фактором можно считать то, что дети многих высокопоставленных китайских руководителей обучаются в американских и английских университетах. Обучение детей высокопоставленных родителей за границей давно уже стало китайской традицией и до недавнего времени не вызывало особого раздражения в обществе. Однако в современных условиях этот фактор, равно как и принадлежность к группе «принцев», стал приобретать особое значение, порождая откровенное недоверие к руководителям на фоне социально-экономического расслоения общества. А вовлеченность родственников руководителей в различные формы коммерческой деятельности становится ещё одним дополнительным фактором уязвимости государственных чиновников высшего уровня.

Понимая всю остроту проблемы коррупции, новый состав ЦКПД через пять дней после закрытия съезда, 19 ноября, провёл рабочую конференцию. В ней приняли участие 130 членов ЦКПД 18-го созыва, а также, как сообще-

ло агентство “Синьхуа”, другие члены партии. С докладом на конференции выступил секретарь ЦКПД Ван Цишань.

В его докладе прозвучала мысль, что отныне деятельность ЦКПД будет осуществляться в более жёстком режиме. Особое внимание уделено следующим направлениям:

- улучшение стиля работы членов КПК;
- устранение “нездорового” стиля работы членов КПК;
- недопущение профнепригодности и недисциплинированности;
- отказ членов КПК от роскошного образа жизни;
- искоренение “порочного стиля” работы, наносящего ущерб интересам народа;
- поддержание строгой политической дисциплины;
- контроль реализации главных направлений политики ЦК КПК.

И хотя Ван Цишань не говорил о прозрачности личных доходов высшего партийного руководства, некоторые члены Политбюро уже заявили о том, что готовы в любой момент проинформировать о своём финансовом состоянии.

Однако в целом кадровое наполнение высшего исполнительного органа Компартии Китая следует рассматривать в контексте *постепенного отхода от принципа отбора руководящих кадров по их принадлежности к наследным “принцам и принцессам”*, с учётом более широкого вовлечения во власть новых региональных политических деятелей и представителей деловой элиты.

В заключение хотелось бы остановиться на двух блоках вопросов, связанных с обобщением опыта реформ в Китае и выдвиганием *новых теоретических проблем* в идеологическом компендиуме КПК.

Особенности проведения экономических реформ в Китае

Важно отметить, что китайские реформы последних десятилетий представляют собой некое органическое единое целое, тесно сопряжённое с историческими, культурно-цивилизационными, геополитическими, социально-экономическими условиями и факторами. Поэтому, экстраполируя китайские реформы на ту или иную национальную почву, необходимо попытаться понять принципы построения и функционирования этого единства в китайских условиях и учесть их при создании комплекса собственных преобразований.

Нет сомнений в том, что избранный Китаем курс развития с учётом *максимального использования потенций внутреннего рынка* и преимуществ участия в глобальной экономике требует постепенного преобразования функций государства в микро- и макроэкономике, а затем и в регулировании социальных процессов.

Стране, переживающей переходный период, когда происходит замена старых, привычных порядков и институтов, представлений и норм, *требуется сильная власть*, чтобы осуществить этот переход безболезненно. Только такая власть обладает необходимой политической волей для осуществления перемен и организационными ресурсами для того, чтобы проводить необходимые модернизационные преобразования, не подвергая страну чрезмерным потрясениям и рискам.

Сила власти отнюдь не сводится к наличию мощного репрессивного аппарата. Она определяется, в конечном счёте, степенью её легитимности, умением обеспечить стабильность в обществе, условиями для развития экономических реформ и деловой активности. Иными словами, тем, насколько граждане страны воспринимают её как выражающую базовые национальные интересы и доверяют ей, а также тем, в какой мере реализуется обратная связь между властью и обществом. Именно такой подход проявился в решениях XVIII съезда КПК, касающихся дальнейшего развития экономики и совершенствования и реформирования политической системы организационных идеологических основ КПК.

Во-первых, именно такой сплав – *ориентация на рыночную экономику и поддержание политической и социальной стабильности с помощью сил и средств авторитарной, но постепенно модернизирующейся, обретающей правовую основу и сочетающейся с этапом демократизации политики* – составляет основу цельности китайских реформ. Как указано в материалах XVIII съезда, “экономика и политика должны идти в ногу синхронно”.

Во-вторых, важным свойством китайского реформационного комплекса является наличие рассчитанной на долгосрочную перспективу генеральной стратегии. Такая стратегия включает в качестве неперменной составляющей выделение промежуточных этапов на пути достижения конечных целей со своими приоритетами, которые могут и должны меняться по мере продвижения страны к достижению конечных целей, и чётко обозначенными задачами и способами их решения.

В общем, обозначенные рубежи 2020–2030–2050 годов ставят основной целью китайской реформы достижение Китаем статуса ведущей – в экономическом, геополитическом, культурно-цивилизационном и, возможно, военном отношении – глобальной и региональной державы. При этом используется историческая традиция, согласно которой Китай до начала XIX века был сверхдержавой, ВВП которой в 5 раз превосходил ВВП ведущих стран Запада и Европы.

Изменение соотношения политики и экономики в пользу последней можно считать третьей чертой реформ в Китае. Демолитизация экономики всё больше ведёт к поглощению политики администрированием. Главной заботой властных структур в центре и особенно на местах стало привлечение инвестиций.

Четвёртой особенностью китайских реформ является их комплексность и взаимодополняемость. Характерным примером в данном отношении может служить реформирование государственных предприятий. Чтобы повысить рентабельность и конкурентоспособность госпредприятий, их надо было не только переоснастить и реструктурировать, но и освободить от ряда тяжких социальных функций и огромной массы избыточной рабочей силы. Пока шла реформа госпредприятий, государство создавало институты, необходимые для появления и развития негосударственного сектора экономики. Постепенно преодолевались административные, идеологические, социально-психологические и экономические преграды на его пути, создавалась законодательная база, защищающая частную собственность. В результате именно частный сектор и десятки миллионов мелких предприятий, фирм в городе и на селе стали тем резервуаром, который смог поглотить огромную, почти 200-миллионную армию избыточных работников государственного сектора экономики. При этом важно подчеркнуть, что китайские реформаторы, преобразовывая и акционируя государственный сектор, выбрали ряд отраслей, которые очевидно влияют на такую чувствительную сферу, как национальная безопасность, вывели их за периметр акционирования и оставили под контролем или управлением государства. К ним, как известно, относятся не только оборонная промышленность, но и, например, энергетическая отрасль, ресурсная база редкоземельных материалов, космос, судо- и авиастроение и ряд других сфер.

Пятая особенность китайских реформ – их сугубая осмотрительность, поступательность и непрерывность. Эта особенность была образно охарактеризована Дэн Сяопином: “Переходить реку, нащупывая ногой камни”, – а в более широком философском смысле – в тезисе: “Практика – критерий истины”, или по-китайски – “Шиши цюй ши”.

Китай выстраивает цепь преобразований таким образом, чтобы происходил последовательный переход от относительно простых реформ к более сложным. Многие реформы сначала отрабатываются на сравнительно небольшой территории в одном или нескольких районах страны и лишь впоследствии осуществляются во всекитайском масштабе. Это наглядно видно на примере развития Шэньчжэнской свободной экономической зоны, созданной в 1980-е годы на месте отсталой рыбацкой деревеньки, очень быстро превратившейся в многомиллионный город, локомотив рыночного развития всех восточных приморских регионов страны.

Шестая фундаментальная особенность китайских реформ заключается в тесном сочетании рыночных преобразований с наращиванием внешней открытости. Параллельно с созданием внутреннего рынка в Китае с самого начала реформаторского курса экспоненциально увеличивалось присутствие на этом рынке иностранного капитала, а затем началась и экспансия китайского капитала на мировых рынках. Пекин с помощью различных льгот и привилегий создавал чрезвычайно благоприятный инвестиционный климат, поначалу намного более выгодный для иностранцев, чем для отечественного капитала. Привлечение 1,5 трлн внешних инвестиций за 30 лет сочетается с “цзоу

шучу” – внешним инвестированием Китая – и активным участием китайского капитала в мировом финансовом процессе.

Важное место в перечне особенностей китайского комплекса реформ занимает способность реформаторов видеть негативные последствия реформ, учиться на своих ошибках, исправлять их и преодолевать частичные кризисы.

Седьмая отличительная черта китайских реформ – это тщательное правовое, идеологическое и организационно-административное их сопровождение и обеспечение. Изменение Конституции, идейно-организационных основ КПК происходит согласно великим идеям “трёх представительств”, выдвинутых Цзян Цзэмином. КПК выступает как партия китайской нации, партия великого возрождения китайской нации. Национальная буржуазия становится строителем китаизированного социализма и вступает в КПК.

Новый этап – переход к инновационной экономике при решении старых задач и завершение строительства общества среднего достатка “сяокан”.

Сегодня китайская экономика и китайское общество выходят на *новый виток развития*. Идут поиски новой парадигмы и новых стимулов роста. Постепенно уходят в прошлое дешевизна и незащищённость рабочей силы и природных ресурсов. Всё большее значение приобретают инновации, вложения в человеческий капитал, технический прогресс. На приоритетное место наряду с экономическим ростом выдвигается комплексное решение социальных проблем. В повестку дня включается проведение новых, всё более сложных институциональных преобразований, охватывающих не только экономику, но и политическую сферу. В этих условиях *мировоззренческие и методологические аспекты реформирования Китая не только сохраняют, но и многократно усиливают своё значение*, и соответственно возрастает интерес, который они могут представлять для России.

С конца 1970-х годов Китай выбрал в качестве основных средств достижения своих стратегических целей и главного двигателя прогресса осуществление рыночных реформ и создание рыночных институтов. При этом, в отличие от России, где основной упор был сделан на изменение отношений собственности по образцу “шоковой терапии” и создание класса собственников ударными темпами, в Китае главные функции рынка усматривались в повсеместном утверждении принципов равноправной и честной конкуренции и наращивании реальной экономики. И в этом отношении важная роль практически единодушно отводится государству.

Сосредоточивая свои усилия на макрорегулировании, государство стремится, прежде всего, поддерживать определённую экономическую и социальную стабильность, которую не способен автоматически обеспечивать рынок. С помощью финансовой, монетарной, фискальной политики и иных средств оно не допускает и исправляет опасные дисбалансы, контролирует функционирование рынка, с тем чтобы удерживать его в установленных законом рамках. Но Китай также разумно сокращает прямое внеэкономическое вмешательство госорганов в экономику.

Собственно, государственный сектор экономики продолжает играть ведущую роль, прежде всего, в стратегически важных отраслях экономики и банковской системе.

Меры прямого воздействия государства на экономику. Китай до сих пор демонстрирует эффективность сохраняющихся элементов мобилизационной экономики с точки зрения регулирования инвестиционного процесса и экономического развития в целом. Речь идёт не только об оперативном аккумулировании и перераспределении существенных инвестиций при проявлениях экономического кризиса, но и, при необходимости, о рациональном сдерживании экономической активности. Уровень накопления в доле ВВП превышает 60%.

В течение всего периода экономических реформ, предусматривающих всемерное развитие деловой активности хозяйствующих субъектов, Китай периодически сталкивается с угрозой “перегрева” экономики, чреватого ростом инфляции, усилением диспропорций, снижением эффективности производства. Достижения Китая – результат огромного напряжения сил всего народа. Первой реакцией на это всегда является включение административного ресурса.

Роль государства в денежно-кредитном регулировании. Финансирование программ развития, ориентированных на поддержку национальной экономики, составляет основу деятельности банковской системы КНР, где более

65% капитала по-прежнему находится в собственности либо под контролем государства. Отсюда сильное государственное влияние, испытываемое банковским сектором и реализуемое посредством нормативно-правового и административного регулирования, а также за счёт участия представителей правительства в органах корпоративного управления крупнейших банков КНР.

Регулирование фондового рынка. Всё более заметную роль в развитии экономики играет фондовый рынок КНР. В его основу положена система акционирования государственных предприятий с выделением трёх различных типов акций: нерыночные акции государства, нерыночные акции юридических лиц и рыночные акции. Это позволило правительству сохранить контрольный пакет в капитале абсолютного большинства котирующихся на фондовом рынке компаний, львиную долю которых составляют государственные корпорации.

При этом непосредственно через органы исполнительной власти государство контролирует менее 10% листинговых компаний. В КНР преобладает так называемая многоуровневая структура собственности, реализуемая посредством держания контрольных пакетов акций свыше 75% листинговых компаний не напрямую органами государственного управления, а государственными компаниями и корпорациями, находящимися под непосредственным контролем правительства.

Рынок облигаций КНР, как и фондовый рынок в целом, характеризуется строгим регулированием со стороны государства. В Китае распространены три типа облигаций – казначейские, финансовые и корпоративные. Казначейские облигации, обеспечивающие более половины общего размера эмиссии, выпускаются Министерством финансов КНР в основном для финансирования расходов государственного бюджета. Финансовые облигации, выпускаемые тремя государственными банками в целях финансирования крупных инфраструктурных проектов и составляющие около 1/3 рынка облигаций, также являются государственными ценными бумагами, имеющими государственные гарантии.

Курс на открытость Китая внешнему миру, принятый в начале 1980-х годов и порывавший с традицией многовековой замкнутости страны, означал, прежде всего, более широкий доступ иностранного капитала в китайскую экономику.

Стремясь привлечь как можно больше иностранных инвесторов, Пекин постоянно совершенствовал своё законодательство. Постоянно расширялся перечень отраслей, куда был открыт доступ иностранному капиталу. Сегодня он присутствует почти во всех отраслях китайской экономики.

В 2001 году Китай вступил в ВТО, что означало снятие многих ограничений, касающихся притока иностранного капитала в страну. Сегодня полностью отменены ограничения на инвестиции транснациональных компаний в такие отрасли, как машиностроение, электроника, химическая промышленность, лёгкая промышленность, производство лекарств. Во всех этих отраслях капиталовложения либерализованы, разрешены слияния и поглощения.

После 2002 года важной областью привлечения иностранных инвестиций становится сфера услуг.

Китай является одним из крупнейших реципиентов прямых иностранных инвестиций и занимал в разные годы вторые-третьи места в мире наряду с Великобританией и США. *Предприятия с участием иностранного капитала производят более половины товаров, идущих на экспорт, а среди высокотехнологичных товаров, которые сегодня составляют пятую часть всего китайского экспорта, их доля достигает 80–90%.*

Можно уверенно утверждать, что решающую роль в превращении Китая в одного из крупнейших адресатов иностранных инвестиций в мире сыграло создание благоприятного инвестиционного климата. Этот климат создавался не только исторически обусловленными преимуществами страны (такими как обширный внутренний рынок и дешёвый труд), но и целенаправленной политикой государства.

Выстраивание экономически развитого общества, или, как привыкли говорить в Китае, “социалистического общества с китайской спецификой”, позволило стране перейти к практическому решению острых социальных проблем, формированию систем пенсионного, медицинского страхования и т. п.

Однако повышение материального благосостояния населения, в первую очередь, должно опираться на “совершенствование социалистической рыноч-

ной системы и ускорение перехода к новой модели экономического развития”.

Решение этих задач руководство Китая сегодня видит в следующем:

– повсеместное углубление реформы экономической системы и ускорение на основе реформ смены модели экономического развития;

– осуществление стратегии, способствующей развитию инноваций, реформированию научно-технической системы, объединению науки и техники с экономикой, ускоренному построению государственной системы инноваций;

– стратегическое упорядочение экономической структуры, совершенствование структуры производства, дальнейшее укрепление и развитие сектора реальной экономики;

– интеграция развития города и села, ускоренное развитие современного сельского хозяйства;

– всестороннее повышение уровня экономической открытости, постепенное изменение модели внешнего экономического развития с учётом глобализации в мире.

Решения последнего съезда КПК свидетельствуют о чётком следовании развитию страны этому курсу. Насколько успешным будет это развитие в ближайшие 10–20 лет, спрогнозировать сложно. Ясно только, что Китай вплотную подошёл к границам экономической либерализации. До сих пор взвешенный и разумный подход к экономическому развитию, учёт национальных особенностей и реальных условий, отказ от бездумного копирования зарубежного опыта или следования рекомендациям немедленной экономической либерализации по англосаксонскому варианту приносили Китаю необходимые результаты. Но в любом случае, опыт нового этапа экономического развития КНР заслуживает внимания и может стать для развивающихся экономик, в том числе и для России, своеобразной школой.

Некоторые вопросы применения научной концепции развития

Отчётный доклад ЦК КПК отличает творческий подход. Наглядно это проявилось в том, как руководство партии раскрыло значение *идеи китаизации социализма*, применяя концепцию научного развития к анализу и оценке этапа развития и конкретных исторических условий строительства социализма в Китае. Всестороннее внедрение научной концепции развития во все сферы практической, теоретической, идеологической и международной деятельности КПК, как справедливо указал Ху Цзиньтао, – залог и гарантия успеха построения нового Китая.

Научная концепция развития применительно к социально-экономическим процессам в теоретическом, методологическом плане, как известно, базируется на диалектических законах взаимодействия и борьбы противоположных тенденций, качественном переходе от одного состояния к другому, преодолении за счёт новых инновационных идей, новых организационных форм и подходов отживших идей, старых форм и методов развития. При этом активную направляющую роль в том, чтобы придать процессу развития наиболее эффективные формы, масштабы и темпы развития, соответствующие требованиям времени, играет мощная Коммунистическая партия Китая. Она оказывается способной это сделать, поскольку придерживается научных методов руководства и управления.

Идея адаптации общих положений марксизма-ленинизма к специфическим условиям Китая была выдвинута еще в 1938 году Мао Цзэдуном в ходе приспособления стратегии и тактики КПК к требованиям ведения антияпонской войны и предстоящего решения насущных задач освободительной борьбы и демократической революции. В новых условиях на новом этапе развития Китая, когда происходит строительство социализма с китайской спецификой, возник целый ряд теоретических и практических проблем, связанных с преломлением задачи построения нового Китая при наличии огромного, почти 1,5-миллиардного населения, недостаточно развитых культуры, науки и образования, острого дефицита пахотных земель и ряда стратегических ресурсов (на одного человека приходится 0,01 га пахотной земли).

Именно научная концепция развития, методология конкретно-исторического подхода требуют выработки модели развития, цивилизационной культурной системы ценностей, формирования образа жизни, модели потребления,

отвечающих специфике страны, учитывающих её богатое историческое и культурное наследие, менталитет населения.

Строительство нового общества в Китае — как естественно-исторический процесс — потребовало также выработки стратегии этапности продвижения от демократического этапа революции, проведения широкомасштабных социально-экономических преобразований в городе и деревне, закладки основ начальной стадии социализма, утверждения руководящей роли КПК, социалистической идеологии, демократической диктатуры народа при одновременном сохранении ведущей роли общенародной собственности и конвергентном сочетании социалистических и капиталистических форм собственности, хозяйствования и рыночных отношений, многообразия форм распределения и т. д.

Эта сложная социально-экономическая своеобразная “формация”, присутствующая на начальной стадии специфического китайского социализма, была названа китайскими руководителями обществом “сяокан”, то есть обществом сначала малого, а ныне — после значительного повышения первоначальных показателей (до 10–20 тыс. долл. годового дохода на человека) — среднего достатка. Такой реалистический подход есть практическое воплощение принципа конкретности истины, а в широком методологическом плане — научной концепции развития.

Как уже отмечалось, XVIII съезд КПК поставил новую задачу: к 2020 году, то есть к 100-летию КПК, удвоить показатели роста ВВП и уровень доходов населения, перейти от развёртывания строительства общества малого достатка к завершению построения полного общества среднего достатка.

Претворение в жизнь такой комплексной задачи будет означать качественный переход в развитии страны, наивысшую ступень начальной стадии строительства нового Китая, качественный скачок в подъёме экономики, культуры и благосостояния широких народных масс.

Серьёзное внимание привлекает и опыт применения научной концепции развития и инновационных подходов в решении новых социальных и культурных задач страны и партийного строительства. Прежде всего, это выразилось в творческом развитии концепции модернизации и постановке новой важной стратегической цели: создания экологической цивилизации, проведения большого комплекса мероприятий по борьбе с загрязнением окружающей среды, опустыниванием, пыльными бурями, засухой, наводнениями и т. д. Решение этой чрезвычайно актуальной и злободневной задачи позволит Китаю урегулировать острые, порой кризисные ситуации в сфере охраны окружающей среды, создать более благоприятные и безопасные условия для жизни населения.

Весьма значимым является и применение научного подхода в распространении идеи китаизации в таких исключительно важных областях, как укрепление культурной идентичности народов Китая и формирование системы духовных, культурных ценностей китайского типа на основе глубокого освоения, творческого развития богатого культурного наследия народов Китая, а также освоение и китаизация лучших образцов мировой культуры и опыта использования “мягкой силы” для пропаганды достижений китайской культуры за рубежом.

Впервые была поставлена задача формирования самобытного национального образа жизни, который отвечал бы менталитету народов Китая. Для народов и стран, которые в прошлом испытали колониальный или полуколониальный гнёт и подверглись культурной экспансии со стороны развитых западных стран (и ныне стремящихся под флагом глобализации протаскивать идеи тотальной вестернизации культур), опыт Китая в сбережении и развитии национальной культуры, установлении справедливого и равноправного межкультурного диалога на основе взаимообогащающих культурных обменов имеет неосценимое международное значение.

В статье освещено лишь несколько новаторских идей, содержащихся в материалах XVIII съезда КПК, которые, по моему мнению, представляют большой международный интерес.

В заключение хотелось бы отметить следующий факт. За несколько дней до открытия XVIII съезда КПК московский корреспондент агентства “Синьхуа” обратился ко мне с просьбой поделиться своими соображениями о предстоящем съезде, попросил высказать мнение о том, какие задачи съезд призван решить, на какие вызовы должен реагировать. Это интервью было опублико-

вано в Китае 8 ноября, то есть в день открытия съезда. В нём, в частности, говорилось: “Главная задача для Китая в настоящее время состоит в том, как продолжить политику реформ и открытости, укрепляя всестороннее экономическое сотрудничество и соразвитие с другими странами, как продолжить провозглашённую политику мирного развития и подъёма на новом этапе, в новых условиях обострения международных противоречий”. Я выразил уверенность в том, что XVIII съезд даст ответ на вопрос, как Китай “должен реагировать на внешние и внутренние вызовы”. При этом подчеркнул, что Китаю необходимо “серьёзно взяться за формирование собственной модели развития в области экономики”, а также культуры, так как пока развитие КНР основывается на догоняющей модели, а “это повторение пути, пройденного другими странами”. Была также отмечена актуальность “совершенствования политической модели управления обществом”.

Вышеприведенные высказывания оказались созвучны ряду идей, представленных в докладе Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао.

АЛЕКСЕЙ АБРАМЫЧЕВ

“ТЫ ПРОСНЁШЬСЯ ЛЬ, ИСПОЛНЕННЫЙ СИЛ...”

...Чтобы идти вперёд, чаще оглядывайтесь назад, ибо иначе вы забудете, откуда вы вышли и куда вам нужно идти.

Народная мудрость

С годами всё чаще обращаешься к прошлому. В нём с возрастом начинаешь видеть то, на что раньше не обращал внимания. Многие из прошедшего актуально сегодня. В этой связи появляется искушение – позитивным опытом прошлого попытаться исправить негатив в настоящем.

В конце 2011 года мною для журнала Российской академии наук “Национальная безопасность” (далее “НБ”) был подготовлен материал, касающийся оборонного строительства России. В нём, в том числе, были затронуты вопросы, связанные с оценкой роли и значения электроники для развития вооружения и экономики страны. В “НБ” его опубликовали в январе 2012 года под названием “Сильная, эффективная и конкурентоспособная страна – основа безопасности России” (“НБ”, № 1, 2012, с. 4–14).

Как бы в продолжение затронутой мною темы в мае 2012 года на страницах “Аргументов недели” появилась подборка материалов о посещениях С. Б. Ивановым и М. Е. Фрадковым российского поставщика компонентов микроэлектроники предприятия “Ангстрем”. Это предприятие, расположенное в Зеленограде, вместе с заводом “Микрон” и минским “Интегралом” было одним из крупнейших в СССР производителей микросхем, необходимых как для отечественных ракет, самолётов, подводных лодок, так и для народного хозяйства страны в целом.

Сам факт внимания представителей высшего эшелона власти к ведущему предприятию российской электроники лишний раз продемонстрировал важность развития этого направления для экономики страны и должен был бы стать мощным импульсом для создания микросхем, соответствующих миро-

АБРАМЫЧЕВ Алексей Иванович родился в 1930 году в Москве. Окончил Бронетанковую академию им. И. В. Сталина и Высшие командно-инженерные курсы при Киевском высшем артиллерийском инженерном училище им. С. М. Кирова. Участник войны в Корее (1950–1953). Работал в системе Главного ракетно-артиллерийского управления МО СССР и в аппарате начальника вооружения МО СССР. Генерал-майор в отставке. В настоящее время работает в Президиуме РАН. Живёт в Москве.

вому уровню. Под впечатлением увиденного С. Б. Иванов сообщил о готовящейся федеральной целевой программе “Национальная технологическая база” с подпрограммой “Электронная компонентная база”. По его словам, слухи о том, что электронная промышленность России развалилась, не соответствуют действительности: микроэлектроника и современные IT-технологии обеспечивают обороноспособность страны на высочайшем уровне. Они “потянут” за собой развитие целого ряда других отраслей – её потребителей, без которых любое современное государство существовать не может.

Видимо, вдохновлённое доверием высоких гостей, руководство “Ангстрема” организовало показ российским руководителям разрабатываемых на предприятии изделий будущего.

В мае 2012 года “Аргументы недели” (далее “АН”) опубликовали репортаж своего обозревателя, который рассказал читателям подробности организации демонстрации “новейшей” продукции.

По словам обозревателя “АН”, к визиту С. Б. Иванова в помещение пустующего цеха специально поставили (через каждые 10 м) столы с экспозицией сборки “новейших” российских портативных радиопередатчиков. На самом деле это были китайские передатчики, не имеющие в своём составе абсолютно ничего отечественного. В худшее положение попал М. Е. Фрадков. Ему показали ленту конвейера, по которой плыли китайские жидкокристаллические экраны. Технология, устаревшая на десятилетие! За конвейером стояли даже не настоящие работники, а женщины из бухгалтерии завода. Они “для вида опасливо тыкали пальцами в экраны, в которых ничего не понимали”. Всё было бы ничего, но М. Е. Фрадков, посмотрев на это, публично объявил по ТВ: “Вот это – технологии будущего!”.

Похожий трагифарс был описан Владимиром Маяковским в пьесе “Баня”, с её героем Велосипедкиным, сконструировавшим “машину времени”, способную переносить её героев “из прошедшего в настоящее”, и Ильей Ильфом и Евгением Петровым в романе “Золотой телёнок” – с великим комбинатором Остапом Бендером, организовавшим контору “Рога и копыта” для мошеннических операций.

Данную публикацию можно было бы оставить без внимания. Но... гости предприятия были высокопоставленные чиновники: Сергей Борисович Иванов – заместитель директора ФСБ (1998), заместитель председателя Правительства РФ (2007–2011), министр обороны, с декабря 2011 года – руководитель администрации Президента РФ; Михаил Ефимович Фрадков – председатель Правительства РФ (2004–2007), директор Службы внешней разведки (с 2007-го).

Для сравнения: когда во главе Министерства обороны стоял Дмитрий Фёдорович Устинов (1976–1984), многим из моих коллег приходилось присутствовать на руководимых им мероприятиях. Лично мне – принимать участие в период 1979–1984 годов в совещаниях и учениях, быть в составе возглавляемой им делегации в Индии, участвовать в организации показов советского вооружения и военной техники министрам национальной обороны стран Варшавского договора (далее СВД) в Подмоскowie и командующим флотами СВД в Севастополе. Представить себе, чтобы Дмитрию Фёдоровичу под видом отечественных изделий предъявили бы чужую продукцию, невозможно. И не только потому, что его уважали. Всякие попытки возможных подтасовок или завышения характеристик комплексов вооружения были бы пресечены на месте, а виновники привлечены к ответственности. Об одном из таких случаев расскажу в конце этих записок.

Но вернёмся к “Ангстрему”. Имитация микроэлектронного производства в Зеленограде – показательный пример. Он свидетельствует не только о деградации российского флагмана электроники и моральном облике его обнаглевших руководителей (и им подобных), опустившихся до прямого обмана государства, но и характеризует представителей заказчика этих работ, а также профессиональный уровень контрольных органов, которые должны были обеспечивать это мероприятие. Вороватая некомпетентность новых “хозяев жизни” – сила одушевлённая и агрессивная. Они готовы на всё. Главная задача – выбить финансирование. Всё остальное для них не имеет значения.

Кто даст гарантию, что подобные “показы новейшей продукции” не вошли в практику и на других предприятиях России, живущих по принципу: “Зачем работать, когда проще за государственные деньги купить старьё и “сэконо-

мать” на этом”. Где были военпреды? Чем занимается Служба экономической безопасности? Вопросы риторические.

Председатель Совета Министров СССР (1985–1990), член Совета Федерации РФ Николай Рыжков (с 2003), сравнивая сегодняшнюю ситуацию в стране с ситуацией конца 1980-х годов, закончившуюся развалом Советского Союза, в статье, опубликованной в журнале “Наш современник” (№ 11, 2012), обратился к руководству страны с предупреждением об “утрате российской властью доверия”. Грозное предупреждение. Запас прочности, накопленный в СССР, – исчерпан.

“Устойчивость любой системы (а государство это, прежде всего, система), – пишет Н. И. Рыжков, – зависит от её внутренней силы, от способности противостоять вызовам. Источником внутренней силы государства является наличие общей цели, её осознание и принятие всеми слоями общества. Люди (“простые люди”, – как высокомерно называют их новые “хозяева жизни”. – Авт.)... Их вера в будущее, вера в справедливость и праведность общей цели, вера в руководство страны – главное условие устойчивости и эффективности управляемой системы, устойчивости государства”.

Казалось бы, общая цель, способная сплотить все силы российского общества, поставлена в 2009 году – это модернизация экономики страны.

Очевидно, что в предстоящие годы её реализация будет зависеть не столько от внешних факторов, сколько от внутренней экономической и кадровой политики, проводниками которой являются вновь назначенные руководители отраслей экономики страны и директора предприятий.

Пришедшие “новички”... Многие из них, назначенные в силу личных связей на самые ответственные посты, не несут ответственности за результаты своей деятельности. Принимаемые ими решения, в основном, касаются распределения выделяемых объёмов финансирования (в лучшем случае). И их “распила” – в худшем. Конечный итог работы, как показывают многочисленные примеры, – примитивная бюрократическая имитация, прикрываемая многочисленными постановлениями, выступлениями и программами, которые не выполняются.

Словно оправдывая возникшие “трудности” с исполнением постановления Правительства по электронике, заместитель председателя Комиссии по модернизации В. Ю. Сурков в газете “Ведомости” (15.02.2010) писал: “Нельзя чужие рецепты механически переносить на нашу почву. Когда мы этой проблемой занялись, то обнаружили, что не хватает главного элемента. Всё вроде бы, как у людей. Слов много правильных иностранных: ... венчур, трансфер, инкубатор... и т. д. Однако одного русского слова нет: спрос. Кому выгодно? Кому надо? Во всём мире спрос определяет государство и крупные корпорации. Если им надо – то есть на кого работать... Начинать надо с создания спроса, с заказа. Ни для кого новая технология не является аргументом в конкурентной борьбе или единственной возможностью выжить на рынке. Компании доминируют сырьевые, а люди, которые стали богатыми и сверхбогатыми, сделали состояние не на новых идеях и технологиях, как Гейтс, Эдисон, а на разделе совместно нажитого советским народом имущества. Они не являются заказчиками, не рискуют ради создания новых технологий. Нет покупателя, который скажет: “Я беру”. Изобретение не к кому нести. А государство не может выступать универсальным заказчиком”.

17 октября 2012 года в Зеленограде на заседании Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию выступил В. В. Путин. Президент подчеркнул, что в России НИОКР и наука в целом по-прежнему поддерживаются, главным образом, за счёт государственного бюджета. В то время как в большинстве государств первую скрипку в финансировании исследований играет негосударственный сектор. “Полагаю, что в этой ситуации, – подчеркнул Президент РФ, – мы должны создать все политические, экономические, административные условия, чтобы такой громадный инновационный, инвестиционный потенциал... конвертировался в технологическое обновление отечественной промышленности”.

Казалось бы, все говорят правильно. Но г-н Сурков, имея в виду отечественных олигархов, – российскую “пятую колонну”, для которой интересы нашего Отечества стали чуждыми и вступили в конфликт с национальными интересами страны, – утверждает: “Нет покупателя, который скажет: “Я беру””.

Но! В России осталась патриотическая элита – периферия финансовой системы страны, и есть государство, которые могут, при желании Правительства, совместно выступить заказчиками конкретных технологий.

Не дожидаясь, пока “негосударственный сектор” (а проще – российские олигархи), о котором говорил Путин в Зеленограде, начнёт конвертироваться “в технологическое обновление отечественной промышленности”, губернатор Нижегородской области Валерий Шанцев (прошедший инженерную школу в Москве на радиозаводе “Салют”, позже – в Мосгоркоме КПСС) решил рискнуть. Он организовал использование технологий, разработанных учёными Нижнего Новгорода в области создания мощных лазеров и суперкомпьютеров, в промышленности своего региона. В 2012 году привлечение к работе высококвалифицированных инженерных кадров и организованный контроль исполнения работ дали результат: объём инновационной продукции области составил 210 миллиардов. Имея в виду, что в Нижегородском регионе самый высокий процент предприятий (среди российских регионов), инвестирующих средства в разработку и исследования, к 2016 году они могут составить 500 млрд рублей.

“Нам не нужно играть в “догонялки”, – утверждает губернатор, – мы должны идти на опережение. Создавать то, чего ни у кого ещё нет. Чтобы активизировать научную деятельность, область создаёт необходимые условия. Только по итогам 2012 года в рамках программы развития промышленности 212 инновационных проектов получили помощь от государства, в том числе из областного бюджета” (“АН”, 21.03.2013).

По знаменитой формуле Нобелевского лауреата академика Ж. И. Алфёрова, “один микропроцессор по вкладу в экономику равен цистерне нефти”! “Без отечественной электроники наша оборонка – как черепаха без панциря”, – поддерживают известного на весь мир учёного военные эксперты.

В XXI веке государства, по факту, не могут оставаться великими без собственной электроники, – утверждает председатель Военно-промышленной комиссии Д. О. Рогозин. – Она востребована как гражданским, так и оборонным секторами народного хозяйства.

В гражданском секторе это компьютеры, телевизоры, связь, системы управления, телеаппаратура для автомобильного транспорта, бортовая аппаратура гражданской авиации, отечественного флота и т. д. В оборонке – бортовая аппаратура ракет, беспилотных аппаратов, самолётов радиолокационного обзора и наведения (РЛДН), автоматизированных систем управления (АСУ), радиоэлектронной борьбы (РЭБ), систем связи – это далеко не полный перечень потребителей.

Известно: спрос на продукцию нового уклада в России может сформировать только развитая промышленность. Электроника – как раз то звено (“точка роста”!), взявшись за которое можно вытянуть всю цепь. При этом решающее значение имеет то, что компонентная база электроники востребована внутренним российским рынком и, что немаловажно, рынком ряда стран СНГ. Все страны, успешно выходявшие на мировые рынки, начинали с внутреннего. Экономисты утверждают: лучше всего защитить экономику страны в случае кризиса способна отечественная развитая система потребления.

В последнее время российская промышленность вынуждена, разрабатывая новое вооружение, оснащать его аппаратурой на зарубежной элементной базе. Однако новые “чипы” нам не продают. То, что достаётся России, на поколение отстаёт от современной электроники.

Почему выгодно заниматься микропроцессорами?

Ответом на этот вопрос могут служить примеры вложения средств в модернизацию военной техники, оставшейся от вооружений Советского Союза. Оказывается, за счёт замены старой бортовой аппаратуры самолётов на аппаратуру, оснащённую микроэлектроникой нового поколения, при минимальных затратах (10–15% от стоимости нового самолёта) можно усовершенствовать их боевые характеристики. Обидно, но на модернизации зарабатывает не наша страна, а Израиль. Его промышленная политика предусматривает использование для этого российских (приехавших из нашей страны) учёных и конструкторов – уникальных специалистов, создателей советского оборонного комплекса.

Пока в России командуют оставшиеся после “эффективного Сердюкова” руководители, Израиль беззастенчиво вторгается на традиционный советский

рынок, внося решающий вклад в свою авиационную индустрию. Израильские компании организовали разработки по переоснащению “советских/российских” истребителей на новую элементную базу для стран-импортёров третьего мира. По данным “АН”, израильтяне заключили контракты с Румынией, Хорватией, Эфиопией, Замбией, Кампучией – и это только на модернизацию истребителей МиГ-21 (замена старой аппаратуры МиГ-21 на новую аппаратуру не потребует переобучения авиаторов).

Кроме того, Израиль получит многомиллиардные прибыли от модернизации МиГ-29, Су-25 и Су-27. Эти работы позволят повысить точность, многофункциональность, помехозащищённость, быстродействие элементов бортовой аппаратуры и, как результат, боевую эффективность. И... отказаться от покупки аналогичных самолётов в России.

Ещё пример – из практики ВВС США: “вторая жизнь” стратегического бомбардировщика Б-52. За счёт поэтапной модернизации (приспособления к новому оружию, замены авионики – бортовой аппаратуры – на аппаратуру следующего поколения) этот стратегический бомбардировщик стоит на вооружении ВВС США уже почти 60 лет. Его эксплуатация рассчитана до 2030-х годов!

Пример с американским бомбардировщиком Б-52 приводится не случайно. Наша промышленность, разрабатывая “новые” самолёты РЛДН (радиолокационного дозора и наведения), оснащая их элементной базой, купленной на Западе, заведомо закладывает технологическое отставание на десятилетия.

Создавшееся положение с элементной базой продемонстрировал Роскосмос, когда в начале 2012 года по вине электроники на орбите не сработала разгонная ступень станции “Фобос-Грунт”. Отказал, по оценке экспертов Роскосмоса, компьютер: его “начинка” не выдержала радиации.

Ветераны авиационной промышленности приводят в СМИ сведения о доле электронных компонентов иностранного производства: “В бортовой аппаратуре современных российских истребителей она доходит до 90%. По состоянию на 2012 год, в зависимости от вида вооружений, от трети до трёх четвертей электронной “начинки” продукции оборонки приходится собирать из импортных комплектующих”. В то время как в СССР было категорически запрещено использовать импортные электронные компоненты в военной технике – за этим следили военпреды.

Изучение управления опытно-конструкторскими разработками в США показывает, что новые разработки американской техники всякий раз направлены на прорывной результат. В жизненном цикле период эксплуатации созданных средств диктуется в том числе и коммерческой выгодой, а их модернизация проводится, как правило, с учётом требований потенциальных иностранных заказчиков (“НБ” № 1 за 2012, стр. 12, 13). Почему бы не взять на вооружение американский опыт?

Казалось бы, Правительство начало “собирать камни”. Им было принято решение “по развитию электронной компонентной базы и радиоэлектроники на 2008–2015 годы”, входящих в 4-й приоритет модернизации экономики России, объявленной В. В. Путиным. После выхода постановления Правительства РФ от 26.11.2007 года за № 809, о котором говорил С. Б. Иванов, прошло 6 лет (срок, в течение которого был реализован советский атомный проект).

Каков результат? Он, по оценке экспертов “АН”, из-за некомпетентности (или вороватости) чиновников за гранью критики. На вопрос: “Где деньги, которые регулярно выделялись “Ангстрему”?” – отвечать в России не принято. Обладающие чувством юмора ветераны говорят, что на них можно было построить два Зеленограда (“АН”, № 19, 2012).

Можно много и складно говорить о том, как “создать все политические, экономические, административные условия, чтобы такой громадный инновационный и инвестиционный потенциал... конвертировался в технологическое обновление отечественной промышленности”. Иначе будет поздно. Когда будет преодолено неумение конкретных чиновников организовать конкретное исполнение (прошу извинить за тавтологию) принятых конкретных решений?

Если чиновники (любого ранга) не способны организовать работу, а только умеют готовить постановления, которые регулярно, в течение многих лет, не выполняются, то зачем они нужны?

Известная пословица говорит: “Кто хочет сделать дело, тот ищет способ, кто не хочет – ищет причины”. У нас развелось полно руководителей, ищущих причины, любящих эффектно на больших совещаниях “забалтывать” проблемы, и дефицит специалистов, умеющих “делать дело”.

Сравнительный анализ отношения к науке и высоким технологиям в Соединённых Штатах и Российской Федерации убедительно показывает, что в России, в отличие от США, отсутствует продуманная государственная политика по отношению к высоким технологиям. Практические мероприятия, осуществляемые различными органами исполнительной власти, недостаточно согласованы, носят формальный характер, что обесценивает проводимые работы, превращая их зачастую в бесполезные.

Основными рычагами управления критическими технологиями в США являются государственное финансирование и контроль за его исполнением. Ежегодные отчёты американского Президента Конгрессу “О науке и технике” стали традицией.

У нас, чтобы изменить ситуацию, необходимо пересмотреть всю промышленную и научно-техническую политику. Во власти должны доминировать не руководители, выросшие из бухгалтеров, а специалисты, обладающие необходимым опытом и техническими знаниями. Только инженеры совместно с учёными и опытными администраторами могут направить продвижение новых технологий в жизнь. Именно высокие технологии должны стать государственной политикой. Без нее все усилия по модернизации экономики России окажутся нежизнеспособными.

В СССР организационная форма решения сложных государственных задач возникла не на пустом месте. Созданию Специального комитета при Государственном комитете обороны для решения задачи, связанной с использованием атомной энергии (август 1945), предшествовал опыт работы Всевластного комитета по транспорту, полученный в начале 1942 года.

На первый взгляд, между Всевластным и Специальными комитетами нет ничего общего. Но это только на первый взгляд. Всевластный комитет при ГКО СССР обеспечил предельную концентрацию управления в одном центре и действенный контроль со стороны высшего руководства СССР за решением поставленных задач. Его организационная форма была взята на вооружение Сталиным в августе 1945 года при создании Специального комитета, отвечающего за решение атомной проблемы (после американской атомной атаки на японские города Хиросиму и Нагасаки).

Может быть, по примеру Специального комитета создать Комитет по электронике во главе с ответственным лично перед Президентом России, компетентным руководителем (с правами, которые были даны в Спецкомитете И. В. Курчатову)? Подобная структура, “работая днём и ночью, не дожидаясь законов и инструкций” (слова Сталина), решила бы все политические, экономические и административные задачи, связанные с выполнением Постановления Правительства по электронике.

* * *

Обращение к советскому опыту неизбежно по причине импотенции российских либералов, не способных вывести Отечество из глубокого кризиса, в который они его ввергли. Их отношение к СССР и Сталину основано на извращённом толковании многих фактов истории нашей страны и враждебном отношении к ней в целом. Для них вся история России – цепочка катастроф, а советская эпоха – чёрная дыра. Навязываемый ими либерализм носит антироссийский характер. Вместо того чтобы изучать историю и учиться на извлеченном из неё опыте, либеральные реформаторы огульно мажут чёрной краской весь советский период. Они забыли, что именно в СССР начала работать первая в мировой истории атомная электростанция, был создан первый реактивный пассажирский лайнер Ту-104, вышел на орбиту первый искусственный спутник Земли, состоялся первый полёт человека в Космос.

Недавно Россия отмечала годовщину победы в Сталинградской битве. Мало кто знает, что победа эта была одержана не только благодаря таланту

советских полководцев. Одна из решающих заслуг принадлежит и советским транспортникам – хорошо организованной транспортной системе страны, которая обеспечила фронт всем необходимым: людьми, вооружением, боеприпасами, едой, обмундированием и т. п.

С одним из них – генерал-лейтенантом Иваном Владимировичем Ковалёвым – я познакомился в сентябре 1968 года. Личность легендарная: в 1941–1944 – начальник Центрального управления военных сообщений РККА (ЦУП ВОСО); 1944–1948 – народный комиссар, затем министр путей сообщения (он сменил на этом посту Л. М. Кагановича); 1948–1950 – представитель Сталина у Мао Цзэдуна (по управлению ж. д. транспортом). Встреча с Иваном Владимировичем произошла в кабинете маршала П. Н. Кулешова (начальника ГРАУ), к которому я был вызван для доклада по результатам не обычной для того времени поездки – “в капиталистическую Англию”.

В ходе приватного разговора Иван Владимирович, обратив внимание на мои “планки” с наградами Мао Цзэдуна, поделился своим китайским прошлым, а также опытом, связанном с организацией работы транспорта во время Отечественной войны.

“Война с первых дней потребовала, – говорил генерал, – создания чёткой и эффективной системы управления воинскими перевозками. С запада на восток перемещались тысячи эшелонов с беженцами и оборудованием целых заводов. В обратном направлении осуществлялась доставка войск и вооружения. Тем не менее, в ходе войны ни одна крупная операция (в первую очередь, Сталинградская, Курская) фронтов не была разгадана противником, под носом у которого скрытно перебрасывались войска и вооружение. Однако в самом начале войны положение с перевозками было критическим, почти провальным. Особенно на стыках железнодорожной, речной, морской и автомобильной транспортных систем.

Один фактор особенно нарушал бесперебойность снабжения промышленности, армии и флота – в военно-хозяйственных и других перевозках не было в центре единого органа управления всем транспортом воюющей страны”.

Для справки. У руководителя ЦУП ВОСО, при огромной ответственности за снабжение фронтов людьми, боеприпасами и имуществом, – отсутствовали необходимые права и властные функции. На согласование простейших документов уходила масса времени. Ведомства, выполняя задания Ставки, в ряде случаев действовали автономно. Один случай привёл к скандалу. В 1941 году член Политбюро ЦК народный комиссар путей сообщения Каганович по договорённости с начальником вооружения маршалом Куликом стали формировать эшелоны в обход ЦУП ВОСО. Самоуправство руководителей привело к “потере” грузов в ходе их транспортировки и необходимости идентификации содержания вагонов, что требовало большого времени. Неоднократные обращения Ковалёва к руководству Генштаба положение не исправили. В этих условиях он, минуя начальника Генштаба, обратился в Ставку – к Сталину.

“В докладной записке, – вспоминает Ковалёв, – я написал: “Нужно создать Всевластный транспортный комитет”. При этом напомнил, что и в гражданскую войну весь транспорт, по указанию Ленина, был подчинён одному ведомству”.

Показательно, несмотря на то, что Ковалёв обратился в Ставку “через голову” начальника Генштаба, Сталин откликнулся немедленно.

На следующий день после получения доклада и разговора с его автором – 14 февраля 1942 года – он собрал объединённое заседание Политбюро ЦК и Государственного Комитета Обороны (далее ГКО) с приглашением на заседание всех ответственных за транспорт лиц. Среди них: членов Политбюро А. А. Андреева, А. И. Микояна, Л. П. Берия, Л. М. Кагановича, а также И. В. Ковалёва (ЦУП ВОСО), А. В. Хрулёва (тыл Красной Армии), наркомов З. А. Шашкова (речной флот) и П. П. Ширшова (морской транспорт).

Отвлекусь. Здесь два момента.

Первый: возможно ли нечто подобное у нас, в демократической России, чтобы генерал по вопросу, – не личному, а имеющему государственную важность, – обратился к В. В. Путину через голову своего начальства?

Второй: можно ли представить, чтобы в наших условиях обращение к российскому Президенту было вынесено на обсуждение Совета безопасности РФ и руководителей партийных парламентских фракций?

Представляется, данные вопросы выглядят наивно. Они у чиновников вызовут снисходительную улыбку. Их можно было бы вообще не задавать.

Рассказ Ковалёва о проведении Сталиным объединённого заседания Политбюро ЦК и ГКО приведён мною, чтобы показать, как в экстремальных условиях решались в нашем Отечестве вопросы, от которых зависело само его существование.

Открыв заседание и представив Ковалёва присутствующим, Сталин пересказал в краткой форме содержание его записки. При этом “ни выражением лица, ни словами, ни тоном Сталин не выразил своего отношения к проблеме”.

— У нас имеется предложение ЦУП ВОСО (Ковалёва) о создании Всевластного транспортного комитета при ГКО. Кто за это предложение? Поднимите руки, — обратился он к участникам заседания.

Ковалёв: “Я с поднятой рукой оказался под стальными взглядами членов Политбюро и наркомов в отчаянном положении — в полном одиночестве”.

— Конечно, товарищи, вы правильно поступили, что не поддержали ещё одно надстроечное звено управления, предложенное генералом, — “похвалил” голосовавших Верховный... Подойдя ко мне вплотную, Сталин не торопясь раскурил трубку и обратился к присутствующим:

— Речь в записке товарища Ковалёва идёт не о лишнем управленческом звене. Речь о слабом звене, каким оказался сегодня наш транспорт. Он неуправляем. Его неуправляемость грозит нам поражением в войне и может привести к потере советской власти. Вот о чём наш сегодняшний разговор. Товарищ Ковалёв требует “создать Всевластный Комитет”. Как это понимать? А так, что орган этот должен иметь не только исполнительное содержание, но и законодательное...

— Предлагаю создать Комитет и избрать его Председателем товарища... — и, выдержав паузу, он почти шёпотом произнёс — ...Сталина. Прошу голосовать!

Я был потрясён. Верховный, в отличие от участников заседания, а это были опытные люди, схватил самую суть моей докладной. Произнесённое тихим голосом предложение своей неожиданностью оглушило меня. Все проголосовали “за”.

Во вновь созданный Комитет вошли члены Политбюро и руководители заинтересованных ведомств.

— Чтобы некоторые не подумали, что Комитет будет работать по инструкциям, заседать по планам и графикам, предлагаю выделить в нём оперативную тройку: Андреева, Микояна, Ковалёва (ЦУП ВОСО). Тройка должна собираться по необходимости, днём или ночью. Андрееву, Микояну и Ковалёву Ставка предоставляет право вызывать любое, независимо от должностного положения, лицо, любого члена Всевластного комитета, любого наркома и принимать решения по транспортным проблемам, — распорядился вновь избранный Председатель. — В случае разногласий — незамедлительно ко мне.

Функции штаба (рабочего органа) Транспортного комитета Ставка возложила на Управление военных сообщений, начальником которого был И. В. Ковалёв. По своим правам он оказался “**в фуражке Верховного**”. Созданный по инициативе Ковалёва Всевластный комитет в короткие сроки навёл порядок на транспорте, обеспечив всем необходимым проведение победных операций в ходе Сталинградской и Курской битв, и просуществовал до конца войны.

“В дальнейшем, интересуясь работой транспорта, глава ГКО обсуждал возникающие транспортные проблемы с тройкой. Как правило, звонил непосредственно ему (Ковалёву). Обходился без сборищ (как это практикуется сейчас. — Авт.), считая, что они бесполезны. Никогда не выступал первым на проводимых им служебных заседаниях, чтобы не навязывать присутствующим своего мнения. Он больше слушал, задавая вопросы, но терпел неконкретных ответов, многословия и, выслушав всех, принимал решение” (Г. А. Куманёв. Трудный путь к победе 1941–1945 г<одов>. М., 1995).

* * *

Положительный опыт работы Всевластного комитета, как было сказано ранее, был использован впоследствии при решении сложных проблем. Подтверждением тому является создание 20 августа 1945 года Специального комитета при ГКО для решения задач, связанных с использованием атомной энергии.

В 1987 году присутствуя на заседании Научно-технического совета Военно-промышленной комиссии (НТС ВПК), которое вёл академик А. Н. Щукин, я оказался очевидцем поучительного примера из области атомного проекта. На НТС ВПК рассматривался вопрос о создании специальных защитных покрытий, способных снижать радиолокационную заметность образцов вооружения. На заседании присутствовали академик Анатолий Петрович Александров и академик Юлий Борисович Харитон.

В перерыве один из членов НТС – Б. А. Киясов, – воспользовавшись неформальной обстановкой, обратился к Юлию Борисовичу с вопросом, не касающимся обсуждаемой тематики, – о роли Курчатова в атомном проекте как учёного. Ответ отца атомной бомбы до сих пор остался в моей памяти. Его суть уложилась в одну фразу: “Курчатов был всесторонне образованным учёным крупного масштаба, однако сам он скромно оценивал свою роль. Главной своей заслугой Курчатов считал, что ему удалось поставить работы по атомному проекту под личный контроль Сталина”.

Распоряжение ГКО о возобновлении в стране работ по урану Сталин подписал в сентябре 1942 года. Распоряжение вступило в силу, когда на фронтах стратегическая инициатива была у Гитлера. Оно стало ответом Верховного на обращение из армии (декабрь 1941 года) молодого физика Г. Н. Флёрова, работавшего ранее в лаборатории ядерной физики И. В. Курчатова.

В соответствии с распоряжением ГКО от 28 сентября 1942 года руководством АН СССР была создана в Москве Лаборатория № 2 АН СССР. Во главе Лаборатории был поставлен И. В. Курчатов.

После атомной бомбардировки американцами Японии в августе 1945 года Сталин сразу подписал несколько важнейших документов, превративших советский атомный проект в государственную программу № 1.

Не могу удержаться от аналогии. Почему бы в наше время уважаемому заместителю по модернизации российской экономики В. Ю. Суркову, вместо того чтобы через газету “Ведомости” “плакаться” об отсутствии спроса в России на новые технологии, не обратиться напрямую к В. В. Путину, потребовав специального правительственного внимания к электронике?

Работам по “атомному проекту” был придан необычайный размах. В течение одного только года Сталин лично подписал более 60 важнейших документов по вопросам развития атомной тематики.

Для практического осуществления мероприятий, связанных с атомным проектом, Сталиным при ГКО был образован с особыми полномочиями Специальный комитет (20.08.1945) во главе с Л. П. Берия.

Для США это стало шоком: американцы считали, что за время войны советская наука и промышленность скатились “в век кирки и мотыги” (Хогертон Дж. Ф. и др. “Когда Россия будет иметь атомную бомбу?” Иностранная литература. 1948).

Этот опыт организации работ, исключаящий бумажно-бюрократическую волокиту и пустую болтовню, опыт подготовки кадров, развития фундаментальной и прикладной науки для решения крупных научных и народнохозяйственных проблем бесценен. Его надо использовать. Подобная схема может быть использована в ходе модернизации экономики России.

* * *

К сожалению, многострадальный опыт нашего Отечества не только не изучается, но целиком охаивается. И кем? Самовлюбленными баловнями, выращенными, как правило, в элитарных семьях. В марте с. г. по ТВ был пока-

зан фильм Млечина. По словам автора, в СССР "...в страхе перед программой звездных войн" была развязана небывалая гонка вооружений, мобилизовавшая "все экономические возможности советского государства...".

"Чем больше министр обороны Дмитрий Устинов вооружал страну, — утверждает "знаток военного дела" Млечин, — тем в меньшей безопасности ощущали себя советские люди".

В обоснование этого утверждения в фильме не приведено ни одного факта. А они говорят о следующем. Устинов, ещё работая секретарём ЦК КПСС, был одним из первых инициаторов сокращения стратегических вооружений и активным участником подготовки переговоров в Хельсинки (1969), а также Договоров ОСВ-1 (1972) и ОСВ-2 (1979).

Таковы факты. В ответ на программу СОИ все работы в СССР ограничились исследованиями, никакие опытно-конструкторские работы не проводились. Это вымысел большого воображения либерального дилетанта.

В советское время Леонид Млечин бдительно оберегал коммунистические догмы и всецело поддерживал политику партии и правительства. Так, в статье, опубликованной в журнале "Новое время" (№ 26, 1987), он беспощадно клеймил американского президента Трумэна. Его, а вовсе не Дмитрия Фёдоровича Устинова, он называл инициатором ядерной гонки.

"Пафосного публициста" можно понять: если бы в СССР в 1949 году не было создано атомное оружие, а в 1953-м Советский Союз не рванул бы водородную бомбу, то могло случиться самое страшное: *Лёня Млечин МОГ БЫ ДАЖЕ НЕ РОДИТЬСЯ!*.. Благодаря тому же Устинову, своевременно организовавшему разработку советских стратегических вооружений, американцы сели за стол переговоров с "ненавистным Млечину" СССР.

Как и следовало ожидать, ничего не создавший за всю свою сознательную жизнь специалист "по всем вопросам" попал в очередной раз впросак.

Я участвовал в подготовке документов для заседаний Военно-технического совета Минобороны, многое видел своими глазами. То, что Устинов занимался армией, вооружением её, снабжением, отдавал ей много времени и сил, придавал ей должное значение, готовил страну к обороне в трудных условиях, являлось для всех нас несомненным. Другое дело, что не всё было в его силах — он был пленником не им созданной системы.

В Минобороны он пришёл в 1976 году. В тот период на развитие оборонной промышленности большое влияние оказывали региональные партийные руководители. В Ленинграде — член Политбюро ЦК Романов, в Харькове — член Политбюро ЦК Щербицкий. Они имели возможность, минуя Устинова, выходить непосредственно на Генсека — Брежнева.

Например, в части танков. Когда Дмитрий Фёдорович возглавил Минобороны, промышленность разрабатывала сразу три средних танка — в Ленинграде, в Харькове и на востоке. Первыми двумя занимались члены Политбюро (Щербицкий и Романов). Устинов курировал предприятия, располагавшиеся в Челябинске и Нижнем Тагиле. Его попытки унифицировать эти разработки не удалась — силы были неравны.

В конце 1960-х годов, ещё работая секретарём ЦК, Устинов попытался сократить номенклатуру стратегических ракет: дать "зелёный свет" ракете конструктора М.К. Янгеля, прекратив конкурирующую разработку Челомея (мне рассказал об этом лично Челомей при посещении его КБ). Спор был вынесен в Крым — на Совет обороны, к отдыхающему в Ялте Брежневу. Леонид Ильич не поддержал предложение Устинова. Были приняты на вооружение обе баллистические ракеты с близкими техническими данными.

Несколько ранее проходили споры по зенитной системе С-300. У американцев система "Пэтриот" одна. У нас — две "трёхсотки" (С-300В и С-300П). Общее у них — только название.

Тем не менее, Устинов делал всё, что мог, всё, что было практически возможно. К этому кругу "хорошего", связанного непосредственно с нашей жизнью, относилось повышение роли учёных и инженеров в принятии государственных решений.

Впервые автор этих записок был приглашён на совещание к Дмитрию Фёдоровичу Устинову в 1979 году. Любая встреча с такой личностью – уже событие. Участие в подготовке проводимого им совещания – событие вдвойне. И не только для его организаторов. Надеюсь, рассказ о стиле работы этого человека будет интересен сегодняшним читателям, поможет им ощутить меру ответственности, уровень требований, предъявлявшихся ко всем государственным деятелям, занимавшим высокие посты в СССР.

Существует устойчивое убеждение, что раньше – в тоталитарном СССР – все решения навязывались сверху путём жёсткого диктата. Это, мягко выражаясь, неправда. Совещание у Д. М. Устинова – только один из примеров того, как решались им вопросы государственной важности.

Тема совещания касалась ответных мер ВС СССР на развёртывание США низковысотных (100–300 м) стратегических крылатых ракет (далее СКР). Разногласия между начальником Вооружения Алексеевым, которого поддержал главком ВВС Кутахов, и главкомом войсками ПВО Колдуновым возникли в ходе подготовки Военно-технического совета Министерства обороны (далее ВТС МО) “О первоочередных мерах по противодействию американским СКР”.

Тысячекилометровый полёт через всю страну на высоте 100–150 м немецкого лётчика Руста, который был имитацией полёта СКР, и приземление его на Красной площади подтвердили важность этой проблемы. Случись подобная провокация против США или ФРГ, трудно предсказать реакцию их руководителей. Решением Верховного главнокомандующего маршал авиации А. И. Колдунов в 1987 году был освобожден от должности главкома войсками ПВО страны.

Опыт локальных конфликтов (Югославия, Ирак) показывает, что ПВО в одиночестве не способна противостоять этой угрозе.

Однако в конце 1970-х годов Александр Иванович Колдунов, желая получить многомиллионные ассигнования, занял сугубо ведомственную позицию. Для её обоснования он привлёк материалы, подготовленные подчинённым ему НИИ ПВО.

В то время, думаю, и сегодня тоже, когда встаёт вопрос о разработке той или иной системы, оказывается, что у каждой заинтересованной стороны – свои покровители, через которых они “проталкивают” своё детище. А. И. Колдунова поддерживали два главных конструктора – академик Б. Ф. Бункин и академик П. Д. Грушин, – а также заместитель председателя Военно-промышленной Комиссии (ВПК) В. А. Букатов.

Конструктор Грушин был членом ЦК КПСС и пользовался огромным авторитетом. Это его ракетой был сбит самолёт-разведчик США, пилотируемый Пауэрсом. Получив его поддержку, Колдунов обратился к министру обороны. В его докладе, среди прочего, говорилось об имеющей место “антигосударственной” практике подготовки вопросов, выносимых на заседания ВТС МО (далее Совета), что создаёт опасность, “... угрожающую обороноспособности страны”.

Это заявление, изложенное в официальном докладе, поддержанное двумя академиками, по существу, было прямым шантажом, в том числе шантажом лично Устинова, на который, к его чести, министр обороны не поддался.

В этих условиях мне было поручено согласовать проект решения ВТС МО с Генштабом (Н. В. Огарковым), видами Вооруженных сил, ВПК и оборонным отделом ЦК КПСС.

Документы по этому вопросу мною были переданы в ВПК и на Старую площадь – в оборонный отдел ЦК, Н. Н. Дитинину, который по “кремлёвке” доложил суть вопроса Устинову. Министр обороны дал согласие обсудить проект решения ВТС МО у него на совещании.

Подготовка совещания была взята под особый контроль. Мною была представлена выполненная в виде таблицы подробнейшая справка. Против каждого довода ПВО был дан согласованный с промышленностью обстоятельно аргументированный ответ (с прилагаемыми к справке расчётами). Кроме того, в качестве оппонентов Б. В. Бункина и П. Д. Грушина на совещание бы-

ли приглашены А. Д. Надирадзе – конструктор баллистических ракет, преодолевающих оборону подобных зенитных ракетных комплексов, – и В. П. Ефремов – конструктор системы С-300В, обладающей более мощной боевой частью ракеты, чем БЧ ракеты С-300П.

Их участие в совещании, а также сама организация подобных мероприятий у Устинова исключали возможность любой подтасовки.

Совещание проводилось осенью 1979 года в зале Коллегии министерства. Среди его участников были председатель ВПК Л. В. Смирнов, зав. Отделами ЦК И. Д. Сербин и Н. И. Савинкин, члены Коллегии Минобороны, а также министры оборонных отраслей промышленности. Устинов открыл заседание с ходу, без объявления повестки дня. Я вёл запись всех выступлений. Привожу их подробно, чтобы передать психологический накал, за которым стояла чёткая, присущая Устинову логика подхода к обсуждаемым с его участием вопросам.

“Я как член Политбюро отвечаю не только за оборону, но и за ХЛЕБ”, – заявил Дмитрий Фёдорович. И продолжил: “Смотрите, что происходит. Денег мало, но мы делаем одновременно три средних танка. Один – в Ленинграде, его курирует член Политбюро Романов; второй – на Украине, им занимается товарищ Щербицкий; а я, выходит, создаю свой – в Сибири. Если отойти на 100 метров, танкист их не различит. Но траки, катки, торсионы – разные. Как эксплуатировать? Кто за это несёт ответственность?”

“Я дал указание разработать единый для войск и флота простой бинокль – лазерный дальномер. Хотел сократить номенклатуру. Как выполняется мое указание? Оно не выполнено”.

– Сергей Георгиевич, – обратился Устинов к главному ВМФ Горшкову, – это правда, что вы разработали дальномер только для ВМФ и приняли его на вооружение?

С. Г. Горшков:

– Товарищ министр! Мы приняли не на вооружение, а на снабжение. Нам дано право принимать образцы на снабжение, если их стоимость менее ста тысяч.

– Вот видите! Перейдём к ПВО, – обратился к присутствующим Устинов. – Давайте послушаем товарища Колдунова.

Маршал Колдунов волновался. Обратившись к плакатам, он начал доклад с тактики применения крылатых ракет и исходящей от них угрозы.

– Александр Иванович, – перебил его любивший краткость Д. Ф. Устинов, – что такое крылатые ракеты, мы знаем не хуже вас. Докладывайте по существу. Вы представляете, в какую стоимость выльются ваши предложения?

А. И. Колдунов:

– Если мы проведём работы по увеличению дальности ракет системы “С-300П”, оборона Москвы будет стоить в два раза дешевле.

– Товарищ Колдунов, – подойдя вплотную к трибуне, за которой стоял боевой лётчик, и глядя на золотые звёзды на его груди, обратился к маршалу Устинов, – вот если бы вы рассказали нам, как надо летать, мы бы слушали вас, открыв рот. Но что вы понимаете в стоимости, откуда вы знаете, что в два раза дешевле? Кто вам это сказал?

– Академик Бункин, – ответил Колдунов.

Это заявление буквально взорвало Дмитрия Фёдоровича. Академик Бункин был специалистом по наземным радиолокационным средствам системы. Свободно ориентируясь в вопросах вооружения, министр обороны усомнился в расчётах конструктора. Далее последовал диалог, ничего хорошего не предвещавший для высокопоставленного военачальника и его консультанта.

– Борис, ты здесь? – неожиданно по имени обратился к Бункину Устинов.

– Здесь, Дмитрий Фёдорович.

– Это действительно так? Ты что считал?

– Да, я считал стоимость ракет по условным ценам, на третий год производства.

– Но почему ты проводишь расчёты стоимости ракет? Ведь ты их не разрабатываешь.

– Казаков, – обратился Устинов к министру авиационной промышленно-

сти, — сколько будет стоить вновь созданная зенитная ракета с увеличенной в два раза дальностью через три года НА НОВОЙ элементной базе?

— Дмитрий Фёдорович, в 3,0–3,5 раза дороже, чем старая.

— Александр Иванович, — обратился Устинов к маршалу авиации, — неужели вы пришли на совещание, чтобы узнать это от Казакова. Не могли ему позвонить?

Встав из-за стола, Дмитрий Фёдорович подошёл вплотную к Бункину.

— Вы, что, не знаете, — продолжал министр обороны, обращаясь к Борису Васильевичу и остальным присутствующим, — чтобы задать вопрос, нужно владеть предметом хотя бы наполовину. Чтобы ответить — на 100 процентов. Но важно знать ещё одну премудрость: кому задать вопрос! Товарищ Колдунов, кто вам готовил доклад?

— Наш институт. Профессор, генерал Ю. И. Любимов.

— Он здесь?

— Да.

— Прошу вас, товарищ Любимов, доложите ваше мнение, только по совести. Дайте сравнительную оценку зенитным ракетным системам (ЗРС) главного конструктора Б. В. Бункина и главного конструктора В. П. Ефремова.

Дальше произошёл скандал. Отвечая на вопрос министра, Любимов обратился к плакату, на котором были приведены сравнительные характеристики этих систем. На плакате технические характеристики обеих систем были одинаковы. Как только Любимов их озвучил, раздался возглас:

— Неправда! Это обман! — кричал Ефремов.

Дело в том, что ЗРС Ефремова имела лучшие характеристики, чем у Бункина (за счёт большей скорости полёта и более совершенного боевого снаряжения). Вениамин Павлович вышел к плакату и доложил суть отличия конструкции его системы от системы Бункина. Устинов был взбешён.

— Я же просил, товарищ Любимов, докладывать по совести. Комиссию! Создать комиссию! — потребовал он. И, обратившись к Алексееву, прервал совещание. — Разберитесь в этом вопросе, результаты проверки доложите мне лично, после чего продолжим обсуждение, — были его последние слова.

В соответствии с указанием Устинова я вместе с двумя математиками из НИИ Генштаба на следующий день выехал в Калинин — в НИИ ПВО. В ходе проверки модели обнаружили, что расчёты зоны поражения и боевой эффективности системы С-300П были некорректны. Оказалось, что в расчёты были заложены высоты полёта крылатых ракет в три раза большие, чем высоты их реального боевого применения (соответственно 800–900 м, против 100–300). Эта “неточность” являлась сознательным обманом. Она упрощала обнаружение низковысотных крылатых ракет (увеличивала в разы зону поражения системы по СКР).

Д. Ф. Устинов, ознакомившись с актом проверки, принял решение собраться у него в том же составе.

Вторая часть совещания состоялась спустя неделю и завершилась неожиданно быстро. Прочитав проект приказа о результатах проверки, Устинов предоставил слово начальнику Института генерал-лейтенанту Королёву. Бывший командарм растерялся. Он попал в безвыходное положение.

Технико-экономические данные, на которых базировался расчёт, подготовленные его институтом, были опровергнуты на предыдущем заседании в Минобороны в присутствии министров оборонной промышленности, главных конструкторов и главкомов видов ВС.

В части стоимости ракет — министром авиационной промышленности Казаковым, в части боевой эффективности — главным конструктором Ефремовым и результатами проверки назначенной Д. Ф. Устиновым комиссии.

— О чём докладывать, товарищ Маршал Советского Союза? — выйдя к трибуне, спросил Б. А. Королёв.

— Вопрос странный, — последовал ответ, — докладывайте, о чём хотите, только не о железной дороге, конечно.

— Разрешите, я остановлюсь на частных вопросах.

— О гайках не нужно. Докладывайте комплексно.

После этих слов начальник Института потерял сознание. Из зала ему по-

могли выйти помощник министра обороны генерал И. В. Илларионов и главный маршал артиллерии В. Ф. Толубко. Устинова случившееся поразило.

– Разве я был груб? – вырвалось у него.

Предложения, продиктованные ведомственной корыстью, поддержки не получили. Совещание рекомендовало сосредоточиться на выполнении конструкторской разработки по созданию советских крылатых ракет авиационного, наземного и морского базирования и на совершенствовании СПРН (системы предупреждения о ракетном нападении).

По результатам проверки НИИ ПВО Ю. И. Любимов с председателем НТК войск ПВО Г. С. Легасовым получили по выговору. Борис Александрович Королёв попал в госпиталь и был уволен на пенсию.

* * *

Завершая эти записки, хотел бы надеяться, что попытка показать на нескольких примерах, как в самых неблагоприятных для советской страны условиях принимались ключевые решения, не пропадёт даром.

Какой бы мусор ни наносился младореформаторами на советское время, очевидно: только благодаря запасу прочности, накопленному в те годы, постсоветская Россия продолжает (уже более 20 лет) оставаться на плаву и по инерции двигаться вперёд, несмотря на небывалый хаос, коррупцию и некомпетентность держащихся за власть проворовавшихся либералов.

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

ПОДКИДНОЙ С ЧЕРТЯМИ

Минувшей зимой в одной из белорусских газет был опубликован материал об уничтожении гитлеровцами еврейского гетто в Орше на исходе 1941 года. Надо сказать, что сама тема нацистского геноцида в отношении евреев в белорусской прессе является постоянной, притом на всех её флангах, ведь трагедия этого народа затронула буквально все белорусские города и местечки и унесла примерно 800 тысяч жизней. Упомянутая же публикация обратила на себя внимание финальными словами: “Вторая мировая война со всей ясностью и первобытной звериной жестокостью показала всем, к чему может привести большевистская или фашистская идеология...”.

Можно не сомневаться, что больше всего увязке гибели гетто с большевизмом удивились бы сами евреи, казнённые в Орше и не только в Орше, поскольку миллионное еврейское население в довоенной Беларуси репрессиям со стороны большевиков никак не подвергалось. Оно активно участвовало не только в политической жизни республики, но и в руководстве этой жизнью. На XV съезде ВКП(б) Серго Орджоникидзе докладывал, что доля евреев в управленческом аппарате республики составляла 38,6 процента, о чём напомнил А. Солженицын в своей книге “Двести лет вместе”. Тот же А. Солженицын пишет, что евреи активно и самоотверженно дрались за социалистическое государство на всех фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах и “среди всех национальностей Советского Союза они заняли пятое место по числу награждённых после русских, украинцев, белорусов и татар”. С награждением воинов-евреев за мужество в борьбе с гитлеризмом связан и уникальный случай в той войне, когда родные братья Евсей Григорьевич и Матвей Григорьевич Вайнруб, уроженцы белорусского города Борисов, в один и тот же день – 6 апреля 1945 года – были удостоены звания Героя Советского Союза. Евсей командовал танковой бригадой, Матвей – подвижной танковой группой при прорыве гитлеровской обороны на Висле.

АЛЕКСЕЙЧИК Яков Яковлевич родился в 1948 году в деревне Переспа Дрогичинского района в Брестской области. В 1972 году окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета, в 1979 — Минскую высшую партийную школу. Работать в печати начал в 1966 году в Ивановской районной газете “Чырвоная зязьда” на Брестчине. Был на партийной работе в Ивановском райкоме, Брестском обкоме партии и ЦК КПБ. С 1988-го по 2002 год — генеральный директор Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), в 2006–2009-м — главный редактор издательства “Беларусь”. Живет в Минске.

Тогда почему столь страшное обвинение брошено в сторону большевиков, среди которых евреи — и это тоже ни для кого не является секретом — занимали весьма видное место? Ответ довольно прост: в данном случае трагедия гетто использована в качестве “лыка в строку” в том политическом процессе, в ходе которого довольно многие, особенно в западной Европе, но уже не только там, с настойчивостью, достойной лучшего применения, стараются поставить на одну доску СССР и гитлеровскую Германию. Оставляется в стороне даже то, что, не будь победы Советского Союза, могло не быть и стран, политики которых теперь так напрягаются в обозначенном направлении. Дошло до утверждений, что “гитлеровский меч” выкован под непосредственным присмотром Сталина. Между тем, реальные исторические факты, относящиеся к тому “выковыванию”, не просто упрямы, но и весьма интересны. Начнём с одного из наиболее любопытных.

Когда 7 сентября 1941 года гитлеровские войска подошли к Ленинграду настолько близко, что стали досягаемы для корабельной артиллерии Балтийского флота, приступили к делу пушкари защищавших город боевых судов, в числе которых состоял и тяжёлый крейсер “Петропавловск”. Он был ещё не закончен строительством, не имел собственного хода, однако две его башни с четырьмя орудиями калибром 203 миллиметра и полным боезапасом были готовы к бою. Открыв огонь 7 сентября, крейсер не прекращал стрельбу в течение одиннадцати суток. Но 17 сентября немцы приблизились на расстояние, равное всего трем километрам, и их тяжёлые гаубицы начали расстреливать “Петропавловск” почти прямой наводкой. Получив 53 пробоины и “заглотив” сотни тонн воды, корабль сел на грунт.

Через год, когда ситуация на Ленинградском фронте улучшилась, крейсер был поднят, отбуксирован к стенке судостроительного завода, отремонтирован и в декабре 1942 снова приступил к боевой работе в качестве плавучей батареи. Документально зафиксировано, что только во время прорыва блокады Ленинграда в январе 1944 года его пушки выпустили 1036 снарядов. Но весьма существенно в истории этого корабля то, что все годы ленинградской обороны “Петропавловск” стрелял... по своим. Его пушки, его снаряды были немецкими, он сам был немецким, став “Петропавловском” меньше чем за год до начала войны. А до этого носил наименование “Лютцов” и относился к классу наиболее современных тяжёлых крейсеров того времени. Его водоизмещение составляло почти 14 тысяч тонн, длина — 200 метров, мощность силовой установки — 132000 лошадиных сил, возможность автономного плавания — почти 12000 километров. Проект предусматривал, что на вооружении крейсера будет не только мощная артиллерия, но и три самолёта.

Корабль был заложен 2 августа 1937 года на германской верфи “Дешимаг ФГ Вессер” и 1 июля 1939-го спущен на воду. Таких судов для рейхсмарине предполагалось построить пять. Но в строй вступили три. “Лютцов”, готовый на семьдесят процентов, в 1940 году был продан Советскому Союзу за 106,5 миллиона золотых марок, и 31 мая германские буксиры подвели его к стенке ленинградского завода № 189. Следом немцы отпраздновали оборудование, необходимое для достройки и довооружения крейсера, а также положенный ему боезапас. Ловчили, затягивали поставки, но всё-таки отправляли.

Германский адмирал Тирпиц ещё сто лет назад сказал, что в мире нет больше примеров, подобных тому, с какой яростью русские и немцы на протяжении веков уничтожали друг друга во благо англо-саксов. С англо-саксами у немцев были свои счёты, не на пустом же месте родилась у них поговорка, звучавшая, как заклинание: “Боже, покарай Англию!”. Однако в данном случае речь пойдёт о другом — о том, что в XX веке русские и немцы не только воевали между собой, но и активно помогали друг другу готовиться к войнам. Правда, и в этом плане англо-саксов оставить в покое не получится, поскольку и к войнам, и к тому сотрудничеству немцев с русскими упорно подталкивали как раз англы и саксы вкуче с франками, италями, ляхами.

Для немцев после Первой мировой войны толчком к взаимодействию с русскими стал Версальский мир, которым закончилась война. Он был написан под диктовку всё тех же англичан и французов, и по его условиям Германия лишалась восьмой части своих территорий. На левом берегу Рейна устанавливалась демилитаризованная зона, в Кельне, Кобленце и Майнце — зоны оккупационные; угольные шахты в Саарском бассейне передавались в “полную и неограниченную собственность” Франции. Кроме того, Данциг превра-

щался в “вольный город” и включался в таможенные границы Польши, судьбу Верхней Силезии и некоторых регионов Восточной Пруссии должны были решить плебисциты. У Германии изымались колонии. А главное, её выставляли из клуба великих держав, и чтобы она не могла ничего исправить в будущем, её вооруженные силы – рейхсвер – урезались до ста тысяч человек. Ей запрещалось иметь генштаб, военные учебные заведения, воинскую повинность, а также танки, подводные лодки, военную авиацию, тяжёлую артиллерию, то есть те виды вооружений, которые определяли военную силу государств в то время.

Каждый немец, познакомившись с этими условиями, уразумел, что он никогда с таким миром не согласится и в покое соседей не оставит. Понимали это и победители. В той же Франции устами маршала Фердинанда Фоша было сказано, что Версальский мир – вовсе даже не мир, а перемирие в войне, сделанное на двадцать лет. Надо полагать, Фош считал, что именно столько времени потребуется немцам, чтобы они могли вновь собраться с силами и начать отвоевывать отторгнутое. Уинстон Черчилль тоже полагал, что Первая мировая стала лишь началом тридцатилетнего периода европейских войн. В современной Европе многие историки подчёркивают: немцы начали бы Вторую мировую войну вне зависимости от того, пришёл бы Гитлер к власти в Германии или нет. Они были настроены именно на реванш, и выродок Гитлер – австриец по происхождению – просто “оказался в нужном месте и в нужное время”, что, конечно же, никак не оправдывает того, что он натворил.

Замыслив реванш, немцы вскоре пришли к выводу, что в восстановлении государственных сил – особенно военных – надо опереться на русских, которые после революции и гражданской войны тоже оказались в статусе мировых изгоев. Утверждают, что первым такую мысль высказал командующий рейхсвером генерал Х. фон Зект.

Фактически немцы и русские во многом оказались в схожей ситуации и сочли, что логично будет запастись порохом. Первые, намереваясь вернуть утраченное, вторые – желая сохранить наличное. Постепенно в Берлине и в Москве пришли к выводу, что этим делом надо бы заниматься сообща. В июне 1922 года Германия установила дипломатические отношения с Советской Россией. Это произошло в итальянском городке Рапалло. С немецкой стороны соглашение подписал министр иностранных дел Вальтер Ратенау, на самом деле питавший, как утверждают близко знавшие его люди, “отвращение к русским методам управления и террора”. Вряд ли будет ошибкой предположить, что подобные ощущения в Германии испытывали многие, в том числе и в руководстве страны. Но над личными чувствами возобладал государственный интерес, и заявлено было об этом как раз в дни международной конференции в Рапалло, на которой победители в Первой мировой войне собирались прописать дальнейшие правила поведения как для немцев, так и для русских.

Поворот во взаимоотношениях двух ещё недавно воевавших друг против друга государств произвёл шоковое впечатление. Главы делегаций девяти стран Антанты и её союзники направили резкую резолюцию канцлеру Германии Вирту, в которой заявили, что его страна подписала акт, уничтожающий “дух взаимного доверия”. Однако в подобных словах было немало лицемерия, поскольку подобный исход всё-таки не мог быть абсолютно неожиданным для европейских политиков, тем более для британского премьера Д. Ллойд-Джорджа – одного из главных *подписантов* той резолюции. Всего за какой-то год до этого о возможности именно такой *перспективы* предреждал не кто иной, как Ллойд-Джордж, не раз говоривший, что открытая бесцеремонность по отношению к России при решении вопросов о её границах, например, границах с Польшей, может подтолкнуть *красных комиссаров* “в объятия Германии”.

Не будет в этой связи лишним напомнить и о том, что даже если бы Германия не пошла на подписание соглашения в Рапалло, всё равно Советская Россия вряд ли осталась бы наедине с собой и своими проблемами, включая оборонные. В той же Европе многих прельщали перспективы заработать на этих проблемах и на российских сырьевых ресурсах. И если уж на то пошло, то “Лютцов” был не единственным кораблём, который во время Великой Отечественной войны “стрелял по своим” с советской стороны. Для нынешних историков уже не является секретом, что ещё до совместных военно-промышленных проектов с Германией два десятка военно-морских судов, в числе

которых были эсминцы, миноносцы, подводные лодки, торпедные катера, сторожевики, Советам построила Италия. Закамуфлировав их под итальянские, снабдив своими командами, она перегнала их в советские черноморские порты. Эти-то корабли и стали основой возрождающегося Черноморского флота, ибо собственно русские военные и торговые суда – более 340 единиц – были уведены Врангелем в Средиземное море во время исхода белых войск из Крыма. После того исхода только на французской военно-морской базе в тунисской Бизерте было сосредоточено 52 русских военных корабля, в числе которых было три линкора, три крейсера, 12 эсминцев, шесть подводных лодок. По иронии судьбы, ими командовал Михаил Беренс – родной брат начальника Морского штаба, а затем главнокомандующего всеми военно-морскими силами Советской России Евгения Беренса. Общая стоимость судов, уведённых тогда с Чёрного моря, по подсчётам Наркомфина СССР, в 1925 году составляла 8 миллиардов 300 миллионов золотых рублей. Со временем они пошли на слом. А “итальянские” в 1941–1943 годах стреляли не только по немецким, румынским, но и по итальянским же войскам, наступавшим на Одессу и другие причерноморские города.

Сам по себе этот нюанс весьма важен вот каким обстоятельством. В нынешней Италии никому в голову не приходит обвинять свою страну, промышленность, бизнесменов в том, что они “помогали Сталину наращивать военную мощь”, жертвами которой в 1941–1943 стали сотни тысяч итальянских солдат и офицеров, оказавшихся под Сталинградом, Воронежем и других местах, убитых, раненных, попавших в плен. По крайней мере, читать об этом не приходилось. Между тем, в российской и белорусской печати – и не только – довольно часто можно встретить утверждения, в которых советско-германские военные контакты между двумя мировыми войнами трактуются исключительно как несмыслимый позор. Однако факты говорят, что к сотрудничеству бывших и будущих врагов привела отнюдь не “внезапно вспыхнувшая любовь”, а конкретные политические и экономические интересы. Для Германии они заключались в том, что при ментальном настрое на реванш ей нужно было во что бы то ни стало сохранить военные кадры, военную мысль, военные разработки и при удобном для себя стечении обстоятельств сразу же всё поставить на службу новым задачам. Притом делать это надо было в глубокой тайне, а сохранить такую тайну легче всего было как раз в Советской России. России, в свою очередь, тоже нужно было спасти армию, которая после сокращения и перевода на милиционные основы, последовавшего за гражданской войной, находилась в полуразобранном состоянии. И помочь могли немцы. При этом большевики были уверены, что жаждавшие реванша и освобождения от прессы Антанты немецкие политики и генералы деньги в любом случае найдут, как откровенно писал тогдашний нарком внешней торговли РСФСР Леонид Красин, “хотя бы, например, утаив известную сумму при уплате многомиллиардной контрибуции той же Франции”. А Красин немцев знал неплохо, не зря же он перед революцией несколько лет проработал в Германии на фирме “Сименс и Шуккерт”, где, как утверждают энциклопедии, проявил незаурядные инженерные и организаторские способности. А поскольку военно-промышленный комплекс в любой стране и во все времена являлся и является основным звеном всего промышленного хозяйства, то его реанимация и развитие сулили улучшение дел экономике Советской России в целом. В таком случае, и она нашла бы средства на размещение соответствующих заказов в Германии, что опять же способствовало бы развитию немецкой промышленности. Немцы учли и это, отчётливо осознавая, что даже разорённая войной и революцией Россия обладает огромными ресурсами, особенно сырьевыми, в которых остро нуждались германские предприятия.

Впоследствии так всё и получилось. Каждая из сторон довольно успешно решала собственные задачи. В начале тридцатых годов Германия возглавила список импортёров из СССР и экспортёров в Советский Союз: “на её долю пришлось 50 процентов сумм экспорта и импорта”, – отмечал в своих мемуарах, вспоминая о том времени, немецкий посол Герберт фон Дирксен. При этом он, не скрывая гордости, добавлял: “Это стало для меня источником радости – посещать многочисленные промышленные предприятия Рура и повсюду видеть огромные ящики и упаковочные кети, предназначенные для отправки в Москву, Ленинград и другие города России. Эти заказы позволяли загрузить мощности значительной части предприятий Рура”.

При этом нельзя не упомянуть, что в самой Германии, в её высших политических и хозяйственных кругах время от времени возникали споры: правильно ли делают немцы, помогая России создать собственную промышленность. Ведь она могла стать опасным соперником. Герберт фон Дирксен на это отвечал: “Россия в любом случае станет индустриальной страной”. На него производили огромное впечатление “безграничная энергия и целеустремленность советских руководителей”. В случае отказа Германии от сотрудничества, добавлял он, “промышленники из стран-конкурентов ухватятся за такую возможность...”. Так потом и произошло. Когда после прихода к власти нацистов во главе с Гитлером СССР свернул многие совместные проекты, а товарооборот с Германией уменьшился с 1 065,8 миллиона марок в 1931 году до 182 миллионов марок в 1937-м, на смену немцам пришли американцы, торговля с которыми даже превысила “советско-немецкие” суммы.

В современной прессе, к сожалению, многие события, связанные с межвоенным советско-германским взаимодействием, сопровождаются откровенными выдумками. Некоторые уже договорились до того, что так называемый совместный парад советских и немецких войск в сентябре 1939 года состоялся не только в Бресте, а и в Пинске, хотя в Пинске, отстоящем от Бреста почти на двести километров, немцами в то время даже не пахло. Довелось как-то прочитать, будто были такие парады в Гродно и Львове, что также не соответствует действительности.

Довольно часто можно встретить утверждения, что именно в Советском Союзе подготовлены чуть ли не все авиационные и танковые асы вермахта, что даже Гейнц Гудериан – один из самых знаменитых гитлеровских полководцев, теоретик новых методов ведения военных действий с участием танков – научился этому в советской танковой школе под Казанью. Говоря другими словами, выходит, что бить русских Гудериан учился в России, но перед нападением на СССР он и его танкисты, чтобы, как говорится, проверить свои навыки на практике, изрядно потрепали англичан, французов, поляков, югославы, греков.

На том, кто у кого учился воевать, тоже стоит остановиться подробнее, тем более что реальные факты и здесь куда интереснее выдумок. Танковая школа, в которой обучались военнослужащие рейхвера на переломе двадцатых и тридцатых годов, под Казанью действительно существовала. Притом существовала на немецкие деньги! Но Гудериан в ней не учился. Летом 1932 года он, бывший к тому времени уже подполковником, посещал её вместе с генералом О. Лутцем во время инспекционной поездки. Тогда он присутствовал на тактических занятиях с использованием трёх танковых взводов РККА, а всего в тех занятиях, как пишет российский дипломат Сергей Горлов, специализирующийся на истории советско-германских отношений в период между двумя мировыми войнами, участвовало до ста человек. Некоторые источники указывают также, что во время той поездки Гудериан прочитал лекцию для курсантов.

Танковая школа “Казань”, в которой обучались немецкие военные, действовала с 1929 по 1933 год, и закончили её всего тридцать представителей рейхсвера, так как одновременно в ней по условиям договоренностей не могло обучаться более двенадцати человек. В 1930 году было выпущено 10 немецких офицеров, в 1932 – 11, в 1933 – 9. В 1931 году выпуска не было. Некоторые из тех выпускников впоследствии действительно стали генералами и во время Второй мировой войны воевали против СССР. Но важно то, что в школе “прошли обучение и 65 советских офицеров”. И это были строевые командиры танковых и мотомеханизированных частей РККА, преподаватели бронетанковых вузов и инженеры (танкисты, артиллеристы, радисты)... Москва, учитывая важность непосредственного соприкосновения с иностранным опытом, старалась пропустить через школу максимальное количество курсантов.

Танковая школа не была единственным совместным учебным центром на территории СССР, работавшим на две стороны. Первой стала авиационная школа в Липецке, созданная тоже на немецкие средства. В ней с 1925 по 1933 год прошло подготовку 120 немецких лётчиков и около сотни лётчиков-наблюдателей, как тогда называли штурманов. С 1929 года в той школе “упор был сделан на испытание в Липецке новой техники”. При этом обучались и советские лётчики, и наземный техперсонал советских ВВС. Сергей Горлов говорит, что “итоговую картину относительно подготовки лётного и техниче-

го состава для советских ВВС в Липецке составить сложно, хотя можно однозначно сказать, что научились у немцев в авиационном деле многому. Достаточно упомянуть, что советские лётчики обучались на основе наставлений и инструкций, разработанных в Липецке". Речь идёт об учёбе во всех авиационных училищах СССР. Более того, советская сторона организовала в Липецке "рабочие группы из своих лётчиков и инженеров-самолетостроителей, которые теперь уже на постоянной основе подробно знакомились с работами германских специалистов. Появились там и ведущие специалисты ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт). Они участвовали во всех технических испытаниях немцев...".

О многом говорит и ещё одна красноречивая цитата: "Советская сторона тоже устраивала показ своей авиационной техники и вооружений (например, авиационный пулемет Дегтярева в июле 1930 г<ода>), но лишь в сентябре 1931 года в Тушине под Москвой была устроена широкая демонстрация советской авиатехники. Правда, по мнению немецких участников (Ф. Фельми, Х. Шпайдель, К. Друм, В. Виммер), это были в основном устаревшие модели. И хотя советские авиаконструкторы занимались разработкой новых типов самолётов (например, АНТ-14, АНТ-20, ТБ-1, ТБ-3, ТБ-4), немцам их старались не демонстрировать. Причиной было очевидное нежелание демонстрировать то, что прогресс в советском авиостроении достигался во многом за счёт элементарного освоения и тиражирования достигших иностранной, в том числе немецкой, технической мысли, хотя в этом, конечно, нет ничего предосудительного".

В принципе, трудно назвать направление, по которому никакого сотрудничества не было, потому что реестр двусторонних проектов, осуществляемых в СССР, включал и производство зенитных орудий, взрывателей, миномётов, пулемётов, снарядов для полевой артиллерии, и предоставление лицензий для серийного производства военной продукции в СССР, и направление на советские предприятия немецких инженеров. Сам за себя говорит перечень германских фирм, которые в этом участвовали: "Крупп", "Райнметалл", "Сименс и Хальке", "ИГ-Фарбен-Гезельшафт", "К. Цайс", "Вальтер", "Даймлер-Бенц", "Маузер", "Юнкерс", "Хайнкель" (именно так их называют историки, хорошо знающие немецкий язык).

Осуществлялось взаимодействие и между военно-морскими флотами, проводился обмен разведывательными данными, были взаимные поездки командиров на полевые, тактические занятия и военные маневры. На основе немецкого опыта в СССР издавались специальные наставления, касающиеся работы штабов, тактического применения военной техники, летней учёбы войск, военных игр, пулемётной и артиллерийской подготовки, устройства тыла. В июне 1931 года в своем отчёте Реввоенсовету начальник Штаба РККА А. И. Егоров прямо констатировал, что план работы Военной Академии на предстоящий учебный год "построен на учёте опыта и позаимствован у Германской военной академии".

В том же году немецкий военный атташе Германии в СССР докладывал генералу Зекту, что последствия сотрудничества "повсеместно видны в Красной Армии". В 1935 году его характеристика проведённых в СССР военных маневров была ещё более впечатляющей: "Мы можем быть довольны столь высокой оценкой маневров. Их командиры и руководители – это наши ученики". А генерал Шпейдель ещё до этого констатировал, что красные командиры в своём прилежании зачастую превосходили немецких коллег во время учёбы на совместных занятиях.

Весьма ценным для советской экономики, в том числе для военной, имело и обучение советских инженеров на германских предприятиях. Многие из них вскоре становились крупными руководителями у себя на родине. Например, И. Ф. Тевосян был назначен заместителем наркома оборонной промышленности, затем – наркомом судостроения, потом руководил наркоматами чёрной металлургии, металлургической промышленности. Нынешние аналитики о важности для СССР военно-технического сотрудничества с Германией говорят так:

во-первых, во многом благодаря именно германской помощи на переломе двадцатых и тридцатых годов была успешно проведена начатая в 1925 году военная реформа;

во-вторых, благодаря советско-германскому военному сотрудничеству были заложены основы военно-промышленного комплекса СССР. Например,

широко известный ныне подмосковный завод имени Хруничева, производящий ракетную технику, начинался с завода, построенного фирмой “Юнкерс”;

в-третьих, материальные и кадровые резервы, созданные с помощью немцев и во многом на немецкие деньги, помогли выдержать жесточайшие испытания во время войны;

в-четвёртых, подчёркивает тот же С. Горлов, военно-промышленный аспект сотрудничества положительным образом сказался **на развитии всей советской экономики.**

В то же время нельзя не сказать и о том, что это сотрудничество далеко не всегда шло гладко. На его пути нередко вставали идеологические противоречия. В 1923 году Советский Союз поддержал революционные выступления рабочих в Гамбурге и других местах Германии. Не обошлось без утечек различной информации в европейскую прессу. Потому от подписания договора в Рапалло до открытия первой школы в Липецке прошло пять лет. Идеологические противоречия стали основной причиной прекращения военно-технического сотрудничества в 1933 году. Инициатива принадлежала Москве. Как тогда говорили, “РККА показала рейхсверу на дверь”. Но это была уже другая РККА. Германский военный атташе в СССР Гартман 27 марта 1933 года докладывал в Берлин, что “Красная Армия в состоянии вести оборонительную войну против любого противника...”.

Пауза продолжалась до 23 августа 1939 года, когда был заключён пакт Риббентроп–Молотов. К тому времени рейхсвер стал называться вермахтом, но это деталь не столь уж существенная. Куда важнее и на этот раз выяснить, с какой стати тот пакт стал возможен, почему вокруг него до сих пор ломается столько копий, чем новое сотрудничество отличалось (или не отличалось?) от предыдущего.

В корне ситуацию в Европе изменило соглашение, подписанное ведущими европейскими странами с Гитлером в Мюнхене в сентябре 1938 года, о чём прямо говорят многие исследователи. По своей постыдности оно являлось беспримерным. Французский премьер Эдуард Даладьё тогда признавался, что “чувствовал себя Иудой”. Он даже сообщил членом своей делегации, что был не в силах лицом к лицу встретиться с чешскими представителями, ожидавшими в приёмной. Характерны в этом смысле и оценки, данные генеральным секретарём французского МИДа Алексисом Леже. После всего, что случилось в Мюнхене, он возвращался в отель вместе с помощником военно-воздушного атташе Полем Стэленом. Стэлен тоже понимал трагичность происшедшего, но, тем не менее, сказал: “Всё равно это соглашение является облегчением”. Леже ответил: “О, конечно, облегчение! Как будто свой кишечник опорожнил в свои же штаны”.

Вскоре Леже, который выступал против сдачи Чехословакии, был уволен со своего поста и уехал в США. Однако он вряд ли о случившемся сожалел, поскольку был не только дипломатом, но и весьма талантливым поэтом, выступавшим под псевдонимом Сен-Жон Перс: в 1960 году ему присудили Нобелевскую премию в области литературы. Британский мемуарист Л. Мосли в книге “Утраченное время” констатировал: история подтвердила, что Леже употребил верную аналогию для характеристики *Мюнхенского сговора*. Но Мюнхен был не только точкой в дипломатической карьере Леже. Можно с уверенностью говорить, что Мюнхен стал тем пунктом, после которого скатывание Европы к войне стало необратимым. Как справедливо заметил польский военный историк Ян Цялович, именно после этого договора в европейских столицах принимались уже совершенно другие решения.

Никаких сомнений в себе и в своих поступках тогда в Мюнхене не испытывал разве что британский премьер Чемберлен. Он открыто звал, когда представителям Чехословакии зачитывали содержание подписанного соглашения, и, “казалось, слышал очень немногое из того, что говорили” в ответ чехословацкие дипломаты Мастны и Масаржик. Вот одно из характерных суждений британских политиков: “Если понадобятся оправдания перед определёнными кругами, расценивающими это как постыдную капитуляцию перед германскими угрозами, то это можно объяснить нашей постоянной приверженностью принципу самоопределения наций”. Дипломата, произносящего эти слова, совсем не смущало то, что Британия, являясь крупнейшей колониальной империей, как раз и мешала самоопределению десятков наций. Через полгода, когда Гитлер оккупировал и урезанную Чехию, которой Англия дава-

ла гарантии, Чемберлен без тени смущения заявил, что гарантии не имеют значения, так как исчезло государство, которому они давались. Ни слова, ни подписи для него не представляли никакой ценности; главная цель состояла в том, чтобы направить военную агрессию на других.

Больше всего соглашение в Мюнхене изменило положение вещей для СССР. И тоже по инициативе англо-саксов, ведь, как свидетельствуют британские мемуаристы, именно Н. Чемберлен “принял решение исключить Россию из числа участников Мюнхенской конференции”. Когда чехословацкий посланник в Лондоне Ян Масарик напомнил главному человеку в британском МИДе лорду Галифаксу, что СССР “тоже имеет договор с моей страной”, тот цинично ответил: “Пригласить Россию не было времени”. Говоря другими словами, Чемберлен и те, кто за ним стоял, решили бесцеремонно вытолкнуть СССР из клуба великих держав, подвергнуть его изоляции и тем самым указать Гитлеру: вот цель для твоих амбиций, этим никто не поможет. По сути, Советский Союз оказывался в той же ситуации, что и в самом начале двадцатых годов, когда рассчитывать оставалось только на самих себя. Сталину не составляло особого труда понять, что его грубо кинули. Все его дальнейшие попытки “предложить свои услуги” той же Чехословакии, а также Польше лишь подтверждали этот вывод, так как отвергались с порога, что сделал, например, польский министр иностранных дел Юзеф Бек.

Последней каплей для руководства СССР, скорее всего, стал приезд в августе 1939 года на переговоры в Москву делегации во главе с адмиралом Драксом, не имеющей полномочий на подписание каких-либо соглашений. На вопрос маршала Ворошилова, почему так получилось, прозвучал бесцеремонный ответ: “Если бы переговоры проходили в Лондоне, у нас были бы полномочия”. Как пишут некоторые мемуаристы, тогда Ворошилов съездив: “Так, может, мне сбегать в Лондон?” Кстати, в Москву делегация Дракса откровенно не спешила, предпочтя для поездки не самолёт, а неспешный теплоход.

В Москве уже не могли не чувствовать, что их водят за нос. А значит, понимали, что могут кинуть ещё раз, притом ещё дальше. Становилось всё очевидней, что Англия ведёт свою собственную игру, в которой никто и ничто не имеет цены, кроме самой Англии и её собственных интересов. Как метко выразился кто-то из историков, во все времена перед тем, как вступить в войну, Великобритания сначала искала союзников, которыми можно будет пожертвовать. На подступах ко Второй мировой ими стали сначала Чехословакия, затем – Польша, но, похоже, этого было мало, нужна была жертва в виде очень большого куска, которым Гитлер или насытился бы, или подавился бы. Таким куском предстояло стать Советскому Союзу.

О том, что правительство Великобритании вело дело к ещё одному сговору с Гитлером, теперь известно по свидетельствам многих политиков. Одним из них опять является упомянутый Герберт фон Дирксен, который интересен уже тем, что в межвоенное время поочередно возглавлял дипломатические миссии в Варшаве, Москве, Токио, Лондоне. Его мемуары в 2001 году вышли в московском издательстве ОЛМА-ПРЕСС. Они заканчиваются публикацией целой “связки” документов, касающихся августа 1939 года и подтверждающих, что в Москву свою делегацию Лондон направил лишь для отвода глаз. В своём донесении германскому МИДу посол Дирксен писал из Лондона 1 августа 1939 года: “...К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря насылку военной миссии, – или, вернее, благодаря этому, – здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал – точно так же простой строевой офицер; генерал авиации – выдающийся лётчик и преподаватель лётного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия имеет своей задачей скорее установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения...”.

Затяжка в действиях была налицо, и советскому руководству надо было искать ей логичное объяснение. А оно могло состоять только в одном: Альбион, который во многих странах издавна принято называть не только туманным, но и коварным, скорее всего, что-то готовит, чтобы вскоре поставить перед фактом весь мир. И надеяться, что в том “факте” будут учтены интересы СССР, оснований не было. Не позволял предыдущий опыт, в том числе и совсем свежий – мюнхенский. Значит, нужно было действовать в расчёте только на себя.

А основные усилия Лондона действительно были сконцентрированы совершенно на другом. Убедившись в этом лично, Дирксен через два дня — 3 августа — направил в свой МИД ещё более красноречивое донесение: отчёт о беседе с сэром Горацием Вильсоном, которого называли вторым лицом в правительстве Чемберлена, без консультаций с которым премьер-министр серьёзных решений не принимал. Вильсон предложил германскому послу британо-германские переговоры о заключении двустороннего договора о ненападении. Именно двустороннего, поскольку «привлечение Франции и Италии имело в беседе только подчинённое значение». Затем должно было последовать заявление о «совместных действиях по улучшению мирового экономического положения», переговоры о развитии внешней торговли, об экономических интересах Германии на юго-востоке, о сырье, о колониях. По главной сути, это было предложение о разделе сфер влияния: англо-американской на западе и германской — на востоке. В книге «Сталин-Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 г<оды>» российский историк Г. Л. Розанов в этой связи уточняет, что «в случае согласия на эту «политическую комбинацию» банкиры лондонского Сити готовы были предоставить Германии колоссальный заём — 1 миллиард ф. ст.».

Есть основания полагать, что сформулированное предложение не стало неожиданным и для Гитлера. Оно ведь соответствовало тому, что за год до этого британский министр иностранных дел Британии лорд Галифакс сказал адъютанту нацистского лидера Видеману: «Передайте ему (фюреру), я надеюсь дожить до момента, когда осуществится главная цель моих усилий: увидеть Адольфа Гитлера с королём Англии на балконе Букингемского дворца!». Это Галифакс сформулировал «основной подход» к Чехословакии осенью 1938 года: «Не надо выстрелов — душите их».

Далее посол сообщал о деталях не менее интимного политического характера: в Лондоне преобладает мнение, что «возникшие в последние месяцы связи с другими государствами... отпадут, как только будет достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией». И «сокровенный план английского правительства» состоял в том, что оно «начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.». В случае подписания соглашения с Германией, напоминает Г. Л. Розанов, Англия готова была оказать воздействие на Францию «в том смысле, чтобы она уничтожила свой союз с Советской Россией и свои обязательства в Юго-Восточной Европе». Вильсон специально подчеркнул Дирксену, что предложенная программа переговоров рассматривается британской стороной как официальный зондаж немецкой позиции. А ещё он очень просил о сохранении тайны, ибо если «что-то станет известно, то произойдёт грандиозный скандал, и Чемберлен, вероятно, будет вынужден уйти в отставку».

Однако, похоже, именно эта осторожность и не устроила Гитлера. Скорее всего, у него уже не было времени на то, чтобы думать о спасении репутации Чемберлена. Механизм нападения на Польшу — план «Вайс» — был запущен, к концу августа должны были заговорить пушки. В такой ситуации фюреру надо было обезопасить хотя бы один из военно-политических флангов, а какой — западный или восточный — особого значения уже не имело. И тогда он направил Сталину послание с предложением принять Риббентропа.

То, что Сталин сразу же согласился, тоже свидетельствует о том, что он хорошо прочувствовал ситуацию и продумал последующие шаги. Он без колебаний принял решение *кинуть* тех, кто годом раньше *кинул* его. На сей раз *кинуть* всех скопом. При этом судьба Польши для него имела ничуть не большее значение, чем для Англии, Франции и той же Польши судьба Чехословакии в Мюнхене. В расчёт брались только интересы СССР, что вполне соответствовало английским политическим подходам — урок пошёл впрок. И на этот раз уже Сталин обошёл Чемберлена. Если бы Чемберлен ещё раз обставил Сталина, на стороне Гитлера оказались бы и Великобритания, и Франция. Советский Союз в результате остался бы наедине с объединённой Гитлером Европой, к которой, скорее всего, примкнули бы и США — ведь в 1938-м Ф. Д. Рузвельт поздравлял Чемберлена с успехом в Мюнхене.

О том, что Сталин почуствовал торопливость Гитлера, свидетельствует ещё один существенный нюанс: условия экономического и военно-технического сотрудничества СССР с Германией после пакта Риббентроп-Молотов бы-

ли сформулированы именно советской стороной. В современной прессе много публикаций, утверждающих, что Советский Союз чуть ли не бесплатно кормил Гитлера и его армию, позволяя ему наращивать военные мускулы, что эшелоны с зерном, нефтью, другим сырьём в Германию пошли сразу после подписания пакта. Однако реальная картина была совершенно другой. Во-первых, подписание хозяйственного соглашения между СССР и Германией состоялось только 11 февраля 1940 года. Всё это время шли переговоры, которые были очень даже не простыми. Во-вторых, ещё до пакта Риббентроп-Молотов – 19 августа 1939 года – было подписано кредитное соглашение, согласно которому Германия предоставляла СССР 200 миллионов марок кредита и брала на себя обязательство поставить в СССР не только станки и другое промышленное оборудование, но военную технику. В-третьих, сама Германия в самом деле очень нуждалась в импорте советского сырья и продовольствия, особенно после начала Второй мировой войны и англо-французских действий по экономической блокаде рейха, а опыт двадцатых годов напоминал ей, что СССР располагает всем необходимым. Весьма существенным было и то обстоятельство, что никакие блокирующие меры советским поставкам в рейх в таких условиях помешать не могут, поскольку существовала бы общая граница. В этой связи хозяйственное соглашение приобретало для Германии не только экономический, но и политический характер, так как, заключив его, той же Великобритании можно было бы сказать, что её усилия организовать торговую блокаду попросту наивны. Правда, Германия оказывалась в роли просителя.

В СССР это уловили и не упустили возможности продиктовать условия, тоже используя опыт двадцатых годов. Советское руководство подчеркнуло, что оно готово согласиться на поставки нужных Германии товаров лишь в том случае, если взамен сможет закупать заводское оборудование, более того, весомую часть закупок должны составлять образцы новейшей военной техники. Многие послевоенные немецкие историки – Д. Айхгольц, Х. Перрей – по этому поводу прямо пишут, что “Сталин... намеревался извлечь ещё большую выгоду... и заставить военную экономику Германии в значительной степени работать на СССР”, что он тоже вёл дело к форсированному наращиванию вооружений с помощью “целенаправленного освоения германской технологии”.

Военная техника и технологии и стали главным камнем преткновения на переговорах. Поскольку немцы считали договоры от 23 августа и 28 сентября более выгодными для СССР, чем для Германии, то настаивали на том, чтобы Советский Союз приступил к поставкам незамедлительно. При этом они сформулировали весьма обширный план закупок, рассчитанный на 1 300 миллионов марок в год. Однако их пыл сразу же охладила нарком внешней торговли А. И. Микоян, заявивший, что советские поставки не превысят максимального объёма прошлых лет, то есть 470 миллионов марок. Как подчёркивает один из исследователей этой проблемы – историк В. Я. Сиполс, – названная цифра имела политическое значение, ибо не давала повода для упреков со стороны Англии, Франции и США в адрес Советского Союза. Мировая практика тех лет не считала предосудительным сохранение с воюющей страной торговых отношений на прежнем уровне. Тот же Вашингтон именно так поступал в отношении Италии и Японии, воевавших против Эфиопии и Китая. А вот увеличение оборота резко осуждалось. В то же время нельзя не напомнить и о том, что Англия и Франция, вступившие в войну с Германией, по существу, прекратили выполнение советских заказов. Подобную позицию заняли и США. В этой связи В. Я. Сиполс подчёркивает, что “эти страны фактически сами толкали советское правительство на расширение торговли с Германией”. И здесь повторялась ситуация начала двадцатых годов.

Переговоры шли трудно, поскольку каждая сторона хотела получить от контрагента по максимуму. Первый их этап закончился безрезультатно. В конце октября 1939 года в Германию отправилась советская делегация во главе с наркомом судостроения И. Ф. Тевосяном и его заместителем генералом Г. К. Савченко, в компетенцию которого входили закупки для советских вооружённых сил. Делегация интересовалась военными новинками и сложными станками для производства военных материалов. И. Ф. Тевосян в беседах с немцами, которые настаивали на ускорении советских поставок, не скрывал: “Нашей задачей является получить от Германии новейшие усовершенствованные образцы вооружения и оборудования. Старые типы вооружений покупать не будем. Германское правительство должно показать нам всё новое,

что есть в области вооружения, и пока мы не убедимся в этом, мы не можем дать согласия на эти поставки”.

Дело дошло до Гитлера. Тот разрешил показывать новую технику, уже поступившую в войска, но не допускать к образцам, находившимся в стадии испытаний. Тевосяна это тоже не удовлетворило. Подписание торгового соглашения тормозилось. Гитлер и Геринг снова пошли на уступки, но в то же время немцы стали запрашивать заведомо завышенные цены, чтобы хотя бы таким способом отбить интерес к новинкам. В некоторых случаях цены завышались в 15 раз. В ответ А. И. Микоян 15 декабря 1939 года заявил германскому послу Ф. Шуленбургу, что попытки содрать с русских три шкуры будут безуспешны. Вопрос был поставлен ребром: соглашение зависит, главным образом, от того, готова или не готова немецкая сторона поставить интересующие советскую сторону военные материалы, всё остальное – второстепенно. В результате, пишет Д. Айхгольц, Гитлер “вынужден был уступить ультимативным требованиям Москвы” и согласиться “даже на такие поставки военной техники, которые означали ограничение германской программы наращивания вооружений”.

Лишь после того, как в начале февраля 1940 года в Москве было получено письмо Риббентропа о том, что Германия готова поставлять военные материалы, а также предоставить технический опыт в военной области, советская сторона назвала свои конкретные предложения, касающиеся содержания соглашения. Немцы сразу же их приняли. Соглашение было подписано 11 февраля. СССР брал на себя обязательство поставить товары на сумму 430 миллионов марок за 12 месяцев, Германия – военные материалы и промышленное оборудование на ту же сумму – за 15 месяцев. Разбежка в три месяца объяснялась тем, что немцам требовалось время для производства того, что заказывалось русскими, а русские много могли отправить из государственных запасов – речь идёт о природных и сельскохозяйственных ресурсах, – но они зарезервировали за собой право остановить поставки, если немецкое отставание превысит 20 процентов. Первая задержка поставок в Германию нефти и зерна была сделана 1 апреля 1940 года и сразу же возымела действие. Уже в том самом апреле германский экспорт в СССР по сравнению с мартом возрос в три раза, в мае удвоился и апрельский объём, а в июне – майский.

По данным, зафиксированным на конец мая 1941 года, за полтора предшествовавших года Германия импортировала из СССР 1 миллион тонн нефтепродуктов, 1,6 миллиона тонн зерна – в основном кормового, 111 тысяч тонн хлопка, 36 тысяч тонн жмыха, 10 тысяч тонн льна, 1,8 тысячи тонн никеля, 185 тысяч тонн марганцевой руды, 23 тысячи тонн хромовой руды, 214 тысяч тонн фосфатов, некоторое количество древесины, а также другие товары на общую сумму 310 миллионов марок.

Перечисление того, что СССР приобрёл у Германии, занимает куда больше места. Основную часть немецких поставок составило оборудование для заводов, притом зачастую это были предприятия в комплекте: никелевые, свинцовые, медеплавильные, химические, цементные, сталеплавильные заводы. Было закуплено значительное количество оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности, рудников, в том числе буровые станки, около сотни экскаваторов, три грузопассажирских судна, танкер на 12 тысяч тонн, железо, сталь, стальной трос, канатная проволока, дюралюминий, каменный уголь. Внушительное число составили металлорежущие станки – 6430. Для сравнения скажем, что в 1939 году импорт таких станков из всех стран не превысил 3,5 тысячи. Д. Айхгольц даже пришёл к выводу, что поставка в СССР такого большого количества новейших станков заметно ослабила германскую экономику, ибо больше половины её собственных станков были уже устаревшими.

А ещё Советский Союз получил из Германии “сотни видов новейших образцов военной техники”, – указывает В. Я. Сиполс. Приостановка советских поставок в начале апреля 1940 года настолько подействовала на немцев, что уже в мае в СССР были отправлены два самолёта “Дорнье-215”, пять самолётов “Мессершмитт-109”, пять самолётов “Мессершмитт-110”, два самолёта “Юнкерс-88”, три самолёта “Хейнкель-100”, три самолёта “Бюккер-131” и столько же “Бюккер-133”, в июне ещё два “Хейнкель-100”, несколько позже – три “Фоккевульф-58”. Разумеется, на этих машинах никто не собирался воевать, они предназначались для изучения в соответствующих центрах и ла-

бораториях. Поставлялись также стенды для испытания моторов, пропеллеры, поршневые кольца, высотомеры, самописцы скорости, системы кислородного обеспечения при полётах на большой высоте, аэрофотокамеры, приборы для определения нагрузок при управлении летательными аппаратами, самолётные радиостанции с переговорными устройствами, радиопеленгаторы, приборы для слепой посадки, аккумуляторы, клепальные станки-автоматы, бомбовые прицелы, комплекты фугасных, осколочно-фугасных и осколочных бомб. Соответствующие предприятия приобрели 50 видов испытательного оборудования.

В конце мая 1940 года в Ленинград был переправлен и недостроенный тяжёлый крейсер “Лютцов” – тот самый, который стал “Петропавловском” и которому суждено было защищать от гитлеровцев Ленинград. Для военно-морского флота шли также гребные валы, компрессоры высокого давления, рулевые механизмы, моторы для катеров, судовая электроаппаратура, вентиляторы, свинцованный кабель, судовое медицинское оборудование, насосы, аккумуляторные батареи для подводных лодок, системы для уменьшения влияния качки на судовые приборы, чертежи 280- и 408-миллиметровых трехорудийных корабельных башен, стереодальномеры, перископы, противолодочные бомбометы, параван-тралы, противотральные ножи, магнитные компасы, образцы мин, гидроакустическая аппаратура, даже корабельные хлебопекарни, оборудование для камбузов и многое другое.

Для советских артиллеристов были получены два комплекта тяжёлых полевых гаубиц калибра 211 миллиметров, батарея 105-миллиметровых зенитных пушек с боекомплектом, приборы для управления огнём, прожекторы, два десятка прессов для отжима гильз, а также дизель-моторы, полугусеничные тягачи, образец среднего танка. Очень ценным было оборудование для лабораторий, образцы радиосвязи для сухопутных войск, костюмы химической защиты, в том числе огнестойкие, противогазы, фильтропоглощительные установки, дегазирующие вещества, кислородно-регенеративная установка для газоубежища, портативные приборы для определения наличия отравляющих веществ, огнеупорные и антикоррозийные корабельные краски, образцы синтетического каучука.

Сугубо военные поставки по хозяйственному соглашению составили почти треть общего объёма. При этом В. Я. Сиполс цитирует немецких авторов, которые категорически отвергают заявления, будто Германия с января 1941 года ничего не направляла в СССР. Наоборот, подчёркивают они, всё шло “в рекордных масштабах”. И если экспорт из СССР в Германию апреле-июне 1941 года составил 130,8 миллиона марок, то импорт из Германии в СССР превысил 151 миллион. А поскольку оплата осуществлялась в течение месяца по факту поставки, то Советский Союз не успел перевести в рейх более 70 миллионов марок за товары, полученные в мае и июне. Более того, учитывая платежи по различным кредитным обязательствам, СССР “остался должен” Германии 100 миллионов марок.

Вполне возможно, что руководство рейха скрупулёзно выполняло свои обязательства по поставкам в СССР и для того, чтобы усыпить бдительность Сталина. А ещё оно полагало, что одержит молниеносную победу и не даст возможности воспользоваться новейшими знаниями. Скорее всего, так и было. Но Советский Союз настроен был на длительную драку и оказался в выигрыше. Нефть и продовольствие, экспортированные в Германию, были израсходованы быстро, а немецкое заводское оборудование работало на советскую оборону всю войну. Если учесть, что за все предвоенные годы его было закуплено на несколько миллиардов марок, то оно действительно “во многом помогло СССР создать оборонную промышленность, которая оказалась в состоянии выпустить в годы войны больше вооружений, чем произвела Германия”. А новейшие образцы немецких вооружений служили службой тому, чтобы советская военная техника “в войне нередко даже превосходила по своему качеству германскую”.

Советско-германские отношения по договору в Рапалло, а затем по пакту Риббентроп-Молотов в исторической литературе часто называются “браком по расчёту”. Можно добавить, что по очень холодному расчёту. В этом “браке” одна сторона терпела другую только в силу острой необходимости, поскольку иначе можно было ходить в политических “бобылях”. Однако надо обязательно добавить, что незримыми шаферами за столом, на котором под-

писывались договоры в Рапалло и Москве, были предводители англов, саксов, франков и не только. Есть все основания считать, что 23 августа 1939 года за спиной подписантов Риббентропа и Молотова стояли тени британского премьера Чемберлена, французского – Даладьё, польского министра иностранных дел Ю. Бека, румынского и болгарского королей, венгерского правителя адмирала Хорти, желавших, чтобы по главному счёту, как чуть позже записал в своих дневниках Ю. Бек, заплатили русские. И когда русские на самом деле стали платить, ибо началась война, Бек констатировал, что поляки в этой связи должны ходить с высоко поднятой головой.

А что касается Чемберлена, то У. Черчилль, характеризуя его политику по отношению к Германии, сказал так: ему предстояло выбрать между позором и войной, а он выбрал позор и войну. Договор же, подписанный в августе 1939 года между Германией и СССР, Черчилль признал жизненно необходимым и для СССР, и для будущей победы над нацизмом. Весьма точным является суждение русского историка и мыслителя Вадима Кожина. В работе “Война и геополитика” он резюмировал: “И публикуя фотографию, на которой Сталин пожимает руку Риббентропу, следовало бы уж публиковать рядом и другую, – к сожалению, менее известную, – на которой Гитлер, стоя на лестнице своего высокогорного дворца двумя ступеньками выше Чемберлена, взирает сверху вниз на бывшего двадцатью годами старше его, еле держащегося на ногах после утомительного путешествия правителя Британской империи, который к тому же затем являлся на поклон к Гитлеру ещё и в Бад-Годесберг около Бонна 22 сентября и, наконец, в третий раз, в Мюнхен 29 сентября, стремясь осуществить свой “план Зет”, который, по его словам, представлял собой “решение, приемлемое для всех, кроме России”. В. Кожин окончательно расставляет точки над “i” в следующем умозаключении: “Но Гитлер – и он со своей точки зрения был совершенно прав – через год неожиданно заключил “пакт” с СССР-Россией и в 1940 году двинулся всё же на запад, чтобы, вобрав мощь Европы, уже затем двинуться на Москву”.

Очень образно по этому поводу высказался российский дипломат и профессиональный германист Юлий Квицинский: “Советский Союз не продал в 1939 году душу дьяволу. Он сел играть с чертями в карты и обыграл их. Обыграл вчистую”. Успех советской политики, пишет он, состоял в том, что СССР для начала расколол реальную коалицию Гитлера и западных “умиротворителей”, а о том, что она была, недвусмысленно свидетельствуют и следующие слова заместителя министра иностранных дел Великобритании О. Харви: “Фактически за Германию ультиматум чехам предъявляли мы”. Затем, понимая неизбежность войны с Германией, Советский Союз “пропустил вперёд” Англию и Францию, которые планировали как раз противоположное. А те, сразу же “вкусив по полной” от вермахта, люфтваффе и кригсмарине в 1939–1940 годах, поняли, что иного выхода, кроме союза с Советами, у них нет. Так что тот договор можно и даже нужно назвать документом, который стал предтечей антигитлеровской коалиции. Но напади Гитлер сначала на СССР, никто на помощь ему не пришёл бы. Неужели именно о таком несостоявшемся развитии событий ныне сожалеют критики этого договора?

В этом смысле весьма красноречиво суждение авторитетного российского историка Натальи Нарочницкой: “Советско-германский договор 1939 г<ода> действительно изменил очерёдность и “расписание” планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное – договор 1939 г<ода>, поменяв “всего лишь” “расписание” войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. А следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР. Именно поэтому пакт Молотова–Риббентропа 1939 г<ода> – это крупнейший провал английской стратегии за весь XX в<ек>, и именно поэтому его всегда будут демонизировать”.

Широко известно, что пакт Риббентропа–Молотова во многом дезориентировал советскую общественность, включая военных. Да и не только советскую. Не будет, пожалуй, особой ошибки, если сказать, что продолжает дезориентировать и сейчас. А вот что касается немцев, то в наше время, когда открыты многие архивы, уже известно, что тогда “ведущие представителя германских элит не были ошеломлены советско-германским договором о ненападении”. Как пишет Д. Айхгольц, наоборот, “военное руководство, ведущие сотрудники внешнеполитического ведомства, промышленники из окружения

Геринга были посвящены в планы Гитлера относительно СССР". Все понимали, что, подписав договор, Германия сохранила за собой право совершить "нападение на Советский Союз позднее", — цитирует историк дневниковые записи немецкого посла в Италии У. фон Хасселя. Они знали, что ещё 5 ноября 1937 года на совещании высших военных в имперской канцелярии Гитлер назвал конкретные цели германской экспансии и даже перечислил страны, которые подвергнутся этому первыми: Австрия, Чехословакия, Польша, что потом подтвердилось даже в порядке очерёдности. Затем был назван и Советский Союз. Участникам совещания настойчиво внушалась мысль о том, что "единственной возможностью решить "германский вопрос" на длительную перспективу является широкая экспансия в восточном направлении".

В наше время объявилось немало желающих именно этот договор назвать главной причиной начала Второй мировой войны, на одну доску ставя гитлеровскую Германию и СССР, как это сделала Парламентская Ассамблея Европы. И кое-кого понять можно. Тех же немцев, которым, можно не сомневаться, незачем возражать, если кто-то твердит, что "черти", а лучше сказать исчадия ада, водились тогда не только на их земле. Точно так же можно понять и других *мюнхенских подписантов*, которые тоже не прочь отвести от себя вину. Как говорил гоголевский Пацюк Вакуле в "Вечерах на хуторе близ Диканьки", "тому не надо долго искать чорта, у кого чорт за плечами". Не тот ли чёрт водил рукой и людей, писавших решение, принятое ПАСЕ?

Но чем объяснить звучащие в Беларуси злопыхания по поводу акта, позволившего объединиться белорусскому народу и его землям? Ведь, как бы ни проклинать Сталина, других предпосылок, кроме прихода Красной Армии, для воссоединения белорусских земель, почти половину которых в начале 20-х оттяпала Польша, не было. Никакая другая страна, политическая сила и даже сторона света того не обещала. Так может, об этом и стоило бы помнить в первую очередь, "если дорог тебе твой дом". Как ни крути, а до 17 сентября, когда Красная Армия начала свой рывок к Бресту, дом этот был в два раза меньше. В таком случае, с какой стати каждый год в этот день и в Беларуси звучат голоса с проклятиями по адресу названной даты? Возможно, стоит предположить, что они звучат не совсем с белорусского голоса. Известный белорусский историк Александр Коваленя высказал суждение, что к очернению советского прошлого в нынешней Беларуси активно подключились наследники тех, кого белорусы называли "бобиками", то есть полицаев и прочих предателей, пошедших в услужение гитлеровцам. По крайней мере, их идейные наследники.

Немало стенаний по поводу сентября 1939 года и у наших соседей с севера и юга. А ведь и Украина, и Литва тоже были разделёнными. Это после "того сентября" снова стали украинскими Львов, Луцк, Сарны, Ровно, Дубно, Броды, Владимир Волынский, Станислав, Дрогобыч, Тернополь, Самбор, Ковель, а Вильнюс вернулся в лоно Литвы и теперь является её столицей. В 1939 году Д. Ллойд-Джордж писал польскому послу, что СССР занял "территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после первой мировой войны... Было бы актом **преступного безумия** (выделено мною. — Авт.) поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии". А поскольку именно так нынче поступают многие авторы в России, Белоруссии, на Украине, то резонно спросить, кто в этом споре выглядит большим русским, белорусом, украинцем, даже литовцем? Неужели Д. Ллойд-Джордж?

И всё-таки остаётся открытым самый главный вопрос: если теперь западная Европа ставит на одну доску нацистскую Германию и СССР, то почему тогда — во время Мюнхена — она выбрала Гитлера? А тем более, как получилось, что геополитические цели войны 1941–1945 годов, на что указал В. Кожинов, фактически осуществляли "не 70 млн немцев, а более 300 млн европейцев, объединённых на различных основаниях — от вынужденного подчинения до желанного содружества, — но так или иначе действовавших в одном направлении"? Только ли потому, что подвело, не оправдалось предвоенное политическое лавирование? Или потому, что сработало убеждение, выраженное в одной западных пословиц: лучше быть живым кроликом, чем мёртвым львом? Или было ещё что-то, о чём не принято говорить вслух?

Недавно основательную попытку осмыслить причины возникновения Второй мировой войны средствами кинохудожника предпринял российский ре-

жиссер Карен Шахназаров в своем фильме “Белый тигр” – произведении, полном глубоких аллегорий и суждений, хотя формально в его основе лежит поединок советской “тридцатьчетвёрки” с немецким танком. Фильм не лишён и мистики, поскольку в нём тот “тигр” появляется и исчезает, как призрак, нанося советским бронетанковым подразделениям большой урон, однако за мистическим налётом таятся весомые политические выводы, как минимум, серьёзные намёки. В любом случае, это лента не только и не столько о столкновении “тридцатьчетвёрки” с “тигром”.

Пожалуй, самой многозначительной сценой фильма является финальная. В ней фюрер поверженной страны рассуждает о том, ради чего велась война, и с экрана звучат поразительные по откровенности слова: “Мы нашли мужество осуществить то, о чем мечтала Европа... Разве мы не осуществили мечту каждого европейского обывателя... Они всегда не любили евреев... Всю жизнь они боялись этой страны на востоке... этого кентавра... России. Разве мы придумали что-то новое?... Мы просто внесли ясность в то, где все хотели ясности... Теперь же немецкий народ сделают виновником всего...”. Чтобы глубже осмыслить прозвучавшие слова, попробуем снова обратиться к фактам. Не зря же американская поговорка гласит, что умные люди не спорят, они просто уточняют факты. И сначала ещё раз вернёмся к евреям...

В минувшем году норвежский премьер Йенс Столтенберг извинился перед евреями за то, что его страна участвовала в Холокосте. Вроде бы – где та Норвегия? Ведь войну развязала нацистская Германия. Но, оказывается, и у норвежцев, как говорится, рыльце в пушку. И не только у них. Двадцать лет назад в Амстердаме во время посещения музея Анны Франк мне просто не могло прийти в голову, что, рассказывая об ужасной судьбе девочки, которая более двух лет вместе с семьёй укрывалась от гитлеровцев в узком тайнике, устроенном в складском помещении, хозяева умолчат о чём-то весьма существенном. О самой Анне Франк, о том, что в своём убежище она вела дневник, мы знали с ученических лет и с волнением рассматривали его страницы, хранящиеся под стеклом в том самом ставшем музеем убежище. Но нам даже не намекнули, что Анну Франк эсэсовцам выдали голландцы. Это теперь известно, что во время послевоенного следствия называлось несколько фамилий, однако точно установлено лишь то, что стукач, сообщивший, где прячется девочка, получил 7,5 гульдена. Такую мзду тогда в Нидерландах платили всем, кто указывал на скрывающегося еврея. Уточним, что гульден был в те годы втрое дороже британского фунта.

Подобного рода “услуги” по выявлению евреев оплачивались не только в Голландии. Во Франции, утверждают, платили 20 франков. А лишение евреев имущества во время Второй мировой войны во многих странах стало делом государственной политики, притом не только гитлеровской, напоминает польский публицист Пётр Осека. Его статья под красноречивым названием “Кто мог предположить, что вы выживете?” опубликована в польском журнале “Политика” в 2011 году. Ей предпослан недвусмысленный подзаголовок: “Вся Европа принимала участие в грабеже имущества евреев, которым нацисты приготовили Холокост”. Однако Голландия, подчёркивает Пётр Осека, ссылаясь на европейских исследователей, была “образцовым примером исправно организованного грабежа”. В Голландии местные власти сначала скрупулёзно учли всех, на кого можно было распространить “нюрнбергские законы”, которыми евреям ограничивалось право на профессиональную деятельность, обладание имуществом и, как оказалось, на жизнь. Затем, вслед за составлением списков, под вывеской “еврейского банка Lippman Rozental&Co (Liro)” было создано учреждение, имитирующее деятельность банка, по сути же ставшее продуманной ловушкой”. Евреев заставили перенести туда счета, депозиты, страховые полисы, патенты, ценные бумаги, бижутерию, предметы искусства, документы на все виды собственности. Это был ловкий ход: банк местный и еврейский, в выдаваемых им бумагах утверждается, что голландские законы продолжают действовать, и начавшие было нервничать евреи успокоились. Они “понятия не имели, что делается по другую сторону банковских окошек”. На самом же деле номера счетов, выдаваемые Liro, были липовыми. Все вклады и ценности “бросались в один котёл”, а если евреи пытались получить выплаты, то “они узнавали, что их счета заблокированы”.

Хитрый механизм был применён и против еврейских фирм в Антверпене, занимающихся торговлей бриллиантами. Власти сначала позаботились, что-

бы владельцы не узнали, что их ожидает, не вывезли драгоценности за границу, не попрятали их и “не лишили немцев ожидаемой добычи”. Потом бриллианты скупались по всё более низким ценам, так как собственники фирм остро нуждались в средствах на получение “свидетельств исключения”, которые избавляли их от вывоза в лагерь. От того страха драгоценных камней на рынке становилось всё больше, цены опускались все ниже, а работники “государственного алмазного управления без колебаний подтверждали все транзакции, что позволяло немцам продавать камни нейтральным государствам”.

Во Франции всё происходило несколько иначе. Там осуществлялись меры по “ариизации магазинов и фабрик”, чем занимались тысячи французских государственных чиновников. В этой ситуации фирмы сами старались избавиться от совладельцев-евреев, “заменяя их родовитыми французами”. Именно так “развивались события в Société Parisienne de Confection и широко известной Galerie Lafayette”. Евреев-собственников понуждали к “продаже своих активов за бесценок, либо под разными предлогами аннулировали их документы на право обладания”. В тех случаях, когда “французские чиновники действовали слишком сонно, выручали местные бизнесмены, охотно указывая на неарийских владельцев фирм-конкурентов”. После войны исследователь из британского Оксфорда Роббер Жильдо в работе, построенной на документах трёх французских префектур, сделал вывод, что в деле “ариизации” предприятий “французская общественность оказалась куда более антисемитской и жадной, нежели французские власти”.

В разных странах Западной Европы грабёж еврейского имущества приобретал различные формы и степень brutality, однако круг непосредственных и примыкающих к ним грабителей бывал очень широким: граждане Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии массово участвовали в выкупе еврейского имущества за гроши по отношению к его действительной стоимости. А вскоре мебель, наряды, автомашины, картины выставлялись на продажу в пользующихся хорошей репутацией аукционных домах Парижа, Милана, Брюсселя и Вены.

Принудительно лишённые имущества евреи Западной Европы, даже добровольно отдавшие свое имущество, в большинстве своём смерти не избежали. Их потом грузили в эшелоны и отправляли в лагерь смерти. Отправляли местные власти! Только 16 июля 1942 года из Парижа и парижских пригородов было депортировано почти 10 тысяч евреев. В этом “мероприятии” участвовало 450 французских полицейских и жандармов. Такие же эшелоны тянулись из Венгрии, Италии, Болгарии, Норвегии, Словакии, Голландии и других стран. Исключением стала Дания: большинство своих евреев датчане переправили в нейтральную Швецию.

О степени вовлечения населения западноевропейских государств в преступления нацистов свидетельствует и то, что в большинстве этих стран после войны были приняты законы, хотя и отменяющие декреты гитлеровской оккупации, но не учитывающие интересов евреев, подчёркивает польский публицист Пётр Осека. Тем из них, кто уцелел, надо было доказывать, что их ограбили, предъявить документы, подтверждающие, что они чем-то владели. Как написал Роббер Жильдо, которого цитирует Пётр Осека, когда несколько евреев вернулись в французский город Тур, то они увидели, что их имущество поделено и распродано, а на вопросы звучал один ответ: “Кто мог подумать, что вы выживете!” В странах, испачкавшихся коллаборационизмом, вопросы собственности толковались не в пользу потерпевших, а “крайним примером такой позиции была ситуация в Италии, где возвращением еврейского имущества занималась та самая государственная структура, которая в 1939 году контролировала ход его конфискации”.

В нынешней Европе мало кто догадывается, что банковские проценты нередко базируются на тех самых еврейских деньгах. На исходе XX века правительство Швейцарии под давлением еврейской общественности согласилось, чтобы комиссия под руководством бывшего шефа американской Федеральной резервной системы Пола Волккера исследовала недоступные до этого банковские архивы. Итоги потрясли всех, поскольку “оказалось, что группа швейцарских банков, среди которых был и *Credit Suisse*, во время войны отмывала нацистские деньги в огромных количествах, и прежде всего, полученные в ходе грабежа евреев”. Общая сумма поступивших из Третьего рейха в Швейцарию “инвестиций” такого рода была “оценена в 15 миллиардов со-

временных франков – это больше, нежели тогда стоил валовой продукт Швейцарии”. Было подсчитано, что “почти 80 процентов золота, награбленного во время Холокоста, прошло через швейцарские финансовые институты, которые от имени своих клиентов совершали транзакции, поддерживающие германскую военную промышленность”. Комиссия открыла несколько десятков счетов и страховых полисов, принадлежащих погибшим евреям. В одной из стран – теперь уже членов ЕС – на еврейские богатства в своё время был создан пенсионный фонд, действующий и поныне.

В таком случае закономерен вопрос: такое отношение к евреям во время Второй мировой войны в Голландии, Франции, Италии, Венгрии посеял Гитлер? До этого ничего подобного не было? Но что же это была за почва, давшая столь быстрые ростки? Так вот, германский историк О. Егер в своей “Истории Средних веков”, кстати, изданной в Москве в 2007 году, напоминает, что ещё во второй половине XI века в ходе погрома в Рейнской долине было убито 12 тысяч евреев. А Вадим Кожин не раз цитировал “Еврейскую энциклопедию”, в которой сказано, что “в эпоху Возрождения убито 40 процентов европейских евреев”. И толковал происшедшее расширительно: то, что произошло в Германии при нацизме, “не было собственно германским явлением”, что “эта гигантская вспышка была как бы концентрацией общеевропейских настроений”.

Теперь в Европе, а тем более в Германии, только за сомнение в ужасах Холокоста можно получить тюремное заключение. Евреям не только немцы, но и руководители многих других государств принесли извинения. Разумеется, было бы наивностью думать, что это “вполне достаточная компенсация” еврейскому народу, однако, насколько помнится, все те, кто жил и живёт к востоку от Западного и Южного Буга, не удостоились и такого и, скорее всего, подобно никому не приходит в голову. В этой связи вспоминается ещё один случай из упомянутой уже поездки в Голландию. Она организована была по линии Фонда мира и предусматривала встречи с общественностью. Во время одной из них амстердамский учитель, фамилия которого не запомнилась, а записать её тогда я не удосужился, начал своё выступление с того, что выразил свое искреннее удивление: “Мой отец говорил, что лучше иметь бомбу на кухне, чем русского в доме. И вот я разговариваю с русскими...”.

Во время перерыва некоторые из нас попытались выяснить у учителя, знает ли он, что, если бы русские не разбили Наполеона и Гитлера, то Королевства Нидерланды могло бы и не быть, поскольку эти территории оставались бы провинциями Французской или Германской империи. Тот не понял, о чём речь, или сделал вид, что не понял, хотя на его лице и отразилась некоторая растерянность. Теперь мы, скорее всего, заострили бы свои вопросы, но тогда сами ещё многого не знали, у нас на самом деле ужасы и трагедии той войны ассоциировались исключительно с немцами – Вадим Кожин ещё только готовил свои публикации к печати, а иностранные авторы ещё переводились на русский язык. Это уже на исходе XX века Кожинным были обнародованы шокирующие данные о том, что в числе военнопленных, взятых Красной Армией к маю 1945 года, помимо немцев, австрийцев, румын, итальянцев, венгров, финнов – официальных союзников рейха, – было 494 147 военнопленных, представлявших не воевавшие с СССР государства: голландцев, бельгийцев, чехов, поляков, норвежцев, французов, датчан, люксембургцев. И совсем уж не по себе становилось от слов о том, что французов, оказывается, в боях на стороне Гитлера погибло, как минимум, в два раза больше, чем в движении Сопротивления. Из книги О. Бэйды “Французский легион на службе Гитлеру”, выпущенной издательством “Вече” в нынешнем году, теперь известно, что легион французских добровольцев принимал участие в наступлении на Москву в 1941 году, а впоследствии вёл бои против партизан на белорусских землях: на Минщине, на Могилевщине.

Американский историк Джордж Г. Стейн в книге “Ваффен СС” пишет, что самый многочисленный контингент в СС составляли голландцы – около 50 тысяч штыков. Они воевали под Ленинградом, где почти 5000 из них оказались в плену. Около 40 тысяч “поставила” в СС Бельгия, примерно столько же или даже больше – Франция, по шесть тысяч – Дания и Норвегия, были в СС шведы, швейцарцы и даже англичане. Силой их туда, конечно же, никто не гнал и не тащил: в СС принимались только добровольцы. И, добавим, воевали они усердно. Как утверждает исследователь В. Акунов, бельгиец Леон Дегрель, поступив на службу в СС в 1942 году ефрейтором, дослужился до генерала

и командира дивизии СС “Валлония”, к концу войны его мундир украшало 22 боевые награды. Однако “из числа добровольцев всех национальностей, когда-либо сражавшихся с большевиками в составе Ваффен СС, эстонцы и латыши получили наибольшее число германских наград”. Судя по публикациям в мировой прессе, в СС, СД, организациях Тодта и других частях на стороне Гитлера воевало примерно 100 000 латышей и 10 000 эстонцев. О том, как они сражались “за дело фюрера”, красноречиво свидетельствует эпизод из воспоминаний поручика В. Балтиньша, отрывок из которых в своей книге “Проклятые солдаты” приводит Сергей Чуев: “В конце 1943 года я был командирован одним латвийским учреждением в Россию – в бывшую Витебскую губернию. Много видел я сам, многое узнал со слов жителей деревень Князево (Красное), Барсуки, Розалино и др. Когда немецкие части, занимавшие эти деревни и вполне терпимо относившиеся к населению, ушли, им на смену пришли части латвийского “Эсэс”. И сразу же начался страшный беспричинный террор. Жители были вынуждены по ночам разбегаться по лесам и скрываться от них, как дикие звери... В 1944 году я приехал в деревню Морочково. Вся она была сожжена... Мне... удалось переговорить по-латышски с несколькими эсэсовцами. Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат непогребённые трупы женщин, стариков и детей – сотни трупов, а также убитые лошади. Сильный трупный запах носился в воздухе. Ответ был таков: “Мы убили их, чтобы уничтожить как можно больше русских”. После этого он подвёл меня к сгоревшей хате. Там лежало несколько обгорелых тел, полужасыпанных соломой и пеплом.

– А этих, – сказал он, – мы сожгли живьём”.

И далее: “В мае месяце, в районе деревни Кобыльники в одной из ложбин я видел около трех тысяч тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что им пришлось пережить, что расстрелами занимались “люди, носившие черепа на касках и красно-бело-красные флажки на левом рукаве – латышские эсэсовцы”.

И ещё: “Не помню название деревни, в которой внимание моё привлекла туча мух, кружившаяся над деревянной бочкой. Заглянув в бочку, я увидел в ней отрезанные мужские головы... Вокруг деревни мы нашли немало трупов расстрелянных крестьянок. После разговора с уцелевшими крестьянами у нас не осталось сомнений в том, что и здесь оперировали латышские эсэсовцы, показавшие своё мужество и неустранимость в расправах над беззащитным населением”. В следующем абзаце сообщается, что на такие же зверства В. Балтиньшу “пришлось натолкнуться и в Псковской губернии, со стороны эстонских эсэсовцев”.

Не менее интересны и свидетельства на эту тему, приведённые в упомянутой уже книге О. Бэйды. Одно из них принадлежит бывшему власовцу П. Каштанову и тоже касается белорусских территорий: “Военнослужащие Французского легиона, которые служили немцам, окружили деревню Красное и расстреляли всех её жителей лишь потому, что партизаны один раз побывали в этом населённом пункте...”.

А вот воспоминания французского журналиста Люсьена Ребатэ о своей встрече с эсэсовцем-добровольцем, приехавшим в отпуск:

“– Вы проводите операции против партизан, не так ли? Как это происходит?”

– Каждый раз, когда они заканчивают бой, они теряются на местности. Там огромные пространства. Леса... Тогда мы сжигаем деревни, откуда они пришли и куда они могут вернуться, чтобы пополнить продовольствие. Горят хорошо – всё из дерева.

– А жители этих деревень?

– Мы их забрализируем...

– Как ты сказал?

– Да убиваем, как!

– Всех?

– Весь набор.

– А детей?

– Детей тоже. Не оставлять же их лежать на снегу в одиночестве. Мы чelовечные”.

По итогам операции под кодовым названием “Марокко” действия “французов в подавлении сопротивления “большевистских банд” в тылу германской

армии” были отмечены даже в общей сводке Верховного командования вермахта, а командир 4-й армии генерал-полковник Хайнрици прислал личные поздравления полку французских эсэсовцев, его командиру полковнику Пюо за рвение “в борьбе за сохранение Европы и её культуры против азиатского большевизма”. Кстати, сам Пюо, вступая в командование своим подразделением уже на белорусской земле, в специальном приказе, обращённом к подчинённым, подчеркнул, что они воюют “ради нашей страны (то есть Франции. — Авт.) и ради Новой Европы, гордой, пылкой, человеческой, под эгидой Великой Германии”. Вот так-то, даже *человечной!* Но вот ещё одна цитата из той же книги: “За длинным столом сидели пьяные французы. В углу под иконами сидела старушка с отвисшей от страха челюстью. К ней прижались маленькие девочка и мальчик... В спальне за дощатой стеной оккупанты по очереди насильовали молодую хозяйку, которая, по-видимому, была без памяти... Всего “вояк” оказалось восемь человек. Мы их в лесу расстреляли...”. Это уже из воспоминаний партизана В. Л. Тамаркина.

Только за участие в операции “Карлсбад” против белорусских партизан французские легионеры “получили 14 Железных крестов и ещё 37 Крестов за военные заслуги; в приказе по дивизии французский легион был отмечен трижды”. Так что трудно возразить В. Кожиннову, утверждавшему, что “едва ли соответствующие германские инстанции шли бы на столь очевидный риск, внедряя в войска огромное количество... заведомо враждебно настроенных военнослужащих”. Наоборот, многие события тех лет свидетельствуют, что иностранцы на гитлеровской службе были зачастую даже более жестоки, чем немцы. Почему? Некоторый свет на это проливают записки Симони — командира одного из французских эсэсовских батальонов, бесчинствовавших на Брянщине, Смоленщине и на белорусской земле. Он вполне резонно полагаю, что речь идёт о проблеме ментального характера. Мол, поскольку они воевали в немецкой военной форме, то “легионеры... в своём сознании стали немцами”, французскими у них остались только недостатки: приезжая из отпуска, они твердят, что “рады вернуться в батальон, у нас больше нет ничего общего с чем-то французским”. Ссылаясь на самого Наполеона I, Симони утверждал, что, попав в армию, “ты становишься человеком униформы”.

Однако, скорее всего, здесь надо вести речь о синдроме иного характера. И напрашивается ещё одно воспоминание из той самой поездки в Голландию, которая состоялась двадцать лет назад. Тогда нам довелось присутствовать на молебне в протестантской общине, который удивил нас тем, что показался нам больше похожим на концерт. Зал, в котором он проходил, напоминал привычный нам Дом культуры, пение сопровождалось музыкой на электрогитарах. А среди поющих обратил на себя внимание один парень — в своём певческом старании он доходил буквально до экстаза. Его поведение пояснил нам муж молодой женщины, которая привела нас на это мероприятие:

— Это ирландец, — улыбнулся он. — Недавно перешёл в протестантство из католицизма и теперь старается доказать, что он больше верующий, чем мы.

Вот здесь, скорее всего, и “зарыта собака”. Подобное усердие — удел всех перебежчиков, прозелитов и прочих особей, “переменивших веру”. Их удел — всю оставшуюся жизнь лезть из кожи вон и доказывать, что они даже лучше “староверов”. Во время той страшной войны эсэсовцы всех “ненемецких” мастей, видимо, тоже шкурой чувствовали, что “истинные арийцы” не смогут считать их “стопроцентно своими”. Вот и старались превзойти их хоть в чём-то. В некоторых “деяниях” это у них получалось, тем более, что “чистокровные” не прочь были поручить самую грязную работу как раз “человекам униформы”, что никак не оправдывает первых, а лишь подчёркивает мерзость вторых. И было их... В одной из статей, посвящённой потерям противников в Великой Отечественной войне, приведена таблица, из которой следует, что, помимо трех миллионов солдат и офицеров армий союзных рейху государств, личный состав иностранных формирований в нацистских вооружённых силах насчитывал ещё миллион человек. Таблица сопровождается цитатой немецкого профессора К. Пфедфера, который писал в 1953 году, что “большинство добровольцев из стран Западной Европы шло на Восточный фронт потому, что видело в этом ОБЩУЮ задачу для всего Запада...”.

Но вот ещё одна фраза, сформулированная тогда, когда немцы наседали на Сталинград: “Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское вар-

варство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств”. Она прозвучала из других политических шеренг и принадлежит У. Черчиллю: она сформулирована в секретном меморандуме, составленном в октябре 1942 года. Сэр Уинстон, как и амстердамский учитель, не брал в расчёт, что русские в древних европейских государствах и прежде бывали, в том же Берлине, Вене, даже в Париж хаживали. Но войдя в Париж, они и не помышляли взорвать Лувр или Нотр-Дам-де-Пари, в отличие от представителя древних цивилизаций Наполеона, который приказал заложить пороховые заряды под Кремль и его соборы. Как ни крути, а в контексте приведённых фактов и суждений куда яснее становятся и речи кинематографического фюера из фильма Карена Шахназарова, и реального учителя из Амстердама.

Кто-то скажет: давно это было. Однако в феврале 2013 года одна из ведущих варшавских газет “Речь посполита” опубликовала весьма примечательный материал. Оказывается, шумиха вокруг отречения Папы Бенедикта XVI заслонила гораздо более важные для польской геополитики новости с Востока: “Обнародованные показатели Газпрома показывают, что объёмы продажи российского газа в Европе падают, а это значит, что мощное политическое оружие, перед которым ещё шесть лет назад во время печально известного зимнего кризиса трепетала вся Европа, затупилось”. А дальше – сплошная радость: “Для Польши это прекрасная новость... Чем слабее будет “Газпром”, тем меньше он будет экспортировать газа и чем меньше поступлений получит российский бюджет, следовательно, тем больше будут шансы, например, на приостановление амбициозной российской программы модернизации армии... Сейчас всё будет иначе. Меняется мировая модель снабжения энергоресурсами, а это удар по самой чувствительной точке Москвы”.

Откровенно? Но стоит ли обижаться на польскую газету. Были России пожелания и покруче. Одна из преемниц Черчилля госпожа Тэтчер как-то говаривала, что на территории СССР экономически оправдано проживание только 15 миллионов человек. Сказал бы кто-либо к востоку от Буга и Сана, что на Британских островах достаточно... Какая буря разразилась бы по поводу “восточного варварства”. А ведь “железная леди” формулировала свои “сообщения” совсем не во время войны.

В нынешнем году на исходе февраля информационные агентства сообщили, что в Таллине в здании эстонского правительства состоялся приём в честь ветеранов 20-й дивизии СС – “Эстонского легиона”. Перед ними выступил премьер-министр Андрус Ансип, который выразил “благодарность борцам за свободу”, за “деятельность, совершённую десятилетия назад”. День спустя те же агентства информировали, что правящая в нынешней Латвии коалиция намерена сделать 16 марта днём памяти легионеров-эсэсовцев, а 9 мая – объявить днём траура. Получается, что с падением рейхстага война не закончилась, по крайней мере, не все капитулировали? Выходит, что подкидной, о котором говорил Юлий Квицинский, продолжается? Или теперь это называется “великой шахматной доской”?

В фильме К. Шахназарова боец Найдёнов, охотившийся на белого “тигра” и подбивший его, но не добивший, уже после победы, когда все отмечали её, упиваясь в прямом и переносном смысле, счёл за лучшее проверить рулевые тяги своей “тридцатьчетвёрки”, пополнить боезапас и даже добавить к нему ещё четырнадцать снарядов. Слушающий его полковник твердил, что война кончилась, что подписана капитуляция, а Найдёнов отвечал, что тот “тигр” по-прежнему опасен, он обязательно появится вновь. И снова неожиданно. Через двадцать, пятьдесят, сто лет, но появится...

В последние годы из уст политиков и аналитиков всё чаще звучат слова о том, что на планете Земля дело движется к третьей мировой войне, что мир стоит накануне весьма важных событий. И в этих заявлениях полно тревоги. О каких возможных событиях идёт речь? О новом Мюнхене? А не “мюнхеном” ли пахнет упоминавшееся решение ПАСЕ? Так неужели прав был боец Найдёнов?..

МАХМУТ ГАРЕЕВ

генерал армии,

доктор военных и доктор исторических наук

Г. К. ЖУКОВ В КУРСКОЙ БИТВЕ

(К 70-летию великого сражения)

Курская битва по праву считается одной из величайших битв Второй мировой войны. От ее исхода зависел окончательный перелом в ходе войны. Битва происходила на огромном пространстве, охватив территорию Орловской, Курской, Белгородской, Сумской, Харьковской и Полтавской областей. В ней участвовало более 4 млн человек, около 70 тыс. орудий и минометов, 13 тыс. танков и самоходных орудий, до 12 тыс. боевых самолетов¹.

Значимость политических и стратегических целей, концентрация огромного количества войск и боевой техники, высокая плотность построения войск с обеих сторон предопределили не только большой размах сражений, но и их исключительную напряженность и ожесточенность. Жуков стоял у истоков этих сражений и был их активнейшим участником.

Отправляя Жукова на юго-западное направление, Верховный поставил перед ним задачу: одновременно с мерами по ликвидации Харьковского прорыва изучить на месте обстановку, подумать над возможным замыслом противника на летний период и какими должны быть способы действий наших вооруженных сил. Было ясно, что гитлеровское командование может предпринять новое большое наступление. Но важно было прежде всего установить: где и когда?

Вот как описывает Георгий Константинович свои нелегкие раздумья в тот период.

“Я размышлял, глядя на карту: “На севере противник обложил Ленинград, но взять его не сможет, частично снята блокада города, а неприятель завяз в Синявинских и Волховских болотах и лесах. Вторично не посмеет идти прямо на Москву, о чем так беспокоится Сталин... На южном фланге – в Кавказских горах и в Сталинграде – враг потерпел жестокое поражение... Где же все-таки предпримет генеральное наступление? Логическая цепь рассуждений привела к выводу: враг решится на мощный удар только в Центральной России, по линии Орел-Курск-Белгород... Тут простор, раздолье для танков и механизированных клиньев, охватов... Только тут, и нигде больше”, – убеждался я, чувствуя, что интуиция меня не подводит. Кстати, и всякого рода разведка подтверждала правильность этого предвидения. Да и пусть для вас не покажется странным – по своему опыту охотника я знал: дикий раненый зверь по своему кровавому следу вторично не пойдет...”

¹ Курская битва. М., 1970. С. 68.

Теперь все это ушло в прошлое, стало историей, но тогда прийти к этой идее было чрезвычайно трудно. Шут знает, то ли везло мне в войну, то ли рожден был для деятельности военным, во всяком случае, и на этот раз повезло, вытянул груз непомерной тяжести. Ведь передо мной Верховный поставил тогда сложнейшую задачу: не только поправить дела на Воронежском фронте, оказавшемся под тяжким бременем удара, но и дать наметки стратегического плана действий противоборствующих сторон на весну и лето 1943 года. А это, простите, не дом срубить и даже не камни ворочать, к чему в крестьянстве я привык, а предусмотреть буквально все: и расположение наших войск, их моральный дух, и наличие резервов, пропускную способность железных дорог, и обширнейшие районы, на которых могли развернуться великие сражения, а прежде всего, предугадать, что замышляет германский генералитет и ставка во главе с Гитлером. Вот только подумайте: а вдруг германское командование, концентрируя силы в одном районе, на самом деле изберет полем битвы совсем другой театр войны?

Стало быть, все наметки плана полетят прахом. Просчет в прогнозах может стоить потока крови, потери новых территорий нашей страны¹.

Жуков размышлял в одиночестве, вечерами и ночами, а дни были до отказа забиты поездками в войска, совещаниями в штабах. Помимо штаба фронта, он совещался с генералами, командовавшими 40-й, 13-й, 70-й, 65-й, 43-й армиями. На них он, не раскрывая всего, проверял правильность своих предположений. С Ватутиным и Рокоссовским вел обстоятельные беседы, переходившие иногда в горячие споры².

После обстоятельного изучения обстановки и долгих раздумий он пришел к определенным выводам, которые были положены в последующем в основу замысла действий советского командования на лето 1943 года.

Верное раскрытие замысла предстоящих действий германских войск на лето 1943 года, выработка наиболее целесообразного способа противодействия ему и в целом успешное проведение Курской битвы оказались возможными прежде всего благодаря прозорливости, стратегическому чутью и таланту Г. К. Жукова. Оригинальность, творческое построение и гибкое проведение оборонительных и наступательных операций в общей системе Курской битвы — одна из самых блестящих страниц в полководческой деятельности Жукова. Для того чтобы по достоинству оценить величие свершенных дел, представляется необходимым еще раз напомнить складывающуюся в то время обстановку, ожесточенность целей сторон и грандиозность масштабов вооруженной борьбы и другие условия, в которых Жукову пришлось решать стратегические задачи.

Положение сторон весной 1943 года, перспективы развития событий сложились в результате операций и сражений на советско-германском фронте зимой 1942–1943 годов.

После Сталинграда фашистская армия была основательно надломлена. В ходе военных действий были разгромлены свыше 100 немецко-фашистских дивизий, составлявших до 40% соединений на советско-германском фронте. По данным Генерального штаба сухопутных сил Германии только безвозвратные потери фашистских войск составили 1200 тыс. солдат и офицеров³.

Были значительно ослаблены танковые войска Германии, которые служили главной ударной силой сухопутных войск. Генерал Г. Гудериан, бывший в то время генерал-инспектором бронетанковых войск, в марте 1943 года отмечал: «К сожалению, в настоящее время у нас нет уже ни одной полностью боеспособной танковой дивизии, однако успех боевых действий как этого года, так и последующих лет зависит от того, удастся ли нам снова создать такие соединения. Если нам удастся разрешить эту задачу, то мы во взаимодействии с военно-воздушными силами и подводным морским флотом одержим победу. Если не удастся, то наземная война станет затяжной и дорогостоящей»⁴.

Особенно большие потери понесли союзники Германии — румынские, итальянские и венгерские войска. Как отмечал генерал Мюллер-Гиллебранд: «Их

¹ Цит. Яковлев Н. Н. Маршал Жуков. М., Известия. 1995. С. 155.

² Там же.

³ Курская битва. М., 1970. С. 68.

⁴ Guderian H. Erinnerungen Eines Soldaten. Heiberg. 1951. S. 270.

боеспособность и боевой дух быстро растаяли”¹. Образовался серьезный кризис внутри фашистского блока, осложнилась обстановка в самой Германии.

В ходе решающих сражений зимой 1942–43 гг. к советско-германскому фронту были прикованы главные силы фашистской армии. Это позволило англо-американскому командованию успешно провести наступательные операции в Северной Африке. Создавались благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе. Однако на Вашингтонской конференции глав правительств и начальников штабов Великобритании и США в июле 1943 года было принято решение вновь отложить на один год открытие второго фронта.

Такая позиция союзников дала возможность гитлеровскому руководству мобилизовать все свои промышленные и людские ресурсы для продолжения войны, имея по-прежнему главные силы на восточном фронте против СССР.

В январе 1943 года Гитлер издал указ “О всеобщем использовании мужчин и женщин для обороны империи”, согласно которому подлежали мобилизации все мужчины в возрасте от 16 до 65 лет и женщины от 17 до 45 лет. Все мужчины от 17 до 50 лет подлежали направлению на фронт. Для работы в промышленности и сельском хозяйстве широко использовалось население оккупированных территорий и военнопленные. По сравнению с 1942 годом производство танков в Германии возросло почти 2 раза, самолетов – в 1,7 раза, артиллерийских орудий – в 2,2 раза². Были созданы и вступили в строй новые танки “Тигр” и “Пантера”, самоходные орудия “Фердинанд”, новые истребители “Фокке-Вульф 190А” и штурмовик “Хейнкель-129”. Существенно были улучшены боевые свойства прежних танков Т-1П, Т-ГУ, артиллерии. Появились более мощные противотанковые пушки 75 и 88 мм калибра. Все это дало возможность гитлеровскому руководству к весне 1943 г. восполнить потери войск и сформировать новые пехотные и танковые соединения. Летом гитлеровская армия имела на 43 дивизии больше, чем к началу войны против СССР. Правда, в отличие от 1941–42 годов многие из них уже формировались по сокращенному штату. Весной было отказано в поставках немецких самолетов, танков итальянской армии и другим союзникам. Все новые формирования и новая техника направлялись на советско-германский фронт.

Гитлеровское руководство усиленно готовилось к тому, чтобы взять реванш за поражения.

Несмотря на ряд достигнутых военно-политических и стратегических успехов, обстановка для Советского Союза весной 1943 года оставалась напряженной и сложной. Враг был надломлен, но еще полон решимости продолжать войну.

Приходилось учитывать и опасность попыток гитлеровского руководства заключить сепаратный мир с нашими западными союзниками.

В ходе ожесточенных сражений зимой советские войска понесли большие потери в личном составе и технике. Освобожденные районы находились в опустошенном состоянии. От советского государства и всего народа требовались новое напряжение физических и духовных сил, мобилизация всех экономических и военных возможностей для наращивания ударов по врагу до полного его разгрома. Положение осложнялось тем, что Германия продолжала опираться на промышленность и ресурсы всей Западной Европы. В 1943 году она еще производила в 4 раза больше чугуна, стали и проката, угля – почти в 6 раз, электроэнергии – в 1,5 раза больше, чем Советский Союз. Поэтому только за счет более рационального использования имеющихся ресурсов и самоотверженного труда советских людей можно было превзойти врага в создании всего, что требовалось для достижения победы. И эта задача была решена. В 1943 г. наша промышленность произвела тяжелых и средних танков в 1,4 раза, боевых самолетов в 1,3 раза, орудий 76 мм калибра и выше – на 63%, минометов – на 213% больше, чем промышленность фашистской Германии. В 1943 г. авиационные заводы дали около 35 тыс. самолетов, а танкостроители – 24 тыс. танков и самоходно-артиллерийских орудий³. Наращивалось производство основной боевой машины (танков Т-34), считающейся шедевром развития танковой техники. Одновременно начался массовый выпуск самоходно-артиллерийских установок (САУ-152, САУ-76, САУ-85,

¹ Muller-Hilderbrand. Das Heer 1933–1945. Frankfurt am Main 1969. Bd. III. S. 98.

² Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. М., 1956. С. 73, 246.

³ Там же. С. 73, 246.

ИСУ-152, ИСУ-122). Это позволило сформировать пять танковых армий новой организации, состоящих только из танковых и механизированных корпусов, явившихся мощным средством нанесения контрударов в обороне и развития успеха в наступлении.

Появилась новая противотанковая пушка образца 1943 года, успешно поражавшая немецкие танки “Тигр” и “Пантера”. Усовершенствованы и другие артиллерийские системы. Были сформированы артиллерийские корпуса прорыва, пушечные артиллерийские дивизии, истребительно-противотанковые бригады РВГК. Вся артиллерия была переведена на механическую тягу, что значительно повысило ее маневренность. Общеармейские артиллерийские бригады получили свою штатную артиллерию. Создание артиллерии РВГК и централизованное управление ею давало возможность оперативно перебрасывать ее на решающие участки фронта, где выполнялись главные задачи. В то время как в немецко-фашистской армии большая часть артиллерии была рассредоточена по дивизиям. В результате в нашей армии до 50–60% артиллерии постоянно участвовало в активных боевых действиях, а в фашистской армии не более 30–40%.

На вооружение авиации начали поступать новые, более современные истребители Ла-4, Як-3, усовершенствованные бомбардировщики Пе-2, ИЛ-4, штурмовики ИЛ-2. В предшествующих боевых действиях на Кубани ВВС Красной Армии приобрели большой опыт в борьбе за господство в воздухе.

Ставке Верховного Главнокомандования удалось создать крупные стратегические резервы. К лету 1943 года в составе действующей Красной Армии было 6442 тыс. солдат, сержантов и офицеров, 98790 орудий и минометов, 9580 танков и самоходно-артиллерийских установок, 8290 боевых самолетов¹.

Завершался уже второй год войны, и Красная Армия, особенно ее командные кадры, познавшие как тяжелые поражения, так и крупные победы, приобрели большой боевой опыт ведения оборонительных и наступательных операций. За все время войны в Курской битве Красная Армия с точки зрения чисто военного противостояния и возможности проявления военного искусства впервые выступала примерно в равных условиях по отношению к фашистской армии. Например, в 1941 году из-за крупных политических просчетов фронта Красной Армии были поставлены в такие условия, что они не могли реализовать свои боевые возможности. И после огромных потерь, понесенных нашими войсками в первые же дни войны, особенно в авиации, дальнейшие сражения шли при подавляющем превосходстве противника.

Примерно так же сложилась обстановка и летом 1942 года.

В 1943 году вследствие своевременного принятых обоснованных политических и стратегических решений Красная Армия была уже в ином, более благоприятном положении.

С учетом всех этих факторов военно-политической и стратегической обстановки Жуков вместе с Генштабом анализировал предстоящие действия.

Какими же были планы германского командования? Следует прежде всего подчеркнуть, что Гитлер в своих планах на 1943 год исходил из ложной посылки, что якобы военный потенциал СССР на исходе и что “Советский Союз, понесший чудовищные потери, должен потерпеть поражение”². В данном случае он в какой-то мере повторял ошибку Сталина накануне войны, когда во главу угла ставились политические мотивы, взятые в “голом” виде, в отрыве от стратегических соображений. Он исходил не столько из реальной оценки сложившейся военно-политической и стратегической обстановки, сколько из ослепленного нежелания признать назревающий коренной перелом в ходе войны не в пользу Германии и из стремления любой ценой одержать крупную победу, с тем чтобы взять реванш за поражения зимой 1942–43 годов, укрепить пошатнувшийся авторитет немецкой армии среди союзников, вернуть стратегическую инициативу, изменить в свою пользу стратегическое положение на советско-германском фронте. Именно исходя из этих соображений, а не на основе оценки объективно сложившегося соотношения сил и определялось решение гитлеровского командования на проведение крупной наступательной операции летом 1943 года.

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. С. 237.

² Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1965. № 8. S. 462, 469.

При проработке планов на 1943 г. изучались и другие варианты действий. Командующий группой армий «Юг» генерал Манштейн еще ранней весной 1943 года сразу после успешного контрнаступления немецко-фашистских войск на Харьков предлагал немедленно перейти в наступление против советских войск, находящихся на Курском выступе, с тем, чтобы разгромить их еще до того, как они организуют прочную оборону. Позже командование «Юг», исходя из того, что летнее советское наступление советских войск скорее всего развернется против Донбасской группировки немецких войск, стало полагать более целесообразным с боями отходить до рубежа Мелитополь, Днепропетровск. Одновременно намечалось подготовить крупные силы в тылу северного фланга группы армий с целью нанесения контрударов и разгрома советских войск на южном направлении.

Оба эти предложения командования «Юг» не были приняты, и гитлеровское руководство окончательно остановилось на варианте действий в районе Курского выступа.

Такое решение во многом предопределялось начертанием линии фронта в районе Курска. Она глубоко вклинивалась в немецкий фронт обороны на стыке групп армий «Центр» и «Юг», удлиняла протяженность расположения войск на 250 км, требуя для этого дополнительные силы, и перерезала важнейшие коммуникации в тылу немецко-фашистских войск. Район Курского выступа представлял собой также выгодный плацдарм для наступления советских войск и нанесения ударов в тыл Орловской и Донбасской группировок противника.

Вместе с тем, охватывающее положение гитлеровских армий по отношению к Курской группировке наших войск создавало серьезную угрозу для нее. Эту выгодную сторону оперативного положения своих войск и решило использовать германское командование при подготовке наступательных операций.

Замысел операции «Цитадель» состоял в том, чтобы одновременным наступлением и ударами немецко-фашистских войск с севера и с юга по сходящимся направлениям окружить и уничтожить значительные силы Центрального и Воронежского фронтов советских войск. В последующем предусматривалось разгромить подходящие стратегические резервы, пересечь верхнее течение Дона, для того чтобы либо снова достичь линии Волги, либо с юга угрожать Москве. С целью создания достаточно сильных ударных группировок на направлениях главного удара перебрасывались силы с других участков фронта. В марте осуществлен отвод войск из Ржевско-Вяземского выступа, что дало возможность высвободить 15 пехотных, 5 танковых и моторизованных дивизий. Ряд соединений был переброшен с южного направления.

Всего для проведения операции в районе Курска было привлечено три армии и одна оперативная группа (из двенадцати армий и пяти оперативных групп, имевшихся на советско-германском фронте), семь армейских и пять танковых корпусов, в составе которых было 50 дивизий (пехотных 34, танковых и моторизованных 16). Под Курском было собрано 70% всех танковых соединений. Эти объединения и соединения насчитывали 900 тыс. чел., 10 тыс. орудий и минометов, 2700 танков. Войска поддерживались 4-м и 6-м воздушными флотами, имевшими в своем составе 2 тыс. боевых самолетов (63%)¹.

Предназначенные для наступления силы использовались с максимальным их массированием на направлениях наносимых ударов. Как отмечал немецкий историк В. Адам: «Семнадцать немецких танковых дивизий, усиленных 60-тонными танками «Тигр» и 70-тонными самоходно-артиллерийскими установками «Фердинанд», повели наступление на участке фронта в 70 километров. Значит, одна танковая дивизия приходилась на четыре километра фронта! Еще нигде вермахт не сосредоточивал на ограниченном пространстве столько наступательной мощи»².

Особое внимание уделялось достижению ошеломляющей силы первого удара, чтобы быстро сломить сопротивление обороняющихся советских войск и развить успех в глубину. С учетом этого и танковые дивизии наступали в первом эшелоне. В наши дни мы судим об этих планах по подлинным немецким документам. Но тогда они не были известны. И все же Жуков в сотрудничестве с Генштабом правильно оценил замысел противника.

¹ Военно-исторический журнал, 1968. № 6. С. 58.

² Адам Вильгельм. Трудное решение. М., 1967. С. 398.

В целом, Курская битва основательно изучена и описана, в том числе в немецких источниках. Но некоторые вопросы до сих пор вызывают споры и неоднозначно оцениваются. В частности, относительно планов германского командования возникают следующие вопросы. Это, прежде всего, оценка размаха и стратегической значимости наступления немецко-фашистских войск летом 1943 года. В западной историографии было немало заявлений, сводящихся к тому, что это наступление было сравнительно ограниченным по своему размаху и стратегическим целям. Однако из приведенных выше данных видно, что для проведения операций на Курском направлении германское командование привлекало не меньше сил, чем в наступательных операциях летом 1942 года. Кроме того, в случае успеха под Курском предусматривалось развернуть крупную наступательную операцию на юге в общем направлении на Купянск (операции “Пантера” и “Ястреб”) и на других направлениях севернее Курского выступа, в том числе новое наступление на Ленинград. В результате проведения этих операций планировалось разгромить около 100 советских дивизий из 382 имевшихся в действующей армии, то есть намечался, по существу, разгром всего южного стратегического крыла советского фронта.

А о военно-политической значимости операции лучше судить по официальным документам. В оперативном приказе № 6 от 15.04.43 года Гитлер указывал: “Я решил... осуществить первое в этом году наступление “Цитадель”. Это наступление имеет решающее значение. Оно должно быть осуществлено быстро и решительно. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето. Поэтому все приготовления должны быть осуществлены с большой осторожностью и большой энергией. На направлениях главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира”¹.

Да и объективно исход сражений под Курском имел решающее значение для всего последующего хода Второй мировой войны.

Вопреки утверждениям некоторых немецких мемуаристов и наших публицистов о якобы исключительно творческом характере германского военного искусства, в действительности, на четвертом году Второй мировой войны на примере Курской битвы, мы видим не расцвет, а его деградацию и явные признаки шаблона и схематизма. Взять хотя бы замысел операции и форму оперативного маневра. С точки зрения отвлеченной теории военного искусства всегда соблазнительно нанести удары по флангам вклинившегося противника с целью его окружения и уничтожения, особенно когда это делается неожиданно для противника и удары наносятся по его ослабленным флангам. Но в конкретных условиях о внезапности нанесения главных ударов в районе Курского выступа не могло быть и речи, ибо советское командование ожидало их и заблаговременно сосредоточило в этом районе крупные силы. Причем именно на направлениях предстоящих ударов немецко-фашистских войск были созданы наиболее сильные группировки советских войск и организована наиболее сильная и глубоко эшелонированная оборона. Поэтому удары немецко-фашистских войск формально были нацелены на фланги противника, а по существу, наносились в “лоб” хорошо организованного фронта обороны. Оперативный анализ альтернативных действий и проведенное в 80-е годы моделирование Курской оборонительной операции показывает, что, если исходить не из отвлеченных принципов военного искусства, а из конкретных условий обстановки, то для германского командования было значительно выгодней нанести главный удар по наиболее слабому месту в советской обороне, а именно – по острию Курского выступа с тем, чтобы рассечь оборону и выйти в тыл главным группировкам Центрального и Воронежского фронтов, развернувшимся соответственно фронтом на север и юг навстречу ожидавшимся ударам со стороны противника. Германскому командованию не удалось также собрать все запланированные силы и средства для проведения Курской операции (не были перегруппированы дивизии из Кубанского плацдарма, изпод Новороссийска, не все соединения переброшены из района Демянска, и т. д.). Но с учетом этих обстоятельств в план проведения операции по существу не были внесены какие-либо изменения, за исключением неоднократного переноса сроков начала операции.

¹ Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. М., 1957. С. 82.

Действия германской армии летом 1943 года строились примерно по такому же принципу, что и в начале войны, хотя условия для проведения операции были уже иные. Несмотря на глубоко эшелонированное расположение советских войск и организованную оборону, основные силы выделялись в первый эшелон, танковые соединения предназначались не для развития успеха, а для прорыва обороны, создавались крайне скудные резервы. Стремление подождать обстановку под свои планы давало о себе знать во всех звеньях. Так, в первый же день германского наступления высланный на разведку немецкий летчик с удивлением докладывал: «Бегство русских по дороге — Белгород—Обоянь не наблюдаю»¹. Видите ли, раз бегство наших войск ими запланировано, оно обязательно должно состояться! К началу Курской операции в резерве главного командования германской армии на востоке имелось всего несколько дивизий. Вообще вся операция строилась в отрыве от того, что делалось на противоположной стороне при явной недооценке возможностей советских войск. После войны это признавал и Кейтель. «... Мы ни в коем случае не ожидали, что Красная Армия не только готова к отражению нашего удара, но и сама обладает достаточными резервами, чтобы перейти в мощное контр наступление»². Все это с самого начала обрекало грандиозное наступление немецко-фашистских войск на неудачу.

Что касается действий советского командования, то события 1941—1942 годов, тяжелые поражения и одержанные победы не прошли для него даром. Оно смогло извлечь уроки сполна и реализовать их в обоснованных решениях и конкретных действиях, исходя из сложившейся обстановки на советско-германском фронте весной 1943 года.

Внутри страны на полную мощь заработало переведенное на военное положение народное хозяйство, в том числе эвакуированные промышленные предприятия.

Укреплялось внешнеполитическое положение СССР, расширялись и углублялись его политические, экономические и военные связи со странами антигитлеровской коалиции. Советское руководство настойчиво добивалось от союзников открытия второго фронта. В связи с очередным откладыванием этой важнейшей стратегической акции в послании Сталина говорилось: «Советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага... дело здесь не просто в разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»³.

Отсутствие второго фронта требовало от советского руководства мобилизации новых сил и средств для наращивания ударов по врагу с целью окончательного его разгрома, опираясь в основном на свои собственные силы, что не позволяло уменьшить тяготы войны на фронте и в тылу, ограничивало возможности по восстановлению освобожденных районов.

Наученный горьким опытом, Сталин стал больше прислушиваться к предложениям представителей Ставки ВГК, Генштаба и командующих войсками фронтов.

Жуков всегда уделял разведке первостепенное внимание. В отличие от 1941—42 годов, стратегическая и войсковая разведка сработала значительно лучше, она своевременно вскрыла замысел германского командования и сосредоточение главных группировок войск противника на Курском направлении. Несмотря на неоднократные переносы сроков начала операции, весьма точно были установлены и сроки перехода немецко-фашистских войск в наступление.

На основе хорошего знания и предвидения возможного развития событий Жуковым в сотрудничестве с Генштабом были разработаны оптимальные

¹ 1418 дней войны. М., 1990. С. 310.

² Военно-исторический журнал. 1961, № 9. С. 85.

³ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957. Т. 1. С. 138; Т. 2. С. 75.

стратегические и оперативные решения по выбору направления сосредоточения основных усилий, созданию и сосредоточению необходимых группировок войск, а главное – наиболее целесообразных способов оперативно-стратегических действий.

Первоначально Ставка и Генштаб планировали предпринять упреждающее противника наступление. В принципе не возражал против этого и Жуков. Командующие фронтами Рокоссовский и Ватутин неоднократно и однозначно выступали за наступательный вариант действий. Правда, К. Рокоссовский выступал за такой способ действий до той поры, пока противником не были созданы мощные наступательные группировки.

Однако у Георгия Константиновича, по мере глубокого изучения положения сторон и группировки противника в районе Курского выступа, где он находился почти непрерывно со второй половины марта, возникли серьезные сомнения относительно целесообразности проведения в жизнь принятого Ставкой первоначального замысла наших действий. Эти сомнения еще больше окрепли после того, как от разведки поступили достоверные данные о планах немецко-фашистского командования захватить стратегическую инициативу путем проведения крупного летнего наступления на Курском направлении. В пользу такого соображения говорило и то, что наступать против крупных ударных группировок противника совершенно безнадежно. Если же перегруппировать свои основные силы для наступления там, где противник слабее, то ослаблялись бы наши войска, действующие на направлении главного удара противника, что заведомо обрекало их на поражение. Кроме того, в отличие от 1941–1942 годов наши войска на Курском направлении подготовили надежную оборону и ее надо было использовать. Вот эти соображения Жуков изложил Василевскому, который тоже постепенно приходил к такому же выводу.

Взвесив все обстоятельства и посоветовавшись с командующими фронтами, представитель Ставки 8 апреля 1943 года направил свои предложения Верховному Главнокомандующему. В частности, он докладывал: “Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей Орловско-Кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и Белгородско-Харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока... Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступлении будет делать на танковые дивизии и авиацию, так как его пехота значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

...Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку”¹.

Чтобы наша оборона была способна противостоять массированным атакам танков, Г. К. Жуков предложил немедленно собрать с пассивных участков фронта и перебросить на угрожаемые направления возможно большее количество противотанковой артиллерии, все полки самоходной артиллерии, сосредоточить как можно больше самолетов и “...массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки врага, чем и сорвать план наступления противника”².

12 апреля на заседании Ставки предложения Жукова были приняты. Но Сталин продолжал еще колебаться. И только в конце мая он окончательно утвердил оборонительный способ действий. Но поскольку противник и в июне не переходил в наступление, командующий Воронежским фронтом Ватутин вновь обратился в Ставку с предложениями о переходе в упреждающее наступление.

Жукову и Василевскому с большим трудом удалось добиться осуществления оборонительного варианта действий.

В окончательном виде замысел советского командования сводился к следующему: переходом к преднамеренной стратегической обороне силами Центрального Воронежского, частично Степного фронтов, отразить летнее на-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1995. Т. 3. С. 13–15.

² Цит. по: Светлишин Н. А. Крутые ступени судьбы. Хабаровск, 1992. С. 146–147.

ступление немецко-фашистских войск, обескровить их и последующим переходом в контрнаступление нанести поражение главным группировкам противника. Таким образом планировалась и проводилась ярко выраженная стратегическая оборонительная операция силами нескольких фронтов под общим руководством Ставки ВГК и ее представителей при фронтах (Г. К. Жуков – Центральном и А. М. Василевский – Воронежском фронтах). Для проведения операции были выделены крупные силы. В составе Центрального (командующий К. К. Рокоссовский) и Воронежского (командующий Н. Ф. Ватутин) фронтов к началу июля 1943 г. насчитывалось свыше 1,3 млн чел., до 20 тыс. орудий и минометов, до 3600 танков и САУ, 3130 самолетов (с учетом дальней авиации). Было достигнуто превосходство над противником в личном составе 1,4, в танках 1,3, артиллерии 1,9, самолетах около 1,6 раза¹. На направлениях главных ударов противника оборонялись наиболее закаленные войска – на Северном выступе 13-я армия генерала Н. П. Пухова и на Южном 6-я гвардейская армия генерала И. М. Чистякова.

В этом решении на ведение операций и в организации обороны под Курском было много принципиально новых положений, обогативших советское военное искусство.

Во-первых, благодаря прежде всего гибкости и незаурядности мышления Жукова, его твердости в проведении в жизнь своих стратегических идей, впервые за время войны в 1943 г. советская стратегическая мысль преодолела идеологические оковы, предубежденность относительно стратегической обороны, рассматривавшей ее как нечто недостойное нашей армии, чуть ли не унижительное и не оскорбительное для нее. Несмотря на уроки 1941 года, в 1942 году Сталин, как уже отмечалось, с ходу отверг предложение о переходе к обороне, и нужны были еще крупные поражения лета 1942 года, чтобы прийти к решениям, принятым следующей весной. Характерно, как уже было сказано, что и в 1943 году Ставкой ВГК, Генштабом первоначально намечалось, что Красная Армия первой перейдет в наступление, нанося главный удар на юго-западном направлении. Только после доклада Жукова 8 апреля начал серьезно рассматриваться оборонительный вариант действий.

Справедливости ради скажем, что предложение Жукова было принято Сталиным только в результате поддержки его Генштабом, в частности, Василевским и Антоновым.

В свете всего этого нам, фронтовым людям, много видавшим и пережившим, сегодня еще трудно понять, почему даже людям такого масштаба, как Жуков, порой требуется столько умственных и волевых терзаний, боевых испытаний и горького опыта, так много напрасно затраченных усилий и жертв, чтобы разорвать цепи военно-идеологических стереотипов и встать на почву здравого смысла. Рецидивы такого подхода в наше время дают о себе знать при решении различных вопросов, и это очень сложная психологическая проблема, которая еще не исследована.

Мучительный процесс выработки целесообразных решений летом 1943 года ещё раз свидетельствует о том, что решения, планы и практические действия командиров и войск (сил) должны соответствовать не военно-идеологическим и теоретическим установкам, не требованиям уставов (которые дают лишь общие ориентиры) – они должны исходить и учитывать максимально полно сложившиеся оперативно-стратегические условия.

Во-вторых, новое в военном искусстве в битве под Курском и новое видение Жуковым сути стратегической обороны состояло в том, что советские войска переходили к обороне не вынужденно, не из-за недостатка сил и средств как это положено было делать по существовавшим теоретическим взглядам, а именно преднамеренно, располагая превосходящими противника силами.

В связи с этим в нашей литературе (в частности, маршалом М. В. Захаровым) высказывалась мысль, что "... оборону под Курском нельзя рассматривать как классический, типичный случай, как образец для подражания"². Это один из примеров того, когда новые явления, рожденные опытом войны, пытались подогнать под ранее существовавшие теоретические положения. Дело в том, что долгое время в теории считалось и поныне считается, что для

¹ Военно-исторический журнал. 1968, № 7. С. 77, 78.

² Курская битва. М.: Наука, 1970. С. 454.

отражения наступления противника достаточно иметь в 2–3 раза меньше сил, чем для наступления. Но опыт Второй мировой войны это положение не подтвердил. За время войны не было ни одной успешной оборонительной операции, проведенной значительно меньшими силами, чем у наступающего противника. Конечно, когда сил и средств недостаточно, нет другого выхода, как переходить к обороне. Можно также “стоять” в обороне и удерживать меньшими силами определенный оборонительный рубеж. Но если противник переходит в большое наступление, то, располагая значительно меньшими силами, остановить его и тем более сорвать наступление и нанести поражение наступающему противнику далеко не всегда осуществимо. Возможно отражение атак превосходящих сил противника в обороне в тактическом звене. Но в оперативно-стратегическом масштабе при наличии мощных средств огневого поражения и высокой маневренности войск и авиации наступающий, владея инициативой, имеет возможность создавать многократное, подавляющее превосходство на избранных направлениях, и для парирования его глубоких прорывов нужны достаточно крупные силы. Поэтому, как показал опыт войны, для проведения оборонительной операции, рассчитанной на успешное отражение и срыв крупного наступления противника, требуется не намного меньше сил и средств, чем для наступления. Например, без задействования части сил Степного фронта противник мог иметь значительно большее продвижение в направлении Курска. Хотя, конечно, с высоты сегодняшнего дня, когда мы уже досконально знаем состояние обеих сторон и в целом обстановку того времени, можно сказать, что стратегические резервы в ходе оборонительной операции можно было бы, видимо, расходовать и менее расточительно и побережь их для предстоящего контрнаступления. Но вместе с тем надо учитывать, что после серьезных неудач 1941–42 годов опасения насчет того, что противник снова может прорвать нашу оборону, и связанный с этим риск были настолько большими, что приходится если не оправдывать полностью, то хотя бы с определенным пониманием отнестись к тому, как были использованы стратегические резервы на оборонительном этапе Курской битвы.

В-третьих, благодаря накопленному опыту и творчеству Жукова и Василевского, командующих фронтами Рокоссовского, Ватутина, Конева, командармов и командиров дивизий, построение и организация обороны под Курском в стратегическом и оперативно-тактическом масштабах были доведены до высочайшей степени совершенства и до сих пор остаются эталоном, непревзойденным образцом построения обороны и оборонительных способностей действий. Общая глубина обороны фронтов доходила до 150–190 км, с учетом Степного фронта до 250–300 км. Были созданы и оборудованы в инженерном отношении первая (главная) и вторая полосы обороны, каждая глубиной 5–6 км, составляющие тактическую зону обороны, несколько армейских и фронтовых оборонительных рубежей в оперативной глубине. В общей сложности было вырыто и оборудовано около 10 тыс. км траншей и ходов сообщений¹. При подготовке оборонительной операции Жуков побывал во всех армиях, дивизиях первого эшелона, во многих частях и подразделениях.

Он особенно большое внимание уделял созданию во всех инстанциях четкой системы стрелкового, противотанкового, артиллерийского, противоздушного огня в сочетании с ударами авиации и густой сетью инженерных заграждений. Как отмечал маршал К. К. Рокоссовский, на направлениях действий противника были сосредоточены мощные группировки артиллерии. “Общая плотность артиллерии у нас составляла 35 стволов, в том числе более 10 противотанковых орудий на километр фронта, но в полосе обороны 13-й армии эта плотность была намного выше”².

В основу всей обороны была положена её способность отразить массированные атаки танков противника, то есть оборона была, прежде всего, противотанковой. Генерал Пухов как-то показывал нам в академии схемы противотанковой обороны, начерченные рукой Жукова. Именно с учётом опыта обороны под Курском в послевоенные годы был сделан вывод, что противотанковая оборона не может рассматриваться только как вид боевого обеспечения или дополнительный элемент обороны. Вся оборона становилась

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история, С. 351–352.

² Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968. С. 210.

противотанковой. Серьёзное внимание уделялось и противовоздушной обороне, но она тогда ещё не получила такого развития, как противотанковая оборона.

Жуков занимался не только оперативно-тактическими вопросами. Он интересовался настроениями личного состава, их бытовым устройством и снабжением, прохождением службы. В 13-й армии Н. П. Пухова он встретил командира полка майора М. С. Иванова, который воевал с первых дней войны, был трижды ранен и каждый раз после госпиталя назначался на одну и ту же должность. За два года войны не получил повышения ни в должности, ни в звании. Жуков доложил об этом Верховному с тем, чтобы обратить внимание командования других фронтов и Главного управления кадров. Иванову было присвоено звание полковника, и он был назначен командиром дивизии.

В-четвёртых, Жуков и командующие фронтами добивались, чтобы оборона носила исключительно активный и маневренный характер. Это проявлялось в проведении ряда массированных ударов авиации по аэродромам и войскам противника ещё до перехода его в наступление. Большую роль сыграла и артиллерийская контрподготовка, проведённая 5 июля на направлениях предполагаемых ударов противника в полосах Центрального и Воронежского фронтов. Противник понёс потери ещё в исходном положении для наступления и не смог начать свои атаки в установленные сроки. Хотя, как справедливо отмечал Г. К. Жуков, от этой контрподготовки ждали несколько большего. Она была проведена в ночное время (в полосе Центрального фронта началась в 2:00 5.07.1943 года), в момент, когда войска первого эшелона противника находились ещё в укрытиях, в ней не смогла в полном объёме участвовать авиация. Нашими войсками осуществлялся широкий маневр силами и средствами, особенно противотанковыми частями и соединениями, с одних участков фронта на другие, где возникала наибольшая угроза.

Вторые эшелоны и резервы, в том числе танковые армии и корпуса, использовались для нанесения контратак и контрударов прорвавшимся бронетанковым группировкам противника. В результате произошли небывалые за всё время войны танковые бои и сражения, и наиболее значительное из них — в районе Прохоровки, где с обеих сторон участвовало свыше 1200 танков и самоходных орудий.

Обычно в мирное время на учениях и военных играх все контратаки и контрудары наносятся во фланг прорвавшимся группировкам противника. Лобовая контратака в ходе академических занятий оценивается самым низким баллом. Но под Курском, как и в некоторых других сражениях во время войны, контратаки и контрудары нередко носили фронтальный характер, ибо слишком велика была цена риска. При фронтальных контратаках и контрударах удавалось если не разбить, то хотя бы наверняка преградить путь наступающему противнику, остановить и частично отбросить его прорвавшиеся группировки.

При подготовке операции под руководством Жукова, Генштаба, Василевского, Хрулёва, командующих фронтами была проведена огромная работа по доукомплектованию войск личным составом, оружием и техникой, подвозу и накоплению необходимого количества боеприпасов и горюче-смазочных материалов. Созданные запасы материальных средств к началу Курской битвы были значительно выше, чем в операциях 1941–1942 годов. Центральный и Воронежский фронты имели боеприпасов основных калибров 2,5–3 боекомплекта (по тяжёлым калибрам — 5 боекомплектов). В 13-й и 6-й гвардейских армиях — по 4–5 боекомплектов. Автобензина в войсках Центрального фронта было 4,8 заправки, на Воронежском фронте — 5,8; продовольствия на обоих фронтах — на 20–25 суток.

Проводилась напряжённая боевая подготовка, где с командирами, штабами и войсками отработывались способы действий по выполнению поставленных задач в обороне. Жуков не раз участвовал в подготовке и проведении таких учений и тренировок. Особенно интенсивно проводились тренировки по выдвиганию на назначенные рубежи с противотанковыми резервами и вторыми эшелонами. Автору этих строк пришлось действовать севернее Орла в составе 5-го танкового корпуса. Нашему батальону было назначено три вероятных рубежа, на каждый из которых в ходе тренировок мы выдвигались не менее 10–12 раз, главным образом в ночное время. Вначале выдвигались лишь командиры и оперативные группы штабов со средствами связи на автомашинах и пешком (в зависимости от расстояния), а затем и подразделения

в полном составе. В результате, с получением условного сигнала каждый командир и солдат чётко знал, куда идти и что делать. Всё это обеспечило высокую организованность действий войск в ходе оборонительного сражения.

Большое внимание уделялось обобщению и передаче войскам боевого опыта, воспитанию высокого морального духа. Достигалось это, конечно, не только беседами, партсобраниями и листовками. Главное, что обеспечивало уверенность и стойкость войск, — это их хорошая обученность, умение владеть своим оружием, общая обстановка целеустремленности и высокой организованности в действиях командиров и штабов всех степеней.

Вся эта сложная и многообразная работа по подготовке оборонительной операции предопределила успешное её проведение. Если в 1941–1942 годах немецко-фашистские войска, переходя в наступление, полностью сокрушали нашу оборону и продвигались на сотни и более тысячи километров, а нашим войскам удавалось остановить противника ценой неимоверных усилий и после длительного отступления, то, перейдя в наступление 5 июля под Курском, гитлеровская армия не смогла прорвать нашу оборону и вклинилась только в тактическую зону обороны. К 10 июля, когда по намеченному плану немецко-фашистские войска, наступающие с севера и юга, должны были соединиться в районе Курска, они не только не решили этой задачи, но не смогли даже создать условий для развития тактического успеха в оперативный. Гитлеровское командование перебросило дополнительно несколько дивизий с других направлений, надеясь таким образом нарастить усилия и прорвать советскую оборону, но и эти новые атаки противника были отбиты нашими войсками. В общей сложности немецко-фашистские войска продвинулись в полосе Центрального фронта до 10 км и в полосе Воронежского фронта — до 30–35 км и лишь на узких участках фронта. При этом они понесли большие потери людьми, танками и другой боевой техникой. Прорвавшиеся группировки противника были остановлены и отброшены в исходное положение контрударными армейских и фронтовых вторых эшелонов и резервов. Задача по срыву наступления противника была выполнена без оставления занимаемого оборонительного рубежа в течение всего 6–7 суток.

Работая в войсках, Жуков обычно глубоко вникал во все детали организации и обеспечения боевых действий. Если дело не клеилось у того или иного командующего, особенно в кризисные моменты развития операции, он без всяких церемоний брал управление войсками в свои руки. Был требовательным и, когда это было нужно, мог дать чёткие и конкретные указания, добиваясь их неукоснительного исполнения. Вместе с тем, как представитель Ставки, он старался без особой надобности не сковывать действия командующих фронтами.

“Говоря об оборонительных боях войск Центрального фронта на Курской дуге, — писал Рокоссовский, — мне хочется оттенить некоторые характерные моменты. Прежде всего — роль представителя Ставки. Г. К. Жуков долго был на Центральном фронте в подготовительный период, вместе с ним мы решили принципиальные вопросы организации и ведения оборонительных действий и контрнаступления. Не без его помощи были удовлетворены тогда многие наши запросы, адресовавшиеся в Москву. А в самый канун битвы он опять прибыл к нам, детально ознакомился с обстановкой и утром 5 июля, в разгар развернувшегося сражения, доложил Сталину: командующий фронтом управляет войсками твёрдо, с задачей справится самостоятельно. И полностью передал инициативу в мои руки. Это было правильно!”¹

После разгрома прорвавшихся группировок противника и восстановления положения в обороне Сталин потребовал от Воронежского и Степного фронтов продолжения наступления (по плану операции “Румянцев”) без всякой оперативной паузы. Однако Жуков возразил против этого и убедил Верховного в целесообразности продолжения наступления через 8–10 суток с тем, чтобы лучше подготовить операцию и пополнить войска личным составом и материальными средствами. Одновременный переход в наступление всех трёх фронтов начался 3 августа.

Жуков и при проведении этих операций был неутомим и неисчерпаем в творчестве: он был противником всякой приверженности внешней форме, ни в чём не признавал схематизма и шаблона.

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., Воениздат. 1972. С. 222–223.

Так, считая в принципе окружение противника одной из наиболее эффективных форм ведения операций, при планировании Белгородско-Харьковской операции он отверг предложение Н. Ф. Ватутина об окружении немецко-фашистских войск в районах Белгорода и Харькова. При этом он исходил из того, что окружение и уничтожение крупных танковых группировок противника отвлечёт много войск, займёт много времени, а обстановка требовала быстрого выхода войск к р. Днепр. Исходя из этих же соображений, он ввёл в сражение 1-ю и 5-ю танковые армии, как только общевойсковые армии вклинились в оборону противника. Танковые армии завершили прорыв тактической зоны обороны и начали развивать наступление в глубину.

Генштабом по предложению Жукова была умело осуществлена оперативная маскировка. На правом фланге Воронежского фронта было имитировано сосредоточение главной группировки Воронежского фронта. Противник сосредоточил на этом направлении танковую группировку, уведя её с направления главного удара Воронежского фронта.

При подготовке Орловской наступательной операции в полосах Западного и Брянского фронтов был осуществлён оригинальный, неожиданный для противника порядок проведения артиллерийского наступления и перехода в атаку. При проведении прежних наступательных операций нашими войсками был выработан определённый трафарет. Противник приспособился к тому, что после 1,5–2-часовой артподготовки начинается атака, артподготовка начинается и кончается пуском «катюш». После завершающего залпа реактивных установок пехота противника немедленно покидала укрытия и изготавливалась для отражения атаки. В Орловской операции по указанию представителя Ставки до начала наступления тяжёлая артиллерия в течение 4 часов проводила разрушение наиболее укрепленных опорных пунктов противника. Действия тяжёлой артиллерии завершились коротким огневым налётом, вслед за которым началась разведка боем передовыми батальонами. Противник принял действия этих батальонов за неудавшуюся атаку главных сил и в ходе отражения их атаки раскрыл всю систему своего огня. На следующий день была проведена всего 5-минутная артподготовка, а затем продолжалось подавление и уничтожение выявленных целей. Под прикрытием артиллерийского огня танки и пехота выдвинулись на исходные рубежи атаки и неожиданно ворвались в оборону противника. Это дало возможность без больших потерь прорвать оборону противника. По опыту этой операции была издана директива Ставки «Об артиллерийском наступлении», в которой давались указания об исключении шаблона в осуществлении артиллерийской подготовки и поддержки атаки, а также методов перехода в атаку танков и пехоты.

Для повышения темпов наступления Жуков требовал непрерывных действий днём и ночью, выделяя в ряде случаев заранее подготовленные подразделения для ночных действий. В частности, овладение Харьковом было начато ночным штурмом передовых частей Степного фронта.

Наиболее характерным для этих наступательных операций было то, что они велись против очень плотных группировок противника. В связи с этим боевые действия отличались огромным напряжением, и наши войска с большим трудом преодолевали ожесточённое сопротивление противника. Можно предположить, что если бы мы предварительно не измотали и не обескровили главные группировки в оборонительных сражениях, то наше упреждающее наступление, будь оно предпринято, встретилось бы с ещё большими трудностями. Это подтвердили и следующие наступательные операции Западного фронта на Смоленском направлении. По этой и некоторым другим причинам не удалось окружить и полностью уничтожить группировку противника в Орловском выступе.

Следует заметить, что начавшаяся 10 июля десантная операция союзников в Сицилии также оказала определённое влияние на общий ход военных действий в Европе. По крайней мере, она не позволила германскому командованию перебросить на советско-германский фронт дополнительное количество авиации.

В целом в ходе Курской битвы превосходство советского военного искусства было весьма внушительным. Маршал Г. К. Жуков, анализируя действия сторон, отмечал: «В отличие от первого периода войны немецкое командование стало каким-то тяжелодумным, лишённым изобретательности, особенно в сложной обстановке. В решениях чувствовалось отсутствие правильных оце-

нок возможностей своих войск и противника. С отводом своих группировок из-под угрозы фланговых ударов и окружения командование очень часто опаздывало, чем ставило свои войска в безвыходное положение. Высшим руководящим кадрам немецких войск после разгрома под Сталинградом, особенно на Курской дуге, в связи с потерей инициативы пришлось иметь дело с новыми факторами и методами оперативно-стратегического руководства войсками, к чему они не были подготовлены. Столкнувшись с трудностями при вынужденных отходах и при ведении стратегической обороны, командование немецких войск не сумело перестроиться¹. Таким образом, наступление немецко-фашистских войск летом 1943 года закончилось их сокрушительным поражением. После Курской битвы до конца войны они уже не смогли предпринять ни одного крупного наступления оперативно-стратегического масштаба. После Курской битвы руководитель фашистской пропаганды Геббельс был вынужден признать: «Сейчас германская армия не в состоянии перейти в наступление, потому её основным принципом остаётся оборона...»².

Красная Армия в этой битве одержала выдающуюся победу, означавшую окончательный коренной перелом в ходе всей войны. Из опыта Курской битвы в области военного искусства был сделан важнейший вывод о недопустимости недооценки обороны в оперативно-стратегическом масштабе. Жуков убедительно показал правомерность и выгоду обороны в определённых условиях. Однако, вопреки такой дорогой ценой добытому опыту и прозрению в отношении обороны, в послевоенные годы (с появлением ядерного оружия) военные руководители нашей страны вновь пришли к выводу, что оборона в стратегическом и фронтовом масштабах в современных условиях недопустима – она может применяться лишь в оперативно-тактическом звене³. Такой вывод вытекал не из опыта, не из научного анализа характера вооружённой борьбы будущего, а из чисто субъективных мнений, что после победы можно вновь бравировать и пренебрегать объективными законами военного искусства. При оборонительном характере российской военной доктрины, когда полностью исключается возможность начала военных действий первыми, в самом начале войны (если её не удастся предотвратить), при отражении возможной агрессии войскам придётся решать в основном оборонительные задачи. Поэтому вопросами обороны желательно заниматься серьёзно. Правда, как всегда, не обходится и без крайностей, когда некоторые радикалы теперь уже хотят предать анафеме всякую мысль о возможности наступления. Таких людей опыт ничему не учит.

Но уроки 1941–1942 годов и то, как мы пришли к зрелости стратегической мысли в Курской битве, ещё раз напоминают нам о завете Жукова сочетать наступление и оборону – это объективная закономерность военного искусства, а всякое пренебрежение к опыту и объективным законам к добру не приводит.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 545–546.

² Volkischer Beobachter. 1943. 7 August.

³ Теоретическое обоснование это нашло и в труде «Военная стратегия» под ред. В. Д. Соколовского. М. 1963. С. 371.

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ В ПОБЕДЕ

О забытом 75-летию Л. Е. Шепитько

Есть одно условие нашей Великой Победы, о котором последние 20 с лишним лет стараются не вспоминать. Это – неприятие предательства в любом его виде, начиная с банального компромисса. Художественные произведения советского времени, напоминающие об этом условии, ныне пребывают в забвении, как и их авторы. Отшумело на ТВ 75-летие Высоцкого, 90-летие Гайдая, которые сопровождались обильной демонстрацией художественных, документальных фильмов и передач, посвящённых их памяти. Лично я не имею ничего против. Высоцкий и Гайдай этого заслуживают. Но мне показалось очень странным и симптоматичным, что 75-летие кинорежиссёра Ларисы Ефимовны Шепитько, человека, на мой (и не только мой) взгляд, не менее талантливого, скромно и как-то формально отметили 6 января нынешнего года лишь на телеканале “Культура”. Причём показали в Рождественскую ночь почему-то фильм Шепитько “Крылья”, а не безусловно подходящую для этого христианскую притчу “Восхождение”.

Хотя удивляться тут нечего. Всё дело в особенностях поразительного дара Шепитько. На Украине её 75-летие вообще не заметили (во всяком случае, на основных каналах – “Першем” и “Интере”), хотя Шепитько – украинка. Ну, не “стопроцентная” (что о-очень важно для “свидомых”), поскольку отец её, офицер Красной Армии, являлся по национальности персом, но мать-то была чистой украинкой, и родилась Лариса Ефимовна на Украине, в Артёмовске, а в школе училась, между прочим, во Львове (1945–1954). И по сей день на этой школе имеется барельеф в её память, но имя окружено абсолютным молчанием. Странно: ведь она была ученицей самого Довженко, весьма почитаемого на Галичине! И это при том, что многие украинские интеллектуалы очень сокрушаются, что в их культуре нет таких “мировых брендов”, как в русской культуре: дескать, раскручивали “кондовых”, чуждых Европе Тараса Шевченко и Ивана Франко, а надо было, скажем, Лесю Украинку и Мыколу Хвильового.

Правда, для того чтобы имя молодой красивой женщины (а Шепитько старой и не была, поскольку погибла в 41 год) ныне стало “мировым брендом”, просто необходимы сплетни об её интимной жизни. Поразительно, но о Шепитько их никогда не было. И не то чтобы не имелось поводов. Человек с не очень хорошей анкетой (“проживала на оккупированной территории”) сразу по окончании школы поступает во ВГИК на режиссёрский (!) факультет, поселяется почему-то не в общежитии ВГИКа, а в элитном общежитии Высшей партийной школы, не будучи даже членом КПСС. В 18 лет получает первую

эпизодическую роль в “Карнавальная ночь”, а в 21–22 года – полноценные роли в “Таврии” и “Обыкновенной истории”. В 24 года Лариса уже снимает собственный полнометражный фильм – “Зной”. И всё это, как сказали бы нынешние скептики, за одни “красивые глазки”? Впрочем, таких скептиков и 50 лет назад хватало. Однако не только не было сплетен о высоких “интимных покровителях” Шепитько, а напротив – она имела репутацию весьма неприступной девушки. Нет таких сплетен и о режиссёре Шепитько, хотя, по признанию мужа Ларисы Элема Климова, в дни её зарубежной славы он её очень ревновал.

Безосновательно! Объясняется это просто – достаточно посмотреть сорокаминутное интервью Шепитько Баварскому телевидению, снятое в 1978 году (“Разговор с Ларисой Шепитько” – есть в интернете). Так ныне женщины от искусства не говорят. Никаких ужимок, жеманства, кокетства, желания понравиться. Нет в голосе этой красавицы и женской “приятности”: он резковатый, горловой, напористый – так говорили большие советские начальницы типа Фурцевой, о личной жизни коих предпочитали не распространяться во избежание, что тебе натрут холку. Но Шепитько не была начальницей – даже в Союзе кинематографистов. Она, что называется, была “сама себе начальница”. В гипнотическом взгляде её “зелёных, хладных, таинственных глаз”, по выражению Б. Ахмадулиной, сконцентрирована такая духовная энергия, такая сосредоточенность на вопросах бытия, не имеющих никакого отношения к обыденной жизни с её бытовой и плотской возней, что только самый безнадежный идиот стал бы сочинять о Шепитько сплетни.

Лариса Шепитько 70-х годов была абсолютно духовным человеком. Причём в прямом смысле – не только как художник, но и как личность вообще, потому что была православной христианкой. “Брендом” – что украинским, что российским – её имя стать уже не может. Нынешние “носители брендов” не только безнадежно порочны, они готовы предать и продать кого угодно, лишь бы не “выпасть из обоймы”. Предательство стало философией жизни. Если в советское время большинству людей хотя бы на эмоциональном уровне был ближе максималист Сотников из “Восхождения”, а не “жизнелюбец” Рыбак, то сейчас даже смешно спрашивать. “Конечно же, надо выкручиваться, как Рыбак!” – убежденно скажет вам большинство, в том числе и так называемые порядочные люди. Дескать, нет ничего дороже человеческой жизни, нужно бороться за неё из последних сил, обманывать врагов, усыплять их бдительность, прикидываться своим, если нельзя иначе. Вот он, скользкий путь из “благих намерений”, на который ступил хороший, опытный солдат Рыбак и стал предателем. Потому что предателями не прикидываются, ими становятся.

В известном рассказе Ж.-П. Сартра “Стена” три человека приговорены испанскими фалангистами к расстрелу. Двоих расстреляли, а третьего, Иббиету, подвергли психологической пытке: периодически вызывают из камеры к следователю и обещают сохранить жизнь, если он выдаст, где скрывается местный республиканский активист Грис. Герой, измученный этими вызовами (ведь он каждый раз полагает, что его ведут на казнь), в конце концов, сообщает дезинформацию: дескать, активист находится на кладбище, в домишке сторожа. Жандармы бросаются на кладбище и обнаруживают в сторожке... Грису. Он поссорился с хозяевами прежнего убежища и решил укрыться здесь. В завязавшейся перестрелке активист убит. Вопрос: предатель Иббиета или нет? С точки зрения Рыбака и “рыбаковствующих” – нет, “он же не хотел”, а с точки зрения Сотникова – безусловно, да. Иббиета предатель потому, что ступил на путь предательства. Случайностей под угрозой расстрела не бывает. Обманывая следователя, Иббиета, однако, подсознательно постарался быть правдоподобным и назвал то место, где Грис в случае необходимости действительно мог скрываться. И там его и нашли.

Тайтись и лавировать в жизни можно лишь до тех пределов, которые нам ставят долг, честь и совесть. “Притворившись”, что ты изменил им, ты и впрямь изменяешь. Сейчас широко распространено заблуждение, что слова ничего не стоят, важны дела. Но, если слова наши лживы, не могут быть правдивы и дела. Нас не интересует “перспективность” дела человека, уличённого во лжи. От сотворения мира Слово предшествует делу, а не наоборот, ибо сказано: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”. Если же кто-то не верит в Бога-Слово, то ему следует вспомнить стихи Николая Гумилёва о Слово:

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.*

Они дурно пахнут потому, что не естество наше определяет Слово, а Слово определяет естество. Говоря роковые слова: “Я отрекаюсь”, — человек именно отрекается, а не притворяется, ибо кто же ему поверит, если он потом скажет, что отрёкся не на самом деле, “понарошку”! Мы вообще не можем судить, хороши или плохи дела человека, когда не знаем цены его слову. Здесь нам и открывается смысл древнего института присяги. В нашем языке сохранилось выражение “идти на роту”, которого мы уже не понимаем. “Rota” по-общеславянски — это вид присяги в потаённых местах, именуемых “rotišće” (наше “урочище”). Свидетели “роты” назывались “svidok” и “posluh”, — “взирающий” и “слушающий”. Э. Бенвенист в книге “Словарь индоевропейских социальных терминов” пишет: “Торжественная клятва включала несколько действий, одним из которых было шествие к месту присяги. К присяге “шли”: лат. *ire in sacramentum* — “идти к присяге”, русск. (уст.) *идти на роту*”. А в Этимологическом словаре русского языка Фасмера читаем: “Rota — “клятва, присяга”, родственно др.-инд. *vratām* — “правило, заповедь, закон”.

Стало быть, древней “роте” родственны наши слова “врата”, “ворота”, “рот”. В свою очередь, наша воинская рота этимологически восходит к роте-присяге. В. И. Даль: “Нет сомнения, что это слово наше и образовалось от роты, присяги: **ротники** м. мн. уже XII веке составляли в Новгород. дружины, дававшие старосте своему роту, отправляясь артелями в торговлю или на похождения; *рота*, присяжная артель, дружина, товарищество, братство”. Таким образом, “рота” — это не просто механически собранные в одно воинское подразделение люди, это сообщество посвященных, *рты* которых замкнуты присягой. И если присягнувший вдруг открывает эти *врата* врагу, то он изменник, предатель, независимо от его “благих намерений”.

Так жизнь была устроена издревле, и на том эта жизнь держалась. Не “упёртые” и “недалёкие” люди отдают свою драгоценную жизнь за убеждения, а лучшие люди, “соль земли”. Мы знаем цену Слова лишь благодаря им, а не тем, для кого якобы важны дела. Выражение “Вера без дел мертва” придумали неверующие. “Вера же вместо дел да вменится мне, Боже мой, не обрящещи бо дел отнюд оправдающих мя”, — сказано в утренней христианской молитве. Мы не поймём без Слова, дурно или хорошо Дело. Сначала Слово, потом Дело. Верность героя повести Василя Быкова “Сотников” Слово и впрямь едва ли принесёт практическую пользу партизанам: то, что не выдал он, наверняка вскоре выдаст ступивший на тропку предательства Рыбак. Мученическая смерть Сотникова имеет значение лишь в высшем смысле — в том, в каком Евангелист Иоанн назвал Слово Богом. То есть перед нами нечто неделимое и абсолютное. Сказано: “Будь верен до смерти”, — и Сотников верен до смерти. Не помышляющий сам по себе об измене “практик” Рыбак неверен — и становится на путь злодеяний. Стало быть, вот он, корень всякого злодеяния — криводушие.

Именно эта мысль, судя по сохранившимся воспоминаниям и интервью, не оставляла Ларису Шепитько в последние годы её жизни. Она поставила себе целью снять фильм об этом во что бы то ни стало. Когда ей это удалось, она получила чудесное свидетельство действительности своего Слова. Руководство Госкино было твёрдо настроено на то, чтобы не выпускать на экраны “Восхождение”, “эту евангельскую притчу в обертке партизанской темы”. Но только что отснятый, ещё “мокрый” фильм затребовал на просмотр первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Миронович Машеров (конечно, по просьбе Шепитько, нашедшей подходы к Машерову ещё на стадии замысла “Восхождения”). Он, бывший партизанский вождь, не щадивший ни чужих жизней, ни, тем более, своей во время войны, вдруг расплакался в середине фильма и не пожалел восторженных слов о нём потом, после просмотра. Конечно, люди не из железа — всплакнуть могли и кандидаты в члены Политбюро, но вот публично хвалить фильм до доклада “наверх”, Брежневу, Суслову, не полагалось — это ведь дело идеологическое. Но Машеров плюнул на идеологию — фильм его “пробил”. Это был первый настоящий успех Шепить-

ко, и он повторяется из года в год на редких показах “Восхождения”. Несколько лет назад на ретроспективе фильма в американском Линкольн-центре так же, как Машеров, расплакались местные девочки. А ведь у этих слёз иная цена, чем у слёз, вызванных фильмами-мелодрамами. Тут скорбь не просто замученным людям, а по людям, “верным до смерти”, пошедшим за Сотниковым, как за Христом. Это те слёзы, что делают человека человеком, а не просто сентиментальным “переживальщиком”.

Шепитько так говорила В. Хованской о замысле фильма “Восхождение”: “... Поймите, что основой человеческой личности является духовность. Духовность – центр личности. Именно эту – основную – особенность человека мы и будем исследовать в наших героях. Стадная нравственность нашего времени, в стране, где от Бога отказались, поверхностна, и это мы должны понять через Рыбака. Сотников – другое дело, он нравственен так, как Бог задумал. Поймите, существует вечная проблема Понтия Пилата, существуют и другие вечные проблемы. И все они во все эпохи человечества повторяются... в новом облики, но суть та же. Проблема Сотников–Рыбак – вечная проблема, она из тех, которые изначально стоят перед человеком, которые определяют его качественный уровень... И эта проблема – проблема Христа и Иуды...”

Кстати, если я не ошибаюсь, “Восхождение” – последний христианский фильм, получивший главный приз международного кинофестиваля “Золотой медведь” в Западном Берлине (1977). И фильм этот был снят в атеистическом Советском Союзе, а не в нынешней России с ее религиозной свободой. Парадоксально? Нет, скорее, показательно.

Бог призвал Ларису Шепитько к себе ещё до того, как разразилась вакханалия предательств в нашей стране. Она не узнала о странной смерти Машерова, столь похожей на её собственную смерть. Не увидела подписи Василия Быкова под “письмом 42-х” с призывом “раздавить” сотниковых, поднявшихся против антинародного государственного переворота в октябре 1993 года. Не стала свидетелем развала уникального советского кинематографа её мужем Элемом Климовым, “горбачёвцем”, не подписывавшим, правда, “письма 42-х”, но подписывавшим другие гадкие письма. Её повергло бы в ужас происшедшее с несостоявшейся героиней фильма “Ты и я” Беллой Ахмадулиной, другой *подписанткой* “письма 42-х”, которая при капитализме разучилась не только писать хорошие стихи, но и нормально разговаривать. Шепитько ушла из жизни в расцвете творческих сил и таланта, но что бы она стала делать в 1991 году? Верующий человек, Лариса Ефимовна едва ли бы стала особенно переживать по поводу крушения коммунистической идеи, но вот Ельцин совершенно точно напомнил бы ей страшного героя “Восхождения” – следователя полиции Портнова, бывшего лектора-атеиста. Гнусные 90-е годы она едва ли пережила бы, а так, погибнув в загадочной автокатастрофе в 1979 году, Шепитько хотя бы не видела всей этой деградации...

Однако отметим, что и в 70-е годы Шепитько была одинока даже среди окружавших её близких людей. Она отвергала распространённое в интеллигентских кругах мнение (разделяемое и её мужем), что в “совке” хорошим режиссёрам работать невозможно. Владимир Гостюхин, незабываемо сыгравший Рыбака, свою первую в жизни роль, вспоминал слова Ларисы Ефимовны, сказанные после выхода в свет “Восхождения”: “Ты знаешь, меня поражают диссиденты, которые говорят, будто в этой стране ничего делать невозможно. Какая ложь! Можно делать, можно. Если твоя позиция честна, если ты не конформист, если в тебе – настоящий, честный художник. Просто надо бороться, а если это нужно, то и драться за своё дело...” Шепитько знала, что, если режиссёр не способен бороться за свой талант в СССР, то не способен нигде. Что ж: все фильмы покинувших Советский Союз режиссёров – Тарковского, Иоселиани, Кончаловского – были хуже, чем они снимали на Родине. Но, похоже, только Шепитько тогда это понимала. На выгодное и реальное предложение снять фильм в Голливуде (которого, кстати, не получали ни Тарковский, ни Иоселиани) она ответила отказом, предпочтя ему “Матёру” по повести Валентина Распутина. Когда же Лариса Ефимовна погибла, сделав лишь один кадр из фильма, то Э. Климов, очень мучившийся после “Восхождения” мыслью, что уступает в таланте жене, доснял “Матёру” (под названием “Прощание”), но... лишь доказал правоту своей мучительной мысли. “Прощание” – средненький, забытый фильм. Шепитько же, без сомнения, сняла бы на распутинском материале шедевр.

Да в общем-то и написанная в 1970 году прекрасная повесть В. Быкова “Сотников” значительно уступает снятому по ней великому фильму “Восхождение”. И это притом, что в фильме вроде бы немного изменений по сравнению с текстом повести, но те, что есть, имеют весьма принципиальный для произведения искусства характер. Быковский Сотников на “коронный” вопрос следователя Портнова, хочет ли он жить, отвечает примерно так же, как и Рыбак: почему бы, дескать, не пожить? Понятно, что Сотников и Рыбак вкладывают совершенно разные смыслы в этот ответ: один бы не отказался пожить вообще, а другой хочет жить во что бы то ни стало. Но Шепитько и сценарист Юрий Клепиков делают в этом месте гениальное усиление, открывая ту сторону сущности предателя Портнова, о которой в тексте повести мы находим лишь намёк (имеются в виду его довоенные лекции “против Бога”):

“Сотников: Я не предаю. Есть вещи поважнее собственной шкуры... .

Портнов: Где они? Ну, что это? Из чего состоишь?.. Это чушь! Мы же конечны. Со смертью для нас заканчивается всё. Весь мир. Мы сами. Не стоит... Ради чего? Пример для потомков? Но героической смерти у вас тоже не будет. Вы не умрёте, вы сдохнете, как предатель. Не выдашь ты — выдаст другой, а спишем всё на тебя; ясно?”.

У Быкова сокамерники раненого, измученного пытками Сотникова боятся его смерти до рассвета потому, что наутро он обещал взять всё на себя, чтобы вызволить их, а для героев “Восхождения”, если не считать Рыбака, последнее обстоятельство почти не имеет значения, потому что Сотников уже пытался выгородить Демчиху и старосту Сыча — и безуспешно. Герои “Восхождения” боятся, что со смертью Сотникова исчезнет непередаваемый, неземной свет, исходящий от его лица (это гениально снято Шепитько и оператором Чухновым), и им тяжелее будет без этого света умирать наутро от рук палачей.

Нет у Быкова и “снежной Голгофы”, которую мы видим у Шепитько, нет слова “Иуда”, которое сказала после казни Рыбаку какая-то старушка. Наконец, в финале “Сотникова” Рыбак просто остаётся лицом к лицу с начальником “полицаев” и вовсе не воет (выражение Шепитько) от осознания содеянного. Перед Рыбаком из “Восхождения” навсегда захлопываются ворота в тот мир, где высоко над заснеженным обрывом замерла церковь, и ему остается лишь ад — чёрный прямоугольник в распахнутых дверях подвала, из которого утром увели на казнь Сотникова, Демчиху, Басю и Сыча. Вообще, окружённый со всех сторон чёрным забором двор полиции в “Восхождении”, с разверстой тьмой подвала, с нужником в углу, где не удалось повеситься Рыбаку, — это образ дантовской силы, в котором игра света и тени, вообще метафорическая геометрия кино доведены до какого-то небывалого совершенства. А совершенство в киноискусстве — это, на мой взгляд, когда снято нечто, что методами других искусств изобразить невозможно.

То, как снимался фильм “Восхождение”, не имеет ни малейшего отношения к привычной процедуре съёмки художественных фильмов, когда творческий процесс напоминает аврал на советском заводе при невыполненном плане. Я видел в крымском Симеизе съёмки неплохого, как впоследствии оказалось, фильма “Шапито-шоу”, но ничто не давало основания предположить, что из этих дурацких, нудных эпизодов на страшной жаре выйдет что-нибудь путное. На работу киношников даже смотреть не хотелось. Как из этой безобразной производственной мешанины получается искусство, знают, наверное, только режиссёр и оператор. Шепитько и сама пережила нечто подобное на съёмках фильма “Ты и я”. “Восхождение” — другой, высший вид фильма.

Художник-постановщик картины Юрий Ракша вспоминал: “Мы приступили к работе, и началось наше неповторимое существование вместе с персонажами. Могу сказать, что фильм выращивал и нас. Говоря о святых вещах, о категориях высокой духовности, мы неизбежно должны были и к себе применять высокие критерии. Нельзя было на площадке быть одним человеком, а в жизни — другим”.

Да, нельзя — поэтому мы и не увидели ретроспективы фильмов Ларисы Шепитько на её 75-летие, в пьяную новогоднюю декаду. Мы — именно другие, и кто-то очень боится, что мы захотим стать нормальными русскими людьми, похожими если не на Сотникова, то на Демчиху и Сыча из “Восхождения”. Поэтому что тогда люди скажут: “Мы не хотим больше жить в этом смрадном аду, уберите от нас этих упырей и оборотней, которые ежедневно мучают нас в “ящике” и наяву. Пусть они забирают награбленные ими деньги и уезжают, но никогда больше не возвращаются”.

МИХАИЛ ПОПОВ

ЧАС МОЛИТВЫ

Записки паломника

*Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое...*

Мы идём просторным просёлком. По сторонам – просвеченный солнцем сосновый бор, под ногами – беломошник. Внизу и позади – Пинега. А у меня – стойкое ощущение, что поднимаемся выше и выше. Река, действительно, внизу, но угор-то мы уже одолели. А кажется, всё вверх идём. Отчего это? Может, оттого, что говорим о высоком. О душе, об Ангелах небесных, о Боге. Говорит больше он, мой вожатай, я только слушаю. А он то и дело останавливается посреди дороги, понуждая к этому и меня. Да и то: нельзя же о таком рассуждать походя, то есть на ходу – непременно надо остановиться. Тем более мне – ведь у меня же доселе не бывало подобных бесед.

Виталий в переводе с латинского ‘Жизненный’. Но толкует он не о земном.

– Вот ты родился. Жизнь дали родители, душа – от Бога, это сосуд, куда пустой. Тебе надо прожить так, чтобы к мирскому концу наполнить сосуд этот духовным елеем, и тогда душа, угодная Богу, непременно попадёт в Рай – в святилище любви и блаженства.

Как же, спрашивается, сберечь душу живую, коли вокруг столько искушений, столько соблазнов, и так её, бедную, сызмала марают?

– А внимать. Слушать и внимать, что Отец небесный внушает. – Тут Виталий касается своего кепарика. – Голова, ум – это антенна, направленная к Господу, через неё Он обращается к сердцу человеческому. Слушай и внимай.

Я не то чтобы перечу, а рассуждаю. Кругом шумы, лязг двигателей, какофония попсы... Это на земле. Но и на верхах помехи. Чего стоят одни мобильники, через которые туда, в космос, льются потоки пошлости, грубости и скверны... Бедные Ангелы Божии, каково-то им среди этого запущенного с земли смрада?!

– Вот, – подхватывает Виталий, – потому монахи и молятся денно и нощно, расчищая пути от земного к небесному. Наш монастырь, Артемиево-Веркольский... А ещё Сийский, Соловецкий... Это только здесь, на Русском Севере. А по всей России нынче сколько!

Тут мысль его покидает пределы державы.

– А на Афоне сколько монастырей! – Он, естественно, опять останавливается. – Ты знаешь, что ежедневно на Афоне служат двести сорок литургий?! Представь, какой поток света обращён к Богу!

Я пытаюсь представить. То в виде северного сияния, то в виде первых рассветных лучей, хотя сознаю, что поток тот незрим, во всяком случае, для человеческого глаза.

В продолжение темы Виталий роняет, что там – он кивает в небо – все мирские достижения не в счёт. По закону ли жил, Им данному, – вот главное. А то, что ты наработал, чего достиг, там не имеет ровно никакого значения, и тем самым даёт мне понять, что скромные бдения его спутника тоже в зачёт не пойдут, потому как это – мирское и бренное. Я не перечу. Хотя немного и тушуюсь: вот, значит, как?!

Некоторое время мы идём молча. Ежели всё земное не в счёт, для чего же Господь наделяет людей даром художника или поэта? Шаг мой, слегка сбившийся, обретает мерность. Да для того, видимо, чтобы они славили Божий мир. Ведь благодарственная молитва творится не только перед иконами. И монастырский хор, и одинокая песня в широком поле, и нестеровский отрок, и пушкинская строфа – всё это Слава Божия. “Нет, братец, – кошусь я на Виталия, – тут ты погорячился”, – однако вслух этого не говорю.

Меж тем дорога ведёт нас дальше. Виталий вспоминает одну притчу. Жил-был один священник. Вера в Господа его была несокрушима. В пору засухи он шёл творить молебен и брал с собой плащ и зонт. То есть батюшка ничуть не сомневался, что после молебна Всевышний смилостивится и нагонит на небо тучек. Вот какой верой обладал!

Тут уж замедляю шаг я и даже останавливаюсь. Но не оттого, что дивлюсь крепости веры сельского батюшки. Нет. А оттого, что знаю его, этого священника. Знаю от Антона Павловича Чехова. Источник информации – повесть “Дуэль”. А звучит она из уст юного дьякона Победова, который вспоминает своего дядьку-священника. Меня так и подмывает напомнить, а может, и открыть этот источник моему спутнику – в другой ситуации я наверняка сделал бы это, – а тут помалкиваю, сознавая, что такое “открытие” равновелико гордыне. . .

**... да придет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли. . .**

Вожатай сворачивает к реке в ему одному известном месте. Идём без дороги, на ходу лакомясь брусничкой да черничкой. Грибов почти нет. Пересекаем ручей. Здесь, поясняет Виталий, была монастырская мельница, в глубине видны древесные связи и камни. Поднимаемся от ручья наверх, и вскоре перед нами опять открывается Пинега. Судя по виду, это близко к излучине.

Виталий выводит точно. Внизу под берегом – о. Венедикт. Он облачён в гидрокостюм и, стоя поперёк течения, машет удочкой – такая ловля называется нахлыстом. Течение на повороте мощное. Вода только что не кипит. Оттого так широко надо ставить здесь ноги – иначе снесёт.

У мирского этого занятия – глубинные корни. Среди Апостолов – верной артели Христа – были рыбаки. И это выражение – *уловлять души* – аukaется с их первоначальным занятием. Так же и здесь, на берегах Пинеги, под сенью Артемие-Веркольского монастыря. Уловить душу, оберечь её от мирских козней, не дать её бесам на поругание – таково назначение православных пастырей.

Из дневника

Тихие лампадки, две-три свечи раздвигают церковный сумрак.

Отец Иосиф, наместник монастыря, творит службу благолепно: негромкий голос его доносится из алтаря и, кажется, тихо парит над молящейся братией.

Сегодня о. Иосифа нет – он отправился в Архангельск. Службу правит о. Венедикт. Его мантию я увидел из окна паломнического дома, готовясь к утренней – в начале шестого часа – службе. В свете фонаря она взвихрилась, что тебе пушкинская крылатка, столь стремителен был шаг священника.

И вот служба. . . Мантия в покое. Но перед Царскими Вратами о. Венедикт стоит, точно шкипер во время бури. Здесь, в храме тихо, однако буря-то вокруг и впрямь бушует. Вон какая бесовщина раззуделась по просторам Отечества – российской житейского моря! Как устоять? Только так – крепко стоя на ногах и в святоотеческой вере.

Под нашим берегом – тень. На той стороне – солнце. Там уютнее и теплее. Зато тут костерок, пахнет дымком и съестным духом.

Сидим втроём за скромной трапезой — пюре с трещёчкой, чай из термоса, сухарики да прянички. А вокруг — благодать первоначальной осени.

Наш неспешный разговор касается Афона — туда священник и Виталий собираются в паломническую поездку, а потом обращается к литературе. Выясняется, что о. Венедикт читает и почитает Чехова, а ещё Достоевского. Для духовного делания, понятно, — Евангелие, жития, труды святителей Православия. Но и светская — высокого уровня словесность — у него тоже в ходу.

Я, скользнув взглядом по лицу Виталия, с радостью подхватываю. Чехов — мой любимец. Перечисляю произведения, где духовная основа сюжета или персонажи — иерархи церкви: “Студент”, “Архиерей”... Но особо выделяю о. Христофора из “Степи”. Егорушка да о. Христофор — две удивительно чистые души, отрок и стоящий перед вечностью старый батюшка.

Сегодня утром я исповедался о. Венедикту. А за полдень мы сидим с ним за походной трапезой. Одно не отменяет другого. Как духовные книги не отменяют мирской словесности. Я не говорю это Виталию, тем более что и он не затевает о том речь. А для себя эту тему закрываю гоголевской формулой из переписки (имею в виду “Выбранные места...”): подлинное искусство, т. е. настоящее, искреннее, честное — “незримая ступень к христианству”.

Пятый час вечера. Пора. Сегодня церковный праздник, послушания нет, но служба в храме — особо торжественная. Вечерня начнётся, как всегда, в 17.00.

Собрав посуду, загасив головешки, поднимаемся с Виталием на угор. Следом с рюкзаком за плечами идёт о. Венедикт. Высокий, голенастый, он легко одолевает крутой подъём. Наверху стоит велосипед. Добротный, дорожный, как поясняет Виталий, о двенадцати скоростях. Несколько оборотов колеса — и о. Венедикт исчезает меж соснами. А мы с Виталием идём следом. И опять он говорит о душе, о молитве, о Боге — о том высоком, что в повседневности часто затушёвывается, как солнце затеняется осенним ненастьем. А погода — благодать, на небе — ни облачка.

Из дневника

“Послушание паче поста и молитвы” — так внушал о. Христофор из чеховской “Степи” отроку Егорушке. Я сам выразил готовность, испрашивая таковое у о. Иосифа после первой утренней службы. Однако начальное послушание меня несколько, мягко говоря, озадачило.

Нам с трудником Володей (потом окажется, что он военный моряк, в недавнем прошлом — морской офицер) поручена работа в погребе. Здесь хранилась картошка, надо подготовить его для нового урожая, т. е. обмазать сусеки известью. Накануне погреб обрабатывали биотеком, чтобы избавиться от плесени, потому здесь стоит устойчивый запах аммиака.

Берусь за кисть — этакую тяпалку, — окунаю в раствор. Но все равно мне не по себе. Дышу осторожно, урывками. Тяжело. Явственно чую, как аммиак проникает в бронхи. Володя, хоть и молодой, испытывает то же самое. Я молчу — будь что будет. Но Володя, наконец, не выдерживает. Он заявляет, что в таких условиях работать опасно, и отправляется за Геннадием. Геннадий, старший над трудниками, заглянув в погреб, заключает, что условия здесь, действительно, неподходящие. Однако время не ждёт: вот-вот начнётся засыпка картошки. Что же делать? Посоветовавшись, моряк и старшой решают так: попробовать работать, используя противогазы, а если не поможет, затопить боллиндер — специальную печь, чтобы запах аммиака вытеснить древесным дымом. Сказано — сделано. Импортный противогаз, видимо, практичный в других средах, здесь не помогает. Володя, испытав его, мотает головой. И тогда мы с ним затапливаем тот немного похожий жерлами на многоствольный миномёт агрегат...

Вечером, записывая дневные события, размышляю и о послушании. Что было бы, если бы я работал на погребе один? Поручили бы в одиночку обустроить картофельную яму, и стал бы я шлёпать кистью, пока от аммиачного угара не пал. Послушание ведь — это задание. И что тут скажешь, как возразишь?! Это ведь, как в пословице: “В чужой монастырь со своим уставом...” Монастырь-то, конечно, свой, православный. Но ты тут гость, приезжий, даже паломником не решаешься пока себя называть.

Слава Богу, всё разрешилось здравомысленно. И я не столько умом, сколько сердцем осознаю, что так управил Господь. Не мог же Он в Своей

обителю оставить новичка без Отческого догляда. А тут и подтверждение подоспело. Старшой Геннадий, давая очередное поручение, передал напутствие о. Иосифа: дескать, пусть паломник труждается, да в трудах-то не пересердствует. Хорошо это так легло на душу...

Из дневника

После обеда Геннадий направил меня в дровяник, подав топор и свеженькие, хоть оркестром дирижируй, рабочие перчатки. На кухне топят все печи, идёт заготовка солений-варений, дров требуется много, коли.

Шведский топор лёгонький, не чета моему дачному колуну. Однако не факт, что такому "по зубам" были бы мои — обхвата не хватит! — чурки. Другое дело здешние дрова. Сухой, звонкий тонкомер — полешки летят с чурака с одного удара, знай, подставляй следующую чурку.

Колю в охотку. Жарко. Скидываю ветровку — всё равно жарко. Стягиваю свитер, остаюсь в одной футболке, даром что сентябрь.

Обочь входа — куча наколотых кем-то дров. Моя растёт на глазах, но ещё не опережает... Работаю без передыха, одно донимает — запах табака. Под стеной дровяника устроена для трудников и рабочих-ремонтников курилка, вот они и смолят. Даже здесь, в пределах обители, настаивает "табачное зелье".

Пятый час пополудни. Скоро вечерняя служба. Сравниваю наколотую кучу с соседней. Моя "на голову" выше. Ну, хватит. Завершаю упряг и с топором на плече иду к месту постоа.

...хлеб наш насущный даждь нам днесь...

Окладистая, с сединой, борода, длинные волосы, собранные перевязью на затылке, широченные чёрные штаны в дополнение к чёрной же просторной куртке — Виталия нельзя было не заметить.

Я возвращался из трапезной — было это в первый день моего монастырского пребывания, — а он стоял на крыльце паломнического корпуса. Разговор обычно завязывается с погоды. Тут она более чем располагала. Сеял ласковый не по-сентябрьски дождичек, сияло солнышко, а над монастырём раскинулась обнимавшая, не иначе, концы и начала, радуга. После двух-трёх восклицаний, которыми мы обменялись по поводу небесной картины, бородач, не чинясь, спросил, зачем я сюда приехал. Прямой вопрос требует прямого ответа. Так я и поступил, и слово "душа" было в том ответе главным. Вот с этого всё и началось. Мой собеседник тотчас поднял разговор на уровень радуги, никак не ниже. И хотя это было покуда непривычно, но я уже осознал, что в монастыре о Боге речь ведут не только на церковной службе.

Внезапно собеседник умолк и потянул носом. Я тоже нечто уловил. Он кивнул и устремился внутрь, жестом приглашая за собой. Первая от крыльца дверь распахнулась. Пахнуло печным теплом, но сильнее того — печёным хлебом. Я оказался — ни много ни мало — в монастырской пекарне. И заправлял ею, неся послушание пекаря, вот этот коренастый бородач — брат Виталий.

Едва не половину пекарни занимает печь. Традиционная русская печь, но калибра Царь-пушки. Жерло её отворённое, то бишь устье, источало ровный жар. Пекарь надел рукавицы, взял в руки кочергу, сунул её в печь и вытащил на шесток металлическую — на три буханки — форму. Первую оставил и перевернул — хлебы поспели. А вторую и остальные задвинул обратно — пусть ещё подойдут.

Буханки величиной поболее мирских лежали на спинках, аки новорождённые младенцы, только что не пищали. Потом к ним прибавилось ещё три, ещё... Пока через четверть часа на столе не оказалось несколько десятков свежеспечённых, ещё горячих монастырских хлебов.

Отерев пот со лба, Виталий принялся заваривать чай. Это было завершение его дневного упряга, и я спросил, как этот день начался.

Хлебная страда длится семь часов. Подъём в пять утра. Помолившись на первой службе и получив благословение у наместника, он затапливает печь. Дрова всегда заранее высушены, как и мешок муки (вот возле печи стоит очередной, словно малец под боком у матери, набирающийся тепла). Далее следует хлебная молитва — без неё в монастырской пекарне хлеб не творится. И только после этого он начинает замешивать тесто...

Виталий отрезает хлебную горбушку толщиной с две свои мозолистые ладони и подаёт мне. Казалось бы, сыт – трапеза обеденная была нескудная, – но духовитый тёплый хлеб так манит, что я под чаёк мигом его уминаю, и Виталий отрезает ещё кусман.

Начинал он послушание пекаря шесть лет назад. По первости, бывало, сокрушался, что какую-то буханку повело. Теперь смотрит на это спокойнее. Тесто живое, огонь-жар живой, руки – тоже. Так как тут иной раз и не перекосить...

– У Пелагеи, поди, тоже такое бывало...

Поворот, возникший в разговоре, – для меня откровение. Оказывается, Веркольская деревенская пекарня находилась именно здесь. Печь теперь другая, но помещение – то же. И именно здесь двадцать лет кряду трудилась пекариха Пелагея, точнее, прототип абрамовской героини. Вот как жизнь переплетается со словесностью и какие узлы завязываются! Наверняка Абрамов здесь бывал и, образно говоря, от печки и плясал, замешивая тесто “Пелагеи”.

Из дневника

За месяц до моего приезда в Верколе и здесь, в Артемие-Веркольском монастыре, снимали фильм. Телеканал “Культура” затеял серию картин о писателях военного поколения. Ведущий всех фильмов – И. П. Золотусский. В последних числах июля мы виделись с Игорем Петровичем в Архангельске, было это накануне отъезда съёмочной группы на Пинежье. Весь вечер, гуляя по Двинской набережной, мы обсуждали литературные дела, делились планами, вспоминали ушедших писателей, и мой собеседник признался, что из всей пишущей братии, с кем он был знаком, Фёдор Абрамов – самый сокровенный для него человек. Кончина Абрамова стала личным горем Золотусского. Не случайно первую книгу о нашем земляке – она вышла через два года после кончины Фёдора Александровича – написал именно он, Игорь Петрович.

В монастырской пекарне звучали имена Абрамова, Пелагеи, Золотусского... Зашёл разговор о съёмках. Некоторые эпизоды происходили на глазах Виталия. Одна деталь вызвала у него сомнение. Правильно ли режиссёр фильма поняла, для чего Пелагея использовала печную лопату. Мозоль на плече у неё не от работы у печи. Мозоль от лопаты, на которую она надевала сумку с хлебами да ведро с хлебными отходами, кои ежедневно таскала с пекарни домой: буханки – для себя, отходы – для поросёнка... В ноябре я ездил по делам в Москву, наведаясь в Переделкино и передал этот разговор Золотусскому. Игорь Петрович сомнения снял: режиссёр – человек искушённый, подготовленный, а в процессе съёмки, вернее, по ходу подготовки к очередной эпизоду каких только не возникает вариаций...

Попивая свежий чаёк, наворачивая тёплый хлебушек, я мыслями обращался к повести о Пелагее. Вспоминал её перевоз, как она правила лодку, как тащила свою ежедневную поклажу, как выглядывала издали, ещё с тропы, мужа, Павла, который встречал её из-за реки...

– А тропка-то до сих пор приметна, – словно угадывая мои мысли, заметил Виталий.

– О, как!

Образ тропки и вообще стези человеческой как судьбы вызвал логический вопрос:

– А кем ты был до монастыря? Здесь, в обители, говоришь, тринадцать лет... А до того кем был, Виталий?

– Бандитом.

* * *

Природа человеческая лукава. Кому охота о себе говорить хуже, чем ты есть. Мы в миру предпочитаем умалчивать о своих недостатках, не говоря уж о пороках. Наш автопортрет чаще ближе к идеалу – этакая парсуна, некая красивая картина, на которой всё в радужных тонах, а мы если не в героях, то среди приближённых к ним... Что тут скажешь? Слаб человек, а потому грешен. И тщеславен, и завистлив, и злопамятен, и... А вот так открыто, почти наотмашь, хлестануть себя – слабо...

Вот и Виталий... Мог бы ведь о том же рассказать, но как-то иначе. Скажем, хмурясь и супясь, не щадя себя, но чуть прижавивая, — дескать, молодой был, глупый, попал в дурную компанию, вовлекли, угодил по дурику и т. д. и т. п. То есть о себе, но будто не совсем о себе, а может, как о несмышлёном младшем брате. А он — нет. Бандит — и всё тут. Никаких послабук. Что было — то было. Без малого двадцать лет злоключений и заключений. Да не просто в зоне, а бывало — и усиленного режима.

Однако в первый раз, когда я услышал об этом, не стал переспрашивать и выпрашивать. Остановился и перевёл разговор на другое. Но потом кое-что уточнил...

Из дневника

Получаю очередной наряд-послушание. Снова — погреб, но теперь другой. Из него предстоит извлечь остатки прошлогодних солений-варений, а освободившиеся полки заставить свежей продукцией — 3-литровыми банками с помидорами и огурцами, овощными рагу, перцами, грибами, вареньями из голубики, черники, малины, мочёной морошкой... Братия в монастыре немаленькая, а зима на Севере долгая — все сусеки к маю подметёт.

Здесь, на погрузке, лихачить нельзя. Стеклоянная тара требует осторожности, но обретаемая в процессе сноровка уже позволяет достаточно свободно обращаться с грузом.

Время за полдень. Перерыв. Перед обедом пью чай — такова у меня давняя привычка. А попутно сушу на горячем чайнике мокрую футболку, печка-то остыла. После обеда — снова погрузка-разгрузка. А потом — служба...

Из всего этого — ранние молитвы, работные послушания и снова молитвы — и складывается ощущение правильности и даже примерности монастырского уклада. Вот бы этот уклад — да в нынешнюю мирскую повседневность: это же как профилакторий для души, измочаленной городской дёрганкой, транспортной бестолковщиной и телебесовщиной.

Тут, в монастыре, постоянно вспоминается Фёдор Абрамов — даже если не глядишь на Верколу, на тот берег Пинеги, где его могила. Вот давеча аукнулись его памятки о детстве. Семья рано осталась без отца — Федя только родился. Однако мать, ставшая вдовой, не опустила руки, а своим духом, своей материнской волей сумела сплотить братьев и сестёр. Благодаря усиленному повседневному труду их семейная артель сумела сначала выбиться из нужды, а потом и обрести достаток. С каким благоговением, с какой благодарностью зрелый Абрамов вспоминал те годы! Именно тогда окреп его характер, тогда пришло убеждение, что только неустанный труд — независимо от поприща — может принести человеку подлинное счастье.

А ведь в те поры кругом творилось иное. Сегодня брат Виталий напомнил о том.

Пришлые большевики посекали из пулемётов здешних монахов, а монастырь объявили центром коммуны “Новая жизнь”. Главарём её стал комиссар по имени Неофит. Имя из святцев — значит, новообращенец, — а звучит, как знак отступничества и как издёвка. Первой задачей пришельцев стало обезглавить храмы. Самый высокий купол, ударившись о землю, потряс окрестности. От грохота насмерть перепугался новорожденный — ребёнок того самого Неофита: его хватил родимчик, и он в одночасье умер. То есть святотатство было тотчас наказано. Однако это не смирило разбойную артель, названную “Новой жизнью”. Они продолжали бесчинствовать. Но поскольку в коммуну сбилась главным образом неробь — бездельники да прощелыги, умевшие только языком молоты, устраивая бесконечные политзанятия, — то крепкое монастырское хозяйство вскоре захирело. И когда забили последнюю корову, когда проели все монашеские запасы, коммуна сама собой и распалась.

Об этом написано в романе-тетралогии Фёдора Абрамова “Братия и сёстры”, в частности, в главе о житии Евдокии-великомученицы. Нынче в государстве творится нечто похожее. Дорвавшееся до власти чужеродное племя, творя лукавые законы, проедает-разворовывает остатки народного достояния... Но конец-то обязательно придёт. Вот только чему или кому?

**...и остави нам долги наша,
якоже и мы оставляем должником нашим...**

Библейская история гласит: иерусалимские храмовники — фарисеи и начетчики, не принявшие Мессию-Христа и уязвлённые Его популярностью в народе, — затеяли неправоё судилище и, подстрекая толпу, вынудили прокуратора Иудеи Понтия Пилата обречь Сына Божия на казнь. Казнь должна была состояться накануне Песаха — ежегодного весеннего праздника; по сложившемуся обычаю, в этот день мог быть помилован один из преступников; толпа по наущению фарисеев освободила от казни матёрого разбойника Варавву — одного из трёх бандитов, а Иисуса Христа обрекла на голгофское страдание.

Евангелисты, оставившие свои свидетельства о тех событиях, весьма скупы в рассказах об этих днях. Может, поэтому возникло и возникает доселе немало апокрифов. В конце 70-х мне попала в руки книга шведского прозаика Пэра Лагерквиста “Библейские истории”. Особенно запала в душу одна из повестей — “Варавва”. Писатель, кстати, Нобелевский лауреат, столь искусно представил дальнейшую жизнь Вараввы после Голгофы, что я поверил ему: разбойник искренне раскаялся, придя в ужас от своих злодеяний, и сердце его устремилось за Христом.

Я долго находился под обаянием этой пронизанной горним светом гуманистической прозы, пока в нашей державе не наступили 90-е годы. Распалось на глазах государство, власть в стране захватили фарисеи, лжецы, циники, приспособленцы, бал правил криминал. Вот тогда из моего изболевшего от повсеместной несправедливости сердца выплеснулась своя версия библейской истории, точнее сказать — повесть о Варавве.

Вор, в широком смысле этого слова, — разбойник, бандит, нечестивец — должен сидеть в тюрьме. Это очевидно. Но мне важно было другое — показать толпу, которая приговорила Христа и помиловала бандита. Чем обернётся это зло для толпы или хотя бы для одного из этой оголтелой массы. Я выделил из толпы красильщика из Лода, который, не ведая всех обстоятельств, взял сторону толпы и более того — стал деятельным участником казни Христа. Он получил своё в полной мере, это заблудший торгаш, — и я не пожалел красок, чтобы показать следующую неделю его жизни и крах его благополучия. Но мне показалось этого мало. Захотелось, чтобы эхо той библейской несправедливости — освобождения разбойника — докатилось до наших дней: то, что творилось в Отечестве, мне представлялось — ни больше, ни меньше, — как следствием событий на Голгофе. И опускаясь-поднимаясь по нити времён, я стал проследивать судьбы потомков Вараввы, пока не пришёл к нашим дням. Получился роман, который я назвал “Огненный знак, или След пропащей души”. Он вышел в 1997 году.

Новый поворот произошёл почти через полтора десятилетия. Заключительную часть романа я вычленил, развил, уточнил и, дав повести название “Багряница”, поместил в новую книгу прозы. Книгу эту — она называется “Посох уходящего странника” — я захватил с собой, отправляясь в монастырь. Виталий оказался книгоцеем, более того, он старается первым познакомиться с новинками, которые попадают в библиотеку обители. Поэтому все книги и экземпляры журнала “Двина” я передал ему.

Какого-то развёрнутого отзыва о прочитанном я не услышал. Однако по отдельным репликам догадался, что читает Виталий быстро и за считанные дни уже прочёл многое из привезённых мною изданий. Запомнилось одно, не помню, правда, в какой момент это было сказано: лада нет у моих персонажей, судьбы горькие, трагические, без смирения... Не скажу, что меня поразила эта оценка, — я сознаю особенности своей литераторской природы. Удивило то, что отзыв рядового, как в таких случаях говорят, читателя, совпал с точкой зрения профессионала — известного литературного критика, ныне покойного А. А. Михайлова. Только Александр Алексеевич — письмо пришло незадолго до его кончины — подметил, кроме уже сказанного, “суицидальные мотивы” у моих персонажей. А что касается Виталия Александровича, то он, давая оценку моим повестям и роману, думал, полагаю, не столько о персонажах, сколько о читателях, о том, что заложено в классической формуле: “Как слово наше отзовется...” То есть, другими словами, автору, читай — мне, надо заботиться о том, чтобы не “задавить” читателя мнимой “безвыходностью” жизни. К тому побуждает и библейская история. Ведь у разбойника Вараввы были сообщники, и один из них во время казни искренне покаялся за свои злодеяния, и ему, по милости Божией, был уготован Рай.

...и не введи нас во искушение...

Как брат Виталий пришёл к Богу? Душа привела. Казалось бы, совсем она захирела, запаршивела за годы этапов, тюрем да лагерных зон; да где-то на остатнем краю вострепелась и удержала его от погибели, приведя к простой мысли: в узилище надежды ни на кого нет – только на Бога; убить могут, никто не спасёт, только – Он. И повела его, слепца, к иконе. Начали в те поры в колониях ставить часовенки, а где и церкви. Пошёл зэк Виталий Ковров за душой, и затеплился в сердце огонёк веры. И молился, и читал, и строил. Несколько часовен и храмов при его участии появилось в местах не столь отдалённых на Архангелогородчине.

В ту зону он попал на исходе очередного срока. Душа его уже жила в Боге. Как обрадовалась она, что там, на новом месте заключения, есть церковь, что можно отмаливать перед иконостасом грехи, приводить к Господу другие заблудшие души. Однако всё оказалось не так-то просто. Храм в той зоне был поставлен не по любви, а по разнарядке: есть поветрие или негласное распоряжение – ставить церкви, вот начальство и отозвалось. Храм поставили, в отчёте появилась строчка – что ещё надо?! “Службу надо вести”, – заявил новый сиделец. На него цыкнули: “Си-ди”! Однако он не отступил: есть церковь – надо устраивать воскресную школу.

И тут случилось то, что называется испытанием, экзаменом на крепость духа. Замначальника зоны оказался его ровесником, более того – почти армейским сослуживцем: они отправлялись в армию одним эшелонном и служили в одних местах – в Польше, только Виталий – в обеспечении авиации, а тот – в танковой части. Разговорам – что да как – не было конца. Кто же не знает такие дембельские посиделки, когда “бойцы вспоминают минувшие дни...” Радости узнавания не мешала даже разница нынешнего положения и та заиндевелая колючая проволока, которая ёжилась за окном.

Годок оказался человеком своим: ослабил Виталию режим, добавил свиданий, писем, переводов... Одного только не позволил – воскресной школы. От него ли это лично исходило (был инверцем) или от его начальника, но было позволено отворять церковь на один час в воскресенье – и всё.

Зэк Ковров вроде благодетельствован был, а душа раба Божия Виталия скорбит. Как быть? Идёт он вновь к начальству. Опять разговор. Зам-ровесник, как и его папа-юрист, ставит условие: оформлю условно-досрочное освобождение, через два месяца будешь на свободе, но за эти два месяца в церковь – ни ногой! Согласиться, смириться, переждать? До конца шестилетнего срока ещё не близко, а тут – всего 60 суток и – УДО. Соглашайся, твердит телесность, каждая жилочка стонет – так ей охота на волю. А душа скорбит: отступить от Бога?!

И что же? За неподчинение начальству зэк Ковров получает 15 суток ШИЗО – штрафного изолятора. А там известное дело: хлеб да вода, да дубьё по хребтине. Проходит пять суток: ну, как – одумался? Нет? И опять в кондей под дубинки да кулаки. Отсидел полмесяца. Снова к начальству: даёшь воскресную школу! И опять ШИЗО на 15 суток. Так повторялось несколько раз. В конце концов, как “особо упёртого” его отправили в зону усиленного режима. И вместо двух месяцев Ковров отбывал в неволе ещё полтора года. Зато там была воскресная школа, и велась церковная служба: окормлял тамошнюю паству о. Венедикт, часто навещавший зону. А после освобождения раб Божий Виталий, не заезжая ни к матери, ни к сестре, прямым ходом кинулся в Веркольский монастырь.

Из дневника

Задаю себе вопросы. Получила ли милость Божию Пелагея (или прототип её) – попала ли её душа в Царствие Небесное? И получит ли её послушник Виталий, который треть мирской жизни просидел в колониях?

Те, кто тащил колоски с колхозных полей или жмых с коровника, поступали несправедливо, но ведь голодая. Или кто шарил по карманам, воруя на пропитание. А Пелагея-то несла с пекарни свою несправедную десятину для своего обогащения. А Виталий-то, бандитствуя, может, поломал не одну человеческую судьбу.

Те, кто в лихие годы наворовали, награбили, обманом присвоили себе народное достояние – заводы, шахты, суда, – Туда не попадут, это понятно.

Но попадут ли Туда те, кто жёг дорогие машины нуворишей? И опять же – Пелагея? И опять же – Виталий?

...но избави нас от лукаваго

Всё, казалось бы, сделал правильно. И благословение получил на паломническую поездку – отец Феодосий, наместник Архангельского подворья Артемиево-Веркольского монастыря, осенил напутственным крестом; и отец Иосиф, наместник обители, с которым удалось поговорить по телефону, выразил радушие, посулив встретить-приветить... Ан, нет! Всё оказалось не так-то просто, во всяком случае, на последнем этапе.

В Карпогорах, куда меня доставил поезд, должна была ждать попутная машина – “буханка цвета белой ночи”, как охарактеризовал её о. Иосиф. В потёмках, хоть площадь вокзальная и была слегка освещена, все кошки, то бишь машины, кажутся серыми. Но номера-то в свете фар читаются. Увы, названного номера среди десятка-другого автомобилей не оказалось. Потом выяснилось, что та “буханка” – она доставляла на вокзал веркольских пассажиров, – выехала с некоторым опозданием и к приходу нашего поезда не поспела. Но я-то этого не знал. Пометавшись по привокзальным закоулкам и не сыскав нужной машины, я достал мобильник. Увы! Связь оказалась “на нуле”! Странное дело, с этим же аппаратом я везде – пусть и за другую плату – на связь выходил, а тут – ни звука. Ни с водителем названной “буханки” связаться не удалось, ни с о. Иосифом. Что делать? Остаётся маршрутная “газель”. Сажусь в неё – мало ли как обернётся бездействие, не на вокзале же ночевать! Едем по Карпогорам, выезжаем на окраину, и тут доносится голос о. Иосифа. Это я потом только соображаю: связи нет, а голос священника прорывается сквозь безмолвие. Коротко объясняю ситуацию, а на душе, что называется, кошки скребут. Так бывает, когда ты вроде и не виноват, а досадно.

Дорога тянется сквозь лес, не дорога – стиральная доска. Водитель тихо ругается, пеняя дорожникам за их нерасторопность и скардность: хотя бы раз в неделю прошлись грейдером.

Худо-бедно добрались до Верколы. Единственная попутчица выходит. Прошу водителя довезти меня до перевоза. Едем, пронизывая темень фарами, через Абрамовский луг. Вот и берег, так говорит водитель, но я ничего не вижу. Снова берусь за мобильник. Набираю номер паромщика. Связи нет. Водитель Володя, добрая душа, набирает на своём “Билайне” один за другим несколько номеров. Время к полуночи. Номера молчат. Наконец, через паузу, отзывается о. Иосиф. Перевозчик, заверяет он, скоро будет.

Тихо, темно. Чувствую лёгкое смятение, но опаски нет. Я же сам писал в романе “Свиток” про монастырь, правда, Сийский, что монаси, верно, на сто вёрст вокруг поразогнали чертей. Или это не так? И это именно они и препятствуют мне? Задним числом вспоминаю брата Виталия. “Бесы не только снаружи тебя, но и внутри”. А что? Не бес ли по имени *Торопыга* срывает меня зачастую с места, не давая поразмыслить, а в данном случае – пождать, уповая на милость Божию?!

Темноту справа пронизывает вспышка. Это фонарь перевозчика. Расплачиваюсь с водителем, благодарю за помощь и терпение, захлопываю дверцу и тянусь на зыбкий свет. Под берегом лодка. Фонарь освещает её часть. Перевозчика зовут Виктор, лица его не разобрать. Заваливаюсь в длинную – метров семь-восемь – лодку. Фонарь тут же гаснет, мотор, работавший на малых оборотах, взвивается, и мы отчаливаем.

Свежо, даром что только начало сентября, впрочем – ночь. Оглядываюсь по сторонам. Ни луны, ни звёздочки. Справа – лоскуток далёкого отсвета, словно подёрнутый пеплом истлевающий уголёк, слева – две красные точки габаритных огней трансляционной вышки. А впереди что? Горизонтальная полоска света приближается. Не иначе, “Наутилус”, всплывающий с глубины. Нет, при ближайшем рассмотрении это оказались створы пристани: два фонаря, воткнутые в песок. Лодка тюкается носом между ними. Прибыли.

– Бывали здесь? – осведомляется лодочник.

– Бывал, – уверенно отвечаю я. Однако о том, что только зимой, да при ясном свете, да весьма давно, – помалкиваю. А чего? Вон виден одинокий фонарь. Монастырь там. Туда и двинусь. Выхожу из лодки, и, поблагодарив перевозчика, делаю первый шаг.

Лодка тотчас же отчаливает, мигом исчезая в потёмках, фонари за спиной меркнут. “Воды обстали меня по грудь мою” – так, кажется, в Писании. А тут темнота, да не по грудь, – по маковку. Правое плечо моё заносит вперёд, стало быть, смещаюсь влево. Ну, да, успокаиваю сам себя, ориентир – тот фонарь, а он ведь был слева. И не чую, как похихикивают, суча лапками, бес Торопыга на пару с бесом Самонадеянным.

Мотора уже не слышно, пристани с низовыми фонарями не видно. А впереди? Иду по песку, угадываю стопой.

Сентябрь – тёмное время. Собственной руки не вижу, где там под ногами что-то различить. Чувствую по звуку: до того я шагал по песку, а теперь под ногами нет песочного хруста. Значит, трава. Луж вроде нет, иначе давно бы сырость почуял. Но нет и ориентира – того самого единственного фонаря. Его поглотил угор и деревья, стоящие на нём. Я не вижу его, но чую. Чую стопами – здесь начало подъёма, но ещё, наверное, шестым чувством, в таких ситуациях обостряющимся. Нет, угор мне не одолеть. Темень, кромешный мрак, по лицу елозят ветви кустарника, дальше – больше, впереди, надо думать, деревья, а под ногами глина. Это я “осознаю” уже руками. Хорошо, что, оскользнувшись, не обронил сумку, – иначе до рассвета было бы не сыскать.

Сердце стучит не буднично, аж в ушах отдаёт. Но смятения нет. “Господи, помилуй!” – твержу и иду вдоль угора, стопой фиксируя его кромку, чуть вправо, чуть влево. Похоже, я уже где-то напротив фонаря. Угадываю не столько зрением, сколько рассудком, ведь сместившись влево – надеюсь, что влево! – уже изрядно прошёл. Зрение, видать, обострённое ситуацией, различает разницу в небесной и ближней тьме. Слабые отсветы фонаря, похоже, очерчивают кроны деревьев. Найти бы между ними прогал! “Господи, помилуй!” И вот – не чудо ли! – различаю. Это как дальний отсвет при выходе из глубокой пещеры. Туда! Где на коленках, где упираясь боковинами сапог, тянусь ввысь. Угор крутой. Оступаясь, оскальзываясь и порой теряя взятую высоту, тянусь и тянусь. Балансируя, чтобы не сверзиться, чтобы сумка не перетянула, хватаясь за охвостья пожухлых трав, вздымаюсь и вздымаюсь. Склон крутой, кажется, – стена. Но с Божьей помощью одолеваю его. “Вот вам, стрекулисты!” – это я бесам, только что язык не показываю. Теперь надо осмотреться да отдышаться. Слева – силуэт деревянной церкви. Крестное знаменье. Справа – тот самый фонарь и слабое сияние храмов. Крестное знамение и поклон.

Да, Господи, фонаря монастырского я достиг. Но как же мне далеко до горного света. Век, поди, не дойти, одолевая препоны да угоры. Но идти надо. Во мраке-то вон как бесприютно...

“ДОЛЖНА БЫТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНА СПРАВЕДЛИВОСТЬ”

Наверное, не случайно нынешняя подборка читательской почты, поступающей в адрес журнала, посвящена вопросам социальной справедливости. Эти вопросы сейчас волнуют всех. И пишут на эту тему самые разные люди — от рабочих до академиков. Что и показывает данная публикация. Если люди простые, как, например, наша читательница из сельской глубинки Волгоградской области, пишут о конкретных примерах несправедливости, забытости, оставленности государством сельчан, то люди учёные, как, к примеру, действительный член Академии политических наук Е. А. Тимофеев, делают самые широкие обобщающие выводы, говоря о необходимости осуществления Справедливости с большой буквы и в обществе, и в государстве, как залого конечной победы Добра над злом. То, что государство должно проводить социально справедливую политику, знали ещё древние. Так, Е. А. Тимофеев приводит слова великого философа Платона: “В совершенном государстве должна быть осуществлена справедливость”. А мы бы добавили: справедливость ко всем. К пенсионерам и работникам физического труда, к женщинам и детям, к учителям и учёным, чтобы они творили здесь, а не уезжали за границу и не подвергались там унижениям, как видно из письма четы Бахтиных, уехавших в Америку. Наконец, справедливость к памяти фронтовиков, отдавших свои жизни за Отечество. Эта тема представлена в читательской подборке пронзительным письмом дочери погибшего солдата К. А. Саблиной, обращённым к своему отцу как к живому, всё понимающему человеку. Справедливость к русским людям, которые столько перенесли на своём веку, спасая свою Родину, работая для неё. Всё это — трудная, но необходимая работа, которую ведёт наш журнал, возглавляемый главным редактором Станиславом Юрьевичем Куняевым, и неудивительно, что многие письма обращены лично к нему.

“ТРУДНАЯ, НО НЕОБХОДИМАЯ РАБОТА”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Позвольте, хоть и с запозданием, поздравить Вас с 80-летием! Доброго здоровья Вам, спасибо за мужество Ваше и стойкость.

Одновременно пользуюсь случаем передать благодарность Захару Прилепину за его “Письмо товарищу Сталину”, за его смелый поступок, за его правду о сталинском периоде жизни советского народа. Трудно Захару сейчас. У нас по ТВ и в СМИ призывают к толерантности, а так называемая “либеральная интеллигенция” сама не терпит другого мнения и вешает тут же ярлыки, предлагает воздействовать на писателя физически, объявить Прилепину бойкот. Ведь не секрет, что “малые” народы способны править большими, и для этого доста-

точно захватить ключевые посты в госаппарате, в СМИ, на ТВ. Что у нас и произошло. Не так давно прозвучало всем памятное высказывание писателя, кинодраматурга и режиссёра З. В. Тополя: “Впервые за 1000-летнюю историю России мы взяли власть в свои руки”. Ведь до чего договариваются некоторые представители “малого” народа! Известный и талантливый режиссёр Марк Захаров говорил: “Народ готов выйти на площадь, но мы должны призвать власть к тому, что если он выйдет под своими красными тряпками, мы готовы загнать любые свай в это месиво. Пусть это месиво будет кровавым, пусть полетят сотни голов, но мы не должны отдать ту власть, которую взяли”.

Если до революции 1917 года еврейский народ жил в России за “чертой оседлости”, то теперь, как правильно пишет В. Бондаренко: “Русские (которых в России 80%) за чертой оседлости”. Кстати говоря, ещё в 2004 году митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл (будущий Патриарх РПЦ) заметил: “Хватит говорить о России как о многонациональной стране. Это русская, православная страна с национальными меньшинствами”. Пётр Аркадьевич Столыпин (председатель правительства в 1906 году) писал: “Государственная Дума должна быть русской и по духу. Иные народности должны иметь в Госдуме представителей нужд своих... но не должны быть вершителями вопросов чисто русских”.

Захар Прилепин пишет: “...признаюсь, что многие из них (кто благодарит его. – **Авт.**) и не очень бы хотели заявить о своих чувствах во всеуслышание”. Но я и не знаю, как это можно сделать у нас в Калуге. В газете “Весть” был так называемый “Политклуб” (вёл его Анри Амбарцумян), где желающие высказывали своё мнение по насущным вопросам жизни, где и я иногда печатался, но его несколько лет назад прикрыли, так как очень много нелестных высказываний там звучало о нашем российском настоящем. Запомнились выступления Зои Артемьевой (бывшая учительница), фронтовика Николая Егоренкова, Валентина Цветкова и других. Вот и Вы, Станислав Юрьевич, там иногда публиковались. До сих пор у меня сохранилась вырезка из газеты от 18 июня 2009 года с Вашей статьёй “Умом Россию не понять...” (интересные статьи я храню).

Станислав Юрьевич, я всего на год с хвостиком моложе Вас. Родился и жил около пушек времён войн 1812 и 1941–1945 годов... На месте моего дома сейчас спортплощадка и школа № 19. Учился в школе № 10 (теперь № 14), выступал за школу по атлетике, гимнастике, лыжам. Затем техникум, заочный институт (приходилось учиться и работать – нас, детей, у родителей было четверо). Играл в шахматы, волейбол, тренировал женскую волейбольную команду “Локомотив”. Правда, до Вас мне было далеко, чемпионом города, как Вы, я не стал... С детства увлекался чтением. Читали мы со старшим братом даже по ночам. Эта любовь к книгам у меня (и у моей жены – большого любителя стихов) осталась до сих пор.

Во времена Ельцина, о которых не хочется и вспоминать, на все наши насущные вопросы ответы мы находили в патриотических журналах, таких как “Молодая гвардия” и “Наш современник”. Этим журналам мы очень благодарны, они близки нам. Начал я записывать и свои мысли, вызванные чтением журналов, и таких моих записей к настоящему времени набралось десять тетрадей! Систематизировав свои записки, я при помощи моей супруги Александры Ильиничны написал книгу, которую мы с супругой выпустили к нашей золотой свадьбе.

Выпустили её тиражом всего в 6 экземпляров, и один экземпляр дарим Вам как очень видному калужанину в знак большого уважения к Вашей твёрдой жизненной позиции, к Вашей трудной, но необходимой работе в наше непростое время.

Удачи, здоровья, успехов Вам и всему коллективу “Нашего современника”!

С уважением –

**Владимир Ильич Сорокин,
Александра Ильинична Сорокина**
г. Калуга

“БЕСКОНЕЧНО БЛАГОДАРЮ ВАС ЗА ВАШ ЖУРНАЛ”

Уважаемая редакция!

Я случайно (к своему стыду) открыла для себя ваш журнал только в прошлом году, когда мне посоветовали его почитать в нашей бедной городской библиотеке. До этого ваш журнал библиотека не выписывала, а кто-то из читателей подарил библиотеке подписку. Я очень благодарна главному редактору С. Куняеву и зам. главного редактора А. Казинцеву за то, что они осмелились опубликовать в своём журнале такие очерки, как “Десталинизация” А. Фурсова, “В зеркале юбилея” К. Мяло и другие материалы, а особенно “Дневник современника” и “Поезд убирается в тупик”. И многое другое. Я почти со всеми мыслями произведений, напечатанных в “НС”, согласна. Во многом это и мои мысли, но я не осмеливалась выразить их в слове. Хотя кое с чем я хотела бы и поспорить. И есть просьба к авторам – писать более простым языком. Вот прочла очерк К. Мяло “В зеркале юбилея” (“НС”, № 6, 2011). Многие предложения перечитывала несколько раз, чтобы понять суть. Мне понятен вывод этого очерка о том, что “верхушка общества” (и не только нашего, российского) стремится к тому, чтобы получить неограниченные свободы, закабалить малоимущее большинство. Однако всё это написано таким тяжёлым слогом, что если это попытается прочесть современный молодой человек, воспитанный нынешней школой, то он мало что поймёт и, скорее всего, не дочитает до конца, до вывода. Ведь надо учесть качество современного образования, когда после всем известных “реформ” Министерства образования многие выпускники школ и читают-то с трудом. . .

Да, я понимаю, что литература и искусство не должны идти на поводу у толпы, а должны быть впереди, должны вести за собой. Но ведь они должны быть понятны массам. Хотя современное “искусство” из телевизора ведёт только вниз.

И ещё, и ещё бесконечно благодарю вас за ваш журнал. Очень бы хотела иметь его подписку в своей домашней библиотеке, чтобы его могли читать и мои дети и внуки, но подписка для меня, пенсионерки, дороговата.

В журнале “НС” № 6 за 2012 год прочла о выходе из печати издания книги Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”. Если возможно, прошу выслать мне эту книгу наложенным платежом. А также книгу Александра Казинцева “Поезд убирается в тупик”.

С уважением

Мария Ивановна Носова

г. Каменногорск, Выборгский р-н Ленинградской обл.

“ОТДАЛ ЖИЗНЬ, ЗАЩИЩАЯ ЛЕНИНГРАД”

Уважаемая редакция “Нашего современника”, уважаемый Станислав Юрьевич!

Я написала письмо своему отцу, погибшему в годы Великой Отечественной войны под Ленинградом. И посылаю его в любимый и читаемый мной более пятидесяти лет Ваш журнал, не надеясь, что оно может быть пригодно для публикации. Может быть, Вы посоветуете, куда его отправить?

От редакции: В канун 68-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне редакция публикует это письмо без сокращений.

Отец! Неуместно с тобой здороваться. Может быть, даже кощунственно? Да и письма писать нелепо. Мне ведь 76 лет, а мы расстались с тобой, когда мне было 6 лет. Вскоре ты погиб. Мы получили похоронку: “. . . Похоронен на станции Поповка Ленинградской области. . .”. Ты ушёл на фронт, хотя у тебя была “бронь”. У нас осталась эта похоронка и две фронтовые открытки, из которых одна – брату Коле, другая – маме. Дядя Коля, единственный из твоих

братьев, кто вернулся с войны, лежал в то время в госпитале. В открытке, написанной ему: “Пошёл убивать фашистскую гадину, мстить за тебя, израненного, и чтобы моим детям не было стыдно за своего отца”. Теперь прах твой покоится на станции Поповка. Недавно твоя внучка Наташа и правнучка Даша ездили туда... 4 часа они продирались сквозь бурьян. Могилу Саблина Александра Гавриловича не нашли. Лишь небольшой пяточок кладбища более-менее обихожен, остальные могилы, огромное количество, провалились, плиты поломались, надписи стёрлись... Знаешь, ты отмечен в книге памяти страны, но тебя нет в книге памяти защитников Ленинграда. Обидно перед девочками за их деда и прадеда, который отдал жизнь, защищая Ленинград. Почему-то, когда искатели нашли останки немецких солдат, их с почестями перезахоронили, приехали родные из Германии, присутствовал посол Германии в России. Народ наш, лишившийся в войну близких, тоже там был, на этой торжественной церемонии. О чём они думали? Мы хоть знаем, где ты погиб. А дядя Гоша, твой брат, — без вести пропавший... Отец, когда пришла на тебя похоронка, твоя племянница Августа, тогда десятиклассница, стала проситься на фронт. Её взяли, так как она была ворошиловским стрелком и имела разряд по лыжам. Она выучилась на снайпера в Московской женской снайперской школе и воевала на Карельском фронте. Недавно её не стало. Очень переживала гибель СССР, за победу которого она воевала. Помнила своих подружек по снайперской школе из советских республик. На фронте погиб совсем молодой мамин брат — Лёва.

Твоя жена Лёля стала прабабушкой, у нее 5 правнуков, 5 внуков. Умерла на 82-м году жизни. Я помню День Победы, когда мама стояла под радиотарелкой и плакала, плакала, плакала... Вырастила нас одна.

Твой сын Юра тоже уже умер. У него все Саблины. Его младший внук, как и дед, — Юрий Александрович, потому что он мальчика назвал в твою честь. Девчонки, как и я, все — Саблины, не меняли фамилии.

Недавно я поздравляла по телефону своего школьного учителя физики Параева Валерия Ивановича с 90-летием. Когда в 7-м классе на первый урок по физике в класс вошёл военный, в кители и в галифе, мы “забыли” встать. И хотя тогда прошло уже несколько лет после войны, наши учителя, а было тогда в школах много учителей-мужчин, донашивали военную форму. В классе половина — безотцовщина, отцы погибли на фронте. И эти бывшие фронтовики понимали наши чувства. Мы знали, что они тоже были там, только они выжили и сейчас были с нами. Вели кружки, летом водили нас в многодневные походы по горному Алтаю, воспитывали в нас привычку не бояться трудностей, помогать друг другу, любить свою землю.

Я полюбила физику со школы, закончила радиофизический факультет Томского университета, имею учёную степень кандидата физико-математических наук, доцент. До сих пор работаю в Институте физики Сибирского отделения РАН. Моя дочь — твоя внучка Наташа — по специальности физик-теоретик, пошла работать библиотекарем, по стопам своей бабушки, твоей жены. Так захотела.

Должна тебе признаться, что твой внук — мой сын — меня сильно огорчил. Он “свалил” (так теперь говорят в обиходе) из России. Я ему этого не могу простить. Ты бы тоже не понял его и не простил бы.

А теперь можно вместе порадоваться. Твоя правнучка Даша вдруг собралась и, проучившись первый курс в Сибирском федеральном университете, уехала в Санкт-Петербург. Потеряв год, поступила в университет им. Герцена на факультет информационных технологий. Сейчас она на 3-м курсе. Помоему, она много взяла от тебя. Очень любит книги, приезжая на каникулы, везёт художественную литературу. А я помню, что ни мне, ни маме, когда мы уезжали из села, где я родилась, не хотелось расставаться с твоими книгами. Но мы смогли нанять всего одну подводку, на которую всё-таки вдрузили ножами вверх высокий шахматный столик с изображением шахматной доски. В память о тебе я научилась самостоятельно играть в шахматы, а потом научила и Дашу. В 4 года Даша уже знала, как ходить. Потом занятия в Дворце пионеров (представь себе, в Красноярске он до сих пор функционирует!), шахматном клубе. Начались успехи. В 2008 году она стала чемпионкой России, ездила на чемпионат Европы в Черногорию. Теперь, в Санкт-Петербурге, она руководит в трёх местах шахматными кружками. Сама участвует от университета во всех шахматных соревнованиях, кандидат в мастера спорта. Это ли не

твоё продолжение – твоя правнучка Дарья Александровна! Ей 20 лет. Ты по-жил всего 35 лет. Мама, когда Юра хулиганил, всегда говорила: “Отец твой голову сложил, чтобы ты вырос человеком”.

Он вырос человеком. Сначала окончил техникум, потом институт, был главным конструктором на заводе. Ты прожил эти 35 лет достойно, а мы, твои дети, тоже старались быть достойными своего отца.

Я вспомнила, что когда детям было 4 и 6 лет, я повезла всю семью в наше село, чтобы возложить цветы к памятнику погибшим в Великой Отечественной войне. 13 Саблиных значились на стеле. Недавно народный артист России Золотухин Валерий Сергеевич, наш ныне покойный земляк, поставил церквушку недалеко от этого памятника. А тогда мы добирались до Быстрого Истока с приключениями. Стояла жуткая жара, казалось, что весь Бийск в речке. А мы на дебаркадере, ждём “метеор”. Пришлось ночевать, так как посудину так и не подали. Дети уснули, я всю ночь отгоняла от них мух, а муж просидел на палубе. Утром, опять не дождавшись “метеора”, пошла в город. Я дозвонилась до редакции местной газеты. Усталая, издёрганная, возмущённая, я выдала тираду. Я сказала, куда и зачем я везу семью, а тебя назвала героем. С гордостью назвала героем. Неожиданно, но ведь ты для меня по-настоящему герой.

Представь себе, не успела я добраться до дебаркадера, как появился “метеор”, и через рупор спрашивают Саблину. Местные к тому времени разошлись, мы с семьёй одни оказались пассажирами. Смех сквозь слёзы!

После того как мы побывали у памятника, я повела своих к банку, где ты работал. Всё сохранилось с тех детских лет: та же медная ручка на двери, те же широченные крашенные доски на полу. На стене – огромный стенд, посвященный фронтовикам, бывшим работникам банка. Тебя там не было, и я пошла к заведующему. Извинился, объяснил тем, что на стенде ещё живые, обещал дополнить погибшими. Вытащил из сейфа старую ведомость на получение зарплаты, а там твоя подпись. Я, как только возникла необходимость расписываться, скопировала твою подпись с характерным изображением буквы “б” в печатном виде с верхней чёрточкой. И в этом ты со мной всю мою взрослую жизнь. Когда я вышла из банка, обняла телеграфный столб и ревели. Ребята как будто понимали, что переживает мать, и терпеливо ждали. Вскоре мы узнали, что заведующий госбанком осуждён за мошенничество.

Пора остановиться, отец. В жизни было всё, и всё было без тебя. Но мы никогда не забывали тебя. Память о тебе была всегда с нами.

Когда я проявила решительность с бийской газетой, я была ещё молодой. Где мне, старухе, сейчас найти необходимые слова воздействия на совесть спасённых ценой ещё молодых жизней ленинградцев, чтобы они организовали, призвали правнуков почтить память героев, отстоявших город, прибрать это военное кладбище на станции Поповка?.. И какой это позор, что они заброшены! А мы всё огорчаемся, что у молодого поколения исчез патриотический дух. И не будет его, коли мы, старшие, не подаём пример. Наши отцы его подавали.

Я горжусь тобой всю мою жизнь, отец!
Твоя дочь Клара.

Клара Александровна Саблина
г. Красноярск, Академгородок

“МОЁ СЕРДЦЕ ХОЧЕТ ВАМ СКАЗАТЬ...”

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Мы с мужем давно выписываем Ваш журнал, не могу сказать точно, но около 20 лет. Всегда читаю письма читателей к Вам, письма благодарственные, хорошо написанные, мне так и не сказать, только и остаётся – присоединиться к ним. Но всё-таки – несколько слов.

Человек Вы необыкновенный и необыкновенно хороший. Я уже не говорю о Ваших стихах и о прозе. Проза и публицистика Ваша читается как стихи, легко, и всё сложное (чувства, мысли, события) выражено так понятно и в

то же время не упрощённо. Это возможно сделать только имея большой талант. А человек-то Вы какой – таких мало! Очень мало, это не дифирамбы никакие. Просто моё сердце хочет это Вам сказать.

Я вот думаю, как повезло тем людям, которые были Вашими друзьями, знакомыми. Посчитали бы это за счастье, за удачу, а многие Вас и предали и забыли. Обидно то, что не могли подняться над собой, над ситуацией и сверху взглянуть, а если бы смогли, то увидели бы, какого человека теряют из своей жизни.

Книги Ваши “Судьба. Поэзия. Россия” и “Мои печальные победы” мы прочитали. Многого, конечно, мы не знали, но то, что евреи к нам относятся плохо, – это-то мы всегда понимали и на себе мой муж это испытал. Способный инженер, в 70-е годы – самые его лучшие годы! – а на работе никакого продвижения не давали, только везде своих толкали, некоторые выказывали неприязнь к нему открыто. Однажды один из начальников сказал мужу: дескать, переходи на другое предприятие, мы тебе перейти поможем. А муж к тому времени 25 лет отработал и сказал ему: “Я не в Израиле живу и сам буду решать, где мне работать”. Потом в связи с их массовым отъездом его стали повышать по службе. А голова у него хорошая, но не давали дороги.

О многих известных людях Вы говорите в своих книгах. Хотелось бы мне узнать, что Вы думаете о кинорежиссере А. Германе. Его творчество мне особенно неприятно. Самый первый его фильм – “Проверка на дорогах”, – можно сказать, неплохой. “Двадцать лет без войны” – средненький фильм. А вот “Мой друг Иван Лапшин” и особенно “Хрусталёв, машину!” – это просто мрак. О тяжёлых временах речь идёт, но зачем показывать ещё в 100 раз мрачнее, чем было?.. “Хрусталёв, машину!” снимали 12 лет, 12 лет вместе со своей женой он вытаскивал из пальца эту грязь и просто мерзость, 12 лет жил всеми этими сценами. Ладно бы для себя снимал, так нет – объявляют его “гениальным режиссёром”, и вся страна смотрит эту мерзость. Таланта на копейку не будет, поэтому 12 лет и снимает. Я весь фильм не смогла досмотреть, но такое было чувство, что меня извалили в грязи, душу мою извалили. Теперь и сынок его такие же фильмы начал “клепать”. И уже о нём заговорили.

Голые короли. Что Герман, что Тарковский.

Не могу я Вас ни о чём просить, время Ваше очень дорого, но, может быть, мне кто-нибудь ответит по поводу этих “гениальных” режиссёров? Неужели это только моё мнение?..

С глубоким уважением к Вам, да что там с уважением – с любовью!

Вера Медведева
г. Санкт-Петербург

“НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ ПО ЗАКОНУ СПРАВЕДЛИВОСТИ”

Уважаемая редакция!

Сегодня мне хочется поговорить о таком краеугольном, по моему мнению, понятии, как справедливость. Основной закон Природы заключается в её стремлении к единству, целостности и гармонии множеств, её составляющих. Все формы материи существуют и развиваются по этому закону. Все процессы: физические, химические, биологические и т. д. – идут, подчиняясь этому закону. Все, кроме связанных с человеческой деятельностью. Природа совершила большую ошибку, допустив появление *homo sapiens*'а – человека разумного, обладающего способностью самостоятельно мыслить, но лишённого врождённого инстинкта самосохранения. Тем самым человечество обречено на собственном опыте познавать законы Матери-Природы и выработать в себе то самое чувство, которое, как компас, направит его по правильному пути. Чувствуете: “направит”, “правильному” и дальше, по далеvской цепочке: сделанный законно, по правде, по совести, по правоте – СПРАВЕДЛИВЫЙ! **Справедливость – вот то качество, которое Природа не дала человеку готовеньким инстинктом, надеясь, что, используя дар разума, он сам выработает его в результате практической деятельности.** Но с этой задачей человечество не справилось до сих пор.

Именно категория справедливости позволяет оценить объективно всё, чем живёт сегодня люди, каким ценностям поклоняются, чего ждут от будущего. Причём не только в России, переживающей национальную катастрофу, но и во всём мире, ибо во многом спровоцированный развал СССР и всей системы противодействия монополизму в мировой политике своим главным последствием имел разрушение достигнутого к определённому времени относительного паритета сил Добра и зла на планете. Причём я ни в коей мере не считаю, что какая-либо из сторон была носителем только Добра или только зла. Но это было время, когда у человечества появился шанс договориться в условиях мирного сосуществования о стратегии и тактике дальнейшего развития, о путях разрешения противоречий, о достижении хотя бы относительной справедливости в международных отношениях, возможно даже о создании мирового правительства вместо дискредитировавшей себя ООН. **Но этот шанс был упущен, и человечество в своём развитии откатилось по спуску назад.** Многочисленные негативные последствия распада СССР сегодня лихорадят всю планету и ставят её на грань существования. Таковы плоды деятельности безголовых политиков, не умеющих предвидеть результаты принимаемых ими безответственных решений.

Почему так происходит? Почему мы живём в каком-то зазеркалье, где искажены все фундаментальные понятия, выработанные человеческой мыслью и проверенные практикой? Почему нарушается, казалось бы, всеми признанный принцип разделения властей, и исполнительная власть подминает остальные ветви власти? Почему развитие демократии сводится к учреждению безликих и в большинстве случаев бесполезных общественных организаций, а народ всё дальше и дальше отстраняется от реальной власти? Вопросы можно продолжать до бесконечности. Но все эти ненормальности имеют под собой вполне объективные основания, сводящиеся к субъективизму органов власти, создающих объективные условия жизни народа, не соответствующие его интересам. Делается это по незнанию законов общественного развития, недомыслию или умышленно, под давлением каких-то сил – опять вопрос.

Одной из главных причин, не дающих стране выбраться из системного кризиса, в котором Россия обречена пребывать ещё долгие годы, является кризис общей культуры народа, начавшийся ещё в советский период, но дошедший до полного маразма в последние два десятилетия. Этому способствовало множество факторов: беспредел ельцинского правления, “шоковая терапия”, замена всех ценностей деньгами, добытыми любыми средствами, чаще всего – преступными; морально-нравственное разложение “новой элиты”; пессимизм большинства народа; потеря интереса молодежи к образованию и профанация высшей школы; алкоголизация и наркотизация населения и т. д. и т. п. Поп-культура, всегда служившая средством оболванивания масс, стала образом жизни страны. На этом уровне и в этом стиле функционируют практически все сферы общественного бытия, начиная с сельского хозяйства и промышленности до науки и искусства. Можно с малолетства научить людей манипулировать кнопками управления аппаратурой, но надо всегда помнить: тот же компьютер вам может выдать только то, что в него вложено другими людьми, далеко не всегда самыми умными и самыми порядочными. Кроме того, **никакая компьютеризация не может заменить процесс формирования личности гражданина.**

Сложившаяся в течение многих десятилетий традиция пренебрежения основательной теоретической подготовкой руководящих кадров, недооценки необходимости философского системного осмысления всех сложностей современного мира в их динамике, отсутствие постоянного внимания к преподаванию общественных наук, устранение из школьных и вузовских программ логики – всё это привело к тому, что культура мышления и даже элементарная логика исчезли из нашей жизни. Только недоучившийся юрист, даже в Московском университете не получивший элементарной философской подготовки, мог выдвинуть идею “деидеологизации общества”, которую такие же “умники” (а, скорее, предатели) активно стали внедрять и внедряют до сих пор. **А что такое идеология? Это теоретическая разработка цели, стратегии и тактики развития общества.** Как без этого двигаться вперёд? Как “ёжик в тумане”? Так у ёжика срабатывает инстинкт. А где человеческий разум? Где выводы из прошлого опыта? А где же сами идеологи нового времени? Неужели всех перевели? Или они сами вымерли за ненужностью, поскольку

уже более четверти века живём по чужим советам и образцам, слепо копируя их? Наверное, опять не прав В. И. Ленин, утверждавший, что “идеологи – умные руководители”?. (ПСС, т. 5, с. 363).

Вполне возможно, что у руководства страны и есть своя, тайная идеология. Но если она неизвестна народу и не разделяется им, то как же строить будущее без народа? А вот у правящей партии уж точно нет никакой идеологии, зато есть крепкая чиновничья дисциплина. Сегодня это партия В. В., завтра – Д. А., но что она будет делать, если вдруг на очередных выборах победит В. Ж.? Опять, вторя одному известному “демократу”, панически кричать: “Россия! Ты сошла с ума!”? Но об этом можно не беспокоиться, ибо испокон веку и до сих пор в России всё идёт сверху.

Практическая деятельность органов власти зачастую не укладывается в сознании нормального человека и вызывает недоумённые вопросы:

– почему в стране работает только один закон – постоянного роста крупного капитала?

– в чьих интересах ведётся либерализация криминала?

– почему ничего не предпринимается для сокращения разницы в доходах самых богатых и самых бедных слоёв общества – одного из основных показателей цивилизованности последнего?

– до каких пор страна будет наполнять свой бюджет за счёт двух труб и, подобно ранним меркантилистам XVI века, законодательных манипуляций с тарифами и акцизами, которые, в конечном итоге, тяжёлым бременем ложатся на малообеспеченные слои населения? И это вместо того, чтобы развивать производственную сферу, единственно создающую общественное богатство и решающую проблему занятости населения, но обделённую вниманием по сравнению со сферой обслуживания, ориентированной, прежде всего, на высокообеспеченные слои с их сверхпотребностями, граничащими с морально-нравственным разложением;

– может ли быть сильным государство, утратившее своё влияние в основных жизнеобеспечивающих сферах общественного развития? **Не является ли навязчивый призыв: “Государство должно уйти из экономики!” – очередной провокацией в пользу тех, кто спит и видит Россию устранённой из мировой политики?**

Стоило только в период предвыборной кампании и начале нового президентского срока В. В. Путину, пока ещё больше на словах, чем на деле, коснуться решения этих вопросов, проявить твёрдость во внешней политике, как некоторые ретивые политики типа Ромни стали называть Россию “врагом № 1” и обещать её Президенту жёсткий приём в США. Это лучшее свидетельство того, что даже на Западе понимают: перестав оглядываться на то, что скажет забугорная княгиня *Марья Алексеевна*, и **эффективно начав разрешение внутренних проблем, Россия основательно становится на самостоятельный путь развития.** Безусловно, стажёр в президентском кресле, на собственных ошибках учившийся управлять государством, “их” устроивал больше, чем уже набравший опыта и основательнее подготовленный Путин. На сей раз Россия оказалась непослушной. Уже одно то, что новый-старый президент не стремится, чтобы его одобрительно похлопывали по плечу иностранные *vip*-персоны (мы очень хорошо помним на примерах его предшественников, чем это оборачивалось для России), даёт надежду на то, что ему удастся что-то реальное сделать для воссоздания единства страны, в которой сегодня торжествует несправедливость, тождественная геноциду собственного народа.

Окончательно обнаглел крупный бизнес. Получая огромные сверхдоходы, он непомерно большие средства оставляет на личное потребление членов высшего руководства компаний, но постоянно требует повышения тарифов и цен, продолжая грабить население. В моду вошли высокие бонусы, достигающие фонда годовой заработной платы 100-тысячного города. А за что? Было бы понятно, например, если бы руководство “Газпрома”, рекламируемого словно в насмешку “народным достоянием”, вместе с наиболее отличившимися работниками отрасли получило бонусы в разумном размере за завершение полной газификации России или переход от тарифов к ренте. **За что получает бонусы руководство “Сбербанка”?** За снижение ниже уровня инфляции процентов по вкладам, даже пенсионным?.. За закрытие своих отделений на периферии? За рост оплаты услуг, даже до парадокса, когда сумма оплаты выше суммы платежа? А может быть, за общий рост платежей? Так здесь за-

слуга ГИБДД, сотнями миллионов штрафных квитанций обеспечивающей сверхдоходы “Сбербанка”.

К великому сожалению, **инициатором этого всероссийского “движения” за обогащение выступила сама власть**, выдвинув новый принцип оплаты чиновников: не по количеству и качеству вложенного труда, а “чтоб не воровали”, – тем самым открыв для них безграничные возможности. Результат этого нововведения был только один: госслужба достигла небывалой престижности, но **ни одна из ветвей власти не стала работать эффективней и с меньшими издержками**. Разве что полиция в соответствии с новым названием стала лучше защищать власть от народа, освоив в этом направлении передовой зарубежный опыт.

Однако на достигнутом не принято останавливаться, и вот уже один из недавно выдвинутых (в результате многоходовой “рокировки” между аппаратом Президента и Правительством) на ещё более высокую должность чиновник, ранее более всего известный в народе тем, что женат на мультимиллионерше, внёс новое предложение: **повысить высшим чиновникам зарплату до 15-ти миллионов в год (!)**, “чтобы они не уходили в бизнес”. И это притом, что автор не может не знать о чрезвычайной напряжённости бюджета и стоящих перед страной проблемах!

Если следовать принципам справедливости, даже весьма относительной, ориентируясь на наиболее благополучные страны, сделавшие из советского опыта больше выводов, чем мы, то такое предложение может рассматриваться одновременно с не менее чем трёхкратным увеличением минимального размера оплаты труда и соответствующим пересмотром заработной платы бюджетников, пенсий, стипендий и всех других пособий, что необходимо делать в первую очередь. **В нормальных странах в период кризисов сокращают зарплаты высокооплачиваемым категориям и запрещают выплату бонусов**, а у нас кризис системный и выбираться из него придётся долгие годы, ибо предстоит преодолеть недомыслие прежних времён.

Представляется, что было бы весьма полезным размер любого денежного вознаграждения в таблице о рангах обозначать не в безликих рублях, а в МРОТах. Тогда все заинтересованы будут в его постоянном росте, и, может быть, даже у самых заядлых либералов проснётся совесть (хотя, по утверждению Ежи Леца, “либералы – люди с чистой совестью, не бывшей в употреблении”). Тогда и у власти появится инструмент мягкого, но объективного регулирования рынка: личные доходы руководителя превышают, допустим, 10 МРОТов – не имеешь права повышать тарифы или цены. Да и вообще, основными источниками получения прибыли должны стать рост производительности труда и снижение издержек производства, прежде всего, за счёт повышения уровня квалификации и ответственности руководящих кадров и значительного сокращения непомерно разросшегося класса чиновников. Только разумными и решительными мерами можно остановить дальнейший распад общества и начать, постепенно увеличивая темпы за счёт поддержки избранного курса народными массами, движение по пути совершенствования жизни всего народа. В природе всё стремится к совершенству, а в человеческом обществе никак не найдут компромисса между Добром и злом, которого не может быть по определению. Это и называется “горе от ума”, но ума несовершенного, не желающего прислушаться к голосу мудрых предков. Ещё Платоном сказано: “**В совершенном государстве должна быть осуществлена справедливость**”. Совсем не случайно в любой религии высшей инстанцией, которая устанавливает высшую справедливость, является Божий Суд. Но это там, на том свете. А здесь, на Земле? Неужели человек, разумное существо, не может совместно с другими, себе подобными, выработать свои, земные, законы, которые подчинили бы всю человеческую деятельность торжеству справедливости, дух которой ощущается в стремлении природы к совершенству? Так почему же совершенным не сделать мир людей, который бы в полном согласии с природой продлил её и своё существование хотя бы до естественной гибели планеты, а не погиб в результате варварского обращения с ней в досрочной глобальной катастрофе, призрак которой ощущается уже очень реально? Именно такой представляется объективная цель развития человечества.

Все люди хотят жить лучше, хотят, чтобы всё лучше и лучше жили их дети, внуки, правнуки и следующие поколения. И это справедливо. Но беда в том, что некоторые (их – абсолютное меньшинство) хотят жить не просто лучше, а обязательно лучше других и за счёт других. А это уже совсем несправедливо! В этом и заключается сущность всех противоречий в жизни человечества. Поэтому-то справедливость и есть тот осколок, тот ключ, который позволяет объективно воспринимать все другие ценности, определяющие качество жизни человеческого общества на каждом этапе его развития: свободу, равенство, право, демократию, гуманизм, нравственность и т. д.

Зачастую вместо понятия справедливости используют отнюдь не равнозначное ему – **“социальная справедливость”**. Но в обществе всё социально. Однако смысл подмены вполне очевиден: свести социальную политику только к заботе о нищих и убогих, не решая основных противоречий общественного развития. Я категорически против такого узкого понимания справедливости, так же как и против того, чтобы относить эту категорию лишь к правовому и социально-политическому сознанию.

На мой взгляд, справедливость – это отражённая человеческим разумом объективная потребность в достижении гармонии отношений между людьми, между человечеством и природой в целях самосохранения и постоянного улучшения качества жизни. Путь осуществления этих целей давно известен: максимально возможное на каждом этапе развития разрешение противоречий. На базе такого понимания в ходе социальной практики у человека формируется (или не формируется) чувство справедливости. От этого в огромной, решающей степени зависит уровень общей культуры и личности, и общества. **Можно прямо сказать, что развитое чувство справедливости – стержень высокой общей культуры, это и есть тот самый дух законов, о котором давным-давно писал Монтескьё. Это чувство более других связано с разумом и контролируется им, что, в конечном итоге, определяет культуру всех чувств и отличает человека от животного, ибо чувства, не контролируемые разумом, суть инстинкты.**

В наше время, к сожалению, уже не вызывают особого удивления факты, когда, казалось бы, наиболее образованные представители нынешней элиты не усвоили прописных истин или забыли их. В передаче Владимира Соловьёва “Поединок” сошлись Михаил Веллер и Генри Резник, хорошо известные отечественному зрителю. Вполне закономерно, что модный адвокат потерпел сокрушительное поражение, ибо подавляющее большинство смотревших передачу доказало, что народ наш ещё не лишился здравого смысла и по достоинству оценил “перлы” Г. Резника. “Высшим пилотажем” его красноречия было утверждение, что право опирается лишь на разум, а справедливость – только чувство и потому не имеет к праву никакого отношения. И он брезгливо отмахнулся, как от надоедливой мухи, выразительным жестом отбросив это понятие, тем самым отразив суть современной юстиции. В пылу полемики адвокат даже забыл, что в переводе с латыни юстиция и есть сама Справедливость, забыл, что весы богини Фемиды символизируют **справедливость правосудия**. В таком же спекулятивном ключе г-н Резник абсолютизировал права человека в их американской трактовке, где справедливости также не оказалось места, где свобода выглядит как вседозволенность, где у преступника оказывается больше прав, чем у честного человека. Когда разум не воспринимает справедливость, вылезает голый личный интерес, а он всегда субъективен. Это хорошо поняли зрители и не простили дуэлянту его позиции.

Сегодня развелось много юристов, историков, экономистов, социологов, журналистов, которые, по существу, являются лишь политехнологами, обслуживающими интересы не народа, не государства, а свои личные и тех, кто им за это хорошо платит. Да и откуда взяться другим, если двадцать пять лет юристов специализируют на том, как обходить законы, экономистов – на том, как навязывать государству чуждые модели развития и ослаблять его, историков – на клевете о прошлом страны, политологов и социологов натаскивают на махинации в выборных играх, а журналистов – на провокации и **полоскание нижнего белья “звёзд” шоу-элиты.**

Особый спрос на юристов при “свободном рынке” объясняется криминальным характером последнего. Крупный бизнес готов платить юристам большие деньги за умение обходить законы (что, кстати, при нынешнем уров-

не законодательной деятельности не так уж сложно), ибо это — самый простой и самый эффективный после печатанья способ делать деньги, обогащаясь за счёт других. Для того **чтобы обходить самый дух закона, вроде бы соблюдая его букву, надо не только иметь квалификацию, но и продать совесть, которая сегодня тоже стала товаром.** За такую практику, расценивая её как пособничество преступлению, юристов как служителей права следовало бы наказывать по повышенной ставке. Да и сами законы пора проверять не только на коррупционность, но и на нарушение принципа справедливости в целом. Ведь наглой насмешкой над справедливостью выглядят многочисленные случаи, когда крупные кражи государственных средств (многие миллионы, а то и миллиарды рублей), совершённые чиновниками разных рангов, квалифицируются как “превышение должностных полномочий”, что уводит преступников от заслуженного наказания уже не по административному Кодексу, а по другому, который по плохой традиции юристы именуют уголовным. А какой Кодекс, такая и политика. Помню, что в советское время в высших учебных заведениях читался курс “Уголовная политика КПСС и советского государства”, хотя практика, как правило, не соответствовала этому названию. А сейчас? **Отмена конфискации незаконно приобретённой собственности привела к дикому росту преступности в этой сфере, а принимаемые властью меры настолько неэффективны, что напрашивается прямой вывод: “Только ворованная собственность священна и неприкосновенна”!** Совсем не случайно в общественном мнении всё больше утверждается необходимость возвращения смертной казни не только за убийства, но и за преступления экономического характера.

К сожалению, пока ещё в мире силы зла сильнее сил Добра, и хищническое соперничество за блага на земле попирает объективные интересы народов и всего человечества. Да и наша Россия, свернув с естественного цивилизационного пути построения посткапиталистического общества, потеряв своё былое положение в мире, так и не определившись, в какую сторону идти, пробуя на себе забугорные модели развития, надолго застряла в труднопроходимом болоте либерализма. В России при традиционном низком уровне общей культуры большинства народа всегда были умные головы. Вот как выразил своё мнение о либерализме ещё в позапрошлом веке Фёдор Тютчев:

*Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им её идея.
Как перед ней ни гниешь, господа,
Вам не снискать признания Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.*

Во всём мире навязанная западными экономистами либеральная политика уже дискредитировала себя, но советники и советчики российской власти продолжают упорно навязывать её нашей стране. Эта политика игнорирует само понятие справедливости, а потому в уродливом виде проявляются все ценности жизни: свобода оборачивается вседозволенностью, место нравственности занимает моральное разложение, гуманизм сводится к защите прав преступников, дохода до абсурда, когда условия жизни заключённых становятся лучше, чем у законопослушных граждан, само право стало восприниматься как оружие несправедливости в руках богатых, сильных и наглых. Упал престиж честного труда, продолжает снижаться уровень общей культуры из-за развала систем образования, воспитания, подготовки кадров для всех отраслей народного хозяйства, в загоне общественная наука, до руководства которой тоже добрались либералы. Общество всё сильнее начинают раскачивать нарастающие противоречия политического, экономического, межнационального, религиозного характера; продолжается его криминализация.

Так во имя чего же затевались реформы?.. **Уже подавляющее большинство населения не участвует в создании материальных благ.** Население расколото — при небольшой прослойке между ними — на две неравные части:

многие не знают, где и как заработать деньги, пребывают в бедности, нищете или на грани, другие (их не так много, но именно они определяют сегодня характер общества) — не знают, на что бы ещё потратить огромные “дурные” деньги, изобретают всё новые и новые сверхпотребности, скупают недвижимость за рубежом и земли в России. Недавно поехал по грибы в заветное место у дороги от Вербилков на Талдом. На границе давно необрабатываемого поля и леса стоит местный пожилой мужик с велосипедом перед только что поставленными бетонными столбами, на одном из которых табличка: “Посторонним проход запрещён. Территория ОАО “Нива”. Реакция его однозначна: “Сволочи! Тридцать лет хожу сюда за грибами, а вот, видишь, стал посторонним!” Я с ним согласился. Вот оно, очередное проявление лица общества потребления! Откуда всё это взялось в России? Где корни этих явлений? Не помню, кто сказал, но, поскольку сказано умно и метко, фраза осталась в памяти: “Русский человек всегда видел разницу между справным мужиком и мироедом. Поэтому ему капитализм с его “халявной” психологией нравственно противопоказан”.

Так в каком же обществе мы живём?..

Похоже, власть упорно не хочет делать выводов даже из собственной истории. **Прошедшая в 90-е годы приватизация принесла неисчислимые потери и беды стране.** Однако её вдохновители и организаторы ныне в числе неприкасаемых и “при деле”. И вот премьер объявляет о новой приватизации. Он откровенно говорит, что она не вызвана необходимостью пополнения бюджета, вот, мол, надо дать больше свободы бизнесу. Трудно поверить в наивность премьера, будто бы не понимающего, что **свобода крупного капитала в России уже вышла за пределы разумного и обернулась вседозволенностью.** Просто его советники и советчики в очередной раз подставляют шефа, прикрывая лозунгом “свободы” глубоко спрятанные истинные причины такой постановки вопроса. Ясно, что премьер в данном случае защищает интересы не только крупного капитала, но и, прежде всего, криминального чиновничества, которое успело накопить критическую массу денег и, не зная, на что ещё их можно потратить, нуждается в новом рынке собственности.

Власти наплевать, что **с каждым шагом ухода государства из основных сфер жизни страны оно делает и шаг к своему ослаблению, к утрате доверия народа и авторитета на международной арене.** Главное для неё — удовлетворить интерес своего основного электората, то есть чиновничества со всею роднёй, на которую оно переписывает “излишки” собственности, нажитой путём “превышения должностных полномочий”.

Можно быть практически уверенным в том, что как только проект закона об очередной приватизации будет внесён в Думу, партия власти с восторгом его примет. Но упиваясь победами на региональных выборах, она не задумывается о том, что будет, если в очередной раз ограбленный народ, потерявший терпение и взывающий к справедливости, выйдет даже не на улицы — всего лишь на выборы. Именно народ, имеющий пока право голоса. Ведь среди неголосующих её сторонников нет. **Вместе с обманутыми и купленными “Единая Россия” реально набирает не более 15% голосов всех избирателей страны.** Так справедливо ли, что партия, выражающая интересы подавляющего меньшинства населения, представлена в Думе подавляющим большинством депутатов? Всё дело в том, что ещё более **ничтожная часть населения страны сегодня держит в руках все основные богатства России** и обналиченный труд многих поколений россиян.

У человечества, до сих пор раздираемого противоречиями, уже нет времени на долгие поиски компромисса между Добром и злом, которого не должно быть в принципе. Нет времени и для исторически неоправданной традиции делать в своём развитии один шаг вперёд — два шага назад. Остался единственный выход, осталась единственная возможность избежать победы зла: как можно скорее **научиться жить своим умом по закону Справедливости.**

Евгений Алексеевич Тимофеев,
заслуженный работник культуры России,
действительный член Академии политических наук
г. Москва

СОЮЗ ДУХОВНОГО БРАТСТВА

Уважаемая редакция!

Хочу сказать своё слово в поддержку Союза Писателей России, которому сейчас приходится нелегко.

Наша демократия стала похожа на анархию, систему вседозволенности. Создаётся такое впечатление, что происходит целенаправленное разложение, растление нашего общества, в первую очередь молодого поколения, со стороны неких Тёмных Сил. Нынешняя атмосфера беспредела, обрушившегося на подавляющее большинство людей Великой России, ведёт к её деградации, лишает достойного будущего.

Беспредел свирепствует по многим направлениям. Это взвинчивание цен на хлеб и продукты первой необходимости, рост цен на лекарства и жилищно-коммунальные услуги, это порнография и кровавые “боевики” на экранах телевизоров, и т. д. А теперь Кощеи Тьмы, которые появились даже в писательской среде и редакциях некоторых литературных газет и журналов, нацелились лишить народ Духовности. Они хотят уничтожить Союз писателей России, обезглавить его и обобрать, превратить писателей в литературных бомжей, в одиноких странников без семьи и дома.

Этому не бывать!

Нам нужен наш Союз – Союз Духовного Братства!

Наш Союз писателей, не на словах, а на деле проявляет заботу о литераторах. Вспоминаю, как в 2006 году Сургут посетил секретарь Союза писателей России Геннадий Викторович Иванов, он не забыл обо мне и привёз для меня удостоверение члена СПР, всенародно вручив его мне во Дворце культуры Газпрома.

Союз писателей России был, есть и будет всегда Духовным центром Великой России!

Олег Рихтер, г. Сургут

ТАКАЯ ВОТ АМЕРИКА...

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишем Вам из Соединённых Штатов Америки и, прежде всего, поздравляем Вас и весь Ваш талантливый коллектив с Новым годом и с Рождеством Христовым. Желаем Вам крепкого здоровья и исполнения всех Ваших желаний.

В Америке атмосфера в экономическом и моральном плане находится в самом низу. Мы полностью согласны с решением В. В. Путина приостановить отправку русских детей в Америку бездетным женщинам и мужчинам. Знаем много случаев издевательств над ними в семьях, в школах; в еврейских семьях подвергают их обрезанию и водят в синагоги, приучают их к мысли, что они евреи, и внушают ненависть к стране, где они родились. В американских школах нет никакой дисциплины, все общаются, употребляя мат, даже учителя. Наш сын Алёша был избит чёрными мальчишками на перемене, они били его ногами, и даже один ударил ногой в лицо... Перевели его в другую школу, а там помощник учителя стал приставать к нему...

Всё не опишешь в двух словах. Мы учили его два года дома – 4-й и 5-й класс, а потом покинули с ним Нью-Йорк, переехали в Квинсири. Здесь вроде бы школа получше, пока никто его не обижает, да и ему уже 14 лет, так что теперь он может за себя постоять. Но люди в Квинсири неприветливые, разговоры только о деньгах или о еде... Мы стараемся держаться в стороне, но это вызывает у них антагонизм к нам как к русским. Алёша сейчас в девятом, осталось ему учиться три с половиной года, обучение 12 лет. В Америке совершенно не знают русской истории.

Извините за минорное настроение.

С добрыми пожеланиями

Нина и Алексей Бахтины
г. Квинсири, США

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ – В САМООБНОВЛЕНИИ

Уважаемая редакция журнала “Наш современник”!

Россия ожидает перемен. Без действий, соответствующих перенастройке экономического вектора развития, страна будет погружаться в застой наихудшего качества. Поэтому нужны идеи для выбора нового курса движения. Пришло время освобождения от неэффективных факторов, мешающих здоровой жизни.

Говорят, что нет национальной идеи, но **в сознании многих граждан есть понимание необходимости создания общества равных возможностей для всех, кто имел счастье родиться в России.** Поэтому инициатива, талант, трудолюбие, а также уважение нравственных принципов должны быть приоритетными качествами для достижения результата. И государство, если оно человеческие ценности ставит очень высоко, должно способствовать осуществлению необходимых условий для достижения этой цели. Реализация способностей большинства граждан, которые стремятся изменить свою судьбу внедрением своих лучших качеств в жизнь, способна создать мощное движение, воспитывая и меняя приоритеты, формируя интеллектуальный потенциал будущей цивилизации. А она осуществится – и будет грандиозной. Давайте постараемся, приложим свои силы – каждый из нас! – для достижения этого.

Государство, как всякий живой организм, нуждается в переменах, чтобы придать свежий импульс для поступательного движения. Поэтому очевидно, что модернизация страны необходима. В слове “модернизация” заложено понимание изменения, улучшения жизни общества. Очевидно, что один научный центр Сколково не может решить множество проблем, которые образовались в России.

Известно, что **экономика, движущей силой которой являются природные ресурсы, обречена быть зависимой.** Мегалополисы как площадки для организации производства недостаточно эффективны. Экономическая модель развития либерально-демократического капитализма подвержена кризисным явлениям. Поэтому необходим поиск своего пути, который будет отличаться от опыта XX столетия и удалён от либерального капитализма.

Современная городская цивилизация, в зависимости от многих причин, в основном экономического характера, находится в проблемном состоянии. Большая скученность населения на небольшой площади в условиях совершенствования производства при быстро увеличивающемся знании нерациональна, а трудовая деятельность часто бывает малоэффективна. Это особенно актуально для России с её масштабностью и сравнительно небольшим населением.

Необходимы преобразования. Главные задачи, которые необходимо решить, можно сформулировать в таком порядке:

- а) производство под контролем гигантских экономических объединений;
- б) власть;
- в) закон и нравственность.

Корпорации территориально и экономически должны быть мощными объединениями, в РФ их может быть 500–600. Для повышения эффективности управления и развития страны корпорации целесообразно соединить в пять отдельных союзов.

1. Южный и 2. Северный в европейской части страны.
3. Урал.
- 4–5. Западная, Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Корпоративные объединения как своеобразные ячейки на территории страны способны придать экономике мощный импульс движения. В границах своего территориального управления они могут наиболее эффективно осуществлять многоотраслевое конкурентоспособное производство.

Управление функционированием экономики является стержнем в жизни государства, определяющим её динамику и качество развития. Поэтому гражданское общество должно быть заинтересовано в выборе на ключевые должности управленцев самой высокой квалификации. В этой связи власть необходимо формировать демократически, часть своих полномочий она обязана делегировать от низших своих инстанций в более высокие. Главу корпоративного объединения надо выбирать голосованием соучредителей, президент союзов корпораций также должен избираться.

Необходимо исключить анархию экономики, кризисные явления. Это предполагает высокую разумность системы, а поэтому здесь – сфера деятельности науки. Её обязанностью должно являться изучение возможностей развития производства, совершенствование и внедрение новых технологий, а также планирование этой деятельности. **Наука как советующий механизм обязана быть самым активным участником жизни страны, являясь творцом динамики всех её изменений.**

Необходимо подчеркнуть, что успешное развитие страны будет возможным лишь при творческом решении проблем, самых значительных и очень малых, требующих участия как больших коллективов, так и применения усилий каждого из активных, предприимчивых граждан.

Подводя итог, можно отметить, что при адекватном законодательстве предлагаемая система жизнедеятельности государства обретёт возможность привлекать творческую инициативу каждого члена общества, постоянно обновляясь, сбрасывая с себя коросту рутины при движении вперёд.

Юрий Петрович Петров
г. Волгоград

“Я ДОЛГО ВЕРИЛА ПУТИНУ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич, добрый день! Здравствуйте долгие годы!

Пишет Вам Семенченко Людмила Анатольевна из сельской глубинки, бывший экономист когда-то огромного богатейшего совхоза “Волго-Дон” Калачёвского района Волгоградской области. Случайно в нашей библиотеке посёлка Береславка я увидела журналы “Наш современник” № 1 и № 5 за 2011 год. Взяла их почитать и была несказанно рада, что в нашей несчастной России остались ещё честные, порядочные писатели, настоящие патриоты своей Родины.

Ваш журнал, каждая его страница выражает наши мысли (мои и моего мужа – бывшего директора совхоза). Мы не можем без слёз проходить мимо бывших животноводческих ферм, на которых содержались в советские годы 2000 племенных чёрно-пёстрых коров с 5-тыс<ячными> надоями, мимо брошенных, заросших бурьяном полей... Сельское хозяйство России погибло, всё уничтожено. Осталось ещё уничтожить личные подсобные хозяйства – и ведь уничтожат! Корма очень дорогие, невыгодно держать скот. Раньше паслись огромные стада личных коров, овец, коз. Сейчас – жалкие кучки. Фермерам – помощи никакой, бьются сами. Несколько фермеров в Волгоградской области покончили жизнь самоубийством... Я, в отличие от мужа, долго верила Путину – 8 лет! Наконец, поняла, что этот человек – большой хитрец. Перед выборами в 2012 году он кричал о том, как любит Россию, кричал о справедливости... И что же? – Цены на продукты, газ, электричество, бензин растут с бешеной скоростью, фактически – инфляция 20%, а нам нагло врут, что 6%. Дорожают железнодорожные билеты – государство перестаёт дотировать пассажирские перевозки. Значит, должны мы сидеть в своих норах и не рыпаться?

Дорогой Станислав Юрьевич! Хотела выписать Ваш журнал, побежала на почту и огорчилась – подписка на полугодие стоит 1300 руб.!.. Мы получаем пенсию по 9 тыс. руб. и мы – “богачи”! Моя знакомая женщина – умница, образованный человек, всю жизнь проработала в сельсовете, – а пенсия у неё 4900 руб. И таких людей очень много. Как жить на эти деньги?.. Пусть Путин ответит! Как можно после этого относиться к этой власти?..

В общем, никакими словами не выразить боль и обиду за нас, стариков, за молодёжь – пропащее поколение, за нашу Россию.

Желаем Вам, Станислав Юрьевич, и Вашему коллективу сил, здоровья, мужества. Продолжайте борьбу за правое дело, и Бог Вам в помощь!

С огромным уважением и любовью

Людмила Анатольевна Семенченко
пос. Береславка, Калачёвский р-н Волгоградской обл.

А БЫЛА ЛИ РОССИЯ “НЕМЫТОЙ”?

Уважаемая редакция!

Не так давно я прочитал статью В. Бушина о стихотворении М. Ю. Лермонтова “Прощай, немытая Россия”. В статье говорилось, что стихотворение это подложное, что лермонтовский оригинал отсутствует, что его вообще никто никогда не видел, что впервые стихотворение всплыло лишь через несколько десятилетий после смерти Лермонтова. Аргументация показала мне убедительной. Я посмотрел комментарии к собраниям сочинений Лермонтова, и оказалось, что там написано практически то же самое. Подумалось, как же нужно было не любить Россию и Лермонтова, чтобы этот, непонятно откуда взявшийся, стишок сделать хрестоматийным, ввести его в школьные программы и воспитывать на нём молодежь? Я перечитал эти стихи, уже располагая новой информацией, и они увиделись мне совершенно в ином свете.

Действительно, какой же это Лермонтов? Лермонтовым тут и не пахнет. Пойдём по строчкам. “Прощай, немытая Россия” – так не мог написать человек, до этого написавший “Люблю отчизну я...”, где он говорит о своей любви к *обыденной* России, России крестьянской, где он источает нежность к ней. После этого появление строчки, полной яда и презрения к родине, маловероятно.

“Страна рабов, страна господ...” Автор “Бородина”, боевой офицер, видевший единство народа, чувствовавший дух народа, не мог рассуждать, как разночинец, только вчера надевший чиновничью фуражку. В “Бородине” у Лермонтова приводится другая формула социальных отношений: “...Слуга царю, отец солдатам”, – говорится там о полковнике.

“И вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ” – здесь явный анахронизм: так стали думать позже, надышавшись либерализмом. Лермонтов же был достаточно образованным человеком, чтобы понимать, что и жандармы, и народ послушны закону. Просто у жандармов и у народа в государстве разные функции. Одни хлеб выращивают, другие следят, чтобы закон не нарушался.

Имеется ещё один вариант второй строки двустушия: “И ты, им преданный, народ”. Преданный не Вере, не Царю, не Отечеству, не присяге, а жандармам!.. Это уж совсем очевидная глупость, чтобы выйти из-под пера Лермонтова, который в дураках не значился.

“Быть может, за стеной Кавказа...” Как человек, предметно знакомый с географией региона, Лермонтов не мог путать Кавказ и Закавказье.

“...Укроюсь от твоих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей”. Ба! Да это же наши друзья-либералы. По ушам видно! Кто-то из Курочкиных, Минаевых и прочих авторов “Искры”, “Шпилек” и “Осколков”!.. Такого рода острословие не было свойственно Лермонтову. Лермонтов никогда не был балагуром. Вообще же строчки о мундирах голубых и о всевидящих и всеслышащих ушах напоминают зудящий пьяного люмпена о “мусорах проклятых”, а не позицию офицера-дворянина.

Шестая строчка известна ещё и в таком варианте: “Укроюсь от твоих царей”. Не будем говорить о никудышной рифме (царей – ушей). Остановимся на смысле. В России правил один царь. Это не Спарта, где цари правили по двое. Монархичность настолько прочно коренилась в сознании народа, что употребить вместо “Царь” уничижительное “царей” было невозможно. Ведь даже прогрессивный гуманист А. Полежаев, и тот собирался кишкой удавить царя, а не царей. Что же касается Лермонтова, то у него даже в таком гневном стихотворении, как “На смерть поэта” слово “трон” упомянуто весьма уважительно.

В связи со сказанным выше вспоминается один случай. В начале 1970-х годов в малом зале Московской консерватории исполняли симфонию композитора Николая Сидельникова на стихи Лермонтова. Симфония как симфония, музыка вполне добротная. Дирижёр – Геннадий Рождественский. Отличный дирижёр. Во вступительном слове он показал себя изысканным эрудитом, говорил о вещах умных и тонких, чем, несомненно, украсил концерт. В частности, он сказал, что исполняемая симфония – это, по сути дела, “Страсти по Лермонтову”, только, к сожалению, не пояснил, а чьи же это, собственно, страсти. Солоист Сергей Яковенко – вполне приличный баритон. Сiju, слушаю, наслаждаюсь. И все в зале слушают и наслаждаются. Ведут себя, как опытные посетители концертов. Не кашляют, не сморкаются. К сочинению относятся со спокойным одобрением. И вот пришёл черёд последней части симфонии. Это было “Прощай, немытая Россия”. От остальной музыки сим-

фонии — этот номер существенно отличался от других. Там была добротная классика, а тут... Говорят, что нельзя описать музыку словами, я же попробую, тем более, что в данном случае это особого труда не составит. Так вот. Лёгкая мелодия, в общем-то, приятная, запоминающаяся, слегка ироничная. Такая мелодия была бы очень хороша для финала кинокомедии. Под такую мелодию обычно в глубину кадра удаляются герои фильма. С патетическими фразами Г. Рождественского, сказанными перед исполнением, такая песенка ну никак не вязалась.

Номер закончился, и тут произошло нечто невообразимое — зал взорвался аплодисментами! Публика неистовствовала. Хлопали и кричали до тех пор, пока исполнители не попрощались с “немытой” Россией ещё раз. После этого опять были аплодисменты, и посетители концерта смотрели друг на друга, как герои, смотрели с удовлетворением, как свои на своих, смотрели, очень довольные собой, как будто сделали что-то очень важное. У меня же явилась мысль, что Лермонтов им совсем не нужен. Или, в крайнем случае, нужен как повод для того, чтобы объединиться в своём негативном отношении к России. Социальный тип потребителя, для которого некими стилизаторами изготовлялся стишок, обозначился здесь очень ярко.

И, наконец, последнее. Я сказал довольно много слов, чтобы убедить читателя. Для меня же самого всё доказывается гораздо проще. По-русски словом “язык” обозначаются два понятия: язык как средство общения и народ, пользующийся языком. Прочувствуйте благородную меру лермонтовской строчки: “Ай, ребята, пойте — только гусли стройте...” — и вы поймёте, что человек, так владеющий русским языком, не мог написать корявое: “Прощай, немытая Россия”...

Олег Гриценко
г. Москва

СМОТРИТ НАРОД НА ВЛАСТЬ И ЧТО ЖЕ ВИДИТ?..

Многоуважаемый Станислав Юрьевич!

Могу только порадоваться не безразличному для читателей журнала “Наш современник” факту — взятию Вами жизненной планки — 80! Так держать! Это о таких, как вы, поётся: “Старость меня дома не застанет — я в дороге, я в пути...” А о том, что штурвал журнала в крепких руках, говорит последняя Ваша публикация: “Из дневника третьего тысячелетия”. Ваши наблюдения за десятилетний период позволяют по-другому смотреть на окружающий нас мир. Особенно в вопросе о том, как Вам видится будущее России, восприятие проблем православной веры. Я думаю, подписчики будут с нетерпением ждать продолжения публикации дневниковых размышлений.

А теперь расскажу о жизни нашей Одессы. Во-первых, печальная новость: на 88-м году ушёл из жизни наш архимандрит отец Иона. Малограмотный, девятилетний ребёнок из простой крестьянской семьи, трудовую жизнь начал трактористом, шахтёром. Своим смирением достиг высокого монашеского звания, а главное — любви простых людей, что вылилось в массовый поток верующих, желающих проститься с любимым батюшкой. Он был человеком неудобным для местного священноначалия, так как его благословения часто не совпадали с официальной позицией. Например, он положительно воспринимал таких исторических личностей, как Иоанн Грозный, Григорий Распутин. Несмотря на это, при визите в Одессу патриарха Кирилла в 2010 году в течение 40 минут они беседовали один на один.

Второе событие: православные активисты решили поставить трёхметровый дубовый поклонный крест, тоже по благословию отца Ионы, и где же? — в двух метрах от памятника Дюку де Ришелье, у Потёмкинской лестницы! Такого ещё Одесса не видела. Поставили, а через несколько дней крест исчез — и по сей день ищут виновных в этой кошунственной акции. Интересно, что во время установки креста совершал променады по бульварам губернатор Одессы Матвейчук Эдуард Леонидович, и все верующие обратились к нему с просьбой: пусть крест простоит на этом месте хотя бы до Пасхи! Но не тут-то было: отмахнулся губернатор. На этом история не закончилась. В еврейский праздник Ханука местная иудейская община установила на месте снесённого

креста свой символ – огромный семисвечник, который и простоял там весь праздник. Вот и думайте: кто в Одессе правит бал...

Третье событие: в присутствии посла России в Украине, мэра города, представителей невесты откуда взявшегося дворянства и казаков в лампасах была торжественно перерезана ленточка открытия выставки, присланной из Москвы по случаю “400-летия Дома Романовых”. Много было сказано торжественных слов, а один из залов экспозиции был целиком посвящён ныне здравствующей великой княгине Марии, потомку царствовавшего в России дома. Конечно, не обошлось без фотографий “будущего”, как нам было объявлено, “спасителя России” – претендента на престол великого князя Георгия.

Посмотрит на это простой народ, да и почешет, как говорят украинцы, свою “потылицу”...

Ещё раз с днём рождения Вас, дорогой Станислав Юрьевич! Как говорит-ся: “Лет до ста расти Вам без старости!”

С уважением

Анатолий Дмитриевич Стреляев
г. Одесса, Украина

“СО СВЕТОЙ ПАМЯТЬЮ О НАШЕМ УЧИТЕЛЕ...”

Дорогой Сергей Станиславович! Здравствуй и спасибо за подарок!

Почти бежал с почты домой, прижимая к сердцу увесистую бандероль, неожиданно пришедшую из журнала “Наш современник”. А когда вскрыл – замер с бьющимся до боли сердцем, увидев на обложке присланной книги такое близкое и родное имя – Анатолий Ланщикова. Раскрыл – и ещё сильнее застучало сердце от твоей “сопроводилочки”, короткой и ёмкой: “Валерию Фокину со светлой памятью о нашем учителе и о всей старой русской гвардии”. Воистину – светлая память!

Учить меня пытались многие, да мало кого могу я назвать своим учителем. Первый и главный мой Учитель с самой большой буквы – это, конечно же, незабвенный Юрий Поликарпович Кузнецов, в поэтическом семинаре которого на ВЛК выпало мне счастье учиться целых два (1989–1991) года. И рядом “в памяти сердца” я, не поколебавшись и не усомнившись, ставлю Анатолия Петровича Ланщикова. Хотя *вживую* общался с ним лишь несколько дней в далёком 1981-м, да позже разговаривал пару раз по телефону.

И вот тут, дорогой Сергей, я тебе с большим удовольствием кое-что напомним. Тот самый 1981-й год – ещё советский и даже брежневский. Дом творчества писателей в Дубултах – ныне зарубежные края, V Всероссийский семинар молодых критиков. Какие там застойные времена! Всё кипело, бурлило, звенело в наших спорах не только в ходе самого семинара, но и в его “кулуарах”, в нашем личном общении. Я тогда работал в Кировской “молодёжке”, и меня отпустили в эту творческую командировку (всё оплачивал СП СССР) с условием, что по возвращении сделаю материал в родную газету. Поэтому я вёл записи не только на семинарских занятиях. Перерыл всё в чулане и на антресолях и нашёл тот потрёпанный блокнот. Вот что там о тебе: “Наверное, самый молодой из всех участников семинара – Сергей Куняев, но он уже умеет твёрдо отстаивать свою точку зрения, не всегда совпадающую с общепринятой. Своеобразный и очень перспективный критик. Его гитара вносила в наши затянувшиеся творческие и житейские споры лирическую ноту”.

Когда обсуждали мои газетные рецензии, критика была весьма жёсткой (и сейчас я осознаю – во многом справедливой): “отсутствие школы”, “нехватка концептуальной терминологии”, “узость местного колорита”, “немагистральность темы” (это к тому, что надо не про вятские гармошки писать, а про БАМовскую магистраль). Один из “эстетов” даже заявил (цитирую дословно): “Если он сейчас пишет о “вятских классиках” Лиханове и Крупине так восторженно и взахлёб, чего же ждать, когда они умрут”. Слава Богу, и Альберт Анатольевич, и Владимир Николаевич живы и работают в русской литературе. Ты был в числе тех, кто поддержал залётного провинциального рецензента (литературным критиком я и сейчас себя постесняюсь назвать) и говорил на обсуждении (вместе с Эмилем Смирновым из Вологды) о живом языке, незаштампованности, эмоциональном восприятии произведений. Поддержал меня и

один из руководителей семинара — Н. П. Машовец (как выяснилось — тоже вятский по рождению), очень верно подчеркнул: “Жанр рецензии в местной газете диктует свои рамки”. Итог подвёл “самый главный начальник” (мы все его побаивались) — В. В. Дементьев: “Фокин пишет наощупь, у него чисто читательское отношение к обсуждаемому, он — стихийный критик”, — сделал ошеломившее меня заключение: “Вам надо бросать стихи и всё, что отвлекает, и профессионально заниматься критикой”.

Всё это о себе пишу лишь для того, чтобы показать, какую судьбоносную роль сыграла в то время моего полного творческого смятения встреча с Анатолием Петровичем. Вот эта дата — 25 ноября — обведена в блокноте и отмечена тремя восклицательными знаками, а написано лишь “личная встреча и беседа с А. П. Ланщиковым с 21:00 до 22:30”. Тогда вышла моя первая стихотворная книжечка “Гон” в Волго-Вятском издательстве, её при мне прислали в Дубутлы почтой, и я на радостях набрался наглости попросить одного из ведущих критиков страны “посмотреть и высказать своё мнение”. И он посмотрел, а вернее, прочёл всё очень внимательно (я понял по подробнейшему разбору едва ли не каждого стихотворения). И говорил со мной так просто и душевно, как с ровней, как со старым хорошим знакомым, как с единомышленником. Не только о самих стихах (хотя его оценки и анализ были точны, развёрнуты, а главное — доброжелательны), но и о жизни, о деревне (по его просьбе я рассказывал о своём деревенском детстве, о родовых корнях), о духовных и литературных ориентирах. Я ничего не записывал — это было бы как-то даже неестественно. Вернувшись в свой номер, обругал себя: что ж я сам болтал, вместо того чтоб помалкивать, выпитывая каждое слово Мастера. Но главное я, конечно же, услышал и запомнил на всю жизнь: “Вы по складу характера человек эмоциональный: поэзия вам ближе, чем критика и, тем более, литературоведение. Вам не столь важно расти “вширь”, сколько — в глубину, вглубь себя. У вас есть корни — они ощутимы уже в этой первой книжке. Пишите о родном, близком вам, о своём — и не слушайте упрёков в “узости кругозора”, в “мелкотемье”, в “несовременности”. Я верю в ваше поэтическое будущее”. И я поверил Анатолию Петровичу. А потому и считаю себя его литературным крестником.

А затем мы (скажем так, семинаристы русской патриотической ориентации) скинулись на вполне достойное по нашим-то оскудевшим финансам (жили в Доме творчества почти месяц) застолье, даже “Рижский бальзам”, кстати, так и оставшийся нетронутым, достали. И пригласили не кого-нибудь, а “самого Ланщикова”. Единственного из всех руководителей и приехавших на встречи с нами мэтров. Боялись, что не придёт. Но он пришёл. И сидел во главе стола с едва пригубленной стопкой водки и слушал нас. А мы слушали его. Мне он тогда почему-то казался мудрым римским патрицием среди вольных граждан. А что, если вспомнить о том, что “Москва — Третий Рим”... И о не допущенных к столу “рабах либеральной фразы”. Помнишь, Сергей? Душаю, что и у тебя, как у меня, это всё сейчас встаёт перед глазами...

В изданном в 1984 году “молодогвардейском” сборнике “Молодые о молодых” с участием наших “семинаристов” моя статья идёт после статьи Александра Разумихина. Он, как и ты, составитель присланной мне книги и автор предисловия, в котором нашёл о Ланщикове такие слова, которые не оспоришь: “Если есть такая профессия — “Родину защищать”, то, сняв офицерские погоны, он и в литературе оставался её защитником”.

Великое вы (составители и все, кто участвовал в этом) дело сделали! Книга “О чём безмолвствует народ” (по сути — избранное) для неспешного чтения — с закладками, с выписками, с долгими раздумьями о прочитанном. И о литературе русской, и о Родине. Как точно соответствует она названию серии “Русское сопротивление”. Открой на любой странице — и не в бровь, а в глаз бьют слова автора, в самые больные точки самого сегодняшнего времени. “Дефицит интеллектуальной честности — вот серьёзнейшая проблема...” Или: “Ох, сколько же у нас охотников вести народ вперёд!” Или: “Мы до сих пор распутали ещё не все узелки, ведь как их ни распутывай, а всё получается — больно”. И вторая часть названия одной из статей “...вопросы современности” — характеризует всю книгу.

Ты прав, Сергей, наша старая русская гвардия с нами. С народом. С Россией!

Твой

Валерий Фокин
г. Киров (Вятка)

ТИМУР ПУЛАТОВ

МЛАДОБУХАРЕЦ ПРОТИВ МЛАДОТРОЦКИСТОВ

3. “Прорыв сектора Газы”

В первый день после изгнания неугодных начальников мой кабинет сотрудники старательно обходили стороной, по всем вопросам обращаясь к Суворовцеву. Он был привычен, удобен и сведущ во всём, начиная с ремонта стульев и кончая количеством скрепок и карандашей, выдаваемых сотрудникам раз в декаду завхозом. Это не вызывало во мне никакой служебной ревности к нему – наоборот. Всё свободное время я изучал архивы. Начал из любопытства – кто, сколько раз и куда ездил за границу. Оказалось, больше всех – Евтушенко. Двух важных материалов архивариус так и не смогла найти на полках: протокол обсуждения альманаха “Метрополь” в Московской писательской организации и стенограмму исключения Александра Исаевича Солженицына из членов Союза писателей СССР. Кто-то, воспользовавшись революционными событиями 21–23 августа, выкрал увесистые тома. Пришлось объявить выговор архивариусу за халатность и поручить ей вместе с сотрудниками из ЦГАЛИ – Центрального государственного архива литературы – составить каталог документов.

Но буквально на следующий день, ещё не успев во дворе развеяться пепел от сожжённого чучела Евтушенко, настороженное отношение сотрудников ко мне стало меняться. Не понял поначалу, что на это повлияло. Ведь сотрудники канцелярии, отдела творческих кадров, бухгалтерии, так мечтавшие о прежнем спокойствии, о стабильности, с появлением здесь команды Евтушенко были напуганы разладом среди писателей и распадом в итоге “большого Союза”. Так что же повлияло на исчезновение недоверчивого отношения ко мне, “азиату”, который, по большому счёту, незаконно занял кабинет, из которого ещё не выветрился дух Федина, Фадеева, Маркова, избранных законно и почётно?..

По неосторожным репликам и замечаниям сотрудников я понял, что большинство из них неприязненно относится к новоявленным секретарям-апрелевцам, в особенности к Савельеву, вознесённому “из грязи в князи”. История моего участия в похоронах Г. М. Маркова стала менять отношение ко мне в лучшую сторону. Да и Анатолий Жуков, к которому большинство здесь, осо-

* Продолжение. Начало в №3–4 за 2013 г.

бенно дамская часть, относились с теплотой, потрудился на мой положительный имидж.

Лариса Александровна Ларионова, нередко заменявшая болеющую диалогом Антонину, первая обратила моё внимание на то, что “смотрящие” за мной появляются теперь не по одному, а по пять-шесть человек. Черниченко, Нуйкин, Приставкин в назначенное время собираются в кабинете Савельева и, закрывшись изнутри на ключ, что-то горячо обсуждают. Оскоцкий в моё отсутствие звонит куда-то по правительственной связи. Я, конечно, доволен, что после стычки с Оскоцким и злой шутки насчёт возведения стены вокруг Союза писателей России, чтобы “русопьятые” не смели больше совершать набеги на вотчину Евтушенко, вся эта братия перестала ходить ко мне, затаив злобу.

Финансовые и хозяйственные документы, которые ранее приносили мне на подпись, теперь, превышая свои должностные полномочия, визировал Артём Анфиногенов. Впрочем, какое это имеет значение, когда с первого дня их пришествия были нарушены все уставы и законы?

Не только я, но и они почувствовали облегчение с отъездом Евтушенко. Единственного оставшегося из старой команды – Константина Скворцова – заставили подать заявление об уходе из-за давней неприязни к нему Оскоцкого и Савельева. Евтушенко не давал Скворцова в обиду, держа его в “кадровом резерве”. Как признался мне как-то сам Скворцов, Евтушенко с самого начала захвата власти в Союзе дал ему понять, что, мол, если Пулатов не справится, тогда местоблюстителем назначат его, Костю.

Интуиция подсказывала мне, что теперь эта компания плетёт интригу против меня. Я сказал сидевшей в приёмной Ларисе Александровне:

– Без меня никого не пускайте к моим телефонам, – и направился во двор, где Бак ждал меня в машине. Накануне, высокомерно поведя бровями, он заявил, что Гавриил Харитонович Попов подписал распоряжение о передаче мне квартиры писателя Рыбакова, отбывшего на ПМЖ в Штаты, и даже позвенел связкой ключей.

– Надо посмотреть квартиру, – не скрывая волнения, сказал я. – Идите в машину, я следом.

– Может, когда получим ордер? – Баку явно не хотелось ехать.

– Александр Владимирович, вы меня слышали?!..

Когда он вышел, я набил в рюкзак несколько своих книг, а также книги с дарственными автографами Карпову, оставленные на полке ретировавшимся Владимиром Васильевичем.

Не доезжая Белорусского вокзала, пересекли улицу Горького в сторону Лесной (как сейчас помню: ул. Палиха, дом 7/9, корпус 2, кв. 40).

Бак деловито, видно, бывал здесь не раз, отключил сигнализацию. Две большие комнаты с высокими потолками, широкая прихожая – здесь голову Анатолия Наумовича посещал целый рой образов – начиная от “Кортика” и “Бронзовой птицы” до “Детей Арбата”. Сакральное место, куда надо входить, как в храм!.. Уходя, оставил в углу прихожей рюкзак с книгами как неприкосновенную частную собственность, в случае если кто-то вздумает поселиться здесь.

– Да что вы?! – пытался успокоить меня Бак на обратном пути. – Моссовет – хозяин города. Разве кто посмеет?!.. Осталась малость, но самое нужное и канительное – ходить из отдела в отдел визировать ордер. – И добавил ностальгически: – Во времена, когда хозяином был товарищ Промыслов – сколько я этих ордеров выбил для писателей... Но тогда волокиты было меньше. И всё из-за авторитета нашего руководителя – Георгия Мокеевича Маркова...

Младотроцкисты тем временем продолжали собираться за закрытыми дверями, всем своим поведением показывая, что, одолев Скворцова, вступают в конфронтацию со мной. Что им неймётся?.. До сих пор, сколько бы ни размышлял на эту тему, так и не оформилось осознание их целей и задач.

По всему было видно, что они затеяли идейную, мировоззренческую борьбу, а “художникам слова” надо сильно поддаться чьему-то науськиванию, чтобы поднять тяжёлые задницы от письменного стола...

В журнале “Русский переплёт” критик Попов высказал следующую мысль: “Русский вопрос... был нагнетён до своей крайности, расколол на партии писателей, стоящие за их именами журналы, обезобразив литературную, да и общественную жизнь...”

Ситуация ясна. Чтобы не казаться младотроцкистам марионеткой, которого они наняли для распределения скрепок и карандашей сотрудникам, я решил опередить их, переиграть и определиться с местом в более достойной, хотя и трудной борьбе – мировоззренческой. Тем более, есть начальный и ясный повод начать борьбу: восстановление законности и поправленных прав писателей. Те, кто пришёл с Бондаревым, принесли и такие плакаты: “Требуем восстановить законность”, “Требуем срочного созыва очередного IX съезда писателей СССР и решить споры не наветами и запретами, а демократическим голосованием!”

Младотроцкисты, поднаторевшие в интригах и клевете, в борьбе, как потом выяснилось, не жалеют и своих, ослабевших. В их руках – большая часть СМИ, власть благосклонна к любым их прихотям. На моей стороне – большинство сотрудников, но пока что недоверие и даже враждебность Союза писателей России. Первый шаг – объяснить с Бондаревым. Но поймёт ли, поверит ли моим благим намерениям этот своенравный, эмоциональный, хотя порой по-детски непосредственный человек?..

Я вспомнил о том, как мы подружились с Борисом Романовым во время поездки в Китай два года назад. Он, как и Юра Кузнецов в Риме, почти не выходил из гостиничного номера, и мне буквально приходилось тащить на себе тяжёлое тело – к автобусу, к поезду, к трапу самолёта.

Я предложил Борису Степановичу встретиться и переговорить – не на нейтральной территории, как он предлагал, в ЦДЛ, – а у меня в кабинете, на виду у всех. Этим я как бы подводил некую черту.

Итак, я поглядывал во двор, немного нервничая.

Младотроцкисты все уехали на заседание в Пен-центр, членами которого являлись. Хотелось встретиться с Борисом Степановичем без лишних свидетелей.

Наконец, он ввалился в кабинет, напевая под нос песню о ямщике и делая рукой какие-то замысловатые движения, что показывало высокий градус его хорошего настроения. Остановившись, он хозяйским взглядом осмотрел кабинет, где, по всей видимости, давно не был.

– Всё на месте, – сказал Романов, протискиваясь в узкую дверь комнаты отдыха, куда я его пригласил. Мы обнялись, вспомнили, как он в Пекине повздорил с председателем Украинского Союза писателей Мушкетиком: кому от кого следует отделяться – России от Киевской Руси или наоборот. Уже тогда споры на такие темы между националами, хотя и велись робко, но при каждом удобном случае с подсчётами, кто кого кормит хлебом, салом, снабжает хлопком и поит вином.

– Ну, ближе к делу, Борис Степанович, – начал я, боясь, что нас застукают на “тайной вечере”.

А он всё не унимался, довольный нашей встречей:

– Где ты ещё успел побывать, начальник, после Пекина?

– Вчера из Вены. Был на конгрессе Пен-клуба...

Романов, удивлённо вытянул губы, скривился, но промолчал.

– Какое такое у тебя дело? – спросил он.

– Мне надоело всё, что здесь происходит, – высказал я то, что обдумывал все два дня, прогуливаясь по улочкам Вены в свободное от конгресса время. – Пока я уполномочен выносить решения и распоряжаться финансами, я отменю протокол о незаконном роспуске оргкомитета съезда и буду готовить очередную IX съезд писателей СССР. Поможет мне в этом Союз писателей России?..

Романов, долго поглаживая бороду, смотрел на меня. И сказал:

– Все, кто тебя знает, говорили, что ты придёшь к такому решению. И Жуков убеждал Бондарева, и Стас Золотцев... Конечно, поддержим!

Романов на полуслове остановился, когда дверь без стука раскрылась, и в комнатку шагнул запыхавшийся Суровцев и как ни в чём не бывало сел между нами, устремив на Бориса немигающий взгляд сквозь стёкла своих очков.

Я еле сдержал себя от такой бестактности. Кто-кто, а Юрий Иванович, давно знавший меня по поездкам в Узбекистан, вёл себя не так бесцеремонно, как бригада смотрящих. Никогда не лез к столу, интересуясь бумагами, возможно, потому что знакомился с ними ещё до меня в канцелярии.

– Вспоминаем, как ездили в Китай, – объяснил я бесстрастно. – Давно не виделись...

Конечно, это всё устроила Антонина, сидевшая в приёмной, но удивительно, как быстро успел приехать по её звонку Суровцев из Переделкино – буквально за полчаса. А ведь когда разгоняли старый секретариат, он подоспел лишь к шапочному разбору, сославшись на сбой в движении электричек, что и спасло его от увольнения, хотя, возможно, Оскоцкий заранее замолвил словечко перед Евтушенко за своего приятеля.

– Да, весело было, – Романов угрюмо повернулся к Суровцеву: – А ты, Юрий Иванович, небось, только коньячком балуешься?..

Суровцев в ответ пожимал плечами. Борис же Степанович, понимающе глянув на меня, сказал:

– Здесь у вас, говорят, бесплатными обедами потчуют... Проводи-ка меня в столовую, Юрий Иванович, не откажи в любезности... .

В столовой, надо сказать, Романова приняли за большого начальника, и новорусский ресторатор вилса вокруг него мелким бесом:

– Армянский коньяк, финскую водку или чешское пиво?..

– И пиво тоже, – войдя в роль, важно ответствовал Степаныч и рассмеялся... .

* * *

Решение порвать с младотроцкистами созрело во мне на 59-м конгрессе Международного Пен-клуба в Вене, куда я был приглашён от Среднеазиатского Пена.

Но для начала хочу поделиться своим впечатлением о самом Пен-клубе, элитарной писательской организации, хотя, просматривая список приглашённых на конгресс, открытый для всех (не как в масонской ложе), я не обнаружил в нём ни одного писателя с мировым именем. Кроме Гюнтера Грасса, которого теперь, я думаю, уже исключили из членов клуба за стихотворение, опубликованное в немецком журнале в марте 2012 года, где он главной угрозой миру называет Израиль. С антисемитизмом в Пене очень строго!

В тот момент клуб насчитывал около десяти тысяч членов – ровно столько, сколько было членов распавшегося вскоре Союза писателей СССР. Либеральный по уставу и целям Пен – сложная структура, охватывающая все страны мира. Пусть в некоторых странах пишущих людей едва наберётся с десяток, пусть пишут они хоть на глиняной табличке, хоть на берёсте, хоть на клыкке мамонта – неважно. Главное, что их объединяет организация, часть всемирной духовной и интеллектуальной системы глобализации, стирающая все национальные особенности и различия. Культура в таком случае становится придатком глобальной политики и экономики и служит им.

В нашу русско-азиатскую делегацию входил Владимир Маканин, удививший меня тем, что все двадцать лет нашей дружбы носил, видимо, не снимая, свитер польского производства, обмененный у меня за кольцо краковской колбасы во время нашей учёбы на Высших сценарных курсах. Был и некий молодой человек – Александр Михайлов, сын критика А. Михайлова, основавшего Клуб независимых писателей. Сын критика пошёл по стопам своего отца и стал издавать модернистский журнал “Соло”. Он оказался докой в области моды и настойчиво предлагал мне купить в венском магазине двубортный пиджак.

Возглавлял делегацию Владимир Юрьевич Стабников, коммерческий директор Русского Пен-центра. Он оказался человеком всезнающим и рассказал про отель “Хилтон”, где нас поселили, что в этом отеле останавливался сам знаменитый африканский людоед, бывший император Бокассо, будучи экстрадирован в Европейский суд по правам человека. Ну, и всякие персоны помельче: актриса Элизабет Тейлор, боксёр Мухаммед Али, арабские нефтяные шейхи и т. д.

Но мой пиетет к Всемирному писательскому сообществу ослабел после того, как меня как “небелого” человека подселили в номер к некоему москвичу, выдававшему себя за таджика, приехавшего по квоте Среднеазиатского Пена. Лжетаджик этот был креатурой Стабникова и безропотно выполнял все его поручения. Единственное, что было удобно, – я его почти не видел, так как он уносился куда-то, когда я ещё спал, а заявлялся в номер, когда я уже видел сны. Зато в номере после его ухода весь день стоял густой запах виски, кубинских сигар и бифштекса с кровью из местного дорогого ресторана.

Стабников уклончиво объяснил подмену представителя Средней Азии на москвича обычной практикой обмена квотами между Пенами, но, видимо наслышавшись о моём взрывном характере, дружески взял меня под локоток и повёл в Конгресс-холл.

Здесь делегатов более чем ста региональных Пенов поздравил с открытием Конгресса председатель мирового клуба г-н Александр Блок, никак не похожий на нашего великого поэта, зато как-то подозрительно смахивающий на пронируливого квартирмейстера СП Бака – такой же вальяжно-надменный, и неудивительно, что оба они оказались выходцами из Одессы, можно сказать, с родовым знаком этого города.

В небольших уютных залах “Хилтона”, разделившись по тематическим вкусам, “бессмертные” обсуждали заранее сформулированные канцелярией Блока вопросы, сплошь политизированные: “Писатель и тоталитаризм”, “Роль писателя в перестройке в СССР” – должно быть, имелась в виду роль “Апреля”...

Я был заранее определён Стабниковым для обсуждения “насушной” темы: “Писатель в борьбе с фашизмом, расизмом и антисемитизмом”. Верно, он полагал, что коли я из команды Евтушенко, то вместе с его младотроцкистами я приобрёл неоценимый опыт в борьбе, как выражаются китайцы, с “тремя цветами зла”. Подумалось, что г-н Блок зря не провёл Конгресс в Москве, ведь там в те дни можно было найти богатый материал по борьбе с “русским фашизмом”.

Забегая вперёд, скажу: сразу после возвращения в Москву в Русском Пен-центре случился финансовый скандал с участием коммерческого директора Стабникова, после чего тот спешно эмигрировал в Лондон.

Русский язык не был в числе рабочих языков Конгресса, а на немецком я знал лишь несколько слов и потому чувствовал себя случайным среди “бессмертных”. Маканин пытался вставить в беседу с клубовцами несколько англицизмов, благодаря своей напористости легко знакомился, обменивался визитками, всё время имея перед глазами франко-русский и русско-немецкий туристический разговорник.

С нетерпением дождался заключительного дня, когда “бессмертных” снова собрали в конгресс-холле. Повестку дня рассказал мне Стабников, которого я заставил сидеть рядом и переводить, пригрозив: “Послушай, Стабников, я очень зловерный, могу и донести вашему президенту Битову о твоих здешних делишках”.

Руководители секций докладывали о проделанной работе, затем делегаты проголосовали за подготовленные канцелярией Блока резолюции и обращения Конгресса к мировым лидерам, после чего – бальные танцы под мелодию “Прекрасного голубого Дуная” и “Сказок Венского леса” и прощальный ужин от имени президента Пен-клуба. “Как в лучших светских домах Европы,” – подчеркнул Стабников.

Пока “антифашист” Запотанек отчитывался о работе секции, куда я был записан, Блок поспатривал то на карманные часы, но на боковую дверь, ведущую к столу президиума.

Нетерпение Блока передавалось и мне, хотя меня с первого дня Конгресса не покидало ощущение, что я вовлечён в такое же действие, как в Союзе писателей на следующий день после ухода со сцены ГКЧП, только в большем масштабе: все предрешено заранее, а ты один из статистов.

Но вот председательствующий Блок вскочил с места и бросился к боковой двери с распостёртыми объятиями. На площадку президиума упругим шагом, сразу узнаваемый по газетным фотографиям, вступил Лех Валенса. Да, это был он – гданьский судоремонтник, ставший президентом Польши!.. Наши доморощенные младотроцкисты, столько иронизировавшие над словами Ильича о “кухарке, управляющей государством”, теперь могли видеть живой пример такой кухарки!

Блок дружески обнял Валенсу и повёл его к столу, делая знак залу, – все поднялись, встречая почётного гостя одобрительными аплодисментами. Прервав на полуслове Запотанека, Блок объявил, что предоставляет трибуну почётному гостю, ибо тот намерен, после напутствия писателям, срочно возвращаться в Варшаву к государственными делам.

Плотно сбитый Валенса, поправляя усы на бесстрастном лице, навалился на трибуну. Надев лихорадочно наушники, Стабников словно удалился от

меня, весь внимая важной персоне революционера. В то время все соседние с Польшей страны, по принципу домино, словно по указке невидимого режиссёра, сменяли правящие режимы так же, как и в Москве, — при помощи кричащих толп. Мне казалось, что Валенса — один из кумиров толпы — будет сейчас делиться опытом управления массами.

Валенса часто упоминал Адама Мицкевича, ориентируясь на интеллектуальную аудиторию, и, в отличие от Льва Давидовича Троцкого, не призывал к террору против старой власти. Говорил лидер “Солидарности”, насколько я понял по общеславянским корням его речи, о народовластии.

Из бесцветной и краткой речи Валенсы я сделал вывод, что он выполнял чисто ритуальное действие, или, как у нас говорят, “отметился на мероприятии”. Действительно, стоило ли откладывать государственные дела, лететь из Варшавы в Вену для не очень точного цитирования Мицкевича и набивших оскомину сентенций о народовластии?.. Моя уверенность, что Пен-клуб на деле — часть более глобальной организации, меняющей политические режимы, сбрасывающей неугодных правителей, выдвигающих новые лица на авансцену политической борьбы, типа Валенсы, Сахарова и других, ещё более утвердилась, хотя я и не сторонник теории заговоров. Какой заговор, когда всё делается открыто: возбуждёнными толпами, благодаря деньгам и предателям.

Валенса как неожиданно появился в зале, так же неожиданно закончил свою речь и, отойдя от трибуны, направляясь к выходу, поднял над головой мускулистую руку с разведёнными пальцами в форме латинской буквы “V”, что означало — “виктория, победа”.

Напряжение, вызванное речью легендарного Леха, спало, и в зале началась перебранка между представителями различных национальных делегаций. Запомнилась короткая перепалка между сербским пеновцем и делегатом из Албании. Эта ситуация обострилась после того, как Мехмет Нур на ломаном английском языке зачитал резолюции с осуждением режима Слободана Милошевича, якобы осуществляющего геноцид косовских албанцев. Серб с места выкрикивал, что это ложь, и требовал послать делегацию для установления истины. Его не слушали, и резолюция пошла по рядам для подписи руководителями делегаций. Поднявшееся во мне стихийное чувство протеста заставило меня отказаться подписать этот сомнительный документ.

— В чём дело? — шепнул Стабников.

— Я не подписываю тексты на английском. Как-то подписал с одним маклером договор на греческом в Ташкенте, так чуть не лишился квартиры...

Стабников удивлённо посмотрел на меня, и в зрачках его глаз я впервые увидел чёрные точки...

А смысл и назначение документа, под которым я не поставил подписи, стал мне понятен только через пару лет, когда наша либеральная пресса, как по оплаченному заранее заданию, обвинила власти Югославии в геноциде национальных меньшинств, что явилось своеобразной артподготовкой к натовским бомбёжкам этой страны.

В “Хилтоне” начались танцы. Меня от этого праздника жизни удержало моё неумение танцевать европейские вальсы и танго. Я вышел из гостиницы и пошёл по направлению к старинному замку. Вышел к речке, почти пересохшей, должно быть, притоку прекрасного голубого Дуная, и столкнулся тут лицом к лицу с Василием Аксёновым. Оба мы удивились, но дружески обнялись.

С Аксёновым я познакомился в салоне-квартире Беллы Ахмадулиной, куда привёл меня Андрей Битов. На обсуждение ещё рукописного альманаха “Метрополь”. Белла Ахмадулина представила меня собравшимся как “тихого оппозиционера”, знакомого ей ещё по Ташкенту.

И вот теперь я встретил Аксёнова на конгрессе.

— Я знаю краткий путь к замку. — Василий Павлович ловко перепрыгивал с одной кочки на другую и так перешёл речку, увлекая и меня с собой.

— Семнадцатый век, — желая удивить меня, сказал Аксёнов, указывая на старинный замок. Знал бы он, что всё моё детство прошло в играх на площади перед бухарским минаретом XI века, на который с удивлением взирал сам Чингисхан, задрав голову и придерживая лисью шапку, сползающую с затылка.

С тех пор я не встречался с Аксёновым. Знал, что он уехал читать лекции в США, а затем прочно обосновался во французском Биаррице. Дал Аксёнов о себе знать в кровавом октябре 1993 года, заявив по поводу защитников Парламента: “Этих сволочей надо было стрелять. И если бы я был в Москве, то

тоже подписал бы это письмо в “Известиях” (В. Шохина. “Перешагнув через себя. Уроки Октября 93-го и творческая интеллигенция.” – “Независимая газета” от 3.10.2003).

Когда, не помню уже, по какому поводу, я рассказал Юрию Васильевичу Бондареву о Венском конгрессе писательского клуба, то узнал от него дополняющий штрих на сей счёт. По желанию идеолога страны А. Яковлева в апреле 1989 года в Союзе писателей решили срочно “слепить” свой, советский Пен-центр во главе с Даниилом Граниным. В списке учредителей: Ю. Бондарев, В. Распутин, В. Белов, П. Проскурин. Секретариат Союза добавил в перечень учредителей и имена многих “апрелевцев”. И тогда Бондарев, а с ним Распутин, Белов и Проскурин заявили о своём выходе, ибо, по словам Юрия Васильевича, среди них оказались те, “. . . с кем он был в нравственном несогласии по отношению к литературе, искусству, истории и общечеловеческим ценностям. . .” (“Новый путеводитель”. С. 32).

Об этом мы говорили в тот день, когда впервые за много месяцев я приехал в Союз писателей России по приглашению его председателя. В кабинете Бондарева собрались В. Романов, С. Лыкошин, Г. Гусев, Ю. Лопусов, чтобы поговорить о дополнениях в состав разогнанного 23 августа оргкомитета IX съезда Союза писателей СССР. Без лишних споров и суеты вместо сбежавших с боевого поста Колова, Грибова и компании, А. Ваксберга, эмигрировавшего во Францию, вписали новых членов. И решили просить Сергея Владимировича Михалкова снова его возглавить. Но тот категорически отказался, пообещав поработать вместе с нами над подготовкой съезда, назначенного на начало июня 1992 года.

Первое собрание оргкомитета решили проводить в “Доме Ростовых”, открыто заявив о своих правах на здание. Но после ритуального сожжения во дворе дома чучела Евтушенко Анфиногенов распорядился строго охранять здание, как стратегический объект, наняв для этого свирепых ЧОПовцев. Главбух Ковалёва отказалась оплачивать охранников из пустой кассы. Но ЧОПовцы стойко стояли у входа, проверяя каждого по списку или членскому билету. Сотрудники поговаривали, что они на содержании у олигарха Гусинского или Авена, имевших виды на особняк в центре Москвы для размещения банка или гольф-клуба, так как, по их представлениям, Союзу писателей оставалось существовать недолго.

Ближе к полудню, услышав во дворе возбуждённые голоса, я увидел в окно Бондарева с товарищами, приехавшими на заседание.

Я вышел им навстречу, распорядившись открыть широкий вход. ЧОПовцы, наслышанные о моём строгом нраве, вытянулись по стойке смирно слева и справа. И пока человек десять-двенадцать поднимались на второй этаж, отпуская шутки в адрес гипсовой Афродиты в нише, я успел краем глаза заметить, как Анфиногенов, Оскоцкий и Савельев защёлкивали изнутри двери своих кабинетов. И в такой же панике, как при первом появлении тех, кого они называли “шпаной”, они бросились к телефонам за нарядом милиции, названивая Аркадию Мурашову.

Сергей Лыкошин, Борис Шереметьев, Юрий Лопусов, которых со дня захвата Союза писателей не пускали на порог этого дома, всматривались в стены коридора, увешанные портретами писателей, выполненными фотографом Николаем Кочневым – летописцем писательской организации со дня её основания. Было видно, что “отверженные” довольны тем, что всё здесь осталось, как и прежде, когда им в этих стенах вручали членские билеты.

Рядовые сотрудники, измученные неопределённостью и слухами о скором роспуске Союза, встречали прибывших приветливо, довольные тем, что писатели вновь объединяются. Следом потянулся, прихрамывая, Михалков в компании Анатолия Жукова и московского “начальника” писателей Владимира Ивановича Гусева.

Едва отдышавшись, он сообщил новость: либералы организовали свой “демократический” союз, избрали главой Юрия Черниченко и рассылают всем членам Союза писателей письма с разъяснением “фашистской” сути гусевской организации и просят присоединиться к компании Черниченко.

Едва все расселись в большом кабинете Маркова, как Сергей Владимирович, не переступавший порог “Дома Ростовых” с того дня, как младотроцкисты устроили ему допрос с пристрастием, первым делом высказал обиду в адрес “Московского комсомольца”. Он, привыкший за всю свою жизнь

к превосходным оценкам в прессе, возмущался тем, что молодёжная газета, которой он отдавал лучшие свои стихи, дала ему кличку “гимнюк”.

– Вот времена! Вот нравы!..

Мы, как могли, успокаивали его: “жёлтая газетёнка”, печатает телефоны “жриц любви”... стоит ли обращать внимание... Не знали мы тогда, что спустя некоторое время Михалков станет автором Гимна России!

Повестка дня была проголосована без особых споров. Бондарев предложил избрать меня председателем оргкомитета, а Ф. Ф. Кузнецов, поднагловший в юридических тонкостях, разъяснил: в период подготовки съезда в отсутствие легитимного секретариата и правления комитет обладает всеми правами и полномочиями законного представительства.

Пока главный бухгалтер Ковалёва и Анатолий Жуков подсчитывали, сколько потребуется денег для почти семисот уже избранных делегатов из всех республик, а главное – откуда их взять, подоспели на собрание оказавшиеся в Москве по своим делам Расул Гамзатов, Исхак Машбаш, Алим Кешоков, Мустай Карим, Ринат Мухаммадиев из Татарстана, которые продолжили дебаты.

Чтобы разрядить несколько напряжённую атмосферу, под конец заседания Юрий Лопусов решил поразвлечь нас эпиграммой на Суровцева:

– Критику Юрию Суровцеву, работающему над темой “Конец русской идеи”: “Всю жизнь закапывал он русскую идею. // Корпел, как раб, стирая пот с лица. // Уж силы нет, уж волосы редеют, // А ей, проклятой, нет и нет конца...”

4. Как Анатолий Самуилович выносил из кабинета Артёма Захаровича

Анатолий Жуков так излагает в своих записках “В центре событий” дальнейшее развитие дел.

“После полудня Черниченко собрал свою команду в конференц-зале “Дома Ростовых”. Секретариат новообразованного, “демократического” Союза писателей Москвы, членом которого Т. Пулатов не состоял, решил снять его с должности. Мотивировали это беззаконие тем, что, хотя в организации Черниченко на сегодняшний день членов раз в десять меньше, чем у “консервативного” Союза Владимира Гусева, зато в ней – самые талантливые, мировой известности писатели, “художественный цвет” столицы: А. Приставкин, Ф. Искандер, Л. Разгон, А. Нуйкин, Б. Ахмадулина, Г. Бакланов, Ю. Карякин, Т. Бек, Ю. Левитанский, а также те 157 молодых да удалых, которые чохом, списочно, были утверждены писателями. То есть опять хотят убрать неугодного им человека не по уставу и закону, а по понятиям. Позвали Пулатова из кабинета, где он обсуждал в это время с первым секретарём СП России Борисом Романовым ход подготовки к IX съезду писателей. Вместе они пошли на их собрание. Появление Романова больше всего вызвало неудовольствие присутствующих и бурное негодование самого Черниченко. “Вы что, решили с меня скальп снять? – кричал он. – Или Романов хочет вбить мне в голову свои полуфашистские идеи?!” Пулатов улыбнулся и съязвил, как он это умеет: “Разве плохо, что и в вашей голове хоть что-нибудь да будет?!”

После этих его слов сразу поставили вопрос о его освобождении и проголосовали единогласно, на что Пулатов резонно, ничуть не смущаясь этой наглой агрессивностью (знал, с кем имеет дело), заявил, что решение их неправомерно и бессмысленно. Первичная организация, хоть и московская, не может отстранить первого секретаря СП СССР, избранного Пленумом. Затем вернулся в свой кабинет и отдал под расписку каждому сотруднику аппарата приказ: не выполнять решения собрания представителей организации Черниченко, как нелегитимные...”

Пока мы с Романовым и Жуковым ждали, когда эти заморыши уберутся, явился заведующий Иностранной комиссией Олег Александрович Севергин, заменивший А. А. Косорукова, и, смущаясь, заявил, что трое его сотрудников – Стеженский, Лурье и Грейдинг – отказались поставить свои подписи под моим приказом из-за того, что Черниченко и его компания именовались в нём “путчистами”.

– Пишите рапорт об увольнении этой великолепной тройки! – протянул я Севергину бумагу.

– Слушаюсь! – воодушевлённо отреагировал Олег Александрович, написал несколько строк и засомневался: – А если суд их восстановит?

– Пишите... Пока суд да дело... и съезд наш пройдёт...

Пока я диктовал Ночвиной ещё один приказ о назначении, до утверждения на предстоящем съезде, и. о. секретарями Исполкома членов оргкомитета прозаика-мариниста, капитана III ранга Бориса Евгеньевича Шереметьева и публициста Анатолия Самуиловича Салуцкого, зав. канцелярией Нина Юсуфи положила мне на стол “апрелевскую” газету “Литературные новости”, редактируемую Эдмундом Иодковским, занимавшим стол в кабинете Оскоцкого. Комсомольский поэт-песенник, зарабатывавший себе на хлеб насущный шлягерами о строителях БАМа и других великих свершениях коммунизма, вызывал во мне неприязнь своими вечно невымытыми волосами и ногтями, которые он постоянно грыз. Надо сказать, что один из номеров своей газетки он посвятил восхвалению моего организаторского таланта. Видно, был задуман такой журналистский проект – серия портретов выдающихся демократов. Помнится, номер был об Анатолии Приставкине, ставшем председателем президентской комиссии по помилованию.

Об Анфиногенове я узнал из этой газеты, что он лично пленил семь итальянцев... Мне было жалко этого пожилого фронтовика, который при разговоре со мной часто задыхался от грудной жабы. Что ему надо в этой компании, завлекшей большого человека в водоворот своих мелких политических страстей и взаимной ненависти?..

А что Савельев из компании младотроцкистов? – Да ничего! Лишь вымещает свои подавленные начальством комплексы на сотрудниках.

У Валентина Оскоцкого – миссия идеолога “Апреля”: хитёр, сосредоточен, малословен и, как выпускник Партийной школы при ЦК КПСС, знает политическую подноготную всякого явления в природе, вплоть до засылки зловредными американцами колорадского жучка на наши сельхозгодья.

Владимир Огнев – тихой сапой прибирает к рукам самую богатую организацию в структуре Союза писателей – Литфонд. Через Тимура Аркадьевича Гайдара выходит на его сына Егора Гайдара, правую руку Ельцина, и даже, говорят, подсовывает ему проекты указов и постановлений...

Лежащий передо мной свежий номер “Литературных новостей” открывался кричащим заголовком на две полосы: “Пулатов отстранён от должности первого секретаря Союза писателей за предательство демократии”. Ниже под ёрнической припиской: “Ему дано сорок восемь часов, чтобы покинуть Москву в направлении Тмутаракани” – в подробностях излагался ход собрания под председательством Юрия Черниченко. Не знаю, подделка ли это в духе либеральных газет того времени, но сообщалось, что Евгений Евтушенко из самих Соединённых Штатов Америки прислал телефонограмму с поддержкой решения о моём освобождении...

Поздно, господа... Я уже не под острым оком смотрящих. Я в структуре, работающей над восстановлением законности, пусть даже в одной организации – Союзе писателей, среди всеобщего беззакония в Москве.

“Переиграл ты Евтушенко, – сказал мне Владимир Крупин во время нашей поездки в Болгарию, в гости к тамошним писателям. – Христопродавцы этого тебе не простят...” – Прав оказался Крупин.

Распался Советский Союз. После заключения Беловежских соглашений многие структуры бывшего СССР перестали действовать. Это я почувствовал на себе, когда зимой 1992 года оказался с писательской делегацией в Египте. Улетая туда, оставил “на хозяйстве” Бориса Шереметьева и Анатолия Салуцкого. Арабские писатели пригласили нашу делегацию ещё задолго до переворота, разрушившего СССР, и мы надеялись, что встретим в Египте обычный дружеский приём. Не тут-то было. В первый же день прилёта, выстояв очередь в Национальном банке Каира, мы узнали, что наши денежные сертификаты превратились в пустые бумажки, в “беловежки”, как мы стали их называть. Государство, обеспечивающее их золотом, перестало существовать...

Вопреки традициям арабского гостеприимства, нас, граждан без гражданства, не приняли даже в Союзе писателей Египта, зато приставили к нам кучерявого, с оливковыми глазами администратора. Исправно, с утра до вечера, сидел он с нами на гранитных ступеньках банка, пока посольские поды-

скивали меньшее по размеру здание для своей миссии. Мы были предоставлены сами себе и воле Аллаха...

Под вечер третьего дня к нам явился атташе с печальными глазами. Он вручил каждому из нас билет до Дамаска и немного сирийских фунтов. Оказывается, брат нашего сотрудника Бориса Зотова пока ещё оставался послом несуществующего СССР в Сирии и на свой страх и риск вызволил нас из “плена египетского”.

Нас в Дамаске поместили в тёплом посольском домике, но судя по связкам папок с документами и небрежно валявшимся тут и там портретам Горбачёва, здесь тоже ждали перемен.

В день отлёта местная Ассоциация писателей в память не забытой ещё советско-сирийской дружбы прислала за нами машину с водителем и гидом в одном лице – Сарваром, чтобы показать нам разрушенные израильскими оккупантами Голанские высоты.

Помню, как мы поднялись на огромную площадку руин среди поникших к земле оливковых и апельсиновых деревьев. Единственное здание, где стояли стены с пробоинами, по которым прямой наводкой была израильская артиллерия, была христианская церковь, вокруг которой хрустели под ногами осколки цветных витражей. Сарвар сказал, что церковь XII века, она выстояла, а от мечети неподалёку вообще ничего не осталось – израильтяне сравняли её бульдозерами.

Сарвар поднял большой кусок витража с изображением Богоматери, вытер рукавом и пояснил:

– Мариям умм Иса... Матерь Иисуса, – и спрятал в боковой карман куртки.

Этот осколок витража, подаренный мне Сарваром, до сих пор хранится у меня среди реликвий.

* * *

Младотроцкисты не унимались. По мере приближения IX съезда писателей действия их принимали всё более отчаянный характер.

В апрельское утро, ещё веющее уходящим холодом, зайдя во двор “Дома Ростовых”, я увидел всех наших сотрудников, переминающихся с ноги на ногу на обледенелой площадке возле памятника Льву Николаевичу.

Анфиногенов сменил охрану и велел по списку пропускать в дом лишь тех, кто не признал оргкомитет съезда, а это всего восемь человек из числа всех сотрудников.

В окне редакции журнала “Чудеса и приключения”, занимавшего правый флигель, я увидел Бориса Шереметьева. Борис Евгеньевич обзванивал писателей и просил прийти на помощь.

Вскоре к памятнику Толстому подтянулись: оргсекретарь СП России Геннадий Гусев, Юрий Лопусов, московский секретарь Владимир Гусев, Владимир Ленцов, издававший “Благотворительную библиотеку поэта”, помощники И. Ф. Стаднюка из Ассоциации баталистов и маринистов, Пётр Алёшкин из издательства “Голос”, Анатолий Салуцкий вместе с взволнованным Жуковым.

Не тратя времени на обсуждение, писатели ринулись к главному входу, сорвали замок с двери, оттолкнули двух охранников и побежали по коридорам и этажам, увлекая за собой сотрудников.

Не успел я ощутить сладость борьбы и победы, как Салуцкий ворвался в кабинет к Анфиногенову, вырвал из его рук телефонную трубку, в тот момент, когда тот кричал: “Милиция!!!” – одним рывком поднял престарелого борца с “фашизмом” на руки и ринулся к окну. Я крикнул, всерьёз испугавшись, что Анатолий Самуилович спустит Артёма Захаровича в открытое окно со второго этажа. Крик мой остудил Салуцкого. Он развернулся со своей ношей и понёс съёжившегося, вдруг ставшего с виду в два раза короче Анфиногенова по коридору, потом вниз, поставил его сбоку от памятника *непротивленца* злу Толстого во дворе и, вернувшись, сказал охранникам:

– Этого не пускать!

Те, ошеломлённые нашими чёткими действиями по освобождению здания от того, кто представлялся им главным начальником, услужливо подали ключ от моего кабинета. Шереметьев и Ленцев решили заночевать в кабинете

Анфиногенова напротив, на случай, если младотроцкисты попытаются взять реванш.

Я продиктовал взволнованной Ночвиной проект приказа об увольнении Анфиногенова, Оскоцкого, Савельева, Суровцева и почти всей Иностранной комиссии, которая теперь фактически перестала существовать.

– Не подадут ли они в суд? – высказала мнение Наталья Ивановна, хотя и чувствовалось, что она довольна таким исходом.

– Пока суд да дело, мы уже будем работать в другой организации, – ответил ей я.

Какая тяжесть свалилась у всех с плеч, когда был положен конец двоевластию!

Слабым тренчанием проснулась “вертушка”, глухо молчавшая ещё с отъезда Евтушенко.

– Что у вас произошло, Тимур Исхакович? – послышался с другого конца провода глуховатый бас прокурора Москвы Геннадия Семёновича Пономарёва.

Я кратко рассказал.

– Но ведь и Анфиногенов, и другие жалобщики тоже имеют право занимать кабинеты в “Доме Ростовых”.

– Имели. До сего дня. Пока не попытались захватить всё здание и выселить сотрудников на улицы. Рабочий оргкомитет готовит съезд. Он и решит все имущественные споры.

– Я в курсе, – устало ответил Пономарёв. – Как законник, я не имею права на эмоции, но мне жаль, что такое творится среди писателей, многих из которых я читал. Только, ради Бога, без излишних эмоций, которые отличают творческих людей от нас, грешных...

В тот день случилось ещё одно выдавливание захватчиков. Воодушевлённый успехом Анатолий Жуков позвал разгорячённых бойцов за собой в “Советский писатель”, где две комнаты незаконно занимал некто Григорьянец, устроивший в здании корпункт радио “Свобода”. По поводу его выселения мне не звонил прокурор Москвы, с которым я имел прямую связь: он всегда терпеливо выслушивал и, где возможно, старался помочь. Из-за этого среди требований младотроцкистов к Ельцину после октября 93-го года было снятие Геннадия Семёновича с должности и замена его своим человеком. Так и произошло.

А тогда облегчение после всех происшедших событий в Союзе почувствовали многие писатели, ранее обходившие за версту “Дом Ростовых”. Прослышав о подготовке к съезду, сначала потянулись к нам писатели старшего поколения – Виктор Розов, Яков Козловский, Константин Ваншенкин, Михаил Алексеев, Пётр Проскурин, многие другие. Сергей Владимирович Михалков собрал их в Совет старейшин, под эгидой которого устраивались творческие вечера, собрания фронтовиков, юбилеи, обсуждение кандидатур на повышенную президентскую пенсию для заслуженных творческих работников. Первыми в списке оказались Галина Уланова и Виктор Розов.

Но не смогли мы представить на эту пенсию поэтессу-фронтовика Юлию Друнину. Запали в память её слова, переданные Яковом Абрамовичем Козловским: “Неужели не доживу до таких дней, когда в газетах перестанут врать и извращать историю Великой Отечественной войны, а по телевизору было бы что посмотреть, кроме Аллы Пугачёвой?..” Не дожила... Закрывшись в гараже, задыхнувшись от газов включённой автомашины. Не захотела смириться с гибелью страны, которую защищала на фронте...

Старейшины возмутились, когда узнали, что мэр Лужков устроил блокаду квартиры Валентина Распутина, желая выселить одного из “идеологов ГКЧП” с законно занимаемой им жилплощади. Отключил водо- и теплоснабжение, электричество и телефон. Расул Гамзатов и его друг, переводчик Яков Козловский, заявили, что добьются приёма у Юрия Михайловича и объяснят ему, какое место занимает Распутин в отечественной литературе, и что взгляды спорят, а вот о взглядах не спорят. С коллективным письмом они отправились на приём к градоначальнику, но Лужков принять их не соизволил.

После многодневных издевательств московских властей над писателем вопрос положительно решил не кто-нибудь, а Сергей Станкевич, от которого этого меньше всего ожидали! Он, курировавший из Кремля культуру, попросил Лужкова оставить писателя в покое. Юрий Михайлович подчинился, зато приобрёл ценный опыт “коммунальной блокады”, применённый им в сентяб-

ре-октябре 1993 года, когда он, в угоду Ельцину, распорядился прекратить подачу воды и электричества в здание Верховного Совета России, где засели непокорные депутаты.

Старые писатели приходили в “Дом Ростовых”, скорее, по привычке. Организация уже не могла помочь им в издании книг, в поездках по стране и за рубеж, в получении наград и путёвок в Дома творчества. Теперь, кроме накрытого стола в конференц-зале с дешёвым вином и бутербродами да бесплатных обедов в подвальном кафе, помочь им было нечем.

С молодыми авторами было сложнее. Семинары и вечера поэзии их не удовлетворяли. Со свойственной нынешней молодёжи меркантильностью, они хотели получить рекомендации в журналы и издательства, которые, на деле, уже ушли от Союза писателей. Назначенные писателями по “списку Евтушенко” за прошедший год прекрасно сориентировались, на кого работать, кого превозносить – “новорусских” банкиров и авторитетных дельцов, финансировавших различные премии: “Букер”, “Национальный бестселлер”, “Триумф” и др.

Но несмотря на бодрые мелодии и аплодисменты во время вручения “Букера”, “Тэффи” и подобных им подачек, в стане тех, кто двадцать лет назад начинал завоёвывать литературное и информационное поле, иной раз прорывались сомнения в моральном облике служителей нового олигархата.

Прошло время, и “триумфоносцы” были замечены на шествии под названием “Контрольная прогулка” в Москве 13 мая 2012 года. Казалось, что они свернут с маршрута, выйдут из толпы и направятся к Поварской, где в Большом зале ЦДЛ будут сменять друг друга у “Свободного микрофона”, как и двадцать лет назад, когда впервые этот микрофон разнёс за пределы Дома литераторов истерические крики и призывы.

Но нет. Пока “Свободный микрофоном” пользуется сейчас новое поколение поэтов. Случайность ли это, но “Свободный микрофон” был возрождён в ЦДЛ спустя два десятилетия, аккуратно в тот месяц, когда ему была принесена первая ритуальная жертва – простой рабочий человек Смирнов-Осташвили. . .

Как бы я ни относился к писателям, кого близко узнал в Москве в 1991 году, в них был ещё жив советский романтизм. Видно это хотя бы из названия созданной ими организации, навеянного весенним месяцем, – “Апрель”. . . “Иных уж нет, а те далече! . .” И не из принципа известного исхода: “О мёртвых либо хорошо, либо ничего”, – утверждаю, что А. Приставкин, Г. Бакланов, В. Астафьев, В. Быков, Ю. Нагибин, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина и другие, справедливости ради, были намного талантливее, глубже, искреннее в своих произведениях, чем многие нынешние “букероносцы” и “триумфоносцы”, те же Б. Акунин, В. Пелевин, Д. Быков, В. Ерофеев, В. Сорокин, не говоря уж об Улицкой и прочих наших “литературных” дамах.

В том поколении писателей была страсть от пережитой войны и стремление вырваться за рамки дозволенного соцреализмом.

У этих же, писателей, постмодернистов и конструктивистов, проза “лепится” по заранее обдуманной конструкции, без страсти и духа. Они сделали вдохновение ремеслом и продуктом для продажи. И не отсюда ли их стремление захватить внимание читателя нелепым эпатажем и провокациями на культурном поле. Потому представляется, что если “Контрольная прогулка” превратится в новый “Апрель”, она будет действовать подобным же образом или ещё наглее. Впрочем, куда же наглее того, как действовали их предшественники – лауреаты Ленинских, Сталинских, Государственных премий – в октябре 1993 года?! . .

(Окончание следует)

ЮРИЙ ПАВЛОВ

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ: НЕЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

Уже в первом абзаце предисловия к книге Андрея Вознесенского “Дайте мне договорить!” (М., 2010) Анна Саед-Шах задаёт тональность разговора о поэте: его стихи были для советских школьников “глотком чистого воздуха и нездешней свободы”; Вознесенский – “самый великий поэт современности”. Подобные оценки не удивляют: они – общее место в аннотациях к книгам Вознесенского, в учебниках, в сотнях разножанровых публикаций либеральных авторов. Вот некоторые из них: “классик современной русской поэзии” (из аннотации к книге Андрея Вознесенского “СтиХХI”. М., 2006); “великий российский поэт” (из аннотации к книге А. Вознесенского “Прожилки прозы”. М., 2011); “один из крупнейших поэтов XX века” (Вознесенский А.: Я не тихушник и другим не советую. http://avos111.narod.ru/bykov_interview.htm); “поэзия Вознесенского бессмертна, как бессмертно всё великое и прекрасное, как бессмертен Петербург, как бессмертна Москва” (Жванецкий М.).

Удивляет другое – опрометчивая уверенность Быкова, с которой он заявляет: “...этого статуса (одного из крупнейших поэтов. – Ю. М.) не станут сегодня оспаривать даже заядлые его ругатели” (Вознесенский А.: Я не тихушник и другим не советую. http://avos111.narod.ru/bykov_interview.htm). Уверен, что многие никогда не согласятся с либеральной версией поэтического статуса Вознесенского. Собственно, о реальном месте стихотворца в литературе последнего пятидесятилетия и пойдёт речь в этих заметках.

Андрей Вознесенский, человек и поэт, практически не менялся на протяжении большей части своей жизни и творчества. Во многом поэтому писать о нём самом не слишком интересно и достаточно просто. Сложнее разобраться в мифах, созданных о Вознесенском.

В интервью и мемуарной прозе писателя обращает на себя внимание следующее: одни и те же события получают у него принципиально разную интерпретацию. В книге “Дайте мне договорить!” (М., 2010), якобы с подачи жены Эльдара Рязанова, Вознесенский сообщает, что именно он стал косвенной причиной уничтожения дома Ипатьевых в Свердловске в 1977 году. После посещения поэтом подвала, в котором была расстреляна царская семья, у молодёжи и интеллигенции возник интерес к этому зданию. И, как утверждает Вознесенский, “чтобы не давать пищу для дальнейшего ажиотажа, власти решили эту проблему одним махом – они взорвали дом”. Однако в интервью 2002 года стихотворец расставляет иные акценты: он не имел никакого отношения к сносу дома Ипатьевых (Ванденко А. Из интервью с Андреем Вознесенским. // Вознесенский А. “Дайте мне договорить!” М., 2010).

Общее в обеих версиях – это украденная поэтом оконная решётка и упоминание фамилии Ельцина, в то время первого секретаря Свердловского обкома КПСС, по приказу которого и был стёрт с лица земли Ипатьевский дом. ЕБН не называется, думаю, в первую очередь, потому, что в его мемуарах фамилия “Вознесенский” ожидаемо отсутствует.

Летом 1977 года Ельцин получил секретное постановление Политбюро ЦК КПСС о сносе дома Ипатьевых. Подчеркну: постановление от 4 августа 1975 года, после докладной записки за подписью председателя КГБ Юрия Андропова в ЦК КПСС от 26 июля 1975 года. В ней, в частности, говорилось: “Антисоветскими кругами на Западе периодически иницируются различного рода пропагандистские компании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в городе Свердловске <...>. Представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому партии решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города” (цит. по: <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/sudby/71382>).

Обращу внимание на то, как красиво заиграл сюжет с решёткой в книге Феликса Медведева о Вознесенском, вышедшей в серии “Лучшие биографии” (М., 2011). Фотография, где запечатлены Медведев с Вознесенским, сопровождается комментарием автора: “У меня в руке тот самый белый кейс, в котором лежит фрагмент решётки из Ипатьевского дома, последнего приюта императорской семьи. А Вознесенский буквально за день до уничтожения дома спас эту реликвию”. Но в главе, посвящённой данному событию, Феликс Медведев сообщает, что поэт был в Свердловске летом, а дом был снесён в сентябре. В прозе уже самого Вознесенского говорится, что спасение решётки (“деревянного фигурного переплёта”) отделяет от уничтожения дома “пара месяцев” (Вознесенский А. Прожилки прозы. М., 2011).

Как видим, поступок поэта (который можно назвать по-разному: шалость, кража, страсть коллекционера и так далее), не испытывавшего к Николаю II ни малейшей симпатии, под пером Медведева вырастает чуть ли не до героического действия. К тому же, в книге появились подробности, не соответствующие реальным фактам.

Данный эпизод весьма характерен для биографии Вознесенского: он и его почитатели создали мифы, которые не имеют к поэту никакого отношения. Например, Вознесенский неоднократно писал и говорил о своём неумении дружить с начальством, властью. Поэтому у стихотворца, по его словам, “дачи долго не было”, “только в конце 60-х” он получил в Переделкино домик на двух хозяев (Быков Д. и Вознесенский А. (Из интервью) // Вознесенский А. “Дайте мне договорить!” М., 2010).

Отметим, что критерием измерения дружбы-недружбы с властью является дача. Признание же Вознесенского – одно из многочисленных свидетельств его гиперэгоцентризма. Поэт, получивший госдачу примерно в тридцать пять лет, жалуется Дмитрию Быкову: “...долго не было”, “только <...> дали”... Что же должен был говорить о себе, если руководствоваться логикой Вознесенского, поэт Василий Казин, ставший соседом Андрея Андреевича в возрасте 70-ти лет?..

К тому же, если вести разговор в этом “жилищном контексте”, есть смысл напомнить другой факт из биографии стихотворца, на котором он не любил акцентировать внимание. В 1966 году, в возрасте 33-х лет, Вознесенский получил квартиру на Котельнической набережной, в доме для избранных. Соседями якобы опального поэта были лауреаты Сталинской, Ленинской и иных премий, народные артисты СССР и т. д. Даже Евгений Евтушенко, “друживший” с Андроповым, получил квартиру в этом доме только через три года.

В отличие от Дмитрия Быкова и других почитателей Вознесенского, я не могу не задать вопрос: как, по одной версии, политической диссидент, “головная боль КГБ” (Ф. Медведев), по другой – диссидент эстетический (О. Хлебников) смог получить квартиру в таком возрасте и в таком доме?

Несомненно, создателям мифов о Вознесенском мешают, прежде всего, ленинские произведения стихотворца, в первую очередь поэма “Лонжюмо”. Они по-разному пытаются либо исказить смысл его произведения, либо “оправдать” автора. Александр Щуплов уже в 2003 году всерьёз утверждал, что поэма Вознесенского “остаётся сильнейшей поэмой в гражданской лирике России, своего рода эталоном стихового патриотизма” (“Российская газета”. 2003, № 86). Другие почитатели Вознесенского часто утверждают, что “Лон-

жюмо” – вынужденный компромисс писателя с властью, ответная реакция на ругань Хрущёва во время его встречи с творческой интеллигенцией в марте 1963 года. Анна Саед-Шах выдвинула иную версию: “Может быть, была ещё свежа рана от травли любимого Учителя (Пастернака. – Ю. П.). <...> А возможно, он, как и вся страна, искренне верил, что Сталин подло исказил идеи великого Ленина? Думаю, да. Но не исключено, что он об этом вообще не думал” (цит. по кн.: Вознесенский А. “Дайте мне договорить!” М., 2010).

Довольно расхожий диагноз (“он, как и вся страна”) вызывает возражения. Во-первых, “вся”, “все” и тому подобное – никогда не бывает. И в данном случае вся страна, конечно, не верила в миф, порождённый XX съездом КПСС. Во-вторых, к чему все эти гадания Саед-Шах, если есть свидетельства самого Вознесенского?

Авторы гипотез о причинах появления “Лонжюмо” либо не знакомы с версией поэта, либо сознательно её игнорируют. Как свидетельствует Вознесенский, поэма создавалась “до и после хрущёвского ора” (Вознесенский А. “Дайте мне договорить!” М., 2010), а отношение к Ленину “копировало отношение к нему Пастернака. Поэзия выражает иллюзии народа” (там же).

Вознесенский никогда не говорил об очевидном: такими произведениями, как “Лонжюмо”, “Секвойя Ленина”, он укреплял в сознании читателей главные советские мифы, деформировал мировоззрение многих и многих сограждан, прежде всего, молодых. Не случайно названные произведения почти двадцать лет изучались в советской школе. Однако сказанное не означает, что мысли о личной ответственности Вознесенскому в голову не приходили. Приведённое выше суждение построено как ответ оппоненту, как своего рода оправдание: стихотворец верил в Ленина, искренне заблуждался вместе с Пастернаком, вместе с народом.

Эта удобная и очень популярная в XX веке позиция – идти в ногу с политической конъюнктурой – не нова, и вряд ли имеет смысл говорить о ней отдельно. Обратим внимание на другое: если Вознесенский, по его версии, копировал отношение Пастернака к Ленину, то непонятно, как в таком случае его Учитель мог быть единственным оппонентом советской системе, на чём неоднократно настаивал Андрей Андреевич.

На самом деле Борис Пастернак в своих поэмах “Девятьсот пятый год”, “Лейтенант Шмидт”, “Спекторский”, во многих стихотворениях 20–30-х годов был типично советским поэтом, сродни другим учителям Вознесенского – Владимиру Маяковскому, Семёну Кирсанову, Николаю Асееву. И эти советские традиции своих учителей в изображении человека и времени нашли продолжение в творчестве Вознесенского, в “Лонжюмо” – в первую очередь.

В поэме Ленин – идеал человека, “сердце России”, “рентген, просвечивающий нас”, который “был из породы распиливающих, // обнажающих суть вещей”, чья богоподобность раскрывается через схожие искусственные, фальшивые образы. Так, Ленин, игравший в городки во Франции, бил подобно “авроровскому фугасу”. От этих ударов “вздрагивали бисмарки”, разлетались вдребезги не только “империи, церкви”, но и “будущие берии”, “рейхстаги в 45-м”. Видимо, среди предков Вознесенского был какой-нибудь восточный акын, если судить по языку (“шарахались рейхстаги <...> наповал”) и по манере возвеличивания героя. Символично, что одно из своих программных стихотворений Вознесенский назвал “Песня акына” (1971).

Вознесенский, как и другие советские “акыны” (от его учителей до современников-шестидесятников), подчёркивал свою революционную родословную. Он, обращаясь к своему отцу, раненному на кронштадтском льду, сообщает: “Мы родились из тех метелей”. Как тут не вспомнить Булата Окуджаву с его “единственной гражданской” и Юрия Трифонова с его строками из “Отблеска костра”: “...о времени, когда всё начиналось. Когда начинались мы”.

В “Лонжюмо”, следуя всё тем же канонам социалистического реализма, автор воспекает ленинскую гвардию. Помимо традиционных в этом списке Серго Орджоникидзе и Валериана Куйбышева, поэт называет председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского. Стремясь очеловечить “кремнёвых” деятелей, Вознесенский сообщает трогательную подробность: они, спящие, “детски глаза смежили”. Конечно, о других реальных подробностях, передающих истинную сущность Менжинского, одного из самых кровавых советских палачей, стихотворец не сообщает.

В изображении противников Ленина и его гвардии Вознесенский также проявляет оригинальную неоригинальность. Ульянову, находящемуся во Франции, противопоставляются, по словам стихотворца, “настоящие эмигранты”: Николай II — “глава эмиграции” (который сравнивается с “чёртиком в колбе”), “великодержавные хари”, “рясы”, “охотнорядцы”. Здесь комментарии излишни.

Естественно, нельзя обойти стороной самые известные строки поэмы, которые привожу по книге “Дубовый лист виолончельный” (М., 1975):

*Россия,
я — твой капиллярный
сосудик,
мне больно когда —
тебе больно, Россия.*

Эти строки, вырванные из контекста, как правило, приводятся в качестве иллюстрации русскости — патриотизма поэта. Вот и Владимир Бондаренко увидел в них русскую тему, “прозвучавшую как-то искренне, напомнив о православных корнях поэта” (“Завтра”. 2010, № 23). Однако если мы рассмотрим признание Вознесенского в совокупности идей и образов, ему присущих, то станет очевидным: поэт — сосудик той ранней большевистской России, которая целенаправленно, всесторонне, безжалостно уничтожала всё русское, православное...

Тема самоидентификации поэта через его родословную получила продолжение и в других его произведениях. В числе дальних своих предков Вознесенский с нежностью называет “нигилисточку-прапракузиночку”. Обращаясь к ней, поэт с вершины кондовых советских “истин” с сочувствием сообщает: “Не готова к революции Россия, // Милая, разуй глаза” (“Старая фотография”, 1972). Нигилисточка вполне вписывалась в правильную родословную советского человека и Руси “со звездой на лбу” (образ из “Лонжюмо”).

Однако через семь лет Вознесенский написал поэму “Андрей Полисадов” — о своём прапрадеде. Он, муромский архимандрит, уже одним этим “правильную” родословную поэта сильно портил. Но и в данном случае Вознесенский остался Вознесенским: он создал образ, соответствующий раннесоветским и либеральным представлениям о достойных и недостойных людях и народах.

Во-первых, Полисадов — гордый грузин, “дух мятежный семьи Багратов” (правда, есть версии о негрузинском происхождении этого рода). Прапрадед Вознесенского стал жертвой имперской России, политики Александра I, подавившего Имеретинское восстание. Через такие характеристики героя, как “колодник”, “невольник”, “узник”, “мюрид”, “русифицированный мцыри”, Вознесенский выразил своё отношение и к несчастному предку, и к той стране, которая Полисадова на это состояние обрекла.

Во-вторых, Полисадов у Вознесенского находится в двойной “неволе”, “плене”. Являясь священником, он — “человек одинокий в соборе”, пребывающий в “каждодневном боренье” с ним. Полисадов, по версии автора, “с детства видел врага” в соборе. Вот так, господа хорошие, постоянно напоминающие о православных корнях поэта...

Поэма “Андрей Полисадов”, думаю, нравилась грузинской интеллигенции в советское время. Ещё с большим энтузиазмом она должна восприниматься в этой стране сегодня. Позиция автора произведения — это позиция грузинского националиста, ненавистника России, идейного предшественника Э. Шеварднадзе, З. Гамсахурдиа, М. Саакашвили. Уверен, поэт явно поскромничал, говоря о своей “грузинскости”:

*Ты прости мне, Грузия, что я твой подкидыш.
Я всю жизнь по глупости промолчал. Как примешь?
Бьётся струйка горная в мою кровь рванинную.
Но о крови вспомним мы, только в грядь ранимые.*

Этот взгляд на взаимоотношения России и Грузии у Вознесенского не изменился и в дальнейшем. Уже в XXI веке в интервью корреспонденту харьковской газеты он заявил: “Когда русские захватывали Кавказ, сопротивляющи-

еся вожди ушли в горы, а их детей насильно вывозили в Россию”. Однако Вознесенский в данном случае, говоря о своём предке и о Грузии, слово “Кавказ” употребляет неточно. Следует, конечно, разделять понятия “Кавказ” и “Закавказье”. К тому же, добровольное вхождение Грузии, Армении, Кабарды, Осетии и многое другое общеизвестное, не вписывающееся в миф о русском захвате Кавказа, Вознесенским игнорируются.

Возвращаясь к поэме “Лонжюмо”, замечу: уже во время перестройки Вознесенский, идя в ногу со временем, перестаёт называть Владимира Маяковского в ряду своих учителей. Однако во многих его произведениях 50–70-х годов след Маяковского очевиден, в том числе и в “Лонжюмо”. Показателен в этом отношении один из кульминационных эпизодов поэмы.

Мысль героя-скульптора об одинаковости черепов у поэтов и революционеров ретранслируется Вознесенским в общую задачу “поэтично кроить вселенную”. Она генетически восходит к известным строкам Маяковского из “Облака в штанах”: “Сегодня надо кастетом кроиться миру в черепе”. Вот и “кроились”, и “кроятся” до сих пор “в черепе” человека и вселенной поэта-революционеры разных мастей. . .

В разговоре о духовной сущности творчества Вознесенского тема религии является наиважнейшей. Сам поэт неоднократно обращался к ней в мемуарах и интервью. Он, вспоминая отпечь, собственный “кризис взросления”, замечал: “Выход был – в религиозную традицию, в литургические интонации, но это не столько моя заслуга, сколько генетическая память, которая подсказала их. Вознесенские – священнический род” (Вознесенский А. Я не тихушник и другим не советую. http://avos111.narod.ru/bykov_interview.htm).

И родословная поэта затмила суть вопроса для многих, пишущих о нём апологетические статьи. Они, подобно Дмитрию Быкову, утверждают: “Содержание его поэзии неизменно оставалось христианским, молитвенным, и это пастернаковское – хотя восходит, конечно, к истокам священнического рода. Фамилия Вознесенский просто так не даётся” (Быков Д. Пастернак. М., 2006).

Но тезис о христианском содержании творчества Вознесенского неумолимо вступает в противоречие с конкретными произведениями поэта, со всей системой ценностей, утверждаемой в них. Уже в первой поэме “Мастера” (1959) Вознесенский так формулирует своё понимание назначения поэта и поэзии:

*Художник первородный
Всегда трибун,
В нём дух переворота
И вечно — бунт.*

В поэме, как и в “Разговоре с эпитафией” (1973), Вознесенский транслирует идеи модернистского происхождения, антихристианские по своей сути. И естественно, что в “Мастерах” во враги поэта попадают как “троны”, “короны”, так и “монахи”, которые сравниваются с муравьями, пляшущими на костях. О храме же, его предназначении в “Мастерах” Вознесенский говорит как наследник Емельяна Ярославского и самых неистовых безбожников 20–30-х годов. Самые примитивно-абсурдные стереотипы советской эпохи автор вкладывает в уста царя, повелевшего,

*чтоб на площади главной
из цветных терракот
храм стоял семиглавый —
семиглавый дракон.
Чтоб царя сторожил.
Чтоб народ страшил.*

До такого человеческого и творческого убожества редко кто из поэтов опускался в 50–70-е годы XX века.

Антихристианская тема получила продолжение в поэме “Лонжюмо” (1963), где в одном ненавистном ряду, разрушаемом Лениным-городошником, стоят “империи, церкви, будущие бери”. А Кончита Аргуэльо – положительная героиня поэмы “Авось!” (1970) – изрекает следующие богохульные мысли:

*Пособи мне, как пособила б
баба бабе. Ах, Божья Мать,
ты, которая не любила,
как ты можешь меня понять?!
Как нища ты, людская вселенная,
в боги выбравшая свои
плод искусственного осеменения,
дитя духа и нелюбви!*

И при чтении “Декабрьских пастбищ”, “Монолог читателя на дне поэзии 1999”, “Вечных мальчишек” (“Ибо всё, что живо — Бог”; “Нужна хоть кому-нибудь исповедь, // как Богу, которого нету!”) каждому ясно: это мысли обезбоженного, примитивно-убогого человека. “Скука — это пост души”; “чайка — плавки Бога”; “Пахнет псиной и Новым Заветом”, “Из икон, как из будок, лаляли — // кобели, кобели, кобели!”, “Суздальская Богоматерь, // сияющая на белой стене, // как кинокассирша в полукруглом овале окошечка”, “Дерьмо каменеющее, как главы собора”; “Будь я христианином, // я б молил за атеисточку Творца”.

Конечно, почитатели поэта могут вспомнить “Чёрное ёрничество”. В последней строфе, в манере, свойственной автору, формулируется итоговая мысль:

*Поэты — рыцари чина
Светлого Образа.
Да сгинет первопричина
чёрного ёрничества!*

Видно, что Вознесенский мыслит, как примитивный атеист, объясняя “черноту” творчества поэтов внешними факторами — временем. Логика стихотворца примитивна и неубедительна:

*Когда спекулянты рыночные
прицениваются к Чюрлёнису,
поэты уходят в рыцари
чёрного ёрничества.*

Во все времена существуют “спекулянты рыночные”. И их “приценка” к чему-то высокому не оправдывает грехопадения художника. Только духовно больной стихослагатель, с изуродованной системой ценностей, мог породить такие “хохмы”. В одной из них Господь с крестом называется “Христом на воскреснике”, в другой — на вопрос, доволен ли Христос судьбою, следует ответ: “С гвоздями перебой” (“Кому на Руси жить плохо”, 1980). А все возможные разговоры об эпатаже, художественной условности и тому подобном — это циничное словоблудие, порождённое всё тем же обезбоженным сознанием.

Линия “чёрного ёрничества” осталась неизменной и в постсоветском творчестве Вознесенского, когда Россию захватили реальные, а не мифические “спекулянты рыночные”. Стихотворец продолжил свою работу по дискредитации того идеала, который формирует душу народа. “На лямках висит Иисус. // Ищет лики на небесах, // матерится, забыв про стыд” (“Жемчуг бёклинский светит блёкло”); “Жаль прокладки, увы, не лампадки, // озаряющие алтарь” (“Озеро жалости”); “гвозди — это пирсинг Христа”, “Иконы наши пирсингованы” (“Девочка с пирсингом”).

О том, что с годами отношение Вознесенского к Богу осталось прежним, свидетельствует, в частности, стихотворение “Из автореквиема” (2002). В нём через диалог героя-поэта с Господом создаётся духовный автопортрет Вознесенского. Думаю, исчерпывающе точно характеризуют и его обращения к Всевышнему, вроде: “Червонец дай. Не жмись, как вертухай!”, — и следующая моделируемая автором ситуация:

*Будь я — Господь, а Ты, Господь — поэт,
я б дал тебе сколько угодно лет.*

Андрей Вознесенский через цитату из Мандельштама выражает своё самое творчески заветное: "...только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение" (Вознесенский А. "Дайте мне договорить!" М., 2010). В этом весьма спорном утверждении, выражающем один из главных постулатов модернистов и их последователей, не случайно не говорится о главном. Без определения понятия "бытие" все слова остаются словами с невнятным, тёмным смыслом.

Механизм рождения смысла в поэзии Вознесенского точно определил его друг Василий Аксёнов: смысл появляется из "игры словом" (цит. по: Вознесенский А. "Дайте мне договорить!" М., 2010). Только о том, какие это смыслы, Аксёнов умалчивал. О другой игре в творчестве Вознесенского говорит Павел Басинский. Отталкиваясь от строки "Я – Гойя", он утверждает: "Это серьёзность, переходящая в шутовство. Но изначально поэты и были шутами. Шутами, которые на странном своём шутовском языке говорили правду королям" (цит. по: Вознесенский А. "Дайте мне договорить!" М., 2010). Иллюстрируется сия мысль выступлением Вознесенского во время известной встречи Никиты Хрущёва с деятелями литературы и искусства в марте 1963 года. К этому событию, якобы олицетворяющему противостояние поэта с системой, неоднократно обращался и сам Вознесенский, и его поклонники. Вот и в 2013 году "Новая газета" отметила 50-летие "кремлёвской порки" полосным материалом Дмитрия Петрова ("Новая газета". 2013, № 26).

Но данный эпизод никак нельзя рассматривать как проявление инакомыслия или "шутовства" Вознесенского. Выступление поэта не выходило за рамки дозволенного. Прав Станислав Куняев, утверждающий: "Истерика Хрущёва, которую он устроил Вознесенскому, <...> была полным недоразумением" (Куняев Ст. Любовь, исполненная зла... М., 2012). И далее Куняев назвал то, что роднило руководителя государства и правоверного советского поэта: ненависть к Сталину, ратование за возвращение "ленинских норм жизни", негативно-кощунственное отношение к Православию...

От обсуждения этих и других принципиальных историко-политических, философски-онтологических, духовно-религиозных вопросов почитатели Вознесенского чаще всего уходят. Они, подобно Басинскому, предпочитают выражаться отвлечённо-абстрактно: "Дело в том, что в, может, и неплохие, но эстетически затхлые советские годы Вознесенский взял и откупорил бутылку с джинном метафорической свободы. И загнать этого джинна обратно были уже не в силах ни Хрущёв, ни Брежнев, ни Андропов" (цит. по: Вознесенский А. "Дайте мне договорить!" М., 2010).

Во-первых, Хрущёв, Брежнев и Андропов, борющиеся с "джинном метафоризма" – фантазийно-смехотворная картина. Не думал, что такой серьёзный критик, как Павел Басинский, страдает болезнью Байгушева и Огрызко... Во-вторых, зачем обеднять и искажать эстетическую картину литературы 50–70-х годов? Куда Басинский дел, например, старших братьев Вознесенского: Валентина Катаева, Юрия Олешу, Семёна Кирсанова, Николая Асеева? Они свои игры с художественными тропами не прекращали никогда. В-третьих, и это главное: что конкретно привнёс в отечественную поэзию Андрей Вознесенский своим "метафоризмом свободы"?

Ответ у Басинского предельно прост и банален: стихотворец сравнил себя с Гойей, один из своих сборников назвал "неслыханно-дерзко" "Треугольная груша", "посмел сравнить портрет с аэродромом". Но всё-таки Вознесенский сравнил свой не портрет, а автопортрет, и не с аэродромом, а в аэропортом ("Ночной аэропорт в Нью-Йорке", 1961). Суть же, конечно, не в сравнениях и метафорах, а в тех смыслах, которые при помощи художественных тропов рождаются.

Проницательные критики Вадим Кожинов, Михаил Лобанов, Юрий Селезнёв и другие ещё в 60–70-е годы XX века справедливо отмечали, что на любые современные события Вознесенский откликается, как журналист, транс-

лирующий расхожие представления и идеи*. В результате во многих его стихотворениях нашли отражение личные и общественные иллюзии, полуправда и прямая неправда. Например, в стихотворении “Монолог Мерлин Монро” (1963) Вознесенский, разукрасив подробностями официальную американскую версию о самоубийстве актрисы, подвёл под неё “простое”, “человечье” обоснование:

*Я баба слабая. Я разве слажу?
Уж лучше — сразу!*

Однако задолго до кончины Вознесенского стало известно, что Монро убили. Повлияла ли эта информация на отношение поэта к своему детищу? Такой вопрос Вознесенскому многочисленные интервьюеры так и не задали. Да и сам стихотворец, человек разговорчивый, данную тему не затронул.

Не затронул он и другие неприятные для себя темы, свидетельствующие о том, что в изображении людей и событий поэт очень часто был поверхностно односторонен, предвзят, неточен. Так, продолжая разговор об убийстве-самоубийстве, можно вспомнить стихотворения “Июнь-68” (1968), “На смерть Пазолини” (1975). В первом из них в смерти президента США Кеннеди Вознесенский обвиняет абстрактных “бешеных”, во втором — убийцы известного кинорежиссёра именуются фашистами (гомосексуальную версию гибели Пазолини стихотворец предсказуемо отверг: иначе он — и как либерал, и как приятель геев — поступить не мог).

Когда же в стихах Вознесенского речь заходит об убийствах, совершённых на его родине, они оцениваются с принципиально иной позиции — коллективной ответственности народа и всей страны за индивидуальные преступления. Так, убийство известного священника (“А. Мень”, 1990) — это убийство, совершённое страной. Отсюда и вердикт Вознесенского:

*Страна, убивающая священников,
пишет себе приговор.*

Подобный подход, раннебольшевистско-либеральный по своей природе, проявляется и в “Фиалках Влада” (1995). Только смерть Листьева заставила Вознесенского задаться вопросом, ответ на который был очевиден всегда:

*Неужели над (? — Ю. П.) странюю правят
хамы на крови?*

Прекрасно понимая, какие последствия может вызвать положительный ответ на сей вопрос, поэт поступил вновь предсказуемо-правильно. В смерти Листьева он, в конце концов, обвинил не “хамов на крови”, не конкретного заказчика убийства, а весь народ, абстрактное “мы” — это те же *нечеловеки* или *недочеловеки*, которые, может быть, “людьми когда-то станут”.

Что же касается заказчика убийства Листьева, то о нём в 2003 году Вознесенский написал с явной симпатией и проникновенностью. Две строфы из “Лета олигарха”, которые я приведу, дают наилучшие представления о самом стихотворце, реальном, не имеющем ничего общего с тем образом, который создан почитателями Вознесенского:

*Весь в чёрном, как хасид,
легко ли дружить с Христом!
Под Нобеля косить!
Слыть антивеществом?
Напялив на мосла
Ставрогино тавро,
слыть эпицентром зла,
чтобы творить добро?*

* Наиболее точная и беспощадная статья о поэме Вознесенского принадлежит Анатолию Передреву: “Чего не умел Гёте”. “Октябрь”, № 5, 1968.

На первый взгляд, творчество Вознесенского многоперсонажно. В центре его произведений — Пётр Первый, Кеннеди, Хемингуэй, Пастернак, Пазолини, Ленин, Гоголь, Маяковский, Кирсанов, Мерлин Монро, Плисецкая, Шукшин, Высоцкий, Листьев... Однако очень часто не эти и многие другие известные и неизвестные реальные люди разных профессий и разных времён являются подлинными героями поэзии Вознесенского. Её настоящие герои — сравнение и метафора. Именно эти художественные тропы определяют идейно-художественную логику многих и многих стихотворений автора. Поэтому они рассыпаются на отдельные искусственные образы, сплошь являя собой набор трупов вместо органических живых художественных созданий. И, конечно, эти мертворождённые “творения” ничего не дают для понимания человека и времени.

В качестве примера приведу стихотворение “Память — это волки в поле...” полностью, чтобы не говорили: дескать, Павлов сознательно выхватил строки из контекста, исказил их смысл...

*Память — это волки в поле,
убегают, бросив взгляд, —
как пловцы в безумном кроле,
озираются назад!*

Думаю, образы убегающих, озирающихся назад волков и пловцов, плывущих безумным кролем, не приближают, а удаляют читателя от понимания феномена памяти. К тому же, человек, плывущий кролем, “озирается” не назад, а “в сторону”.

Не менее показательно стихотворение с говорящим названием “Война” (1975), которое так же процитирую полностью:

*С иными мирами связывая,
глядят глазами отцов
дети —
широкоглазые
перископы мертвецов.*

Ясно, что сей текст написан ради сравнения “дети” — “перископы мертвецов”, ни с какой стороны войну не характеризующего.

Вообще же любые смыслы — политические, исторические, философские, бытийные, духовные и другие — для Вознесенского чаще всего игра — и только. Игра, потому что на большее поэт просто не способен, о чём свидетельствуют и всё вышесказанное, и то, как легко и вольно Вознесенский жонглирует историческими фактами.

В стихотворении “Маяковский в Париже” (1964), обращаясь к своему Учителю, поэт утверждает: “Никто не пришёл на Вашу выставку”. Однако общеизвестно, что на выставку Маяковского “20 лет творчества” пришли многие его почитатели, в том числе и писатели: Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий, Михаил Светлов, Виктор Шкловский и другие. Иное дело, что не было среди посетителей тех, кого особенно ждал поэт — руководителей государства, литературы, культуры. Но это, как говорится, другая история.

Стихотворение “Увижу ли, как лес сквозит...” заканчивается развёрнутым сравнением, из которого узнаём, что “у Есенина в ногтях (под ногтями. — Ю. П.) // осталась известь штукатурки. // Как он цеплялся за косяк, // пока сознание не потухло!” “Штукатурки”, однако, под ногтями у Есенина не было. И до “косяка”, как хорошо известно, что Есенин не смог бы дотянуться. Но главное — поэта убили.

Способность стихотворца всё перепутать, навести смысловую тень на фактический плетень, проявляется и в отношении к русским классикам. Так, Пушкин попал в одну компанию с Лениным, именуемым “поэтом”. Попал при довольно странных обстоятельствах с не менее странной мотивировкой:

*как когда-то в Пушкина — в Ленина
бил отравленный пистолет!*

Комментировать подобную ахиною, думаю, нет смысла.

Ещё больше не повезло Николаю Гоголю, чьи похороны Вознесенский превратил в мерзкое шоу (“Похороны Гоголя Николая Васильича”). Стихотворец реанимировал самые нелепые сплетни и слухи о писателе, допустив при этом элементарные фактические ошибки, на что ещё в 70-е годы минувшего столетия справедливо указал Игорь Золотусский. От Гоголя и его времени в данном стихотворении нет ничего, и очевидно, что этот опус был написан ради сравнения “погружается нос мой в лицо, // точно лезвие в нож перочинный”.

Аналогичный интеллектуальный уровень демонстрирует Вознесенский и в прозе, и в интервью. Оказывается, Лермонтова “пристрелили (? – Ю. П.) не тогда, когда он писал свою публицистику, а после того, как он коснулся (? – Ю. П.) Демона и написал “Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу...” (Из интервью с Владимиром Кожемякиным. // Вознесенский А. “Дайте мне договорить!” М., 2010).

Непонятно, о какой “публицистике” идёт речь у Вознесенского, Лермонтов её не писал. “Демон” же был опубликован после смерти поэта. И, конечно, произведения, названные Вознесенским, к смерти Лермонтова не имели никакого отношения.

Не менее показательно и другое откровение Вознесенского из того же интервью: “Но если говорить о мире прошлого, когда была буржуазия, то я отношусь к ней, как и поэты Серебряного века, “И с ненавистью, и с любовью”. Так Блок говорил”.

Слова, приведённые Вознесенским, не имеют к буржуазии никакого отношения. Они адресованы в поэме “Скифы” от имени “России-сфинкса” “страшному миру” – Европе. Буржуазию же Блок на протяжении всей жизни последовательно ненавидел, что тоже общеизвестно.

Разница между Вознесенским-шутом и Вознесенским-серьёзным поэтом практически отсутствует. В своё время шутовские откровения поэта: “душа – совмещённый санузел” (“Песенка шута”); “источник света – в животе” (“Меня тоска познанья гложет...”) и другие – у многих вызвали бурно-негативную реакцию. Хотя в принципе ничего нового, неожиданного Вознесенский не сказал. Его “шутовская”, “туалетно-низовая” “правда” о человеке стоит в одном ценностном ряду с другими “правдами”, о которых уже шла речь.

Очевидно и другое: чаще всего мысли философствующего Вознесенского трудно воспринимать без недоумевающей улыбки: настолько явно примитивно-банален в своих оценках, “пророчествах”, “открытиях” автор. Приведу образчики таких – поэтических и прозаических – откровений: “Единственно возможное лекарство – // в них воды севера вдохнуть!” (В стихотворении “Отцу” (1973) речь идёт об абсурдном плане переброски стока северных рек в Каспийское море, против которого вели длительную мужественную борьбу русские писатели-почвенники. – Ю. П.) “Мир спасётся кооперацией, // корпорация души и ratio”. Здесь сразу понятно, что данное открытие сделано в период перестроечной моды на кооперативы; “Последний российский святой” (“На смерть Юрия Щекочихина”, 2003); “Лежит расстрелянная совесть – // новопреставленная Анна”; “Молитвенная журналистика // закончилась на Политковской” (“Часовня Анны Политковской”, 2006); “Бог любит удачливых... Но к России это не относилось, поскольку национальный характер, к сожалению, подразумевал саморазрушение, жизненный крах” (из интервью с Владимиром Кожемякиным. // Вознесенский А. “Дайте мне договорить!” М., 2010).

Естественно, у меня вызывает удивление давно сложившийся распространённый стереотип об интеллектуальности творчества Вознесенского. Вот и Денис Гуцко сообщил, что поэзия Вознесенского для него – это “смесь интеллектуального хулиганства и душевной беседы” (“Литературная Россия”. 2008, № 20). “Хулиганство” стихотворца очевидно. Но вот “интеллектуал” и производные от него слова, как явствует из вышесказанного, к текстам Вознесенского не применимы.

О многих “шутовских”, “серьёзных” или “шутовски-серьёзных” произведениях Вознесенского можно сказать словами Александра Твардовского: “Стихи как будто и стихи, // До правды ни словечка!”. Но всё же “словечки правды” у поэта периодически встречаются. Думаю, следующие строки из “Авось!” (1970) помогают понять тайну рождения многих и многих образов Вознесенского:

*...Принесите трубу подзорную
под названием “унитаз”
(если глянуть в её окуляры,
ты увидишь сквозь шар земной...)*

Через такие окуляры смотрел на мир и человека Вознесенский, отсюда осознанное и неосознанное бесовство большинства его текстов.

В стихотворении “Соскучился” поэт в свойственной ему ёрнической манере признаётся: “Я – совсем ку-ку!” Но в данном случае эти слова воспринимаются, если вспомнить Басинского, как “правда шута”. При чтении текстов Вознесенского, написанных в последние пятнадцать лет его жизни, неоднократно всерьёз возникает мысль, что их автор действительно “совсем ку-ку”. Щадя читателя, приведу только три примера, подтверждающее правильность самодиагноза поэта: “Купите Терафлю, // кончайте террор, б. . // Курите коноплю! //А я люблю – тебя!” (“Песенка”); “Люблю вместо молитв // отдачу сноуборда” (“Лето олигарха”); “Тебя я создал из души и праха // Для Божьих страхов, для молитв // и траханья” (“Осень Пастернака”).

И статьи, и отдельные высказывания почитателей Вознесенского наводят на мысль, что своим “кукизмом” поэт заразил и их. Так, Дмитрий Быков, поздравляя Вознесенского с 75-летием, заявляет: “Как вы держитесь столько лет! Жизнь российская – потеря ж: риск огромный, а правил нет. Ваша роль тяжела, как штанга, в непроглядной нашей зиме. Чтобы автор вашего ранга столько прожил и был в уме, и ещё сочинял при этом, не опошлившись ни на пядь...” (Быков Д. Три четверти. <http://www.ogoniok.com/5047/12/>). Но, пожалуй, в “кукизме” восхваления Вознесенского всех превзошёл Константин Кедров. При чтении его текстов постоянно вспоминается строка Вознесенского: “С ума бы не сойти”. Вот, например, какой тирадой отреагировал Кедров на строчку своего учителя “Господь, помилуй Газпром”: “Его самоирония настолько беспредельна, что перерастает в давно забытую всеми христианскую всемирную агапию – всеохватывающую любовь. Такой неистовой влюблённости в жизнь, где даже Газпрому отведена молитва, русская поэзия ещё не знала” (Кедров К. Белый урагангел Андрей Вознесенский. <http://avos111.narod.ru/keдрov.htm>).

На Вознесенского и его почитателей мистически действуют имена знаменитых современников поэта. Всех их, героев пятитомника, Сергей Чупринин отнёс к всемирной элите. И сообщил, что Вознесенский, “на самом деле, <...> консервативен в своём понимании жизни” (“Культура”. 2008, № 17–18). В данном высказывании проявилась характерная особенность наших либералов: они играют словами, точно маленькие дети, не понимая их смысла. Консервативные ценности предполагают принципиально иное отношение к жизни и к большинству из тех, кого Вознесенский и Чупринин называют всемирной элитой. Назову некоторые имена, чтобы было понятно, о ком идёт речь: Джон Кеннеди, Аллен Гинсберг, Рональд Рейган, Лиля Брик, Василий Аксёнов, Борис Березовский, Анатолий Чубайс. Дружбой или знакомством с этими людьми Вознесенский гордился. О них с разным градусом теплоты, уважения, восторга писал в стихах и в прозе, рассказывал в интервью. Так, стихотворец вспоминал, что среди его почитателей на вечере во Львовском университете был рыжий школьник, попросивший подписать книгу. Фамилия этого “мальчугана” была Чубайс. Сергей Чупринин так прореагировал на сей эпизод: “Улыбка истории? Может быть. Но среди тех, кто в девяностые реформировал Россию, нет, я уверен, никого, кто сызмалу не подзаряжался бы энергией у молодого Вознесенского” (“Культура”. 2008, № 17–18).

Критик своей похвалой на самом деле оказал Вознесенскому “медвежью услугу”, а заодно вынес ему справедливый приговор. Действительно, Егор Гайдар и Анатолий Чубайс, авторы преступных, губительных для народа и страны реформ, были почитателями Булата Окуджавы и Андрея Вознесенского. Замечу, не Достоевского, которого Чубайс, как известно, ненавидит, а Вознесенского. И в этом, уважаемый Сергей Чупринин, не только улыбка, но и приговор истории. Приговор как Анатолию Чубайсу и Андрею Вознесенскому, так и всей нашей либеральной интеллигенции.